

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Гейнц Гудернан

ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКОГО ГЕНЕРАЛА

**ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА ГЕРМАНИИ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

1939—1945

Annotation

Знаменитые воспоминания Гудериана остаются лидирующим среди правдивых и искренних повествований про то, что происходило во время Второй мировой войны в штабе германского Верховного командования. Он обрисовывает кроме того и собственную роль в создании бронетанковых войск, которые вместе с авиацией люфтваффе составляли ядро блицкрига. В своих мемуарах Гейнц Гудериан, стоявший у истоков создания танковых войск и принадлежавший к элите высшего военного руководства нацистской Германии, рассказывает о планировании и подготовке крупнейших операций в штабе Верховного командования сухопутных сил Германии. Книга является интереснейшим историческим документом, где знаменитый немецкий генерал делится своими знаниями и опытом.

-
- [Гейнц Гудериан](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Приложения](#)
 - [ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)

- 2
 - 3
-

Гейнц Гудериан

Воспоминания немецкого генерала Танковые войска Германии 1939–1945

Эти блестящие мемуары просто гипнотизируют... Это великая книга великого солдата.

Стивен А. Амброз

Знаменитые мемуары Гудериана остаются одним из самых честных и откровенных рассказов о том, что происходило в решающие моменты Второй мировой войны в штабе немецкого Верховного командования. Он описывает также и свою роль в создании бронетанковых войск, которые наряду с авиацией люфтваффе составляли ядро блицкрига. Эта книга знакомит нас с личностными качествами Гудериана, с его идеями, а также операциями бронетанковых войск против превосходящих сил противника.

Кеннет Макси, автор биографии Гудериана

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Поколению, к которому я принадлежу, пришлось волею судьбы принять участие в двух мировых войнах, закончившихся поражением моей страны. Это чрезвычайно жестокая участь, и мы, бывшие солдаты, особенно глубоко чувствуем боль и скорбь своего народа. Много лет молчали участники последней великой схватки: одни находились в плену, другие воздерживались от выступлений по иным мотивам. Между тем у наших бывших врагов, в странах-победительницах, уже появилось немало книг о второй мировой войне. Это либо воспоминания участников войны, либо — ценные труды исторического характера. Нам кажется, что после того как глубочайшие потрясения, вызванные нашей катастрофой, отошли в прошлое, наступила пора и для нас, немцев, переживших это величайшее поражение, выступить со своими воспоминаниями. Наши архивы в основном уничтожены или попали в руки противников. Это обстоятельство сильно затрудняет исторически правдивое освещение прошедших событий. Тем большее значение приобретают личные воспоминания участников войны, даже если эти воспоминания касаются лишь отдельных эпизодов и носят преимущественно субъективный характер.

Однако не только это обстоятельство заставило меня взяться за перо.

Миллионы женщин Германии отдали родине мужей и сыновей. Сотни тысяч немецких женщин, детей и стариков оказались жертвами бомбардировок авиации противника. Женщины и дети помогали строить оборонительные сооружения, работали на фабриках и заводах, в сельском хозяйстве, чтобы защитить своё отечество. Немецкие рабочие в невероятно трудных условиях продолжали неутомимо выполнять свой долг по отношению к отечеству. Немецкие крестьяне, обрабатывая свои земельные участки в суровых условиях войны, снабжали страну продовольствием до самого горького конца. Миллионы немцев, лишившись крова, либо погибли, либо вынуждены добывать кусок хлеба у иностранцев. Миллионы мужчин — цвет нашего народа — мужественно приняли смерть в борьбе с врагами, как

в течение столетий умирали немецкие солдаты, оставаясь верными до конца своему народу, своему отечеству. Все они заслуживают признательность нашего народа.

Я не имею права говорить от имени немецкого народа, но выразить благодарность, по крайней мере, своим бывшим солдатам могу. Мы знали, как необходимо поддерживать друг друга; взаимное уважение и взаимная любовь связывают нас и по сей день и будут, на что я с надеждой уповаю, связывать всегда.

Нас очень часто обвиняют в милитаризме и национализме, и этой книге, очевидно, не избежать подобных нападок определённой стороны. Для моих старых солдат, как и для меня лично, понятие милитаризм означает не что иное, как пустую игру в парады, хвастливое подражание солдатскому языку, чрезмерное увлечение солдатской выправкой, а также культивирование их в условиях гражданской жизни, — т. е. всё то, что отвергает каждый истинный солдат. Именно солдат больше, чем кто-либо иной, испытывает на себе ужасные последствия войны и поэтому как человек относится к ней отрицательно. Солдату чужда всякая мысль о честолюбивых захватнических планах и политике силы. Мы стали солдатами для того, чтобы защищать отечество, и для того, чтобы подготовить из нашей молодёжи людей честных и способных с оружием в руках оборонять свою страну, и мы охотно выполняли эти свои обязанности. Мы считали, что военная служба является для нас выполнением высокого долга, основанного на любви к своему народу и к своей стране. Национализм означает для нас эгоистическое преувеличение своей любви к отечеству и заносчивость по отношению к другим народам и расам. Нам чужды такие чувства. Мы любим свою страну и свой народ, но мы уважаем также и другие народы и присущие им особенности. Мы и в дальнейшем не будем отказываться от любви к своему отечеству, от высокого чувства национального долга. Мы не дадим смутить себя непрерывными обвинениями в национализме. Мы хотим остаться немцами и останемся ими. Мы отлично понимаем необходимость объединения Европы и готовы стать равноправным и в равной степени уважаемым членом сообщества этой потрясённой до основания части света.

Настоящая книга расскажет молодому поколению, как боролись их отцы, как отдавали жизнь за свой народ, а также напомним о тех, кто,

несмотря на бедствия и смертельную опасность, нависшие над страной, и даже несмотря на поражение её, всё же верил в нашу Германию. Ибо только таким образом принесённые тяжёлые жертвы будут оправданы, и у нас останется надежда на восстановление с божьей помощью мирной Германии.

Я далёк от мысли оправдывать или обвинять кого-либо. Я стремился писать только то, что мне пришлось пережить самому. Материалами для данной книги послужили отдельные заметки и письма, сохранившиеся, несмотря на изгнание меня из пределов родины и плен, а также сведения, полученные от моих соратников. Не исключены, конечно, отдельные пробелы, касающиеся некоторых деталей, так как событий было слишком много и их воспроизведение становится трудным после стольких лет лишений.

События, освещаемые в книге, изложены так, как они в своё время представлялись мне как командиру армейского корпуса, командиру танковой группы и командующему танковой армией. Для того, чтобы дать исчерпывающее изложение всего хода второй мировой войны, нужны соответствующие материалы.

Считаю своим долгом выразить глубокую признательность барону фон Либенштейну, господам Гелену, Шереру, фон Шеллю, барону фон Штейну и барону Фрейтагу фон Лорингхофену унд Веке за дружескую помощь, оказанную мне при составлении настоящей книги.

Гейнц Гудериан

Глава I

СЕМЬЯ, ЮНОСТЬ

Я родился 17 июня 1888 г. в Кульме (Хелмно) на Висле. Мой отец Фридрих Гудериан, обер-лейтенант 2-го Померанского егерского батальона, родился 3 августа 1858 г. в Гросс — Клоне, округа Тучель. Моя мать Клара (урождённая Кирхгоф) родилась 26 февраля 1865 г. в Немчике, округа Кульм. Оба мои дедушки были помещиками, все остальные известные мне предки были либо помещиками, либо юристами и проживали в области Варта, в Восточной или Западной Пруссии. Отец был первым кадровым офицером в нашем роду. 2 октября 1890 г. родился мой брат Фриц. В 1891 г. военная карьера привела моего отца в Кольмар (Эльзас), где я поступил в школу, как только мне исполнилось 6 лет. В декабре 1900 г. отец был переведён в Санкт-Авольд (Лютарингия), а так как в этом небольшом городке не было средней школы, то родители оказались вынужденными отправить обоих сыновей учиться в другой город. С скромные средства родителей, а также желание моё и моего брата стать офицерами послужили причиной того, что для продолжения нашего образования был выбран кадетский корпус. 1 апреля 1901 г. я и брат были приняты в кадетский корпус для младшего возраста, находившийся в Карлсруэ, а 1 апреля 1903 г. я был переведён в кадетский корпус для старшего возраста в Гросс-Лихтерфельде вблизи Берлина. Через два года сюда же поступил и мой брат. В феврале 1907 г. я сдал экзамен на аттестат зрелости.

С чувством глубокой благодарности и уважения вспоминаю о своих тогдашних начальниках и воспитателях. Методы воспитания в кадетском корпусе были, конечно, военными — строгими и несложными, однако основывались они на доброте и справедливости. В преподавании следовали программе реального училища; в этом отношении кадетский корпус нисколько не отставал от соответствующих гражданских учебных заведений, он дал нам основательные познания, необходимые в жизни.

В феврале 1907 г. я был направлен в качестве фенриха в 10-й Ганноверский егерский батальон, стоявший в Биче (Лотарингия). Командиром батальона до декабря 1908 г. являлся мой отец. Это счастливое обстоятельство дало мне возможность после шестилетней разлуки вновь поселиться вместе с родителями. По окончании военного училища в городе Мец, в котором я учился с апреля по декабрь 1907 г., 27 января 1908 г. мне было присвоено звание лейтенанта.

В течение нескольких лет, вплоть до начала первой мировой войны, я жил счастливой жизнью лейтенанта. 1 октября 1909 г. егерский батальон, в котором я служил, был переведён в район своего формирования с Гослар (провинция Ганновер). Там я был помолвлен с Маргаритой Герне, ставшей 1 октября 1913 г. моей женой и верной подругой, которая в течение многих лет шла со мной по извилистому и не всегда лёгкому пути солдата. Наша счастливая жизнь была прервана войной, разразившейся 2 августа 1914 г. В течение последующих четырёх лет мне лишь изредка удавалось во время коротких отпусков навещать семью. 23 августа 1914 г. у меня родился сын Гейнц Гюнтер, а 17 сентября 1918 г. второй сын — Курт.

В начале войны умер мой любимый отец, который после тяжёлой операции был вынужден 14 мая 1914 г. выйти в отставку. Отец являлся для меня образцом человека и солдата. Мать пережила отца на шестнадцать лет и умерла в марте 1931 г.

После окончания войны, начиная с 1918 г., я служил в войсках, охранявших восточные границы, — сначала в Силезии, а затем в Прибалтике. Подробные сведения о прохождении моей военной службы приведены в биографической хронике, помещённой в конце книги. До 1922 г. я служил в основном в штабе округа и в министерстве рейхсвера, специализируясь преимущественно по пехоте, однако служба в 3-м телеграфном батальоне в Кобленце, а также служба в различных радиотелеграфных подразделениях в начале первой мировой войны дала мне возможность приобрести некоторые знания, весьма пригодившиеся в дальнейшем, при создании нового рода войск.

Глава II

СТАНОВЛЕНИЕ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК ГЕРМАНИИ

В период между двумя войнами я занимался главным образом организацией бронетанковых войск Германии. Хотя по военному образованию я являлся пехотинцем и не имел никакого технического образования, судьба надолго связала меня с деятельностью, имевшей отношение к моторизации войск.

После возвращения из Прибалтики осенью 1919 г. и непродолжительной службы в 10-й бригаде рейхсвера в Ганновере я был назначен в январе 1920 г. командиром роты егерского батальона в Госларе, в котором служил до войны. О возвращении на службу в генеральный штаб, к корпусу офицеров которого я принадлежал до осени 1920 г., я и не помышлял, так как мой отъезд из Прибалтики был связан с затруднениями служебного характера, кроме того, у меня не было почти никаких перспектив сделать военную карьеру в урезанных штатах стотысячного рейхсвера. Я был поражён, когда осенью 1921 г. мой командир полка полковник фон Амсберг спросил у меня, не желаю ли я возвратиться на службу в генеральный штаб. Я дал своё согласие, но некоторое время мне ничего не сообщали, и лишь в январе 1922 г. меня вызвал к себе обер-лейтенант Иоахим фон Штюльпнагель, работавший в управлении войск министерства рейхсвера, и спросил, почему я до сих пор не отправился в Мюнхен. От него я узнал, что командование намеревается перевести меня в инспекцию военных сообщений, в отдел автомобильных войск, так как инспектору, генералу фон Чишвитцу, нужен офицер генерального штаба. Он добавил, что в министерство рейхсвера меня переводят с 1 апреля и что мне даётся возможность к этому сроку практически ознакомиться с работой автомобильных войск, для чего я получаю командировку в Мюнхен, в

7-й Баварский автомобильный батальон, куда мне и надлежит немедленно отправиться.

Обрадованный новым назначением, я немедленно отбыл в Мюнхен и явился к командиру батальона майору Лутцу, с которым мне довелось работать вместе несколько лет. Нас связывала не только совместная работа, я относился к нему с искренним уважением, а он ко мне — с исключительной благосклонностью.

В Мюнхене меня прикомандировали к 1-й роте, которой командовал профессиональный лётчик Виммер. Майор Лутц сообщил мне, что в министерстве на меня будет возложена задача разработать вопрос об организации и использовании автомобильных войск. В Мюнхене я должен был заниматься главным образом подготовкой к выполнению указанной задачи. Майор Лутц и капитан Виммер сделали всё для того, чтобы я мог подробно изучить организацию работы в батальоне.

1 апреля 1922 г. я явился в Берлин к генералу фон Чишвитцу за получением указаний относительно своей новой службы в министерстве рейхсвера. Он сообщил мне, что первоначально предполагал использовать меня для разработки вопросов применения автомобильных войск. Однако начальник его штаба майор Петтер решил поручить мне изучение ряда других вопросов, касающихся автомастерских, бензоскладов, специальных сооружений, штатов технического персонала, а также автомобильных перевозок. Я был весьма удивлён этим и сообщил генералу, что совершенно не подготовлен к разработке этих преимущественно технических проблем и что для руководящей работы в данной области не имею необходимых познаний. Генерал фон Чишвитц ответил мне, что сначала предполагал использовать меня именно так, как передавал через майора Лутца, однако начальник штаба доказал ему, что согласно положению о военном министерстве Пруссии от 1873 г. (которое, конечно, дополнялось рядом других распоряжений) распределением кадров занимается не инспектор, а начальник штаба; поэтому он, генерал, к сожалению, ничего не мог изменить, но будет стараться привлекать меня также к участию в разработке намеченных им вопросов. Моя просьба об откомандировании меня в егерскую роту была отклонена.

Итак, меня перевели на работу в области техники, с чем мне пришлось смириться.

Мой предшественник не оставил после себя ничего ценного, кроме нескольких незаконченных документов. Дружескую поддержку нашёл я лишь в лице некоторых старых чиновников военного министерства, знакомых с деловыми бумагами и знающих технику делопроизводства. Моя новая работа была весьма поучительной и полезной для моего дальнейшего совершенствования, однако наиболее ценным оказалось порученное мне генералом фон Чишвитцем изучение проблемы переброски войск на автомашинах. Благодаря этой работе, которой предшествовали небольшие практические занятия в Гарце, я впервые ознакомился с возможностями использования моторизованных войск. Теперь я мог иметь по этому вопросу собственное суждение.

Генерал фон Чишвитц чрезвычайно критически относился к моей деятельности; обращая особое внимание на точность, он не пропускал ни одной моей ошибки, чем помог мне приобрести необходимые знания.

В первой мировой войне часто применялись переброски войск на автомашинах, однако они всегда осуществлялись в условиях позиционной обороны, и не было ни одного случая, чтобы при ведении манёвренной войны они проводились непосредственно в сторону противника. Для неукреплённой Германии казалось невероятным, что будущая война начнётся именно как война позиционная, с устойчивой линией фронта, поэтому мы были вынуждены считаться с необходимостью ведения подвижной обороны. Проблема переброски моторизованных войск в условиях манёвренной войны сразу же вызвала необходимость организации охранения этих перебросок. Эффективное охранение могло осуществляться только бронетанковыми средствами. И вот я начал изучать историю, стремясь ознакомиться с опытом использования бронированных машин. Так, я познакомился с молодым обер-лейтенантом Фолькгеймом, который обработал имевшиеся незначительные данные о применении немцами в период, первой мировой войны небольших бронетанковых подразделений, а также с данными об использовании противником более крупных бронетанковых сил. Эти данные имели определённую ценность для нашей небольшой армии. Фолькгейм снабдил меня некоторой литературой, и я получил возможность приступить к изучению ещё слабо разработанной теории использования бронетанковых войск.

Наиболее богатый опыт в этой области имели англичане и французы. Я достал необходимую литературу и начал её штудировать.

Это были преимущественно английские статьи и книги Фуллера, Лиддл Гарта и Мартеля, которые меня чрезвычайно заинтересовали и обогатили мою фантазию. Эти дальновидные специалисты уже в тот период хотели превратить бронетанковые войска в нечто более значительное, чем вспомогательный род войск для пехоты. Они ставили танк в центр начинающейся моторизации нашей эпохи и являлись, таким образом, крупными новаторами в области разработки современных методов ведения войны.

В стране слепых одноглазый — король. Так как никто, кроме меня, данной проблемой не занимался, то вскоре я прослыл специалистом. Этому способствовали небольшие статьи, публиковавшиеся время от времени мной в газете «Милитэр-Вохенблат», редактор которой генерал фон Альтрок неоднократно навещал меня, побуждая к сотрудничеству в газете. Он был истинным солдатом и охотно предоставлял страницы газеты для статей по наиболее актуальным военным вопросам современности.

Сотрудничество в газете дало мне возможность познакомиться с австрийцем Фрицем Хайглем, автором «Справочника танкиста», который пользовался некоторыми моими советами по тактическим вопросам.

Зимой 1923/24 г. под моим руководством была проведена военная игра на тему «Использование моторизованных войск во взаимодействии с авиацией». Руководство игрой мне было поручено подполковником фон Браухичем — будущим главнокомандующим сухопутными силами Германии. Игра была одобрена отделом боевой подготовки. Мне было предложено стать преподавателем тактики и военной истории. После соответствующего экзамена я был направлен в так называемую «учебную» командировку. Осенью 1924 г. я прибыл в штаб 2-й дивизии, находившийся в Штеттине (Щецин), которой в то время командовал генерал фон Чишвитц, снова ставший моим начальником.

До переезда в Штеттин я под руководством полковника фон Натцмера, заменившего Чишвитца на посту инспектора автомобильных войск, провёл ряд тактических занятий на тему использования бронетанковых войск совместно с кавалерией для ведения разведки. Во

время занятий мы пользовались лишь неуклюжими бронемашинами, которые нам разрешено было иметь по Версальскому мирному договору. Хотя эти машины из-за своего большого веса были в состоянии двигаться в основном только по дорогам, я был удовлетворён результатами занятий и при подведении итогов выразил надежду, что теперь автомобильные войска будут выведены из подчинения органов тыла и станут боевыми частями. Однако мой инспектор придерживался противоположного мнения и в ответ на мои высказывания бросил реплику: «К чёрту боевые части! Пусть перевозят муку».

Итак, я прибыл в Штеттин, чтобы преподавать тактику и военную историю офицерам, предназначенным для работы в генеральном штабе. Новая служба требовала много работы; перед своими весьма критически настроенными слушателями мне приходилось ставить хорошо продуманные задачи, всесторонне оценивать решение этих задач и делать ясные выводы. В преподавании военной истории я уделял значительное внимание кампании Наполеона 1806 г. К изучению этой кампании в Германии до этого относились с пренебрежением, так как она закончилась чувствительным поражением; между тем с точки зрения ведения манёвренных операций она довольно поучительна. Далее я уделил внимание истории боевых действий немецкой и французской кавалерии осенью 1914 г. Детальное изучение данного вопроса оказалось чрезвычайно полезным для дальнейшего развития моих тактических и оперативных взглядов, так как это ещё больше укрепило меня во мнении максимально использовать элемент подвижности в войне.

В процессе тактических занятий и военных игр я при всяком удобном случае старался изложить перед слушателями свои взгляды. Мой непосредственный начальник майор Херинг обратил на это внимание, что и отметил в данной мне аттестации.

После трёх лет преподавания я снова был направлен в министерство рейхсвера, где стал работать в отделе военных перевозок управления войск, начальником которого был полковник Хальм, а затем подполковники Вегер и Кюне. Отдел военных перевозок подчинялся в то время оперативному отделу. Мне было поручено составить реферат, в котором я должен был изложить свои взгляды на возможности переброски войск автотранспортом. Управлению войск казалось тогда возможным производить крупные переброски частей и соединений

нормального состава на обычных грузовых машинах. Никаких других транспортных средств у нас в тот период не было. При изучении этого вопроса мы столкнулись с рядом трудностей, вытекавших из свойств данного вида транспорта. Французы в период первой мировой войны производили подобные переброски войск, в частности во время сражения под Верденом; однако они осуществлялись за неподвижной линией фронта, а в подобных условиях не требовалась немедленная доставка к месту назначения всего принадлежащего дивизии конного транспорта и особенно артиллерии. Когда же встал вопрос о возможности переброски автотранспортом целых дивизий вместе со всеми их тылами в условиях манёвренной войны, стало очевидным, что для этого потребуется огромное количество грузовых автомашин. По этому поводу у нас развернулись горячие споры, причём сомневавшихся было больше, чем веривших.

Осенью 1928 г. полковник Штоттмейстер из учебного отдела автомобильных войск обратился ко мне с просьбой взять на себя преподавание тактики танковых войск его слушателям. Мои начальники из управления войск согласились на то, чтобы я взял на себя эту дополнительную работу. Таким образом, я снова стал заниматься танками, правда, пока только теоретически. Однако мне не доставало практических знаний в этой области, к тому времени я ещё ни разу не побывал внутри танка. Теперь же мне предстояло преподавать дисциплину, имеющую непосредственное отношение к танкам. Тщательная подготовка к занятиям потребовала от меня серьёзного изучения различных источников.

Теоретическая разработка вопроса теперь уже не представляла таких трудностей, как в первое время моя работа в министерстве рейхсвера, потому что к этому времени уже появилась богатая литература о прошедшей войне, а в иностранных армиях были даже изданы соответствующие наставления. Для практических занятий использовались макеты танков. Первоначально макеты были обтянуты парусиной и перемещались людьми, а в дальнейшем делались из жести и передвигались с помощью мотора. Мы проводили такие занятия и совместно с пехотой, в частности с подразделениями 3-го батальона 9-го пехотного полка, которым последовательно командовали подполковники Буш и Лизе. Во время этих учений я познакомился со своим будущим коллегой Венком, бывшим тогда адъютантом 3-го

батальона. Мы занимались с ним систематически, изучая действия в бою одиночных танков, танковых взводов, рот и батальонов,

Хотя возможности для проведения практических занятий были довольно ограниченными, тем не менее мы постепенно получали довольно ясное представление о перспективах использования танков в современной войне. Особенно плодотворной для работы моей фантазии явилась моя четырёхнедельная командировка в Швецию, во время которой я имел возможность практически ознакомиться (во время манёвров) с последним образцом немецкого танка LK II, использовавшегося в период войны.

По пути в Швецию мы с женой побывали в Дании, где приятно провели несколько дней в Копенгагене и его окрестностях.

Глубокое впечатление произвели на нас прекрасные скульптуры Торвальдсена. Сидя на террасе замка Хельсиньор, мы вспоминали слова Гамлета:

Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось вашим мудрецам.

Лучи солнца окрашивали бронзовые стволы пушек в зеленоватый цвет. Это была великолепная картина.

Дальнейший путь от Мотала до Стокгольма мы совершили на пароходе. По дороге остановились, чтобы осмотреть красивую старинную церковь Врета. На следующий день мы увидели великолепные здания Стокгольма — этой северной Венеции.

Я был направлен во 2-й гвардейский батальон. Его командир полковник Бурен принял меня весьма любезно. Меня прикомандировали к роте, которой командовал капитан Клингспор; с ним у меня установилась прочная дружба, продолжавшаяся до самой его преждевременной смерти.

Шведские офицеры, с которыми нам приходилось иметь дело, встретили нас, немецких офицеров, весьма гостеприимно. Во время тактических занятий нас очень тепло принимало местное население, предоставившее нам квартиры.

Мы посетили тещу капитана Клингспора — мадам Гедерлунд в её чудном замке, расположенном у самого моря. Мадам Гедерлунд владела заводом, вырабатывавшим превосходный шведский пунш, которого мы

вдоволь отведали. Посетили королевское имение Тюльгарн, которым управлял офицер запаса по фамилии Багер, служивший ранее в танковом батальоне. Вместе с полковником Бурен ездили на охоту. В Скансене посетили театр, расположенный под открытым небом, осмотрели картины известного художника Лильефорса.

В Дроттнингхольме нам показали кожаные обои из дворца Валленштейн в Праге, «спасённые» великим шведским королём Густавом Адольфом во время Тридцатилетней войны. Тогда мы смеялись над этим странным термином, когда кастелян объяснял значение этих прекрасных обоев. Теперь же можно сказать, что действительно некоторые из этих сокровищ были спасены, ибо в противном случае они едва ли избежали бы уничтожения во время второй мировой войны. К их числу принадлежит «Кодекс Аргентеус», помещённый под стеклом за фиолетовой шёлковой занавесью в университетской библиотеке города Упсала. Вблизи этого бесценного документа я обнаружил библию, которую король Генрих III подарил кафедральному собору города Гослар. Она также принадлежит к числу спасённых сокровищ из более чем 250 ограбленных Густавом Адольфом немецких городов.

До сих пор я с большим удовольствием вспоминаю поездку в Швецию, оказавшуюся для меня весьма полезной.

В том же 1929 г. я пришёл к выводу, что одни танки или танки, приданные пехоте, не могут иметь решающего значения. Изучение военной истории, итогов манёвров в Англии и собственного опыта убедили меня в том, что танки могут быть использованы наиболее эффективно лишь тогда, когда всем остальным родам войск, поддерживающим танки, будет придана такая же скорость и проходимость. Танки должны играть ведущую роль в соединениях, состоящих из различных родов войск; все остальные рода войск обязаны действовать в интересах танков. Поэтому необходимо не танки придавать пехотным дивизиям, а создавать танковые дивизии, в состав которых должны входить различные рода войск, обеспечивающие эффективность действий танков.

Во время командирских занятий на местности, проводившихся летом 1929 г., руководя одной из групп, я принял за основу танковую дивизию. Занятия прошли успешно, и я был уверен, что нахожусь на правильном пути. Однако новый инспектор военных сообщений

генерал Отто фон Штюльпнагель запретил мне оперировать во время занятий танковыми соединениями, так как он считал, что танковая дивизия является утопией. Я мог говорить только о танковых полках.

Осенью 1929 г. начальник штаба инспекции автомобильных войск полковник Лутц, бывший мой мюнхенский покровитель, спросил меня, не желаю ли я стать командиром автомобильного батальона. Я дал согласие и с 1 февраля 1930 г. был назначен командиром 3-го прусского автомобильного батальона, расположенного в Берлин-Ланквитце. Батальон состоял из четырёх рот: 1-я и 4-я роты находились вместе со штабом батальона в Берлин-Ланквитце, 2-я рота — в учебном лагере Доберитц-Эльсгрунд, а 3-я рота — в Нейссе (Ныса), 4-я рота была выделена из состава 3-го обозного батальона. После того как я принял подразделения своего батальона, полковник Лутц оказал мне содействие в переформировании последнего, 1-я рота была снабжена бронемашинами, а 4-я — мотоциклами; таким образом, две роты могли стать ядром будущего моторизованного разведывательного батальона, 2-я рота была выделена как танковая и снабжена макетами танков; 3-я рота предназначалась в качестве противотанковой, поэтому была снабжена деревянными макетами пушек. Хотя 1-я рота и имела старые бронемашины, разрешённые нам Версальским договором, однако во время занятий мы в целях экономии моторесурсов пользовались макетами. Одна только мотоциклетная рота имела настоящее вооружение — пулемёты.

С большим рвением приступил я к практическим занятиям со своими импровизированными подразделениями, радуясь, что наконец-то стал до известной степени полновластным хозяином подразделения. Офицеры и рядовой состав занимались с большим воодушевлением, так как эти занятия внесли некоторую свежесть в затхлую атмосферу нашей армии. Но со стороны своих начальников я не встречал должного понимания. Например, инспектор военных сообщений так мало верил в этот ещё совсем молодой род войск, что запретил нам проводить в учебном лагере занятия совместно с другими батальонами. В манёврах 3-й дивизии, в состав которой входил наш батальон, нам разрешили принять участие только одним взводом.

Исключение составлял наш командир дивизии Иоахим фон Штюльпнагель, который в своё время сообщил мне о моей командировке в Мюнхен. Этот образцовый генерал проявлял большой

интерес к нашим занятиям и чутко реагировал на запросы нашего подразделения, оказывая значительную помощь. К сожалению, генерал весной 1931 г. решил выйти в отставку из-за каких-то неприятностей с министерством рейхсвера. Той же осенью ушёл в отставку и наш инспектор генерал Отто фон Штюльпнагель. Когда я прощался с ним, он заявил мне: «Вы слишком напористы. Но поверьте мне, что ни я, ни вы не доживём до того времени, когда у немцев будут свои танковые силы». Скептицизм парализовал силы этого умного человека. Он понимал значение проблемы, но не знал, как её решить.

Вместо него инспектором был назначен генерал Лутц, занимавший до того пост начальника его штаба. Это был умный человек, обладавший обширными техническими знаниями и большими организаторскими способностями. Признавая преимущества выработанных мною тактических принципов, он полностью встал на мою сторону.

Генерал Лутц назначил меня с осени 1931 г. своим начальником штаба. С этого времени начался период упорной борьбы за создание танковых войск, закончившейся в конечном счёте нашей победой.

Для нас было ясно, что будущая структура бронетанковых войск должна способствовать их использованию для решения оперативных задач. Поэтому организационной единицей могла быть только танковая дивизия, а в дальнейшем — танковый корпус. Задача состояла теперь в том, чтобы убедить представителей других родов войск, а также руководство армии, что наш путь является правильным. Сделать это было трудно, так как никто не верил, что автомобильные войска, относившиеся к службе тыла, могут быть использованы в тактических и даже в оперативных целях. Старые рода войск, прежде всего пехота и кавалерия, считались основными. Пехоту всё ещё называли «царицей полей». Так как Германии было запрещено иметь бронетанковые войска, никто не мог собственными глазами увидеть столь расхваливаемое новое боевое средство, а наши макеты танков из жести вызывали во время манёвров насмешливые замечания участников первой мировой войны. Иногда нас просто жалели, не принимая наши занятия всерьёз. В лучшем случае допускали, что бронетанковые войска могут стать вспомогательным родом войск для пехоты, но никто не считал их новым самостоятельным родом войск.

Особенно упорная борьба разгорелась у нас с инспекцией кавалерии. Мой генерал спросил у кавалеристов, какую роль они отводят в будущем кавалерии: будет ли она выполнять разведывательные или боевые задачи? Инспектор кавалерии генерал фон Гиршберг ответил, что, по его мнению, кавалерия будет выполнять задачи боевого характера, а от выполнения задач по ведению оперативной разведки он отказывается в пользу автомобильных войск. Поэтому мы и решили готовить наши бронеразведывательные батальоны для выполнения этих задач. Одновременно мы стремились к тому, чтобы были созданы и танковые дивизии. Наконец, мы считали необходимым, чтобы в каждой пехотной дивизии был создан моторизованный противотанковый дивизион, так как, по нашему убеждению, для эффективной защиты от танков необходимо иметь оружие, скорость передвижения которого была бы равной скорости танков.

Генерал Кнохенгауэр, в прошлом пехотинец, сменивший генерала фон Гиршберга, не собирался уступить нам позиции, от которых кавалерия уже отказалась. Из имевшихся в тот период трёх кавалерийских дивизий он создал кавалерийский корпус, намереваясь снова возложить на кавалерию задачи ведения оперативной разведки, используя при этом наше детище — танковые подразделения. По его мысли, приход в наши новые подразделения офицеров-кавалеристов должен был оказать на них благотворное влияние. Однако между нами и кавалеристами происходили горячие дискуссии, нередко принимавшие слишком острые формы.

В конце концов новые идеи восторжествовали: мотор победил лошадь, а пушка — пику.

Наряду с вопросами организации и использования бронетанковых войск уделялось много внимания подготовке материальной части, с помощью которой мы хотели воплотить наши идеи. В этой области уже была проделана некоторая предварительная работа. С 1926 г. за границей работала опытная станция, где проводились испытания немецких танков. Управление вооружения армии сделало заказ различным фирмам на производство двух типов средних танков и трёх типов лёгких танков. Было выпущено по два танка каждого типа.

Таким образом, мы получили в общей сложности десять танков. Средние танки были вооружены 75-мм пушками, а лёгкие танки — 37-

мм пушками. Опытные танки имели броню не из стали, а из литого железа. Скорость движения всех этих машин не превышала 20 км/час.

Капитан Пирнер, отвечавший тогда за проектирование танков, стремился воплотить в конструкцию танков ряд современных требований, таких, как газонепроницаемость, проходимость, круговой обстрел из башенной пушки и пулемёта, достаточно большой клиренс, манёвренность и т. п. Это ему в значительной степени удалось осуществить. Не совсем удачно было оборудовано место для командира танка, которое находилось в передней части машины, рядом с местом водителя; командир танка был лишён всякой возможности вести наблюдение в направлении, обратном ходу танка, и имел чрезвычайно ограниченные возможности для наблюдения в стороны от направления движения, поскольку этому мешали гусеницы и слишком глубокое расположение сиденья. Танки в то время ещё не были снабжены радиостанциями. Хотя танки, выпущенные в двадцатых годах, были в техническом отношении более совершенными, нежели танки периода первой мировой войны, всё же в тактическом отношении они далеко не отвечали тем требованиям, какие предъявлялись к ним в свете новых веяний. Опытные образцы танков нельзя было запускать в серийное производство, требовалось проектирование новых типов танков.

В то время у нас считали, что для вооружения танковых дивизий нужно иметь два типа танков: лёгкий танк, вооружённый бронебойной пушкой, а также башенным и курсовым пулемётами, и средний танк, вооружённый пушкой более крупного калибра и такими же пулемётами. В каждом танковом батальоне предполагалось вооружить лёгкими танками три роты и средними — одну. Последняя предназначалась для поддержки рот лёгких танков.

По вопросу о калибре орудий наше мнение разошлось с мнением начальника управления вооружения и инспектора артиллерии, которые считали, что лёгкому танку вполне достаточно иметь пушку калибра 37 мм, в то время как я полагал, предвидя усиление брони танков иностранных армий, что на лёгком танке нужно иметь пушку калибра 50 мм. Однако ввиду того, что пехота была вооружена тогда 37-мм противотанковой пушкой, я и генерал Лутц были вынуждены в целях упрощения производства согласиться на вооружение лёгких танков 37-мм пушкой. Нам, правда, удалось договориться об изготовлении башни лёгкого танка такого диаметра, чтобы он допускал в дальнейшем

установку на нём пушки калибра 50 мм. Средние танки было решено вооружить пушкой калибра 75мм. Общий вес танка не должен был превышать 24 т. Исходным пунктом для установления этих данных служила грузоподъёмность мостов на дорогах Германии. Скорость танков была определена в 40 км/час. Экипаж как лёгкого, так и среднего танка должен был состоять из пяти человек — командира танка, наводчика, заряжающего, водителя и радиста. Наводчик и заряжающий должны были находиться во вращающейся башне, а для командира танка предполагалось устройство отдельной небольшой командирской башни, над местом наводчика, дающей возможность вести круговое наблюдение; впереди находились места водителя и радиста. Командование экипажем должно было осуществляться по ларингофону. Связь между танками должна была осуществляться по радио.

При сравнении этих требований к конструкции танков с требованиями, предъявлявшимися к ранее упомянутым опытным образцам, становилось ясным, что они исходили из новых установок о тактическом и оперативном использовании танков. Было также ясно, что пройдёт несколько лет, прежде чем танки новой конструкции будут пригодны для боевых действий. Поэтому мы считали необходимым создать пока такие танки, которые могли бы быть использованы для учебных целей. Мы остановили свой выбор на учебном танке, смонтированном на шасси Карден-Ллойд, закупленных в Англии и предназначенных для установки 20-мм зенитной пушки. Этот тип учебного танка допускал лишь установку пулемётов во вращающейся башне. Такие танки, получившие обозначение Т-I, могли быть изготовлены к 1934 г. и использованы в качестве учебных машин до того времени, пока не будут готовы боевые танки. Никто, конечно, не думал в 1932 г., что с этими небольшими учебными танками нам придётся в один прекрасный день вступить в бой с противником.

Ввиду того, что производство основных типов танков затянулось на большее время, чем мы предполагали, генерал Лутц принял решение построить ещё один промежуточный тип танка, вооружённого 20-мм автоматической пушкой и одним пулемётом. Производством этих танков, получивших обозначение Т-II, занималась фирма МАН. Летом 1932 г. в учебных лагерях Графенвер и Ютербог впервые под руководством генерала Лутца были проведены учения усиленных

пехотных полков с участием танковых батальонов, имевших, конечно, только макеты танков. На манёврах, проводившихся в том же году, впервые после заключения Версальского договора участвовали немецкие бронеавтомобили, представлявшие собой временный тип на шасси трёхосного грузовика, облицованного стальной бронёй. Школьники, которые прежде протыкали наши макеты своими карандашами, чтобы заглянуть внутрь, были поражены новыми бронемашинами так же, как и пехотинцы, привыкшие раньше обороняться камнями от презираемых ими танков. Штыки также были бесполезны для борьбы с бронёй.

Эти манёвры доказали возможность боевого применения моторизованных и танковых частей и подразделений. Командование кавалерийскими войсками во многих случаях ещё допускало нападки на нас, считая наши взгляды нереальными, но наши успехи были уже настолько велики, что их нельзя было не замечать. В рядах наиболее дальновидных молодых офицеров-кавалеристов произошёл перелом в сторону признания перспектив нового рода войск; многие из них поняли, что в наше время испытанные принципы действий кавалерии должны осуществляться новыми средствами.

На манёврах 1932 г. в последний раз присутствовал престарелый фельдмаршал Гинденбург. Я был поражён тем, с какой чёткостью он отмечал при подведении итогов допущенные на манёврах ошибки. Говоря о командовании кавалерийским корпусом, Гинденбург заметил: «В войне залогом успеха является простота замысла. Я был в штабе кавалерийского корпуса. То, что я там видел, было далеко от этого». Он был совершенно прав.

В 1933 г. рейхсканцлером был назначен Гитлер. С этого времени внутренняя и внешняя политика Германии полностью изменилась. Впервые я увидел и услышал Гитлера в начале февраля на открытии автомобильной выставки в Берлине.

Необыкновенным был тот факт, что сам рейхсканцлер открывал выставку вступительной речью. Его речь также в значительной степени отличалась от речей министров или канцлеров, выступавших при аналогичных обстоятельствах. Гитлер сообщил в своей речи об отмене налога на автомобили и о планах строительства автострад и производства дешёвых автомобилей.

Что касается той области, в какой я работал, то в ней произошли существенные изменения, вызванные назначением генерала Бломберга военным министром и генерала Рейхенау начальником канцелярии министерства. Оба они придерживались современных взглядов; в лице этих двух представителей высшего командования я нашёл, таким образом, людей, полностью понимавших значение бронетанковых войск. К этому следует добавить, что сам Гитлер также проявил большой интерес к вопросам моторизации армии и создания бронетанковых войск. Свидетельством этого явилось приглашение, полученное мной через управление вооружения армии, продемонстрировать в течение получаса перед рейхсканцлером в Куммерсдорфе действия подразделений мотомеханизированных войск. Я показал Гитлеру мотоциклетный взвод, противотанковый взвод, взвод учебных танков Т-I, взвод лёгких бронемашин и взвод тяжёлых бронемашин. Большое впечатление на Гитлера произвели быстрота и точность, проявленные нашими подразделениями во время их движения, и он воскликнул: «Вот это мне и нужно!» После этого случая у меня сложилось впечатление, что канцлер полностью согласился бы с моими планами организации нового вермахта, если бы мне удалось изложить ему мои взгляды. Однако в этом я встретился с существенными затруднениями, связанными с неповоротливостью наших военных органов и отрицательным отношением к моим взглядам со стороны руководящих лиц генерального штаба, мешавших мне связаться с генералом Бломбергом.

Между прочим следует отметить тот характерный для германской политики факт, что с 1890 г. только один канцлер, а именно Бисмарк, проявил однажды интерес к развитию вооружения армии, посетив Куммерсдорф. С тех пор до Гитлера здесь не был ни один канцлер. Об этом говорила книга посетителей, которую начальник управления вооружения генерал Беккер открыл перед Гитлером, попросив его расписаться. Этот факт доказывает, что германская политика была лишена какого бы то ни было «милитаризма».

21 марта 1933 г. я присутствовал на открытии рейхстага, которое состоялось в гарнизонной церкви Потсдама. Я занял место наверху, за пустым креслом императрицы и за креслом, занимаемым престарелым фельдмаршалом Макензеном, откуда мог любоваться старинными

картинами, висевшими на стенах перед памятником Фридриха Великого.

23 марта 1933 г. был принят пресловутый закон о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству, наделивший рейхсканцлера диктаторскими правами. Он был одобрен большинством голосов, поданных депутатами от партии «национального фронта» и от партии центра. Социал-демократическая партия мужественно голосовала против этого закона, губительности которого для будущей судьбы Германии многие политики тогда не понимали. Ответственность за его последствия должны нести те политические деятели, которые в своё время голосовали за его принятие.

Летом 1933 г. командир моторизованного корпуса национал-социалистов Адольф Генлейн пригласил меня принять участие в слёте штурмовых отрядов СА, который должен был состояться в Годесберге и где обещал присутствовать Гитлер. Мне было интересно увидеть Гитлера в кругу его близких приверженцев. Кроме того, сам Генлейн был прямым и честным человеком, с которым можно было работать, поэтому я пообещал ему прибыть на слёт. Гитлер выступил с докладом о национал-социалистской революции, проявив при этом изрядные знания в области истории. В своём докладе он указал, что каждая революция после достижения своей цели переходит в эволюцию. Такой именно период уже наступил для национал-социалистской революции. Он потребовал от своих последователей, чтобы они учли это обстоятельство. Оставалось только надеяться, что это требование Гитлера будет выполнено.

На этом слёте я имел возможность познакомиться с главным судьёй партии Бушем, оказавшимся серьёзным и уравновешенным человеком, придерживавшимся разумного взгляда на вещи, но не имевшим в дальнейшем, к сожалению, возможности осуществить свои принципы.

Я покинул Годесберг в надежде на то, что объявленный Гитлером период эволюции вскоре действительно наступит.

В 1933 г. дело организации бронетанковых войск значительно продвинулось. Ряд пробных учений и тактических занятий, проведённых с применением макетов танков, дал мне ясное представление о взаимодействии танков с другими родами войск и ещё раз укрепил мою уверенность в том, что бронетанковые войска смогут

сыграть свою роль в современной войне только тогда, когда они будут рассматриваться как главный и основной род войск, будут объединены в танковые дивизии и усилены другими полностью моторизованными родами войск.

Если в области тактического использования бронетанковых войск мы добились известных успехов, то вопрос о материальной части доставлял нам ещё очень много хлопот. В результате разоружения Германии, проводимого в соответствии с Версальским договором, наша промышленность не производила в течение десятилетия военных материалов. Потеря квалифицированных кадров и отсутствие необходимого оборудования явились причиной того, что наши пожелания в области танкостроения не могли быстро осуществляться. Особенно большие затруднения возникли при производстве специальной стали для танков, которая должна была обладать необходимой вязкостью; первые образцы стальных плит для танков ломались, как стекло. Много времени потребовалось также и на то, чтобы наладить производство радиоаппаратуры и оптики для танков. Однако я не раскаивался, что в тот период твёрдо настаивал на выполнении своих требований: танки должны обеспечивать хорошее наблюдение и быть удобными для управления. Что касается управления танком, то мы в этом отношении всегда превосходили своих противников; ряд имевшихся не очень существенных недостатков мы смогли исправить в дальнейшем.

Осенью 1933 г. генерал барон фон Фрич был назначен командующим сухопутными силами. Во главе армии оказался, таким образом, человек, пользовавшийся доверием всего офицерского корпуса. Это был благородный, умный и рыцарски честный солдат, имевший правильные тактические и оперативные взгляды. Не обладая обширными техническими знаниями, он, однако, был всегда готов без всякого предубеждения заняться рассмотрением новых предложений и согласиться с ними, если только он мог убедиться в их целесообразности. Поэтому разрешать с ним вопросы, касающиеся развития бронетанковых войск, было значительно легче, чем с другими представителями ОКХ (Верховного командования армии).

Ещё будучи начальником оперативного отдела генерального штаба, он интересовался вопросами моторизации и создания бронетанковых войск; одну из своих поездок в войска он специально посвятил

изучению организации танковой дивизии. Получив новое высокое назначение, Фрич продолжал проявлять большой интерес к нашему делу. Характерной является следующая оценка. Я принёс ему на доклад материал по некоторым техническим вопросам. Он выразил сомнение в правильности некоторых положений и сказал: «Вы должны знать, что все техники лгут». Я ответил: «Разумеется, они часто лгут, но обычно это становится известно другим через год-два после того, как они убедятся, что идеи этих техников не могут быть осуществлены на практике. Тактики тоже лгут, но это становится очевидным лишь после поражения, полученного в ближайшей войне, т. е. слишком поздно».

Фрич по привычке задумчиво перенёс монокль с одного глаза на другой и сказал: «Пожалуй, вы правы».

Насколько сдержанным и почти застенчивым он бывал в присутствии большого общества людей, настолько откровенным и доступным был среди друзей, которым доверял.

В таких случаях обычно проявлялся его юмор, и он бывал до обаятельности любезен.

Значительно тяжелее было работать с новым начальником генерального штаба генералом Бекем. Это был благородный человек старой школы с уравновешенным, даже слишком уравновешенным характером, последователь Мольтке, взглядами которого он и хотел руководствоваться при создании генерального штаба третьей империи. О современной сложной технике он не имел никакого представления.

Ввиду того, что на работу в генеральный штаб, особенно в качестве своих ближайших помощников, он подбирал людей, придерживавшихся одинаковых с ним взглядов, центральный аппарат армии со временем постепенно сам собой превратился в реакционную клику, с которой чрезвычайно трудно было работать. Бек выступал против наших планов организации бронетанковых войск, считая, что танковые войска должны стать вспомогательным родом войск, способствующим действиям пехоты, и придерживался мнения, что наибольшей единицей танковых войск должна быть танковая бригада. Он считал, что идея создания танковых дивизий нереальна.

С Бекем мне преимущественно и приходилось вести борьбу по вопросам формирования танковых дивизий и создания уставов для боевой подготовки бронетанковых войск. В конце концов он согласился на создание двух танковых дивизий, в то время как я настаивал на

создании трёх. Я с большим жаром пытался доказать ему преимущества новых соединений, в особенности их оперативную роль. Он же твердил мне одно: «Нет, нет, я об этом и слышать не хочу. Вы слишком напористы». Он совершенно не верил моим докладам, в которых я утверждал, что развитие радиотехники обеспечит управление танковыми соединениями, несмотря на большую скорость танков.

Особенно был недоволен Бек уставными требованиями, что командиры всех степеней обязаны находиться впереди своих войск.

«Как же они будут руководить боем, — говорил он, — не имея ни стола с картами, ни телефона? Разве вы не читали Шлиффена?». То, что командир дивизии может выдвинуться вперёд настолько, что будет находиться там, где его войска вступили в соприкосновение с противником, было свыше его понимания.

Бек, вообще говоря, был человеком медлительным как в военном отношении, так и в политическом. Повсюду, где бы только он ни появлялся, он всегда оказывал какое-то парализующее влияние. В каждом новом деле он видел трудности и был полон опасений. Для того, чтобы иметь о нём более полное представление, следует добавить, что это он пропагандировал ведение боевых действий методом подвижной обороны, которая упоминалась в наших уставах ещё до первой мировой войны под термином «сдерживающий бой». Бек ввёл изучение всей армией (вплоть до стрелкового отделения) «подвижной обороны» как одного из видов боя. Понятие этого вида боя отличалось полной неясностью, и мне ни разу не приходилось видеть, чтобы участники занятий на данную тему были удовлетворены ими. После того как были созданы танковые дивизии, Фрич прекратил изучение «подвижной обороны».

Весной 1934 г. было создано командование мотомеханизированных войск; командующим ими был назначен генерал Лутц, а я — его начальником штаба. Кроме того, генерал Лутц продолжал занимать должность инспектора автомобильных войск и начальника отдела вооружения управления общих дел военного министерства.

Приблизительно в это время Гитлер впервые встретился с Муссолини в Венеции и остался как будто недовольным результатами этой встречи. После своего возвращения Гитлер выступил с речью перед генералами вермахта и руководителями партии и штурмовых отрядов. На руководителей штурмовых отрядов речь Гитлера не

произвела сильного впечатления. При выходе из зала слышны были реплики такого рода: «Адольфу ещё придётся многому поучиться». Отсюда я мог сделать заключение, что в самой партии существуют значительные разногласия.

30 июня 1934 г. загадка была разгадана. Начальник штаба штурмовых отрядов Рем и многие командиры штурмовых отрядов были расстреляны. Вместе с ними были расстреляны многие ни в чём неповинные мужчины и женщины и, как это стало теперь известно, лишь только потому, что они когда-то выступали против партии. В числе расстрелянных оказались бывший военный министр и рейхсканцлер генерал фон Шлейхер и его жена, а также один из его сотрудников генерал фон Бредов. Попытка реабилитировать этих двух генералов перед общественным мнением ни к чему не привела. Лишь престарелый фельдмаршал фон Макензен заявил на состоявшемся в 1935 г. вечере памяти Шлиффена, на котором присутствовали молодые и старые офицеры генерального штаба, что честь Шлейхера и Бредова не была запятнана. Разъяснение Гитлера, сделанное им по этому поводу в рейхстаге, не могло считаться удовлетворительным. Тогда ещё надеялись, что партия вскоре вылечится от своих «детских болезней». Оглядываясь на прошлое, можно лишь выразить сожаление, что тогдашнее руководство вермахта не проявило достаточной настойчивости, чтобы добиться полного удовлетворения. Этим оно оказало бы большую услугу себе, вермахту и всему немецкому народу.

2 августа 1934 г. Германия понесла тяжёлую утрату: умер фельдмаршал фон Гинденбург, оставив свой народ в состоянии внутреннего революционного возбуждения, дальнейшее развитие которого нельзя было предвидеть. В этот день я писал своей жене:

«Не стало больше нашего старого властелина. Все мы сильно опечалены этой невозместимой утратой. Он был отцом для всего нашего народа и особенно для вермахта, и эту тяжёлую потерю мы сможем возместить лишь с большим трудом и очень не скоро. Один факт существования Гинденбурга имел в глазах иностранных государств больше веса, чем письменные договоры и красивые слова. Он пользовался доверием всего мира. Мы, любившие и уважавшие его, потеряли очень много... Завтра будем присягать Гитлеру. Присяга, чреватая последствиями! Дай

бог, чтобы обе стороны в одинаковой степени соблюдали эту присягу на благо Германии. Что касается армии, то она приучена соблюдать присягу. Пусть она с честью её соблюдает... Ты права. Было бы намного лучше, если бы представители различных организаций отложили по этому поводу всякого рода торжества и вместо громких речей... приступили к скромной работе по выполнению своего долга».

Эти строки, которые я писал 2 августа, характеризуют не только моё личное настроение, но и господствовавшие в то время настроения многих моих друзей, а также широких кругов нашего народа.

7 августа 1934 г. немецкие солдаты понесли своего фельдмаршала и рейхспрезидента на кладбище Танненберга на вечный покой.

Последними словами Гитлера, адресованными Гинденбургу, были: *«Мёртвый полководец, отныне твоё место в Валгалле!»*

Ещё 1 августа рейхсканцлер и кабинет министров на основании закона о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству приняли решение о том, чтобы в случае смерти Гинденбурга рейхспрезидентом являлся рейхсканцлер. Тем самым 2 августа Адольф Гитлер стал одновременно главой государства и верховным главнокомандующим вермахта. Так как он при этом сохранял должность рейхсканцлера, то в его руках была сосредоточена вся верховная власть государства. Диктатура Гитлера стала отныне почти неограниченной.

Наступил 1935 год, знаменательный тем, что в марте этого года Германия получила военный суверенитет.

Каждый солдат радостно приветствовал это событие, означавшее отмену позорных для Германии статей Версальского договора. На параде, проведённом в день памяти героев в присутствии фельдмаршала Макензена, принимали участие представители всех родов войск, в том числе и несколько батальонов недавно созданных бронетанковых войск, правда, в основном не имевших материальной части. При подготовке вначале хотели отстранить бронетанковые войска от участия в параде, так как, по словам одного офицера генерального штаба, «со своими короткими карабинами они не смогут выполнить команду на-караул». Несмотря на эти «веские» доводы, мне

всё же удалось добиться участия бронетанковых подразделений в параде.

16 марта 1936 г. я был приглашён на вечернюю беседу к английскому военному атташе. Незадолго до моего ухода из дома радио передало правительственное сообщение о введении вновь всеобщей воинской повинности в Германии. Беседа, которую я вёл в тот вечер с английским атташе и присутствовавшим при этом моим знакомым офицером из Швеции, была чрезвычайно оживлённой. Оба эти офицера выразили полное понимание, когда я сказал, что немецкая армия с удовлетворением встретила радостную весть о введении всеобщей воинской повинности.

Теоретически мы поставили перед собой цель — сравняться в области вооружённых сил с нашими хорошо вооружёнными соседями. Практически же, особенно в отношении бронетанковых войск, мы не могли даже и думать о том, чтобы в ближайшее время иметь такое вооружение, которое хотя бы приблизительно равнялось по количеству и качеству вооружению соседних государств. Поэтому мы прежде всего пытались сравняться с ними в отношении организационной структуры бронетанковых войск и управления ими.

Объединение наших немногочисленных бронетанковых сил в крупные соединения — дивизии и объединение этих дивизий в корпус должно было компенсировать недостаток в количественном отношении.

Прежде всего наши военные начальники должны были убедиться в том, что избранный нами путь является правильным, а план — осуществимым. С этой целью созданное в июне 1934 г. командование мотомеханизированных войск решило провести под руководством генерала Лутца летом 1935 г. четырёхнедельные учения для танковой дивизии, в которую были объединены все имевшиеся в то время бронетанковые части и подразделения. Командиром этой учебной дивизии был назначен генерал Вейхс. Части и подразделения дивизии были собраны в учебном лагере Мюнстера, где с ними проводилась систематическая подготовка. Основная задача в этот период состояла не в том, чтобы научить командиров самостоятельно принимать решения и выполнять их, а в том, чтобы вообще доказать возможность передвижения танковых соединений и ведения ими боевых действий во взаимодействии с другими родами войск. Генералы Бломберг и Фрич с большим интересом следили за этими учениями. Генерал Лутц

пригласил Гитлера присутствовать на учениях, однако пассивное сопротивление адъютанта Гитлера помешало ему в этом.

Результаты учений оказались вполне удовлетворительными. Когда был выпущен жёлтый аэростат как сигнал об окончании учений, генерал-полковник Фрич шутливо заявил: «Теперь остаётся, чтобы на аэростате появилась надпись: „Танки Гудериана — самые лучшие!“»

Во главе вновь созданного управления бронетанковыми войсками был поставлен генерал Лутц. Создание штаба танкового корпуса с нормальными штатами встретило сопротивление со стороны начальника генерального штаба сухопутных сил генерала Бека.

К 15 октября 1935 г. были сформированы три танковые дивизии: 1-я танковая дивизия под командованием генерала Вейхса, расположенная в Веймаре; 2-я танковая дивизия под командованием полковника Гудериана, расположенная в Вюрцбурге; 3-я танковая дивизия под командованием генерала Фессмана, расположенная в Берлине.

В начале октября я покинул Берлин, чтобы сменить службу в центральном аппарате на практическую работу в войсках. Я знал, что после назначения генерала Лутца командование бронетанковыми войсками оказалось в надёжных руках. Однако приходилось считаться со всё возрастающим противодействием со стороны многих работников генерального штаба, и я сомневался, сможет ли офицер, заменивший меня на посту начальника штаба бронетанковых войск, устоять против их влияния. Было также сомнительно, окажется ли в состоянии инспекция бронетанковых войск, которая имела задачу защищать интересы бронетанковых войск в управлении общих дел сухопутных сил, осуществлять дальнейшее развитие бронетанковых войск в том направлении, в каком это было задумано нами ранее.

Как в командовании бронетанковыми войсками, так и в инспекции произошло то, чего я опасался: командование пошло на уступки, удовлетворив пожелание начальника генерального штаба в отношении создания танковых бригад, предназначенных лишь для взаимодействия с пехотой. С этой целью уже в 1936 г. была создана 4-я танковая бригада в Штуттгарте. Удовлетворили также пожелания командования кавалерии об усилении роли моторизованных частей и вместо новых танковых дивизий сформировали три так называемые «лёгкие дивизии», имевшие каждая два мотопехотных полка, разведывательный

полк, артиллерийский полк, танковый батальон и ряд других частей и подразделений. В целях увеличения скорости передвижения танкового батальона по шоссе́йным дорогам предлагали погружать танки на грузовики со специальными прицепами. Это предложение было совершенно бесполезным, потому что на прицепы можно было устанавливать только танки имевшихся тогда типов Т-I и Т-II, но не танки типов Т-III и Т-IV, которые должны были поступать на вооружение с 1938 г.

Помимо лёгких дивизий, были сформированы также четыре мотодивизии, представлявшие собой обычные полностью моторизованные пехотные дивизии. Для их моторизации потребовалось большое количество автомашин. Таким образом был сформирован 14-й армейский корпус, состоявший из мотодивизий, и 15-й армейский корпус, состоявший из лёгких дивизий; три танковые дивизии, подчинявшиеся управлению бронетанковых войск, вошли в состав 16-го армейского корпуса. Все три корпуса были сведены в одну вновь созданную 4-ю группу под командованием генерала Браухича, штаб которой находился в Лейпциге. Штаб группы отвечал за обучение и комплектование указанных соединений.

Прежний единый для всех бронетанковых войск розовый цвет окантовок был отменён. Розовые окантовки остались только у личного состава танковых полков и противотанковых дивизионов. Разведывательные батальоны танковых дивизий имели сначала жёлтую, а затем коричневую окантовку. Пехотные полки и мотоциклетные подразделения танковой дивизии имели зелёную окантовку, кавалерийские полки лёгких дивизий — жёлтую, а мотопехотные полки — по-прежнему белую. Естественно, что при таком положении в дела бронетанковых войск вмешивались инспекции пехоты и кавалерии.

Я был чрезвычайно опечален подобным раздроблением бронетанковых и моторизованных частей, но ничего не мог предпринять против факта, который свидетельствовал о том, что развитие бронетанковых войск встало именно на такой путь. Только позднее они начали, и то лишь частично, развиваться по правильному пути.

Наши и без того ограниченные вспомогательные средства, необходимые для решения задач в области моторизации, расходовались понапрасну из-за ошибок организационного характера, допущенных

другими родами войск. Так, например, начальник управления общих дел сухопутных сил генерал Фромм приказал моторизовать 14-е противотанковые роты пехотных полков. На моё возражение, что было бы целесообразнее перевести эти роты, входящие в состав полков, передвигающихся пешим строем, на конную тягу, Фромм ответил: «Пехоте также нужно иметь несколько автомашин». Моё предложение вместо противотанковых рот перевести на мехтягу тяжёлые артиллерийские дивизионы было отклонено. Эти тяжёлые орудия так и остались на конной тяге, и во время войны, особенно в России, они не могли справляться со своими задачами.

Производство гусеничных машин, нужных для вспомогательных подразделений, входящих в состав танковых дивизий, всё время осуществлялось такими темпами, которые никак не могли удовлетворить нас.

Было ясно, что эффективность действий дивизии в значительной степени зависит от того, как будут двигаться мотопехотные части, артиллерия, а также другие части и подразделения дивизии. Были необходимы полугусеничные легкобронированные машины для перевозки мотопехотных и сапёрных подразделений и подразделений санитарной службы, самоходные установки для артиллерийских и противотанковых дивизионов, а также танки различных конструкций для разведывательных батальонов и батальонов связи. Обеспечение танковых дивизий всеми этими видами техники никогда не было осуществлено полностью. Несмотря на всё растущую производственную мощность, наша промышленность не в состоянии была удовлетворить громадный спрос вновь создаваемых моторизованных соединений вермахта и войск СС, а также спрос народного хозяйства, тоже нуждавшегося в автомашинах. Несмотря на все предупреждения специалистов, верховное командование не хотело считаться ни с какими ограничениями, а самолюбие Гитлера ещё более способствовало сохранению этой позиции верховным командованием. При описании военных событий 1941 г. мы ещё вернёмся к данному вопросу.

Находясь со своей танковой дивизией в Вюрцбурге, я мог лишь между делом заниматься всеми вышеуказанными вопросами. Основное внимание я уделял вопросам боевой подготовки и комплектованию подразделений дивизий, сформированных в различных частях страны.

Зима 1935/36 г. прошла спокойно. В Вюрцбурге я был хорошо принят как офицерами гарнизона, начальником которого был тогда генерал Брандт, так и местными властями. Я поселился на Белкштрассе в небольшом домике с великолепным видом на город, расположенный в долине Майна.

Весной 1936 г. мы были поражены решением Гитлера оккупировать Рейнскую область. Бронетанковые войска при этом не были использованы, так как оккупация Рейна представляла собой в военном отношении не более как жест. Правда, моя дивизия была поднята по тревоге и переброшена на учебный полигон в Мюнзингене, но без танковой бригады, которая оставалась на месте во избежание нежелательных осложнений. Через несколько недель вся дивизия возвратилась обратно к месту своего постоянного расквартирования. 1 августа того же года я получил звание генерал-майора. В манёврах, проведённых осенью 1936 г., принимал участие только 4-й танковый полк, расположенный в Швейнфурте. Один-единственный танковый полк, участвовавший в манёврах в составе пехотной дивизии, не мог, конечно, дать ясного представления о боевых возможностях бронетанковых войск. На этих манёврах в числе гостей присутствовал вернувшийся из восточной Азии генерал-полковник фон Сект; я имел честь дать ему некоторые сведения о бронетанковых войсках, с которыми ему не приходилось раньше сталкиваться. Затем мне пришлось выступить перед приглашёнными представителями прессы и ознакомить их с организацией и боевым использованием нового рода войск.

1937 год прошёл спокойно. Мы усердно занимались боевой подготовкой, закончившейся манёврами в масштабе дивизии в учебном лагере Графенвер. По поручению генерала Лутца я написал зимой 1936/37 г. книгу под названием «Внимание! Танки!». В ней я изложил историю возникновения и развития танков, а также свои взгляды в отношении основных принципов организации бронетанковых войск Германии в будущем. Этой книгой я хотел разъяснить наши взгляды более широкому кругу лиц, чего нельзя было сделать, идя только по сухому служебному пути. Кроме того, я старался, освещая наши взгляды на страницах военной печати, опровергать в своих статьях аргументы противников, в которых я не имел недостатка.

В сжатом виде наши взгляды были изложены в моей статье, опубликованной 15 октября 1937 г. в военном журнале, являвшемся официальным органом имперского союза германских офицеров. Ввиду того, что содержание этой статьи даёт полную картину борьбы мнений, ведшейся в тот период, ниже я привожу её полный текст.

Огонь и движение — основа танкового наступления

Когда заходит речь о танковой атаке, не специалисты обычно представляют себе стальные чудовища, появившиеся у Камбре и Амьена, о чём им приходилось читать в корреспонденциях с театра военных действий. Им представляются проволочные заграждения, прорванные, как будто они были сделаны из соломы, раздавленные и смешанные с землёй блиндажи и пулемёты, танки, утюжащие окопы, шум их моторов, пламя, вырывающееся из выхлопных труб... Всё это породило так называемую «танкобоязнь», которую многие считали причиной нашего поражения 8 августа 1918 г. Таким образом, одно из свойств танков, причём далеко не самое важное, а именно их утюжащее действие, рассматривается многими критиками как наиболее важное боевое свойство. Основываясь на таком взгляде, они представляют себе танковую атаку как наступление большого количества танков,двигающихся в сомкнутом строю в виде крупных мишеней для противотанковых средств и артиллерии, имеющих почти одинаковое направление движения и одинаковую скорость. Им представляется, что все танки мчатся в сторону обороняющегося с тем, чтобы по приказу своего командира раздавить противника даже в тех случаях, когда движение происходит по труднопроходимой местности. Огневые возможности танка оценивались чрезвычайно низко; находили, что танк является «слепым» и «глухим»; отрицали возможность удержания танковыми войсками захваченной ими местности.

Представители противоположной точки зрения считали, что танки якобы уже не могут внезапно напасть на обороняющегося, что противотанковые средства и артиллерия обороняющегося в состоянии и сражать танки при любых обстоятельствах, что обороняющийся всегда

находится именно там, где наступают танки, что оптические приборы позволяют обороняющемуся вести наблюдение даже в туман и сумерках и т. д. Основываясь на таком представлении, наши критики пришли к выводу, что танковое наступление не имеет никаких перспектив. Они решили, что бронетанковые войска необходимо упразднить; как заявил один из критиков, через эпоху танков следует просто перепрыгнуть. Тем самым они одним махом избавили бы себя от необходимости думать об изменении тактики старых родов войск, чтобы спокойно вернуться к тактике позиционной войны, применявшейся в 1914–1915 гг.

Но плохо прыгать в темноте, когда не знаешь, куда упадёшь. До тех пор, пока наши критики не укажут нам другой, лучший путь к достижению успеха в наступлении, чем предложенное ими расформирование бронетанковых войск, мы будем бороться за наши принципы, основанные на том, что именно танки при их правильном использовании являются в настоящее время самым лучшим наступательным средством при проведении наземных операций. Для того, чтобы нарисовать более ясную картину перспектив танкового наступления, рассмотрим наиболее существенные особенности танков.

Броня

Танки любого типа, предназначенные для ведения боевых действий, имеют защиту прежде всего от бронебойных пуль. Однако для борьбы с противотанковыми орудиями и танками противника эта защита является недостаточной. Поэтому предназначенные для этой цели танки так называемых стран-победительниц в мировой войне, и прежде всего французские танки, имеют более надёжную защиту. Например, чтобы пробить броню французского танка 2С, необходима пушка 75-мм калибра.

Если какая-либо армия использует для наступления в первом эшелоне танки, имеющие надёжную броню, которая защищает их от основной массы противотанковой артиллерии противника, то успех её действий, направленных против этого самого опасного

противотанкового оружия, будет гарантирован. Тем самым рано или поздно будет обеспечен и успех действий, ведущихся против пехоты и сапёрных частей противника. Этот успех может быть достигнут под прикрытием тяжёлых танков, а после того, как будут выведены из строя противотанковые средства противника, также под прикрытием танков более лёгких типов.

Наоборот, если обороняющийся будет обеспечен противотанковой артиллерией, способной пробивать броню любого танка наступающего противника, и будет в состоянии ввести в бой эту противотанковую артиллерию своевременно и в решающем пункте, то успех танковых частей будет достигнут ценой больших жертв, а при достаточной плотности и глубине противотанковой обороны успех танков вообще окажется под большим сомнением.

Борьба между бронёй и снарядом, ведущаяся с давних пор, продолжает иметь значение для бронетанковых войск и в настоящее время; она будет продолжаться и в дальнейшем, как это происходит в инженерных войсках, сооружающих долговременные укрепления, в военно-морском флоте, а в последнее время и в авиации. Неизвестность исхода этой борьбы ни в коем случае не даёт основания для того, чтобы бросать танки в бой без достаточной брони, потому что в этом случае единственной защитой наступающего снова будет его суконный мундир, который, как показала мировая война, далёк от совершенства.

Подвижность

Говорят, что «только подвижность является залогом победы». Мы согласны с таким толкованием и хотим использовать для его осуществления все вспомогательные технические средства, имеющиеся в настоящее время. Для того, чтобы приблизиться к противнику, войска должны совершать передвижения, для этого они совершают марш пешим порядком, передвигаются на лошадях, перевозятся по железной дороге, а в последнее время — на автомашинах и самолётах. Когда войска входят в соприкосновение с противником, движение прекращается большей частью под воздействием его огня. Для того,

чтобы возобновить движение, необходимо или уничтожить противника, или хотя бы подавить его сопротивление, или же принудить его оставить занимаемые позиции. Это может быть достигнуто использованием собственных огневых средств, превосходящих по своей силе огневые средства противника настолько, что они могут заставить замолчать его артиллерию и пулемёты. Стрельба с позиций, подготовленных заранее, может вестись на дистанцию прицельного огня основных огневых средств. До этих пределов пехота имеет возможность совершать движение под прикрытием основных огневых средств; затем тяжёлое оружие и артиллерия должны менять огневые позиции, чтобы иметь возможность снова прикрывать своим огнём движение пехоты. Для ведения боевых действий указанным способом требуется большое количество огневых средств и ещё больше боеприпасов. При таком способе действий сосредоточение сил с целью перехода в наступление требует много времени и с трудом может быть скрыто. Элемент внезапности, являющийся существенным фактором в борьбе за достижение победы, ставится при этом под сомнение. Но даже тогда, когда наступающему удаётся достигнуть внезапности, он, начав движение, сразу раскрывает противнику свои карты, и обороняющийся немедленно направляет свои резервы к объекту атаки, чтобы организовать здесь оборону. Надо сказать при этом, что создание новых оборонительных рубежей, с тех пор как резервы были моторизованы, стало делом значительно более лёгким, чем это было раньше. Поэтому скорость передвижения пехоты и артиллерии во время наступления не имеет того значения для достижения успеха, какое она имела во время последней войны.

Таким образом, в первую очередь нужно добиться того, чтобы войска передвигались более быстрыми, чем раньше, темпами и были в состоянии, несмотря на огонь обороняющегося противника, продолжать движение, препятствуя тем самым созданию новых оборонительных рубежей и нанося удар в глубину его обороны. Сторонники бронетанковых войск уверены в том, что при благоприятных условиях можно найти средство для достижения указанной цели. Наши противники считают, что элемент внезапности, использованный в 1918 г., «сегодня при танковом наступлении уже не может больше привести к желаемым результатам».

Выходит, что танковое наступление уже не в состоянии застигнуть противника врасплох. Как же тогда вообще можно добиться внезапности на войне независимо от того, будут ли при этом использованы новые или старые средства? Известно, что ещё в 1916 г. генерал пехоты фон Куль предложил верховному командованию германской армии осуществить прорыв фронта, применив внезапность в качестве основного элемента, хотя в его распоряжении не было каких-либо новых наступательных средств. Наступление в районе Михель в 1918 г. имело большой успех исключительно благодаря правильному использованию элемента внезапности, при этом никаких новых боевых средств не было применено. Если же ко всем остальным средствам, обеспечивающим достижение внезапности, добавить и новые боевые средства, то успех операции будет обеспечен надёжнее. Однако наличие таких средств не является обязательным условием для достижения внезапности.

Мы уверены в том, что, используя в наступлении танки, мы сможем передвигаться значительно быстрее, чем передвигались до сих пор, и что после успешного прорыва мы будем продолжать дальнейшее продвижение; это обстоятельство, пожалуй, является наиболее важным. Мы уверены в том, что продвижение танков будет успешным в том случае, если предварительно будут созданы определённые условия, от которых в настоящее время зависит успех танкового наступления. К числу таких условий относятся: сосредоточение сил на выгодном участке местности, наличие слабых мест в обороне противника, превосходство над ним в танках и др. Когда нам указывают на то, что мы не сможем добиться успеха во всех наступательных операциях и что со своими танками, вооружёнными пулемётами, окажемся не в состоянии штурмовать крепости, мы вынуждены сослаться на то обстоятельство, что и все остальные виды оружия, к сожалению, во многих отношениях не соответствуют ещё целям наступления, и можем добавить при этом, что и мы не являемся всесильными.

Утверждают, что любой вид оружия может быть использован наиболее эффективно лишь тогда, когда он является новым и когда ещё не созданы соответствующие средства защиты от него. Бедная артиллерия! Она уже существует в течение столетий. Бедная авиация! Она также начинает стареть, так как и в отношении её уже созданы средства противовоздушной обороны.

Мы не сомневаемся в том, что эффективность любого вида оружия зависит от состояния соответствующих средств защиты от него. Если танки сталкиваются с превосходящими силами противника — с его танками или противотанковой артиллерией, — они неизбежно терпят поражение. Однако эффективность оружия, независимо от состояния противодействующих средств, зависит ещё, и от стремления быстро использовать все новшества, оставаясь на техническом уровне эпохи. В этом отношении ни один другой вид оружия не имеет столь благоприятных возможностей, как танки.

Нам говорят: «Артиллерийские снаряды обороняющегося имеют в настоящее время гораздо большую скорость, чем снаряды артиллерии, установленной на танках». Никто до сих пор не сомневался в этом. Тем не менее уже в 1917–1918 гг. сотни танков располагались непосредственно за передовой линией, сотням танков удалось благополучно проскочить через заградительный огонь противника, и за танками устремлялись дюжины пехотных и даже кавалерийских дивизий. При этом наступление осуществлялось без предварительной артиллерийской подготовки, а наступающие захватывали совершенно неповреждённую артиллерию противника. Артиллерия обороняющегося может серьёзно задержать продвижение танков лишь при особенно неблагоприятных для них обстоятельствах. Однако как только танкам удалось прорваться и достигнуть огневых позиций артиллерии противника, артиллерийские батареи немедленно умолкают и перестают быть опасными также и для пехоты. Традиционная тактика артиллерии — ведение «заградительного огня вдоль угрожаемого участка в условиях пониженной видимости» — как раз не оправдала себя в последней войне. Конечно, пыль, поднимаемая снарядами противника, ограничивает видимость из танков, но это препятствие не является непреодолимым. Мы изучаем способы преодоления такого рода препятствий. Танки уже получили возможность передвигаться даже ночью и в тумане, пользуясь компасом.

При ведении наступления с участием танков «решающая роль» принадлежит последним, а не пехоте, потому что неуспех танков влечёт за собой провал всего наступления и, наоборот, успех танков обеспечивает победу.

Броня и подвижность — это ещё не все боевые свойства танка; наиболее важным его свойством является огонь.

Танк может вести огонь как с места, так и с хода. В том и другом случае стрельба ведётся прямой наводкой. Когда танк ведёт огонь с места по обнаруженной цели, он может добиться большой эффективности. Ведя огонь прямой наводкой и пользуясь хорошими оптическими приборами, танк в течение короткого времени и без большого расхода боеприпасов легко уничтожает цель, расположенную на удалении действительного огня.

При движении танка ограничение поля обзора, казалось, будет затруднять наводчику наблюдение за противником, но так как орудие в танке расположено на значительной высоте, то это облегчает отыскание целей даже на местности, покрытой растительностью. Таким образом, большая высота танка, которая повышает его уязвимость, так как делает его отличной мишенью для противотанковых средств, оказывается до некоторой степени полезной для наводчика. Когда приходится стрелять с хода, то на близких дистанциях возможность попадания в цель является вполне реальной; она становится значительно меньшей по мере удаления от цели, при увеличении скорости движения танка и при движении по пересечённой местности.

Во всяком случае, в настоящее время лишь одни танки имеют возможность вести наземный бой, наступая на обороняющегося противника и ведя по нему огонь ещё до того, как его пулемёты и артиллерия будут подавлены. Мы не сомневаемся в том, что при стрельбе с места вероятность попадания выше, чем при стрельбе с хода; это мы сами очень хорошо знаем и допускаем ведение как того, так и другого вида огня. Однако «только продвижение является залогом победы».

Должны ли танки использоваться в наступлении (как считают некоторые) только с целью прорыва главной полосы глубоко эшелонированной обороны противника, насыщенной противотанковыми средствами и артиллерией, т. е. является ли танковое наступление сражением техники, как это было во время мировой войны? Безусловно, нет. Кто так думает, тот исходит из

представления лишь о пехотных танках, т. е. о таких танковых частях, задача которых исчерпывается тесным взаимодействием с пехотой и которые действуют с таким же темпом, как и пехота, тогда как продвижение её мы считаем слишком медленным.

Мы не можем позволить себе ни предварительных рекогносцировок, проводящихся в продолжение недель и месяцев, ни большого расхода боеприпасов. Мы не хотим этого делать; вместо этого мы стремимся в заранее обусловленное время парализовать противника, одновременно на всю глубину его обороны. Мы прекрасно отдаём себе отчёт в том, что со своим ограниченным запасом боеприпасов танки не в состоянии провести «планомерную артиллерийскую подготовку» или «массированный артиллерийский удар». Мы предлагаем как раз обратное: танки должны вести прицельный огонь прямой наводкой и одиночными выстрелами, потому что многолетний военный опыт показал, что даже ураганный артиллерийский огонь, продолжающийся в течение недель, был не в состоянии помочь пехоте одержать победу.

Учитывая боевой опыт наших противников, мы полагаем, что именно танки в состоянии наносить стремительные удары одновременно по различным участкам обороны противника на значительном по ширине фронте, что именно они играют решающую роль в достижении общего успеха наступления и что достигаемый ими успех будет иметь не только тактическое значение, какое имели прорывы танков во время первой мировой войны.

Прицельный огонь танков не только «слегка заденет» противника, как это бывает при стрельбе по площадям, требующей колоссального и бесполезного расхода боеприпасов. Танки при достаточной их плотности, ширине фронта наступления и глубине боевых порядков могут уничтожить значительную часть обнаруженных целей противника и проделать брешь в его обороне, куда устремятся наши резервы со скоростью гораздо большей, чем это было в 1918 г. Мы считаем необходимым, чтобы эти резервы состояли из танковых дивизий, так как все остальные рода войск не обладают достаточной боеспособностью, скоростью и подвижностью, необходимыми для успеха наступления и последующего преследования противника.

Таким образом, мы не можем согласиться с той точкой зрения, что танки являются лишь «дополнительным средством для достижения

решающего успеха в бою и что, взаимодействуя с другими родами войск, они лишь в некоторых благоприятных условиях должны поддерживать продвижение пехоты». Если танкам будет отведена только вспомогательная роль, то всё останется так, как было в 1916 г. Если не сделать решительного скачка, то мы будем вынуждены снова перейти к позиционной войне, похоронив всякую надежду на быстрое достижение решающего успеха в будущем. Ни предположения о наличии больших запасов боеприпасов у наших будущих противников, ни увеличивающаяся точность стрельбы и дальноточность артиллерии существующих калибров, ни значительное улучшение техники стрельбы не в состоянии поколебать наши взгляды. Напротив, мы считаем, что в наступлении танки являются основным родом войск, и эту свою точку зрения мы будем твёрдо отстаивать до тех пор, пока техника не обеспечит нас чем-то более лучшим. Мы ни в коем случае не можем мириться с такой артиллерийской подготовкой, которая требует слишком много времени и отказа от элемента внезапности, руководствуясь лишь принципом, заключающимся в том, что якобы «только огонь обеспечивает начало движения». Наоборот, мы считаем, что бронированные моторы могут донести наше оружие к месторасположению противника без такой предварительной артиллерийской подготовки, если только будут соблюдены следующие важнейшие условия: движение по удобной местности, внезапность, массированное использование танков.

Слова «массированное использование» приводят в дрожь наших критиков. Они пишут: «Таким образом, возникает вопрос, является ли в принципе правильным массированное использование танков и не будет ли более целесообразным использовать их совместно с пехотой, чтобы придать наступлению необходимый размах». В этом высказывании мы прежде всего находим признание наших критиков, что наступление пехоты без танков не может достигнуть необходимого размаха. Отсюда мы делаем вывод, что тот род войск, действия которого могут придать наступлению необходимый размах, должен, несомненно, считаться главным родом войск.

Вопрос о том, следует ли распределять танки по пехотным частям или нет, может быть разъяснён на следующем примере. Происходит война между красными и синими. Каждая из воюющих сторон имеет по 100 пехотных дивизий и по 100 танковых батальонов. Красные

распределили танки по пехотным дивизиям, синие свели их в танковые дивизии, которые составили резерв главного командования. Линия фронта протяжением, скажем, в 300 км характеризуется следующим образом: 100 км линии фронта представляют танконедоступную местность, 100 км — местность с отдельными препятствиями и преградами для танков и остальные 100 км — танкодоступную местность. Поэтому при переходе синих в наступление, вполне возможно, сложится такая обстановка: значительная часть пехотных дивизий красных с танками будет располагаться против позиций синих на танконедоступной местности, где танки совершенно не смогут быть использованы, а другая часть их дивизий с танками расположится перед местностью, мало благоприятной для действий танков. Стало быть, танки последних, находясь в несколько лучших условиях, чем танки первой части дивизий, также вряд ли смогут рассчитывать на успех. Во всяком случае, красные смогут использовать только часть своих танков, расположенных перед танкодоступной местностью. Синие же, наоборот, смогут сосредоточить все свои танки на решающем направлении, там, где местность больше всего благоприятствует их действиям. Они получают возможность вступить в бой по меньшей мере с двойным превосходством в танках, а на остальных участках фронта смогут организовать оборону против распылённых танковых частей красных.

Пехотной дивизии, имеющей в своём распоряжении около 50 противотанковых орудий, значительно легче обороняться от 50, чем от 200 наступающих танков. Поэтому в предложении распределить танки по пехотным дивизиям мы усматриваем не больше чем возвращение к примитивной тактике англичан, которой они придерживались в 1916–1917 гг. Эта тактика ещё тогда показала свою полную несостоятельность, поэтому была затем заменена тактикой сосредоточения сил и средств на одном направлении, приведшей к успеху во время сражения у Камбре.

Мы желаем добиться победы посредством такого вида оружия, которое можно быстро перебросить к району расположения противника, ведущего огонь прямой наводкой, защищённого бронёй и передвигающегося с помощью мотора.

Говорят, что «мотор не является новым оружием, а лишь по-новому перебрасывает боевые средства старого типа». Всем известно,

что сами моторы не стреляют. Когда мы говорим о бронетанковых войсках как о чём-то новом, то имеем при этом в виду новый род войск, подобно тому, как, например, использование мотора военно-морским флотом привело к появлению подводных лодок; только благодаря использованию мотора стало возможным появление самолёта, а вместе с ним — военно-воздушных сил. Следовательно, и здесь речь идёт о новом роде войск.

Мы, танкисты, считаем свой род войск вполне «созревшим» и уверены, что наш успех в будущих сражениях наложит отпечаток на предстоящие события. Если наступление танков будет удачным, то все остальные рода войск должны будут приспособиться к тому, чтобы действовать в одинаковом с ними темпе. Поэтому мы и требуем, чтобы те рода войск, которые будут взаимодействовать с нами для развития нашего успеха, были также подвижными и были нам приданы ещё в мирное время, потому что решающее значение в будущих сражениях будет иметь не количество пехоты, а количество бронетанковых войск.

* * *

Поздней осенью 1937 г. происходили крупные манёвры, на которых присутствовал Гитлер, а в последние дни манёвров — и иностранные гости: Муссолини, английский фельдмаршал сэр Сирил Деверел, итальянский маршал Бадольо и венгерская военная миссия. От бронетанковых войск к участию в манёврах была привлечена 3-я танковая дивизия под командованием генерала Фесмана и 1-я танковая бригада. Мне было поручено руководство посредническим штабом бронетанковых войск.

Результаты манёвров показали, что танковая дивизия вполне оправдала себя как боевая единица. Неудовлетворительно работали лишь её службы снабжения и ремонта. Необходимо было принять соответствующие меры по улучшению работы этих служб. Я представил свои соображения по данному вопросу командованию корпуса. К сожалению, мои предложения не были приняты во внимание, и те же недостатки дали о себе знать ещё раз весной 1938 г.

В последний день манёвров специально для иностранных гостей было проведено крупное наступление всех танковых сил, участвовавших в манёврах под моим командованием. Впечатление было исключительно сильное, хотя мы располагали в то время лишь небольшими танками типа Т-І.

После манёвров в Берлине состоялся парад войск, а затем заключительный завтрак, устроенный генерал-полковником бароном фон Фричем для иностранных гостей. Это обстоятельство дало мне возможность принять участие в ряде интересных бесед, в том числе с фельдмаршалом сэром Сирилом Деверелом и маршалом Бадольо. Бадольо рассказал о своём опыте в абиссинском походе, сэр Деверел заинтересовался моими взглядами на проблемы моторизации. Молодые английские офицеры интересовались, можно ли во время настоящих боевых действий передвигать на поле боя такое большое количество танков, как мы это делали на манёврах, устроенных для Муссолини. Они не верили в такую возможность, а многие из них являлись сторонниками теории использования бронетанковых войск лишь в качестве вспомогательного рода войск. Во всяком случае, беседы носили чрезвычайно оживлённый характер.

Глава III

ГИТЛЕР НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

*1938 год. Кризис Бломберга — Фрича. Присоединение к рейху
Австрии и Судет*

Богатый различными событиями 1938 год начался неожиданным присвоением мне в ночь со 2 на 3 февраля звания генерал-лейтенанта и приглашением в Берлин на 4 февраля для беседы с Гитлером. Утром 4 февраля на одной из улиц Берлина я встретил знакомого, сообщившего мне, что я назначен командиром 16-го армейского корпуса. Это сообщение меня чрезвычайно поразило; я немедленно купил утреннюю газету, в которой с удивлением прочитал сообщение об отставке ряда высших офицеров армии, в том числе Бломберга, Фрича и моего покровителя генерала Лутца. Приглашение в имперскую канцелярию имело в основном целью объявить мне об этом. Все командиры корпусов вермахта выстроились полукругом в зале, в центре которого стоял Гитлер. Он сообщил нам, что причиной отставки имперского военного министра генерал-фельдмаршала фон Бломберга послужил его брак, а командующего сухопутными войсками генерал-полковника барона фон Фрича он вынужден уволить в отставку по причине нарушения им уголовных законов. Об отставке других лиц Гитлер не стал распространяться. Мы стояли, как окаменелые. Тяжкие обвинения, выдвинутые против наших высших начальников, которых мы считали безупречно честными людьми, нанесли нам удар в самое сердце. Трудно было верить в правдоподобность этих обвинений, однако следовало считаться с тем, что вряд ли глава государства заявил бы о них без достаточных на то оснований. Закончив свою речь, Гитлер ушёл. Вскоре отпустили и нас. Никто из нас не был в состоянии вымолвить хоть слово.

Что можно было сказать в столь потрясающий момент о последствиях этого события в будущем?

Отставка Бломберга была предрешена. Остаться на посту министра он больше не мог. Совершенно по-иному обстояло дело с Фричем. Было предложено произвести военно-судебное расследование. Военный суд, который происходил под председательством Геринга, вынес оправдательный приговор вопреки мнению председателя суда. Весьма скудные обвинения, предъявленные Фричу, были признаны совершенно недостаточными.

Через месяц после всей этой гнусной истории нас снова собрали, на этот раз на одной из авиабаз; здесь из уст председателя верховного военного трибунала генерала Хейтца мы услышали приговор по делу Фрича и его подробное обоснование. Перед тем как был зачитан приговор, с небольшой речью выступил Гитлер, в которой он выразил своё сожаление по поводу случившегося и заверил нас, что подобные инциденты больше повторяться не будут.

Мы выразили пожелание, чтобы Фрич был полностью реабилитирован. Новый главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник фон Браухич, назначенный на эту должность по предложению Бломберга, согласился лишь на назначение Фрича командиром 12-го артиллерийского полка в Шверине, чтобы тем самым восстановить его на службе в армии. На более ответственную должность его больше не назначали. Ввиду того позора, который генерал-полковнику пришлось пережить, это назначение явилось искуплением далеко не удовлетворительным. Хотя свидетель, давший фальшивые показания против Фрича, был по приказу Гитлера казнён, всё же те, кто стоял за кулисами всей этой инсценировки, остались ненаказанными. Смертный приговор, вынесенный доносчику, явился своего рода маскировкой.

11 августа в учебном лагере Гросс-Борн, в Померании, генерал-полковник Фрич принял 12-й артиллерийский полк. 13 августа в том же лагере проводились учения, на которых присутствовал Гитлер, однако встреча его с Фричем не состоялась.

Вызывает удивление благородная сдержанность в поведении Фрича в последующем. Была ли она правильной в отношении его политических противников, — это другой вопрос. Но чтобы сделать более обоснованные выводы из дела Фрича, необходимо полнее

описать события того времени и охарактеризовать лиц, принимавших в них участие.

4 февраля 1938 г. Гитлер занял пост верховного главнокомандующего вооружёнными силами. Пост имперского военного министра остался свободным, функции военного министра перешли к начальнику управления общих дел генералу Вильгельму Кейтелю, поскольку эти функции не входили в компетенцию верховного главнокомандующего. Кейтель не получил, однако, новых служебных полномочий, но с этого времени стал именоваться начальником главного штаба вооружённых сил.

Командующим 4-й группой в Лейпциге, объединявшей моторизованные корпуса, был назначен генерал фон Рейхенау, здравомыслящий, передовой человек, с которым я был связан большой дружбой.

После событий 30 июня 1934 г. день 4 февраля 1938 г. стал вторым чёрным днём главного командования сухопутных сил. Как в первом, так и во втором случае всему германскому генералитету было предъявлено тяжкое обвинение в том, что он не справляется со своими обязанностями. Это обвинение было известно только верхушке командования. Для большинства же генералов истинная подоплёка всего дела осталась невыясненной. Даже по делу Фрича, казавшемуся с самого начала неправдоподобным и немыслимым, пришлось сначала ждать приговора верховного военного трибунала и уже только потом принимать соответствующие серьёзные меры. Новый главнокомандующий сухопутными силами никак не мог решиться на то, чтобы предпринять необходимые шаги, хотя его об этом настоятельно просили. Между тем дело Фрича было заслонено другим, значительно более важным внешнеполитическим событием — аншлюссом Австрии. Момент для принятия необходимых мер был упущен.

Все эти события свидетельствовали о наличии недоверия между главой рейха и верхушкой армии; это стало ясным для меня, хотя я и не мог знать всю механику происходивших событий.

Я принял дела корпуса от своего уважаемого предшественника генерала танковых войск Лутца. Начальником штаба корпуса был

полковник Паулюс. Его я хорошо знал в течение ряда лет как передового, умного, добросовестного, старательного и глубоко мыслящего офицера генерального штаба, чистые стремления и патриотизм которого не вызывали никаких сомнений. Мы с ним работали в полном согласии. Впоследствии несчастный командующий 6-й армией в Сталинграде был обвинён в самых тяжких преступлениях. Но до тех пор, пока сам Паулюс не будет иметь возможности оправдаться, я не могу верить выдвинутому против него обвинению.

Были заменены и командиры танковых дивизий. Теперь ими командовали: 1-й танковой дивизией — генерал Рудольф Шмидт, 2-й танковой дивизией — генерал Фейель и 3-й танковой дивизией — генерал барон Гейер фон Швеппенбург.

Аншлюсс Австрии

В 16 час. 10 марта я был вызван к начальнику генерального штаба сухопутных сил генералу Беку. В совершенно секретном порядке он сообщил мне, что Гитлера обуревают идеи о присоединении Австрии к рейху и что поэтому некоторым соединениям следует считаться с возможностью принять участие в походе.

— «Вам придётся снова принять командование своей старой 2-й танковой дивизией», — сказал мне Бек.

Я обратил его внимание на тот факт, что Фейель является весьма способным генералом и будет болезненно реагировать на это. Бек ответил: «Во всяком случае вы должны будете командовать всеми моторизованными частями, выделенными для участия в походе».

Мной было предложено привести в боевую готовность штаб 16-го армейского корпуса, подчинив ему, помимо 2-й танковой дивизии, ещё одно соединение. Бек согласился выделить полк лейб-штандарт СС «Адольф Гитлер», который также должен был участвовать в походе на Австрию. Прощаясь со мной, Бек сказал:

— «Если хотят вообще осуществить аншлюсс, то сейчас для этого наиболее благоприятный момент».

Я отправился к себе, чтобы отдать необходимые распоряжения, а также обдумать предварительные мероприятия, какие следовало провести для выполнения поставленной мне задачи.

Приблизительно в 20 час. меня снова вызвали к Беку. После некоторого ожидания я между 20 и 21 час. получил приказ привести в боевую готовность 2-ю танковую дивизию и полк лейб-штандарт СС «Адольф Гитлер», а затем сосредоточить их в районе Пассау. При этом мне сообщили, что все войска, выделенные для похода на Австрию, находятся под командованием генерал-полковника фон Бока. Южнее моего корпуса несколько пехотных дивизий должны будут форсировать р. Инн, часть сил выделялась для движения в направлении Тироля.

Между 23 и 24 час. я отдал по телефону приказ о приведении в боевую готовность 2-й танковой дивизии, а командиру полка лейб-штандарта Зеппу Дитриху сообщил это лично.

Конечным пунктом марша подчинённых мне соединений и частей был указан город Пассау.

Передача приказа 2-й танковой дивизии была осложнена тем, что все штабные офицеры дивизии во главе с её командиром находились на занятиях в районе Мозеля, у города Трир. Однако, несмотря на это затруднение, командный состав был быстро собран, и дивизия без задержек выступила в поход.

Расстояние от района расквартирования дивизии у города Вюрцбурга до Пассау составляло около 400 км, от Пассау до Вены — 280 км и от Берлина до Вены — 962 км.

Перед тем как я отпустил Зеппа Дитриха, он сообщил мне, что ему необходимо ещё посетить Гитлера. Мне казалось важным, чтобы осуществление аншлюсса произошло без кровопролития, чтобы он явился радостью для обеих сторон. Поэтому у меня возникла мысль украсить танки флажками и зеленью в знак наших мирных намерений. Я попросил Зеппа Дитриха испросить на это разрешение Гитлера, которое и было получено через полчаса.

К 20 час. 11 марта в Пассау прибыл штаб 16-го армейского корпуса, туда же в полночь прибыл во главе своих частей командир 2-й танковой дивизии генерал Фейель. У него не оказалось ни карт Австрии, ни горючего, чтобы продолжать движение. Мне пришлось посоветовать ему воспользоваться справочником Бэдекера, которым обычно пользуются туристы. Разрешить проблему горючего было

гораздо труднее. Хотя в Пассау и находилась складская база горючего, но она была предназначена для снабжения войск на случай боевых действий на западе. В соответствии с мобилизационным планом база могла отпускать горючее только на эти цели. Начальники, от которых зависело решить этот вопрос, не были уведомлены о нашей задаче, поэтому ночью их было трудно найти. Верный своему служебному долгу, начальник базы Пассау наотрез отказался отпустить мне горючее, и только когда я пригрозил применить силу, он сдался.

Ввиду того, что транспорт для снабжения горючим не был мобилизован, нам пришлось использовать местные средства. Бургомистр города Пассау оказал нам необходимое содействие, выделив в наше распоряжение некоторое количество грузовиков для перевозки горючего. Чтобы обеспечить себя в дальнейшем, мы потребовали, чтобы австрийские бензоколонки, расположенные по пути следования наших войск, были приспособлены к непрерывному снабжению горючим.

Несмотря на все старания, генералу Фейелю не удалось перейти границу точно в 8 час. утра; было уже 9 час, когда первые подразделения 2-й танковой дивизии стали пересекать её, радостно встречаемые австрийским населением. Авангард дивизии состоял из 5-го Корнвестгеймского, 7-го Мюнхенского моторизованных разведывательных батальонов и 2-го Киссингенского мотоциклетно-стрелкового батальона. Этот авангард приблизительно в полдень быстро миновал Линц и начал продвигаться дальше в направлении на Санкт-Пельтен.

Я следовал впереди главных сил 2-й танковой дивизии; полк лейбштандарт «Адольф Гитлер» двигался в хвосте колонны, за 2-й танковой дивизией, к которой он примкнул после совершения продолжительного марша из Берлина. Украшение танков флажками и зеленью вполне оправдало себя. Население видело, что мы идём, имея мирные намерения, и повсюду радостно нас встречало. На дорогах стояли старые солдаты — участники первой мировой войны с боевыми орденами на груди и приветствовали нас. На каждой остановке жители украшали наши автомашины, а солдат снабжали продуктами. Повсюду можно было видеть рукопожатия, объятия, слёзы радости. Не было никаких конфликтов при осуществлении этого давно ожидаемого и не раз срывавшегося аншлюсса. Дети одного народа, которые в течение

многих десятилетий были разобщены из-за злополучной политики, ликовали, встретившись, наконец, друг с другом.

Движение наших войск проходило по единственной дороге, шедшей через Линц.

Приблизительно в 12 час. дня я въехал в Линц, где немного отдохнул и пообедал. Когда я намеревался оставить город, чтобы следовать дальше на Санкт-Пельтен, то встретил рейхсфюрера СС Гиммлера и австрийских министров Зейс-Инкварта и фон Глайзе-Хорстенау. Они сообщили мне, что к 15 часам в Линц должен прибыть фюрер, и просили меня организовать оцепление дороги, по которой он проедет, а также рыночной площади. Я приказал авангарду остановиться в Санкт-Пельтене, а оцепление улиц и площади поручил подразделениям главных сил. В этом оцеплении принимали также добровольное участие подразделения местного австрийского гарнизона. Около 60 000 человек быстро заполнили прилегающие улицы и площадь. Массы народа были охвачены невиданным воодушевлением, немецкие солдаты встречались с восторгом.

Прибытие Гитлера затянулось до наступления темноты. Я встретил фюрера на окраине и был свидетелем его триумфального въезда в город. Гитлер с балкона ратуши произнёс речь, которую я имел честь слушать. Мне никогда не приходилось испытывать такого воодушевления, какое я испытывал в тот час. Закончив речь, Гитлер навестил нескольких раненых, пострадавших в стычках, которые имели место до аншлюсса, а затем направился в отель, куда последовал и я, чтобы представиться фюреру, прежде чем начать марш на Вену. Гитлер был очень тронут приёмом, оказанным ему населением на рыночной площади.

Около 9 часов вечера я оставил Линц и в полночь уже был в Санкт-Пельтене, откуда в голове авангарда направился на Вену, куда мы и прибыли 13 марта в час ночи, несмотря на сильную метель.

В Вене только что закончилось большое факельное шествие, устроенное в честь аншлюсса. Улицы были заполнены празднично настроенными жителями. Неудивительно, что появление немецких солдат вызвало бурное ликование. В присутствии командира венской дивизии австрийской армии генерала Штумпфль авангард прошёл торжественным маршем мимо здания оперы под звуки австрийского военного оркестра. По окончании торжественного марша всех снова

охватил бурный восторг. Меня понесли на руках до квартиры. Пуговицы моей шинели были оторваны и расхвачаны в качестве сувениров. Приняли нас чрезвычайно восторженно.

После короткого отдыха утром 13 марта я нанёс визит командующему австрийской армией, который принял меня весьма любезно.

День 14 марта целиком ушёл на подготовку к большому параду, назначенному на следующий день. Руководить подготовкой к параду было поручено мне, и я с удовольствием впервые сотрудничал с нашими новыми друзьями. Мы быстро договорились обо всём и на следующий день с удовлетворением отмечали, что это первое общественное мероприятие, организованное в Вене, входившей отныне в состав рейха, прошло с большим успехом. Парад начался торжественным маршем австрийских частей, за которыми следовали одна за другой колонны немецких войск. Среди населения царило восторженное настроение.

В один из ближайших вечеров я пригласил нескольких австрийских генералов, с которыми успел познакомиться, в отель «Бристоль» на небольшой ужин с намерением закрепить нашу дружбу во внеслужебной обстановке. Затем я выехал в моторизованные части австрийской армии, чтобы ознакомиться с ними и уяснить себе способ включения их в состав немецкой армии. Особенно запомнились мне две из этих поездок. Одна привела меня в город Нейзидель на оз. Нейзидлер-зее, где стоял австрийский моторизованный егерский батальон. Вторую поездку я совершил в город Брук, где находился танковый батальон. Этим батальоном командовал подполковник Тейс, весьма способный офицер, получивший ранение при тяжёлой аварии танка. Его подразделение производило очень хорошее впечатление, и я быстро нашёл общий язык с молодыми офицерами и остальным личным составом. В обоих батальонах чувствовалось высокое моральное состояние и поддерживалась хорошая дисциплина. Я мог только с радостью и надеждой ожидать включения этих подразделений в состав армии рейха.

Для того, чтобы не только немецкие солдаты могли ознакомиться с Австрией, но чтобы и австрийские солдаты узнали Германию (это способствовало бы усилению у них чувства принадлежности к одному государству), ряд подразделений австрийской армии был направлен на

небольшой срок в Германию. Одно из таких подразделений посетило гарнизон в городе Вюрцбурге, которым я раньше командовал, где ему был устроен радушный приём с угощением, организованный моей женой.

Вскоре я получил возможность вызвать в Вену свою жену, чтобы 25 марта вместе отпраздновать день её рождения.

Участие в осуществлении аншлюсса дало возможность немецким бронетанковым войскам извлечь некоторые важные уроки.

В целом поход на Вену прошёл без особых осложнений. Выход из строя автотранспорта был незначительным, выход танков — несколько большим. Точных цифр я уже не помню, во всяком случае, всего вышло из строя не свыше 30 % машин. К 15 марта, на которое был назначен парад, почти все танки прибыли к месту назначения. Эти цифры, которые являются не очень большими, если учесть значительное расстояние и большую скорость марша, показались, однако, устрашающими для тех, кто ничего не смыслит в бронетанковых войсках, и прежде всего для генерал-полковника фон Бока. Поэтому после похода на Вену эти люди обрушились с яростной критикой на ещё молодые бронетанковые войска, утверждая, что они не в состоянии совершать продолжительные марши.

Однако деловая критика пришла к совершенно иным выводам. При оценке боевых возможностей бронетанковых войск, произведённой на основе опыта похода на Вену, необходимо было учитывать следующие обстоятельства.

а) Бронетанковые войска ещё не были готовы выполнять свои задачи в полном объёме. В начале марта они только проходили боевую подготовку в масштабе роты. Теоретическая подготовка штабных офицеров, проводившаяся весьма интенсивно во 2-й танковой дивизии в течение всей зимы, должна была завершиться полевыми учениями в районе реки Мозель, о которых упоминалось выше. Об организации зимних учений в масштабе дивизии никто и не помышлял.

б) Высшее командование также было недостаточно подготовлено к проведению этого похода. Решение о нём исходило от одного Гитлера. Весь поход представлял собой сплошную импровизацию, что являлось для танковых дивизий, созданных лишь осенью 1935 г., рискованным мероприятием.

в) 2-я танковая дивизия должна была пройти за 48 час. при совершении этого импровизированного марша 700 км, а полк лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» — около 1000 км. И всё же эта задача в основном была выполнена.

г) Наиболее важным недостатком, выявившимся в процессе марша, оказалась неудовлетворительная постановка ремонта техники, особенно танков. Этот изъян отмечался ещё во время осенних манёвров 1937 г., однако предложенные в марте 1938 г. меры по его устранению не были приняты во внимание. В последующем такого рода недостатки больше не повторялись.

д) Имели место серьёзные затруднения в обеспечении горючим, но они были быстро преодолены. Ввиду того, что во время похода боеприпасы не расходовались, выводы в этом отношении могли быть сделаны только относительные. Боеприпасов будет достаточно, если заблаговременно о них позаботиться.

е) Итоги похода, во всяком случае, подтвердили правильность теоретических обоснований о применимости танковых дивизий для решения оперативных задач. Запас хода и скорость движения танков оказались выше предполагаемых. Уверенность войск в своих силах была укреплена, а командование извлекло из марша много поучительного.

ж) Было доказано, что по одной шоссейной дороге может без затруднений передвигаться больше чем одна моторизованная дивизия; была подтверждена также правильность мысли об организации и оперативном использовании моторизованного корпуса.

з) Следует подчеркнуть, что поход на Вену позволил сделать выводы лишь относительно приведения в боевую готовность, передвижения и обеспечения танковых дивизий, но не об их боеспособности. Дальнейшее показало, однако, что и в этом отношении немецкие бронетанковые войска находились тогда на верном пути.

Уинстон Черчилль в своей замечательной и имеющей чрезвычайно большое значение книге «Воспоминания» (том I, стр.331, немецкое издание Альфреда Шерца, Берн) даёт, правда, совершенно иное изложение событий аншлюсса. Считаю необходимым привести следующую выдержку из этой книги:

«Австрийский ефрейтор давно уже мечтал о триумфальном въезде в Вену. Партийная организация

национал-социалистской партии в Вене наметила на субботу 12 марта проведение факельного шествия для встречи победоносных героев. Однако встречать было некого, никто не появился. Пришлось поэтому пронести на руках по улицам города трёх растерявшихся баварцев из состава немецких тыловых частей, прибывших поездом в Вену для того, чтобы обеспечить войска вторжения квартирами. Причина задержки немецких войск выяснилась позднее. Немецкая моторизованная армада нерешительно прогромыхла через границу и остановилась вблизи города Линца. Несмотря на отличную погоду и хорошие дороги, большинство танков оказалось не в состоянии продолжать движение. В моторизованных подразделениях тяжёлой артиллерии имели место аварии. Дорогу от Линца до Вены загромодили застрявшие тяжёлые автомашины. Ответственным за то, что перед всем миром была продемонстрирована неподготовленность немецкой армии, считали любимца Гитлера генерала фон Рейхенау, командующего 4-й армейской группой.

Гитлер, проезжавший на автомашине через Линц, видел замешательство в движении своих войск, что вызвало его бешенный гнев. Лёгкие танки кое-как пробились сквозь пробки, образовавшиеся на дорогах, и по одному прибыли в воскресенье утром в Вену. Тяжёлые танки и моторизованную артиллерию погрузили на железнодорожные платформы и таким путём своевременно доставили в Вену для участия в церемонии. Картина въезда Гитлера в Вену, где он был встречен толпами людей, и ликующими, и охваченными страхом, известна всем. Однако этот момент иллюзии славы имел свою теневую сторону. В действительности фюрер кипел от злости из-за того, что обнаружили недостатки его военного механизма. Он обрушился на своих генералов с руганью, однако те заявили, что не виноваты. Они напомнили фюреру, что он и слушать не хотел предостережения Фрича о риске для Германии идти на более крупный конфликт. Внешний блеск всё-таки сохранён. Официальные празднества и парады состоялись...»

Очевидно, Уинстон Черчилль был неправильно информирован. Насколько мне известно, 12 марта из Баварии в Вену не прибыло ни одного воинского эшелона [1]. Выходит, что «три растерявшихся баварца» должны были прибыть в Вену только по воздуху. Немецкая моторизованная армада, правда, была задержана в Линце, но это я сделал только для того, чтобы организовать встречу Гитлера. В противном случае войска были бы в Вене во второй половине дня в тот же день. Погода была плохая, после обеда пошёл дождь, а ночью поднялась сильная метель. Единственная дорога, по которой войска двигались от Линца на Вену, на многих участках была разобрана, так как в это время проводились ремонтные работы, а остальные участки также находились в чрезвычайно неудовлетворительном состоянии. Большая часть танков прибыла в Вену без всяких происшествий. Аварии в подразделениях тяжёлой артиллерии не могли иметь места, так как у нас тогда вообще не было тяжёлой артиллерии. Пробок в движении на дороге также совершенно не было. Генерал фон Рейхенау был назначен командующим 4-й армейской группой только 4 февраля 1938 г. и не мог отвечать за случайные перебои в работе материальной части, потому что он находился всего пять недель на своей новой должности. Его предшественник генерал-полковник фон Браухич также не мог нести ответственность за состояние 4-й армейской группы, так как и он занимал эту должность непродолжительное время.

Как уже упоминалось, я сам встречал Гитлера при его въезде в Линц. Он несколько не выглядел рассерженным. Наоборот, это был, пожалуй, первый случай, когда я видел его радостно взволнованным. Во время речи, произнесённой Гитлером в Линце с балкона ратуши перед восторженными массами людей, я стоял рядом и имел полную возможность наблюдать за ним. Слёзы действительно текли по его лицу, причём было очевидно, что это делалось не для театрального эффекта.

У нас в тот период преимущественно были только лёгкие танки. Тяжёлых танков, как и тяжёлой артиллерии, почти не было, поэтому доставлять их в Вену по железной дороге не могли.

Ни одного генерала никто не ругал, во всяком случае, мне об этом ничего не было известно. Не было, следовательно, и никакой реакции на это, об этом мне также ничего неизвестно. Что касается меня лично, то Гитлер исключительно вежливо обращался со мной в эти мартовские

дни как в Линце, так и в Вене. Единственное замечание, которое мне было сделано, исходило от генерал-полковника фон Бока, главнокомандующего всеми войсками, участвовавшими в марше; он считал неосторожностью с моей стороны украшение танков флажками, о чём я упоминал выше. Недоразумение было ликвидировано после того, как генералу Боку стало известно, что это было сделано мною с разрешения Гитлера.

Та самая немецкая моторизованная армада, которая «нерешительно прогромыхла через границу», оказалась в состоянии, будучи лишь слегка улучшенной, одержать в 1940 г. в короткий срок победу над устаревшими армиями западных стран.

«Воспоминания» Уинстона Черчилля ясно показывают его желание доказать, будто политические руководители Великобритании и Франции считали, что в 1938 г. перспективы ведения войны были бы для них благоприятными. Военные же руководители указанных стран относились к этому более скептически. Они хорошо понимали все слабые стороны своих армий, но не знали, каким образом следует перестраивать их по-новому. Немецкие генералы также хотели мира, однако не потому, что считали себя слабыми или боялись нововведений, а потому, что верили в возможность достижения национальных устремлений народа мирными средствами.

2-я танковая дивизия была оставлена в районе Вены и осенью пополнена австрийскими контингентами. Полк лейб-штандарт СС и штаб 16-го армейского корпуса возвратились в апреле в Берлин. В освободившихся казармах города Вюрцбурга разместилась 4-я танковая дивизия под командованием генерала Рейнгардта, сформированная осенью 1938 г. Кроме того, были сформированы 5-я танковая и 4-я лёгкая дивизии.

В летние месяцы 1938 г., т. е. в условиях мирного времени, будучи командиром корпуса, я руководил подготовкой личного состава. Мои обязанности заключались преимущественно в проверке подчинённых частей и соединений. Это дало мне возможность познакомиться с офицерами и остальным личным составом и заложить основы того доверия между нами, которое проявилось во время войны и которым я всегда так гордился.

1 августа 1938 г. я перебрался в отведённую мне в Берлине казённую квартиру. В том же месяце Берлин посетили венгерский регент Хорти с супругой и премьер-министр Имреди. Я присутствовал при их встрече на вокзале, на параде, ужине у Гитлера, а также на спектакле, данном в честь их приезда в оперном театре. После ужина Гитлер подсел к моему столу и беседовал со мной по различным вопросам, касающимся бронетанковых войск.

Политические результаты визита Хорти в Германию не удовлетворили Гитлера. Гитлер надеялся, что сможет добиться от венгерского регента согласия на заключение военного союза с Германией, но был обманут в своих надеждах. К сожалению, разочарование Гитлера было заметно как во время ужина, когда он произносил речь, так и после него.

10–13 сентября я вместе с женой присутствовал на партийном съезде в Нюрнберге. В течение этого месяца отношения между рейхом и Чехословакией приняли наиболее напряжённый характер. Атмосфера стала сгущаться. Это нашло своё выражение в большой заключительной речи Гитлера, произнесённой в Нюрнберге. Ближайшее будущее могло оказаться чреватым большими последствиями.

Я должен был оставить Нюрнберг и выехать в учебный лагерь Графенвер, где размещались 1-я танковая дивизия и войска СС. В последующие недели время было заполнено многочисленными учениями и смотрами. В конце сентября приступили к подготовке присоединения Судетской области. Опасность войны возросла, потому что Чехословакия не шла ни на какие уступки. Положение стало серьёзным.

Мюнхенское соглашение открыло, однако, дорогу для мирного разрешения конфликта и сделало возможным присоединение Судетской области без кровопролития.

Политическая обстановка потребовала от меня принесения ещё одной жертвы: день своей серебряной свадьбы мне пришлось провести одному в Графенвере, жена праздновала этот день тоже одна в Берлине; оба наших сына находились на границе. Лучшим подарком в этот день был ещё раз сохранённый мир.

2 октября мой штаб был переведён в город Плауэн, а 3 октября начался марш на Судеты.

Присоединение Судетской области

Для похода на Судеты 16-му армейскому корпусу были приданы 1-я танковая дивизия, 13-я и 20-я мотодивизии. Оккупация области проводилась в три этапа.

3 октября 13-я мотодивизия генерала Отто заняла города Егер (Хеб), Аш и Франценсбад; 4 октября 1-я танковая дивизия заняла город Карлсбад (Карловы Вары), а 5 октября все три дивизии продвинулись на восток и заняли всю область до демаркационной линии.

В первые два дня марша Адольф Гитлер находился при моём корпусе, 1-я танковая дивизия, прибывшая из города Хам в Айбеншток (расстояние 273 км), и 13-я мотодивизия были переброшены в ночь с 30 сентября на 1 октября и в ночь с 1 на 2 октября из района Графенвер на север, показав отличную скорость движения, и сосредоточены на границе с Судетской областью в готовности к вступлению в неё.

3 октября я встретил Гитлера на границе у города Аш и доложил об успешном марше моих дивизий. Затем из Аш мы поехали в Егер, где в полевой кухне был приготовлен завтрак, в котором принял участие и Гитлер. Завтрак состоял из обычного для рядового состава меню: густой суп с говядиной. Когда Гитлер увидел в супе мясо, он отказался кушать и, съев лишь несколько яблок, попросил, чтобы впредь для него готовили вегетарианскую пищу. В Егере нас встретили очень радостно и торжественно. Толпы народа, одетые в национальные костюмы, устроили Гитлеру шумную овацию.

4 октября я завтракал вместе с Гитлером, обождав его прибытия на полевую кухню штаба 1-й танковой дивизии. Мы вели непринуждённую беседу, во время которой выяснилось общее удовлетворение тем, что удалось избежать войны. Вдоль дороги, по которой затем проезжал Гитлер, выстроились приветствуемые им войска. Они имели отличный вид; все были настроены радостно; машины, как и в марте в Австрии, были украшены зеленью и цветами.

Я отправился в Карлсбад, где перед театром уже выстроился почётный караул из трёх рот — роты 1-го танкового полка, роты 1-го мотострелкового полка и роты полка лейб-штандарт СС. На правом фланге роты танкового полка стоял со своим командиром мой старший сын, занимавший тогда должность адъютанта 1-го батальона 1-го танкового полка.

Оцепление улиц ещё не было закончено, когда появился Гитлер. Через шпалеры войск он проследовал в здание театра, где был встречен представителями местного населения. На улице лил проливной дождь. В вестибюле театра происходили прямо-таки трогательные сцены. Хорошо одетые дамы и девушки плакали, многие становились на колени; ликование людей было исключительно велико. Судетским немцам пришлось много пережить: безграничную нищету, безработицу, национальный гнёт. Многие уже потеряли всякую надежду. Задача заключалась теперь в том, чтобы возродить Судетскую область. Наши полевые кухни стали отпускать пищу беднякам, поскольку организации социального обеспечения ещё не начали работать.

С 7 по 10 октября войска продолжали занимать районы, в которых проживало немецкое население. Для выполнения этой задачи я выехал через Кааден (Кадань) и Заац (Жатец) в Теплице-Шанов. Везде население восторженно встречало войска. Танки и автомашины были осыпаны цветами. Живые изгороди людей — юноши и девушки — затрудняли движение войск. Тысячи солдат немецкого происхождения, уволенные из чехословацкой армии, возвращались пешком на родину; многие из них были ещё одеты в чешскую форму и несли на спине чемодан или сундучок — разбитая без боя армия. Первая линия укреплений Чехии была в наших руках; она не была так сильна, как нам казалось, но хорошо, что удалось занять её без кровопролитных боёв.

В общем, все были довольны мирным поворотом в политической обстановке. Война сильнее всего затронула бы именно территорию с немецким населением и потребовала бы многих жертв от немецких матерей.

В Теплице-Шанов я остановился в имении, принадлежавшем князю Клари-Алдринген. Князь и княгиня приняли нас очень радушно. Мы имели возможность познакомиться здесь со многими представителями немецко-богемской аристократии и были обрадованы, увидев, что они остались истинными немцами. Я уверен, что лорд

Ренсимэн правильно оценил тогда обстановку в Чехословакии и много сделал для сохранения мира. Не его вина, что мир этот оказался очень непрочным.

Во всяком случае, напряжённость в политической обстановке была ликвидирована, и мы могли предаться некоторым радостям. Я получил возможность поохотиться; за две недели мне удалось убить нескольких оленей.

Бурный 1938 год близился к концу, и такие далёкие от политики солдаты, как я, надеялись, что, несмотря на прошедшие бури, в дальнейшем обстановка будет более спокойной. По нашему мнению, в результате увеличения территории и численности населения рейха последует длительный период для ассимиляции новых областей и закрепления вновь завоёванных позиций, настолько усиливших без всякой войны положение Германии в Европе, что наши национальные цели мы сможем осуществить мирным путём. Я имел возможность собственными глазами видеть обстановку в Австрии и в Судетской области. При всей восторженности, с которой там был встречен аншлюсс, следует всё же отметить, что экономическое состояние этих двух районов было весьма неблагоприятным; большие различия между Австрией и Германией в формах государственного управления требовали длительного мирного периода для ликвидации этой разницы с тем, чтобы в конце концов вся Германия стала единым организмом. Мюнхенское соглашение, казалось, давало возможность осуществить все эти цели.

Крупные внешнеполитические достижения Гитлера изгладили неблагоприятное впечатление от февральского кризиса. Под впечатлением успехов в Судетской области прошла почти незамеченной замена в сентябре начальника генерального штаба сухопутных сил генерала фон Бека генералом Гальдером. Бек ушёл в отставку, так как не был согласен с внешнеполитическим курсом Гитлера, считая его опасным. Он внёс предложение, чтобы генералитет в целях сохранения мира демонстративно выразил своё общее мнение, но Браухич, к сожалению, отклонил это предложение и не ознакомил с ним генералов. Я возвратился из Судетской области в Берлин, также будучи уверенным, что наступил длительный период мира. К сожалению, я тогда глубоко ошибался.

В конце октября в Веймаре состоялся местный праздник по случаю освящения нового здания отеля «Элефант», на котором присутствовал Гитлер. Я, как командир 16-го армейского корпуса и начальник гарнизона города Веймар, также был приглашён на этот праздник, открывшийся официальным заседанием в городском замке и закончившийся речью Гитлера перед огромной толпой, собравшейся под открытым небом. В этой речи Гитлер исключительно резко выступал против Англии, особенно против Черчилля и Идена. Мне не пришлось слышать его предыдущей речи, произнесённой в Саарбрюккене, так как я находился в то время в Судетах, поэтому я был в высшей степени поражён, узнав, что атмосфера снова накаляется. После речи Гитлера гостей пригласили на ужин в отель «Элефант». Гитлер позвал меня к своему столу, и я имел возможность беседовать с ним в течение почти двух часов. Во время беседы я спросил у него, почему он так резко выступал против Англии. Он объяснил это тем, что англичане, по его мнению, проявили неискренность во время переговоров с ним в Годесберге, а также исключительной невежливостью по отношению к нему видных англичан, посетивших его. Гитлер якобы заявил послу Гендерсону: «Если ко мне ещё раз явятся неряшливо одетые посетители, я прикажу своему послу в Лондоне явиться к королю одетым в свитер. Передайте это своему правительству». Гитлера приводило в ярость нанесённое ему, как он считал, оскорбление, и он заявил, что в действительности англичане не стремятся к искреннему примирению. Особенно сильно его задела неискренность англичан, потому что первоначально он придавал большое значение взаимоотношениям с Англией, желая установить с ней сотрудничество на длительный срок.

Несмотря на заключение Мюнхенского соглашения, Германия снова оказалась в чрезвычайно напряжённой и неустойчивой обстановке. Это вызвало большое разочарование и серьёзное беспокойство.

Вечером, в день праздника, веймарский театр показал «Аиду». Я сидел в ложе фюрера. Во время ужина, устроенного после спектакля, меня вновь пригласили к столу Гитлера. Беседа велась на общие темы,

иногда об искусстве. Гитлер рассказывал о своей поездке в Италию и о постановке «Аиды» в Неаполе. В два часа ночи он перешёл к столу, где сидели артисты.

После возвращения в Берлин я был вызван к главнокомандующему сухопутными силами. Он сообщил мне, что намерен создать новую должность — инспектора подвижных войск (как он их назвал), который будет отвечать за состояние моторизованных войск и кавалерии. Главнокомандующий сам набросал проект положения о новой должности и ознакомил меня с ним. Проект положения предусматривал, что инспектор будет иметь право производить инспекторские проверки и составлять годовые отчёты.

Согласно проекту инспектор не получал никаких командных функций, никаких прав на составление и издание уставов и наставлений и никакого влияния на решение вопросов организации и личного состава. Поэтому я отказался от такой неопределённой должности.

Через несколько дней ко мне явился начальник управления личного состава сухопутных сил генерал Бодевин Кейтель (младший брат начальника главного штаба вооружённых сил) и по поручению главнокомандующего сухопутными силами снова предложил мне занять вновь учреждаемый пост. Я снова отказался, выставив те же мотивы, что и раньше. Тогда Кейтель открыл мне, что новая должность создаётся не по инициативе Браухича, а по желанию самого Гитлера и поэтому я не должен от неё отказываться. Я не смог скрыть своего разочарования; почему главнокомандующий с самого начала не сообщил мне, от кого именно исходит приказ о создании новой должности? Я снова заявил о своём отказе и попросил Кейтеля передать фюреру причину моего отказа, а также сказать, что я готов лично доложить ему свои соображения по данному вопросу.

Через несколько дней я был вызван к Гитлеру и разговаривал с ним с глазу на глаз. Гитлер спросил меня о причинах моего отказа. Я доложил ему о порядке подчинённости, существующем в главном командовании сухопутных сил, и об основных принципах положения для нового ведомства, разработанного главнокомандующим. Затем я добавил, что, занимая свою настоящую должность командира трёх дивизий, я имею большую возможность оказывать влияние на развитие

бронетанковых сил, чем это окажется возможным при занятии новой должности. Хорошо зная руководящих лиц главного командования сухопутных сил и их отношение к проблеме использования крупных сил танков в качестве наступательного средства оперативного характера, я вынужден был рассматривать новое решение как шаг назад. Далее я разъяснил, что в главном командовании сухопутных сил господствует мнение о необходимости придавать танки пехоте и что поэтому я предвижу и в будущем такие же конфликты, которые происходили в недавнем прошлом. Кроме того, соединение танков с кавалерией произведено помимо желания этого старого рода войск, командование которого видит во мне своего противника и отрицательно относится к этому нововведению.

В модернизации кавалерии имеется настоятельная необходимость, однако главное командование сухопутных сил и старые кавалерийские офицеры выступают даже против этого. Свои объяснения я закончил следующими словами: «Права, которые мне будут предоставлены, окажутся недостаточными для того, чтобы преодолеть все препятствия, и я предвижу вследствие этого постоянные трения и конфликты. Поэтому я прошу оставить меня в прежней должности». Гитлер слушал меня минут 20, не перебивая. Затем он обосновал своё желание создать новый пост необходимостью организации централизованного руководства всеми моторизованными войсками и кавалерией и приказал мне вступить в новую должность. В заключение он сказал: «Если ожидаемое вами противодействие будет тормозить вашу работу, можете обращаться прямо ко мне. Тогда мы уж вместе осуществим необходимые нововведения. Я приказываю вам принять новую должность».

Разумеется, до непосредственного обращения с докладом к Гитлеру дело не дошло, хотя затруднения начались немедленно.

Я был произведён в генералы танковых войск, назначен генерал-инспектором подвижных войск и приступил к организации своего очень небольшого управления, которое было размещено на Бендлерштрассе. Мне дали двух офицеров генерального штаба — подполковника фон ле Суир и капитана Роттигер; адъютантом у меня был подполковник Рибель. Кроме того, по каждому роду подчинённых мне войск мне было выделено по одному референту. Затем я приступил к работе. Это было равноценно тому, что лить воду в бездонную бочку.

Бронетанковые войска до этого времени не имели почти никаких наставлений по боевой подготовке. Мы составили наставления и представили их в отдел боевой подготовки главного командования сухопутных сил для утверждения. Однако в отделе боевой подготовки не было ни одного офицера-танкиста. Наши наставления рассматривались не применительно к требованиям бронетанковых войск, а с совершенно другой точки зрения. На большинстве наших проектов наставлений была наложена следующая резолюция: «Основная организация не соответствует организации, принятой в пехоте. Поэтому проект отклонить». Единство организации и единство «номенклатуры» — вот в основном те вопросы, которые принимались во внимание при оценке нашей работы. Потребности войск при этом совершенно не учитывались.

Моё предложение об организации в кавалерии удобных для управления дивизий, оснащённых современной техникой, потерпело неудачу, так как начальник управления общих дел сухопутных сил генерал Фромм не решился дать на это своего согласия.

Итак, до начала войны организационная структура кавалерии оставалась, как и раньше, в неудовлетворительном состоянии, что явилось причиной её распределения, за исключением одной только бригады в Восточной Пруссии, по пехотным дивизиям в виде смешанных разведывательных отрядов, состоявших из кавалерийского эскадрона, самокатного эскадрона и моторизованного эскадрона, имевшего в своём составе несколько устаревших бронемашин, противотанковые пушки и конную артиллерию. Управлять этой ужасающей мешаниной было почти невозможно. При объявлении мобилизации кавалерия могла обеспечить такими разведывательными отрядами лишь кадровые пехотные дивизии мирного времени. Вновь сформированные соединения должны были удовлетвориться самокатчиками. Таким образом, вопрос о кавалерии был близок к решению совсем в ином плане. Кавалерия оказалась в таком тяжёлом положении, несмотря на то, что все её начальники с особой любовью заботились о ней. Таково, оказывается, различие между теорией и практикой.

Укажу ещё на одно второстепенное обстоятельство, которое проливает свет на обстановку того периода. Мобилизационный план предусматривал назначение меня, инспектора подвижных войск, в

случае войны на должность командира запасного пехотного корпуса. Потребовалась подача жалобы, чтобы изменить этот пункт и добиться решения использовать меня на случай войны в бронетанковых войсках.

Глава IV

НАЧАЛО БЕДЫ

Всё ближе к войне

Март 1939 года ознаменовался присоединением Чехии к рейху на правах протектората. Создалось чрезвычайно серьёзное внешнеполитическое положение. Инициатива присоединения Чехии исходила исключительно от Гитлера.

Утром, в день вступления немецких войск в Чехию, меня вызвали к главнокомандующему сухопутными войсками и, ознакомив с совершившимся фактом, приказали направиться в Прагу для обобщения опыта, приобретённого механизированными и бронетанковыми войсками, участвовавшими в операциях, проходивших в зимних условиях; я должен был также провести осмотр материальной части чешских бронетанковых войск.

В Праге я встретился с генералом Гепнером, назначенным после меня командиром 16-го армейского корпуса, который и рассказал мне о своём опыте. Затем я посетил различные воинские части, чтобы получить непосредственное впечатление о них. В Брюнне (Брно) я осмотрел материальную часть чешских бронетанковых войск, которая произвела на меня впечатление полной пригодности. Эта материальная часть сослужила нам хорошую службу во время кампаний в Польше и Франции и лишь в русскую кампанию она уступила место тяжёлой материальной части немецкой конструкции.

После Чехии к рейху без боевых действий была присоединена Мемельская (Клайпедская) область.

20 апреля Гитлер, празднуя своё пятидесятилетие, устроил большой парад. Батальон знаменосцев со знамёнами вермахта приветствовал Гитлера. Фюрер находился в зените славы. Было ли у

него самообладание, чтобы сохранить своё положение, не перетягивая уже натянутую до предела тетиву лука?

28 апреля Гитлер заявил о расторжении англо-германского морского соглашения и польско-германского договора о ненападении.

28 мая министр иностранных дел Италии граф Чиано посетил Берлин. Министр иностранных дел рейха устроил в его честь большой приём. Чтобы принять больше гостей, он разбил две большие палатки, образовавшие одну общую крышу над всем его садом. Но в эти майские дни было очень холодно, и палатки пришлось протопить. Трудно выполнимая затея! Гитлер тоже присутствовал на этом торжестве.Guests развлекали лёгкими сценическими представлениями, например, танцами Гёпфнеров, на которые собрались в одной из палаток, где для этой цели была оборудована сцена. Пришлось обождать некоторое время с началом представления, так как Гитлер хотел сидеть рядом с Ольгой Чеховой, которая вот-вот должна была приехать. Гитлер любил людей искусства и охотно бывал в их обществе. Предостережь Гитлера от войны — такова, вероятно, была политическая цель визита Чиано. Мне трудно судить о том, выполнял ли он это поручение Муссолини с достаточной энергией и последовательностью до самого конца своего визита.

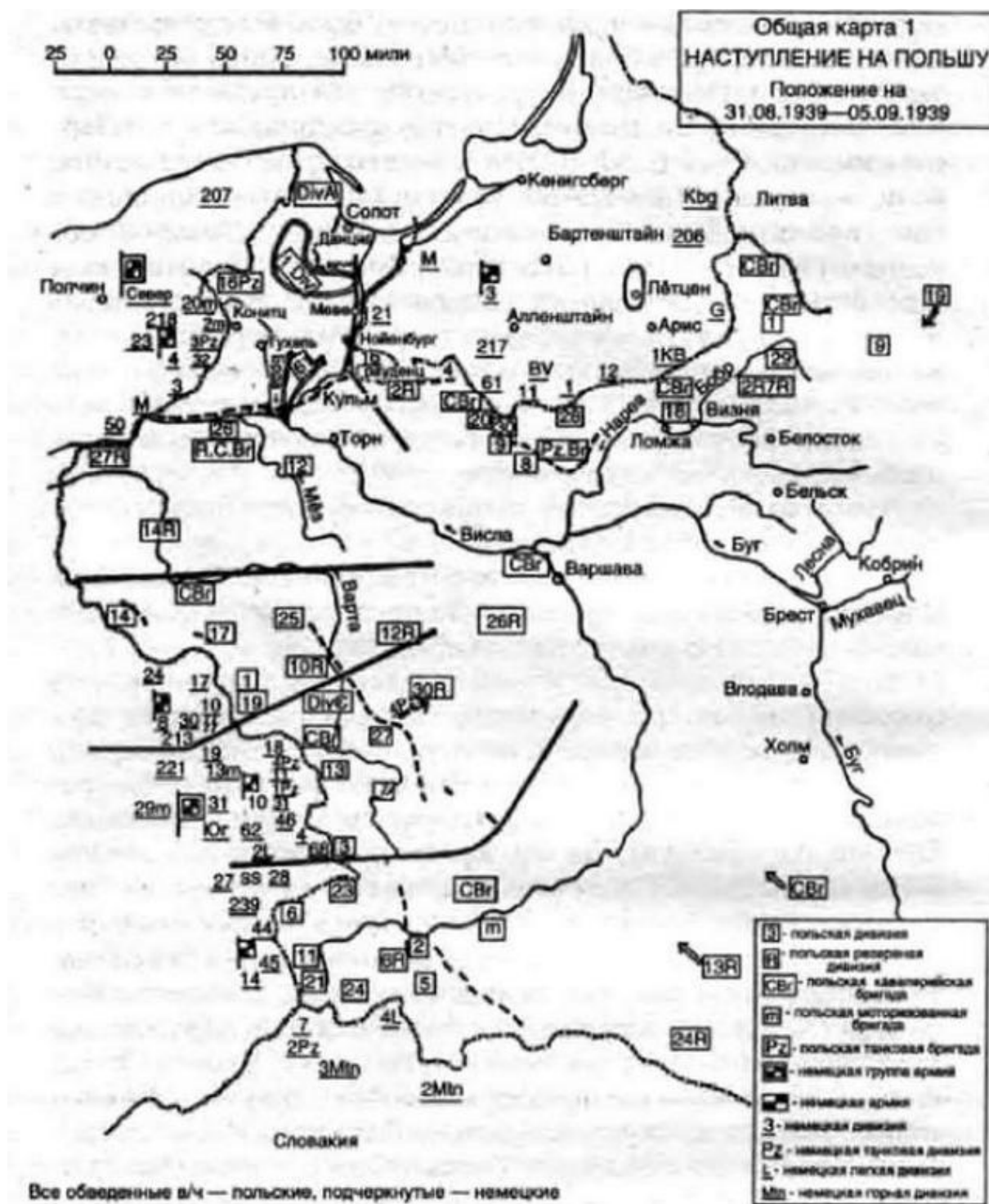
Наконец, в июне Берлин посетил принц-регент Югославии Павел со своей красивой супругой. Снова был большой парад, в котором принимали участие главным образом мотомеханизированные части, причём в таком большом количестве, что вся эта инсценировка действовала скорее удручающе, чем убедительно. Следует заметить, что из Берлина принц поехал в Лондон. Насколько мне известно, ожидания Гитлера, которые он связывал с визитом принца, не оправдались.

Политических предостережений было более чем достаточно. Но Гитлер и его министр иностранных дел Риббентроп были склонны считать, что западные державы не решатся начать войну против Германии и у них поэтому развязаны руки для осуществления своих целей в Восточной Европе.

Моя задача в летние месяцы 1939 г. сводилась к подготовке запланированных на осень крупных манёвров вермахта с участием мотомеханизированных войск. Их нужно было переправить через Рудные горы в Судеты. Но обширные подготовительные работы для организации этих манёвров проводились напрасно.

Польская кампания

22 августа 1939 года я получил приказ направиться в померанский учебный лагерь Гросс-Борн, чтобы там вместе со штабом сформированного 19-го армейского корпуса, носившего название «фортификационного штаба Померании», принять участие в сооружении полевых укреплений вдоль имперской границы для защиты Германии от наступления поляков. В состав 19-го армейского корпуса были включены: 3-я танковая дивизия, 2-я и 20-я мотодивизии, а также корпусные части. 3-я танковая дивизия была усилена танковым учебным батальоном, имевшим на вооружении наши новейшие средние танки Т-III и Т-IV. В составе корпусных частей находился также учебный разведывательный батальон из города Дёбериц-Крампниц. Эти учебные части и подразделения наших военных школ были привлечены по моей просьбе с тем, чтобы они первыми смогли накопить практический опыт, что могло пойти на пользу в их будущей учебной деятельности.

Только после выступления Гитлера с речью перед командующими армиями в Оберзальцберге, на котором я не присутствовал, мне стало известно от командующего 4-й армией генерал-полковника фон Клюге о возложенной на меня задаче. Я узнал, что мой 19-й армейский корпус

входит в состав 4-й армии. Южнее (справа от меня) находился 2-й корпус генерала Штрауса, севернее (слева) — пограничные части генерала Каупиша, которым непосредственно перед началом боевых действий была придана 10-я танковая дивизия, находившаяся с марта этого года в Праге и её окрестностях. За моим корпусом в качестве армейского резерва находилась 23-я пехотная дивизия из Потсдама (см. приложение 2).

Моя задача сводилась к тому, чтобы форсировать Брда между Цемпельбург (Семпольно) справа и Конитц (Хойнице) слева, быстро, достичь Вислы, отрезать и уничтожить польские части, расположенные в так называемом «польском коридоре». Дальнейшее продвижение предполагалось после поступления нового приказа. Корпус Штрауса, действуя справа от меня, должен был также продвинуться до Вислы, а соединение генерала Каупиша, действовавшее левее, — наступать на Данциг (Гданьск).

Имелись предположения, что польские силы в «коридоре» состояли из трёх пехотных дивизий, одной кавалерийской бригады «Поморска» и небольшого числа танков типа Фиат-Ансальдо. Граница с польской стороны была укреплена полевыми сооружениями. С нашей стороны были хорошо видны окопные работы противника. Видимо, имелся ещё один тыловой оборонительный рубеж по реке Брда. Начало наступления намечалось на утро 26 августа.

Благодаря заключённому в эти дни соглашению с Советской Россией Гитлер обеспечил необходимую для ведения войны безопасность тыла. Относительно реакции западных держав он под пагубным влиянием Риббентропа поддался иллюзии, считая их вмешательство невозможным.

Во всяком случае, моё утверждение не будет запоздалым, если я скажу, что настроение армии было подавленным, и не будь пакта с Россией, вероятно, многое было бы ещё труднее. С тяжёлым сердцем мы начали войну, и не было ни одного генерала, который бы ратовал за неё. Все старые офицеры и многие тысячи наших солдат, принимавших участие в первой мировой войне, знали, что значит война. Они понимали, что война, возможно, не ограничится одной Польшей. Вмешательства других государств следовало бояться, так как Англия в марте, т. е. после образования богемского протектората, предложила Польше гарантию её независимости. Каждый из нас думал о матерях и

жёнах немецких солдат и о тяжёлых жертвах, которые они должны нести даже при благоприятном исходе войны. Наши собственные сыновья также находились в армии. Мой старший сын Гейнц Гюнтер был полковым адъютантом в 35-м танковом полку, второй мой сын Курт в звании лейтенанта 1 сентября начал службу в разведывательном батальоне 3-й танковой дивизии, находясь, таким образом, в моём корпусе.

Последняя моя квартира перед войной находилась в Добрине, вблизи Пройсиш — Фридланд, где нас сильно баловали наши любезные хозяева Вилкенсы.

В ночь с 25 на 26 августа наступление было отменено. Почти вышедшие на исходное положение части мы едва успели отвести назад. Очевидно, дипломатические переговоры шли полным ходом. Вспыхнула небольшая искра надежды на сохранение мира. Однако боевым воинским частям ничего хорошего она не принесла.

31 августа последовала новая тревога, на этот раз действительно боевая. Дивизии заняли исходное положение вдоль границы. Их положение было следующим:

— справа — 3-я танковая дивизия генерала барона Гейера фон Швеппенбурга; её задача — продвигаться между реками Семпольно и Каменка к реке Брда, форсировать эту реку восточнее Пруш, у Гаммермюле и затем нанести удар в направлении Вислы у Швец (Свече);

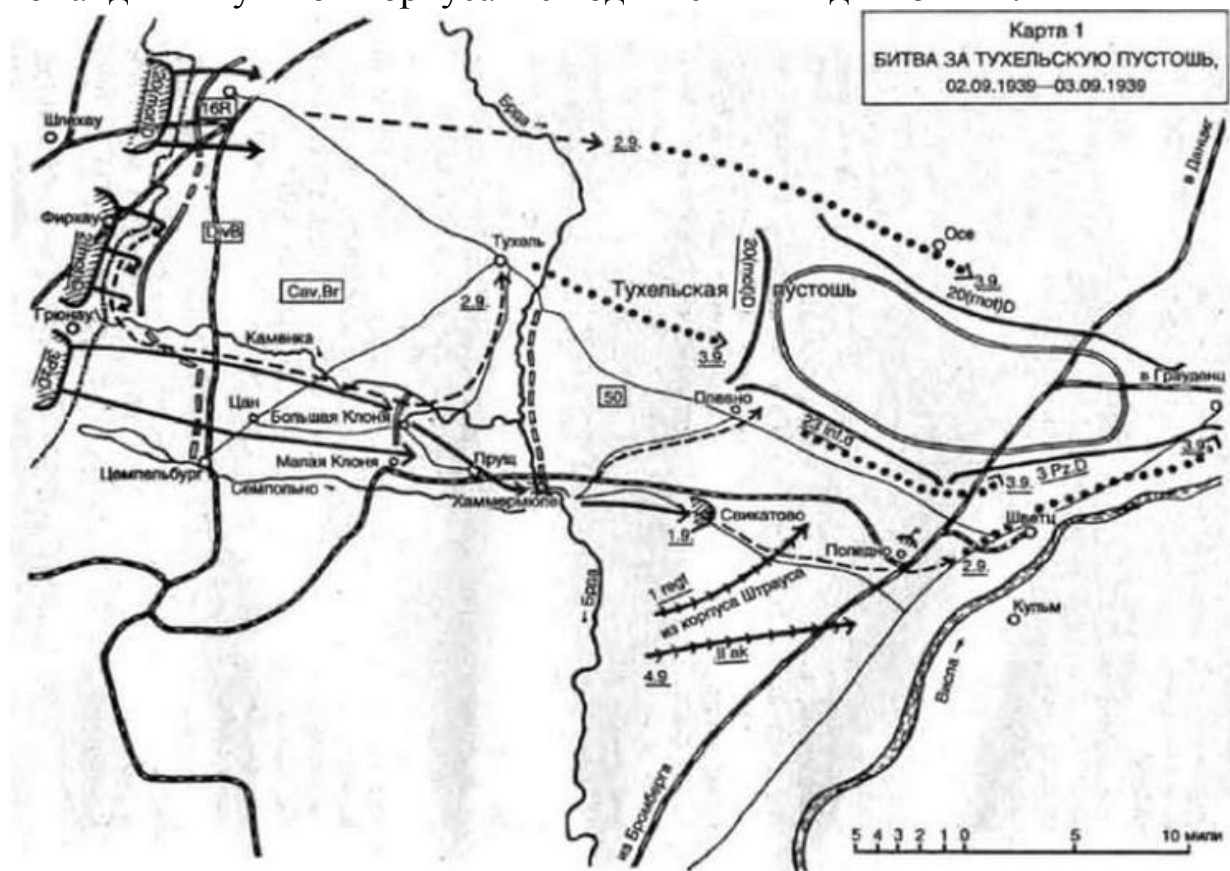
— в центре, севернее р. Каменка, между Грюнау и Фирхау — 2-я мотодивизия генерала Бадера; её задача — прорвать польские пограничные укрепления и затем продвигаться в направлении Тухель (Тухоля);

— слева, западнее Конитц (Хойнице) — 20-я мотодивизия генерала Викторина; её задача — овладеть этим городом и продвигаться затем через Тухольскую пустошь и город Оше (Осе) на Грауденц (Грудзёндз).

Главный удар при наступлении наносила усиленная корпусными частями 3-я танковая дивизия, за которой следовал армейский резерв (23-я пехотная дивизия).

1 сентября в 4 час. 45 мин. корпус перешёл границу, развёртываясь в боевые порядки. Густой туман застилал землю. Поэтому авиация вначале была лишена возможности действовать. Я сопровождал 3-ю танковую бригаду в первом эшелоне до района севернее Цемпельбурга

(Семпольно), где завязались первые незначительные бои. К сожалению, тяжёлая артиллерия 3-й танковой дивизии, выполняя данные ей указания, была вынуждена стрелять в туман. Первый снаряд разорвался в 50 м от моего командирского танка, второй — в 50 м позади него. Я предположил, что следующий снаряд попадёт прямо в машину, и приказал водителю повернуть вправо. Но он начал нервничать при этом непривычном для него грохоте и въехал на полном ходу в ров. Передняя ось полугусеничной машины была погнута, что сильно затрудняло управление. Поэтому мне пришлось временно отказаться от своей поездки. Я отправился на командный пункт корпуса, взял другую машину и объяснился с чересчур рьяными артиллеристами. Здесь мне представляется случай упомянуть, что я первым из командиров корпусов стал использовать бронированные командирские машины, чтобы сопровождать танки на поле боя. Они были снабжены радиоаппаратурой, что позволяло поддерживать постоянную связь с командным пунктом корпуса и с подчинёнными дивизиями.

Севернее Цемпельбурга (Семпольно), у Гр. Клоня, завязался первый серьёзный бой. Это произошло в тот момент, когда вдруг внезапно рассеялся туман и развёрнутые в боевой порядок наступающие танки оказались перед фронтом обороны поляков. Оборонявшимся удалось из противотанковых пушек сделать несколько метких выстрелов, давших прямые попадания в наши машины. Были убиты один офицер, один курсант военного училища и восемь рядовых.

Большая Клоня была владением моего прадеда барона Гиллера фон Гертрингена. Кроме его могилы, там находилась и могила моего деда — Гудериана. Там же, в Большая Клоня, родился и мой отец. Впервые в своей жизни я приблизился к месту, которое когда-то было так любимо моими родными.

После замены машины я снова отправился на участок фронта 3-й танковой дивизии, вышедшей своими передовыми подразделениями на реку Брда. Главные силы дивизии стояли между Прущем и Малая Клоня, готовясь к расположению на отдых. Командир дивизии находился на совещании у командующего армейской группой генерал-полковника фон Бока. Поэтому меня проинформировали о положении на реке Брда находившиеся там офицеры 6-го танкового полка. Командир полка не верил в возможность форсирования реки в этот же день и намеревался старательно выполнить желанный приказ о расположении на отдых.

Приказ командира корпуса форсировать реку Брда в первый же день наступления был забыт. Раздражённый, я отошёл в сторону, чтобы обдумать, какими мерами можно ликвидировать эту нерадостную обстановку. Вдруг ко мне подошёл молодой лейтенант Феликс. Он был без мундира, рукава рубашки высоко засучены. Лицо и руки были чёрными от дыма.

«Господин генерал, — сказал он, — я прибыл с Брда. Гарнизон противника на берегу реки слаб. Поляки подожгли мост у Гаммермюле, но я погасил огонь своим танком. По мосту можно проехать. Продвижение срывается только тем, что некому командовать. Господину генералу следовало бы быть там». Удивлённо я смотрел на молодого человека. Он производил очень хорошее впечатление, его глаза говорили о том, что ему можно верить.

Может быть, этот молодой лейтенант и является тем, кто разгадал загадку Колумба о яйце?

Я последовал его совету, проехал через нагромождения польских и немецких машин на узкую песчаную лесную дорогу, ведущую в Гаммермюле, и прибыл туда между 16 и 17 час. За толстым дубом, примерно в 100 м от реки, стояло несколько штабных офицеров; они встретили меня возгласом: «Господин генерал, здесь ведь стреляют!». Этого, правда, нельзя было отрицать, так как танки 6-го полка и стрелки 3-го полка действительно стреляли с предельной интенсивностью.

Противника не было видно, так как он засел в окопах на противоположном берегу реки. Я приказал прежде всего прекратить бессмысленный огонь, в чём мне во многом помог подошедший командир 3-й пехотной бригады полковник Ангерн. Затем я отдал распоряжение установить протяжённость польской обороны. Ещё не введённый в бой 3-й мотоциклетный батальон получил приказ форсировать реку на надувных лодках в районе, который не обстреливался противником. Когда мотоциклистам удалось форсировать реку, я двинул танки через мост. Они взяли в плен оборонявшуюся польскую роту самокатчиков. Потери были минимальны.

Все наличные части были тотчас же привлечены к созданию предмостного укрепления на реке. Разведывательный батальон 3-й танковой дивизии получил приказ немедленно выйти через Тухольскую пустошь к Висле у Швец (Свече) и установить местонахождение главных сил поляков и их возможных резервов. К 18 час. закончилось форсирование реки. Ночью 3-я танковая дивизия выполнила поставленную перед ней задачу, достигнув Свекатова.

Я направился обратно на командный пункт корпуса в Цан и прибыл туда при наступлении сумерек.

Длинное шоссе было пусто. Нигде не было слышно ни одного выстрела. Каково же было моё удивление, когда вдруг меня окликнули непосредственно у самого Цана и я увидел несколько человек в шлемах. Это были люди из моего штаба. Они устанавливали противотанковую пушку на огневой позиции. На мой вопрос, зачем они это делают, я получил ответ, что польская кавалерия начала наступление и может появиться здесь каждую минуту. Я успокоил людей и приступил к работе в штабе.

В донесениях 2-й мотодивизии сообщалось, что наступление приостановлено перед проволочными заграждениями полейков. Все три полка были развёрнуты для боя в линии, и у дивизии больше не было резервов. Я отдал распоряжение ночью отвести с линии фронта левый полк и перебросить его за правый фланг дивизии с тем, чтобы на другой день ввести его в бой позади 3-й танковой дивизии с целью охвата противника в направлении на Тухель (Тухоля). 20-я мотодивизия, встретив слабое сопротивление противника, захватила Конитц (Хойнице), но значительно продвинуться после овладения городом ей не удалось, поэтому она снова получила приказ на продолжение наступления.

Нервозность первых дней войны ночью стала ещё более ощутимой. Так, командир 2-й мотодивизии доложил после полуночи, что он был вынужден отступить под натиском польской кавалерии. Услышав это, я сначала потерял дар речи, затем, взяв себя в руки, спросил командира дивизии, слышал ли он когда-нибудь, чтобы померанская пехота бегала от кавалерии противника. Он ответил отрицательно и заверил меня, что удержит свои позиции. На следующее утро я решил всё же съездить в эту дивизию. Прибыв туда в 5 час., я увидел, что штаб дивизии всё ещё чувствует себя до некоторой степени беспомощно. Встав во главе полка, выведенного ночью с линии фронта, я лично довёл его до места переправы на реке Каменка, севернее Большая Клonya, чтобы оттуда ввести этот полк в бой в направлении Тухель (Тухоля). Наконец, наступление 2-й мотодивизии быстро пошло по нужному руслу. Паника первых дней войны была преодолена.

Ночью разведывательный батальон 3-й танковой дивизии достиг Вислы. К сожалению, из-за неосторожности он понёс чувствительные потери в офицерском составе в имении Поледно, близ Шветца (Свеце).

Основные силы 3-й танковой дивизии были разделены рекой Брда на две части и в течение первой половины дня неоднократно атаковывались поляками на восточном берегу реки. Только к полудню удалось начать контрнаступление, и дивизия, ведя бои в лесу, смогла продолжить наступление, 23-я пехотная дивизия быстро следовала за 3-й танковой дивизией. Обе мотодивизии добились в Тухольской пустоши значительных успехов.

3 сентября, введя в бой 23-ю пехотную дивизию генерала графа Брокдорфа в промежуток между продвинувшейся до Вислы 3-й

танковой дивизией и 20-й мотодивизией, удалось после тяжёлых боёв и разного рода неудач полностью окружить противника, находившегося перед нами в лесу севернее Шветца (Свече) и западнее Грауденца (Грудзёндза). Польская поморская кавалерийская бригада из-за незнания конструктивных данных и способов действий наших танков атаковала их с холодным оружием и понесла чудовищные потери. Один польский артиллерийский полк был настигнут на марше по направлению к Висле нашими танками и уничтожен; лишь два орудия успели открыть огонь. Польская пехота также понесла тяжёлые потери. Часть транспортных колонн была при отходе перехвачена и уничтожена.

4 сентября кольцо вокруг окружённого противника сузилось. Битва в «польском коридоре» приближалась к концу.

Временный кризис в 23-й пехотной дивизии удалось преодолеть при помощи одного полка 32-й пехотной дивизии корпуса Штрауса.

Войска блестяще сражались и были в хорошем настроении. Потери рядового состава были незначительны, офицерского состава — необычайно велики: офицеры сражались с большей самоотверженностью. Генерал Адам, государственный секретарь барон фон Вейцзекер и полковник барон фон Функ потеряли в польской кампании своих сыновей.

3 сентября я посетил 23-ю пехотную и 3-ю танковую дивизии, повидался со своим сыном Куртом и любовался башнями города Кульма (Хелмно), в котором я родился.

4 сентября я наблюдал за боем, который вели в лесу 2-я и 20-я мотодивизии, после чего прибыл в старый немецкий учебный лагерь Группе западнее Грауденца (Грудзёндза). Ночью я посетил 3-ю танковую дивизию, которая, форсировав Вислу, замкнула кольцо окружения на востоке.

«Коридор» был прорван. Мы могли начать выполнение новой задачи. Но в то время как мы занимались своим трудным ремеслом, политическая обстановка серьёзно осложнилась. Англия и под её давлением Франция объявили войну рейху, тем самым наши надежды на длительный мир рухнули. Мы вступили во вторую мировую войну. Было ясно, что она продлится долго и мы должны будем упорно сражаться.

5 сентября корпус неожиданно посетил Адольф Гитлер. Я встретил его у Плевно на шоссе, идущем из Тухель (Тухоля) на Шветц (Свече), сел в его машину и по шоссе, по которому велось преследование противника, провёз его мимо разгромленной польской артиллерии в Шветц (Свече), а оттуда вдоль нашего переднего края кольца окружения в Грауденц (Грудзёндз), где он остановился на некоторое время у взорванного моста через Вислу. Глядя на уничтоженную артиллерию, Гитлер спросил: «Это сделали, наверно, наши пикирующие бомбардировщики?» Мой ответ «Нет, наши танки!», видимо, удивил Гитлера. Между Шветцом (Свече) и Грауденцом (Грудзёндзом) расположились части и подразделения 3-й танковой дивизии, которые не использовались для окружения польской армии. Среди них находились 6-й танковый полк и разведывательный батальон 3-й танковой дивизии, в котором служил мой сын Курт. Обратный наш путь проходил через расположение частей 23-й пехотной дивизии и 2-й мотодивизии.

Во время поездки мы сначала беседовали о боевой обстановке на участке моего корпуса. Гитлер осведомился — о потерях. Я назвал ему известные мне цифры: 150 убитых и 700 раненых в четырёх подчинённых мне на время сражения в «коридоре» дивизиях. Он был очень удивлён такими незначительными потерями и назвал мне для сравнения цифры потерь его полка «Листа» во время первой мировой войны после первого дня боевых действий; они достигали 2000 убитых и раненых в одном полку. Я мог указать на то, что незначительные потери в этих боях против храброго и упорного противника следует объяснить главным образом эффективностью танков. Танки — оружие, которое значительно уменьшает потери своих войск. Вера солдат и офицеров в превосходство их оружия сильно возросла благодаря успеху в «польском коридоре». Противник потерял две-три пехотные дивизии и одну кавалерийскую бригаду. Наши трофеи исчислялись тысячами военнопленных и сотнями орудий.

При приближении к Висле на горизонте появились силуэты домов какого-то города. Гитлер спросил, не Кульм (Хелмно) ли это. Я подтвердил: «Да, это Кульм. Я имел честь приветствовать вас в марте прошлого года на вашей родине, сегодня я могу принять вас на моей. Кульм — город, в котором я родился». Несколько лет спустя Гитлер вспомнил об этой сцене.

Затем наш разговор перешёл к техническим вопросам. Гитлер хотел знать, что в наших танках показало себя особенно хорошо, что нуждается в улучшении. Я высказал мысль о необходимости ускоренного подвоза средних танков Т-III и Т-IV к линии фронта и об увеличении их производства. Для дальнейшего усовершенствования конструкции танков надо обратить внимание на следующее: скорость танка удовлетворительна, очень важно увеличить толщину брони, особенно в лобовой части танка, повысить дальность и пробивную способность снарядов танковых орудий, для чего удлинить стволы орудий и использовать снаряды с большим зарядом. То же самое относится и к нашим противотанковым пушкам.

Объявив благодарность войскам за их успехи, Гитлер покинул корпус при наступлении темноты. Он направился в свою ставку.

Следует ещё отметить, что население, воспользовавшись затишьем в боевых действиях для того, чтобы выбраться из своих убежищ, очень тепло приветствовало Гитлера и преподносило ему цветы.

Город Шветц (Свеце) был украшен чёрно-бело-красными флагами. Визит Гитлера произвёл очень хорошее впечатление на войска. К сожалению, в дальнейшем ходе войны Гитлер приезжал на фронт всё реже и реже, а в последние годы совсем перестал посещать его. Тем самым он потерял контакт с солдатами и способность понимать их заслуги и страдания.

6 сентября штаб корпуса и передовые части дивизий переправились через Вислу. Командование и штаб корпуса остановились в Финкенштейне, в чудесном дворце графов Дона-Финкенштейн. Этот дворец Фридрих Великий пожаловал своему министру графу фон Финкенштейну. Дворец дважды служил штаб-квартирой Наполеону I. Впервые император прибыл туда, когда его армия в 1807 г., ведя войну с Пруссией и Россией, шла через Вислу в Восточную Пруссию. Двигаясь по однообразной и бедной Тухольской пустоши, Наполеон увидел этот дворец и воскликнул: «Наконец-то замок!» Это можно понять. Там он планировал продолжение похода по направлению к Прейсиш-Эйлау (Багратионовск) и оставил след своего пребывания, исцарапав пол своей шпорой. В 1812 г. перед походом в Россию он вторично приехал во дворец и жил там несколько недель с прекрасной графиней Залевской.

И вот в этой бывшей комнате Наполеона разместился я.

К сожалению, наш хозяин граф Дона был болен и лежал в клинике в Берлине, так что я не имел чести познакомиться с ним и с графиней. Домашние графа были так любезны, что предложили мне поохотиться на оленей. Так как мы не имели приказа о наших дальнейших действиях и знали только, что мы выходим из подчинения командующего 4-й армией и поступаем непосредственно в распоряжение командующего группой армий фон Бока, то я решил принять предложение, надеясь, что оно не принесёт никакого ущерба интересам армии. Пока мои дивизии были заняты переправой через реку, я с вечера 7 до утра 8 сентября успешно охотился, убив сильного двенадцатилетнего оленя. Лесничий из графского лесного управления, будучи человеком скрупулёзно справедливым, не решился сопровождать меня.

* * *

8 сентября мои дивизии переправились на другой берег реки у Меве и Кеземарка. События стали развиваться быстрыми темпами. Вечером меня вызвали в штаб группы армий в Алленштайн (Олыптын) для получения приказа. В 19 час. 30 мин. я покинул Финкенштейн и между 21 час. 30 мин. и 22 час. 30 мин. получил боевую задачу. Командующий группой армий сначала намеревался отдать мой корпус 3-й армии генерала, фон Кюхлера и ввести его в бой на её левом фланге из района Арис (Ожиш) в направлении Ломжа, восточная окраина Варшавы. Мне казалось, что такая тесная прикованность моего корпуса к пехотной армии противоречит характеру моего рода войск. Я предполагал, что это не даст мне возможности использовать скорость передвижения моторизованных дивизий и что при нашем медленном продвижении силы поляков, обороняющие Варшаву, получают шансы отойти на восток и подготовить новый рубеж сопротивления по восточному берегу Буга. Я предложил поэтому начальнику штаба армейской группы генералу фон Зальмуту оставить танковый корпус в непосредственном распоряжении армейской группы и ввести его в бой слева от армии фон Кюхлера через Визня восточнее Буга на Брест.

Этим самым все попытки поляков организовать устойчивую оборону в районе Варшавы были бы обречены на полный провал. Зальмут, а потом и генерал-полковник фон Бок согласились с моим предложением.

Получив соответствующий приказ, я направился в учебный лагерь Арис (Ожиш), куда вызвал ординарцев дивизий для вручения им моего приказа. Из моих старых дивизий я сохранил в первую очередь 3-ю танковую дивизию и 20-ю мотодивизию. 2-я мотодивизия находилась пока в резерве группы армий. 10-я танковая дивизия, входившая ранее в армию фон Кюхлера, и вновь сформированная крепостная пехотная бригада «Лётцен», укомплектованная военнообязанными пожилых возрастов, поступали снова в распоряжение командира 19-го армейского корпуса. Следует отметить, что дивизия и бригада участвовали в боях на реке Нарев под Визня и севернее её.

После того как утром 9 сентября в Арисе (Ожише) обеим входящим в мой корпус дивизиям был спущен приказ, я направился в Коженести (19 км севернее Ломжи), к моему новому правому соседу, генералу фон Фалькенхорсту, командиру 21-го армейского корпуса, чтобы ознакомиться с обстановкой и с приданными мне новыми частями. Я прибыл туда между 5 и 6 час. утра и разбудил товарищей, проинформировавших меня о ходе боевых действий. При этом я узнал, что попытка взять Ломжу внезапным нападением не удалась, встретив мужественное сопротивление поляков, а также из-за недостатка боевого опыта у наших солдат, 21-й армейский корпус остановился на северном берегу реки Нарев.

Бригада и её командир полковник Галь произвели на меня отличное впечатление. Форсирование реки прошло удачно, и само наступление осуществлялось энергично. Я одобрил меры, принятые командиром бригады, и поехал обратно в 10-ю танковую дивизию.

Когда я снова прибыл в Визня, то должен был с разочарованием констатировать, что утреннее донесение об успехах пехоты 10-й танковой дивизии ошибочно. Правда, пехота форсировала реку, но дотов, входящих в систему береговых укреплений, не достигла. К моему приезду изменений не произошло. Поэтому я решил переправиться через реку и найти командира полка. Но мне не удалось обнаружить его командный пункт. Командные пункты командиров батальонов также были очень хорошо замаскированы. Я причалил к берегу. Здесь танков дивизии не было видно; они всё ещё находились на северном берегу реки Нарев. Поэтому я послал сопровождавшего меня офицера обратно, приказав привести сюда танки. На переднем крае творилось что-то непонятное; на мои вопросы ответили, что происходит смена рот, расположенных на переднем крае. Всё здесь выглядело, как при разводе караулов. О приказе на наступление люди ничего не знали. Наблюдатель тяжёлого артиллерийского дивизиона сидел без дела у пехотинцев. Где находится противник, никто не знал; разведчиков перед фронтом не было.

Я приказал прекратить этот странный манёвр со сменой и вызвал командира полка и командиров батальонов. Затем приказал командиру тяжёлого артиллерийского дивизиона вести огонь по польским дотам. С командиром полка, прибывшим ко мне через некоторое время, я отправился на рекогносцировку переднего края обороны противника и продвигался с ним вперёд до тех пор, пока не попал под обстрел. Мы находились у самых дотов; там мы увидели немецкую противотанковую пушку, расчёт которой под руководством командира в одиночестве храбро продолжал наступление. Отсюда мы и начали наступать. Не стану отрицать: я был очень рассержен всем случившимся.

Когда я вернулся на Нарев, танковый полк всё ещё находился на северном берегу реки. Командиру полка было приказано ускоренным темпом начать переправу через реку. Так как мост ещё не был готов, танки пришлось переправлять на пароме. Уже было 18 час., когда,

наконец, наладилось наступление. Оно развивалось быстро и с очень незначительными потерями.

Если бы раньше действия наступавших были такими же энергичными и целеустремлёнными, как теперь, то эти успехи могли бы быть достигнуты уже в первой половине дня.

Прежде чем разыскать оборудованный в Визня командный пункт корпуса, я приказал в устной и письменной форме сапёрному офицеру, руководившему постройкой моста, быстро навести через Нарев понтонный мост, необходимый для срочной переправы 10-й, а затем и 3-й танковых дивизий.

По прибытии на командный пункт я распорядился подготовить приказ на следующий день, предусматривавший форсирование реки Нарев 20-й мотодивизией правее 10-й танковой дивизии и переправу 3-й танковой дивизии за 10-й танковой дивизией.

Ночевали мы в Визня, в новом здании при костёле, правда, ещё неотстроенном и необжитом; но другие дома были ещё хуже.

10 сентября в 5 час. утра мне стало известно, что мост через Нарев, который был уже готов около полуночи, снова разобрали по приказу командира 20-й мотодивизии и навели для этой же дивизии другой мост, ниже по течению. Переправа танковых дивизий должна была проходить на паромках. Это приводило меня в отчаяние. Офицер-сапёр не довёл до командира дивизии мой приказ. Он действовал в полной уверенности, что командир дивизии знаком с ним. Пришлось до самого вечера строить другой мост для танков.

В этот же день 20-я мотодивизия генерала Викторина завязала ожесточённые бои у Замбрув. Основные силы дивизии двигались к р. Зап. Буг по направлению к Нур. Впереди них я направил учебный разведывательный батальон, который без боя достиг реки. 10-я танковая дивизия продвинулась до Браньска, во время своего продвижения она несколько раз вступала в бой.

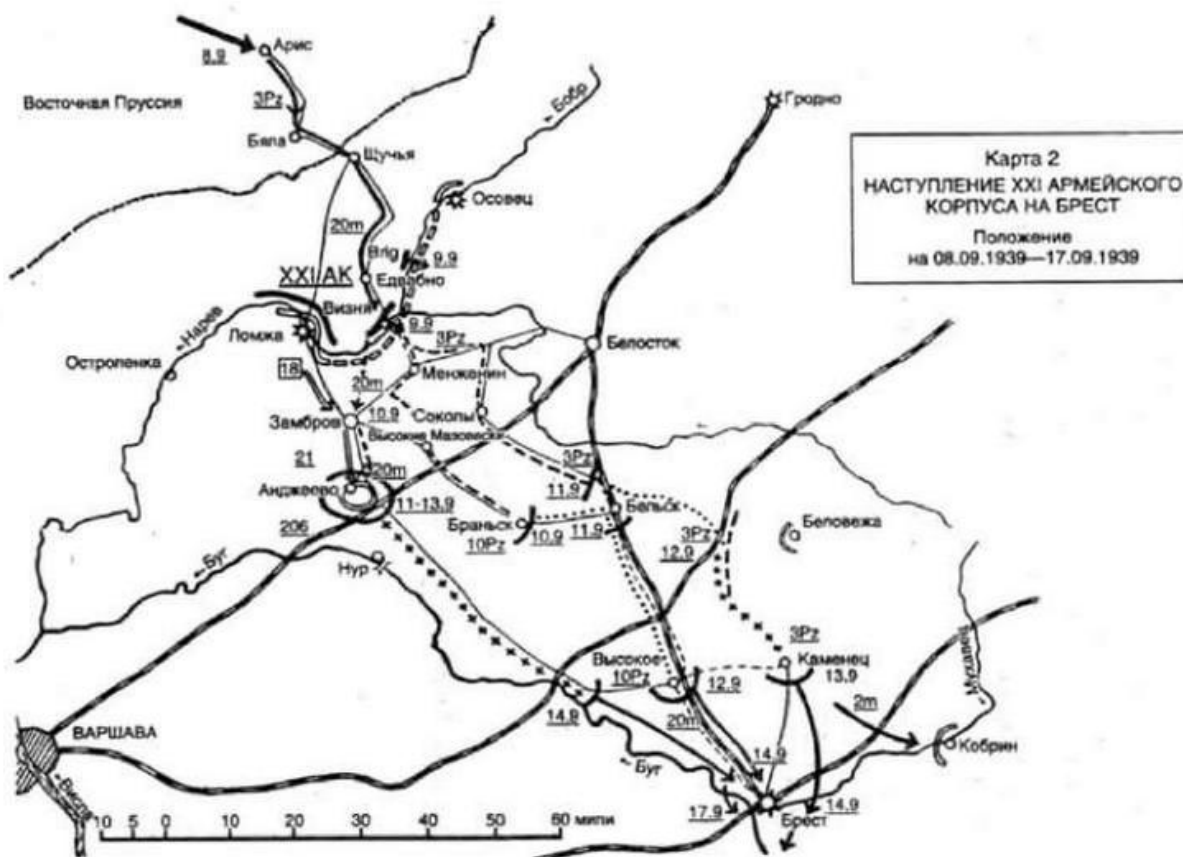
Вечером я последовал за этой дивизией и ночевал в горящем населённом пункте Выс. Мазовецк. Штаб моего корпуса, который вечером переправился через Нарев и следовал за мной, не смог к ночи достигнуть моего места расположения и остановился в одной горячей деревушке севернее Выс. Мазовецк, так что мы были вынуждены ночевать врозь — очень неудобное положение для отдачи приказов и

распоряжений. Слишком рано я приказал переменить место расположения штаба, лучше бы в этот вечер я остался в Визня.

Первая половина дня 11 сентября прошла в нетерпеливом ожидании прибытия штаба корпуса. Польские части, которые намеревались отступить от Ломжи на юго-восток, оседлали шоссе южнее Замбрув, по которому 20-я мотодивизия совершала наступательный марш, поставив тем самым эту дивизию в тяжёлое положение. Командир дивизии решил вернуть части, продвинувшиеся уже вперёд по направлению к Бугу, чтобы окружить и уничтожить противника. Я повернул части 10-й танковой дивизии на противника. Между тем в 3-й танковой дивизии, продвигавшейся слева от 10-й дивизии, распространился слух, что мне у Выс. Мазовецк угрожает опасность попасть в окружение к полякам, поэтому 3-й мотоциклетный батальон повернул на Выс. Мазовецк, чтобы выручить меня. Солдаты очень обрадовались, увидев меня стоящим на шоссе в этом населённом пункте. Проявление чувства взаимной выручки мотоциклистов произвело на меня приятное впечатление.

Штаб корпуса провёл ночь в населённом пункте Выс. Мазовецк.

12 сентября 20-й мотодивизии вместе с частями 10-й танковой дивизии, поспешно прибывшими для поддержки пехоты, удалось окружить поляков у Андрееве, 10-я танковая дивизия достигла населённого пункта Выс. Литовски (Высокое), 3-я танковая дивизия — Бельска. Сам я прибыл в Бельск с передовыми дозорами разведывательных батальонов и получил там донесения с самыми свежими данными о противнике. Во второй половине дня я встретил своего сына Курта.

Командный пункт был перемещён в Бельск. 2-я мотодивизия была выведена из резерва группы армий и снова передана в наше распоряжение. Она получила приказ, двигаясь через Ломжу и Бельск, присоединиться к корпусу. В приказе говорилось: «Командиру дивизии двигаться впереди». Но когда утром 13 сентября генерал Бадер, выполняя приказ, выехал вперёд, взяв с собой лишь радиостанцию, между Браньском и Вольском он натолкнулся на польские части, пытавшиеся выйти из окружения у Андрееве. Бадер вынужден был провести под огнём противника несколько неприятных часов, пока мы не узнали по сигналам его радиста, действовавшего довольно умело, об опасном положении генерала и не освободили его. Этот случай был также хорошим уроком ведения войны для бронетанковых войск.

В этот же день поляки прекратили сопротивление у Андрееве. Командир 18-й польской дивизии попал в плен. 3-я танковая дивизия достигла Каменец. Велась разведка сил Бреста. Был отдан приказ на наступление на эту крепость. Ночь мы провели в Бельске.

Нам стало известно, что польские части вышли к знаменитой Беловежской пуще. Но я хотел уклониться от боёв в лесу, так как они

отвлекли бы нас от выполнения главной задачи достигнуть Бреста и сковали бы крупные силы. Поэтому я удовлетворился тем, что организовал наблюдение за лесным массивом.

14 сентября части 10-й танковой дивизии — подразделения разведывательного батальона и 8-го танкового полка — вышли к линии фортов Бреста. Я быстро начал марш на Брест всем корпусом, чтобы использовать внезапность для достижения успеха. Ночь мы провели в Выс. Литовски (Высокое).

15 сентября кольцо вокруг Бреста было замкнуто на восточном берегу Буга. Попытка взять эту цитадель внезапным нападением танков провалилась лишь потому, что поляки поставили во входных воротах старый танк Рено, который и помешал нашим танкам ворваться в город. Командный пункт корпуса к ночи переехал в Каменец. 20-я мотодивизия и 10-я танковая дивизия 16 сентября начали совместное наступление на цитадель. Штурмом взяли гребень вала, но атака захлебнулась, так как пехотный полк 10-й танковой дивизии не выполнил приказа наступать непосредственно за огневым валом артиллерии. Когда полк, в передовые подразделения которого я тотчас же направился, с опозданием и уже без приказа вновь предпринял атаку, он понёс, к сожалению, тяжёлые потери, не достигнув успеха. Мой адъютант подполковник Браубах в этих боях был тяжело ранен и умер через несколько дней. Он пытался прекратить огонь, который вели наступавшие сзади части по своим передовым подразделениям, но был сражён польским снайпером, укрывавшимся в 100 м за гребнем вала. Это была очень чувствительная потеря.

3-я танковая дивизия продвигалась восточнее Бреста на Влодаву, а следовавшая за ней 2-я мотодивизия — на восток, к Кобрину.

Командный пункт корпуса оставался в Каменец.

Утром 17 сентября гигантская цитадель была взята 76-м пехотным полком полковника Голлника, переправившимся ночью на западный берег Буга как раз в тот момент, когда польский гарнизон пытался прорваться из Бреста на запад по неповреждённому мосту через Буг. Это был конец кампании. Штаб корпуса перешёл в Брест и разместился в Войводшафте. Здесь мы узнали, что русские с востока совершают наступательный марш.

Польский поход явился боевым крещением для моих танковых соединений. Я пришёл к убеждению, что они полностью себя

оправдали, а затраченные на их создание усилия окупились. Мы стояли на Буге фронтом на запад в полной готовности встретить остатки польской армии. Тыл корпуса охранялся 2-й мотодивизией, которой пришлось вести тяжёлые бои под Кобрином. Мы ожидали каждую минуту установления непосредственной связи с танковыми частями, подходившими с юга. Наши передовые разведывательные подразделения достигли Любомль.

Между тем штаб 4-й армии генерал-полковника фон Клюге переместился ближе к нам, и мы снова вошли в его подчинение. Крепостная бригада «Лётцен», которая так храбро сражалась на Нареве, несколько дней обеспечивала наш левый фланг, а затем была также подчинена 4-й армии. Командующий 4-й армией приказал 19-му армейскому корпусу продвигаться одной дивизией на юг, другой на восток к Кобрину, третьей — на северо-восток к Белостоку. Осуществление этого решения привело бы к разделению корпуса на отдельные части, и всякое управление им стало бы невозможным. Появление русских избавило нас от необходимости выполнять этот приказ.

В качестве вестника приближения русских прибыл молодой русский офицер на броневомobile, сообщивший нам о подходе их танковой бригады. Затем мы получили известие о демаркационной линии, установленной министерством иностранных дел, которая, проходя по Бугу, оставляла за русскими крепость Брест; такое решение министерства мы считали невыгодным. Затем было установлено, что район восточнее демаркационной линии должен быть оставлен нами к 22 сентября. Этот срок был настолько коротким, что мы даже не могли эвакуировать наших раненых и подобрать повреждённые танки. По-видимому, к переговорам об установлении демаркационной линии и о прекращении военных действий вообще не был привлечён ни один военный.

В связи с оставлением Бреста следует вспомнить ещё одну небольшую сцену. Епископ Данцига (Гданьска) О'Роурк вместе с примасом Польши кардиналом Глондом покинули Варшаву и направились на восток. Когда оба эти духовных лица прибыли в Брест, то, к своему большому удивлению, они натолкнулись там на немцев. Кардинал повернул на юго-восток и скрылся в Румынии. Епископ

данцигский выбрал путь на северо-восток и попал прямо в наши руки. Он попросил разрешения побеседовать со мной, на что я охотно согласился. Беседа состоялась в Бресте. Так как он не знал, где ему может быть обеспечена безопасность, и ни в коем случае не хотел, чтобы его передали русским, я посоветовал ему присоединиться к одной из моих транспортных колонн, которые подвозили продовольствие и боеприпасы из Кёнигсберга (Калининграда). Оттуда он легко смог бы добраться до эрмландского епископа и встать под его защиту. Епископ принял это предложение и вместе со своей свитой спокойно выехал из военной зоны. Позже в любезном письме, подчеркнув традиционное рыцарство немецкого офицерского корпуса, он благодарил меня за оказанную ему помощь.

В день передачи Бреста русским в город прибыл комбриг Кривошеин, танкист, владевший французским языком; поэтому я смог легко с ним объясниться. Все вопросы, оставшиеся неразрешёнными в положениях министерства иностранных дел, были удовлетворительно для обеих сторон разрешены непосредственно с русскими. Мы смогли забрать всё, кроме захваченных у поляков запасов, которые оставались русским, поскольку их невозможно было эвакуировать за столь короткое время. Наше пребывание в Бресте закончилось прощальным парадом и церемонией с обменом флагами в присутствии комбрига Кривошеина.

Прежде чем оставить крепость, которая стоила нам столько крови, мы проводили 21 сентября моего адъютанта подполковника Браубаха на вечный покой. Я тяжело переживал потерю этого храброго офицера и старательного сослуживца. Рана, которую он получил, сама по себе и не была бы смертельной, но наступивший затем сепсис поразил сердце, что привело к смертельному исходу.

Вечером 22 сентября мы прибыли в Замбрув. 3-я танковая дивизия была уже впереди; она направлялась в Восточную Пруссию. Другие дивизии следовали за ней. Корпус как боевая единица больше не существовал. 23 сентября мы остановились в Галлингене, в прекрасном имении графа Бото-Венда из Эйленбурга. Сам граф был в действующей армии, поэтому мы были приняты его любезной супругой и прелестной дочерью. У них мы отдохнули несколько дней; отдых после стремительного похода хорошо подкрепил нас.

Мой сын Курт хорошо перенёс эту кампанию. От моего второго сына Гейнца я не имел никаких известий, так как вообще за всю кампанию ни одна полевая почта не успевала за войсками. Это был большой недостаток. Теперь мы надеялись на скорое возвращение на родину к прежним местам дислокации, чтобы быстро привести войска снова в боевую готовность.

В то время мы также надеялись, что быстрая победа в Польше окажет определённое политическое воздействие и западные державы удастся склонить к разумному миру. Мы полагали, что Гитлер в противном случае быстро решится начать наступление на запад. К сожалению, обе надежды оказались иллюзорными. Началось то время, которое Черчилль назвал «странной войной».

Воспользовавшись свободным временем, я посетил своих родственников, проживавших в Восточной Пруссии. Среди них я встретил племянника из Западной Пруссии, который вынужден был стать польским солдатом, а теперь, освобождённый из плена, хотел служить своему собственному народу.

9 октября штаб корпуса был переведён в Берлин. По пути в столицу я снова повидался со своими родственниками в Западной Пруссии, пережившими тяжёлые дни наподобие Бромбергского кровавого воскресенья. Нанёс я визит также и своему родному городу Кульму (Хелмно), нашёл там дома, в которых жили мои родители и бабушка. Это было, пожалуй, последнее свидание с родными местами.

Вернувшись в Берлин, я вскоре испытал радость: мой старший сын был награждён железным крестом I и II класса. Он принимал участие в тяжёлых боях в Варшаве.

Я не могу закончить описание польской кампании, не упомянув о своём штабе, который во главе с начальником штаба полковником Нерингом работал блестяще. Благодаря своей хорошей выучке и отличной технике составления и отдачи приказов и распоряжений штаб во многом способствовал успехам корпуса.

27 октября я был вызван в имперскую канцелярию. Там собралось 24 офицера, награждённых Рыцарским Железным крестом. Я испытал удовлетворение, столь рано получая этот орден, и видел в этом прежде всего признание моей борьбы за создание современных бронетанковых войск. Несомненно, этот род войск решающим образом способствовал тому, что кампания закончилась в такое короткое время и с такими незначительными потерями. Во время завтрака, устроенного после вручения орденов, я сидел с правой стороны от Гитлера и вёл с ним оживлённую беседу о развитии бронетанковых войск и об уроках прошедшей кампании. Наконец, он спросил вне всякой связи с тем, о чём мы беседовали: «Я хотел бы знать, как воспринял народ и армия пакт с Советской Россией?» На этот вопрос я смог лишь ответить, что мы, солдаты, облегчённо вздохнули, когда в конце августа до нас дошло известие о заключении пакта. Благодаря этому пакту мы почувствовали, что тыл наш свободен, и были счастливы, что удалось избавиться от опасности ведения войны на два фронта, что в прошлой мировой войне вывело нас из строя на продолжительное время. Гитлер посмотрел на меня с большим удивлением, и я почувствовал, что мой ответ не удовлетворил его. Однако он ничего не ответил и перешёл на другую тему. Только много позже я узнал, насколько глубоко Гитлер ненавидел Советскую Россию. Он, вероятно, ожидал, что я выражу удивление по поводу заключения этого пакта, связавшего его со Сталиным.

Непродолжительный отдых в собственном доме был омрачён печальным событием. 4 ноября в моём доме в Берлине умерла моя дорогая тёща. Мы похоронили её в Госларе рядом с тестем. Новый приказ заставил меня оставить дом.

В середине ноября мой штаб был переведён в Дюссельдорф, а затем внезапно в Кобленц. Там я поступил в распоряжение командующего группой армий «А» генерал-полковника фон Рундштедта.

С целью улучшить политическую подготовку офицерского корпуса, в особенности генералитета, в Берлине был прочитан цикл лекций, причём наряду с другими лекторами выступали также Геббельс, Геринг и, наконец, 23 ноября сам Гитлер.

Слушателями были главным образом генералы и адмиралы, но присутствовали также преподаватели и офицеры-воспитатели военных

школ до обер-лейтенанта включительно.

В лекциях трёх названных лиц повторялась примерно одна и та же мысль: «Генералы военно-воздушных сил, действующие под целеустремлённым руководством партайгеноссе Геринга, — абсолютно надёжные люди в политическом отношении; также и адмиралы надёжно воспитываются в духе указаний Гитлера; однако к генералам сухопутных войск у партии нет полного доверия».

После успехов в только что закончившейся польской кампании этот тяжёлый упрёк всем нам был непонятен. По возвращении в Кобленц я посетил начальника штаба группы армий, хорошо знакомого мне генерала фон Манштейна, чтобы поговорить с ним о мерах, которые надлежит принять. Манштейн разделял моё мнение, что генералитет не может мириться с упомянутыми высказываниями. Он беседовал уже со своим командующим, но тот не был склонен что-либо предпринимать. Он посоветовал мне ещё раз поговорить с Рундштедтом, что я и сделал немедленно. Генерал-полковник фон Рундштедт был уже информирован обо всём; он согласился лишь посетить главнокомандующего сухопутными силами и сообщить ему о создавшихся среди нас мнениях. Я возразил ему, сказав, что упреки в первую очередь преднамеренно направлены по адресу главнокомандующего сухопутными силами и что он лично слышал их; дело состоит как раз в том, чтобы подойти к Гитлеру с другой стороны и рассеять эти необоснованные подозрения. Генерал фон Рундштедт не проявил готовности предпринять дальнейшие шаги.

В последующие дни я посетил некоторых старых генералов, чтобы побудить их к действиям, но всё это было тщетно. Последним в этом кругу был генерал-полковник фон Рейхенау, преданность которого Гитлеру и партии всем была известна. Однако, к моему удивлению, Рейхенау заявил, что его отношения с Гитлером ни в коей мере нельзя назвать хорошими, что, наоборот, у него были с ним очень острые разногласия. По этой причине его обращение к Гитлеру не имеет никакого смысла. Но он считал совершенно необходимым сообщить Гитлеру о настроении генералитета и потому предложил мне взять эту задачу на себя. Я сказал, что я являюсь одним из самых молодых генералов, командиров корпусов, и поэтому едва ли могу взять на себя полномочия выступить от имени столь многих старых генералов. Он высказал мнение, что это, может быть, как раз и хорошо.

Незамедлительно он назначил меня на доклад в имперскую канцелярию, и на другой день мне было приказано прибыть в Берлин к Гитлеру. Из этой беседы я вынес впечатления, заслуживающие упоминания.

Я находился с Гитлером с глазу на глаз. Он слушал меня, не перебивая, почти двадцать минут. Я рассказал ему о тех трёх лекциях, прослушанных мной в Берлине, в которых выражался один и тот же упрёк по адресу генералитета сухопутных войск, и затем продолжал:

«Все генералы, с которыми мне после этого приходилось встречаться, выражали своё удивление и неудовлетворённость тем, что видные лица имперского правительства питают к ним такое явное недоверие, хотя они в только что закончившейся польской кампании в полную силу своих возможностей, не жалея своей жизни, сражались за Германию и победоносно закончили поход в течение неполных трёх недель. Я считаю, что допустить трещину такого размера внутри верховного командования перед лицом предстоящей тяжёлой войны с западными державами — значит обречь наступление на провал. Вы, может быть, будете удивляться, что к вам пришёл и говорит об этом один из самых молодых генералов из числа командиров корпусов. Я просил сделать этот шаг многих старых генералов, но ни один из них не изъявил готовности. После того как вы выслушали меня, вы не сможете говорить впоследствии: „Я выразил своё недоверие к генералам сухопутных войск, а они смирились с этим. Ни один из них не протестовал против этого“. Вот поэтому я и пришёл сегодня к вам, чтобы заявить протест против высказываний, которые мы восприняли как несправедливые и оскорбительные. Если вы питаете недоверие к отдельным генералам (а речь может идти только об отдельных генералах), тогда вы должны устранить их. Предстоящая война будет продолжаться долго. Мы не можем терпеть такого раскола в верховном командовании, необходимо восстановить доверие, пока война не достигла критической стадии, как это имело место во время первой мировой войны в 1916 г., пока Гинденбург и Людендорф не возглавили верховное командование. Однако тогда такой шаг

был сделан слишком поздно. Наше верховное командование должно остерегаться такого положения, когда необходимые решительные меры опять будут приняты слишком поздно.»

Гитлер слушал меня очень серьёзно. Когда я кончил, он бесцеремонно сказал: «Речь идёт о главнокомандующем сухопутными силами!» Я ответил: «Если вы не питаете доверия к главнокомандующему сухопутными силами, то вы должны сместить его и поставить во главе сухопутных сил такого генерала, которому вы больше всех доверяете». И вот Гитлер поставил вопрос, которого я опасался: «Кого вы предлагаете?» Я стал перебирать в памяти лиц, которые, по моему мнению, способны были выполнять эту ответственную должность. Первым я назвал генерал-полковника фон Рейхенау. Гитлер отклонил его кандидатуру: «О нём не может быть и речи».

Выражение его лица было необычайно недовольным, и я понял, что Рейхенау во время нашей беседы в Дюссельдорфе несколько не преувеличивал, говоря о своих плохих взаимоотношениях с Гитлером. Ряд других кандидатур, начиная от генерал-полковника фон Рундштедта, был также отклонён. Я встал в тупик и замолчал. Тогда начал говорить Гитлер. Он подробно изложил историю возникновения своего недоверия к генералам, начиная с момента формирования армии, когда Фрич и Бек создали для него ряд трудностей, противопоставив его требованию о немедленном создании 36 дивизий своё предложение ограничиться 21 дивизией. Перед оккупацией Рейнской области генералы тоже предостерегали его; они были даже готовы, увидав первые признаки недовольства на лице французов, отвести обратно введённые в Рейнскую область войска, если бы имперский министр иностранных дел не высказался против этой уступки. Затем его сильно разочаровал фельдмаршал фон Бломберг и ожесточил случай с Фричем. Бек возражал ему по чешскому вопросу и не принял в его решении никакого участия. Нынешний главнокомандующий внёс ему совершенно неприемлемые предложения по вопросам вооружения. Ярким примером этого является его совершенно неудовлетворительное предложение о расширении производства лёгких полевых гаубиц. Его план содержал смехотворно малые цифры. Уже есть разногласия и по вопросу проведения польской кампании. Что же касается совершения

предстоящего похода на Запад, то его, Гитлера, мнение тоже расходится с мнением главнокомандующего.

Затем Гитлер поблагодарил меня за мою откровенность, и беседа закончилась, не дав никаких результатов. Она продолжалась примерно около часа. Удручённый перспективами, которые нарисовал мне Гитлер, я вернулся в Кобленц.

Глава V

ЗАПАДНАЯ КАМПАНИЯ

Подготовка

До начала кампании против западных держав, чего мы рады были бы избежать, изучался опыт боевых действий в Польше. Этот опыт показал (и для меня это не было неожиданным), что лёгкие пехотные дивизии представляют собой неполноценные соединения. Было решено переформировать их в танковые дивизии под номерами 6–9. Моторизованные дивизии оказались слишком громоздкими по своему составу, и из них было изъято по одному пехотному полку. Перевооружение танковых полков танками типа Т-III и Т-IV, что было особенно важно и необходимо, продвигалось чрезвычайно медленно вследствие слабой производственной мощности промышленности, а также в результате консервирования новых типов танков главным командованием сухопутных сил.

В моё подчинение по вопросам боевой подготовки было передано несколько танковых дивизий и пехотный полк «Великая Германия». Меня занимали главным образом мысли о плане и возможном ходе операций на западе.

Главное командование сухопутных сил, подгоняемое Гитлером, намеревалось снова использовать старый план — так называемый «План Шлиффена» 1914 г. Это было быстрее и проще, но не содержало ничего нового. Поэтому очень скоро мысль стала работать в другом направлении. Однажды в ноябре 1939 г. Манштейн попросил меня зайти к нему. Он изложил мне свои взгляды относительно наступления крупными бронетанковыми силами через Люксембург и южную часть Бельгии на «линию Мажино» у Седана с целью прорыва этого укрепленного участка, а затем и всего французского фронта. Манштейн

попросил меня рассмотреть его предложение с точки зрения специалиста по бронетанковым войскам. После детального изучения карт и на основе личного знакомства с условиями местности во время первой мировой войны я смог заверить Манштейна, что планируемая им операция осуществима. Единственное условие, которое я мог поставить, было использование в этом наступлении достаточного количества танковых и моторизованных дивизий, а лучше всего всех!

После этого Манштейн составил докладную записку. Одобрённая и подписанная генерал-полковником фон Рундштедтом 4 декабря 1939 г. докладная записка была направлена главному командованию сухопутных сил, однако там она не получила одобрения. Главное командование сухопутных сил первоначально хотело использовать для наступления через Арлон лишь одну-две танковые дивизии. Начался обмен мнениями по этому вопросу. Я считал такие силы слишком слабыми, а потому и операцию — бесцельной. Дробление и без того слабых бронетанковых сил было бы самой крупной ошибкой, какую вообще можно совершить. Перед возможностью совершения такой ошибки как раз и стояло главное командование сухопутных сил. Манштейн настоятельно добивался своего, чем навёл на себя неблагоприятность главного командования сухопутных сил в такой степени, что его назначили командиром армейского корпуса. Он попросил дать ему хотя бы танковый корпус, но его просьба не была удовлетворена. Так Манштейн — наш самый лучший оперативный ум — с корпусом в третьем эшелоне и участвовал в кампании, блестящему осуществлению которой во многом способствовала проявленная им инициатива. Его преемником при генерал-полковнике фон Рундштедте стал более спокойный генерал фон Зоденштерн.

Между тем случай, происшедший в военно-воздушных силах, заставил командование отказаться от плана Шлиффена. Офицер связи военно-воздушных сил ночью 10 января 1940 г. с важными документами летел на самолёте через бельгийскую границу, что было запрещено. Самолёт сделал вынужденную посадку на территории Бельгии. По документам, находившимся при офицере, можно было догадаться о намеченном наступлении по плану Шлиффена. Удалось ли ему уничтожить документы, было неизвестно. Во всяком случае, следовало считаться с тем, что о наступлении возможно стало известно бельгийцам, а, по-видимому, также французам и англичанам.

Кроме того, Манштейн, явившийся к Гитлеру в связи с назначением на должность командира корпуса, воспользовался случаем и изложил ему своё мнение относительно будущих операций. После этого оперативный план Манштейна стал предметом изучения. 7 февраля 1940 г. во время штабной военной игры в Кобленце я получил ясное представление о нём. На этой игре я предложил на пятый день кампании начать наступление крупными танковыми и моторизованными силами с целью прорыва обороны на р. Маас у Седана и дальнейшего развития наступления в направлении на Амьен. Начальник генерального штаба сухопутных сил Гальдер, присутствовавший на манёврах, назвал это предложение «бессмысленным». Ему казалось, что достаточно достичь Мааса бронетанковыми войсками, создать на нём предмостные укрепления, обождать подхода полевых армий и затем начать «совместное наступление», т. е. не ранее как на девятый или десятый день кампании. Я пылко возражал и подчеркнул, что речь идёт о том, чтобы сосредоточенно и внезапно использовать всю ударную силу имеющихся, в ограниченном количестве танков на одном решающем участке, расширить прорыв, а затем, усилив ударную группировку, выйти на такую глубину, чтобы не опасаться за фланги, и незамедлительно использовать возможный успех, независимо от степени продвижения армейских корпусов.

Моё мнение о значении пограничных укреплений было поддержано специалистом по фортификации при группе армий майором фон Штиота, тщательно изучившим этот вопрос. Господин фон Штиота основывался главным образом на имеющихся материалах аэрофотосъёмки, и поэтому его аргументы были неопровержимы.

14 февраля в Майене в штабе 12-й армии генерал-полковника Листа вторично в присутствии Гальдера проводилась военная игра, на которой разыгрывалось сражение за переправу через Маас.

Главный вопрос, поставленный передо мной, сводился к тому, должны ли танковые дивизии самостоятельно форсировать реку или ждать подхода пехоты; следует ли им в последнем случае принимать участие в наступлении сразу же после форсирования реки, учитывая труднопроходимый характер местности в Арденнах, севернее Мааса. Обмен мнениями протекал настолько удручающе, что генерал фон Витерсгейм, командир 14-го моторизованного армейского корпуса,

который должен был следовать за моим корпусом, и я в заключение заявили, что при таких условиях мы не можем верить в осуществление этой операции. Мы заявили, что такое использование танков является неправильным и если оно будет осуществляться по приказу, то может наступить кризис доверия.

Дело ещё больше усложнилось, когда выяснилось, что генерал-полковник фон Рундштедт также не имеет ясного представления о боевых возможностях танков и выступает за осторожное решение этого вопроса. Вот теперь-то и нужен был Манштейн!

Особенно много пришлось поломать голову над вопросами руководства большим количеством бронетанковых соединений. Наконец, после долгих споров остановились на кандидатуре генерала фон Клейста, который раньше не был сторонником танковых войск.

После того как стало ясно, что моему танковому корпусу в любом случае придётся наносить удар по противнику через Арденны, я усердно занялся боевой подготовкой генералов и штабных офицеров для выполнения предстоящей задачи. В моё подчинение перешли 1, 2 и 10-я танковые дивизии, пехотный полк «Великая Германия», ряд корпусных подразделений и частей, среди которых был также один дивизион мортир. Все части, за исключением полка «Великая Германия», были мне знакомы; с одними я имел дело до войны, с другими — в военные годы, так что я безусловно верил в их боеспособность. Теперь мне представлялся случай подготовить этих людей для выполнения тяжёлого задания, в успех которого никто, собственно, не верил, кроме Гитлера, Манштейна и меня. Моральная борьба за осуществление этой идеи была очень изнурительной. Поэтому я нуждался в небольшом отдыхе, который и был мне предоставлен во второй половине марта.

Однако ещё до этого, 15 марта, в имперской канцелярии состоялась беседа командующего группой армий «А» с Гитлером. В беседе приняли участие генерал фон Клейст и я. Каждый из присутствовавших доложил свои соображения о способе выполнения поставленной задачи. Последним докладывал я. Мой план состоял в следующем: в намеченный приказом день перейти люксембургскую границу и продвигаться затем через Южную Бельгию на Седан, форсировать у Седана р. Маас, захватив на левом берегу предмостное укрепление для обеспечения переправы следующих за мной пехотных корпусов.

Вкратце я объяснил, что мой корпус будет продвигаться по Люксембургу и южной Бельгии тремя колоннами, что я рассчитываю достичь бельгийских пограничных позиций уже в первый день и, если представится возможность, прорвать их, на второй день продолжать продвижение через Нешато, на третий — перейти р. Семуа у Буйона, на четвёртый — достигнуть р. Маас, на пятый день форсировать реку и к вечеру того же дня захватить предмостное укрепление. Гитлер спросил: «А что вы хотите делать далее?» Он был первым, кто вообще поставил этот решающий вопрос. Я ответил: «Если не последует приказа приостановить продвижение, я буду на следующий день продолжать наступление в западном направлении. Верховное командование должно решить, должен ли этот удар быть направлен на Амьен или Париж. Самым действенным, на мой взгляд, было бы направление через Амьен к Ла-Маншу». Гитлер кивнул головой, но ничего не сказал. Только генерал Буш, который командовал действовавшей слева от меня 16-й армией, воскликнул:

«Нет, я не верю, что вы сможете форсировать его!» Гитлер ожидал моего ответа с явным напряжением. Мой ответ был: «Вам и не нужно этого делать». На это Гитлер также ничего не сказал.

Впоследствии я так и не получил приказа, который предусматривал бы нечто большее, чем создание предмостного укрепления на р. Маас. Мною самостоятельно были составлены все решения, вплоть до подхода к Атлантическому побережью у Абвиля. Верховное командование оказывало тормозящее влияние главным образом на мои операции.

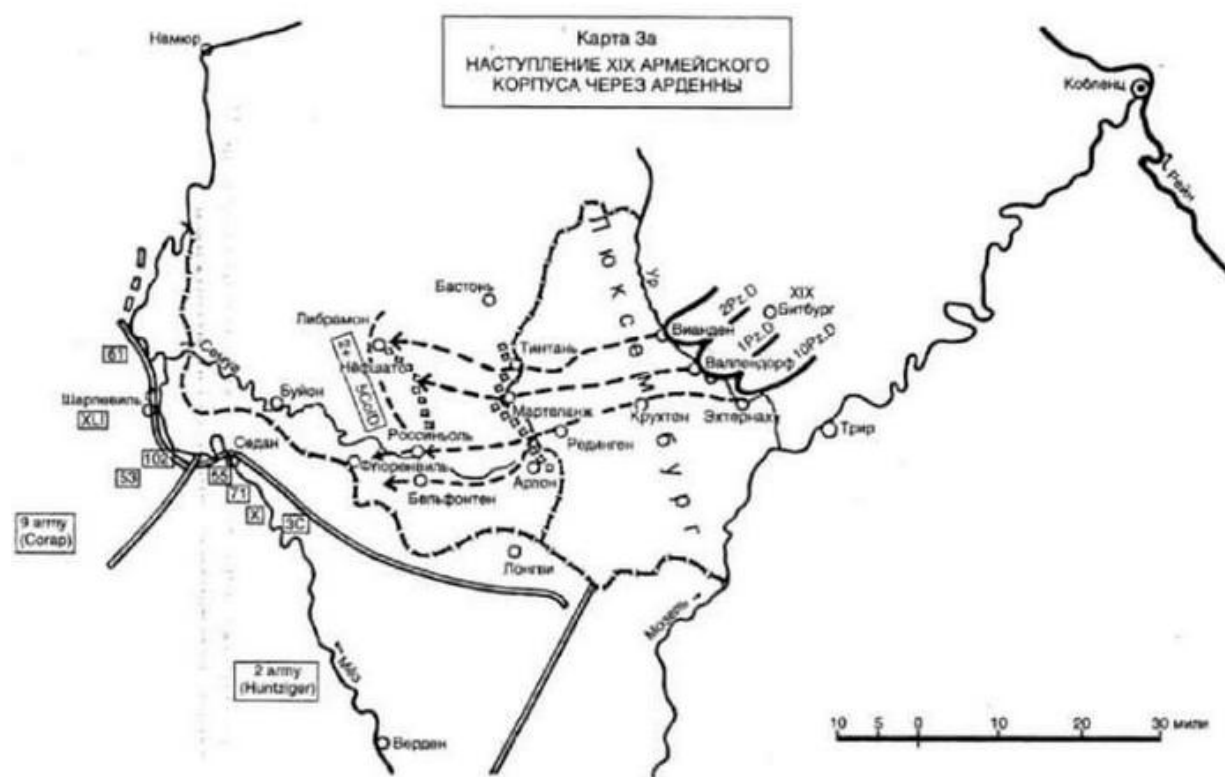
После короткого отпуска я снова принялся за подготовку этой крупной операции. Продолжительная зима сменилась мягкой, очаровательной весной. Неоднократные учебные тревоги угрожали превратиться в боевые. Прежде чем описывать события, мне кажется, уместно будет объяснить, почему я так уверенно готовился к предстоящему тяжёлому наступлению. Для этого мне придётся немного вернуться назад.

Первая мировая война после короткого периода манёвренных действий на Западном фронте застыла в позиционных сражениях. Никакое сосредоточение военных средств, достигшее громадных размеров, не в состоянии было сдвинуть фронты с места, пока в ноябре 1916 г. на стороне противника не появились «танки» и не перенесли

благодаря своей броне, гусеницам и вооружению, состоявшему из пушек и пулемётов, ранее незащищённых солдат через заградительный огонь и проволочные заграждения, через рвы и воронки живыми и боеспособными на передний край обороны немцев; наступление снова было восстановлено в своих правах.

Это явление было своеобразным и заслуживало серьёзного внимания. К сожалению, немцы недооценивали танки во время той войны. Теперь уже не имеет значения, объясняется ли это недостаточной технической осведомлённостью правительственных деятелей или же слабостью германской военной промышленности.

Сколь велико значение танков, показал Версальский договор, которым Германии запретили под страхом наказания иметь и производить бронемашины, танки и другие подобные машины, могущие служить военным целям.

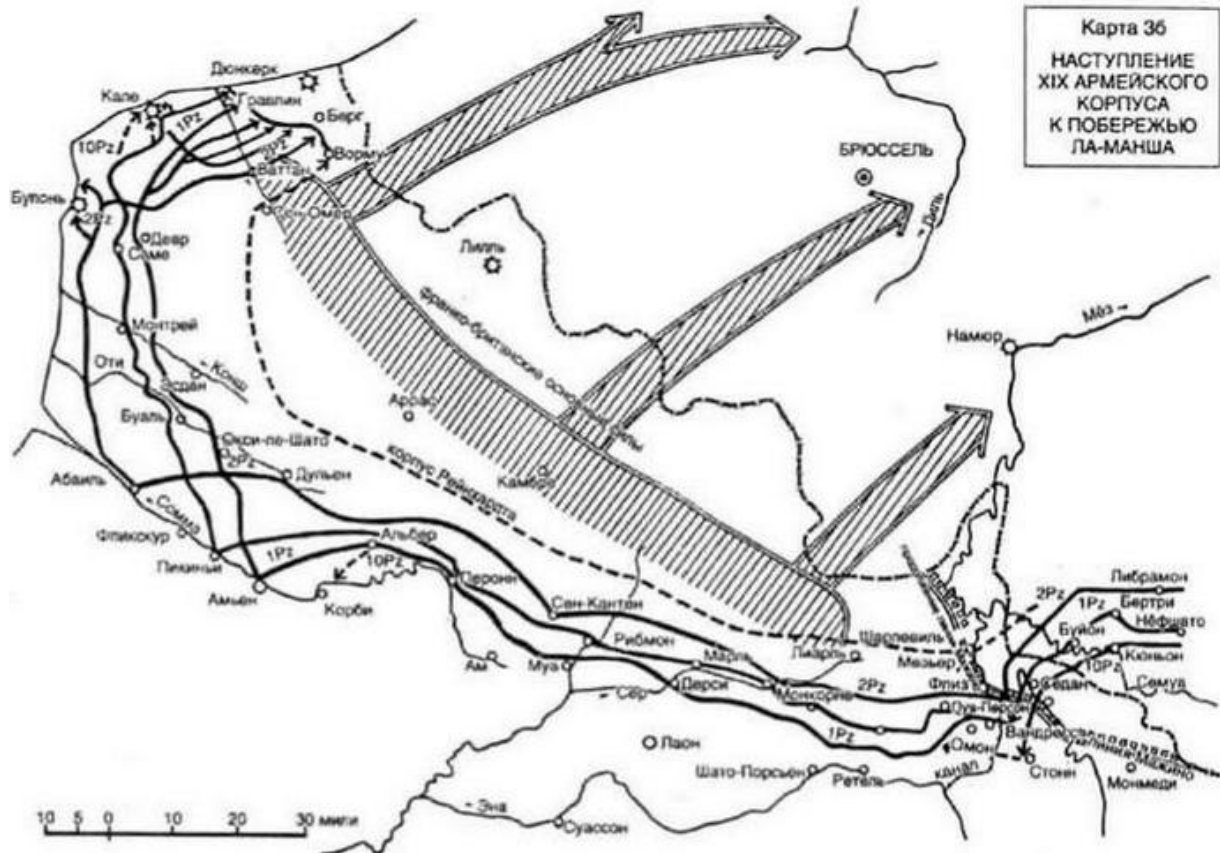
Следовательно, у наших врагов танк считался боевым оружием такого решающего значения, что нам запретили его иметь. Отсюда я сделал заключение о необходимости тщательно изучить историю этого боевого оружия решающего значения и проследить его дальнейшее развитие. Из теоретического анализа, сделанного человеком, не скованным никакими традициями, был сделан вывод о конструкции и

использовании танков, а также об организации и использовании бронетанковых соединений, вывод, который вышел за рамки теорий, господствующих за границей. В упорных спорах, длившихся годами, мне удалось претворить в жизнь мои убеждения раньше, чем другие армии подошли к решению аналогичных задач. Преимущество в проектируемой организации и в боевом использовании танков было первым фактором, на котором основывалась моя вера в успех. Даже в 1940 г. я почти один в германской армии верил в это.

Всестороннее изучение первой мировой войны позволило мне сделать глубокий анализ психологии воюющих сторон. Немецкую армию я хорошо знал по собственным наблюдениям. О душевном состоянии наших западных противников у меня тоже создалось определённое мнение, которое подтвердилось в 1940 г. В военной мысли, несмотря на новое оружие — танки, которому в основном должны быть благодарны противники за свою победу в 1918 г., господствовала позиционная война.

Франция обладала самой сильной сухопутной армией и самыми крупными бронетанковыми силами в Западной Европе.

Англо-французские вооружённые силы на западе в мае 1940 г. имели в своём распоряжении около 4800 танков, в германских же вооружённых силах по списку значилось 2800 танков, включая бронеавтомобили, а фактически к началу наступления их насчитывалось примерно 2200. Следовательно, противник имел двойное превосходство, которое усиливалось ещё тем, что французские танки превосходили немецкие бронебойной защитой и калибром пушек, впрочем, уступая им в совершенстве приборов управления и в скорости. Несмотря на наличие этого самого сильного подвижного боевого оружия, Франция создала «линию Мажино» — самый прочный укреплённый рубеж в мире. Почему же деньги, вложенные в укрепления, не были использованы для модернизации и усиления подвижных средств?

Старания де Голля и Даладье в этом направлении были оставлены без внимания. Отсюда следовал вывод, что верховное командование французской армии не признавало или не хотело признавать значения танков в манёвренной войне. Во всяком случае, все известные мне манёвры и крупные войсковые учения свидетельствовали о намерении французского командования организовать таким образом управление своими войсками, чтобы надёжно обоснованные решения полностью обеспечивали маневрирование и проведение планомерных наступательных и оборонительных мероприятий, стремились точно определить положение и группировку сил противника, прежде чем принять решение, а когда оно уже было принято, то поступали в абсолютном соответствии с ним и действовали, я бы сказал, точно сообразуясь со схемой как в условиях сближения, так и при занятии исходного положения во время артиллерийской подготовки, при наступлении или при занятии обороны. Такое стремление к действиям строго по плану, не оставляя ничего случаю, привело также к включению танков в состав сухопутных войск в форме, которая не нарушала бы схемы, т. е. к их распределению по пехотным дивизиям. И

лишь небольшая часть танков предназначалась для оперативного использования.

Немецкое командование могло с уверенностью считать, что оборона Франции с учётом использования укреплений планируется осторожно и схематично по доктрине, основанной на выводах из первой мировой войны, т. е. на опыте позиционной войны, — высокой оценке огня и недооценке манёвра.

Известные нам принципы французской стратегии и тактики 1940 г., противоположные моему методу ведения боевых действий, являлись вторым фактором, обосновывающим мою веру в победу.

К весне 1940 г. у германской стороны создалась ясная картина о группировке сил и укреплениях противника. Мы знали, что на «линии Мажино» между Монмеди и Седаном очень сильные укрепления чередуются со слабыми. Укрепления, идущие от Седана до Ла-Манша, мы называли продолжением «линии Мажино». Мы знали также о расположении и в основных чертах о прочности бельгийских и голландских укреплений, возведённых против Германии. Гарнизон «линии Мажино» был незначителен. Основные силы французской сухопутной армии, включая танковые дивизии и английские экспедиционные войска, были сконцентрированы во французской Фландрии между р. Маас и Ла-Маншем фронтом на северо-восток; напротив, бельгийские и голландские войска были развёрнуты для защиты своих стран от нападения с востока.

Из этого распределения сил можно было сделать вывод о расчёте противника на то, что немцы вторично будут действовать по плану Шлиффена 1914 г. Поэтому основные силы союзнических армий, видимо, предполагалось использовать против охватывающего манёвра немцев через Голландию и Бельгию. Для обеспечения выдвижения союзных войск в Бельгию французы не располагали достаточными резервами в районе Шарльвиля или Вердена. Казалось, что французское главное командование считает вообще невозможным какой-нибудь другой вариант наступления, кроме старого плана Шлиффена.

Эта известная нам группировка сил противника и возможность предопределить его поведение в начальный период наступления германских войск были третьим фактором, определявшим мою веру в победу.

К этому можно было ещё прибавить некоторые, правда, менее надёжные, однако достойные упоминания соображения по вопросу общей оценки наших противников.

Мы знали французов по первой мировой войне и уважали их как храбрых и стойких солдат, энергично защищавших свою страну. Мы не сомневались в том, что они сохранили эти свои качества. Что касается французского главного командования, то мы удивились, когда увидели, что им не был использован благоприятный случай для наступления осенью 1939 г., когда основная часть германских сухопутных сил, особенно бронетанковые войска, была связана в Польше. Причины такой сдержанности в тот момент нельзя было определить. Можно было лишь строить догадки. Во всяком случае, осторожность главного командования вызывала удивление и наводила на мысль, что в верхах надеялись избежать серьёзной военной кампании. Пассивное до некоторой степени поведение французов во время зимы 1939/40 г. приводило к выводу, что желание воевать у Франции было невелико.

Из всего этого вытекало, что целеустремлённый, внезапный удар крупными танковыми силами через Седан на Амьен с выходом к Атлантическому побережью встретит лишь сильно растянутый фланг противника, находящегося в готовности к выдвижению в Бельгию. Для отражения такого удара противник располагает незначительными резервами; такой удар сулил большие надежды на успех, который при немедленном его использовании мог бы привести к окружению всех выдвинувшихся в Бельгию главных сил противника.

Теперь речь шла о том, чтобы убедить моих начальников и в такой же мере подчинённых в правильности моих мыслей и добиться таким образом свободы действий, разрешённой сверху, и правильного понимания, исходящего снизу. Если разрешение первого вопроса было весьма несовершенным, то с последним дело обстояло значительно лучше.

В случае наступления в силе оставался приказ о том, что 19-й армейский корпус, продвигаясь через северную часть Люксембурга и южную часть Бельгии, достигает у Седана р. Маас, образует на ней предмостное укрепление, которое даст возможность наступающим за ним пехотным дивизиям форсировать реку. На случай внезапного успеха никаких указаний не давалось.

Были разработаны вопросы взаимодействия с авиацией. Мне предстояло согласовывать свои действия с соединением авиации ближнего действия чрезвычайно храброго генерала фон Штуттергейма и с авиационным корпусом генерала Лёрцера. Чтобы организовать эффективное взаимодействие, я приглашал лётчиков на организуемые мною учения и сам принимал участие в военной игре, проводимой Лёрцером. Предметом обсуждения на этих военных играх была переправа через Маас. После тщательного анализа мы пришли к согласованному решению: использовать авиацию в течение всего периода форсирования реки, т. е. нанести не один комбинированный удар бомбардировщиками (как обычными, так и пикирующими), а с самого начала переправы постоянными атаками и беспокоящими налётами парализовать артиллерийские батареи противника на открытых огневых позициях, заставляя орудийные расчёты постоянно укрываться от действительных и ложных налётов. На карту были нанесены задачи войск по времени и рубежам.

Незадолго до начала наступления по желанию Геринга на транспортные самолёты типа «Шторх» был погружён батальон пехотного полка «Великая Германия» с целью высадки его утром в первый день наступления непосредственно за фронтом бельгийцев у Витри, западнее Мартеланж. Действия батальона должны были вызвать у противника неуверенность в возможности обороны своих пограничных укреплений.

С целью быстрого продвижения через Люксембург и южную часть Бельгии три танковые дивизии корпуса вводились в бой одновременно в первом эшелоне, имея тесное соприкосновение между собой на внутренних флангах. В центре должна была наступать 1-я танковая дивизия, за которой следовала корпусная артиллерия, штаб корпуса и большая часть зенитной артиллерии. В начальный период наступления эти силы наносили главный удар. Справа наступала 2-я танковая дивизия и слева 10-я танковая дивизия с пехотным полком «Великая Германия», 1-й танковой дивизией командовал генерал Кирхнер, 2-й — генерал Фейель, 10-й — генерал Шааль. Все трое были мне хорошо известны. Я верил в их способности и в их добрую волю. Им были известны мои боевые принципы, они знали, что танковые соединения, отправляясь в путь, имеют «проездной билет» до конечной остановки. В нашем походе конечной целью был Ла-Манш. Это звучало ясно и

убедительно для каждого солдата даже в том случае, если он после начала наступления долго не получал приказа.

Прорыв к Ла-Манишу

9 мая 1940 г. во второй половине дня, в 13 час. 30 мин., прозвучал сигнал боевой тревоги. В 16 час. я оставил Кобленц и прибыл к вечеру на командный пункт корпуса, в Зонненгоф у Битбурга. Войска стояли, как было приказано, в боевой готовности вдоль границы между Ванденом и Эхтернахом.

10 мая в 5 час. 35 мин. я перешёл с 1-й танковой дивизией, сосредоточенной в районе Валлендорф, люксембургскую границу у Мартеланж. Авангард 1-й танковой дивизии прорвал пограничные укрепления, установил связь с воздушным десантом полка «Великая Германия», однако продвинулся на территорию Бельгии лишь на незначительную глубину, так как этому препятствовали сильные разрушения на дорогах. Разрушенные участки дорог в условиях гористой местности нельзя было обойти. Ночью дороги были восстановлены, 2-я танковая дивизия вела бои за Стреншан, 10-я танковая дивизия продвигалась через Абэ-ла-Нев навстречу французским войскам (2-я кавалерийская дивизия и 3-я колониальная пехотная дивизия). Штаб корпуса перешёл в Рамбрух, восточнее Мартеланж.

11 мая во второй половине дня были преодолены заминированные участки вдоль бельгийской границы. К середине дня начала наступление 1-я танковая дивизия. Имея танки в первом эшелоне, дивизия наступала на укрепленные позиции, возведённые по обе стороны Нешато и оборонявшиеся арденнскими егерями из бельгийских пограничных войск и французской кавалерией. После коротких боёв с небольшими потерями позиции противника были прорваны и Нешато взят. 1-я танковая дивизия немедленно организовала преследование, захватила Бертри и уже в сумерки достигла Буйона, где французам, однако, удалось продержаться ещё одну ночь. Обе другие дивизии наступали без задержек, с небольшими

боями, 2-я танковая дивизия взяла Либрамон. 10-я танковая дивизия понесла у Абэ-ла-Нев небольшие потери; 10 мая у Сен-Мари был убит командир 69-го пехотного полка подполковник Элерман.

В ночь на 11 мая командующий танковой группой Клейст приказал немедленно повернуть 10-ю танковую дивизию на Лонгви для обеспечения левого фланга группы, так как поступило донесение, что оттуда выдвигается французская кавалерия. Я просил воздержаться от этого, учитывая, что отвлечение одной трети моих сил ради обеспечения фланга от возможного нападения кавалерии противника может сорвать форсирование р. Маас, а тем самым и успех всей операции. Чтобы избежать этих трудностей, вызванных непонятным страхом перед кавалерией, я направил 10-ю танковую дивизию по параллельной дороге, проходящей севернее установленного для неё ранее пути движения, через Рюль на участок р. Семуа, Кюньон, Мортеан с задачей продолжать наступление. Угроза прекращения наступления и изменения его направления была на первое время преодолена. Командование группы отказалось от своего намерения. Французская кавалерия так и не появилась (см. приложение 4).

Пехотный полк «Великая Германия» вечером был выведен из боя и передан в распоряжение корпуса. Штаб корпуса ночью располагался в Нешато.

12 мая, на Троицу, в 5 час. я выехал с первым эшелоном моего штаба через Бертри, Фе-ле-Венер, Бельво на Буйон, который в 7 час. 45 мин. был атакован и быстро захвачен 1-м пехотным полком подполковника Балка. Мост через р. Семуа был взорван французами, однако танки могли вброд форсировать реку на различных участках. Сапёры дивизии немедленно приступили к наведению нового моста. Убедившись в целесообразности принятых мер, я переправился через реку и последовал за танками в направлении к Седану, но вынужден был снова вернуться в Буйон, так как дороги оказались заминированными. В южной части города мне пришлось пережить первый налёт авиации противника на район наводки моста 1-й танковой дивизии. Мост, к счастью, остался неповреждённым, загорелось лишь несколько домов.

Потом я поехал через лес в 10-ю танковую дивизию, преодолевшую оборону противника на участке Кюньон и Эрбемон. На шоссе, вдоль которого наступала дивизия, я оказался свидетелем боя

разведывательного батальона за пограничные укрепления; непосредственно за разведчиками наступала пехота во главе с храбрым командиром бригады полковником Фишером, за пехотой следовал командир дивизии генерал Шааль. Быстрое продвижение дивизии, офицеры которой находились в боевых порядках, производило замечательное впечатление. Укрепления, расположенные в лесу, удалось захватить в течение короткого времени; наступление продолжалось через Ла-Шапель на Базей и Балан. Я мог спокойно вернуться в Буйон на командный пункт корпуса.

Полковник Неринг, начальник штаба, устроился тем временем в гостинице «Панорама», из окон которой открывался великолепный вид на красивую долину р. Семуа. Моё место было со вкусом тщательно оборудовано в нише с трофеями охотников в общем рабочем помещении. Мы приступили к работе. Но вдруг внезапно один за другим раздалось несколько взрывов: снова самолёты! Но этим дело не ограничилось: загорелась автоколонна со средствами ближнего боя, взрывчаткой, минами и ручными гранатами. Взрывы следовали один за другим. Висевшая надо мной гигантская голова дикого кабана сорвалась со стены и чуть-чуть не убила меня; другие трофеи также полетели вниз, стёкла в окне, выходившем на красивую долину, у которого я сидел, разлетелись вдребезги и осколки пролетели прямо над моей головой. Работать здесь стало очень неудобно, и мы решили перейти в другое место. Был выбран небольшой отель на возвышенности севернее Буйона, где располагался штаб 1-го танкового полка. При осмотре отеля присутствовавший там командир соединения авиации ближнего действия генерал фон Штуттергейм обратил моё внимание на то, что дом расположен на открытом месте. И действительно, пока мы с ним разговаривали, появилась эскадрилья бельгийских самолётов и сбросила бомбы на расположение танков. Потери были минимальными, однако пришлось согласиться с предостережениями Штуттергейма, и мы решили отправиться ещё дальше на север, к следующим населённым пунктам — Бельво и Нуарфонтен.

Но ещё до начала этого второго переезда за мной прилетел самолёт «Шторх», который должен был доставить меня в штаб группы генерала Клейста для получения приказа. В штабе я получил приказ начать наступление через р. Маас на следующий день — 13 мая в 16 час. Мои

1-я и 10-я танковые дивизии могли быть сосредоточены к этому времени на исходных позициях, но 2-я танковая дивизия, встретившаяся с трудностями на р. Семуа, конечно, не могла бы сосредоточиться.

Я доложил об этом обстоятельстве, имевшем большое значение, учитывая малочисленность всей наступающей группировки. Генерал фон Клейст настаивал на своём приказе, и я должен был признать, что было бы целесообразнее начать наступление прямо с марша, не ожидая полного развёртывания. Последующий приказ был ещё более неприятным: генерал фон Клейст и генерал авиации Шперле, не зная о моей договорённости с Лёрцером, решили провести концентрированный налёт бомбардировщиков перед началом артиллерийской подготовки. Это могло сорвать весь мой план наступления, так как длительное подавление артиллерии противника уже не обеспечивалось. Я резко запротестовал и попросил восстановить мой первоначальный план, на котором базировалось всё наступление. Но генерал фон Клейст отклонил и эту мою просьбу, и я на том же «Шторхе», но уже с другим пилотом вылетел в свой корпус. Мой молодой лётчик утверждал, что он точно знает местонахождение посадочной площадки, с которой я вылетел, но в сумерках он не нашёл её, и мы очень скоро очутились над Маасом и над французскими позициями. Я испытал довольно неприятное чувство, находясь в невооружённом, незащищённом «Шторхе», а затем немедленно сориентировался и приказал лётчику лететь на север; Мы вскоре нашли посадочную площадку, и всё обошлось благополучно.

По прибытии на командный пункт корпуса я с большим усердием принялся за разработку приказов и распоряжений. Нам было предоставлено весьма ограниченное время, и поэтому для ускорения работы мы использовали приказы, разработанные ещё во время штабного учения в Кобленце, изымали их из дел, изменяли дату и время, а затем отправляли в войска. Эти приказы точно соответствовали действительной обстановке. В 1-й и 10-й танковых дивизиях поступали таким же образом, что значительно ускорило и упростило отдачу приказов (см. приложение 5).

Вечером 12 мая 1-я и 10-я танковые дивизии овладели северным берегом р. Маас и взяли исторический город и крепость Седан. Ночь

была использована для выхода на исходное положение и оборудования огневых позиций корпусной артиллерии и артиллерии танковой группы. Главный удар наносила 1-я танковая дивизия, усиленная пехотным полком «Великая Германия», корпусной артиллерией и тяжёлыми артиллерийскими дивизионами обеих дивизий, действовавших на флангах. Следовательно, 2-я и 10-я танковые дивизии в первый день наступления располагали всего лишь двумя лёгкими артиллерийскими дивизионами каждая. Эта слабость флангов в артиллерийском отношении должна была учитываться при ведении боевых действий обеих дивизий 13 мая.

13 мая командный пункт корпуса перешёл в Ла-Шапель (см. приложение 6).

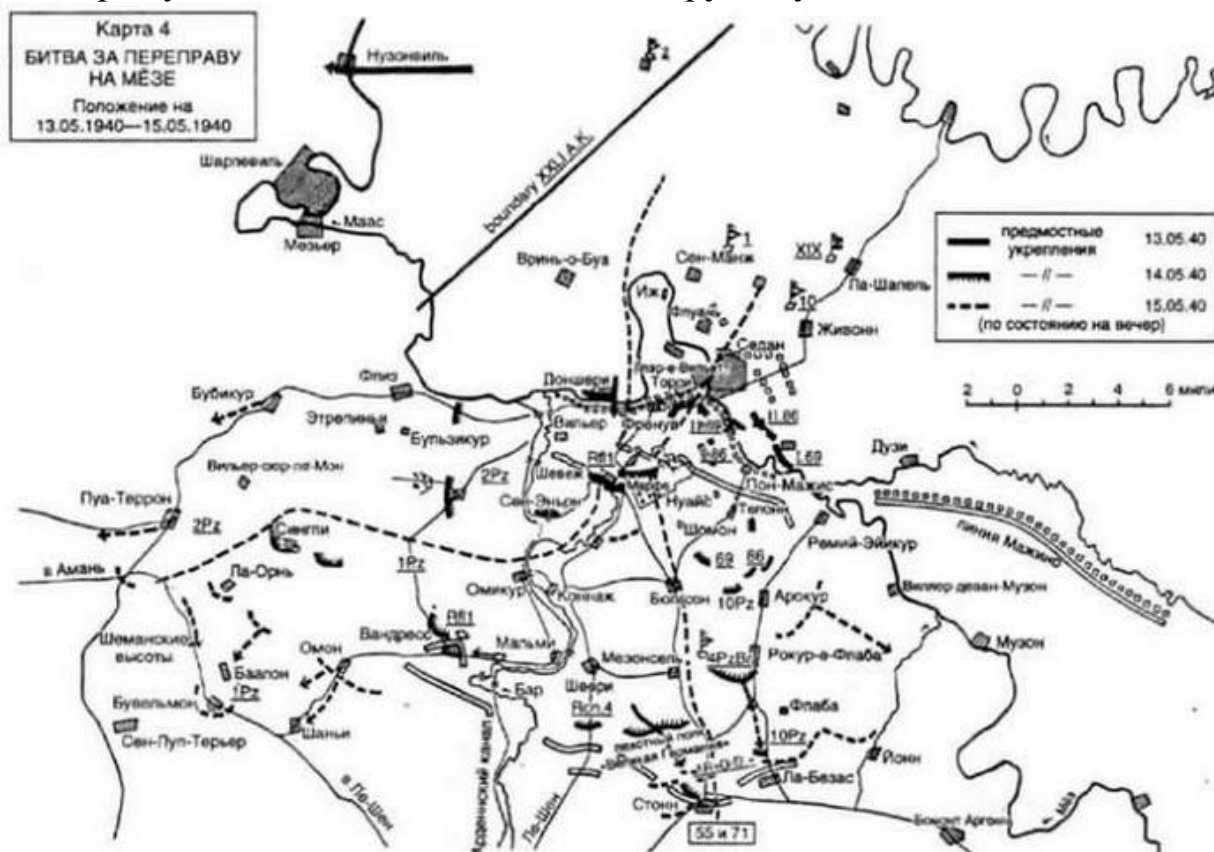
Утром 13 мая я отправился сначала на командный пункт 1-й танковой дивизии, чтобы проверить, как вышли войска на исходное положение. Затем, проехав через частично заминированные участки местности, которую водители машин моего штаба очищали от мин, и проскочив через артиллерийский огонь французских укреплений, я прибыл во 2-ю танковую дивизию в Сюньи. Передовые подразделения этой дивизии достигли французской границы. В середине дня я был уже в штабе корпуса, переместившемся к этому времени в Ла-Шапель.

В 15 час. 30 мин., несмотря на огонь французской артиллерии, я направился на передовой наблюдательный пункт 10-й танковой дивизии для того, чтобы наблюдать за артиллерийской подготовкой и действиями авиации. По пути мне пришлось пересечь зону, обстреливаемую французской артиллерией. В 16 час. началось сражение с артиллерийской подготовки, довольно значительной для наших условий. С особым напряжением ожидал я атаки авиации. Самолёты появились точно в установленное время, и моё удивление было неописуемо, когда я увидел, что эскадрильи пикирующих и обычных бомбардировщиков, действовавшие под прикрытием истребителей, атаковали противника именно так, как мы договорились с Лёрцером на штабной игре. Или генерал фон Клейст опомнился, или приказ об изменении порядка наступления не прибыл по назначению. Так или иначе, но авиация действовала по тем методам, которые, на мой взгляд, были выгоднее всего для нашего наступления, и я вздохнул с облегчением.

Теперь мне предстояло следить за наступлением пехоты через Маас. Форсирование реки должно было быть уже закончено, и я направился в Сен-Манж, а оттуда через Флуэн к запланированному пункту переправы 1-й танковой дивизии. На первой попавшейся штурмовой лодке я переправился через реку. На другом берегу я встретился с умным и смелым командиром 1-го пехотного полка подполковником Валком, находившимся там вместе со своим штабом. Меня встретили возгласом: «Кататься на лодке по Маасу запрещено». Это я когда-то сделал такое замечание на подготовительных штабных занятиях, когда рассуждения некоторых молодых офицеров показались мне слишком легкомысленными. Теперь они сумели правильно оценить обстановку.

Наступление 1-го пехотного полка и слева от него пехотного полка «Великая Германия» протекало, как на инспекторском смотре в учебном лагере. Французская артиллерия была почти полностью подавлена постоянным воздействием пикирующих бомбардировщиков. Бетонированные сооружения на берегу Мааса выведены из строя огнём противотанковых и зенитных пушек, пулемёты противника подавлены нашим тяжёлым оружием и артиллерией. Пехота наступала на совершенно открытой местности, которая представляла собой широкий луг, однако, несмотря на это, потери были весьма незначительны. До наступления темноты удалось глубоко вклиниться в полосу укреплений противника. Войска получили приказ продолжать наступление всю ночь, и я был уверен, что они выполнят этот важнейший приказ. К 23 час. они захватили Шевеж и часть леса Марфе и прорвали передний край обороны французов западнее Вадленкур. Охваченный радостью и гордостью, я направился на командный пункт корпуса в лес Ла-Гарэн. Я выехал как нельзя более своевременно для того, чтобы как раз попасть под ещё один налёт авиации противника на дороге в Ла-Шапель; прибыв на командный пункт, я засел за просмотр донесений от дивизий, действовавших на флангах. 2-я танковая дивизия, действовавшая на правом фланге, вступила в бой лишь своими передовыми подразделениями — разведывательным и мотоциклетным батальонами, поддерживаемыми тяжёлой артиллерией. Форсировать реку этими силами дивизия не смогла, 1-я танковая дивизия вместе с пехотной бригадой находилась уже на левом берегу Мааса, готовясь после наведения моста подтянуть артиллерию и танки. Пехотный полк

«Великая Германия» также находился по ту сторону Мааса. 10-я танковая дивизия, форсировав реку, создала небольшое предмостное укрепление; в этот день она находилась в тяжёлом положении из-за отсутствия артиллерийской поддержки. Продвижению дивизии сильно мешал фланкирующий огонь с «линии Мажино» южнее Дузи, Кариньян. Положение 10-й и 2-й танковых дивизий улучшилось. Корпусная зенитная артиллерия заняла ночью огневые позиции в районах наводки мостов через Маас, так как 14 мая рассчитывать на поддержку авиации, действовавшей на другом участке, было нельзя.

Ночью я позвонил Лёрцеру, чтобы узнать, каким образом будет использована авиация в дальнейшем, и одновременно поблагодарить его за исключительно хорошую поддержку, которая в значительной мере способствовала нашим успехам. Я узнал, что приказ Шперле опоздал и не мог быть доведён до эскадрилий и что поэтому Лёрцер просто задержал его. Затем я доложил по радио об успехе моих войск Бушу, который в своё время в Берлине во время доклада фюреру выразил сомнение, смогу ли я форсировать Маас. Буш наговорил мне

комплиментов. В заключение я поблагодарил офицеров моего штаба за их самоотверженную работу (см. приложение 7).

Утром 14 мая доблестная 1-я танковая дивизия донесла, что она в течение ночи значительно расширила свой прорыв и прошла через Шемери. Итак, вперёд на Шемери! На берегу Мааса — тысячи военнопленных. У Шемери я присутствовал при отдаче приказа командиром 1-й танковой дивизии. Узнав о приближении крупных танковых сил французов, я приказал 1-й танковой дивизии всеми своими танковыми частями начать наступление по направлению к Стонн, сам же направился к мосту через Маас, чтобы с помощью моей оперативной группы, расположившейся в этом районе, организовать переправу 2-й танковой бригады непосредственно вслед за первой и встретить французов крупными силами. Французы потерпели поражение. У Бюльсона они потеряли 20 танков, у Шемери — 50. Пехотный полк «Великая Германия» овладел Бюльсоном и стал продвигаться на Виллер-Мезонсель. К сожалению, вскоре после моего отъезда наши пикирующие бомбардировщики атаковали скопление своей пехоты в Шемери, причинив значительные потери.

Между тем 2-я танковая дивизия форсировала Маас у Доншери и готовилась к наступлению на высоты вдоль южного берега реки. Я поехал туда, чтобы ознакомиться с ходом боя. Встретив ответственных командиров полковников фон Верст и фон Притвиц в боевых порядках частей и поговорив с ними, я снова вернулся к Маасу. Там самолёты противника начали интенсивную бомбардировку. Но чрезвычайно храбро атаковавшим французским и английским войскам всё же не удалось достичь моста. Потери их были велики. Зенитная артиллерия праздновала свой день, она стреляла отлично. К вечеру она имела на своём счету около 150 сбитых самолётов. Впоследствии командир полка полковник фон Гиппель был награждён орденом «Рыцарский крест».

Между тем 2-я танковая бригада непрерывным потоком переправлялась через реку. В середине дня, к нашей общей радости, нас посетил командующий армейской группой генерал-полковник фон Рундштедт, чтобы ознакомиться с обстановкой. Я встретил его с докладом на середине моста как раз во время нового воздушного налёта. Он сухо спросил: «Здесь всегда так?» Я мог чистосердечно подтвердить это. Затем он очень тепло поблагодарил храбрые войска.

Снова вперёд, к 1-й танковой дивизии! Я встретил командира дивизии в сопровождении его начальника штаба майора Венка и спросил, можно ли повернуть всю дивизию на запад или же часть сил следует оставить для прикрытия фланга, развернув их фронтом на юг восточнее канала Дез-Арден. Венк сказал, размышляя вслух: «Стоит ли пачкаться!» Я сам часто употреблял это выражение. Вопрос был решён, 1-я и 2-я танковые дивизии немедленно получили приказ повернуть всеми силами направо, форсировать канал Дез-Арден и продвигаться на запад с задачей завершить прорыв фронта французов. Чтобы согласовать действия обеих дивизий, я поехал через Доншери в штаб 2-й танковой дивизии, который находился в замке Рокан. Отсюда хорошо просматривалась местность, по которой наступала 2-я танковая дивизия 13 и 14 мая. Я удивился, что французская дальнобойная артиллерия с «линии Мажино» так слабо и неэффективно обстреливала сосредоточение наших войск на исходных позициях. Впоследствии при посещении «линии Мажино» успех нашего наступления показался мне просто чудом.

Во второй половине дня я снова вернулся на командный пункт, чтобы продумать организацию взаимодействия дивизий на 15 мая. Непосредственно за моим корпусом следовал 41-й армейский корпус Рейнгардта, а начиная с 12 мая, он был введён в бой на правом фланге 19-го армейского корпуса в направлении на Мезьер, Шарльвиль. 13 мая он форсировал Маас и теперь наступал в западном направлении, 14-й армейский корпус генерала фон Витерсгейм вплотную подходил к моему корпусу и вскоре должен был появиться на Маасе. 1-я танковая дивизия форсировала канал Дез-Арден и, сломив упорное сопротивление противника, достигла Сенгли и Вандресс. Танковые части 10-й танковой дивизии прошли линию Мазонсель, Рокур-э-Флоба и достигли своими основными силами высот южнее Бюльсон, Телонн, захватив у противника свыше 40 орудий.

19-му армейскому корпусу была поставлена задача выйти на господствующие высоты в районе Стонн, лишить этим противника возможности вести огонь по мостам через Маас и обеспечить наступавшим во втором эшелоне частям беспрепятственную переправу. Пехотный полк «Великая Германия» и 10-я танковая дивизия начали наступление на эти высоты 14 мая. Противник оказал упорное

сопротивление. Местечко Стонн неоднократно переходило из рук в руки. 15 мая бои закончились.

15 мая в 4 часа утра командир 14-го армейского корпуса генерал фон Витерсгейм прибыл ко мне на командный пункт, чтобы договориться о смене моего корпуса на предмостном укреплении южнее Седана. После краткого обсуждения обстановки мы направились на командный пункт 10-й танковой дивизии, расположенный под Бюльсоном. Командир дивизии генерал Шааль находился в передовых подразделениях. Начальник штаба, отличный командир подполковник барон фон Либенштейн доложил обстановку и терпеливо ответил на многие каверзные вопросы нашего преемника. Чтобы смена проходила в нормальных условиях, мы решили, что 10-я танковая дивизия и пехотный полк «Великая Германия» до полной смены будут находиться в составе 14-й армейского корпуса. Мне пришлось ограничиться отдачей приказа 1-й и 2-й танковым дивизиям.

10-я танковая дивизия с приданным ей пехотным полком «Великая Германия» получила задачу обеспечить южный фланг 19-го корпуса по линии: канал Дез-Арден, высоты в районе Стонн, излучина р. Маас южнее Вильмонтри. Уже 15 мая она была усилена передовыми подразделениями 29-й мотодивизии.

С командного пункта 10-й танковой дивизии я поехал в Стонн в пехотный полк «Великая Германия». Там французы начали атаку, и в настроении чувствовалась некоторая нервозность, однако позиции, в конце концов, были удержаны. Затем я направился на новый командный пункт корпуса в лес, расположенный у Сапонь-Фешер уже на южном берегу Мааса. Ночь прошла, вопреки моим ожиданиям, очень беспокойно, но это было вызвано не действиями противника, а трудностями, создаваемыми нашим командованием. Командующий танковой группой Клейст приказал приостановить наступление и ограничиться обороной предмостного укрепления. Я не хотел и не мог согласиться с этим приказом, ибо он означал упущение момента внезапности и полный отказ от уже достигнутого первоначального успеха. Поэтому я связался сначала с начальником штаба танковой группы полковником Цейтцлером, а когда мне с ним не удалось разрешить вопрос, то непосредственно с генералом фон Клейстом. Я настаивал на отмене приказа о прекращении наступления. После весьма оживлённых и неоднократно прерываемых переговоров генерал

фон Клейст разрешил, наконец, продолжать наступление ещё в течение суток, чтобы расширить предмостное укрепление для размещения пехотного корпуса. Я коснулся в разговоре миссии Генча и этим напомнил о «чуде на Марне» 1914 г. Вероятно, эта мысль вызвала неприятное чувство у командования группы.

Довольный тем, что завоевал право свободного маневрирования, я направился ранним утром 16 мая в штаб 1-й танковой дивизии. Я ехал через Вандресс в Омон. Обстановка на фронте была ещё не совсем ясной. Было лишь известно, что ночью шли упорные бои вокруг Бувельмона. Значит, на Бувельмон! На улице горящего посёлка я встретил командира полка подполковника Балка, доложившего о событиях ночи. Войска не имели настоящего отдыха с 9 мая и поэтому чувствовали сильную усталость. Боеприпасы были на исходе. Солдаты на переднем крае спали в окопах. Сам Балк в спортивной непромокаемой куртке и с суковатой палкой в руке рассказал мне, что захватить ночью деревню удалось только потому, что он на предложение своих офицеров прекратить наступление ответил: «Тогда я один захвачу деревню!» — и двинулся вперёд. Его люди последовали за ним. Запылённое лицо Балка и воспалённые глаза говорили о том, что ему пришлось пережить тяжёлый день и бессонную ночь. За этот бой он получил рыцарский крест. Противник — хорошая нормандская пехотная дивизия и бригада спаги — сражался очень мужественно. Его пулемёты держали под огнём всю улицу деревни. Правда, артиллерийский огонь противник уже некоторое время не вёл. Балк разделял моё мнение, что сопротивление противника парализовано.

В первой половине дня к нам в руки попал трофейный французский приказ, если я не ошибаюсь, подписанный самим генералом Гамеленом. В приказе говорилось: «Пора, наконец, остановить поток германских танков!» Этот приказ ещё больше укрепил моё убеждение в том, что надо всеми силами продолжать наступление, так как, очевидно, боеспособность французов серьёзно беспокоила их верховное командование. Теперь только бы двигаться без промедлений, без остановок!

Я приказал построить людей поротно и зачитал им трофейный приказ, объяснив его значение и подчеркнув важность немедленного продолжения наступления; затем я поблагодарил солдат и офицеров за боевые успехи и потребовал собрать все силы, чтобы окончательно

закрепить победу. После всего этого я отдал приказ разойтись по танкам и продолжать наступление.

Пелена, которая держала нас в неведении, вскоре спала. Мы вышли на оперативный простор и в быстром темпе начали преследование. В Пуа-Террон я встретил начальника штаба 2-й танковой дивизии подполковника фон Кваста, проинформировал его о создавшемся положении и поехал в Новьон-Порсьен, а оттуда в Монкорне. По дороге я обогнал маршевую колонну 1-й танковой дивизии. Солдаты воспрянули духом, теперь они понимали, что этот прорыв — полная победа. Они встречали меня радостными криками: «Молодчина, чудный парень!», «Наш старик!», «Видел быстроходного Гейнца!» и т. д.

На рыночной площади Монкорне я встретил генерала Кемпффа, командира 6-й танковой дивизии корпуса Рейнгардта, войска которого, форсировав Маас, вышли к городу одновременно с моими частями. Пришлось территорию города распределить между тремя танковыми дивизиями — 6-й, 2-й и 1-й, которые в своём непреодолимом натиске на запад наводнили его улицы. У нас не было приказа группы относительно разграничительной линии между корпусами, поэтому мы сразу же на месте объединили все дивизии и начали продолжать наступление до последней капли бензина. Мои передовые части достигли Марль и Дерси.

Между тем я приказал сопровождавшим меня офицерам обыскать дома на базарной площади, и за короткое время было собрано несколько сот пленных французов из различных частей; по их глазам было видно, как удивило их наше внезапное появление. Танковая рота противника, пытавшаяся прорваться в город с юго-запада, была взята в плен. Она входила в дивизию генерала де Голля, которая, как нам было известно, находилась в районе севернее Лаон. В маленькой деревушке Суаз восточнее Монкорне был развёрнут командный пункт корпуса и установлена связь с 1-й и 2-й танковыми дивизиями. О ходе боевых действий за день и о наших намерениях возобновить 17 мая преследование противника мы сообщили по радио в штаб танковой группы (см. приложение 9 и карту 3 б).

После блестящего успеха 16 мая и успешных боёв 41-го армейского корпуса мне и в голову не могло прийти, что мои начальники по-прежнему думают закрепиться на предмостном

укреплении у Мааса и ожидать прибытия пехотного корпуса. Мною всецело овладела идея, которую я высказал в марте на докладе у Гитлера, а именно, завершить прорыв и не останавливаться до самого берега Ла-Манша. Я совершенно не мог себе представить, что сам Гитлер, одобряющий смелый план наступления Манштейна и не протестовавший против моего замысла осуществить прорыв, может испугаться собственной смелости и остановить наступление. Однако я чудовищно заблуждался, это стало мне ясно на следующее утро.

Утром 17 мая мне сообщили из штаба танковой группы, что наступление должно быть остановлено, а я должен явиться в 7 час. на посадочную площадку для личной беседы с генералом фон Клейстом. Последний появился точно в назначенное время и, не ответив на моё приветствие, начал резко упрекать меня в том, что я игнорирую замыслы верховного командования. Он не обмолвился ни одним словом относительно успехов моих войск. Когда первая буря миновала и наступило затишье, я попросил, чтобы меня сняли с командования. Генерал фон Клейст удивился, затем кивнул головой и приказал мне передать командование корпусом старшему после меня командиру. На этом наш разговор был закончен. Я направился на командный пункт, вызвал генерала Фейеля и передал ему командование корпусом.

Затем я доложил по радио в штаб группы армий Рундштедта, что после передачи командования я в середине дня прибуду на доклад. Очень скоро оттуда мне поступило указание остаться на своём командном пункте и ждать прибытия генерал-полковника Листа, командующего 12-й армией, наступавшей за моим корпусом, которому было поручено уладить этот конфликт. До прибытия генерал-полковника Листа был отдан приказ приостановить продвижение всех частей. Возвратившийся к нам майор Венк был обстрелян в пути французскими танками и ранен в ногу. Генерал Фейель прибыл на командный пункт и был введён в курс дела. Во второй половине дня прибыл генерал-полковник Лист и спросил, что, собственно, у нас происходит. Я объяснил ему. Он отменил именем генерал-полковника фон Рундштедта распоряжение о снятии меня с должности и заявил, что приказ о прекращении наступления отдан главным командованием сухопутных сил, а поэтому должен быть выполнен. Он согласился с моими доводами относительно продолжения наступления и поэтому разрешил мне от имени командования группы армий «продолжать

продвижение боеспособных разведывательных частей», однако командный пункт корпуса должен оставаться на прежнем месте. Это уже был шаг вперёд. Я был весьма благодарен генерал-полковнику Листу за его вмешательство и попросил уладить мой конфликт с генералом Клейстом. И вот я приступил к продвижению «боеспособных разведывательных частей». Командный пункт корпуса по-прежнему находился на старом месте в Суаз; я приказал проложить полевой кабель между штабом корпуса и моим передовым командным пунктом, что избавляло меня от необходимости вести переговоры по радио, которые могли быть перехвачены радиоразведкой главного командования сухопутных сил или верховного командования вооружённых сил.

Ещё до получения приказа остановить наступление 1-я танковая дивизия заняла утром 17 мая Рибемон на р. Уаза и Креси на р. Сер. Передовые части 10-й танковой дивизии, снятой с участка южнее Седана, достигли Фрайикур и Сольс-Монклен. Уже вечером 17 мая удалось создать предмостное укрепление на р. Уаза у Муа (см. приложение 10).

18мая в 9 час. 2-я танковая дивизия вышла к Сен-Кантен. Действовавшая левее 1-я танковая дивизия также в этот день форсировала Уазу и продвигалась в направлении на Перонн. 10-я танковая дивизия следовала уступом слева за передовыми дивизиями также на Перонн. Утром 19 мая 1-й танковой дивизии удалось создать у города предмостное укрепление на р. Сомме. Несколько французских штабов, прибывших в Перонн для рекогносцировки, попали прямо к нам в плен (см. приложения 11 и 12).

Передовой командный пункт корпуса перешёл в Виллеле-Сек.

19мая мы прошли поля сражений первой мировой войны на Сомме. Во время наступления севернее р. Эн, Сер и Соммы обеспечение открытого левого фланга первоначально возлагалось на фланговое прикрытие, состоявшее из подразделений разведчиков, истребителей танков и сапёров. Угроза с фланга была незначительной; ещё 16 мая мы знали о наличии французской бронетанковой дивизии, новом соединении генерала де Голля, которое, как уже упоминалось, впервые вступило в бой под Монкорне. Де Голль подтвердил наши

данные через несколько дней. 18 мая несколько танков из его дивизии подошли на 2 км к моему передовому командному пункту в Ольнонском лесу, охраняемому лишь несколькими 20-мм зенитными пушками. Я пережил пару часов в томительной неизвестности, пока эти грозные гости не повернули обратно. Было известно также о французской резервной армии силой около восьми пехотных дивизий, которая формировалась в районе Парижа. Мы не предполагали, что генерал Фрер выступит против нас, пока мы сами продолжаем движение. По французским принципам ведения боя, он должен был ждать точных сведений о местонахождении противника. Значит, речь шла о том, чтобы держать его в неведении; это лучше всего достигалось непрерывным наступлением.

К вечеру 19 мая XIX армейский корпус достиг линии Камбре — Перонн — Ам. 10-я бронетанковая дивизия занялась охраной нашего донельзя растянувшегося левого фланга, сменяя части ранее осуществлявшей охрану 1-й бронетанковой. В ночь с 19 на 20 мая штаб корпуса переместился дальше, в Марлевиль. В тот день корпус наконец-то вновь обрёл свободу действий, получив приказ начать с 20 мая наступление на Амьен. На 10-ю бронетанковую была теперь возложена обязанность обороны нашего левого фланга вплоть до Корби, что к востоку от Амьена. Сектор же, ранее занимаемый ею, теперь заняла 29-я мотопехотная дивизия. 1-я бронетанковая должна была наступать на Амьен; в её задачи входило как можно быстрее возвести предмостные укрепления на южном берегу Соммы. 2-я бронетанковая получила приказ продвигаться к Абвилю через Альбер, там захватить ещё одни предмостные укрепления на Сомме и нейтрализовать все неприятельские войска на участке между Абвилем и морем. Линией разграничения между 2-й и 1-й бронетанковыми дивизиями стала линия Комоле — Лонгеваль — Позёр — Варанн — Пушвиль — Канапе — Фликскур — Сомма.

Оборонительные секторы вдоль Соммы были следующие:

2-я бронетанковая (исключительно) — от устья Соммы до Фликскура;

1-я бронетанковая — от Фликскура до слияния Авра и Соммы (к востоку от Амьена);

10-я бронетанковая — от слияния Авра и Соммы до Перонна.

По моим расчётам, 1-я бронетанковая дивизия должна была занять позиции для наступления на Амьен к 9.00. Я хотел лично принять участие в этом историческом событии и приказал, чтобы мне подготовили машину к 5.00. Офицеры уверяли меня, что это слишком рано и что надо бы попозже, но я настоял на своём и оказался прав (см. приложения 13 и 14).

Когда 20 мая в 8 час. 45 мин. я прибыл на северную окраину Амьена, 1-я танковая дивизия готовилась перейти в наступление. По пути я убедился, что 10-я танковая дивизия находится в Перонне, и узнал интересные подробности о том, как проходила смена 1-й танковой дивизии. Части 1-й танковой дивизии, оборонявшие предмостное укрепление, были отведены, не дожидаясь прибытия смены, так как командовавший ими подполковник Балк не хотел упустить момент наступления на Амьен, которое он считал важнее обороны предмостного укрепления. Сменявший его полковник Ландграф был чрезвычайно возмущён таким легкомыслием, но Балк ответил на его упрёки: «Ну, что ж, овладейте этим плацдармом ещё раз. Мне же пришлось его захватывать!» К счастью, противник предоставил Ландграфу время без боя снова овладеть оставленным плацдармом. Я объехал с юга Альбер, ещё находившийся в руках противника, и направился на Амьен, встречая на пути бесчисленные колонны беженцев.

Наступление 1-й танковой дивизии развивалось успешно, и к середине дня город и плацдарм глубиной примерно 7 км были в наших руках. Я быстро осмотрел захваченную местность и город, особенно прекрасный собор, и быстро направился по дороге в Альбер, где предполагал найти 2-ю танковую дивизию. Я ехал навстречу потоку наступающих войск и беженцев. В немецкие походные колонны вклинилось много машин противника, водители которых надеялись остаться незамеченными в густой пыли, добраться до Парижа и избежать плена. За короткое время я взял в плен 15 англичан (см. приложение 15).

В Альбер я встретил генерала Фейель. 2-я танковая дивизия захватила на учебном плацу английскую батарею, которая была вооружена только учебными снарядами, ибо никто не ожидал нашего появления. Военнопленные разных национальностей заполнили

площадь и улицы города. Опасения 2-й танковой дивизии, что наступление придётся приостановить из-за нехватки горючего, вскоре рассеялись. Дивизия получила приказ достичь сегодня же Абвиля: К 19 час. она выполнила его, пройдя через Дуллан, Бернавиль. Боме, Сен-Рикье. Правда, наши самолёты ставили эту дивизию в невыгодное положение, подвергая её время от времени бомбардировке. После того как я посетил командира 2-й танковой бригады полковника фон Притвитца, отличавшегося большой подвижностью, и убедился, что он выступает на Абвиль, я направился в Керье, северо-восточное Амьена, куда был перемещён штаб корпуса. Здесь нас атаковали наши же самолёты. Это был столь недружественный акт, что наша зенитная артиллерия открыла ответный огонь и достала одну такую невнимательную птичку. Оба лётчика выпрыгнули с парашютом и вскоре сидели передо мной и с неприятным удивлением глядели друг на друга. Когда закончилась первая, мучительная часть беседы, я подкрепил молодых людей стаканом шампанского. К сожалению, они разбили только что прибывшую новую разведывательную бронемашину.

Ещё в эту же ночь батальон Шпитта из 2-й танковой дивизии вышел через Нуаель к Атлантическому побережью. Это было первое немецкое подразделение, пробившееся к океану.

Вечером этого знаменательного дня мы не знали, в каком направлении нам придётся продолжать наступление; танковая группа Клейста также не получила приказа о дальнейшем ведении операции. День 21 мая был потерян в ожидании приказа. Я использовал этот день для посещения переправ через Сомму, предмостных укреплений у Абвиля. По дороге я спросил у своих солдат, как они расценивают проведённые операции. «Очень хорошо, — ответил австриец из 2-й танковой дивизии, — но два дня мы потратили попусту». К сожалению, он был прав.

Захват портов Ла-Манша

21 мая пришёл приказ продолжать наступление на север с задачей овладеть портами Ла-Манша. Я хотел направить 10-ю танковую дивизию через Эден, Сент-Омер на Дюнкерк, 1-ю танковую дивизию — на Кале и 2-ю танковую дивизию — на Булонь, но вынужден был изменить свой план, так как в 6 час. 22 мая получил приказ командования выделить 10-ю танковую дивизию в резерв танковой группы. Следовательно, в моём распоряжении для наступления 22 мая остались лишь 1-я и 2-я танковые дивизии. К сожалению, моя просьба в целях быстрого овладения портами Ла-Манша оставить мне все три дивизии не была удовлетворена. С тяжёлым сердцем мне пришлось отказаться от немедленного наступления 10-й танковой дивизии на Дюнкерк, 1-я танковая дивизия вместе с прибывшим из Седана пехотным полком «Великая Германия» направлялась теперь через Саме, Девр на Кале, 2-я танковая дивизия наступала вдоль побережья на Булонь.

21 мая севернее нас произошло интересное событие: английские танки сделали попытку пробиться по направлению к Парижу. Под Арраом они натолкнулись на ещё необстрелянную в то время дивизию СС «Мёртвая голова» и вызвали панику в её рядах. Пробиться они не пробились, но некоторым образом повлияли на настроения штаба танковой группы фон Клейста, который вдруг стал проявлять нервозность. На солдат это влияние не распространилось. 21 мая 41-й армейский корпус силами 8-й танковой дивизии достиг Эден, 6-я танковая дивизия заняла Буасл.

Утром 22 мая началось наступление. В 8 час. был пересечён рубеж р. Оти в северном направлении. Продвижение на север не могло проходить всеми силами 1-й и 2-й танковых дивизий, так как обе дивизии и особенно 2-я танковая дивизия должны были оставить гарнизоны для обороны соммских предмостных укреплений, пока их не сменят части наступавшего за нами 14-го армейского корпуса генерала фон Витерсгейма, с которым мы уже познакомились под Седаном, когда он выполнял аналогичную миссию (см. приложения 16, 17).

22 мая под Девром, Саме и южнее Булони начались ожесточённые бои. Против нас действовали главным образом французы, но были и англичане, бельгийцы и даже некоторые отбившиеся от своих частей голландцы.

Противник был отброшен, но его авиация действовала энергично, бомбардировала и обстреливала наши войска, чего нельзя было сказать о нашей авиации. Оперативные аэродромы были расположены далеко от района боевых действий, авиация, по-видимому, не могла быстро перебазироваться на передовые аэродромы. Несмотря на всё это, нам удалось ворваться в Булонь.

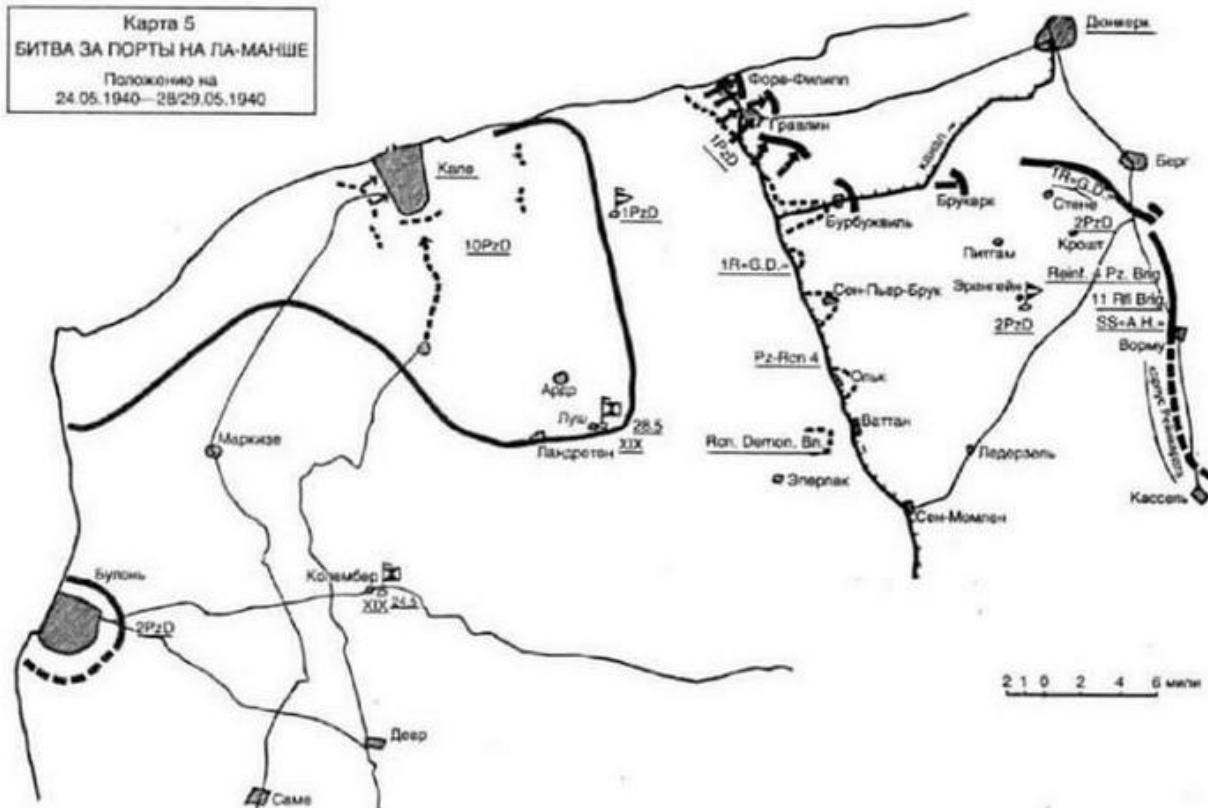
Командный пункт корпуса был переведён в Рекс.

Теперь 10-я танковая дивизия снова входила в состав корпуса. Я решил немедленно повернуть на Дюнкерк 1-ю танковую дивизию, подошедшую уже вплотную к Кале, а 10-ю танковую дивизию, двигавшуюся за ней из района Дуллан, направить через Сааде на Кале, с захватом которого ещё можно было не спешить. В полночь я отдал по радио 1-й танковой дивизии следующий боевой приказ: «Развернуться в боевой порядок севернее р. Конш до 7.00 23.5, 10-я танковая дивизия следует во втором эшелоне, 2-я танковая дивизия ведёт бои в Булони. Части этой дивизии 23.5 следуют через Маркизе на Кале. 1-й танковой дивизии достигнуть линии Одрюкк, Ардр, Кале, затем повернуть на восток и продвигаться в восточном направлении через Бурбур, Виль, Гравлин на Берг и Дюнкерк. Южнее наступает 10-я танковая дивизия. Выполнение приказа по паролю. „Выступление — восток“. После этого начать выступление в 10.00».

Рано утром 23 мая был передан приказ с паролем: «Выступление — восток — 10.00. Продвижение южнее Кале на Сен-Пьер — Брук и Гравлин».

23 мая 1-я танковая дивизия с боями начала продвигаться по направлению на Гравлин, 2-я танковая дивизия вела в это время бои за Булонь. Штурм города носил своеобразный характер, так как старые городские каменные стены долгое время мешали нашим танкам и пехоте проникнуть в город. С помощью приставных лестниц и благодаря эффективной поддержке 88-мм зенитных пушек нам, наконец, удалось преодолеть каменную стену вблизи собора и проникнуть в город. Начались бои в порту, в ходе которых огнём танков один английский торпедный катер был потоплен и несколько других повреждено.

Карта 5
БИТВА ЗА ПОРТЫ НА ЛА-МАНШЕ
Положение на
24.05.1940—28/29.05.1940

24 мая 1-я танковая дивизия достигла канала Аа между Ольк и побережьем и захватила предмостные укрепления у Ольк, Сен-Пьер-Брук, Сен-Никола и Бурбур; 2-я танковая дивизия вела бои по очищению Булони; 10-я танковая дивизия главными силами вышла на рубеж Девр, Саме.

Корпусу был придан полк лейб-штандарт «Адольф Гитлер». Я поставил ему задачу действовать в прибрежной полосе, чтобы увеличить стремительность наступления 1-й танковой дивизии на Дюнкерк, 2-я танковая дивизия получила приказ вывести из Булони все свободные части и направить их к прибрежной полосе, 10-я танковая дивизия блокировала Кале и начала готовиться к штурму старой морской крепости. Во второй половине дня я посетил дивизию и приказал продвигаться планомерно, чтобы уменьшить потери. Для действий 25 мая дивизия была усилена тяжёлой артиллерией, которую можно было снять с участка Булони.

41-й армейский корпус Рейнгардта создал у Сент-Омер предмостное укрепление на р. Аа.

Роковой приказ Гитлера — прекратить наступление

В тот день, 24 мая, произошло вмешательство верховного командования в проведение операции, оказавшее пагубное влияние на весь ход войны. Гитлер остановил левое крыло германской армии на р. Аа. Переправа через реку была запрещена. Причину нам не указали. В приказе верховного командования говорилось: «Дюнкерк предоставить авиации. Если овладение Кале натолкнётся на трудности, то и этот город также предоставить авиации». Содержание приказа я передаю по памяти. Мы лишились дара речи. Но нам трудно было противоречить приказу, не зная причин, которые заставили его отдать. Итак, танковые дивизии получили приказ: «Удерживать побережье Ла-Манша. Перерыв в операциях использовать для ремонта машин».

Активная деятельность авиации противника не встречала отпора с нашей стороны.

Утром 25 мая я направился к побережью, чтобы разыскать там штаб полка лейб-штандарт и убедиться в выполнении приказа о прекращении наступления. Прибыв туда, я увидел, что полк лейб-штандарт переправляется через Аа. На другом берегу реки виднелся большой холм высотой 72 м, который господствовал над всей окружающей болотистой низменностью. Там, в развалинах старой крепости, я нашёл командира полка лейб-штандарт Зеппа Дитриха. На мой вопрос, почему не выполнен приказ, он ответил, что высота «стояла у всех поперёк горла», и поэтому он, Зепп Дитрих, решил 24 мая овладеть ею. Полк лейб-штандарт и действовавший слева от него пехотный полк «Великая Германия» продвигались в направлении на Ворму, Берг. Несмотря на такое благоприятное развитие наступления, я подтвердил на месте приказ фюрера, однако приказал подтянуть 2-ю танковую дивизию, чтобы в случае необходимости поддержать продвижение.

В этот день Булонь полностью перешла в наши руки. 10-я танковая дивизия уже начала бои за крепость Кале. Английский комендант бригадир Николсон дал лаконичный ответ на предложение капитулировать: «The answer is no, as it is the British army's duty to fight as it is the German's» (Наш ответ — нет, ибо долг британской армии, так

же как и немецкой, — сражаться (англ.). Поэтому крепость пришлось брать штурмом (см. приложение 18).

26 мая 10-я танковая дивизия овладела Кале. В середине дня я прибыл на командный пункт дивизии и спросил её командира генерала Шааля, намерен ли он, как было приказано, предоставить крепость авиации. Он дал отрицательный ответ, так как считал, что бомбардировать толстые каменные стены и земляные покрытия старых крепостных сооружений бесполезно и нет смысла ради бомбардировки покидать уже занятые позиции на подходах к крепости, которые придётся брать снова. Я мог только согласиться с его мнением. В 16 час. 45 мин. англичане капитулировали. Мы захватили 20 тыс. пленных, из которых 3—4 тыс. были англичане, остальные — французы, бельгийцы и голландцы, в основной своей массе не желавшие воевать, из-за чего англичане держали их запертыми в подвалах.

В Кале впервые после 17 мая я встретился с генералом фон Клейстом и получил от него благодарность за успешные действия моих войск.

В этот день мы снова попытались продолжить наступление в направлении на Дюнкерк и замкнуть кольцо вокруг этой морской крепости. Но вот снова полетели приказы, требующие приостановиться. И перед самым Дюнкерком мы были остановлены! Мы наблюдали за действиями нашей авиации. Но мы также видели и морские суда всех типов и классов, на которых англичане эвакуировались из Дюнкерка.

В этот день мой командный пункт посетил генерал фон Витерсгейм с тем, чтобы подготовить смену 19-го армейского корпуса 14-м армейским корпусом. Передовая дивизия этого корпуса — 20-я мотодивизия — была подчинена мне и введена в бой справа от полка лейб-штандарт «Адольф Гитлер». Ещё до переговоров относительно смены произошёл интересный инцидент. Командир полка лейб-штандарт Зепп Дитрих на пути к линии фронта попал под пулемётный огонь англичан, засевших в отдельном доме в нашем тылу. Машина Зеппа Дитриха загорелась, но сам он вместе с сопровождавшими его офицерами успел укрыться в кювете. Дитрих заполз со своим адъютантом в трубу, проходившую под переездом дороги, и для того, чтобы предохранить себя от стекавшего в окоп горящего бензина из машины, вымазал лицо и руки мокрой глиной. Мы приняли просьбы о

помощи, передаваемые радиостанцией, следовавшей за командирской машиной, и поручили продвигавшемуся на этом участке 3-му полку 2-й танковой дивизии освободить Дитриха. Вскоре он появился на моём командном пункте весь вымазанный в глине; к сожалению, ему пришлось выслушивать насмешки (см. приложение 19).

Только 26 мая в середине дня Гитлер разрешил продолжать наступление на Дюнкерк, но уже было поздно ожидать крупного успеха (см. приложение 20).

В ночь с 26 на 27 мая корпус снова начал наступление. 20-я мотодивизия, которой были приданы полк лейб-штандарт «Адольф Гитлер» и пехотный полк «Великая Германия», усиленная тяжёлой артиллерией, получила задачу наступать на Ворму. 1-й танковой дивизии было приказано, действуя с правого фланга, присоединиться к наступающим войскам для развития успеха.

Пехотный полк «Великая Германия» при эффективной поддержке 4-й танковой бригады из состава 10-й танковой дивизии достиг своей цели — высоты Крошти-Питгам. Танковый разведывательный батальон 1-й танковой дивизии занял Брукер. Было замечено усиленное движение морских транспортов противника из Дюнкерка через пролив.

До 28 мая мы вышли к Ворму и Бурбур. 29 мая 1-я танковая дивизия овладела Гравлином. Однако захват Дюнкерка произошёл без нашего участия, 19-й армейский корпус был сменён 29 мая 14-м армейским корпусом (см. приложение 21).

Эта операция была бы проведена значительно быстрее, если бы верховное командование не останавливало несколько раз войска 19-го армейского корпуса и не препятствовало его успешному продвижению. Очень трудно сказать, какой оборот приняла бы война, если бы тогда под Дюнкерком удалось взять в плен экспедиционные войска Англии. Во всяком случае, дальновидная дипломатия могла бы извлечь большую пользу из такого военного успеха. К сожалению, эта возможность из-за нервозности Гитлера была утрачена. Впоследствии, мотивируя своё решение остановить наступление моего корпуса, он говорил, что территория Фландрии с её многочисленными каналами якобы непригодна для действий танков. Это объяснение нельзя признать удовлетворительным.

29 мая я выразил чувство благодарности своим отважным войскам в нижеследующем приказе по корпусу:

«Солдаты 19-го армейского корпуса!

17 боевых дней в Бельгии и Франции остались позади. Путь ровно в 600 км отделяет нас от границы Германии. Мы вышли на побережье Ла-Маниша и Атлантического океана. Вы преодолели на этом пути бельгийские укрепления, форсировали р. Маас, прорвали „линию Мажино“ на историческом поле боя под Седаном, овладели важными высотами в районе Стони, затем стремительно прошли через Сен-Кантен и Перонн и с боями вышли на нижнюю Сомму у Амьена и Абвиля. Вы увенчали свои боевые подвиги захватом побережья Ла-Маниша с морскими крепостями Булонь и Кале.

Я требовал от вас отказа от сна в течение двух суток. Вы держались 17 дней. Я приказывал сражаться, невзирая на угрозу с флангов и тыла. Вы никогда не проявляли колебаний. С достойной подражания уверенностью в своих силах и с верой в осуществление стоявших перед вами задач вы самоотверженно выполняли каждый приказ.

Германия гордится своими танковыми дивизиями, и я счастлив, что являюсь вашим командиром.

Мы чтим память наших погибших товарищей. Мы уверены, что жертвы принесены не напрасно.

Теперь будем готовиться к новым подвигам.

Да здравствует Германия и наш фюрер Адольф Гитлер!

Подпись: Гудериан».

Уинстон Черчилль в своих воспоминаниях о второй мировой войне (т. II, стр.100 и последующие, немецкого издания И.П.Тота) высказал предположение, что Гитлер, остановив наступление танковых частей на Дюнкерк, хотел дать Англии возможность заключить мир или хотел улучшить перспективы для Германии на заключение выгодного мира с Англией. Ни в то время, ни позднее я не встречался с фактами, которые могли бы подтвердить это мнение. Несостоятельно также и другое предположение Черчилля, что танковые части якобы были остановлены по решению Рундштедта. Как участник этих боёв я могу заверить, что

хотя героическое сопротивление Кале заслуживает всяческого признания, но оно не оказало никакого влияния на ход боевых действий под Дюнкерком. Напротив, правильным является предположение, что Гитлер и прежде всего Геринг считали, что превосходства немецкой авиации вполне достаточно для воспреещения эвакуации английских войск морем. Гитлер заблуждался, и это заблуждение имело опасные последствия, ибо только пленение английской экспедиционной армии могло бы укрепить намерение Великобритании заключить мир с Гитлером или повысить шансы на успех возможной операции по высадке десанта в Англии.

Во Фландрии я получил известие о ранении моего старшего сына. К счастью, это ранение было не опасно для жизни. Второй мой сын был награждён во Франции железными крестами II и I класса. Он воевал в разведывательном батальоне танковой дивизии, однако остался жив и даже невредим.

20 мая генерал Кирхнер получил рыцарский крест. За ним 3 июня награды получили генерал Фейель, полковник Фишер (10-я танковая дивизия), подполковник Балк (1-я танковая дивизия), обер-лейтенант Этцольд (мотоциклетный батальон), лейтенант Ганвауер (80-й пехотный полк) и фельдфебель Рубарт (сапёрный батальон 10-й танковой дивизии). Позднее ещё некоторые офицеры и солдаты получили награды.

Прорыв к швейцарской границе

28 мая Гитлер приказал создать танковую группу под моим командованием. 1 июня штаб корпуса переместился в Синиле-Пти, юго-западнее Шарльвиля, чтобы подготовиться к продолжению кампании. Затем в первые дни июня в районе юго-западнее Шарльвиля была образована «танковая группа Гудериана». Штаб группы был создан из офицеров штаба 19-го армейского корпуса. Испытанный офицер полковник Неринг остался начальником штаба, майор Байерлейн — начальником оперативного отдела, подполковник Рибель — начальником отдела личного состава. В состав танковой группы

вошли: 39-й армейский корпус (генерал Шмидт) в составе 1-й и 2-й танковых дивизий и 29-й мотодивизии, 41-й армейский корпус (генерал Рейнгардт) в составе 6-й и 8-й танковых дивизий и 20-й мотодивизии, а также несколько частей, непосредственно подчинённых командованию группы. Сама танковая группа была подчинена 12-й армии генерал-полковника Листа,

Марш в новые районы сосредоточения прошёл успешно. Особенно хорошо совершили марш 1-я и 2-я танковые дивизии, двигавшиеся от побережья. Общая длина маршрута составляла 250 км, однако из-за обходов и объездов, которые приходилось делать, так как многие мосты были разрушены, пришлось пройти примерно на 100 км больше. Сказывались также сильная усталость людей и изношенность материальной части. К счастью, удалось предоставить войскам несколько дней на отдых и на ремонт материальной части.

В результате столь удачно прошедшего первого периода кампании на западе все вооружённые силы противника в Голландии, Бельгии и в Северной Франции были парализованы. Фронт на юге был открыт. В этой обстановке удалось уничтожить главные силы танковых и моторизованных войск противника. В предстоявшем втором периоде кампании основная задача заключалась в том, чтобы разгромить остатки французских сухопутных сил, всего около 70 дивизий, включая две английские дивизии, а затем заключить выгодный мир — так, по крайней мере, мы думали в то время.

Сосредоточение и развёртывание войск для продолжения кампании проходили быстрее на правом фланге, на р. Сомме, чем в центре, на реках Сер и Эн. Поэтому наступление армейской группы фон Бока можно было начать уже 5 июня, в то время как наступление армейской группы фон Рундштедта намечалось на 9 июня.

Действуя в составе армейской группы фон Рундштедта, 12-я армия получила задачу форсировать р. Эн и канал Эн между Шато-Порсьен и Атиньи и затем продвигаться в южном направлении. Форсирование реки и канала, идущего параллельно реке, в восьми пунктах должны были осуществить пехотные корпуса. После создания предмостных укреплений и наведения мостов танковые дивизии моей группы должны были через боевые порядки пехоты перейти в наступление, выйти на оперативный простор и, в зависимости от обстановки, двигаться или на Париж, или на Лангр, или на Верден. Мне была

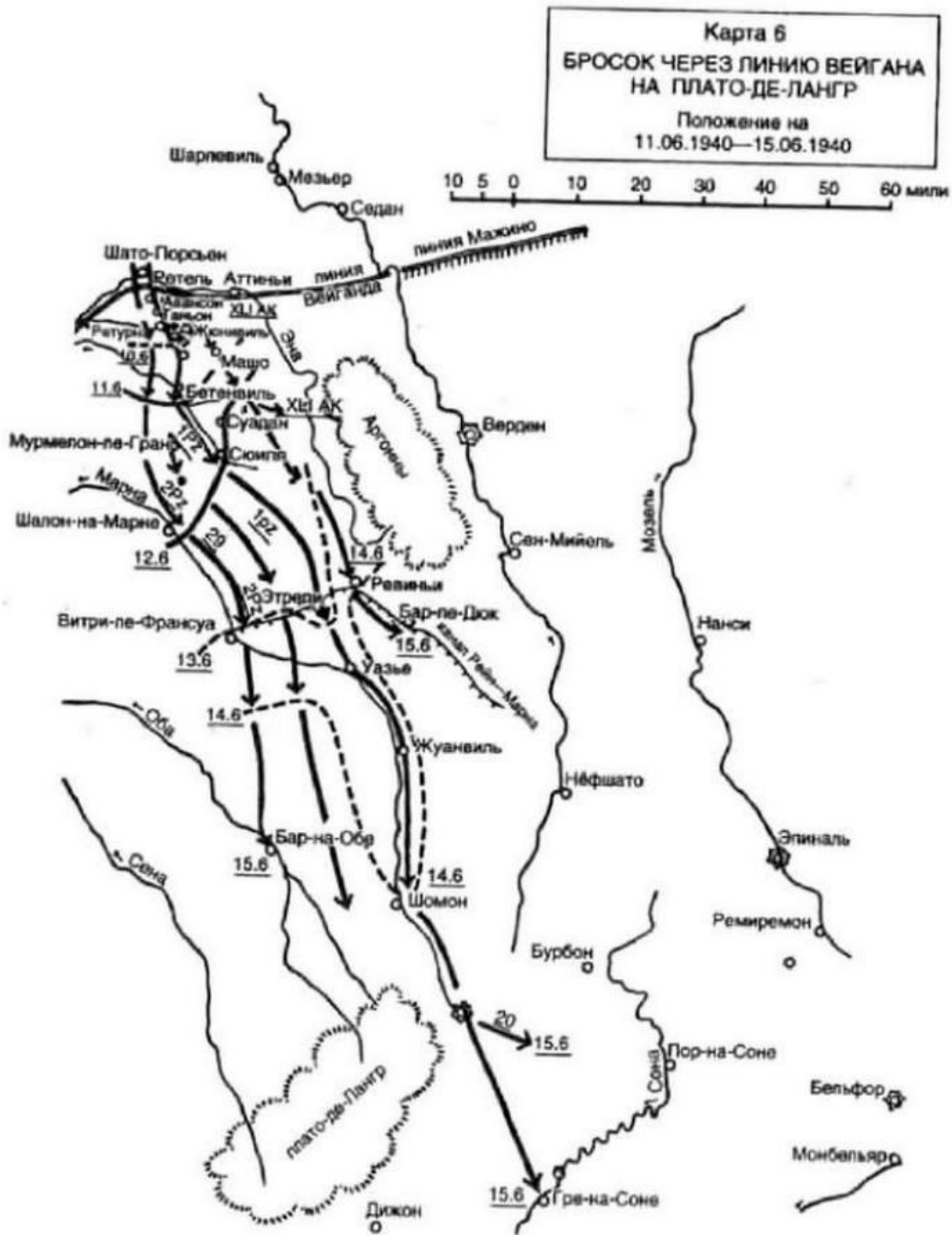
поставлена задача выйти на плато Лангр, где я должен был получить приказ на последующее наступление.

Я попросил командующего 12-й армией разрешить мне заранее выдвинуть дивизии вперёд к назначенным местам переправ и самостоятельно форсировать р. Эн. Я боялся, что во время прохождения через боевые порядки и тылы пехотных корпусов с их большими обозами на дорогах создадутся пробки, что может затруднить управление дивизиями. Но командующий хотел сохранить танковые дивизии для завершения прорыва и поэтому отклонил мою просьбу. Итак, танковая группа заняла исходное положение за пехотными корпусами с таким расчётом, чтобы четырьмя танковыми дивизиями перейти р. Эн по восьми мостам как только будет закончено их наведение. Обе мотодивизии должны были наступать за танковыми дивизиями своих корпусов. Условием успешного осуществления этого плана являлось удачное форсирование реки пехотными корпусами и создание предмостных укреплений.

8 июня командный пункт танковой группы был переведён в Беньи.

9 июня, в первый день наступления 12-й армии, я направился на наблюдательный пункт, расположенный немного северо-восточнее Ретель, чтобы лично наблюдать за продвижением пехоты и не упустить момента выступления.

Пробыв на наблюдательном пункте с 5 до 10 час. и ничего не заметив, я послал своих офицеров для поручений к ближайшему мосту в боевые порядки пехоты, приказав им выяснить, удалось ли форсировать р. Эн. К 12 час. с участка фронта Ретель я получил боевое донесение, в котором говорилось, что наступление на участке Ретель успеха не имело.

Мои наблюдатели с других участков фронта сообщили, что только у Шато-Порсьен удалось создать небольшое предмостное укрепление

глубиной от одного до двух километров. Я установил связь с моим другом начальником штаба армии генералом Макензеном и попросил его доложить командующему, что я предлагаю в связи с создавшейся обстановкой подтянуть танки ночью на это единственное предмостное укрепление, чтобы утром следующего дня осуществить прорыв на этом участке. Затем, посетив штаб 3-го армейского корпуса генерала Гаазе, где я получил краткую информацию об обстановке, я направился в Шато-Порсьен. Возвращаясь с предмостного укрепления, я встретил севернее населённого пункта Шато-Порсьен командира 39-го армейского корпуса генерала Шмидта и генерала Кирхнера и обсудил с ними порядок переброски 1-й танковой дивизии на предмостное укрепление. Дивизия должна была выступить с наступлением сумерек.

Вскоре я встретился с командующим армией генерал-полковником Листом, который, выехав с северного участка фронта, проезжал через район расположения 1-й танковой дивизии и, к своему неудовольствию, заметил, что отдельные танкисты были без мундиров, а некоторые купались в протекавшей поблизости речке. Он потребовал от меня объяснения, почему войска ещё не выступили на предмостные укрепления. Основываясь на своих личных только что полученных впечатлениях, я возразил, что продвижение невозможно, пока не будут созданы и в достаточной мере расширены предмостные укрепления, и что отсутствие предмостных укреплений не должно ставиться в вину танковым войскам. Генерал-полковник Лист немедленно пожал мне руку, показав характерные для него рыцарские манеры, и спокойно начал беседовать со мной о продолжении наступления.

После короткого пребывания на командном пункте группы я снова направился в Шато-Порсьен к предмостному укреплению, чтобы проследить за выдвижением моих танков и согласовать вопросы взаимодействия с командиром пехотной дивизии. Я встретил там генерала Лоха (17-я пехотная дивизия) и согласовал осуществление задуманного плана. До часа ночи я пробыл на передовой, поблагодарил раненых танкистов и разведчиков, ожидавших у моста эвакуации в тыл, за их мужественное поведение в бою и поехал на свой командный пункт в Беньи, чтобы отдать приказ на дальнейшие действия.

В течение второй половины дня удалось создать два небольших предмостных укрепления западнее и восточнее Шато-Порсьен, что

позволило 2-й танковой дивизии и следовавшим за ней частям 1-й танковой дивизии форсировать реку.

Наступление моих танков должно было начаться 10 июня в 6 час. 30 мин. В назначенное время я выехал в боевые порядки и заставил двигаться вперёд батальоны 1-й пехотной бригады, которые находились слишком далеко в тылу. К моему удивлению, меня узнали в пехотных частях на переднем крае. Вскоре я выяснил, что нахожусь в 55-м полку, который в своё время дислоцировался в Вюрцбурге. Офицеры и унтер-офицеры этого полка знали меня ещё с того времени, когда я был командиром 2-й танковой дивизии, также дислоцировавшейся в этом прекрасном, к сожалению, теперь полностью разрушенном городе. Они сердечно приветствовали меня. Наступление танков и пехоты началось одновременно и согласованно.

Наступающие войска быстрым темпом прошли через Авансон и Таньон и двинулись к Нефлизу на р. Ретурн. На открытой местности танки почти не встречали сопротивления, так как новая французская тактика основное значение придавала обороне населённых пунктов и лесных массивов, отказываясь от обороны открытой местности. В деревнях наша пехота, встречая упорное сопротивление противника, должна была вести бои за отдельные дома и брать баррикады. В то же время танки, которых беспокоил лишь малоэффективный огонь французской тяжёлой артиллерии, расположенной в тылу, за продолжавшим ещё держаться фронтом у Ретеля, прорвались к р. Ретурн и форсировали эту заболоченную реку у Нефлиза. 1-я танковая дивизия продолжала наступление по обоим берегам р. Ретурн. Южнее реки наступала 1-я танковая бригада, севернее действовала пехота Балка. Примерно в середине дня, когда мы подошли к Жюнивиллю, крупные танковые силы противника начали контратаку. Южнее Жюнивиля завязался танковый бой, закончившийся примерно через два часа нашей победой. Во второй половине дня мы овладели Жюнивилем. Во время боя Балк лично захватил французское полковое знамя. Противник отошёл на Ла-Невиль. Во время танкового боя я тщетно пытался подбить огнём французской трофейной 47-мм противотанковой пушки французский танк «Б»; все снаряды отскакивали от толстых броневых стенок, не причиняя танку никакого вреда. Наши 37- и 20-мм пушки также не были эффективными против этой машины. Поэтому мы вынуждены были нести потери.

В конце дня севернее Жюнивиля вновь завязались упорные бои с французскими танками, начавшими контратаку из Аннель на Перт; эти танки были отброшены.

Между тем 2-я танковая дивизия форсировала западнее Шато-Порсьен р. Эн и начала продвижение на юг. К вечеру она достигла линии Удилькур, Сент-Этьен. Корпус Рейнгардта, не успевший форсировать р. Эн в назначенном для него пункте, переправился через реку вслед за 1-й танковой дивизией. Рассчитывали, что взятие Жюнивиля вскоре заставит противника прекратить сопротивление у Ретеля, в результате чего корпус получит свободу действий. Командный пункт группы находился в лесу Севиньи на р. Эн, юго-восточнее Шато-Порсьен. На ночь я направился туда. Смертельно усталый, не сняв даже головного убора, я бросился на охапку соломы и тотчас же уснул. Заботливый Рибель распорядился поставить надо мной палатку и выставил около неё часового, чтобы дать мне возможность поспать хотя бы в течение трёх часов.

Утром 11 июня я прибыл в район Ла-Невиль, где наступала 1-я танковая дивизия. Балк показал мне захваченное им знамя. Наступление проходило, как на учебном плацу: артиллерийская подготовка, продвижение танков и пехоты, охват населённого пункта, прорыв в направлении на Бетеневиль — населённого пункта, хорошо известного мне по первой мировой войне. На р. Сюипп противник усилил сопротивление, но его атака силами пятидесяти танков, вероятно, из состава 7-й французской лёгкой дивизии оказалась безрезультатной. Мы взяли населённые пункты Норуа, Бен и Сен Илер-ле-Пти.

2-я танковая дивизия достигла Эпуа, 29-я мотодивизия вышла к лесу юго-западнее этого населённого пункта.

Продвигавшийся слева от 39-го армейского корпуса 41-й армейский корпус Рейнгардта должен был прежде, чем продолжать продвижение в южном направлении, отразить наступление 3-й механизированной и 3-й танковой дивизий французов, двигавшихся из района Аргоннских гор на левый фланг корпуса.

Во второй половине дня, возвращаясь на командный пункт группы, я узнал о намерении Главнокомандующего сухопутными силами посетить танковую группу. Я встретил генерал-полковника фон Браухича уже на командном пункте и доложил ему обстановку на моём

участке фронта и мои дальнейшие намерения. Новых указаний я не получил. Вечером командный пункт был переведён в Жюнивиль.

12 июня наступление продолжалось. Бой вёл 39-й армейский корпус в составе 2-й танковой дивизии, наступавшей на Шалон-сюр-Марн, 29-й мотодивизии и 1-й танковой дивизии, наступавших на Витри-ле-Франсуа. 41-й армейский корпус должен был наступать своим правым флангом через Сомм-Пи на Сюипп.

Движение танков затруднялось неослабевавшим напором пехоты, переправившейся вслед за танками через р. Эн. Пехота на некоторых участках догнала ведущие бой танковые части и из-за недостаточно чёткого разграничения полос наступления перемешалась с ними. Все просьбы урегулировать порядок движения, адресованные в штаб, были напрасны. На отдельных переправах через р. Сюипп разыгрались неприятные инциденты между солдатами различных родов войск. И пехота, и танки хотели сражаться в первом эшелоне. День и ночь маршировала отважная пехота навстречу противнику. Утром в этот день мы преодолели плато Шампань, знакомое мне с осени 1917 г. Я направился в только что прибывшую на фронт 29-ю мотодивизию генерала барона фон Лангермана, которую я нашёл на северной окраине лагеря Мурмелон-ле-Гран. Командир дивизии, находившийся в расположении разведывательного батальона, как раз отдавал приказ на наступление на лагерь, занятый противником. Приказ был кратким и ясным. Всё это вместе взятое производило очень хорошее впечатление. Удовлетворённый всем виденным, я мог ехать дальше в Шалон-сюр-Марн во 2-ю танковую дивизию. К моему прибытию наши части уже достигли Шалон-сюр-Марн. Передовые разведывательные дозоры прошли мост через Марну, но, к сожалению, не проверили сразу взрывные камеры, несмотря на ясные указания, что в этом отношении следует действовать с особой тщательностью. И вот когда наши солдаты почти перешли через мост, он взлетел в воздух. Неоправданные потери.

Ещё во время моей беседы с генералом Фейелем относительно продолжения наступления меня вызвали на командный пункт группы, чтобы встретить командующего армейской группой генерал-полковника фон Рундштедта.

К вечеру 1-я танковая дивизия достигла Бюсси-ле-Шато. Она двинулась на Этрепи на канале Рейн-Марна.

Корпус Рейнгардта в этот день вёл оборонительные бои с противником, наступавшим от Аргоннских гор в западном направлении. Я встретил дивизии корпуса во второй половине дня в районе Машо и убедился в целесообразности их действий. Суэн, Таюр и Манр перешли в наши руки. На обратном пути на командный пункт группы — снова столкновение с пехотными частями, пересёкшими путь нашего продвижения. Снова я напрасно просил штаб 12-й армии урегулировать движение.

Теперь танковая группа стала ежедневно получать по несколько противоречивых приказов, требовавших то повернуть на восток, то продолжать продвижение на юг. Сначала мы должны были захватить Верден, затем наступать в южном направлении, затем повернуть на Сен-Мийель, затем снова продвигаться в южном направлении. Все эти перемены испытал на себе только корпус Рейнгардта, так как корпус Шмидта я всё время продвигал на юг и таким образом обеспечивал постоянное продвижение в одном направлении хотя бы половины танковой группы.

13 июня я посетил корпус Рейнгардта (6-я и 8-я танковые дивизии), который всё ещё вёл бои с противником, наступавшим из районов Вердена и Аргоннских гор. К вечеру я прибыл в 1-ю танковую дивизию, вышедшую у Этрэпи к каналу Рейн-Марна. Командир 39-го армейского корпуса приказал не форсировать канала. Об этом приказе я ничего не знал; он был также не в моём вкусе. У Этрэпи я спросил Балка, неутомимого командира передового полка 1-й танковой дивизии, овладел ли он уже мостом через канал. Он ответил утвердительно. Создал ли он предмостное укрепление? После небольшой заминки он тоже ответил: да. Меня удивила сдержанность. Может ли машина проехать на предмостное укрепление? Недоверчивый взгляд, нерешительное — да. Стало быть, едем! На предмостном укреплении находились старательный офицер инженерных войск лейтенант Бебер, который, рискуя жизнью, предотвратил разрушение моста, и командир пехотного батальона капитан Экингер, овладевший мостом и создавший предмостное укрепление. Я был обрадован тем, что мне представляется возможность вручить здесь же обоим храбрым офицерам железный крест I класса. Затем я спросил Балка, почему он

не продвигается дальше; только в этот момент я узнал о приказе командира 39-го армейского корпуса, требовавшем остановить наступление. Удивительная сдержанность Балка объяснялась тем, что он на свой страх и риск нарушил приказ и хотел избежать обвинений.

Снова стояли мы, как и у Бувельмона, накануне завершения прорыва. Снова нельзя было терпеть промедлений, остановок. Балк высказал своё впечатление о противнике: перед ним находились цветные войска, оборонявшие канал при поддержке небольшого количества артиллерии. Я отдал приказ немедленно наступать на Сен-Дизье и обещал сам уладить дело с командиром дивизии и командиром корпуса. Итак, Балк начал действовать. Я направился в штаб дивизии и распорядился начать продвижение всей дивизией. Затем я ознакомил генерала Шмидта с моим приказом 1-й танковой дивизии.

Наконец, уже в сумерках, проехав через расположение 29-й мотодивизии, подошедшей к каналу у Брюссена, я натолкнулся севернее Витри-ле-Франсуа на 5-й разведывательный батальон 2-й танковой дивизии. Здесь меня ознакомили с ходом наступления дивизии.

14 июня в 9 час. немецкие войска вступили в Париж. В полосе наступления танковой группы Гудериана 1-я танковая дивизия ещё ночью достигла Сен-Дизье. Французские военнопленные принадлежали к 3-й танковой дивизии, 3-й североафриканской дивизии и 6-й колониальной пехотной дивизии; солдаты производили впечатление измотанных людей. Западнее 1-й танковой дивизии форсировали канал Рейн-Марна и остальные части 39-го армейского корпуса. Корпус Рейнгардта вышел на канал у Ревиньи восточнее Этрепи.

В середине дня после совещания с командиром 1-й танковой дивизии я приехал в Сен-Дизье и на площади увидел своего друга Балка сидящим на стуле. Он был первым, кого я здесь встретил. Он рассчитывал на спокойную ночь после всех тревожных последних суток. Но я должен был сильно разочаровать его. Чем быстрее мы могли возобновить наше наступление, тем большим должен был быть наш успех. Итак, Балк получил приказ незамедлительно начать продвижение на Лангр. Вся 1-я танковая дивизия приступила к выполнению этого приказа. Наступление продолжалось всю ночь, и к утру 15 июня старая крепость капитулировала. 3000 военнопленных.

29-я мотодивизия была направлена через Васси на Жюзенанкур, 2-я танковая дивизия — через Монтьер-ан-Де, Сулён-Дюи на Бар-сюр-Об. Корпус Рейнгардта получал задачу наступать в южном направлении.

Замысел главного командования сухопутных сил повернуть танковую группу через Жюнивиль, Нешато на Нанси уже был выражен в соответствующих приказах, однако в войска своевременно поступили контрприказы.

Утром 15 июня я направился в Лангр, прибыл туда примерно к середине дня и приказал 1-й танковой дивизии наступать на Грe, Безансон, 29-й мотодивизии в направлении на р. Сона юго-западнее Грe, 2-й танковой дивизии — на Тиль-Шатель. Восточнее р. Марна 41-й армейский корпус продолжал наступать в южном направлении. Справа от меня на Дижон продвигался 16-й армейский корпус группы Клейста. 1-я танковая дивизия начала наступление в 13 час. В это время я вместе со своей небольшой оперативной группой сидел в офицерской столовой, из сада которой открывался красивый вид на восток. Я же был озабочен своим открытым и слишком растянутым флангом, так как до меня стали доходить сведения, что с востока двигаются французские войска. В течение второй половины дня 20-я мотодивизия генерала Викторина достигла Лангра и, продвинувшись в направлении на Весуль, взяла на себя обеспечение левого фланга. Западнее Лангра продвигалась 29-я мотодивизия. Обстановка прояснялась с каждым часом. До вечера были захвачены Бар-сюр-Об, Грe, Бар-ле-Дюк.

В боях за город Грe погиб его комендант генерал де Курзон.

Вечером командный пункт группы был переведён в Лангр. Я не получил приказа главного командования сухопутных сил о дальнейших задачах танковой группы и послал офицера связи главного командования, находившегося при моём штабе, на самолёте в штаб главного командования с тем, чтобы он доложил о моём намерении продолжать наступление по направлению к швейцарской границе.

Мы остановились в Лангр в домах дружественного населения и после чрезвычайно напряжённых, последних дней наслаждались всеми удобствами.

16 июня 1-й танковой дивизии удалось захватить у Киттер, севернее Грe, неразрушенный мост и переправиться через Сону. Наши самолёты несколько часов подряд бомбили этот мост, задерживая

переправу через реку. Это были, по всей вероятности, самолёты группы армий Лееба, но мы не смогли установить связь с ними и разъяснить им их ошибку. К счастью, потерь не было, 39-й армейский корпус достиг в середине дня рубежа Безансон, Аванн; 41-й армейский корпус, направив свои танковые дивизии за 20-й мотодивизией, овладел городами Пор-сюр-Соя, Весуль и Бурбон-ле-Бен. Были взяты тысячи пленных, среди которых впервые в этой кампании оказались и поляки. В Безансоне было захвачено 30 танков.

17 июня полковник Неринг, мой неутомимый начальник штаба, собрал на небольшой террасе между помещением штаба и стеной старой крепости всех офицеров штаба, чтобы тепло поздравить меня с днём рождения. Он был счастлив, что мог связать свои поздравления с донесением о выходе 29-й мотодивизии к швейцарской границе. Этот успех был для всех нас очень большой радостью. Я немедленно направился в эту дивизию, чтобы поздравить храбрые войска с этим знаменательным событием. Около 12 час. я прибыл в Понтарклие к генералу барону фон Лангерману, обогнав на своём долгом пути основные силы дивизии, продолжавшие продвигаться вперёд. Всюду солдаты радостно поздравляли меня. На моё донесение о выходе к швейцарской границе у Понтарклие Гитлер ответил запросом: «Ваше донесение основано на ошибке. Имеется в виду, по всей вероятности, Понтайе на р. Сона». И только мой ответ: «Никакой ошибки; Я сам нахожусь в Понтарклие на швейцарской границе» — успокоил недоверчивое верховное командование вооружённых сил.

Последовал визит на границу, где я беседовал с некоторыми храбрыми начальниками разведывательных групп, неутомимой деятельности которых мы были обязаны ценными сведениями о противнике; среди них был чрезвычайно энергичный лейтенант фон Бюнау, которому, к сожалению, позднее пришлось отдать свою жизнь за Германию.

Из Понтарклие я отправил радиограмму 39-му армейскому корпусу, приказав немедленно повернуть на северо-восток. Это продвижение имело своей целью установить связь с 7-й армией генерала Дольмана, которая наступала из района Верхнего Эльзаса, и перерезать коммуникации, связывающие французские войска, сосредоточенные в Эльзас-Лотарингии, с Францией. Этот трудный

поворот на 90 градусов был сделан с точностью, характерной для всех манёвров моих танковых дивизий. Хотя, согласно приказу, маршруты движения дивизий пересекались, тем не менее марш прошёл без затруднений. Я испытывал чувство удовлетворения, когда вечером нашёл в своём штабе распоряжение группы армий Лееба, согласно которому моя танковая группа переподчинялась этой группе и направлялась на Бельфор, Эпиналь. Мы могли доложить, что указанный манёвр уже осуществляется.

Шесть лет спустя, находясь в Нюрнбергской тюрьме, я оказался в одной камере с фельдмаршалом Риттером фон Леебом. Однажды в этом мрачном месте у нас зашёл разговор о 1940 году. Фельдмаршал Риттер фон Лееб никак не мог понять, каким образом я так неожиданно быстро приступил к выполнению его приказа — наступать на Бельфор, Эпиналь. И мне пришлось дать ему объяснения. Совпадение оперативных взглядов командующих танковой группой и группой армий привело к принятию одного и того же решения.

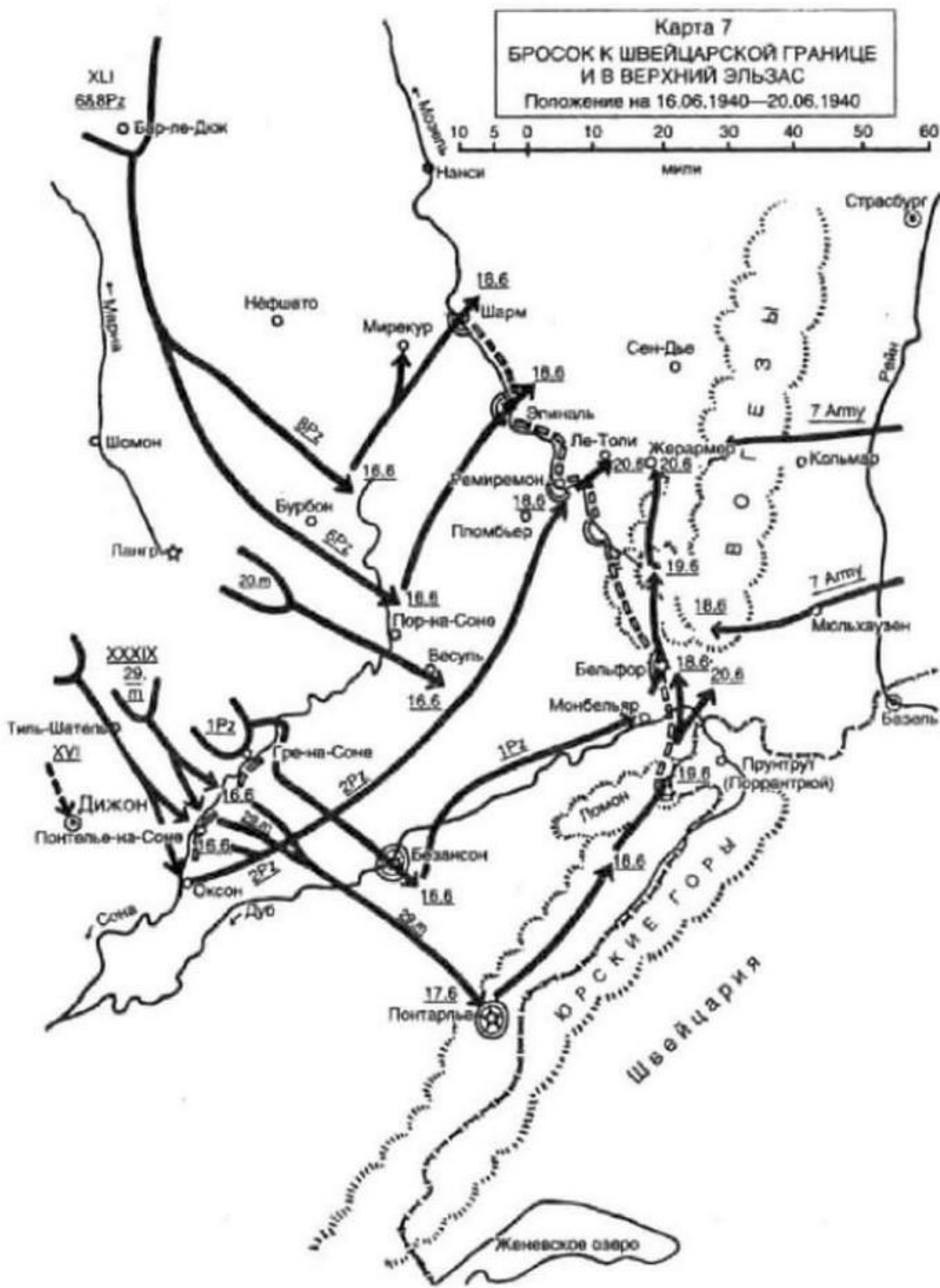
Ужиная в штабе, расположенном в живописном населённом пункте Аванн у Безансона, над долиной р. Дуб, я имел счастье повидаться с моим вторым сыном Куртом, который за несколько дней до этого был переведён из разведывательного батальона 3-й танковой дивизии в конвойный батальон штаба. Воспользовавшись командировкой, он заглянул в тот день ко мне.

Около полуночи мне позвонил начальник оперативного отдела 1-й танковой дивизии майор Венк и доложил, что дивизия вышла к Монбельяр, достигнув тем самым цели, указанной ей 39-м армейским корпусом. Венк продолжал, что дивизия ещё располагает достаточным количеством горючего для продолжения наступления. Так как он не мог связаться с командиром корпуса, то решил обратиться непосредственно ко мне, чтобы попросить разрешения продолжать наступление на Бельфор. Само собой разумеется, он получил желаемое разрешение: ведь я никоим образом не намеревался делать остановку в Монбельяре.

Вероятно, какое-то случайное обстоятельство заставило 39-й армейский корпус остановить дивизии не в Бельфор, который был указан в моём приказе как конечный объект наступления, а в другом промежуточном пункте. В решающий момент штаб корпуса менял своё расположение, и поэтому дивизия не могла с ним связаться. Это была

история о «проездном билете» до конечной остановки. Момент внезапности был использован полностью.

После короткого отдыха утром 18 июня я направился в Бельфор. Между Монбельяром и Бельфором вдоль шоссе вытянулись французские мотоколонны, уже капитулировавшие перед нашими войсками. Среди них было много тяжёлой артиллерии. У входа в старую крепость расположились тысячи пленных. Однако на фортах не было немецких военных флагов и из города ещё доносились выстрелы. В Бельфоре на безлюдной и тихой площади я остановил связного мотоциклиста из 1-й танковой дивизии и попросил провести меня в штаб дивизии. Проворный молодой человек проводил меня в отель «Париж», где находился командир дивизии. Там меня встретил Венк. Моё появление в столь ранний час сильно удивило его. Он доложил о моём прибытии командиру, принимавшему ванну. Я хорошо понимал желание офицеров штаба привести себя в порядок после горячки последних дней и использовал время до прихода Кирхнера, чтобы снять пробу с завтрака, приготовленного для пленных французских офицеров. Затем я приказал доложить обстановку. Дивизия овладела лишь частью города, а форты всё ещё находились в руках французов. Были начаты переговоры, однако капитулировать согласились лишь войска, занимавшие казармы. Гарнизоны фортов отказались сдаться без боя и были атакованы нашими войсками.

Дивизия создала боевую группу для овладения фортами и крепостью и в середине дня начала их штурм. Первым пал форт Басе-Перш, затем при мне капитулировали форт От-Перш и крепость. Способ овладения крепостью и фортами был весьма простым:

короткий огневой налёт артиллерии 1-й танковой дивизии, затем выдвижение к форту пехотного батальона Экингера на бронетранспортёрах в сопровождении 88-мм зенитной пушки, которая занимала позицию прямо перед входом в бастион. Пехотинцы подходили к брустверу без потерь, спешивались с машин, преодолевали рвы и взбирались на вал; зенитная пушка вела в это время огонь по горже. Затем мы требовали от противника сдачи форта. Стремительность штурма вынуждала противника капитулировать. В знак полной капитуляции над фортом поднимался наш военный флаг, и штурмовая группа приступала к захвату следующего укрепления. Наши потери были весьма незначительны.

Другие части 1-й танковой дивизии под командованием полковника Недтвига достигли в этот день Жироманьи, севернее Бельфора. Они взяли в плен 10 000 французских солдат и офицеров, захватили 40 мортир, 7 самолётов и большое количество военных материалов.

В этот же день штаб танковой группы был перемещён в Монбельяр.

Тем временем французское правительство ушло в отставку, и старый маршал Петэн образовал новый кабинет, который 16 июня предложил заключить перемирие.

Отныне наша главная задача состояла в том, чтобы установить связь с генералом Дольманом и замкнуть кольцо вокруг сил противника, находившихся в Эльзас — Лотарингии. В то время как 29-я мотодивизия с боями продвигалась через горы Юра по направлению к Ломону и к горе Прунтрутер, 2-я танковая дивизия вышла на Верхний Мозель у Рюпта и Ремиремона. 6-я танковая дивизия генерала Кемпфа овладела Эпиналем. Бои за Эпиналь во многом походили на бои 1-й танковой дивизии за Бельфор. В каждой из этих крепостей было захвачено по 40 000 пленных.

Передовые части 7-й армии, действовавшей в Верхнем Эльзасе, достигли Нидер-Азбах (южнее Зенгейм).

19 июня продвижение продолжалось, с 7-й армией была установлена связь у Ле-Шапель, северо-восточное Бельфор. Некоторое сопротивление оказали только восточные форты Бельфора, но вскоре и они также капитулировали. Части 1-й танковой дивизии штурмом взяли Эльзесер Бельпен и Баллон де Серванс, а в полночь овладели Тилло. 2-я танковая дивизия захватила форт Рюи-сюр-Мозель. В Вогезах началось наступление широким фронтом. Наступавшие с севера на Эпиналь пехотные дивизии 1-го армейского корпуса пришлось приостановить, так как их дальнейшее продвижение вызвало бы заторы на дорогах, уже забитых танковыми частями. Пехота, которой тоже хотелось принять участие в этом походе, резко выражала своё недовольство командованию группы. Я немедленно направил на самолёте моего начальника оперативного отдела майора Байерлейна к генерал-полковнику Риттеру фон Леебу, чтобы объяснить последнему причины, побудившие меня остановить продвижение пехотных дивизий. Майор прибыл к генералу как раз вовремя, чтобы предотвратить взрыв гнева командующего.

Штаб танковой группы был перемещён в старое курортное местечко в Вогезах — Пломбьер, известное ещё древним римлянам. Здесь мы хорошо провели три дня.

Сопротивление французов было полностью сломлено. 20 июня пал Корнимон, 21 — Бюссан в Вогезах. 2-я танковая дивизия достигла Сен-Аме и Ле-Толи, 29-я мотодивизия — Дель и Бельфор. Мы взяли в плен около 150 000 солдат и офицеров. При подсчёте военнопленных между генералами группы армий «Ц» возник спор, который был прекращён соломоновым решением генерал-полковника Риттера фон Лееба, признавшего мою цифру пленных (150 000) правильной и, кроме того, высказавшего лестное для меня замечание, что без охватывающего манёвра танковой группы через Бельфор, Эпиналь общее число военнопленных было бы гораздо меньшим.

Общее число военнопленных танковой группы после форсирования р. Эн составляло 250 000 человек. К этому следует добавить большое количество техники.

22 июня французское правительство заключило перемирие. Условий перемирия сначала нам не сообщали. 23 июня, проехав через

ущелье и перевалив гору Кайзерсберг в Вогезах, я разыскал генерала Дольмана в его штабе, в Кольмаре (Эльзас). Я снова увидел те места, где провёл своё детство.

Вскоре мой штаб был переведён в Безансон и разместился сначала в отеле, затем в здании штаба французского корпуса. Я воспользовался окончанием боевых действий, чтобы поблагодарить моих командиров и штабных офицеров за их труд и боевые подвиги. Наше сотрудничество было идеальным. Храбрые войска с величайшей преданностью выполнили возложенные на них тяжёлые задачи. Поистине они могли гордиться своими успехами.

30 июня я простился с ними следующим приказом:

*Группа Гудериана
Безансон, 30 июня 1940 г.
Приказ по танковой группе*

В момент, когда группа Гудериана изменяет свой организационный состав, я хочу сердечно попрощаться со всеми штабами и войсками, которые выходят из состава группы и направляются на выполнение других задач.

Победоносное шествие от р. Эн до швейцарской границы и Вогез войдёт в историю и останется в ней как героический пример прорыва, совершённого подвижными войсками.

Я благодарю вас за этот подвиг, которой был прекрасным итогом моей борьбы и стремлений за целое десятилетие.

С таким же подъёмом и с такими же успехами выполняйте и впредь новые задачи до окончательной победы Великой Германии!

Хайль фюрер!

Подпись: Гудериан

Заключение мира

Я вспоминаю двух посетителей, навестивших меня в Безансоне: вечером 27 июня прибыл генерал Риттер фон Эпп, командир 19-го пехотного полка, который, разыскивая свой полк, проезжал через Безансон; я знал этого генерала по совместной охоте в Шпехтевальде. Мы долго и обстоятельно беседовали о перемирии с Францией и о продолжении войны против Англии. Эта беседа доставила мне особую радость, так как изолированное положение, в котором я находился, не позволяло мне составить своё мнение.

Вторым визитёром, с которым я 5 июля обсуждал ту же тему, был рейхсминистр вооружения и военной промышленности доктор Тодт, который прибыл ко мне, чтобы использовать последний опыт боевых действий в интересах дальнейшего развития танкостроения.

Мне не нравилось перемирие, только что заключённое под ликование немецкого народа и к удовлетворению Гитлера. После полной победы немецкого оружия, одержанной над Францией, мы могли заключить другой мирный договор. Можно было потребовать полного разоружения Франции, полной оккупации страны, отказа от военного флота и колоний. Но можно было также идти по другому пути, по пути взаимопонимания, предложить французам сохранить целостность их страны, их колоний и их национальной независимости ради быстрого заключения мира также и с Англией. Между двумя этими крайностями могли быть различные варианты. Какое бы ни было принято решение, но уж если принято, оно должно было создать германскому рейху выгодные предпосылки для быстрого окончания войны не только против Франции, но против Великобритании. Чтобы прекратить войну с Англией, нужно было в первую очередь увереннее стремиться к дипломатическим переговорам. Предложение Гитлера с трибуны рейхстага не могло считаться дипломатическим шагом. Теперь мне ясно, что вряд ли Англия в то время вступила бы в переговоры с Гитлером. Тем не менее следовало попытаться начать переговоры, хотя бы только для того, чтобы впоследствии не упрекать себя за отказ от использования мирных средств для разрешения конфликта. Но если бы дипломатические шаги не привели к желаемым результатам, следовало немедленно и со всей силой использовать военные средства.

Конечно, Гитлер и его штаб думали о продолжении войны против Великобритании; об этом свидетельствует операция, известная под названием «Морской лев», предполагавшая высадку десанта на Британские острова. Учитывая нашу недостаточную подготовленность к ведению войны на море и в воздухе, не позволявшую осуществить высадку десанта на Британские острова, нужно было, кроме того, найти и другие решения, позволявшие нанести морской державе чувствительный удар и принудить её вступить в переговоры.

В то время самый эффективный путь к быстрому установлению мира я видел в незамедлительном продолжении нашего наступления по направлению к устью Роны, чтобы после овладения французскими портами на Средиземном море во взаимодействии с итальянцами высадить воздушные десанты в Африке и на о. Мальта. Если французы присоединятся к нам, тем лучше. Если нет, мы и итальянцы должны одни продолжать войну и без промедлений. Известно, как слабы были тогда англичане в Египте. Крупные итальянские силы всё ещё находились в Абиссинии. Противовоздушная оборона Мальты была слабой. Мне казалось, что всё говорит за продолжение наших операций в этом направлении. Всё — за, ничего — против. Нужно было быстро перебросить четыре — шесть танковых дивизий в Африку и создать там подавляющее превосходство в силах, прежде чем англичане успеют перевезти подкрепления. Результаты высадки немецко-итальянского десанта в Северной Африке в 1940 г. были бы для нас гораздо более благоприятными, чем в 1941 г., после первого поражения итальянцев.

Вполне возможно, что недоверие, которое испытывал Гитлер к итальянцам, удерживало его от перенесения войны в Африку. Но ещё более вероятно, что Гитлер, находясь в плену чисто континентальных воззрений, не понял решающего значения для англичан района Средиземного моря.

Как бы там ни было, больше я ничего не слышал о моих предложениях и только в 1950 г. узнал, что генерал Риттер фон Эпп всё-таки нашёл возможным сообщить их Гитлеру. По сообщению капитана 1 ранга Венига, сопровождавшего Эппа, Гитлер отказался говорить по существу этих предложений.

Пребывание в Безансоне дало мне возможность ознакомиться с горами Юра, а 1 июля из Мон-Ронда увидеть хорошо известное мне Женевское озеро. Затем я посетил Лион, чтобы повидаться там с моим

старшим сыном, который за время западной кампании вторично был ранен и за храбрость получил внеочередное звание.

С префектом и с бургомистром Безансона были установлены корректные отношения. Оба они отличались чрезвычайной вежливостью.

В начале июля танковая группа была расформирована, одни дивизии были направлены в Германию, другие — в район Парижа. В район Парижа прибыл также штаб танковой группы, мы должны были подготовиться к большому параду в честь фюрера, но, к счастью, он не состоялся.

Находясь в Париже, я посетил Версаль и Фонтенбло — великолепный старый замок с прекрасными историческими памятниками. С особым интересом я осмотрел музей Наполеона в Мальмезо. Старый, державший себя с достоинством директор оказал мне любезность и сопровождал при осмотре музея. Объяснения, даваемые этим крупным знатоком истории великого корсиканца, были для меня весьма поучительны и интересны. Само собой разумеется, я осмотрел все достопримечательности Парижа, насколько это было возможно в условиях войны. Вначале я жил в отеле «Ланкастер», потом переехал на частную квартиру в Булонский лес.

Моё пребывание в Париже было прервано заседанием рейхстага 19 июля, на которое мне приказали прибыть вместе с многими другими генералами. На заседании был зачитан приказ Гитлера о присвоении мне звания генерал-полковника.

Так как парад был отменён, то не было никаких оснований для продолжительного пребывания штаба танковой группы в Париже. Поэтому в начале августа мы были переведены в Берлин, где нам дали возможность отдохнуть.

Тем временем части, оставшиеся во Франции, занимались подготовкой к осуществлению плана «Морской лев», к которому, однако, уже с самого начала относились недостаточно серьёзно. Этот план, по моему мнению, был совершенно бесперспективным вследствие отсутствия достаточного количества самолётов, необходимого морского тоннажа и эвакуации английского экспедиционного корпуса из Дюнкерка. Две причины, названные первыми, являются лучшим доказательством того, что Германия не

намеревалась вести войну с западными державами и скрытно не готовилась к ней. Когда в сентябре начались осенние бури, план «Морской лев» был окончательно похоронен. Подготовка танковых войск к операции «Морской лев» позволила провести испытание подводных танков типа Т-III и Т-IV. К 10 августа эти машины были уже в боевой готовности на танкодроме в Путлос (Гольштиния). В 1941 г. их применили в России при форсировании р. Зап. Буг.

На основе опыта западной кампании Гитлер требовал довести выпуск танков до 800-1000 машин в месяц. Расчёты управления вооружения сухопутных сил показали, что для этого потребуется истратить 2 млрд. марок и использовать до 100 000 квалифицированных рабочих и специалистов. Вследствие таких громадных расходов Гитлеру, к сожалению, пришлось отказаться от своего намерения.

Далее Гитлер потребовал вооружения танка Т-III 50-мм пушкой «L-60» вместо прежней 37-мм пушки. Однако на танке была установлена 50-мм пушка «L-42» с более коротким стволом. По всей вероятности, Гитлер не сразу узнал, почему управление вооружения решило изменить тип орудия; когда он в феврале 1941 г. заметил, что его указание не выполнено, хотя технические возможности позволяли это сделать, он был сильно разгневан и никогда не мог простить этого самоуправства руководителям управления. Несколько лет спустя он вспомнил об этом.

После кампании Гитлер имел в своём распоряжении значительно большее количество танковых и моторизованных дивизий. Число танковых дивизий за короткое время удвоилось, однако количество танковых частей, входящих в дивизию, уменьшилось также вдвое. Благодаря таким мерам германские сухопутные войска номинально имели в два раза больше танковых дивизий, но их ударная сила, о которой следовало бы позаботиться в первую очередь, не увеличилась. Одновременно удвоение числа моторизованных дивизий вызвало такое сильное напряжение нашей автомобильной промышленности, что требования Гитлера могли быть удовлетворены только ценой использования всех наличных запасов мототранспортных средств, включая военные трофеи. Трофейная материальная часть была немного хуже немецкой, в частности, она не удовлетворяла повышенным требованиям, предъявляемым к мототранспорту на восточном и

африканском театрах военных действий. Мне поручили следить за формированием и боевой подготовкой нескольких танковых и моторизованных дивизий. Работы было у меня более чем достаточно. В редко выпадавшие часы досуга я ломал себе голову над проблемой дальнейшего продолжения войны, которая так или иначе, но должна же когда-нибудь кончиться. Мои мысли устремлялись на юг. Я сохранял мнение, высказанное мною в Безансоне, что окончание войны против Великобритании является наиболее важным и даже единственно важным вопросом.

У меня не было контакта с главным командованием сухопутных сил и с генеральным штабом, поэтому я не участвовал в обсуждении вопроса реорганизации бронетанковых войск и проблемы дальнейшего ведения войны.

Глава VI

РОССИЯ, 1941 ГОД

Предыстория

3 мая 1939 года Молотов сменил Литвинова на посту наркома иностранных дел. Этот человек сыграл важную роль в обсуждении пакта о ненападении с Германией от 23 августа 1939 года, который развязал Гитлеру руки для вторжения в Польшу. Русские внесли свой вклад в уничтожение Польши, вторгнувшись 18 сентября 1939 года в восточные области страны. 29 сентября Россия подписала с Германией пакт о дружбе и одновременно с этим — торговое соглашение, в значительной степени обеспечившее Германии экономическую возможность вести войну. Русские тоже активно участвовали в мировых событиях — они захватили Прибалтику, а 30 ноября напали на Финляндию. Пока немецкие войска были заняты на Западе, русским удалось вынудить Румынию уступить им Бессарабию. Этот последний шаг привёл к тому, что 30 августа 1940 года Гитлер лично провозгласил, что гарантирует Румынии независимость.

В октябре 1940 г. Гитлер был занят переговорами с французами и Франко о продолжении войны. В конце переговоров он встретился во Флоренции со своим другом Муссолини. По пути во Флоренцию на станции Болонья Гитлер неожиданно узнал, что его союзник, не уведомив его, Гитлера, и даже без его согласия начал войну с Грецией. Этим самым снова была затронута балканская проблема, и война пошла в направлении, чрезвычайно нежелательном для Германии.

Первым последствием самовольного шага Муссолини был, как об этом сказал мне Гитлер, отказ Франко от всяких действий вместе с Осью. Он явно не захотел проводить совместную политику с такими партнёрами, от которых можно было ждать всяких неожиданностей.

Вторым последствием явилось всё растущее напряжение в отношениях между Германией и Советским Союзом. Это напряжение было усилено рядом инцидентов последних месяцев и особенно немецкой политикой в Румынии и на Дунае. Чтобы ликвидировать это напряжение, Молотов был приглашён в Берлин.

Из визита Молотова и хода переговоров Гитлер сделал вывод, что войны с Советским Союзом не избежать. Он не раз рисовал мне ход берлинских переговоров как раз в таком виде, в каком я передал их выше. Правда, по этому вопросу он разговаривал со мной впервые в 1943 г., но и в дальнейшем он неоднократно повторял мне то же самое, неизменно давая переговорам одну и ту же оценку. Я сомневаюсь в том, что он точно передавал ту точку зрения, которой он придерживался в то время.

По поводу итальянской политики в октябре 1940 г. Гитлер высказывался ещё с большим негодованием, чем о русских притязаниях, и мне кажется, он со своей точки зрения был совершенно прав. Нападение Италии на Грецию было не только легкомысленно, но и вообще излишне. Уже 30 октября итальянское наступление было остановлено, а 6 ноября греки захватили инициативу. Когда плохая политика ведёт к военной катастрофе, обычно обвиняют генералов; так и у итальянцев гнев Муссолини был направлен на генералов, в первую очередь на Бадольо, который предостерегал Муссолини от военных авантур, но, к сожалению, тщетно. В середине ноября греки нанесли итальянцам чувствительные удары. Теперь Бадольо был объявлен врагом существующего в Италии режима и предателем. 26 ноября он подал в отставку. 6 декабря его пост занял Кавальеро.

10 декабря итальянцы потерпели в Африке у Сиди-Барани тяжёлое поражение. В общих интересах Германии и Италии было бы более целесообразным, если бы итальянцы отказались от авантюры в Греции и вместо неё укрепили своё положение в Африке. Теперь маршал Грациани из Африки начал просить посылки к нему немецких самолётов; Муссолини стал выпрашивать для Ливии пару немецких танковых дивизий. Немецкие войска под командованием Роммеля снова восстановили положение.

В результате самовольных действий итальянцев и ошибки на Балканах крупные немецкие силы были скованы в Африке, а затем и в

Болгарии, Греции и Югославии. Это обстоятельство сокращало численность наших войск на решающем театре военных действий.

Оказалось, что для ведения войны ещё недостаточно объявить Альпийский хребет границей интересов между державами оси. Взаимодействие союзников было организовано недопустимо плохо.

Вскоре после визита Молотова в Берлин начальник моего штаба подполковник барон фон Либенштейн и начальник оперативной части майор Байерлейн были вызваны к начальнику генерального штаба сухопутных сил на совещание, где они получили первые указания относительно «плана Барбаросса» — плана войны против России. Когда они после этого совещания пришли ко мне на доклад и развернули передо мной карту России, я не поверил своим глазам. То, что я считал невозможным, должно претвориться в действительность? Гитлер, который резко критиковал в моём присутствии политическое руководство Германии 1914 г., не понимавшее опасности ведения войны на два фронта, теперь сам хотел, не окончив войны с Англией, начать войну с Россией. Этим он сам навлекал на себя опасность, вытекающую из ведения войны на два фронта, от чего его настойчиво предостерегали все старые солдаты и что он сам стал часто называть ошибочным шагом.

Я весьма недвусмысленно выразил своё разочарование и возмущение, поразив обоих моих сослуживцев. Они находились под впечатлением замысла главного командования сухопутных сил и поэтому сразу же ответили мне, что, по словам начальника генерального штаба сухопутных сил Гальдера, для разгрома — России потребуется не более восьмидесяти недель. Разделение сил между тремя примерно равными группами армий, которые должны продвигаться по расходящимся направлениям вглубь территории России, не имея ясной оперативной цели, с точки зрения военного специалиста, не могло казаться правильным. Мои опасения я сообщил через своего начальника штаба главному командованию сухопутных сил, что, однако, не возымело никакого действия.

Не будучи посвящён во все дела, я мог ещё надеяться на то, что Гитлер не окончательно решился на войну с Советским Союзом, а хотел только запугать его. Но всё же зима и весна 1941 г. были для меня кошмаром. Новое изучение походов шведского короля Карла XII и Наполеона I показало все трудности этого театра военных действий;

одновременно выявилась недостаточность нашей подготовки к такой крупной кампании. Прошлые успехи, особенно победа на западе, одержанная в столь неожиданно короткий срок, так затуманили мозги руководителям нашего верховного командования, что они вычеркнули из своего лексикона слово «невозможно». Все руководящие лица верховного командования вооружённых сил и главного командования сухопутных сил, с которыми мне приходилось разговаривать, проявляли непоколебимый оптимизм и не реагировали ни на какие возражения.

Готовясь к выполнению, предстоящих трудных задач, я с особым рвением занимался обучением и вооружением дивизий, находившихся под моим контролем. Я настойчиво указывал войскам на то, что предстоящая кампания будет значительно тяжелее, чем кампания в Польше и западная кампания. В целях сохранения военной тайны я не мог говорить ничего другого, Я хотел только предотвратить легкомысленное отношение моих солдат к новой, страшно трудной задаче.

К сожалению, как уже указывалось выше, материальную часть вновь сформированных по приказу Гитлера дивизий составляли главным образом французские машины. Эта материальная часть никоим образом не отвечала требованиям войны в Восточной Европе. Недостаточное производство машин в Германии, не удовлетворяющее быстро растущие потребности, к сожалению, не позволяло нам покрыть этот дефицит.

Об уменьшении числа танковых частей в составе дивизии я уже говорил. Уменьшение количества танков в дивизии до некоторой степени компенсировалось вооружением дивизии танками новых типов Т-III и Т-IV, которые почти полностью вытеснили старые танки типов Т-I и Т-II. К началу войны против России мы думали, что сможем рассчитывать на техническое превосходство наших танков над известными нам в то время типами русских танков, что смогло бы до некоторой степени сократить известное нам значительное численное превосходству русских (в начале войны с Россией у нас было 3200 танков). Однако мне уже было известно одно обстоятельство: как раз весной 1941 г. Гитлер разрешил русской военной комиссии осмотреть наши танковые училища и танковые заводы, приказав всё показать русским. При этом русские, осматривая наш танк типа Т-IV, не хотели верить, что это и есть наш самый тяжёлый танк. Они неоднократно

заявляли о том, что мы скрываем от них наши новейшие конструкции, которые Гитлер обещал им показать. Настойчивость комиссии была столь велика, что наши фабриканты и офицеры управления вооружения сделали вывод: «Кажется, сами русские уже обладают более тяжёлыми и совершенными типами танков, чем мы». Появившийся в конце июля 1941 г. перед нашим фронтом танк Т-34 и был типом танка новейшей конструкции.

18 апреля Гитлер при осмотре материальной части танковых дивизий, на котором я не присутствовал, заметил, что управление вооружения сухопутных сил не выполнило его приказ и вооружило танк типа Т-III вместо 50-мм пушки «L-60» 50-мм пушкой «L-42». Это самоуправство особенно разозлило Гитлера, потому что управление не выполнило его личного требования. Фирма «Алкетт», в Шпандау, к концу апреля выполнила это его желание, но управление вооружения оказалось в чрезвычайно неудобном положении. Позже Гитлер неизменно указывал на эту ошибку, если кто-нибудь одобрительно высказывался о работе управления вооружения сухопутных сил.

Впрочем, к тому времени ежегодное производство танков в Германии достигло не менее 1000 машин всех типов. По сравнению с количеством танков, производимых нашим противником, это была очень небольшая цифра. Ещё в 1933 г. я знал, что единственный русский танковый завод выпускал в день 22 машины типа «Кристи русский» (Под моделью «Кристи русский» подразумеваются танки «БТ-2», «БТ-5» и «БТ-7»).

1 марта Болгария присоединилась к пакту трёх, 25 марта её примеру последовала Югославия. Однако уже 27 марта государственный переворот в Белграде опрокинул планы держав оси. 5 апреля Россия и Югославия заключили договор о дружбе. 6 апреля началась балканская кампания. Я в ней не участвовал. Посланные на Балканы танковые части снова оправдали надежды командования и содействовали быстрому окончанию кампании.

Только один человек радовался расширению войны — Муссолини! Это была его война, которую он развязал против воли Гитлера. Но договор о дружбе, заключённый между Россией и Югославией, ясно говорил об одном — наступил момент разрыва с сильным восточным соседом.

13 апреля пал Белград. 17 апреля капитулировала югославская армия, а 23 апреля, несмотря на помощь со стороны англичан, капитулировала греческая армия. В конце мая воздушно-десантные войска овладели островом Крит; к сожалению, не Мальтой! Германия, Италия, Венгрия, Болгария и Албания получили куски территории Югославии. Из оставшейся части было образовано самостоятельное хорватское государство; во главе его должен был встать герцог фон Сполето, итальянский князь; однако он не получил трона. Кроме того, по желанию итальянского короля Черногория также была объявлена независимым государством. Границы новой Хорватии не соответствовали национальным границам, поэтому с самого начала возникли трения с Италией. Враждебные разногласия всё больше отравляли атмосферу в этом беспокойном уголке Европы.

В мае и июне 1941 г. англичанам удалось оккупировать Сирию и Абиссинию. Попытка немцев закрепиться в Ираке была предпринята с недостаточными средствами и поэтому провалилась. Она имела бы перспективы на успех только при последовательной политике в Средиземном море, возможность проведения которой предоставлялась нам летом 1940 г., сразу после западной кампании. Теперь поздно было решаться на это изолированное действие.

Подготовка

Хотя балканская кампания развивалась сравнительно быстро и переброски войск, принимавших участие в этой кампании и предназначавшихся теперь для кампании в России, проходили также в быстром темпе, начало нашего наступления на Россию пришлось отложить. Кроме того, весна 1941 г. была в Польше необычно бурной, р. Зап. Буг и его притоки разлились и паводок не спадал до мая месяца. Луга стали болотистыми и труднопроходимыми. В этом я убедился, когда осматривал свои войска, расположенные в Польше. Для нападения на Советский Союз были созданы три группы армий:

— группа армий «Юг» под командованием фельдмаршала фон Рундштедта, которая должна была наступать южнее Припятских болот;

— группа армий — «Центр» под командованием фельдмаршала фон Бока, наступавшая между Припятскими болотами и Сувалки;

— группа армий «Север» под командованием фельдмаршала Риттера фон Лееба, которая сосредоточивалась в Восточной Пруссии.

Эти три группы армий должны были наступать по территории России с задачей прорвать оборону русских войск, расположенных близ границы, окружить их и уничтожить. Танковые группы должны были проникнуть вглубь территории России, чтобы предотвратить создание новых оборонительных рубежей. Направление главного удара не было определено. Три группы армий имели примерно одинаковые силы, хотя в состав группы армий «Центр» входили две танковые группы, а в состав групп армий «Юг» и «Север» только по одной.

Подчинённая мне 2-я танковая группа, так же как и действовавшая севернее 3-я танковая группа генерал-полковника Гота, входила в состав группы армий «Центр».

Организация 2-й танковой группы была следующая:

— командующий — генерал-полковник Гудериан;

— начальник штаба — подполковник барон фон Либенштейн;

— 24-й танковый корпус — генерал танковых войск барон Гейер фон Швеппенбург;

— 3-я танковая дивизия — генерал-лейтенант Модель;

— 4-я танковая дивизия — генерал-майор фон Лангерман унд Эрленкамп;

— 10-я мотодивизия — генерал-майор фон Лепер;

— 1-я кавалерийская дивизия — генерал-лейтенант Фельдт;

— 46-й танковый корпус — генерал танковых войск барон фон Фитинггоф (Шеель);

— 10-я танковая дивизия — генерал-лейтенант Шааль;

— мотодивизия СС «Рейх» — генерал-лейтенант Гауссер;

— пехотный полк «Великая Германия» — генерал-майор фон Штокгаузен;

— 47-й танковый корпус — генерал танковых войск Лемельзен;

— 17-я танковая дивизия — генерал-майор фон Арним;

— 18-я танковая дивизия — генерал-майор Неринг;

— 29-я мотодивизия — генерал-майор фон Больтенштерн.

Кроме того, в танковую группу входили армейские части: авиагруппа бомбардировщиков ближнего действия генерала Фибига,

зенитный артиллерийский полк «Герман Геринг» генерала фон Акстгельма.

Артиллерию возглавлял генерал Гейнеман, инженерные войска — генерал Бахер, войска связи — полковник Праун, разведывательную авиацию — подполковник фон Барзевиш (заменивший полковника фон Герлах, который был сбит на третий день войны). Район наступления танковой группы в первые недели боевых действий прикрывали истребители полковника Мельдера (см. приложение 22).

Моя танковая группа получила задачу: в первый день наступления форсировать р. Зап. Буг по обе стороны Брест-Литовска (Бреста), прорвать фронт русских и затем, быстро используя первоначальный успех, выйти в район Рославль, Ельня, Смоленск. При этом следовало воспрепятствовать противнику закрепиться и создать новый фронт обороны, обеспечив тем самым предпосылки для решающего успеха кампании уже в 1941 г. По выполнении своей задачи танковая группа должна была получить новые указания командования. Директива главного командования сухопутных сил о стратегическом развёртывании указывала, что последующей задачей 2-й и 3-й танковых групп будет наступление в направлении на север и захват Ленинграда.

Граница между польским генерал-губернаторством, подчинённым немецким властям, и советской территорией проходила по Зап. Бугу, при этом город-крепость Брест-Литовск был разделён на две части таким образом, что сама крепость принадлежала России. Нам принадлежали только старые форты, расположенные западнее Зап. Буга. Уже во время польской кампании мне пришлось брать эту крепость, и вот я снова должен был выполнить эту задачу, хотя и в гораздо более трудных условиях.

У верховного командования, несмотря на опыт западной кампании, не было единого мнения относительно использования танковых соединений. Это сказывалось во время различных учений, которые организовывались с целью уяснения предстоящей задачи и подготовки командиров к её выполнению. Генералы, не имевшие отношения к танковым войскам, придерживались мнения, что первый удар следует нанести пехотными дивизиями, проведя предварительно сильную артиллерийскую подготовку, а танки ввести в бой лишь после того, как вклинение достигнет известной глубины и наметится возможность прорыва. Напротив, генералы танкисты придавали большое значение

использованию танков с самого начала в первом эшелоне, потому что именно в этом роде войск они видели ударную силу наступления. Они считали, что танки могут быстро осуществить глубокое вклинение, а затем немедленно развить первоначальный успех, используя свою скорость. Генералы сами видели результаты использования танков во втором эшелоне во Франции. В момент успеха дороги были запружены бесконечными, медленно двигающимися гужевыми колоннами пехотных дивизий, которые препятствовали движению танков. Генералы танкисты разрешали вопрос следующим образом: на участках прорыва использовать танки в первом эшелоне, впереди пехоты, а там, где решались другие задачи, например, взятие крепости, использовать пехотные дивизии.

Так было и в районе наступления 2-й танковой группы. Крепостью Брест-Литовск (Брест) с её старыми укреплениями, отделённой от нас реками Зап. Буг и Мухавец, а также многочисленными наполненными водой рвами, могла овладеть только пехота. Танки смогли бы взять её только внезапным ударом, что мы и попробовали сделать в 1939 г. Но в 1941 г. условий для этого уже не было.

Поэтому я решил танковыми дивизиями форсировать Зап. Буг по обе стороны Брест-Литовска, а для наступления на крепость попросил подчинить мне пехотный корпус. Этот корпус следовало взять из 4-й армии, следовавшей за танковой группой. 4-я армия должна была также временно придать мне для обеспечения форсирования р. Зап. Буг несколько пехотных и прежде всего артиллерийских частей. В целях достижения централизованного управления я попросил временно подчинить мне эти части, заявив со своей стороны о готовности войти на такое же время в подчинение командующего 4-й армией фельдмаршала фон Клюге. Такой порядок подчинённости был принят группой армий. Для меня это была жертва, так как фельдмаршал фон Клюге был неприятным начальником. Но я считал это необходимым в интересах дела.

Местность, по которой должно было проходить наступление, с фронта была ограничена Западным Бугом. Наша первая задача состояла в том, чтобы форсировать реку на глазах у противника. Успеху форсирования в значительной степени могла содействовать внезапность операции. Я не рассчитывал на немедленное падение крепости Брест-Литовск и должен был позаботиться, чтобы первоначальное разделение

танковых корпусов, вынужденных двигаться по обе стороны крепости, не отразилось на ходе наступления. Кроме того, следовало обеспечить оба открытых фланга танковой группы. После форсирования Западного Буга танковая группа должна была наступать, имея справа бездорожный труднопроходимый район Припятских болот, по которому должны были продвигаться небольшие пехотные силы 4-й армии. Слева от танковой группы наступали части 4-й армии, далее пехота 9-й армии. Этому левому флангу угрожала наибольшая опасность, так как в районе Белостока, по полученным сведениям, находилась сильная группировка русских; следовало предположить, что эта группировка, узнав об опасности, которая будет создана выходом в её тыл наших танков, попытается избежать окружения, двигаясь по шоссе Волковыск, Слоним.

Эту двойную угрозу флангам я хотел предотвратить двумя мероприятиями:

- глубоким эшелонированием сил на наиболее угрожаемом фланге;

- использованием 1-й кавалерийской дивизии, входившей в состав танковой группы, на правом фланге — болотистом участке местности, труднопроходимом для моторизованных соединений.

Дальнейшее обеспечение возлагалось на пехотные дивизии 4-й армии, наступавшие за танковыми дивизиями, и на глубокую воздушную разведку.

В соответствии с этим танковая группа приняла следующую группировку для наступления:

Правый фланг:

24-й танковый корпус (генерал танковых войск фон Гейер);

265-я пехотная дивизия (придана на время форсирования р. Зап. Буг) — наступает из Влодава на Малорита;

1-я кавалерийская дивизия — наступает из Славатыче через Малорита на Пинск;

4-я танковая дивизия — наступает из Кодень с задачей перерезать шоссе Брест, Кобрин;

3-я танковая дивизия — наступает из района севернее Кодень с задачей также перерезать шоссе Брест, Кобрин;

10-я мотодивизия — движется за ними во втором эшелоне.

Центр:

12-й армейский корпус (генерал Шрот), подчинённый группе на первые дни наступления, наступает силами 45-й и 31-й пехотных дивизий с рубежа севернее Кодень, Непле с задачей окружить Брест-Литовск (Брест); остальными силами, которые не будут участвовать в окружении Брест-Литовска, продвигается между дорогами Брест-Литовск, Кобрин, Берёза Картузская и Мотыкали, Пилище, Пружаны, Слоним с задачей очистить местность между 24-м танковым корпусом и его соседом слева — 47-м танковым корпусом и обеспечивать внутренние фланги обоих танковых корпусов.

Левый фланг:

47-й танковый корпус (генерал танковых войск Лемельзен);

18-я и 17-я танковые дивизии — наступают между Леги и Пратулин через реки Зап. Буг и Лесна на Видомль, Пружаны, Слоним;

29-я мотодивизия следует за ними во втором эшелоне;

167-я пехотная дивизия (подчинена только на время форсирования р. Зап. Буг) наступает западнее Пратулин.

Резерв танковой группы:

46-й танковый корпус (генерал танковых войск барон фон Фитинггоф) в составе 10-й танковой дивизии, дивизии СС «Рейх» и пехотного полка «Великая Германия» сосредоточивается в районе Радзинь, Луков, Демблин и после того, как войска первого эшелона форсируют Буг, следует на левом фланге танковой группы за 47-м танковым корпусом. 6 июня в штаб танковой группы прибыл начальник генерального штаба сухопутных сил. Здесь он выразил своё мнение, что задача танков состоит в том, чтобы нанести удар в глубине обороны противника; для выполнения этой задачи танковые дивизии надо сохранить в целости, а для первого броска использовать пехотные дивизии. По причинам, о которых я уже говорил, я отказался изменить свои распоряжения.

До моего штаба доходили только слухи об оперативных замыслах верховного командования после выполнения первых задач наступления (для 2-й танковой группы район Рославль, Ельня, Смоленск). Согласно этим слухам предполагалось в первую очередь овладеть Ленинградом и побережьем Балтийского моря, чтобы установить связь с финнами и обеспечить морские коммуникации группы армий «Север». Такие планы, по-видимому, действительно составлялись. Это подтверждает директива о стратегическом развёртывании войск. В ней говорится, что

3-я танковая группа генерал-полковника Гота, а при благоприятном стечении обстоятельств также и моя танковая группа по достижении района Смоленска должны быть готовы изменить направление наступления и поддержать операции группы армий «Север». Эта операция дала бы нам большое преимущество, обеспечив раз навсегда левый фланг всех немецких войск в России. Я думаю, что это был бы самый лучший план из всех возможных планов, но, к сожалению, я никогда больше о нём не слышал.

14 июня Гитлер собрал в Берлине всех командующих группами армий, армиями и танковыми группами, чтобы обосновать своё решение о нападении на Россию и выслушать доклады о завершении подготовки. Он сказал, что не может разгромить Англию. Поэтому, чтобы прийти к миру, он должен добиться победоносного окончания войны на материке. Чтобы создать себе неуязвимое положение на Европейском материке, надо разбить Россию. Подробно изложенные им причины, вынудившие его на превентивную войну с Россией, были неубедительны. Ссылка на обострение международного положения вследствие захвата немцами Балкан, на вмешательство русских в дела Финляндии, на оккупацию русскими пограничных балтийских государств так же мало могла оправдать столь ответственное решение, как не могли его оправдать идеологические основы национал-социалистского учения и некоторые сведения о военных приготовлениях русских. Поскольку война на западе не была закончена, каждая новая военная кампания могла привести к военным действиям на два фронта, на что Германия Гитлера была ещё менее способна, чем Германия 1914 г. Присутствовавшие на совещании генералы молча выслушали речь Гитлера и, так как обсуждения речи не предполагалось, молча, в серьёзном раздумье разошлись.

В середине дня, когда состоялись доклады о готовности к боевым действиям, меня спросили только об одном: сколько мне нужно дней, чтобы достичь Минска. Я ответил: «5–6 дней». Наше наступление началось 22 июня, а 27 июня я уже достиг Минска, в то время как Гот, наступая из города Сувалки, подойдя к Минску с севера, захватил его уже 26 июня.

Прежде чем начать описание боевых действий моей танковой группы, необходимо вкратце остановиться на общем положении германской армии к началу решительной схватки с Россией.

По документальным данным, которыми я располагал, 205 германских дивизий на 22 июня 1941 г. распределялись следующим образом:

38 дивизий находились на западе,

12 дивизий — в Норвегии,

1 дивизия — в Дании,

7 дивизий — на Балканах,

2 дивизии — в Ливии,

145 дивизий могли быть использованы для восточной кампании.

Такое распределение сил свидетельствовало о ненужном дроблении: 38 дивизий на западе — слишком много для этого района. Также и для Норвегии было много двенадцати дивизий.

Балканская кампания привела к тому, что переброска войск на восток началась с опозданием.

Но ещё более роковой была недооценка сил противника. Гитлер не верил ни донесениям о военной мощи огромного государства, представляемым военными инстанциями, особенно нашим образцовым военным атташе в Москве генералом Кестрингом, ни сообщениям о мощи промышленности и прочности государственной системы России. Зато он умел передать свой необоснованный оптимизм непосредственному военному окружению. В верховном командовании вооружённых сил и в главном командовании сухопутных сил так уверенно рассчитывали закончить кампанию к началу зимы, что в сухопутных войсках зимнее обмундирование было предусмотрено только для каждого пятого солдата.

Только 30 августа 1941 г. главное командование сухопутных сил серьёзно занялось вопросом снабжения зимним обмундированием крупных соединений сухопутных сил. В этот день в дневнике появилась следующая запись: «Вследствие изменения обстановки возникает необходимость проведения местных операций с ограниченными целями также в условиях зимы. Оперативному управлению разработать план-смету снабжения войск необходимым зимним обмундированием и после утверждения начальником генерального штаба сухопутных сил возложить на организационное управление проведение необходимых мероприятий».

Я не могу согласиться с распространённым мнением, что только один Гитлер виноват в отсутствии зимнего обмундирования осенью

1941 г.

Военно-воздушные силы и войска СС были снабжены им своевременно и в достаточном количестве. Но верховное командование думало сломить военную мощь России в течение 8-10 недель, вызвав этим и её политический крах. Оно было так уверено в успехе своей безумной затеи, что важнейшие отрасли военной промышленности уже осенью 1941 г. были переключены на производство другой продукции. Думали даже с началом зимы вывести из России 60–80 дивизий, решив, что оставшихся дивизий будет достаточно для того, чтобы в течение зимы подавить Россию. Эти дивизии, остающиеся на востоке, после окончания осенью военных действий предполагалось разместить на зиму в хорошо оборудованных помещениях на какой-нибудь линии опорных пунктов. Казалось, что всё урегулировано и всё очень просто. Всякие сомнения встречались оптимистическими утверждениями. Описание дальнейших событий покажет, насколько не соответствовали эти замыслы суровой действительности.

В заключение следует упомянуть ещё одно обстоятельство, которое впоследствии самым пагубным образом отразилось на авторитете Германии.

Незадолго до начала войны на востоке непосредственно в корпуса и дивизии поступил приказ верховного командования вооружённых сил относительно обращения с гражданским населением и военнопленными. Этот приказ отменял обязательное применение военно-уголовных законов к военнослужащим, виновным в грабежах, убийствах и насилиях гражданского населения и военнопленных, и передавал наложение наказания на усмотрение непосредственных начальников и командиров. Такой приказ мог способствовать лишь разложению дисциплины. Очевидно, такое же чувство он вызвал и у главнокомандующего сухопутными силами, так как фельдмаршал фон Браухич приложил к приказу инструкцию, позволяющую не применять этот приказ в том случае, если он создаёт опасность подрыва дисциплины.

По моему мнению и по единодушному мнению моих командиров корпусов, приказ заранее создавал такую опасность, поэтому я запретил его рассылку в дивизии и распорядился отослать его обратно в Берлин. Этот приказ, которому в последствии суждено было сыграть видную роль на процессах над немецкими генералами, проводившихся нашими

бывшими противниками, никогда не применялся в моей танковой группе. В своё время я по долгу службы доложил командующему группой армий о невыполнении этого приказа. Другой приказ, также получивший печальную известность, так называемый «приказ о комиссарах», вообще никогда не доводился до моей танковой группы. По всей вероятности, он был задержан в штабе группы армий «Центр». Таким образом, «приказ о комиссарах» тоже не применялся в моих войсках.

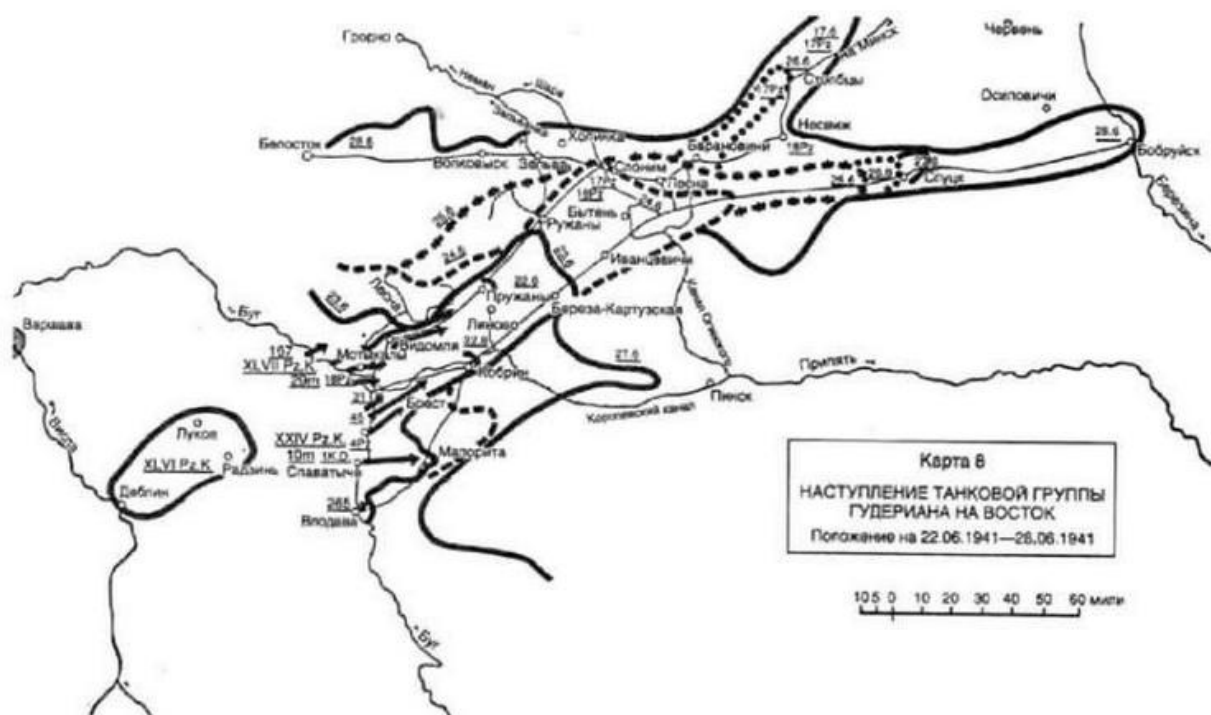
Обозревая прошлое, можно только с болью в сердце сожалеть, что оба эти приказа не были задержаны уже в главном командовании сухопутных войск. Тогда многим храбрым и безупречным солдатам не пришлось бы испытать горечь величайшего позора, лёгшего на немцев. Независимо от того, присоединились ли русские к Гаагскому соглашению о ведении войны на суше или нет, признали ли они Женевскую конвенцию или нет, немцы должны были сообразовывать образ своих действий с этими международными договорами и с законами своей христианской веры. Война и без этих строгих приказов легла достаточно тяжёлым бременем на плечи населения страны противника, которое, так же как и население нашей страны, не было в ней повинно.

Начало боевых действий

Излагая последующие события моей жизни, я хотел показать, какую моральную и физическую нагрузку должен был нести командующий танковой группой в кампании против России.

После совещания Гитлера с генералами, состоявшегося 14 июня в Берлине, 15 июня 1941 г. я вылетел на самолёте в Варшаву, где находился мой штаб. Всё время до 22 июня, дня начала наступления, прошло в осмотре частей и исходных позиций для наступления, в посещении соседей, с которыми согласовывались вопросы взаимодействия. Развёртывание войск и занятие исходных позиций для наступления прошли благополучно, 17 июня я провёл рекогносцировку р. Зап. Буг, вдоль берега которой проходил наш передний край. 19 июня

я посетил 3-й армейский корпус генерала фон Макензена, находившийся справа от моей танковой группы, 20 и 21 июня находился в передовых частях моих корпусов, проверяя их готовность к наступлению. Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками. Работы по укреплению берега едва ли хоть сколько-нибудь продвинулись вперёд за последние недели. Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом. Только из осторожности, чтобы избежать излишних потерь в результате неожиданных действий русских в момент форсирования реки, я приказал провести артиллерийскую подготовку в течение установленного времени.

В роковой день 22 июня 1941 г. в 2 часа 10 мин. утра я поехал на командный пункт группы и поднялся на наблюдательную вышку южнее Богукалы (15 км северо-западнее Бреста). Я прибыл туда в 3 часа 10 мин., когда было темно. В 3 часа 15 мин. началась наша

артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 мин. — первый налёт наших пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 мин. началась переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. В 4 часа 45 мин. первые танки 18-й танковой дивизии форсировали реку. Во время форсирования были использованы машины, уже испытанные при подготовке плана «Морской лев». Тактико-технические данные этих машин позволяли им преодолевать водные рубежи глубиной до 4 м.

В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моём приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты.

В 10 час. 25 мин. передовая танковая рота достигла р. Лесна и перешла мост. За ней следовал командир дивизии генерал Неринг. В течение всей первой половины дня я сопровождал 18-ю танковую дивизию; в 16 час. 30 мин. я направился к мосту, дорога через который вела в Колодно, и оттуда в 18 час. 30 мин. поехал на свой командный пункт.

Внезапность нападения на противника была достигнута на всём фронте танковой группы. Западнее Брест-Литовска (Бреста) 24-м танковым корпусом были захвачены все мосты через Буг, оказавшиеся в полной исправности. Северо-западнее крепости в различных местах полным ходом шла наводка мостов. Однако вскоре противник оправился от первоначальной растерянности и начал оказывать упорное сопротивление. Особенно ожесточённо оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест, который держался, несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссейные дороги, ведущие через Западный Буг в Мухавец.

Вечером танковая группа вела бои за Малорита, Кобрин, Брест-Литовск и Пружаны. У Пружаны 18-я танковая дивизия вступила в первые бои с танками противника.

23 июня в 4 часа 10 мин. я оставил свой командный пункт и направился в 12-й армейский корпус, где генерал Шрот доложил мне о ходе боёв за Брест-Литовск. Из этого корпуса я поехал в 47-й танковый корпус, в деревню Бильдейки, в 23 км северо-восточнее Брест-Литовска. Там я переговорил с генералом Лемельзеном и установил телефонную связь с моим командным пунктом, чтобы ознакомиться с общей обстановкой. Затем я направился в 17-ю танковую дивизию, в которую и прибыл в 8 час. Командир пехотной бригады генерал Риттер фон Вебер доложил мне о своих действиях. В 8 час. 30 мин. я встретил командира 18-й танковой дивизии генерала Неринга, затем ещё раз генерала Лемельзена. Потом я поехал в Пружаны, куда был переброшен командный пункт танковой группы. Оперативная группа моего штаба прибыла в Пружаны в 19 час.

В этот день 24-й танковый корпус с боями продвигался вдоль дороги Кобрин, Берёза Картузская на Слуцк. Командный пункт корпуса переместился в Берёза Картузская.

У меня создалось впечатление, что 47-му танковому корпусу предстоят серьёзные бои с русскими, двигавшимися из Белостока в направлении на юго-восток, и поэтому я решил остаться в 47-м танковом корпусе ещё на один день.

24 июня в 8 час. 25 мин. я оставил свой командный пункт и поехал по направлению к Слониму. В этот город уже вошла 17-я танковая дивизия. Но по дороге от Ружаны в Слоним я натолкнулся на русскую пехоту, державшую под огнём шоссе, по которому должно было идти наступление. Батарея 17-й танковой дивизии и спешившиеся стрелки-мотоциклисты вяло вели на шоссе огневой бой. Я вынужден был вмешаться и огнём пулемёта из командирского танка заставил противника покинуть свои позиции. Теперь я мог продолжать поездку. В 11 час. 30 мин. я прибыл на командный пункт 17-й танковой дивизии, расположенный на западной окраине Слонима, где, кроме командира дивизии генерала фон Арнима, я встретил командира корпуса генерала Лемельзена.

Обсуждая создавшуюся обстановку, мы слышали в нашем тылу интенсивный артиллерийский и пулемётный огонь; горящая грузовая автомашина мешала наблюдать за шоссе, идущим из Белостока; обстановка была неясной, пока из дыма не показались два русских

танка. Ведя интенсивный огонь из пушек и пулемётов, они пытались пробиться на Слоним, преследуемые нашими танками Т-IV, которые также интенсивно стреляли. Русские танки обнаружили нас; в нескольких шагах от места нашего нахождения разорвалось несколько снарядов: мы лишились возможности видеть и слышать. Будучи опытными солдатами, мы тотчас же бросились на землю, и только не привыкший к войне бедняга подполковник Феллер, присланный к нам командующим резервной армией, сделал это недостаточно быстро и получил весьма неприятное ранение. Командир противотанкового дивизиона подполковник Дальмер-Цербе получил тяжёлое ранение и через несколько дней умер. Эти русские танки удалось уничтожить в городе.

Затем я осмотрел передовые позиции в Слониме и поехал на танке Т-IV через нейтральную полосу в 18-ю танковую дивизию. В 15 час. 30 мин. я снова был в Слониме, после того как 18-я танковая дивизия получила задачу наступать в направлении Барановичи, а 29-я мотодивизия — ускорить продвижение в направлении Слонима. Затем я поехал обратно на командный пункт группы и вдруг наскочил на русскую пехоту, которая на грузовых автомашинах была переброшена к Слониму; солдаты как раз намеревались сойти с машин. Сидевший рядом со мной водитель получил приказ «Полный газ», и мы пролетели мимо изумлённых русских; ошеломлённые такой неожиданной встречей, они не успели даже открыть огонь. Русские, должно быть, узнали меня, так как их пресса сообщила потом о моей смерти; поэтому меня попросили исправить их ошибку через немецкое радио.

В 20 час. 15 мин. я снова в своём штабе. Там я узнал о тяжёлых боях на нашем правом фланге, где с 23 июня у Малорита 53-й армейский корпус успешно отбивал атаки русских. Части 12-го армейского корпуса, находившиеся между 24-м и 47-м танковыми корпусами, стали устанавливать связь, правда, ещё недостаточно прочную; левому флангу танковой группы серьёзно угрожало всё возрастающее давление русских, отступавших из Белостока. Пришлось обеспечить этот фланг, быстро подтянув 29-ю мотодивизию и 47-й танковый корпус.

К счастью, мы не знали, как нервничал Гитлер в этот день, опасаясь, что крупные русские силы могут сорвать на каком-либо участке наш охватывающий манёвр. Гитлер хотел приостановить

продвижение танковой группы и направить её немедленно против сил противника в районе Белостока. На этот раз главное командование оказалось ещё достаточно сильным, чтобы настоять на ранее принятом решении и завершить охват наступлением на Минск.

Вильно (Вильнюс) и Ковно (Каунас) были взяты. Финны захватили Аландские острова. Богатый никелем район Петсамо (Печенга) был занят 1-м немецким горнострелковым корпусом.

25 июня утром я посетил госпиталь, где находились раненые, пострадавшие день тому назад при бомбардировке нашего командного пункта, во время которой я находился на другом участке фронта. В 9 час. 40 мин. я поехал в 12-й армейский корпус, в Линово (9 км южнее Пружаны); ознакомившись с обстановкой на участке корпуса, я направился в 24-й танковый корпус, в Заречье (37 км южнее Слоним). После беседы с генералом бароном фон Гейер я посетил 4-ю танковую дивизию и в 16 час. 30 мин. снова вернулся на командный пункт группы.

В этот день новые силы противника, в том числе и танки, двигались из района Белостока к Слониму. На фронт прибыла 29-я мотодивизия и получила задачу прикрыть Слоним от русских. Это позволяло использовать главные силы 17-й и 18-й танковых дивизий для нанесения удара на Минск, 18-я танковая дивизия уже продвигалась на Барановичи. Утром 26 июня я поехал на участок фронта 47-го танкового корпуса, чтобы проследить его продвижение на Барановичи и Столбцы, 24-й танковый корпус получил задачу поддержать наступление своего соседа с севера.

В 7 час. 30 мин. я прибыл в 17-ю танковую дивизию и приказал ей немедленно выступить на Столбцы. В 9 час. я уже был на командном пункте 18-й танковой дивизии, где, кроме командира дивизии, нашёл также я командира корпуса. Командный пункт был расположен на дороге Слоним, Барановичи у Лесьна на удалении 5 км от передовых частей дивизии. Отсюда по радио я снова связался с 24-м танковым корпусом, чтобы обеспечить его поддержку при наступлении на Барановичи. Эта поддержка осуществлялась частями 4-й танковой дивизии, из которой одна боевая группа с 6 час. уже продвигалась в северном направлении.

В 12 час. 30 мин. 24-й танковый корпус сообщил о взятии Слуцка. Это было большим успехом командования и войск корпуса. Я послал

командиру корпуса радиogramму, в которой поблагодарил его за успех, и направился в передовые части 18-й танковой дивизии, находившиеся в районе Тартак. В начале второй половины дня я получил сообщение, что Гот находится в 30 км севернее Минска.

В 14 час. 30 мин. из штаба группы армий поступил приказ, который обязывал меня наступать главными силами на Минск, а 24-м танковым корпусом на Бобруйск. Я мог доложить, что 24-й танковый корпус уже действует в направлении Бобруйска, а 47-й танковый корпус ведёт наступление на Минск через Барановичи. Затем я приказал оперативной группе моего штаба переехать в Тартак, куда она и прибыла в 23 часа 30 мин. Во второй половина дня из 17-й танковой дивизии было получено сообщение, что она продвигается на Столбцы по дороге, пригодной для движения танков. Своей цели она достигла вечером. В этот день в бою был ранен командир дивизии генерал фон Арним, и поэтому командование дивизией должен был принять генерал Риттер фон Вебер.

Танковая группа снова перешла в подчинение 4-й армии и получила приказ отрезать по линии Задворье (9 км севернее Слонима), Голынка, Зельва, р. Зельвянка пути отхода противника из Белостока.

В этот день 46-й танковый корпус вышел своими передовыми частями в район Тартака и стал связующим звеном между 24-м и 47-м танковыми корпусами. Все силы 24-го танкового корпуса можно было теперь использовать для выполнения его главной задачи — удара на Бобруйск.

8-й танковой дивизии группы армий «Север» удалось овладеть Двинском (Даугавпилс) и захватить в этом районе мосты через р. Зап. Двина.

27 июня 17-я танковая дивизия вышла на южную окраину Минска, установив связь с 3-й танковой группой, которая ещё 26 июня ворвалась в сильно разрушенный город. Силы русских, находившихся в районе Белостока и тщетно пытавшихся избежать полного окружения, были окружены. Только некоторым небольшим частям удалось вырваться на восток, прежде чем замкнулось кольцо окружения. Намечался первый крупный успех.

Для продолжения операций, по моему мнению, в первую очередь необходимо было осуществлять окружение русских в районе Белостока минимальными силами танковой группы, используя для этого главным

образом полевые армии. В то же время подвижными моторизованными соединениями следовало достичь первой оперативной цели кампании — района Смоленск, Ельня, Рославль. Во всех моих действиях в последующие дни я руководствовался этой задачей. Мои приказы соответствовали основному замыслу операции. Неуклонно проводить этот замысел, несмотря на изменения обстановки, — вот что, казалось мне, имеет решающее значение для успешного завершения всей кампании. Мне было также ясно, что в этом есть и определённый риск.

Эти мысли побудили меня 28 июня снова поехать в 47-й танковый корпус, чтобы быть поближе к соединению, которому больше всего угрожала опасность нападения противника, и в случае необходимости своевременно прийти ему на помощь. Я встретил командира корпуса в Своятичи (23 км юго-западнее Несвиж), ознакомился с обстановкой на участках его дивизий и радиограммой приказал моему штабу ускорить марш 29-й мотодивизии в северном направлении и провести воздушную разведку дорог Новогрудок, Минск и Новогрудок, Барановичи, Турец. Затем я нашёл 18-ю танковую дивизию, которая двигаясь одной колонной, встретила некоторые трудности, однако без каких-либо дальнейших последствий преодолела их.

Тем временем мой начальник штаба Либенштейн приказал создать заслон из дивизий различных корпусов во избежание прорыва противника западнее Кайдано, Пясечна (северо-западнее Мир), Городище, Полонка. Я одобрил этот приказ.

В этот день 24-й танковый корпус подошёл вплотную к Бобруйску; командный пункт корпуса с 25 числа находился в населённом пункте Филипповичи.

Командный пункт танковой группы 28 июня был переведён в Несвиж, в замок князя Радзивилла, где до этого находился штаб крупного соединения русских. Из старинных вещей я нашёл на верхнем этаже замка только фотографию какой-то охоты, на которой присутствовал кайзер Вильгельм I в качестве гостя.

В этот день боевые действия развивались следующим образом:

3-я танковая дивизия достигла Бобруйска, 4-я танковая дивизия — Слуцка, 10-я мотодивизия — Синявки, 1-я кавалерийская дивизия вышла в район восточнее Дрогичин.

17-я танковая дивизия достигла Кайдано, 18-я танковая дивизия — Несвижа, 29-я мотодивизия вышла в район Зельвянка.

Части 10-й танковой дивизии заняли район Зельвянка, основные силы этой дивизии взяли Синявка, дивизия СС «Рейх» достигла Берёза Картузская, пехотный полк «Великая Германия» вышел в район северо-восточнее Пружаны.

7-я и 20-я танковые дивизии группы Гота стояли под Минском. На растянутом правом фланге бои 53-го армейского корпуса под Малорита завершились победой. Угроза этому флангу была тем самым ликвидирована.

29 июня бои продолжались на всём фронте танковой группы. Особого напряжения они достигли на участке Зельвянка. Командование 4-й армии встревожилось и начало вмешиваться в действия группы. Его распоряжения были для меня большой помехой, о некоторых из них я даже не знал.

Группа армий «Север» заняла Якобштадт (Екабпилс), Ливенгоф (Ливаны) и южную часть города Риги, а также железнодорожные мосты через Зап. Двину.

30 июня я вылетел на самолёте в 3-ю танковую группу, чтобы согласовать с Готом вопросы дальнейшего взаимодействия. Подполковник фон Барзевич сам вёл бомбардировщик над Налибокской пущей — крупным лесным массивом, из которого 4-я армия постоянно ожидала прорыва русских. У меня сложилось впечатление, что противник располагает здесь совершенно незначительными силами и что на этом направлении никакой опасности не существует, С Готом я договорился о взаимодействии моей 18-й танковой дивизии с его правым флангом при наступлении на Борисов и при создании предмостного укрепления на р. Березина в этом районе.

В этот же день поступил приказ главного командования, требующий выхода на Днепр.

Главное командование указывало группе армий на решающее значение продолжения операций в направлении Смоленска и высказало желание как можно скорее захватить переправы через Днепр у Рогачёва, Могилёва и Орши, а также переправы через Западную Двину у Витебска и Полоцка.

На следующий день, 1 июля, я вылетел в 24-й танковый корпус, ибо единственное наше средство связи — радио — всё же не обеспечивало достаточного общения в течение длительного времени. Сведения Гейера о противнике благоприятствовали нашим дальнейшим

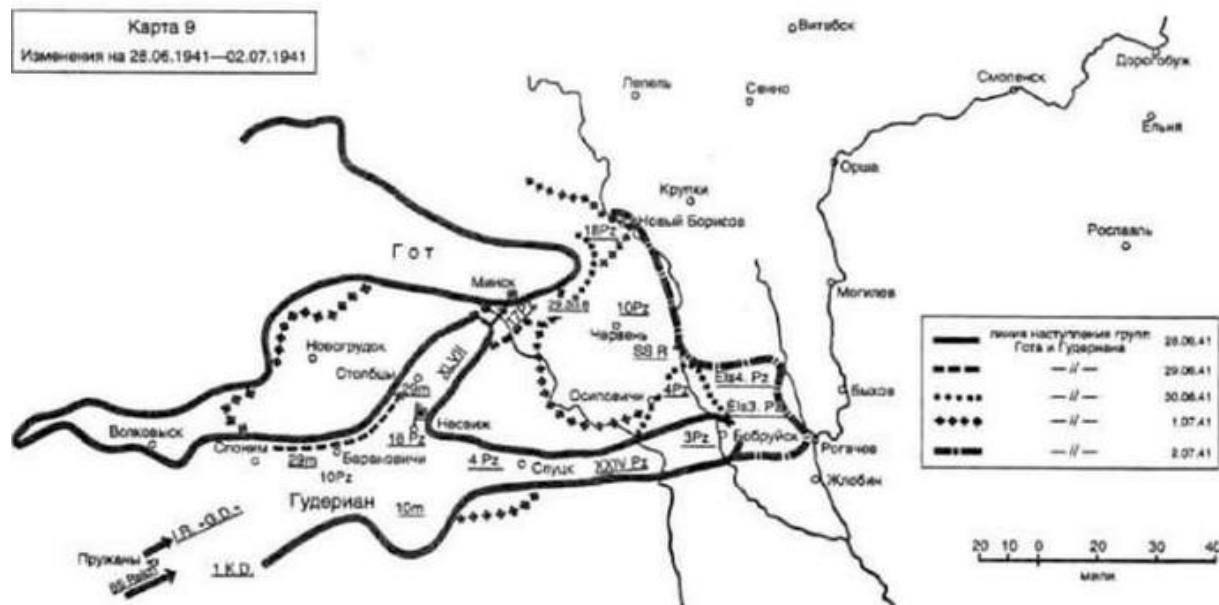
замыслам. Противник располагал главным образом соединениями, сколоченными из солдат и оснащёнными техникой из различных частей. Движение транспорта было незначительным. Накануне над Бобруйском произошёл воздушный бой, окончившийся для русских поражением. Однако противник, как всегда, оказывал упорное сопротивление. Его войска действовали умело, особенно следует отметить хорошую маскировку, но управление боем не было ещё централизовано.

Корпусу удалось занять мосты через Березину у Свислочь. В 9 час. 30 мин. с предмостного укрепления на р. Березина, восточное Бобруйска, на Могилёв выступил усиленный разведывательный батальон. За ним на восток продвигались главные силы 3-й танковой дивизии. Генерал барон фон Гейер оставил за собой право выбрать направление главного удара или на Рогачёв, или на Могилёв в зависимости от обстановки (оба эти города расположены на Днепре). В 10 час. 55 мин. главные силы 4-й танковой дивизии начали наступление с рубежа р. Свислочь в восточном направлении. Положение с горючим не вызывало тревоги, снабжение боеприпасами, продовольствием и санитарное обеспечение было в порядке. Потери, к счастью, были пока незначительны. Недоставало лишь понтонно-мостовых парков и строительных частей. Взаимодействие с авиацией полковника Мельдера было отличным. Только с бомбардировщиками ближнего действия генерала Фибига мы не могли добиться установления достаточно быстрой связи, 1-я кавалерийская дивизия доказала свою боеспособность.

В этот день воздушная разведка установила, что русские в районе Смоленск, Орша, Могилёв накапливают свежие силы. Надо было спешить с выходом на линию Днепра и форсировать эту реку, не ожидая прибытия пехоты, что могло привести к потере нескольких недель.

Между тем в районе Белостока шли ожесточённые бои по уничтожению окружённой группировки противника. Это свидетельствует о том, что русские крупными силами пытались прорваться на восток. Сопротивление русских произвело на командование 4-й армии столь сильное впечатление, что оно решило не ослаблять войска, осуществлявшие окружение. Поэтому фельдмаршал фон Клюге отменил мой приказ на выступление 17-й танковой дивизии

к Борисову; только одна 18-я танковая дивизия достигла Борисова и создала на Березине предмостное укрепление, от удержания которого в значительной мере зависело продолжение наступления 47-го танкового корпуса в направлении Днепра. Несмотря на все мои сомнения, я всё же разослал по частям приказ командования 4-й армии.

2 июля, находясь в Мире, в 5-м пулемётном батальоне, обеспечивавшем фланги 17-й танковой дивизии и 29-й мотодивизии, я лично выяснил обстановку на фронте вокруг окружённой группировки противника. Я выслушал мнения офицеров о противнике, чтобы правильнее оценить обстановку. Затем я поехал к генералу Лемельзену и приказал ему и находившемуся у него командиру 29-й мотодивизии держать кольцо окружения замкнутым. После этого я направился в Кайдано, где находилась 17-я танковая дивизия. Генерал Риттер фон Вебер доложил, что он успешно отразил все попытки противника вырваться из окружения. Оттуда я поехал на новый командный пункт танковой группы, расположенный у Синило (юго-восточнее Минска) — По прибытии на командный пункт я узнал, что при передаче приказа 17-й танковой дивизии произошло какое-то недоразумение; оказалось, что части дивизии не получили приказа остаться на участке фронта вокруг окружённой группировки противника и продолжали продвижение на Борисов. Я тотчас же приказал доложить об этом факте командованию 4-й армии. Уже нельзя было что-либо изменить. В 8 час. утра на следующий день я был вызван в штаб фельдмаршала фон Клюге в Минск, где мне предложили дать объяснение. Выслушав мои

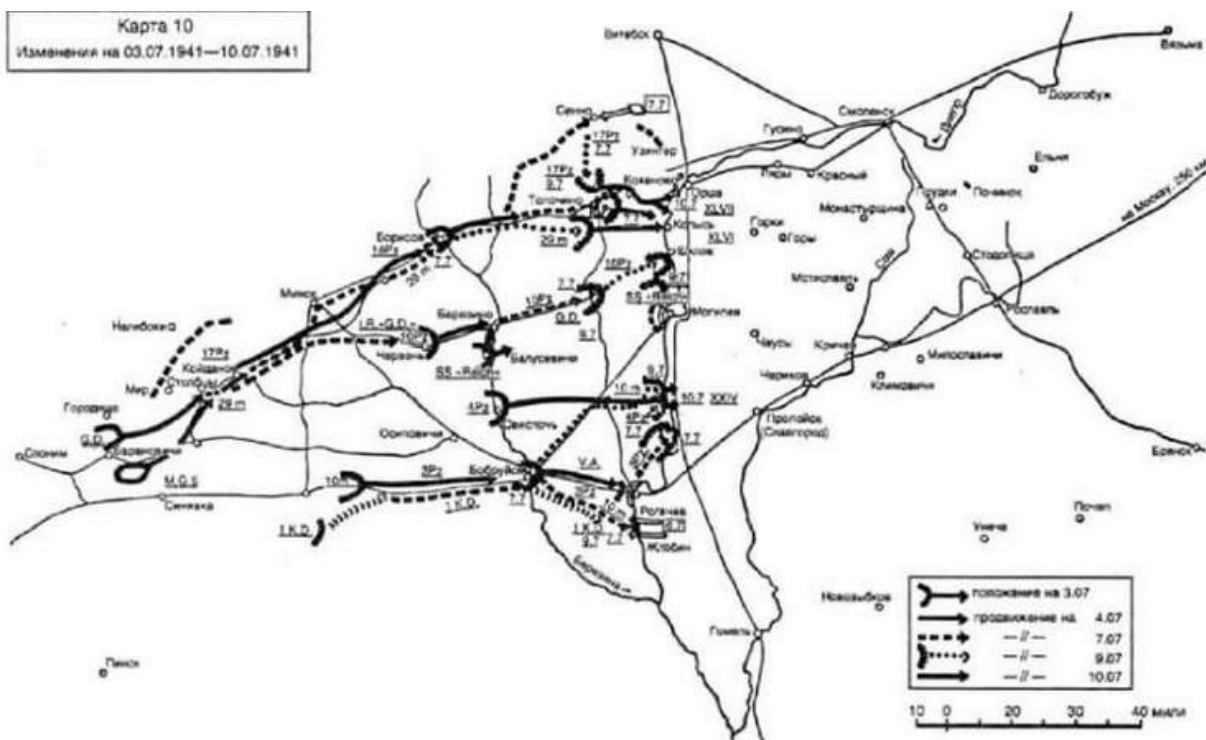
объяснения, фельдмаршал фон Клюге заявил, что он уже намеревался отдать Гота и меня под суд, так как у Гота произошло точно такое же недоразумение, и фельдмаршал думал, что имеет дело с генеральской фрондой. Но я заявил, что это не так, и этим успокоил его.

После такой беседы я поехал в 47-й танковый корпус в Смолевичи (35 км северо-восточнее Минска), но там уже не нашёл штаба корпуса и поехал дальше на Борисов в 18-ю танковую дивизию. Там я осмотрел предмостное укрепление на Березине и провёл совещание с командирами этой дивизии. Дивизия выслала передовой отряд в направлении Толочин. На обратном пути я встретил в Смолевичах командира корпуса и договорился с ним о действиях 18-й и 17-й танковых дивизий. Во время этого совещания радисты моего командирского танка получили сообщение об атаке русскими танками и самолётами переправы на Березине у Борисова. Об этом сообщили 47-му танковому корпусу. Атаки были отбиты с большими потерями для русских; 18-я танковая дивизия получила достаточно полное представление о силе русских, ибо они впервые применили свои танки Т-34, против которых наши пушки в то время были слишком слабы.

2 июля части танковой группы находились: 1-я кавалерийская дивизия — южнее Слуцка, 3-я танковая дивизия — в Бобруйске (передовой отряд дивизии стоял перед Рогачёвом), 4-я танковая дивизия — в Свислочь, 10-я мотодивизия — восточнее Слуцка; дивизия СС «Рейх» — севернее Балусевичи на Березине, 10-я танковая дивизия — в Червень, пехотный полк «Великая Германия» — севернее Барановичи; 18-я танковая дивизия — в Борисове, 17-я танковая дивизия — в Кайдано, 29-я мотодивизия — в Столбцах, 5-й пулемётный батальон — юго-восточнее Барановичи.

3 июля русские войска, окружённые под Белостоком, капитулировали. Теперь всё своё внимание я сосредоточил на движении к Днепру.

Карта 10
Изменения на 03.07.1941—10.07.1941

4 июля я посетил 46-й танковый корпус. Я поехал из Синило через Смолевичи, Червень, Слободка на командный пункт 10-й танковой дивизии и оттуда в дивизию СС «Рейх». По пути в эту дивизию я встретил командира корпуса, которому на вопрос о местонахождении пехотного полка «Великая Германия» мог только ответить, что этот полк всё ещё находится у Барановичи в резерве 4-й армии. Затем я направился в дивизию СС «Рейх», в Ст. Речки. Генерал Гауссер сообщил мне, что его мотоциклетный батальон после тяжёлых боёв образовал у Бродец (17 км южнее Березино) предмостное укрепление на Березине. По его словам, мост через Березину у Якшицы был взорван и переправить через реку машины он не мог; сапёры заняты ремонтом подъездных путей, проходящих через заболоченную местность. Я поехал к сапёрам и увидел, что они прилежно работают; они обещали закончить свои работы к утру 5 июля.

4 июля 24-й танковый корпус вышел к Днепру у Рогачёва, захватив ещё несколько переправ через Березину. В этот день дивизии танковой группы находились: 1-я кавалерийская дивизия — восточнее Слуцка, 3-я танковая дивизия — перед Рогачёвом, 4-я танковая дивизия — в Старом Быхове (Быхове), 10-я мотодивизия — в Бобруйске, дивизия СС «Рейх» — в Балусевичи, 10-я танковая дивизия — в Березино, пехотный полк «Великая Германия» — восточнее Столбцы; 18-я

танковая дивизия — восточнее участка Нача, части 17-й танковой дивизии — в Борисове, главные силы этой дивизии — в Минске, 29-я мотодивизия — в районе Кайдано, Столбцы, 5-й пулемётный батальон — западнее Столбцы.

6 июля крупные силы русских переправились у Жлобина через Днепр и атаковали правый фланг 24-го танкового корпуса. Атака была отбита 10-й мотодивизией. Наша воздушная разведка донесла о движении эшелонов противника из района Орёл, Брянск в направлении Гомеля. В районе Орши был запеленгован новый штаб армии русских. На Днепре, казалось, готовится оборонительный рубеж. Это заставляло торопиться.

К 7 июля были достигнуты следующие пункты: штаб танковой группы — Борисов; 1-я кавалерийская дивизия — Бобруйск, 10-я мотодивизия — Жлобин, 3-я танковая дивизия — район Рогачёв, Новый Быхов, 4-я танковая дивизия — Старый Быхов (Быхов), 10-я танковая дивизия — Белыничи, дивизия СС «Рейх» — Березино, пехотный полк «Великая Германия» — Червень, 18-я танковая дивизия — Толочин, 17-я танковая дивизия — Сенно, 29-я мотодивизия — Борисов.

17-я танковая дивизия под Сенно вела ожесточённые бои с сильным противником, который ввёл в бой чрезвычайно большое количество танков. Упорные бои вела также и 18-я танковая дивизия. Так как 24-й танковый корпус уже достиг Днепра, нужно было принять решение о дальнейшем продолжении операции. От моих начальников я не получал никаких новых указаний, поэтому следовало полагать, что старая директива, согласно которой 2-я танковая группа должна выйти в район Смоленск, Ельня, Рославль, полностью остаётся в силе. Я лично не находил никаких оснований для изменения этой директивы. Тогда я не знал, что взгляды Гитлера разошлись с точкой зрения главного командования сухопутных войск. Об этом факте и всех его последствиях я узнал значительно позже. Разногласия при проведении операций станут понятными только в том случае, если посмотреть, что происходило за кулисами германского верховного командования в те дни.

Гитлер упустил из виду, что он сам лично приказал вести стремительное наступление с оперативной целью захвата Смоленска. В

последние дни боёв он видел только окружённую группировку в районе Белостока. Фельдмаршал фон Браухич не осмеливался сообщить группе армий «Центр» свою совсем иную точку зрения, так как ему было известно мнение Гитлера. Фельдмаршал фон Бок по своему собственному признанию хотел передать 2-ю и 3-ю танковые группы под общее командование фельдмаршала фон Клюге, чтобы избавиться от непосредственной ответственности за управление ими. Фельдмаршал фон Клюге хотел, в соответствии с официальным мнением Гитлера, закрепиться на фронте вокруг Белостока и выжидать, пока капитулируют русские, отказавшись от дальнейшего продвижения на восток.

Гот и я не были согласны с этим мнением. Мы стремились пробиться своими танковыми силами на восток, как это указывалось в первоначальной, ещё не потерявшей своей силы директиве, и достичь наших первых оперативных целей. Мы хотели (об этом уже говорилось) сковать силы противника у Белостока минимальным количеством танковых сил и предоставить ликвидацию окружённой группировки полевым армиям, которые следовали за нашими танковыми группами. Главное командование втайне надеялось, что командующие танковыми группами без приказа и даже вопреки приказу будут стремиться достигнуть первых оперативных целей наступления. В то же время оно не решалось дать указания командующим группами армий и командующим армиями, чтобы побудить их принять желанное решение.

И вот получилось, что 2-я танковая группа отдала приказ сдерживать белостокскую окружённую группировку минимальными силами, а всеми остальными имевшимися в распоряжении частями преследовать противника, отступавшего через реки Березина и Днепр, фельдмаршал фон Клюге отдал контрприказ всем частям, участвовавшим в окружении группировки противника, закрепиться на своих позициях вокруг Белостока и ожидать приказа на продолжение наступления в восточном направлении. Часть войск получила этот приказ несвоевременно и продолжала продвигаться на Березину. К счастью, вся операция в целом от этого особенно не пострадала, но зато между командующими создались неприятные взаимоотношения, начались споры.

Форсирование Днепра

7 июля я должен был принять решение: либо продолжать быстрое продвижение, форсировать своими танковыми силами Днепр и достичь своих первых оперативных целей наступления в сроки, предусмотренные первоначальным планом кампании, либо, учитывая мероприятия, предпринимаемые русскими с целью организации обороны на этом водном рубеже, приостановить продвижение и не начинать сражения до подхода полевых армий.

За немедленное наступление говорила слабость в данный момент обороны русских, которая только ещё создавалась. Русские занимали сильные предмостные укрепления под Рогачёвом, Могилёвом и Оршей; поэтому нам не удалось взять Рогачёв и Могилёв. Правда, у нас имелись сведения о подходе к противнику подкреплений: крупная группировка русских войск отмечалась в районе Гомеля, другая, меньшая, — севернее Орши, в районе Сенно. Но наша пехота могла подойти не раньше как через две недели. За это время русские могли в значительной степени усилить свою оборону. Кроме того, сомнительно было, удастся ли пехоте опрокинуть хорошо организованную оборону на участке реки и снова продолжать манёвренную войну. Ещё в большей степени вызвало сомнение достижение наших первых оперативных целей и окончание кампании уже осенью 1941 г. Это-то и было как раз главным.

Я полностью сознавал всю трудность решения. Я считался с опасностью сильного контрудара противника по открытым флангам, которые будут иметь три мои танковых корпуса после форсирования Днепра. Несмотря на это, я был настолько проникнут важностью стоявшей передо мной задачи и верой в её разрешимость и одновременно настолько был убеждён в непреодолимой мощи и наступательной силе моих войск, что немедленно отдал приказ форсировать Днепр и продолжать продвижение на Смоленск.

Я отдал распоряжение прекратить бои на обоих участках — как у Жлобина, так и Сенно — и организовать там только наблюдение за противником.

Участки форсирования Днепра были ограничены предмостными укреплениями, занятыми крупными силами русских. Для 24-го

танкового корпуса по договорённости с генералом бароном фон Гейером в качестве пункта форсирования был назначен Старый Быхов (Быхов), а днём начала действий — 10 июля; 11 июля 46-й танковый корпус должен был форсировать Днепр у Шклова, а 47-й танковый корпус — у Копысь между городами Могилёв и Орша. Все передвижения войск и выход их на исходное положение тщательно маскировались; марши совершались только ночью. Прикрытие с воздуха района исходного положения осуществляли истребители храброго полковника Мёльдера, который развернул передовые аэродромы непосредственно за первым эшелоном. Там, где появлялись его истребители, небо сразу же становилось чистым.

7 июля я посетил 47-й танковый корпус, чтобы устно разъяснить планы форсирования Днепра. По дороге в корпус я осмотрел трофейный русский бронепоезд. Затем я поехал в штаб корпуса, размещённый в Наче (30 км восточнее Борисова), оттуда в Толочин, в 18-ю танковую дивизию, которая вела бои с русскими танками. Генералу Нерингу было указано на важность овладения районом Коханово, западнее Орши, и ликвидации имевшихся в этом районе предмостных укреплений русских для успеха предстоявших операций. Войскам, которые снова произвели на меня чрезвычайно хорошее впечатление, я высказал свою особую благодарность.

8 июля я посетил 46-й танковый корпус; дивизия СС «Рейх», входившая в него, всё ещё вела бои на западном берегу Днепра.

9 июля ознаменовалось особенно горячими спорами относительно проведения предстоящих операций. Ранним утром на моём командном пункте появился фельдмаршал фон Клюге и попросил доложить ему обстановку и мои намерения. Он был совершенно не согласен с решением незамедлительно форсировать Днепр и потребовал немедленного прекращения этой операции, пока не подойдёт пехота. Я был глубоко возмущён и упорно защищал свои действия. Наконец, изложив ему уже упоминавшиеся мною доводы, я заявил, что приготовления зашли слишком далеко и теперь приостановить их просто невозможно, что части 24-го и 46-го танковых корпусов в основном уже сосредоточены на исходном положении для наступления и я могу держать их там лишь очень непродолжительное время, иначе их обнаружит и атакует авиация противника. Я заявил далее, что глубоко верю в успех наступления и, если говорить в более широком

масштабе, ожидаю, что эта операция закончит русскую кампанию уже в этом году. Мои целеустремлённые разъяснения, видимо, тронули фельдмаршала фон Клюге. Хотя и неохотно, но он всё же согласился с моим планом, сказав: «Успех ваших операций всегда висит на волоске».

После этой бурной беседы я поехал в 47-й танковый корпус, который, находясь в тяжёлом положении, нуждался в особой поддержке. В 12 час. 15 мин. я был в Крупки на командном пункте генерала Лемельзена. Он выразил сомнение в том, что 18-й танковой дивизии в боевой группе генерала Штрейха, образованной из истребителей танков и разведчиков, удастся овладеть районом Коханово, так как войска слишком устали от непрерывных боёв. Я настоял на своём приказе и распорядился, чтобы 18-я танковая дивизия после выполнения своей задачи, а также 17-я танковая дивизия, после того как разгромит противника у Сенно, поворачивали на юго-восток к Днепру. Из штаба корпуса я поехал на фронт. По пути я встретил генерала Штрейха и дал ему необходимые указания. Затем я встретил Неринга, который вопреки мнению своего корпусного начальства заявил, что занятие указанного района исходного положения не представляет трудности. Потом я разговаривал с командиром 29-й мотодивизии, который также заявил, что сможет выполнить свою задачу — достигнуть Копысь — без особых затруднений. Дивизиям были даны указания этой ночью выйти к Днепру и занять указанные районы исходных позиций.

В этот день 17-я танковая дивизия всё ещё вела с танками противника ожесточённые бои, которые принесли ей крупный успех; войска дивизии уничтожили 100 русских танков.

К вечеру 9 июля танковая группа находилась: командный пункт группы — Борисов (10 июля переведён в Толочин); 1-я кавалерийская дивизия обеспечивала фланги юго-восточнее Бобруйска, 3-я танковая дивизия — в районе Жлобин, Рогачёв, Новый Быхов фронтом на север, 4-я танковая дивизия — Старый Быхов (Быхов), 10-я мотодивизия — Старый Быхов (Быхов) в пункте переправы; 10-я танковая дивизия — южнее Шклова, дивизия СС «Рейх» — у Павлова, несколько частей из состава этой дивизии южнее Могилёва обеспечивали правый фланг корпуса, пехотный полк «Великая Германия» — у Бельнич; 18-я танковая дивизия — южнее Толочин, 17-я танковая дивизия — у

Замостье, 29-я мотодивизия юго-западнее Толочин сосредоточивалась для наступления на Копысь.

Следовавшая за нами пехота вышла слабыми передовыми отрядами на линию Бобруйск, Свислочь, Борисов, а главными силами — на линию Слуцк, Минск. Гот овладел Витебском, Геппнер — городом Псков.

10 и 11 июля при незначительных потерях было проведено планомерное форсирование Днепра.

10 июля в середине дня из 24-го танкового корпуса поступило сообщение, что корпусу удалось форсировать Днепр у Старого Быхова (Быхов). Во второй половине дня я направился ещё раз в 47-й танковый корпус, чтобы убедиться в боеспособности войск и осмотреть район исходного положения. Генерал Штрейх вывел войска на рубеж своего боевого охранения на участке предмостного укрепления русских западнее Орши. Северо-западнее Орши была выставлена ещё одна группа боевого охранения под командованием полковника Узингера. Разведывательный батальон 29-й мотодивизии установил связь с находившейся справа дивизией СС «Рейх». 18-я танковая дивизия находилась в районе своего исходного положения, 17-я танковая дивизия к 10 час. своими передовыми отрядами вышла к автострате у Коханово. Части этой дивизии уже вели бой на западном берегу Днепра юго-западнее Орши. 29-я мотодивизия достигла района своих исходных позиций. Я ещё раз разъяснил командиру дивизии, что быстрый выход к Смоленску после удачного форсирования реки имеет чрезвычайно важное значение. Итак, на фронте 47-го танкового корпуса также удалось выполнить трудную задачу сосредоточения войск и занятия исходного положения. Я уверенно шёл навстречу событиям грядущего дня.

Для наступления после форсирования Днепра были поставлены следующие задачи:

24-й танковый корпус по шоссе Пропойск (Славгород), Рославль. Корпус сам обеспечивает свой фланг от возможных атак противника со стороны Жлобина, Рогачёва и свой левый фланг со стороны Могилёва.

46-й танковый корпус наступает через Горки, Починок на Ельню обеспечивая свой правый фланг со стороны Могилёва. 47-й танковый корпус наступает на Смоленск (это было его главной — задачей) и дополнительно обеспечивает левый фланг со стороны Днепра между Оршей и Смоленском. Кроме того, за противником у Орши западнее и северо-западнее Днепра вели наблюдение группы прикрытия Штрейха и Узингера. Вечером 10 июля мой штаб посетил итальянский военный атташе генерал Маррас, с которым я познакомился ещё в Берлине. Его сопровождал капитан 1 ранга Бюркнер. Я пригласил их обоих сопровождать меня на следующий день при переправе через Днепр у Копысь. Кроме этих визитёров в этот же вечер у меня появился подполковник фон Белов, адъютант Гитлера по военно-воздушным силам, чтобы ознакомиться с обстановкой на фронте танковой группы.

11 июля ранним солнечным утром в 6 час. 10 мин. в сопровождении обоих моих гостей я выехал со своего командного пункта, располагавшегося в Толочин, который ещё в 1812 г. служил штаб-квартирой Наполеону I и направился на Днепр к Копысь, чтобы присутствовать при форсировании реки 47-м танковым корпусом. Поездка через колонны войск, которые стремились к реке, из-за сильной пыли была тяжёлой. Люди, оружие и моторы — все страдали от этой пыли, стоявшей в воздухе неделями. Особенно часто приходилось чистить наждаком цилиндры моторов, отчего их мощность значительно понижалась.

На командном пункте 29-й мотодивизии, расположенном недалеко от Копысь, я встретил командира корпуса и командира дивизии, которые доложили мне обстановку, 15-й и 71-й полки уже форсировали реку и восточнее Копысь вышли к опушке леса; мы видели, как они наступали на противника силой примерно в две дивизии (66-й стрелковый корпус русских — в составе 18-й и 54-й стрелковых дивизий). Противник вёл слабый артиллерийский беспокоящий огонь; кроме того, местность была заминирована. Имелась полная возможность вести наблюдение за продвижением нашей пехоты и

наведением моста. После того как итальянский атташе уехал, я приказал переправить меня на штурмовой лодке на восточный берег реки, чтобы узнать о результатах боевых действий. Своё намерение поехать из Копысь в 46-й танковый корпус мне не удалось осуществить, так как ещё не была установлена подвижными средствами связь со Шкловом.

Между тем выяснилось, что 17-я танковая дивизия южнее Орши натолкнулась на столь сильного противника, что оказалось нецелесообразным продолжать наступление дальше на восточном берегу с небольшого, только что захваченного предмостного укрепления. Находившийся в этом районе командир полка полковник Лихт принял поэтому правильное решение оставить предмостное укрепление, 17-ю танковую дивизию пришлось перебрасывать через Копысь в тыл 29-й мотодивизии.

На обратном пути на командный пункт группы я встретил фельдмаршала фон Клюге и доложил ему о развитии наступления. Он подтвердил отданные мною приказы, и я со своей стороны попросил подтянуть к Днепру авангарды пехотных корпусов для того, чтобы ускорить блокирование сильного предмостного укрепления русских. На своём командном пункте я встретил главного адъютанта Гитлера полковника Шмундта и имел с ним беседу.

После непродолжительного пребывания в Толочине в 18 час. 15 мин. я направился в 46-й танковый корпус, в Шклов. Дороги были плохими, мосты требовали немедленного ремонта. В корпус я прибыл в 21 час. 30 мин. Сильный артиллерийский огонь и неоднократные бомбовые налёты авиации противника на район наведения моста 10-й танковой дивизией делали форсирование реки значительно более трудным, чем на фронте 47-го танкового корпуса. У дивизии СС «Рейх» мост также был повреждён авиацией противника. Несмотря на это, дивизии удалось форсировать реку и выслать в направлении Горки передовой отряд. Я указал корпусу на необходимость наступления ночью, чтобы использовать элемент внезапности, и затем поехал в 10-ю танковую дивизию проследить за выступлением передового отряда. Мой приезд оказался очень кстати, так как части ещё не выступили.

После трудной поездки 12 июля в 4 час. 30 мин. утра я снова был в Толочине.

11 июля дивизии танковой группы достигли: 1-я кавалерийская дивизия — Жлобина, Рогачёва, 4-я танковая дивизия и 10-я мотодивизия — района Старый Быхов (Быхов) и севернее предмостного укрепления на восточном берегу Днепра, 3-я танковая дивизия — района южнее Могилёва, прикрывая фланг со стороны предмостного укрепления русских; 10-я танковая дивизия и пехотный полк «Великая Германия» — района южнее Шклова, дивизия СС «Рейх» — предмостного укрепления на восточном берегу восточнее Днепра у Шклова; 29-я мотодивизия создала восточнее Копысь предмостное укрепление, 18-я танковая дивизия достигла района западнее Копысь, 17-я танковая дивизия — района юго-западнее Орши.

Группы прикрытия Штрейха и Узингера обеспечивали фланг группы западнее и северо-западнее Орши со стороны предмостного укрепления русских.

Главные силы пехоты вышли на линию восточнее Слуцка и восточнее Минска, её авангарды достигли Березины. Гот находился под Витебском.

12 июля войска продолжали форсирование реки. В этот день я вылетел на самолёте в 24-й танковый корпус. Там я пробыл 8 часов; после посещения корпуса я принял Шмундта.

У главного командования сухопутных войск в этот день ещё не было ясного представления о том, сможет ли противник продолжать своё упорное сопротивление танковым группам группы армий «Центр» или он начнёт отступление. Во всяком случае, главное командование желало, чтобы обе танковые группы попытались прорвать фронт, образованный русскими западнее Смоленска, и разгромить находящиеся там силы противника. Кроме того, думали и о том, не следует ли повернуть части 3-й танковой группы (Гота) на север, чтобы охватывающим манёвром уничтожить силы противника, стоявшие перед правым флангом 16-й армии.

Смоленск — Ельня — Рославль

13 июля я перевёл свой командный пункт на восточный берег Днепра, в Заходы (6 км юго-восточнее Шклова). В этот день я посетил 17-ю танковую дивизию, находившуюся на Днепре. Эта доблестная дивизия с начала наступления уничтожила 502 танка противника. Затем я присутствовал при переправе частей дивизии СС «Рейх» и беседовал с генералами Гауссером и фон Фитингофом. Дивизии СС нужно было ускорить продвижение и организовать разведку в направлении Монастырщина, так как, по данным авиаразведки, юго-западнее Горки русские части пытались пробиться к Днепру.

Под умелым руководством своего командира 29-я мотодивизия в этот день продвинулась на 18 км от Смоленска.

Наш новый командный пункт, на который я вернулся в 17 час., был очень выгодно расположен и находился близко от линии фронта. С юга был слышен интенсивный огонь, и можно было сделать вывод, что пехотный полк «Великая Германия» ведёт тяжёлые бои. Этот полк имел задачу прикрывать наш фланг от атак противника со стороны Могилёва. Ночью раздался крик о помощи: пехотный полк «Великая Германия» расстрелял все патроны. Полк, ещё не привыкший к боям в России, требовал дополнительные боеприпасы. Но он не получил ничего; нервная стрельба была прекращена, наступило спокойствие.

В этот день в главном командовании сухопутных войск вдруг возникла мысль повернуть 2-ю танковую группу на юг или юго-восток. Основанием для такого решения явилось успешное развитие хода боевых действий на фронте группы армий «Юг», которая вышла на Днестр. Одновременно в этот же день главное командование сухопутных войск занималось африканской кампанией Роммеля, а также разработкой планов проведения операций через Ливию, Турцию и Сирию в направлении к Суэцкому каналу. Была начата более детальная разработка операции с Кавказа по направлению к Персидскому заливу.

14 июля я приказал 46-му корпусу вместе с дивизией СС «Рейх» наступать на Горки и затем сам поехал также в этом направлении, 10-я танковая дивизия достигла населённых пунктов Горки и Мстиславль, понеся в тяжёлых боях большие потери, особенно в артиллерии, 29-я мотодивизия успешно продвигалась на Смоленск, 18-я танковая дивизия форсировала Днепр и обеспечивала теперь левый фланг 29-й мотодивизии на участке севернее и северо-восточнее Красный.

24-й танковый корпус расширил предмостное укрепление в направлении Волковичи, подтянув 1-ю кавалерийскую дивизию в Старый Быхов (Быхов).

Главное командование сухопутных войск разрабатывало в этот день предварительные планы дальнейшего распределения сил и состава группировок, которые должны были остаться на востоке в качестве оккупационных войск. При этом исходили из положения, что в важных промышленных районах и железнодорожных (шоссейных) узлах следует разместить такие группировки войск, которые были бы в состоянии, выполняя оккупационные задачи, проводить также наступательные операции подвижными видами в отдалённых районах, где нет наших войск, с целью уничтожения образовавшихся очагов сопротивления. В связи с этим был пересмотрен состав группировок германских сухопутных войск в Европе после завершения «плана Барбаросса», а также изучались планы реорганизации и всевозможного сокращения армии.

Все эти мероприятия были проведены без всякого учёта суровой действительности. Прежде всего необходимо было довести до успешного завершения «план Барбаросса», сосредоточив на этом все усилия.

Утром 15 июля на мой командный пункт прибыл фельдмаршал фон Клюге. После беседы с ним я поехал в 46-й танковый корпус, в Горки, а оттуда в 47-й танковый корпус, в Зверовичи (12 км юго-западнее Красный), 29-я мотодивизия овладела южной частью Смоленска, 18-я танковая дивизия достигла Днепра севернее Красный. Русские отходили четырьмя-пятью параллельными колоннами по шоссе Орша, Смоленск, 17-я танковая дивизия овладела на восточном берегу Днепра восточными и южными кварталами города Орши. В 17 час. я был у генерала Неринга, командира 18-й танковой дивизии, которая вела тяжёлые бои у Гусино. Он доложил мне о значительных потерях, которые понесли его тылы под Добрынь (24 км юго-восточнее Орши), где противник пытался прорвать кольцо окружения в восточном направлении. В 17 час. 40 мин. я направился далее к Смоленску. По пути моя оперативная группа подверглась налёту с воздуха; потерь не было. В 19 час. 15 мин. под Смоленском я имел беседу с начальником штаба 29-й мотодивизии, старательным майором Францем, который доложил мне, что дивизия успешно продвигается к Смоленску без

больших потерь. Уже теперь давала о себе знать необходимость получить подкрепление в личном составе и материальной части.

В 23 часа я приехал на командный пункт группы, передислоцировавшийся во время моего отсутствия в Горки.

16 июля 29-я мотодивизия овладела Смоленском. Таким образом, она первой достигла поставленной перед ней оперативной цели. Это был выдающийся успех. Личный состав дивизии, начиная от её командира генерала фон Больтенштерна и до последнего стрелка, выполнил свой долг, все показали себя храбрыми солдатами.

16 июля соединения танковой группы находились:

1-я кавалерийская дивизия — юго — восточнее Старый Быхов (Быхов), 4-я танковая дивизия — в районе между Чаусы и Молятичи, 10-я моторизованная пехотная дивизия — южнее Могилёва, 10-я танковая дивизия — в районе между Хиславичи и Починок, дивизия СС «Рейх» — за 10-й танковой дивизией, пехотный полк «Великая Германия» — севернее Могилёва, 29-я мотодивизия — в Смоленске, 18-я танковая дивизия — в районе Красный, Гусино, 17-я танковая дивизия — у Ляды, Дубровно.

Передовые отряды пехоты вышли к Днепру. Они состояли из разведывательных батальонов и небольших моторизованных подразделений пехотных дивизий. Следовательно, их боевая сила была невелика.

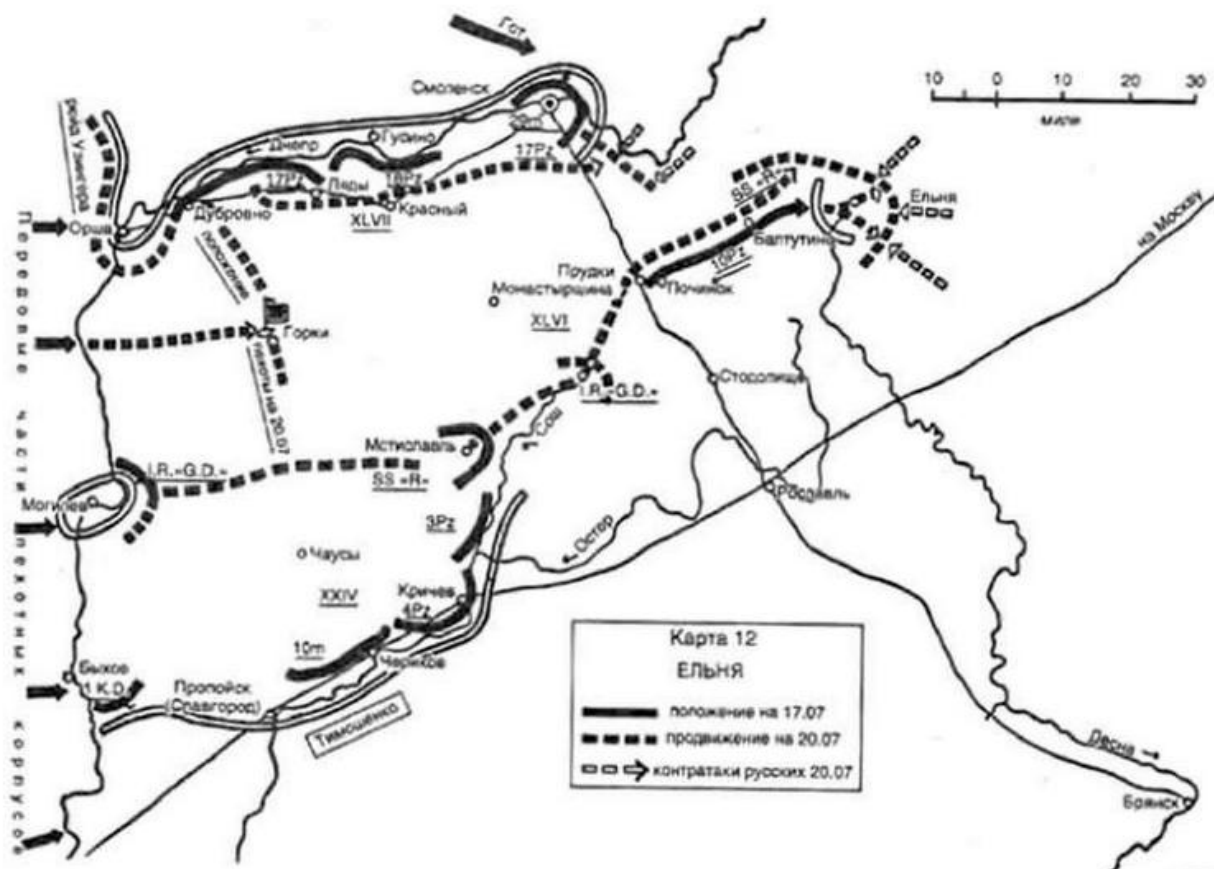
13 июля начались ожесточённые контратаки русских. С направления Гомель на правый фланг танковой группы наступало около двадцати дивизий, в то же время русские производили вылазки со своих предмостных укреплений из Могилёва в южном и юго-восточном направлениях и из Орши в южном направлении. Этими операциями руководил маршал Тимошенко с явной целью отбросить немецкие войска снова за Днепр.

16 июля была замечена перегруппировка войск противника в направлении Гомель и Клинцы, а восточнее Смоленска наблюдалось усиленное передвижение войск. Следовательно, нужно было ожидать, что русские будут продолжать свои попытки остановить наше наступление. Несмотря на эту сложную обстановку, я твёрдо придерживался принятого решения: как можно быстрее достичь

указанных мне оперативных целей. Корпуса продолжали своё наступление.

17 июля я вылетел в 24-й танковый корпус и посетил правофланговую 1-ю кавалерийскую дивизию, которая упорно отражала контратаки русских на Днестре.

В этот день дивизии вышли в следующие районы: 1-я кавалерийская дивизия — южнее Быхов, 10-я мотодивизия — западнее Черикова, 4-я танковая дивизия — Кричев, 3-я танковая дивизия — Лобковичи, 10-я танковая дивизия —

между Починок и Ельня, дивизия СС «Рейх» — Мстиславль, пехотный полк «Великая Германия» — Рекотка, 29-я мотодивизия — Смоленск, 18-я танковая дивизия — Катынь, Гусино, 17-я танковая дивизия — Ляды, Дубровно.

Западнее и восточнее Могилёва, восточнее Орши, севернее и южнее Смоленска появились крупные группировки противника. Гот вышел в район севернее Смоленска. Наступавшая за нами пехота достигла рубежа р. Днепр.

Группе армий «Юг» удалось создать предмостное укрепление на Днестре.

В этот день я получил вместе с Готом и Рихтгофеном дубовые листья к рыцарскому кресту. Я был пятнадцатым человеком в сухопутных войсках и двадцать четвёртым в вооружённых силах, награждённым этим орденом.

18 июля я находился в 47-м танковом корпусе, 17-я танковая дивизия была переброшена с фланга, который она прикрывала восточнее Орши, в район южнее Смоленска, чтобы отразить атаки русских, двигавшихся на город с юга. В боях, которые здесь происходили, был смертельно ранен храбрый командир этой дивизии генерал Риттер фон Вебер.

В последующие дни 46-й танковый корпус, сломив упорное сопротивление противника, оборонявшегося на укреплённых позициях, овладел городом Ельня и его окрестностями. На правом фланге и в тылу корпуса бои ещё продолжались.

К 20 июля соединения танковой группы вышли: 1-я кавалерийская дивизия — юго-восточнее Быхов, 10-я мотодивизия — западнее Чериков, 4-я танковая дивизия — Чериков, Кричев, 3-я танковая дивизия — Лобковичи, 10-я танковая дивизия — Ельня, дивизия СС «Рейх» — Гусино, пехотный полк «Великая Германия» — западнее Хиславичи, 17-я танковая дивизия — южнее Смоленска, 29-я мотодивизия — Смоленск, 16-я танковая дивизия — Гусино.

Русские продолжали наносить контратаки 24-му танковому корпусу и на Смоленск; под Ельней снова завязались бои. Наступавшая за нами пехота перешла Днепр. Гот намеревался окружить крупные силы противника северо-восточнее Смоленска. Для этого он нуждался в поддержке 2-й танковой группы с юга, в направлении на Дорогобуж. У меня было большое желание помочь ему, и я направился 21 июля в 46-й танковый корпус, чтобы распорядиться о проведении необходимой перегруппировки. Южная и западная части Смоленска находились под обстрелом артиллерии противника, поэтому мне пришлось объехать город по полям. К середине дня я прибыл в один из полков 17-й танковой дивизии, обеспечивавший юго-восточный фланг у Слобода. В Киселёвске (45 км юго-восточнее Смоленска) я нашёл командный пункт 46-го танкового корпуса, где ознакомился с обстановкой и затем осмотрел позиции пехотного полка «Великая Германия» южнее ст.

Васьково (35 км севернее Рославля). Перед полком находился пока ещё слабый противник с артиллерией.

В это время все силы 46-го танкового корпуса вели упорные бои с противником. Поэтому я решил сменить пехотный полк «Великая Германия» 18-й танковой дивизией, которая в ближайшие дни должна была закончить бои под Гусино и этим обеспечить 46-му танковому корпусу возможность поддержать Гота. Я отдал все необходимые распоряжения по радио с командного пункта 46-го танкового корпуса. Корпус должен был действовать всеми силами в направлении Дорогобуж; авиация ближнего действия должна была поддерживать войска, отражающие контратаки русских юго-восточнее Ельни из района Спас-Деменск. На обратном пути я получил несколько радиogramм из моего штаба, содержащих распоряжение вышестоящих инстанций о немедленном использовании дивизии СС «Рейх» в направлении Дорогобуж. Но в данный момент больше того, что уже было сделано в 46-м танковом корпусе, ничего нельзя было предпринять. От 47-го танкового корпуса, в который я ещё раз заехал, также ничего большего нельзя было требовать. Всё зависело от того, насколько быстро сможем мы снять 18-ю танковую дивизию с фланга, который она обеспечивала у Гусино, и освободить тем самым силы, необходимые для дальнейшего продвижения на север. И здесь снова последовало личное вмешательство фельдмаршала фон Клюге, которого беспокоил левый фланг танковой группы на Днепре; он задержал 18-ю танковую дивизию подобно тому, как это было у Белостока, не уведомив меня о своём приказе. Вследствие этого сил для наступления на Дорогобуж оказалось недостаточно.

Вечером под артиллерийским огнём противника я пробрался через Смоленск на командный пункт группы в Хохлово, расположенное юго-западнее города. При этом сопровождавший меня связной мотоциклист Гельригель был выброшен взрывной волной из машины, но, к счастью, ранения не получил.

Город Смоленск мало пострадал в результате боевых действий. Захватив старую часть города на южном берегу Днепра, 29-я мотодивизия, имея задачу установить связь с Готом, перешла р. Днепр и овладела промышленным районом города, расположенным на северном берегу реки. Воспользовавшись своим посещением позиций в

Смоленске, я решил осмотреть кафедральный собор. Он остался невредимым. При входе посетителю бросался в глаза антирелигиозный музей, размещённый в центральной части и левой половине собора. У ворот стояла восковая фигура нищего, просящего подаяние. Во внутренней части помещения стояли восковые фигуры в натуральный человеческий рост, показывающие в утрированном виде, как буржуазия эксплуатирует и угнетает пролетариат. Красоты в этом не было никакой. Правая половина церкви была отведена для богослужений. Серебряный алтарь и подсвечники, видимо, пытались спрятать, но не успели сделать это до нашего прихода в город. Во всяком случае, все эти чрезвычайно ценные вещи лежали кучей в центре собора. Я приказал найти кого-нибудь из русских, на кого можно было бы возложить ответственность за сохранение этих ценностей. Нашли церковного сторожа — старика с длинной белой бородой, которому я передал через переводчика, чтобы он принял под свою ответственность ценности и убрал их на место. Ценнейшие позолоченные резные рамки иконостаса были в полной сохранности. Что стало потом с собором, я не знаю.

23 июля я встретил в Талашкино (15 км южнее Смоленска) генерала фон Тома, заменившего генерала фон Вебера на посту командира 17-й танковой дивизии. Генерал Тома был известен как старый и опытный танкист, отличившийся ещё в период первой мировой войны и войны в Испании. Он обладал железным спокойствием и выдающейся храбростью и в этой войне также оправдал возложенные на него надежды. 17-я танковая дивизия обеспечивала связь между 46-м и 47-м танковыми корпусами и удерживала фронт на Днепре, препятствуя русским прорваться на юг, чего ещё опасалось командование 4-й армии. Командный пункт 46-го танкового корпуса находился в лесу, 11 км западнее Ельни. Генерал Фитингоф доложил мне о контрнаступлении русских на Ельню, которое ведётся с юга, востока и севера при очень сильной артиллерийской поддержке. Вследствие недостатка боеприпасов, который испытывался с начала войны, корпус вёл огонь только по наиболее важным целям. Фитингоф хотел наступать в направлении на Дорогобуж, чтобы оказать поддержку Готу, как только пехотный полк «Великая Германия» будет сменён 18-й танковой дивизией. Все попытки продвинуться через р. Уша северо-западнее Ельни, в направлении на Свирколучье, были

безуспешны. Дорога Глинка, Климятино, обозначенная на наших картах как «хорошая», в действительности совсем не существовала. Дорога на север была топкой и непроходимой для автотранспорта. Все передвижения должны были совершаться только в пешем строю и поэтому были утомительны и требовали много времени.

Затем я отправился в 10-ю танковую дивизию, где генерал Шааль подробно обрисовал мне картину боёв под Ельней. Его войска уничтожили в течение одного дня 50 танков противника, но были остановлены у хорошо оборудованных позиций русских. Он считал, что дивизия потеряла не менее одной трети всех своих танков. Боеприпасы приходилось подвозить с пунктов, расположенных в 450 км от местонахождения дивизии.

Отсюда я отправился в дивизию СС «Рейх», находившуюся севернее Ельни. За день до этого дивизия захватила 1100 пленных, но с рубежа Ельня, Дорогобуж не смогла больше продвинуться. Сильные бомбардировочные удары русских с воздуха задержали дальнейшее продвижение дивизии. Я отправился на позиции боевого охранения, которыми командовал гауптштурмфюрер Клингенберг, чтобы лично ознакомиться с местностью и обстановкой. Я пришёл к выводу, что прежде чем начать наступление в направлении на Дорогобуж, следует дожидаться прибытия пехотного полка «Великая Германия».

В 23 часа я прибыл на новый командный пункт моей группы, расположенный в 2 км южнее Прудки.

Ожесточённые атаки русских продолжались в течение нескольких дней с неослабевающей силой. Всё же нам удалось несколько продвинуться на правом фланге. На центральный участок фронта группы прибыли долгожданные подкрепления: 18-я танковая дивизия и одна пехотная дивизия. Попытки продвинуться в направлении на Дорогобуж неизменно кончались полным провалом.

По последним разведывательным данным, следовало ожидать появления штабов четырёх новых русских армий восточнее линии Новгород-Северский, западнее Брянска, Ельня, Ржев, Осташков. На всей этой линии русские производили инженерные работы.

К 25 июля соединения танковой группы достигли: 1-я кавалерийская дивизия — района юго-восточнее Новый Быхов, 4-я танковая дивизия — линии Чериков, Кричев, 10-я мотодивизия — Чвиков, 3-я танковая дивизия — Лобковичи; 263-я пехотная дивизия, 5-

й пулемётный батальон, пехотный полк «Великая Германия», 18-я танковая дивизия и 292-я пехотная дивизия — района южнее Прудки и аэродрома Шаталово, на котором базировались наши бомбардировщики ближнего действия и который нам приходилось обеспечивать от артиллерийского и миномётного огня русских; 10-я танковая дивизия находилась в Ельне, дивизия СС «Рейх» — севернее Ельни; 17-я танковая дивизия — Ченцово и южнее, 29-я мотодивизия — южнее Смоленска и 137-я пехотная дивизия — в Смоленске.

На шоссе у Бобруйска появилась кавалерия противника. 26 июля русские продолжали своё наступление в районе Ельни. Я попросил командование перебросить на ельнинскую дугу 268-ю пехотную дивизию для того, чтобы усилить этот участок фронта и дать возможность танковым войскам отдохнуть и привести в порядок материальную часть, в чём они настоятельно нуждались после длительных маршей и ожесточённых боёв. Днём я посетил 3-ю танковую дивизию, поздравил Моделя с награждением его рыцарским крестом, который он вполне заслужил, и заслушал его доклад о положении дивизии. Затем я отправился в 4-ю танковую дивизию, где встретился с генералом бароном фон Гейер и генералом бароном фон Лангерман. К вечеру я получил донесение о том, что русские прорвались через занимаемое 137-й пехотной дивизией предмостное укрепление на северном берегу Днепра у Смоленска.

Радиоразведка установила, что между 21-й армией русских в Гомеле, 13-й армией в Родня и 4-й армией южнее Рославля осуществляется взаимодействие.

В тот же день войскам Гота удалось с севера замкнуть кольцо вокруг русских войск, расположенных к востоку от Смоленска. Остатки десяти русских дивизий были разбиты нашей 3-й танковой группой. Кроме того, были уничтожены крупные силы противника, действовавшие в тылу наших войск, у Могилёва.

Возвратившись на свой командный пункт в 22 часа, я получил распоряжение из штаба группы армий прибыть на совещание к 12 час. следующего дня на аэродром Орша. Необходимо было обсудить некоторые вопросы, так как в последние дни наметилось расхождение в оценке обстановки. В то время как командование 4-й армии считало, что наиболее уязвимым участком фронта является район Смоленска, командование танковой группы полагало, что наиболее опасным

являются районы южнее Рославля и восточное Ельни. Ненужное сосредоточение крупных соединений в районе Смоленска явилось причиной того, что в последние дни в районе Рославля создавалась критическая обстановка и были понесены большие потери, которые можно было избежать. Всё это чрезвычайно обострило мои отношения с командующим 4-й армией.

27 июля я вместе со своим начальником штаба подполковником фон Либенштейном вылетел в Борисов (где располагался штаб группы армий) для получения указаний о дальнейшем развитии операций и для доклада о положении своих войск. Я ожидал, что получу приказание наступать в направлении на Москву или хотя бы на Брянск, однако, к моему удивлению, мне сообщили, что Гитлер приказал 2-й армии и 2-й танковой группе наступать на Гомель. Кроме того, 2-й танковой группе дополнительно ставилась задача наступать в юго-западном направлении с целью окружения оставшихся в этом районе 8-10 русских дивизий. Нам передали, что фюрер придерживается той точки зрения, будто крупные охватывающие операции являются неверной теорией генерального штаба, теорией, оправдавшей себя только на западе. Основная задача на русском фронте заключается в уничтожении живой силы противника, чего можно достигнуть только путём создания небольших котлов. Все участники совещания считали, что такие действия дадут противнику возможность выиграть время для того, чтобы подготовить новые соединения и, используя свои неисчерпаемые людские ресурсы, создать в тылу новые линии обороны, и что кампания, которую мы будем вести таким способом, не приведёт к быстрому и столь необходимому для нас завершению войны.

Ещё несколько дней тому назад главное командование сухопутных войск также придерживалось совершенно иного мнения. Об этом свидетельствует нижеследующая выписка из имевшегося у меня официального документа, датированного 23 июля 1941 г.: «Решение о дальнейшем развитии операций исходит из предположения, что после того, как в соответствии с планом стратегического развёртывания будет достигнута оперативная цель № 1, основная масса боеспособных сил русской армии будет разгромлена. С другой стороны, необходимо считаться с тем, что противник будет в состоянии организовать упорное сопротивление на важнейших направлениях дальнейшего продвижения

немецких войск, используя для этого свои крупные людские резервы и введя в действие все свои силы. При этом следует ожидать, что наиболее упорное сопротивление русские будут оказывать на Украине, под Москвой и под Ленинградом.

Замысел главного командования сухопутных войск заключается в том, чтобы уничтожить имеющиеся или вновь создаваемые силы противника и посредством быстрого захвата важнейших индустриальных районов Украины, районов, расположенных западнее Волги, а также Тулы, Горького, Рыбинска, Москвы и Ленинграда, лишить противника материальной базы для восстановления своей военной промышленности. Вытекающие отсюда отдельные задачи для каждой группы армий и общая группировка сил будут переданы сначала по телеграфу, а затем в детально разработанной директиве».

Какое бы решение ни было принято Гитлером, для 2-й танковой группы было необходимо прежде всего окончательно ликвидировать опасность, которая угрожала её правому флангу. Исходя из этого, я доложил командующему группой армий о своём решении наступать на Рославль с тем, чтобы, захватив этот узел дорог, иметь возможность овладеть дорогами, идущими на восток, юг и юго-запад, и просил его выделить мне необходимые для проведения этой операции силы.

Моё предложение было одобрено, и для его осуществления 2-й танковой группе были подчинены следующие соединения:

а) для наступления на Рославль — 7-й армейский корпус в составе 7, 23, 78 и 197-й пехотных дивизий и 9-й армейский корпус в составе 263, 292 и 137-й пехотных дивизий;

б) для смены нуждающихся в отдыхе и приведения в порядок танковых дивизий в районе ельнинской дуги —

20-й армейский корпус в составе 15-й и 268-й пехотных дивизий. 1-я кавалерийская дивизия была переподчинена 2-й армии. Танковая группа была выделена из состава 4-й армии, и мои войска отныне получили наименование — «Армейская группа Гудериана» (Прим.: Армейская группа — *Armeegruppe* в немецкой армии представляла собой временное формирование различной численности и состава, но обычно больше корпуса и меньше армии. В данном случае мощь армейской группы была не меньше, чем у армии. Немецкий термин для обозначения группы армий — *Heeresgruppe*).

Наступление на Рославль с целью ликвидации угрозы с фланга было организовано следующим образом.

На 24-й танковый корпус возлагалась задача силами двух дивизий 7-го армейского корпуса (10-й моторизованной и 7-й пехотной) обеспечить растянутый правый фланг от действий противника, находящегося в районе Климовичи, Милославици. Указанные выше две дивизии вместе с 3-й и 4-й танковыми дивизиями должны были овладеть городом Рославль и установить связь с 9-м армейским корпусом, действовавшим севернее, в районе между реками Остёр и Десна.

7-му армейскому корпусу была поставлена задача силами 23-й и 197-й пехотных дивизий из района Петровичи, Хиславици наступать в направлении Рославль, где соединиться с 3-й танковой дивизией и развивать наступление в направлении на шоссе Рославль, Стодолище, Смоленск, 78-я пехотная дивизия находилась во втором эшелоне.

9-й армейский корпус силами 263-й пехотной дивизии должен был наступать с севера на юг между вышеуказанным шоссе и р. Остёр, а силами 292-й пехотной дивизии — между реками Остёр и Десна, нанося главный удар своим левым флангом в направлении шоссе Рославль, Екимовичи, Москва. Левый фланг 9-го корпуса должна была обеспечивать 137-я пехотная дивизия, переброшенная из Смоленска. Кроме того, 9-й армейский корпус усиливался частями 47-го танкового корпуса, главным образом его артиллерией.

Начало наступления было назначено для 24-го танкового корпуса и для 7-го армейского корпуса на 1 августа, а для 9-го армейского корпуса на 2 августа.

Оставшиеся дни ушли на подготовку к наступлению. Особое внимание необходимо было уделить выделенным в моё распоряжение армейским корпусам, которым до сих пор почти не приходилось принимать участия в боевых действиях против русских и которые были незнакомы с моими методами ведения наступательных операций. Этим войскам не приходилось ещё действовать в тесном взаимодействии с танками, поэтому я сомневался в успехе их действий. Особое сомнение вызывал 9-й армейский корпус, которым командовал генерал Гейер, хорошо известный мне как мой бывший начальник по службе в управлении войск министерства рейхсвера, а также как командующий 5-м военным округом, которому подчинялся гарнизон Вюрцбурга.

Генерал Гейер был известен своим острым умом, отмеченным генералом Людендорфом ещё в период первой мировой войны. Естественно, что он видел насквозь и все слабые стороны моего метода наступления и высказался о них на совещании, в котором принимали участие командиры корпусов. На его возражения против моей тактики я ответил ему, что «этот метод наступления является математикой», подразумевая под этим, что «его успех не вызывает никакого сомнения». Однако генерала Гейера было нелегко убедить в моей правоте, и мне пришлось выдержать трудную борьбу с моим бывшим начальником на этом совещании, которое происходило в небольшой русской школе. Только в ходе боевых действий Гейер убедился в правильности моего метода и, проявляя большую личную храбрость, существенным образом способствовал успеху нашего наступления.

29 июля шеф-адъютант Гитлера полковник Шмундт привёз мне дубовые листья к рыцарскому кресту и, пользуясь этим обстоятельством, имел со мной беседу о моих взглядах на будущее. Он сообщил мне, что Гитлер наметил себе три цели:

1. На северо-востоке — Ленинград. Эта цель должна быть достигнута во что бы то ни стало для того, чтобы получить возможность организовать из Швеции по Балтийскому морю снабжение группы армий «Север».

2. В центре — Москва, являющаяся важным промышленным центром.

3. На юго-востоке — Украина.

Из высказываний Шмундта можно было сделать вывод, что Гитлер ещё не принял окончательного решения о наступлении на Украину. Поэтому я настоятельно просил Шмундта убедить Гитлера в необходимости нанесения удара непосредственно на Москву — сердце России и посоветовать ему отказаться от нанесения мелких ударов, которые приводили к большим потерям с нашей стороны и не имели решающего значения для успеха всей кампании. Кроме того, я просил Шмундта не задерживать доставку мне новых танков и пополнения, ибо в противном случае кампания не сможет быть быстро завершена.

30 июля под Ельней было отражено 13 атак.

31 июля из главного командования сухопутных войск возвратился отправленный мною офицер связи майор фон Белов и доставил мне следующие указания: «Ранее намеченная задача — к 1 октября выйти

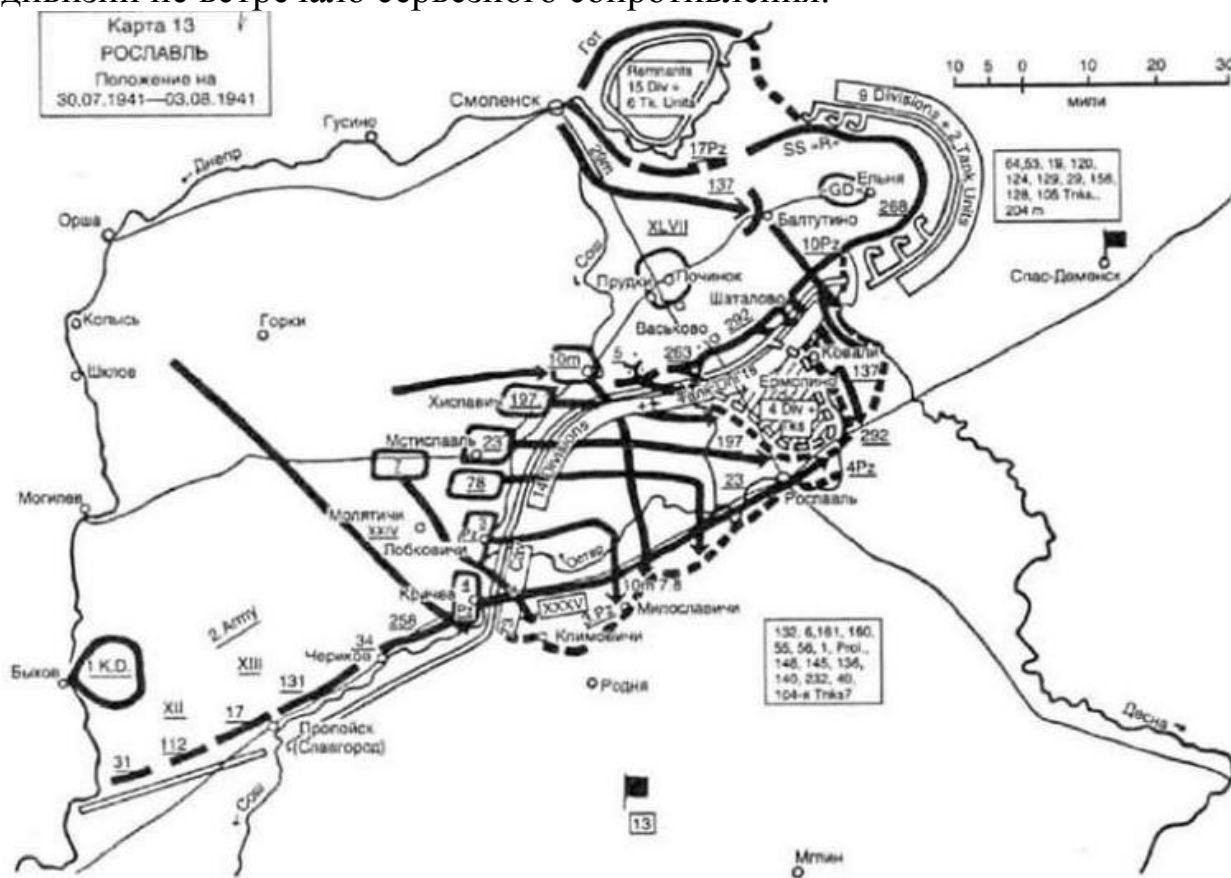
на линию Онежское озеро, р. Волга уже считается теперь невыполнимой. Имеется уверенность, что к этому времени войска достигнут линии Ленинград, Москва и районов южнее Москвы. Главное командование сухопутных войск и начальник генерального штаба находятся в исключительно трудном положении, так как руководство всеми операциями осуществляется свыше. Окончательное решение о дальнейшем ходе операций ещё не принято».

От окончательного решения вопроса о дальнейшем развитии операций зависело теперь всё, в частности, целесообразность удержания линии фронта на ельнинской дуге в случае, если наступление в направлении на Москву не будет осуществляться. Оборона этой дуги была связана с большими потерями. Подвоз боеприпасов был недостаточен для ведения позиционной войны, и это неудивительно, ибо ближайшая железнодорожная станция, обладающая достаточной пропускной способностью, находилась на удалении 750 км. Хотя железнодорожный путь до Орши был перешит на немецкую колею, однако пропускная способность дороги всё же оставалась незначительной. Не хватало русских паровозов для тех участков пути, которые ещё не были перешиты.

Существовала всё же небольшая надежда, что Гитлер примет другое решение, как нам было сказано на совещании, созванном 27 июля командованием группы армий «Центр» в Борисове.

1 августа 24-й танковый и 7-й армейский корпуса начали наступление на Рославль. Рано утром я прежде всего отправился в 7-й армейский корпус, однако не нашёл ни командный пункт корпуса, ни командный пункт 23-й пехотной дивизии. Разыскивая их, в 9 час. я достиг головных конных дозоров 23-й пехотной дивизии. Убедившись в том, что впереди никаких штабов быть не может, я остановился, потребовав от дозоров, чтобы они доложили мне, какие у них имеются сведения о противнике. Кавалеристы были чрезвычайно удивлены моим неожиданным появлением. Затем я приказал командиру 67-го пехотного полка подполковнику барону фон Биссингу, моему старому соседу по Берлину, пропустить мимо меня подразделения полка. Было заметно, что солдаты, узнав меня, очень обрадовались. Отправившись затем в 3-ю танковую дивизию, я попал под бомбёжку наших самолётов, сбросивших бомбы на подразделения 23-й пехотной дивизии и причинивших им большой урон. Первая бомба упала в 50 м

впереди моей машины. Эти прискорбные случаи происходили, несмотря на то, что наши войска имели необходимые опознавательные знаки и маршруты движения были указаны в приказах. Объясняется это недостаточной подготовкой молодых лётчиков и отсутствием у них боевого опыта. В остальном продвижение частей 23-й пехотной дивизии не встречало серьёзного сопротивления.

Во второй половине дня я прибыл в передовые подразделения 3-й танковой дивизии, достигшие западного берега р. Остёр, южнее Хороньво. Генерал Модель сообщил мне, что он захватил неразрушенными все мосты через р. Остёр, а также взял одну батарею противника. Я беседовал с командирами батальонов, специальных подразделений и выразил им благодарность за хорошее руководство своими подразделениями.

Вечером я посетил штаб 24-го танкового корпуса, чтобы получить общие сведения о ходе наступления за весь день, и на следующий день в 2 часа возвратился на свой командный пункт. Поездка моя продолжалась 22 часа.

Главный объект нашего наступления — Рославль — был захвачен!

Утром 2 августа я отправился в 9-й армейский корпус. С командного пункта 509-го пехотного полка 292-й пехотной дивизии можно было наблюдать отступление русских. Я приказал продолжать наступление в южном направлении, отклонив возражение со стороны командования корпуса. Затем направился в 507-й пехотный полк, передовой отряд которого наступал на Козаки. К концу дня я ещё побывал в штабе 137-й пехотной дивизии и в штабах полков этой дивизии, приказав им ночью продолжать наступление и как можно быстрее достичь шоссейной дороги, ведущей на Москву. В 22 часа 30 мин. я возвратился на свой командный пункт.

В течение 2 августа 9-й корпус не добился каких-либо значительных успехов, поэтому я решил день 3 августа снова провести в этом корпусе, чтобы развить дальнейшее наступление и обеспечить полный успех. Сначала я отправился на командный пункт 292-й пехотной дивизии в Ковали, а оттуда в 507-й пехотный полк. По пути я встретил командира корпуса, с которым подробно обсудил ход боевых действий. Прибыв в 507-й пехотный полк, я пошёл вперёд вместе с головной ротой, устраняя ненужные остановки. В трёх километрах от большого московского шоссе в бинокль замечены были танки, находившиеся северо-восточнее Рославля. Мы немедленно приостановили движение. Я приказал самоходному орудью, которое двигалось вместе с головным подразделением пехоты, подать танкам условный сигнал «Я здесь» и получил ответный сигнал, означавший, что это наши танки. Это было подразделение 35-го танкового полка моей 4-й танковой дивизии!

Я немедленно сел в свою машину и отправился к своим танкистам. Остатки русских войск бросали оружие и отходили, а по балкам и доскам взорванного моста через р. Острик карабкались солдаты 2-й роты 35-го танкового полка для того, чтобы приветствовать меня. Это была та самая рота, которой ещё совсем недавно командовал мой старший сын. Солдаты его очень любили и свою любовь и доверие перенесли на меня. Обер-лейтенант Краузе, командовавший теперь этой ротой, доложил мне обстановку, и я пожелал роте дальнейших успехов.

Таким образом, кольцо окружения вокруг русских войск в районе Рославля было замкнуто. В окружении остались три-четыре русские дивизии. Задача состояла теперь в том, чтобы принудить окружённых

русских к сдаче. Когда через полчаса появился генерал Гейер, я сказал ему, что шоссейную дорогу на Москву необходимо во что бы то ни стало удержать. 292-й пехотной дивизии была поставлена задача — замкнуть кольцо окружения фронтом на запад, а 137-й пехотной дивизии — фронтом на восток, вдоль р. Десна.

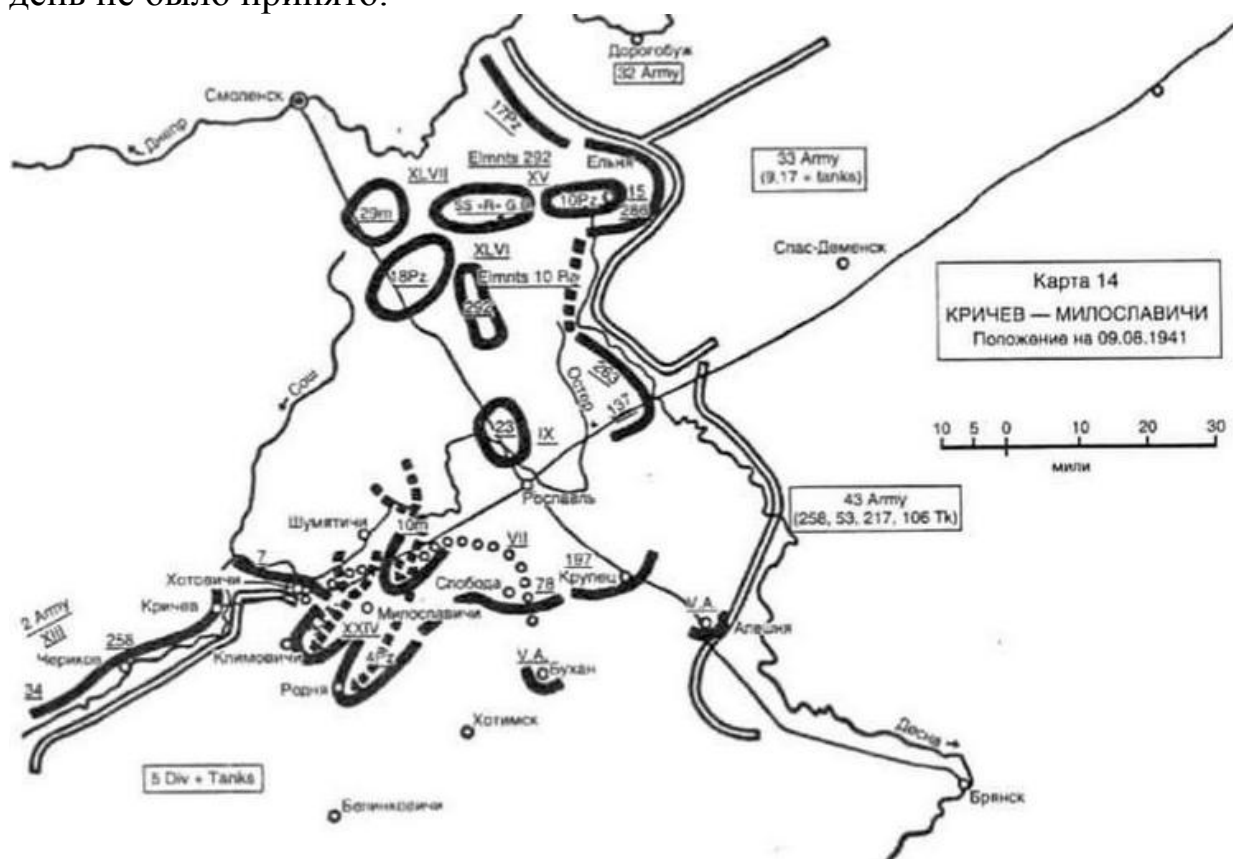
Между тем в районе Ельни продолжались тяжёлые бои, требовавшие большого расхода боеприпасов. Здесь был брошен в бой наш последний резерв — рота, охранявшая командный пункт нашей танковой группы. К 3 августа войска группы достигли: 7-я пехотная дивизия и 3-я танковая дивизия — района западнее Климовичи, 10-я мотодивизия — Хиславичи; 78-я пехотная дивизия — Понятовка; 23-я пехотная дивизия — Рославль, 197-я пехотная дивизия и 5-й пулемётный батальон — севернее Рославля, 263-я пехотная дивизия — южнее Прудки, 292-я пехотная дивизия — Козаки, 137-я пехотная дивизия — восточного берега р. Десна, 10-я танковая, 286-я пехотная дивизии, дивизия СС «Рейх», пехотный полк «Великая Германия» — Ельня, 17-я танковая дивизия — севернее Ельня, 29-я мотодивизия — южнее Смоленска, 18-я танковая дивизия — Прудки.

Штаб 20-го армейского корпуса только что прибыл. На утро 4 августа я был вызван в штаб группы армий, где впервые после начала кампании в России должен был выступить с докладом Гитлер. Мы стояли накануне решительного поворота в ходе войны!

Москва или Киев?

Совещание с участием Гитлера происходило в городе Борисов, где находился штаб группы армий «Центр». Присутствовали: Гитлер, Шмундт, фельдмаршал фон Бок, Гот и я, а также представитель ОКХ — начальник оперативного отдела полковник Хойзингер. Каждому участнику совещания предоставили возможность по очереди высказать свою точку зрения таким образом, что никто не знал, о чём говорил предыдущий участник совещания. Все генералы группы армий «Центр» единодушно высказались за то, чтобы продолжать наступление на Москву, имеющее решающее значение. Гот заявил, что

его танковая группа может начать наступление не раньше чем с 20 августа. Я заявил, что буду готов к 15 августа. Затем в присутствии всех участников совещания выступил Гитлер. Он заявил, что его первой целью является индустриальный район Ленинграда. Вопрос о том, наступать ли затем на Москву или на Украину, окончательно ещё не был решён. Сам Гитлер был склонен начать с наступления на Украину, ибо в настоящее время группа армий «Юг» также добилась определённых успехов. Кроме того, он полагал, что сырьевые и продовольственные ресурсы Украины крайне необходимы для дальнейшего ведения войны и что, наконец, наступление на Украину даст ему возможность выбить из рук русских Крым, который, по мнению Гитлера, является «авианосцем Советского Союза, откуда ведутся налёты на нефтепромыслы Румынии». К началу зимы он надеялся овладеть Москвой и Харьковом. Окончательное же решение по этому важнейшему для нас вопросу о дальнейшем ходе войны в этот день не было принято.

Затем совещание перешло к разбору отдельных вопросов. Что касается моей танковой группы, то для неё наиболее важным было

добиться отказа от намерения отвести наши войска из района ельнинского выступа, ибо этот выступ мог в дальнейшем явиться исходным районом для проведения наступления на Москву. Я подчеркнул необходимость замены наших моторов, которые очень быстро изнашивались здесь из-за невиданной пыли, если только в этом году предполагалось проведение операций, требующих преодоления танками больших расстояний. Мы нуждались также в том, чтобы наши потери в танках были восполнены новыми танками. После некоторого колебания Гитлер обещал выделить на весь восточный фронт 300 танковых моторов — количество, которое меня несколько не могло удовлетворить. В получении новых танков нам было вообще отказано, так как Гитлер предназначал все новые танки для новых танковых соединений, формирующихся в Германии. При обсуждении этого вопроса я указал Гитлеру на то обстоятельство, что русские имеют большое превосходство в танках, которое будет увеличиваться, если потери в танках у нас будут одинаковые. У Гитлера тогда вырвалась фраза: «Если бы я знал, что у русских действительно имеется такое количество танков, которое приводилось в вашей книге; я бы, пожалуй, не начинал эту войну».

В моей книге «Внимание, танки!», выпущенной в 1937 г., я указывал, что в тот период в России насчитывалось 10 000 танков, однако против этой цифры возражали начальник генерального штаба Бек, а также цензура. Мне стоило большого труда добиться разрешения на опубликование этих цифр, хотя в действительности имеющиеся в моём распоряжении сведения говорили о том, что у русских имелось тогда 17 000 танков, и я сам с чрезвычайной осторожностью подходил к опубликованию имевшихся сведений. Перед лицом надвигающейся опасности нельзя придерживаться политики страуса; однако Гитлер и его наиболее авторитетные политические, экономические и военные советники постоянно придерживались такой политической линии. Такая политика насильственного закрытия глаз перед суровой действительностью привела к катастрофическим результатам, последствия которых мы вынуждены испытывать ещё и теперь.

Возвратившись с совещания, я решил на всякий случай приступить к подготовке наступления на Москву.

На своём командном пункте я узнал, что 9-й армейский корпус, опасаясь прорыва русских в юго-восточной части котла у Ермолино, оставил московское шоссе и что существует опасность прорыва русскими войсками кольца окружения, замкнутого 3 августа. Рано утром 5 августа я поспешил отправиться в район расположения 7-го корпуса с тем, чтобы оттуда выехать на московское шоссе и снова закрыть брешь с юга. По пути мне встретились части 15-й пехотной дивизии, следовавшие в район Ельни; я вкратце ознакомил командира дивизии с обстановкой в этом районе. Затем я отправился в 197-ю пехотную дивизию, где её командир — генерал Мейер-Рабинген доложил мне, что в кольце окружения русских образовалась брешь и что русские, во всяком случае, держат под своим обстрелом московское шоссе. По прибытии в 4-ю танковую дивизию я узнал, что танки 35-го танкового полка отведены назад. Я немедленно передал по радио приказание танковому корпусу, возложив на него ответственность за удержание московского шоссе, а сам отправился в 7-й армейский корпус. Этот корпус уже направил разведывательный отряд 23-й пехотной дивизии с задачей воспрепятствовать русским вырваться из котла. Я считал, что принятые меры являются совершенно недостаточными, и вместе с начальником штаба 7-го армейского корпуса полковником Кребсом, моим старым приятелем ещё со времён нашей совместной службы в Госларе, отправился в Рославль.

В Рославле я встретил танковую роту обер-лейтенанта Краузе (2-я рота 35-го полка), которая направлялась на отдых; сам командир этой роты ещё находился в районе боевых действий. Рота сдерживала до утра попытки противника вырваться из кольца окружения, уничтожила много орудий и захватила значительное число пленных. Затем роте было приказано отойти. Я немедленно повернул обратно храбрую роту, приказав ей возвратиться и занять прежний рубеж. Затем я приказал 2-му батальону 332-го пехотного полка начать продвижение к мосту через р. Острик. Наконец, я поднял по тревоге подразделение зенитной артиллерии, расположенное около Рославля, и затем направился к линии фронта. Взглянув на мост через р. Острик, я заметил, как группа русских численностью около 100 человек приближается к мосту с севера. Эта группа была рассеяна. Танки перешли через мост, отремонтированный в последние дни, и воспрепятствовали русским вырваться из окружения. После того как танками была восстановлена

связь с 137-й пехотной дивизией, я возвратился на командный пункт 7-го армейского корпуса, возложив ответственность за удержание угрожаемого участка в районе московского шоссе на командующего артиллерией 7-го корпуса — способного и испытанного австрийского генерала Мартинека, а затем возвратился на самолёте «Шторх» на свой командный пункт. Оттуда я передал приказание 9-му армейскому корпусу об установлении связи с группой Мартинека.

Своему штабу я поставил задачу готовить наступление на Москву с таким расчётом, чтобы танковые корпуса имели возможность действовать на правом фланге, наступая вдоль московского шоссе, а пехотные корпуса наступали бы в центре и на левом фланге.

Я намеревался основной удар нанести своим правым флангом и, прорвав довольно слабый в это время фронт русских на данном участке, двигаться вдоль московского шоссе по направлению на Спас-Деменск и Вязьму, способствуя тем самым продвижению группы Гота, а затем развивать наступление на Москву. Увлечённый этими своими планами, я категорически воспротивился выполнить требование ОКХ, полученное мною 6 августа, которое заключалось в том, чтобы направить свои танковые дивизии для наступления на Рогачёв, расположенный у Днепра, далеко позади занимаемой мною линии фронта. Моя разведка установила в этот день, что на значительном расстоянии вокруг Рославля почти нет противника. В направлении на Брянск и к югу противник не был совершенно обнаружен на расстоянии 40 километров. Эти данные подтвердились и на следующий день.

К 8 августа уже можно было подвести некоторые итоги боёв за Рославль. Нашими войсками было захвачено большое количество пленных, танков и орудий. Эти итоги оказались чрезвычайно радостными и значительными.

Перед тем как перейти в наступление на Москву или предпринять какую-либо другую операцию, нам необходимо было предварительно выполнить ещё одно условие: обеспечить свой правый фланг у Кричева, расположенный глубоким уступом назад. Очистка этого фланга от войск противника была необходима ещё и для того, чтобы облегчить 2-й армии наступление на Рогачёв. Как командование группы армий «Центр», так и командование танковой группы полагали, что тем самым отпадёт необходимость отправки танковых сил в район действий

2-й армии и вызываемый продолжительными маршами большой износ материальной части (расстояние от Рославля до Рогачёва — 200 км, а туда и обратно — 400 км).

Оба штаба считали, что основной нашей целью должно явиться развитие наступления на Москву. Однако, несмотря на это, из штаба группы армий, очевидно под давлением ОКХ, всё ещё продолжали поступать неоднократные требования «перебросить некоторые танковые части в направлении на Пропойск (Славгород)». Все недоразумения, связанные с этими требованиями, были улажены решением генерала Гейера, желавшего избавиться от постоянного давления на свой правый фланг путём наступления на противника южнее Кричева в районе Милославичи. Я согласился с этим решением, получив также одобрение штаба группы армий, отказавшегося от своего требования послать танки в направлении на Пропойск (Славгород).

8 августа я отправился в корпуса и дивизии, расположенные в Рославле и южнее, а 9 августа присутствовал при наступлении 24-го танкового корпуса, находясь вместе с 4-й танковой дивизией, 35-й танковый и 12-й мотострелковый полки отлично вели наступление и были надлежащим образом поддержаны артиллерией полковника Шнейдера. 10 августа по неизвестным для меня причинам было получено приказание направить во Францию 2-ю танковую дивизию, которая до того находилась в резерве ОКХ. Наступление 2-й армии на Гомель за последнее время задерживалось плохим состоянием дорог.

К 10 августа войска группы находились: 7-я пехотная дивизия — в районе южнее Хотовиж; 3-я и 4-я танковые дивизии вели наступление юго-западнее Милославичи; 10-я мотодивизия — Милославичи; 78-я пехотная дивизия — в Слободе, её передовой отряд — в Бухано; 197-я пехотная дивизия — в Островая, её передовой отряд — в Алешня; 29-я мотодивизия — в Рославле; 23-я пехотная дивизия — на отдыхе севернее Рославля; 137-я и 263-я пехотные дивизии — на линии р. Десна; 268, 292 и 15-я пехотные дивизии — в районе ельнинской дуги; 10-я танковая дивизия — западнее Ельни; 17-я танковая дивизия — северо-западнее Ельни; 18-я танковая дивизия — восточнее Прудки; дивизия СС «Рейх» — северо-западнее Ельни, где находился также на отдыхе и доукомплектовывался полк «Великая Германия».

До настоящего времени все мероприятия, осуществлённые моей танковой группой, исходили из нашего представления о том, что как командование группы армий, так и ОКХ считают наступление на Москву наиболее решающей операцией. Я всё ещё надеялся на то, что, несмотря на результаты совещания в Борисове 4 августа, Гитлер в конце концов всё же согласится с этим, как мне казалось, наиболее разумным планом. Однако 11 августа мне пришлось похоронить эту надежду. ОКХ отклонило мой план наступления на Москву посредством нанесения основного удара из Рославля на Вязьму, считая этот план «неприемлемым». Никакого другого, более лучшего плана ОКХ не составило, проявив в течение последующих дней ряд бесконечных колебаний, что делало совершенно невозможным какое-либо перспективное планирование нижестоящими штабами. Командование группы армий, по-видимому, примирилось с тем, что мой план наступления был отклонён, хотя ещё 4 августа оно поддерживало его. К сожалению, мне не было тогда известно, что несколькими днями позже Гитлер согласился с идеей наступления на Москву, причём его согласие зависело от выполнения определённых предварительных условий. Во всяком случае, ОКХ не смогло тогда воспользоваться этим мимолётным согласием Гитлера. Через несколько дней дело снова повернулось иначе.

13 августа я посетил линию фронта по р. Десна восточнее Рославля, проходившую по обеим сторонам московского шоссе. С болью в сердце я наблюдал, как войска в полной уверенности в том, что в ближайшее время они будут наступать на русскую столицу, уже заготовили дорожные щиты и указатели с надписями «на Москву». Солдаты 137-й пехотной дивизии, с которыми мне приходилось беседовать при моём посещении передовой линии, только и говорили о возобновлении в ближайшем будущем наступления на восток.

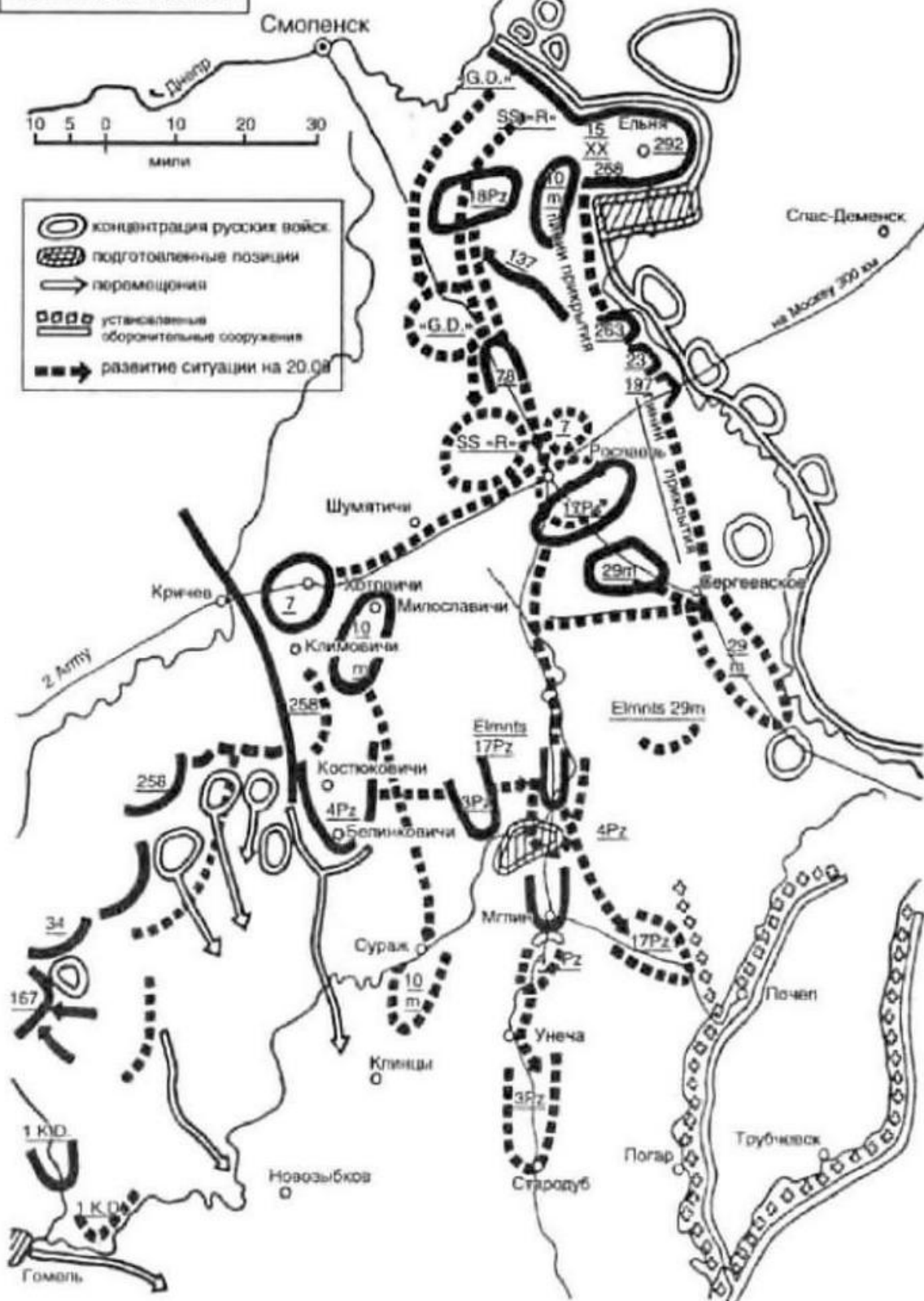
К 14 августа успешно закончились бои, которые 24-й танковый корпус вёл в районе Кричева. Захвачено было много пленных, артиллерийских орудий и других трофеев. Наши войска захватили Костюковичи.

После того как моё предложение о наступлении на Москву было отклонено, я внёс вполне логичное предложение вывести войска из уже не нужной нам ельнинской дуги, где мы всё время несли большие потери. Однако командование группы армий и ОКХ отклонили и это

моё предложение, которое исходило из необходимости сбережения человеческих жизней. Оно было отклонено под нелепым предлогом, что «противнику на этом участке фронта ещё труднее, чем нам».

В течение дня 15 августа мне пришлось затратить немало усилий, на то, чтобы убедить моих начальников отказаться от своего намерения воспользоваться успехом 24-го танкового корпуса для перехода в наступление на Гомель. В моих глазах такой марш корпуса в направлении на юго-запад был равносителен отступлению. Командование группы армий для осуществления этой цели пыталось взять из корпуса одну танковую дивизию, не учитывая, однако, то обстоятельство, что силами одной дивизии невозможно осуществить такую операцию. Пришлось бы ввести в бой весь 24-й танковый корпус, а его левый фланг обеспечить силами других соединений. Кроме того, начиная с 22 июня 1941 г., войска 24-го танкового корпуса ещё не имели ни одного дня отдыха и крайне нуждались в некотором перерыве в боевых действиях для приведения в исправность материальной части. Не прошло и полчаса после того, как мне удалось добиться согласия на это командования группы армий, как из ОКХ было получено приказание отправить одну танковую дивизию в направлении на Гомель.

Карта 15
Положение на 17.06.1941

24-му танковому корпусу было теперь приказано наступать на юг в направлении на Новозыбков и Стародуб, имея в первом эшелоне 3-ю и 4-ю танковые дивизии, а во втором — 10-ю мотодивизию, и после успешного прорыва повернуть на Гомель дивизию, которая будет действовать на правом фланге.

16 августа 3-я танковая дивизия овладела узловым пунктом шоссе дорог городом Мглин. В этот день группе армий «Центр» было приказано передать 39-й танковый корпус в составе 12-й танковой дивизии, 18-й и 20-й мотодивизий в распоряжение группы армий «Север».

Я не касаюсь здесь тех колебаний со стороны командования группы армий «Центр», которые были проявлены в последующие дни во время переговоров по телефону. 17 августа правый фланг 24-го танкового корпуса сильно отстал в результате упорного сопротивления противника, в то время как 10-я мотодивизия и прежде всего 3-я танковая дивизия корпуса, действовавшие на левом фланге, успешно продвигались вперёд, захватив узловую станцию Унеча. Тем самым была перерезана железнодорожная линия Гомель — Брянск, и наши войска глубоко вклинились в расположение противника. Как же можно было лучше использовать результаты этого прорыва? Предполагалось, что 2-я армия, опираясь на мой правый фланг, будет наступать на Гомель своим сильным левым флангом. Однако, как это ни странно, этого не случилось.

Основные силы 2-й армии были выдвинуты с её левого фланга на северо-восток и двигались далеко позади фронта наступления 24-го танкового корпуса, который в то время вёл тяжёлые бои в районе Стародуб, Унеча. Я обратился в штаб группы армий с просьбой дать указание 2-й армии двинуть её соединения в первую очередь против противника, действовавшего на нашем правом фланге. Мне было обещано, что штаб отдаст такое приказание, однако, когда я запросил штаб 2-й армии, получил ли он такое приказание, то мне сообщили, что наступление в северо-восточном направлении предпринято 2-й армией по приказанию штаба группы армий. Целесообразность проведения решительных действий вызывалась ещё тем обстоятельством, что уже 17 августа поступили сведения об отходе противника из района Гомеля. Уже в этот день 24-й танковый корпус получил приказ преградить противнику путь на восток в районах Унечи и Стародуба.

19 августа 1-я танковая группа, входящая в состав группы армий «Юг», захватила небольшой плацдарм на восточном берегу Днепра у города Запорожье, 2-я армия овладела Гомелем. 24-му танковому корпусу, входящему в состав моей танковой группы, было приказано прорваться через Клинцы и Стародуб на Новозыбков, а 47-му танковому корпусу — обеспечить левый фланг 24-го танкового корпуса. У Почепа противник оказывал упорное сопротивление.

18 августа главнокомандующий сухопутными войсками представил Гитлеру свои соображения относительно дальнейшего развития боевых действий на Восточном фронте.

20 августа 24-й танковый корпус отбивал атаки противника на линии Сураж, Клинцы, Стародуб. Отдельным подразделениям удалось прорваться на восток в районе южнее Унечи. Атаки на Ельню были отбиты. В этот же день фельдмаршал фон Бок по телефону приказал мне приостановить дальнейшее наступление на Почеп, которое велось левым флангом 2-й танковой группы. Он выразил пожелание, чтобы все войска танковой группы были сосредоточены для отдыха в районе Рославля с тем, чтобы иметь возможность предпринять предполагаемое им наступление на Москву со свежими силами. Бок не знал, по какой именно причине 2-я армия не продвигалась вперёд; он всегда спешил.

21 августа 24-й танковый корпус захватил Костобобр, 47-й танковый корпус овладел Почепом,

22 августа был отдан приказ о передаче 20, 9 и 7-го армейских корпусов в состав 4-й армии. Командный пункт 2-й танковой группы был перемещён в Шумячи (западнее Рославля) с тем, чтобы он находился поближе к дивизиям. В 19 час. того же дня я получил запрос из штаба группы армий о том, не смогу ли перебросить свои танковые соединения, готовые к действиям в районе Клинцы, Почеп, на левый фланг 2-й армии для наступления в южном направлении во взаимодействии с 6-й армией группы армий «Юг». Выяснилось, что ещё раньше был получен приказ из ОКХ или ОКВ, который предписывал выделить одну из моторизованных дивизий для участия в наступлении, проводимом 2-й армией. Я сообщил штабу группы армий, что использование танковой группы для действий в этом направлении считаю в корне неверным, а дробление её — прямо преступлением.

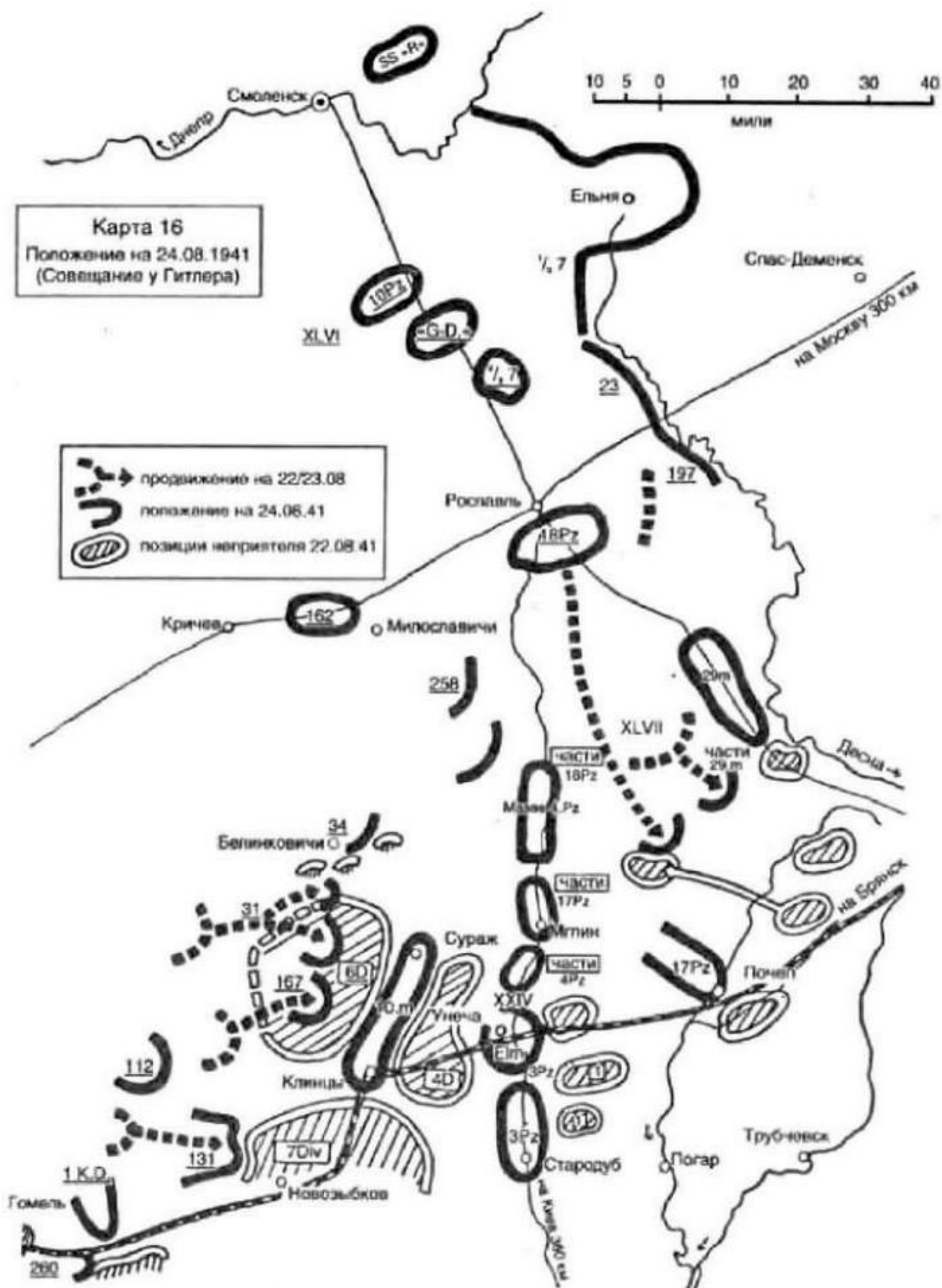
На 23 августа я был вызван в штаб группы армий «Центр» на совещание, в котором принимал участие начальник генерального штаба

сухопутных войск. Он сообщил нам, что Гитлер решил наступать в первую очередь не на Ленинград и не на Москву, а на Украину и Крым. Для нас было очевидно, что начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер сам глубоко потрясён тем, что его план развития наступления на Москву потерпел крах. Мы долго совещались по вопросу о том, что можно было сделать, чтобы Гитлер всё же изменил своё «окончательное решение». Мы все были глубоко уверены в том, что планируемое Гитлером наступление на Киев неизбежно приведёт к зимней кампании со всеми её трудностями, которую ОКХ хотело избежать, имея на это все основания. Я обратил внимание участников совещания на плохое состояние дорог и трудности в снабжении, с которыми встретятся танковые войска при наступлении на юг, и выразил сомнение в том, будет ли в состоянии материальная часть танковых частей выдержать эти новые испытания, а вслед за ними и зимнюю кампанию — наступление на Москву.

Далее я обрисовал им состояние 24-го танкового корпуса, который с самого начала кампании в России не имел ещё ни одного дня отдыха. Все эти доводы могли быть использованы начальником генерального штаба для того, чтобы попытаться ещё раз повлиять на Гитлера с тем, чтобы он изменил своё решение. Фельдмаршал фон Бок также меня хорошо понимал и после некоторого раздумья внёс предложение, чтобы я отправился вместе с генерал-полковником Гальдером в ставку фюрера и в качестве фронтового генерала доложил непосредственно Гитлеру наши взгляды в отношении дальнейшего развития операций. Предложение фон Бока было принято; мы вылетели в ставку и к вечеру приземлились на аэродроме Летцен (Луганы) в восточной Пруссии.

Я немедленно отправился к главнокомандующему сухопутными силами. Фельдмаршал фон Браухич встретил меня следующими словами: «Я запрещаю вам поднимать перед фюрером вопрос о наступлении на Москву. Имеется приказ наступать в южном направлении, и речь может идти только о том, как его выполнить. Дальнейшее обсуждение вопроса является бесполезным». В ответ на это я попросил разрешение вылететь обратно в свою танковую группу, ибо при таких условиях не имеет смысла вступать с Гитлером в какие-либо объяснения. Однако фельдмаршал фон Браухич не согласился с этим. Он приказал мне отправиться к Гитлеру и доложить ему

положение своей танковой группы, «не упоминая, однако, ничего о Москве!»

Я отправился к Гитлеру и в присутствии большого круга лиц: Кейтеля, Йодля, Шмундта и других, доложил обстановку на фронте перед моей танковой группой, положение самой группы, а также о характере местности; к сожалению, при моём докладе не было ни Браухича, ни Гальдера, ни какого-либо другого представителя ОКХ. После того как я закончил свой доклад, Гитлер задал мне следующий вопрос: «Считаете ли вы свои войска способными сделать ещё одно крупное усилие при их настоящей боеспособности?»

Я ответил: «Если войска будут иметь перед собой настоящую цель, которая будет понятна каждому солдату, то да!» Гитлер: «Вы, конечно, подразумеваете Москву!» Я ответил: «Да. Поскольку вы затронули эту тему, разрешите мне изложить свои взгляды по этому вопросу».

Гитлер дал своё разрешение, и я подробно и убедительно изложил ему все доводы, говорящие за то, чтобы продолжать наступление на Москву, а не на Киев. Я высказал ему своё мнение о том, что с военной точки зрения сейчас дело идёт к тому, чтобы полностью уничтожить вооружённые силы противника, которые в последних боях понесли значительные потери. Я обрисовал ему географическое положение столицы России, которая в значительной степени отличается от других столиц, например Парижа, и является центром путей сообщения и связи, политическим и важнейшим промышленным центром страны; захват Москвы очень сильно повлияет на моральный дух русского народа, а также на весь мир. Я обратил его внимание на то, что войска настроены наступать на Москву и что все приготовления в этом направлении встречаются с большим восторгом.

Я пытался объяснить Гитлеру, что после достижения военного успеха на решающем направлении и разгрома главных сил противника будет значительно легче овладеть экономически важными районами Украины, так как захват Москвы — узла важнейших дорог — чрезвычайно затруднит русским перебрасывать свои войска с севера на юг. Я напомнил ему также, что войска группы армий «Центр» уже находятся в полной боевой готовности для перехода в наступление на Москву, в то время как предполагаемое наступление на Киев связано с необходимостью произвести переброску войск на юго-запад, на что потребуется много времени; причём в последующем, при наступлении на Москву, танковым войскам придётся пройти ещё раз это же расстояние, т. е. от Рославля до Лохвицы, равное 450 км, что вызовет

повторный износ материальной части и усталость личного состава. На опыте передвижения наших войск в направлении на Унечу я обрисовал ему состояние дорог в районе, указанном мне для переброски своих войск, и обратил его внимание на те трудности в организации снабжения, которые неизбежно должны будут увеличиваться с каждым днём, если нас повёрнут на Украину.

Наконец, я указал на тяжёлые последствия, которые должны возникнуть в случае, если операции на юге затянутся, особенно из-за плохой погоды. Тогда уже будет поздно наносить противнику решающий удар в направлении на Москву в этом году. В заключение я обратился к Гитлеру с просьбой отодвинуть назад все остальные соображения, подчинив их прежде всего решению основной задачи — достижению решающего военного успеха. Все остальные задачи будут тем самым решены впоследствии.

Гитлер дал мне возможность высказаться, не прервав ни разу. Затем он взял слово, чтобы подробно изложить нам свои соображения относительно того, почему именно он пришёл к другому решению. Он подчеркнул, что сырьевые ресурсы и продовольствие Украины являются жизненно необходимыми для продолжения войны. В связи с этим он упомянул о необходимости овладения Крымом, являющимся «авианосцем Советского Союза в его борьбе против румынской нефти». Я впервые услышал от него фразу: «Мои генералы ничего не понимают в военной экономике».

Гитлер закончил свою речь строгим приказом немедленно перейти в наступление на Киев, который является его ближайшей стратегической целью. При этом мне впервые пришлось пережить то, с чем впоследствии приходилось встречаться довольно часто: после каждой фразы Гитлера все присутствующие молча кивали головой в знак согласия с ним, а я оставался со своим мнением в единственном числе. Очевидно, он уже не раз произносил такие речи для обоснования своих более чем странных решений.

Я очень сожалел, что во время этого доклада, от которого зависело очень многое, может быть даже исход войны, не присутствовали ни фельдмаршал фон Браухич, ни генерал-полковник Гальдер. Ввиду того, что против меня единым фронтом выступало всё ОКВ, я решил в этот день прекратить дальнейшую борьбу, ибо тогда я всё ещё верил, что

смогу добиться встречи с главой государства с глазу на глаз и доказать ему правоту своих взглядов.

После того как решение о переходе в наступление на Украину было ещё раз подтверждено, мне ничего не оставалось, как наилучшим образом его выполнить. Поэтому я обратился к Гитлеру с просьбой отказаться от ранее предполагаемого дробления моей танковой группы и приказать направить всю группу для выполнения новой задачи с тем, чтобы добиться быстрого успеха ещё до наступления осени, ибо осенние дожди делают эту бездорожную страну непроходимой и движение танковых соединений будет парализовано. Мне было обещано, что моя просьба будет удовлетворена.

Было далеко за полночь, когда я возвратился на свою квартиру. Ещё в тот же день 23 августа ОКХ отдало группе армий «Центр» приказ «уничтожить крупные силы 5-й армии русских и оказать содействие группе армий „Юг“, способствуя её скорейшему переходу через Днепр. Для этого необходимо создать ударную группу, по возможности под командованием генерал-полковника Гудериана, которая своим правым флангом должна ударить в направлении на Чернигов». Об этом приказе мне ничего не было известно в тот день, когда я докладывал Гитлеру. Генерал-полковник Гальдер также ничего не сделал для того, чтобы как-нибудь сообщить мне об этом приказе в течение дня 23 августа.

Утром 24 августа я отправился к начальнику генерального штаба и доложил ему о том, что мои попытки переубедить Гитлера потерпели неудачу. Я был уверен, что не очень сильно удивлю Гальдера своим сообщением, однако был чрезвычайно поражён, когда это сообщение вызвало у него нервную вспышку и он обрушился на меня с рядом совершенно необоснованных обвинений. Только повышенным нервным состоянием Гальдера можно объяснить его разговор по телефону обо мне с командованием группы армий «Центр», а также совершенно неверные утверждения офицеров штаба этой группы, появившиеся в их послевоенных статьях. Особенно Гальдер был раздражён моим стремлением предпринять новую операцию с самого начала крупными силами. Он совершенно не понимал этих моих стремлений и впоследствии пытался оказать им противодействие.

Мы расстались, не достигнув взаимопонимания. Я вылетел обратно в свою танковую группу, получив приказ выступить 25 августа

на Украину.

24 августа 24-й танковый корпус овладел Новозыбковым; противник был отброшен на линию Унеча, Стародуб.

Битва за Киев

Приказ Гитлера от 21 августа, послуживший отправным пунктом для проведения предстоящих операций, в основном гласил:

«Предложение ОКХ от 18 августа о развитии операций в направлении на Москву не соответствует моим планам. Приказываю:

1. Важнейшей целью до наступления зимы считать не захват Москвы, а захват Крыма, индустриального и угольного района Донбасса и лишение русских доступа к кавказской нефти; на севере важнейшей целью считать блокирование Ленинграда и соединение с финнами.

2. Исключительно благоприятная оперативная обстановка, которая сложилась благодаря достижению нами линии Гомель, Почеп, должна быть использована для того, чтобы немедленно предпринять операцию, которая должна быть осуществлена смежными флангами групп армий „Юг“ и „Центр“. Целью этой операции должно явиться не простое вытеснение 5-й армии русских за линию Днепра только силами нашей 6-й армии, а полное уничтожение противника до того, как он достигнет линии р. Десна, Конотоп, р. Суда. Это даст возможность группе армий „Юг“ занять плацдарм на восточном берегу Днепра в районе среднего течения, а своим левым флангом во взаимодействии с группой армий „Центр“ развить наступление на Ростов, Харьков.

3. Группа армий „Центр“ должна, не считаясь с дальнейшими планами, выделить для осуществления указанной операции столько сил, сколько потребуется для уничтожения 5-й армии русских, оставляя себе небольшие

силы, необходимые для отражения атак противника на центральном участке фронта.

4. Овладеть Крымским полуостровом, который имеет первостепенное значение для беспрепятственного вывоза нами нефти из Румынии...»

Этот приказ, точный текст которого мне ещё не был известен во время моего доклада 23 августа, послужил основанием для тех указаний, которые были даны моей танковой группе со стороны ОКХ и командования группы армий «Центр». Наиболее горькое разочарование вызвал у меня вывод 46-го танкового корпуса из состава моей танковой группы. Несмотря на обещание, данное мне Гитлером, командование группы армий решило оставить этот корпус в резерве 4-й армии, сосредоточив его в районе Рославля и Смоленска. Мне пришлось выступить в новый поход, имея лишь два корпуса — 24-й и 47-й, силы которых с самого начала были признаны мною недостаточными. Мой протест против этого решения был оставлен командованием группы армий без внимания.

В качестве первоначальной цели наступления мне был указан Конотоп. Все остальные указания относительно установления взаимодействия с группой «Юг» оставались в силе.

Учитывая группировку сил моей танковой группы на тот период, мне ничего другого не осталось сделать, как поставить задачу перед 24-м танковым корпусом, который уже находился в районе Унечи, снова прорваться через фронт русских и одновременно обеспечивать наш правый фланг от угрозы противника, отходящего из района Гомеля на восток, 47-му танковому корпусу была поставлена задача силами 17-й танковой дивизии — единственной дивизии, которую корпус имел возможность немедленно ввести в бой, — обеспечить левый фланг танковой группы посредством перехода в наступление против крупных сил русских, расположенных по восточному берегу р. Судость южнее Почепа. Сама р. Судость в сухое время года не представляла собой какого-либо серьёзного препятствия.

29-я мотодивизия уже в это время занимала по р. Десна и верхнему течению р. Судость оборону протяжением в 80 км. Восточнее Стародуба противник ещё располагался по западному берегу р. Судость, на фланге 24-го танкового корпуса. После того как 29-я мотодивизия была сменена пехотной дивизией, протяжённость нашего фланга от Почепа до первоначальной цели наступления — Конотопа составила 180 км; только отсюда начиналась основная операция, а следовательно, и основная угроза. Сведения о силах противника на левом фланге имелись чрезвычайно отрывочные. Во всяком случае, следовало считаться с тем, что силы 47-го танкового корпуса будут

полностью заняты выполнением задачи по обеспечению нашего фланга. Боеспособность 24-го танкового корпуса, предназначенного для действий в качестве ударной силы, была в значительной степени ослаблена тем, что он должен был приступить к выполнению новой задачи, так и не получив времени для отдыха и пополнения после участия в исключительно тяжёлых боях и совершения утомительного марша.

Положение танковой группы на 25 августа было следующим.

24-й танковый корпус: 10-я мотодивизия прошла через Холмы и Авдеевку, 3-я танковая дивизия — через Костобобр и Новгород-Северский; 4-я танковая дивизия получила задачу очистить от противника западный берег р. Судость и, сменившись частями 47-го танкового корпуса, двигаться за 3-й танковой дивизией.

47-й танковый корпус: 17-я танковая дивизия получила задачу переправиться у Почепа на левый берег р. Судость и наступать в направлении на Трубчевск, после чего переправиться на левый берег Десны и наступать вдоль реки на юго-запад с задачей содействовать 24-му танковому корпусу при форсировании р. Десны. Все остальные силы корпуса только ещё выступили в этот день из района Рославля.

Рано утром 25 августа я отправился в 17-ю танковую дивизию, чтобы присутствовать при форсировании ею р. Судость и р. Рог, протекающей южнее. Войска двигались по плохим песчаным дорогам, испытывая значительные затруднения; много машин выбывало из строя. Уже в 12 час. 30 мин. мне пришлось затребовать из Мглина пополнения командирских танков, легковых машин и мотоциклов. Это сулило нам далеко не радостные перспективы в будущем. В 14 час. 30 мин. я прибыл на командный пункт 17-й танковой дивизии, расположенный в пяти километрах севернее Почепа. На мой взгляд, силы, выделенные для осуществления этого трудного наступления, были ввиду их малочисленности недостаточны. Поэтому по сравнению с 24-м танковым корпусом 17-я танковая дивизия продвигалась слишком медленно. На это обстоятельство я указал командиру дивизии генералу фон Тому и прибывшему сюда командиру корпуса. Для того, чтобы ознакомиться с положением противника, я отправился в 63-й мотострелковый полк, наступавший в первом эшелоне, и некоторое время продвигался вместе с ним. Ночь я провёл в Почепе.

Утром 26 августа я вместе со своим адъютантом майором Бюсингом отправился на передовой артиллерийский наблюдательный пункт, расположенный на северном берегу р. Рог, чтобы наблюдать за результатами налётов наших пикирующих бомбардировщиков на оборонительные позиции русских на противоположном берегу реки. Бомбы ложились точно, но поражение наносили минимальное. Всё же моральное воздействие бомбардировки на русских, в результате которой они были загнаны в свои окопы, дало нам возможность форсировать реку почти без потерь. Из-за неосторожного поведения одного из наших офицеров русские наблюдатели заметили нас и открыли меткий миномётный огонь. Мина, разорвавшаяся в непосредственной близости от нашего наблюдательного пункта, ранила пять офицеров, в том числе майора Бюсинга, сидевшего рядом со мной. Я остался цел только чудом.

Против нас оборонялись 269-я и 282-я дивизии русских. После того как в моём присутствии была совершена переправа через р. Рог и наведён мост, я во второй половине дня отправился через Мглин в Унечу, куда был переведён командный пункт танковой группы. В пути мне было доставлено радостное и совершенно неожиданное для меня донесение о том, что энергичные действия танкового подразделения обер-лейтенанта Бухтеркирха (6-й танковый полк) дали возможность 3-й танковой дивизии захватить невредимым мост длиной в 700 м на р. Десна восточнее Новгород-Северского. Этот счастливый случай в значительной степени облегчил тогда проведение наших операций.

Только к полуночи я добрался до своего нового командного пункта. Здесь я застал прибывшего из ОКХ оберквартирмейстера I генерала Паулюса и нескольких офицеров из оперативного отдела генштаба ОКХ, явившихся ещё днём на командный пункт для ознакомления с обстановкой. Никаких прав отдавать распоряжения Паулюс не имел. Во время моего отсутствия Паулюс беседовал об обстановке с подполковником бароном фон Либенштейном, а затем связался с ОКХ и внёс предложение объединить под единым командованием левофланговый корпус 2-й армии — танковую группу и 1-ю кавалерийскую дивизию; действующую на левом фланге этой группы. Паулюсу загадочно ответили, что о переподчинении соединений 2-й армии в настоящее время не может быть и речи и что движение 2-й армии «имеет лишь тактическое значение». 1-я кавалерийская дивизия

осталась в составе 2-й армии, которая перенесла свой главный удар на правый фланг. Однако противник, расположенный на Десне, был слишком сильным, и его нельзя было просто оставить в глубине нашего левого фланга, как об этом по-видимому предполагало ОКХ.

Необходимо было сначала разбить этого противника с тем, чтобы иметь возможность продвигаться далее на юг. На следующий день я снова беседовал с Паулюсом, высказав ему все свои соображения. Паулюс в точности передал их начальнику генерального штаба, но при господствовавшем там неприязненным отношении ко мне они не произвели никакого впечатления.

К вечеру 26 августа левый фланг 2-й армии находился южнее Новозыбкова; разграничительная линия между танковой группой и левым флангом 2-й армии проходила от Клинцы через Холмы на Сосница (северо-восточнее Макошино на Десне); разграничительная линия с 4-й армией проходила от Сураж через Унеча, Почеп, Брасово. 10-я мотодивизия 24-го танкового корпуса находилась в районе Холмы, Авдеевка; 3-я танковая дивизия сосредоточилась к мосту через Десну южнее Новгород-Северского; 4-я танковая дивизия вела бои с противником юго-восточнее Стародуба.

17-я танковая дивизия 47-го танкового корпуса вела бои в районе Семцы южнее Почепа; 29-я мотодивизия обеспечивала левый фланг танковой группы на участке Почеп, Жуковка. После подхода пехотных дивизий 12-го и 53-го армейских корпусов 29-я мотодивизия сосредоточила свои силы на правом фланге, 18-я танковая дивизия проследовала своими передовыми частями с севера через Рославль.

Одновременно с движением танковой группы с севера на юг происходило продвижение других соединений с запада на восток; 167-я пехотная дивизия проследовала через Мглин, 31-я пехотная дивизия — севернее Мглина, 34-я пехотная дивизия — через Клетня, 52-я пехотная дивизия — через Перелазы, 267-я и 252-я пехотные дивизии двигались по дороге Кричев, Чериков, Пропойск (Славгород).

Все эти дивизии входили в состав 2-й армии. Если бы в самом начале наступления на Киев хотя бы одну часть этих дивизий повернули на юг, то можно было бы избежать неоднократно повторявшихся кризисов на правом фланге 24-го танкового корпуса.

26 августа усилилось сопротивление противника, действовавшего на р. Десна перед войсками 2-й армии. Для того, чтобы добиться

быстрого успеха, я просил перебросить на этот участок 47-й танковый корпус. Однако моя просьба была отклонена ОКХ.

9 августа крупные силы противника при поддержке авиации предприняли с юга и запада наступление против 24-го танкового корпуса. Корпус вынужден был приостановить наступление 3-й танковой дивизии и 10-й мотодивизии.

4-я танковая дивизия, выполнив свою задачу по очистке от противника западного берега р. Судость, была подтянута к 3-й танковой дивизии в район Новгород-Северский. После личного ознакомления с обстановкой перед фронтом 24-го танкового корпуса и в 3-й и 4-й танковых дивизиях я решил поставить 24-му танковому корпусу задачу на 30 августа — устранить угрозу нашему флангу справа, а на 31 августа — продолжать наступление в направлении на юго-запад; 47-му танковому корпусу — наступать по восточному берегу р. Судость, а затем продолжать наступление вдоль р. Десны на Новгород-Северский. В 18 час. я вылетел обратно на свой командный пункт. В этой поездке в последний раз меня сопровождал начальник оперативного отдела танковой группы подполковник Байерлейн. Его перевели в Африку, а на его место был назначен майор Вольф.

К 31 августа предмостный плацдарм на р. Десна был значительно расширен; 4-я танковая дивизия перешла через Десну, 10-я мотодивизия достигла пункта севернее Короп, но в результате стремительной контратаки русских была отброшена обратно на противоположный берег; крупные силы противника наступали также и на её правый фланг. Введением в бой последних сил — личного состава хлебопекарной роты — с большим трудом удалось избежать катастрофы на правом фланге. В полосе действий 47-го танкового корпуса русские наступали из района Трубчевск на запад и на северо-запад силами 108-й танковой бригады, а начиная с 1 сентября также силами 110-й танковой бригады, сильно потеснив стойко державшиеся части 17-й танковой дивизии, 29-я мотодивизия перешла через мост у Новгород-Северского, а затем продвинулась на север для обеспечения северного фланга плацдарма, созданного 24-м танковым корпусом, а также для содействия продвижению 17-й танковой дивизии, 18-я танковая дивизия сменила 4-ю танковую дивизию на юго-восточном участке в районе между впадением р. Судость в Десну и Почепом.

Учитывая наступление противника против моих обоих флангов и его активные действия перед фронтом, особенно против 10-й мотодивизии, мне показалась сомнительной возможность продолжать наступление имеющимися в наличии силами. Поэтому я снова обратился к командованию группы армий «Центр» с просьбой предоставить в моё распоряжение 46-й танковый корпус. В моё распоряжение 30 августа был направлен только пехотный полк «Великая Германия», 1 сентября — 1-я кавалерийская дивизия и 2 сентября — дивизия СС «Рейх» из района Смоленска. Прорыв глубиной до 10 км, осуществлённый русскими на участке 23-й пехотной дивизии южнее Ельни, вызвал необходимость использования 10-й танковой дивизии для нанесения здесь фронтальной контратаки. Пехотный полк «Великая Германия» был направлен в район Новгород-Северский, дивизия СС «Рейх» была выдвинута на правый фланг 24-го танкового корпуса. 2 сентября полк «Великая Германия» прибыл в район плацдарма у Новгород-Северского; дивизия СС «Рейх» прибыла на правый фланг 24-го танкового корпуса 3 сентября.

То обстоятельство, что необходимые силы предоставлялись мне только по каплям, заставило меня 1 сентября отправить командованию группы армий радиogramму, в которой я просил предоставить в моё распоряжение весь 46-й танковый корпус и, кроме того, перебросить мне 7-ю и 11-ю танковые дивизии и 14-ю мотодивизию, которые, как мне было известно, в тот период не принимали участия в боях. Я выразил мнение, что только при наличии таких крупных сил можно будет быстро завершить операцию по овладению Киевом. Непосредственным результатом этой радиogramмы явилось предоставление в моё распоряжение дивизии СС «Рейх». Однако содержание моей радиogramмы было подслушано контрольным постом ОКХ и стало затем известно в высших кругах. Об этом свидетельствовало поведение офицера связи ОКХ подполковника Нагеля. Содержание моей радиogramмы было доложено Гитлеру, и ОКВ провело по этому поводу ряд весьма плачевных для меня мероприятий. Обо всём этом будет указано ниже.

2 сентября в штаб танковой группы явился для переговоров командующий воздушным флотом фельдмаршал Кассельринг. Он сообщил нам, что группа армий «Юг» будто бы продвинулась вперёд и

ею захвачены некоторые плацдармы на Днепре. Что касается направления дальнейшего развития операции, то в отношении его существует ещё неясность: наступать ли на Харьков или на Киев.

В этот день были легко ранены генералы Модель и фон Тома.

3 сентября я проехал мимо тыловых подразделений 10-й мотодивизии и участвовавшей в бою хлебопекарной роты к мотоциклетным подразделениям дивизии СС «Рейх», находившимся в районе Авдеевка. Западнее этого населённого пункта находился противник, против которого наступал разведывательный батальон дивизии СС. Сначала на этом участке фронта царил беспорядок, который, однако, был быстро ликвидирован благодаря чёткому руководству со стороны генерала Гассера. Я его встретил в Авдеевке и поставил перед ним задачу быть готовым 4 сентября начать наступление на Сосницу. Прибывший недавно из Рославля 5-й пулемётный батальон я передал в его подчинение.

Днём я побывал в 10-й мотодивизии, которой в течение последних дней пришлось участвовать в тяжёлых боях и которая понесла большие потери. После переправы на южный берег Десны 4-й танковой дивизии положение 10-й мотодивизии несколько улучшилось. Особую активность русские развили против частей, готовящихся к переправе через Десну. Против 10-й мотодивизии действовали 10-я танковая бригада русских и 293, 24, 143 и 42-я пехотные дивизии, имевшие большой численный перевес. Я ознакомил командира дивизии генерала Лепера с обстановкой и с задачей соседней дивизии СС «Рейх», поставив перед ним задачу обеспечить на следующий день своим правым флангом действия дивизии СС. Затем я направился в район плацдарма на южном берегу Десны, удерживаемого 2-м батальоном 20-го пехотного полка, личный состав которого произвёл на меня хорошее впечатление. Наконец, я побывал также в 1-м батальоне того же полка, который несколько дней тому назад потерпел неудачу, но успел быстро исправить свою ошибку. Этот батальон также произвёл на меня отличное впечатление, и я выразил свою уверенность в том, что он в будущем также отлично будет выполнять возложенные на него задачи.

Из своего штаба я по радио получил сообщение о том, что 1-я кавалерийская дивизия снова передана в моё подчинение и подходит к правому флангу дивизии СС «Рейх». Затем я снова отправился к

командиру дивизии СС, приказав ему обеспечить своими подразделениями организацию снабжения 10-й мотодивизии, после чего возвратился на свой командный пункт. Там я узнал, что Борзна и Конотоп, расположенные на направлении нашего удара, остаются ближайшей целью наступления. Штаб и половина соединений 46-го танкового корпуса снова передавались в подчинение танковой группы. Оба корпуса донесли, что каждый из них захватил по 2500 пленных; соединение генерала инженерных войск Бахера, созданное для охраны тыла, захватило 1200 пленных. 24-й танковый корпус настойчиво обращал внимание на всё возрастающую угрозу нашему южному флангу, который становился всё длиннее, и на всё увеличивающееся ослабление острия нашего клина. Нашими войсками был захвачен город Кролевец.

В этот день офицер связи главного командования сухопутных войск подполковник Нагель принимал участие в совещании, состоявшемся в штабе группы армий в Борисове, на котором присутствовал командующий сухопутными войсками. Нагель доложил мою оценку создавшейся обстановки; за это он был назван «громкоговорителем и пропагандистом» и немедленно смещён с занимаемой должности. Я очень сожалел, что этот способный офицер, к тому же отлично знавший русский язык, был наказан за то, что, выполняя свой служебный долг, точно доложил командованию взгляды, которые господствовали на фронте.

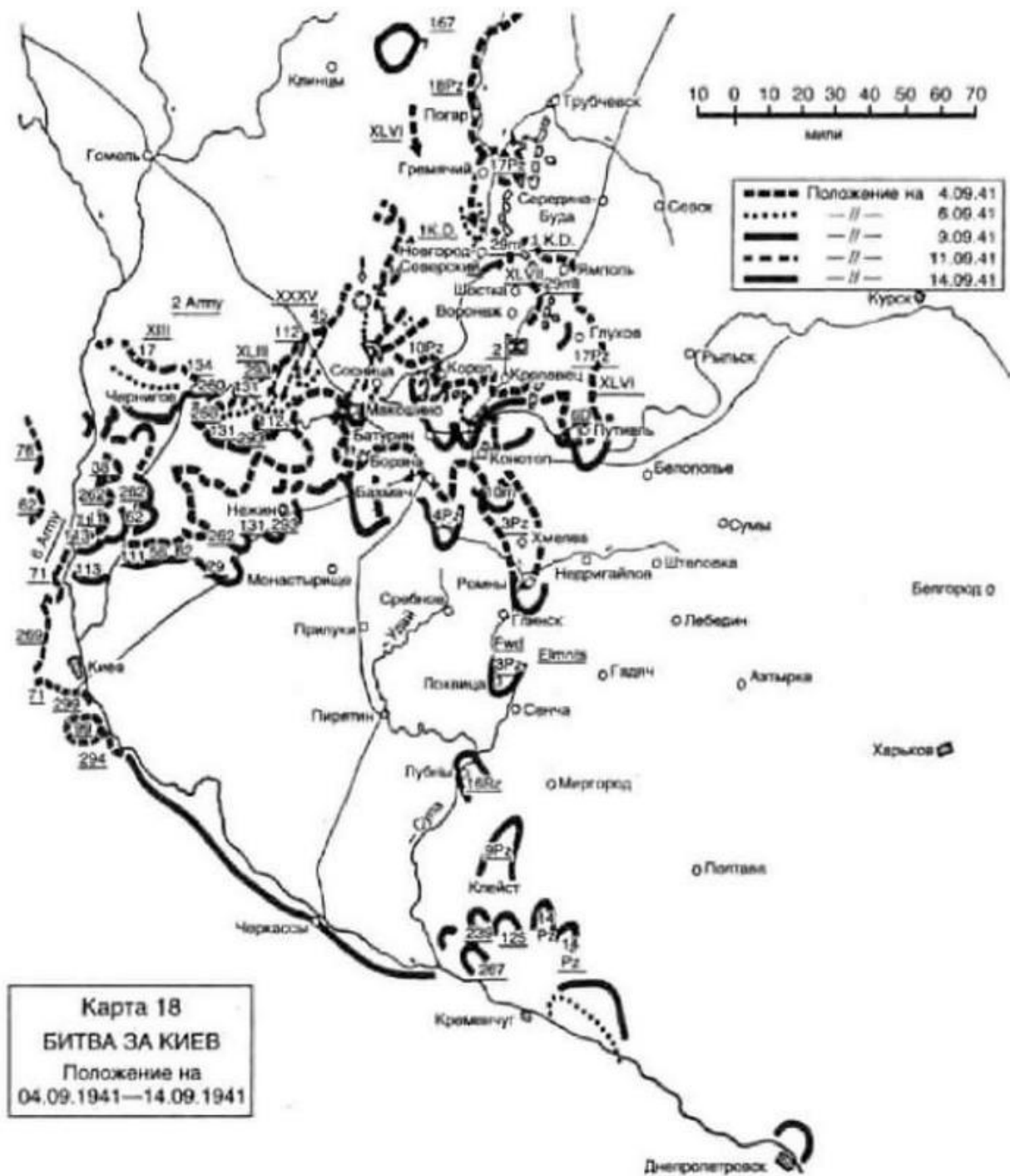
Этим беда ещё не кончилась. Вечером полил сильный дождь, который вскоре сделал дороги непроходимыми; две трети частей дивизии СС «Рейх», находившейся на марше, застряли в пути.

4 сентября я провёл на фронте 4-й танковой дивизии, где встретил генерала фон Гейера. На 75 км обратного пути я затратил 4,5 часа, настолько испортились дороги из-за кратковременного дождя, 4-я танковая дивизия намеревалась наступать в направлении на Короп, Краснополье. Противник, действовавший против этой дивизии, до сих пор оборонялся очень упорно, в том числе и против наших танков. Однако в результате действий пикирующих бомбардировщиков сопротивление противника было в основном сломлено. Генерал фон Гейер, изучив трофейные документы, установил, что наибольший успех может быть достигнут, если продолжать наступление в направлении на

Сосницу, так как здесь находился стык между 13-й и 21-й армиями русских.

Вполне возможно, что на этом участке фронта у русских вообще имелась брешь, 3-я танковая дивизия сообщала о своём успешном продвижении. Я отправился в эту дивизию и встретил её подразделения, которые продвигались через Мутино и Спасское к р. Сейм. У генерала Моделя также сложилось впечатление, что перед ним находится очень слабая оборона противника или даже какая-то брешь в его обороне. Я приказал Моделю после перехода р. Сейм наступать в направлении на железнодорожную линию Конотоп, Белополье и перерезать её. На обратном пути я передал по радио своему штабу о действиях на следующий день. Я предчувствовал, что Гитлер может вмешаться в боевые операции танковой группы.

Телефонограмма, полученная из штаба группы армий, сообщала, что верховное командование вооружённых сил недовольно действиями танковой группы, особенно действиями 47-го танкового корпуса на восточном берегу Десны. От меня потребовали, чтобы я представил свою оценку обстановки и планы на будущее. Ночью прибыл приказ главного командования сухопутных войск прекратить наступление 47-го танкового корпуса и перевести корпус на западный берег реки. Приказ был передан мне в очень резкой форме, что сильно задело меня. На 47-й танковый корпус приказ этот подействовал ошеломляюще. Штабы корпуса и дивизии были уверены в успехе предстоящей операции. Отвод корпуса и ввод его снова в бой на противоположном берегу Десны требовали больше времени, чем осуществление ранее намеченного наступления.

5 сентября 1-я кавалерийская дивизия была переведена в Погар и передана в состав 4-й армии. Мы предпочитали держать её в качестве подвижного резерва на нашем левом фланге, чтобы обеспечить фланг 47-го танкового корпуса. Теперь же её манёвренные возможности не использовались в связи с тем, что дивизия получила постоянную задачу по обеспечению фланга на участке р. Судость. В этот день дивизия СС

«Рейх» овладела Сосницей. 4-й армии было приказано оставить ельнинскую дугу, так как она понесла там большие потери, которых я хотел избежать в августе путём своевременного отхода.

6 сентября я снова посетил дивизию СС «Рейх». В этот день дивизия наступала на железнодорожный мост через Десну у Макошино. Я распорядился оказать дивизии необходимую авиационную поддержку. Из-за плохого состояния дорог дивизия не была ещё полностью собрана. По пути я встретил некоторые подразделения дивизии, которые находились на марше, другие подразделения отдыхали в лесу. Личный состав дивизии производил отличное впечатление своей дисциплинированностью и высказывал свою радость тем, что дивизия снова будет действовать в составе танковой группы. Во второй половине дня мост был захвачен, и мы тем самым обеспечили себе ещё одну переправу через Десну. Мне и сопровождавшим меня автомашинам неоднократно приходилось двигаться под артиллерийским огнём противника, но никаких потерь мы не понесли. На обратном пути мне встретились подразделения 1-й кавалерийской дивизии, следовавшие в пешем строю ввиду плохого состояния дорог, и подразделения дивизии СС. Прибыв на командный пункт дивизии, я приказал расширить плацдарм на р. Десне для подготовки наступления вдоль западного берега р. Сейм, оказав содействие наступавшему на этом участке фронта 24-му танковому корпусу.

7 сентября 3-й и 4-й танковым дивизиям удалось захватить плацдармы на южном берегу р. Сейм. В этот день штаб группы армий отдал приказ продвинуться до линии Нежин, Монастырище и нанести главный удар в направлении на Нежин. Утром 8 сентября в 5 час. 25 мин. этот приказ был отменён, и я получил следующее указание: «Новое направление — Борзна, Ромны, основной удар — правым флангом». В этот день главнокомандующий сухопутными войсками беседовал со мной в штабе 2-й армии в Гомеле о новой операции, планируемой в направлении на Москву, которая намечалась на начало октября. Кроме того, фельдмаршал фон Браухич снова беседовал со мной о действиях 47-го танкового корпуса в направлении Трубчевска, выразил недовольство по поводу моей радиোগраммы от 1 сентября, в которой содержалась просьба о подброске подкреплений, о чём он мог

слышать в верховном командовании вооружённых сил; он высказал своё мнение, что танковая группа расширила свои боевые действия без всякой необходимости. Я оправдывался тем, что не мог оставить без внимания крупные силы противника на своём левом фланге и считал, что эти силы должны быть уничтожены.

2-я армия захватила в этот день Чернигов. Ей было приказано нанести главный удар в направлении на Нежин, Борзна.

В этот день от нас уехал подполковник Нагель, его должность занял майор Кальден. Свои задачи он выполнял с таким же тактом и пониманием дела, как это делали до него Нагель и Белов.

4-я танковая группа и 18-я армия, входящие в состав группы армий «Север», заняли исходные положения для перехода в наступление на внешнее оборонительное кольцо Ленинграда. Начало наступления было назначено на 9 сентября.

9 сентября 24-й танковый корпус переправился через р. Сейм. В этот день я находился вместе с 4-й танковой дивизией и наблюдал за действиями подразделений 33-го и 12-го мотострелковых полков, наступавших на Городище. Пикирующие бомбардировщики оказывали эффективную поддержку передовым подразделениям, мотострелковых полков и 35-го танкового полка. Малочисленный состав всех частей и соединений настоятельно показывал, что войска после напряжённых и кровопролитных боёв, длившихся беспрерывно 2,5 месяца, нуждаются в отдыхе и доукомплектовании. К сожалению, об этом и речи не могло быть. К концу дня командир 24-го танкового корпуса генерал фон Гейер донёс мне, что дивизия СС также перешла в наступление и что 3-я танковая дивизия намерена наступать в направлении на Конотоп. По показаниям пленных, между 13-й и 21-й армиями русских расположилась 40-я армия. Положение с боеприпасами было ещё сносное, положение с горючим — напряжённое.

Вечером на самолёте я возвратился на свой командный пункт в Кролевец. В это время из штаба группы армий сообщили, что 1-я кавалерийская дивизия не будет оставлена в районе р. Судость, а будет переброшена далее на север...

18-я танковая дивизия, следовательно, не могла двигаться следом за танковой группой; для развития успеха на р. Сейм потребовались бы свежие силы. Вечером было получено радостное сообщение о том, что 24-й танковый корпус действительно обнаружил на участке Батурин,

Конотоп слабое место в обороне противника и что передовой отряд 3-й танковой дивизии двигается на город Ромны, являвшийся целью нашего наступления. Этим самым дивизия вышла в тыл противника. Следовало бы быстро развить успех дивизии, но при недостатке сил, плохом состоянии дорог, а самое главное, при растянутости нашего юго-восточного фланга, которая достигла уже 240 км, задача эта была нелёгкой. Ввиду отсутствия резервов мне ничего другого не оставалось сделать, как отправиться самому в район действий 3-й танковой дивизии и решить на месте, как дальше действовать. Поэтому я принял решение 10 сентября снова отправиться на линию фронта.

Когда я въехал в Ксендовку, генерал фон Гейер доложил мне, что 3-я танковая дивизия овладела городом Ромны и создала плацдарм на р. Ромен. 3-я танковая дивизия подошла к городу Ромны, обойдя Конотоп. 4-я танковая дивизия продвигалась на Бахмач, дивизия СС «Рейх» — на Борзну. По показаниям пленных, действовавшие на Украине русские соединения были ещё в состоянии обороняться, но их наступательный порыв был сломлен. Генералу фон Гейеру я приказал возможно быстрее овладеть важной железнодорожной станцией Конотоп, через которую будут доставляться снабжение и пополнения, 4-ю танковую дивизию продвинуть из Бахмача на юг, а дивизию СС «Рейх» — из Борзна на Кустовцы. На дивизию СС была возложена задача держать связь со 2-й армией. Затем я продолжил свою поездку в 3-ю танковую дивизию.

При переезде моста через р. Сейм нас бомбила русская авиация, дорога обстреливалась артиллерией противника. Из-за дождя дорога всё время ухудшалась, вдоль неё стояло много застрявших автомашин. Колонны сильно растянулись. Тракторы артиллерийских подразделений должны были тащить за собой грузовики.

В Хмелёве, где располагался штаб 3-й танковой дивизии, я распорядился подготовить мне на ночь квартиру, так как о возвращении в тот же день не могло быть и речи. Затем я поехал в Ромны. Севернее города р. Ромен представляла собой хороший естественный рубеж, который к тому же был усилен проволочными заграждениями и противотанковым рвом. О том, что русские не в состоянии были удерживать этот сильный рубеж, свидетельствовало то обстоятельство, что появление 3-й танковой дивизии явилось для них полной неожиданностью и что прорыв был осуществлён одним только этим

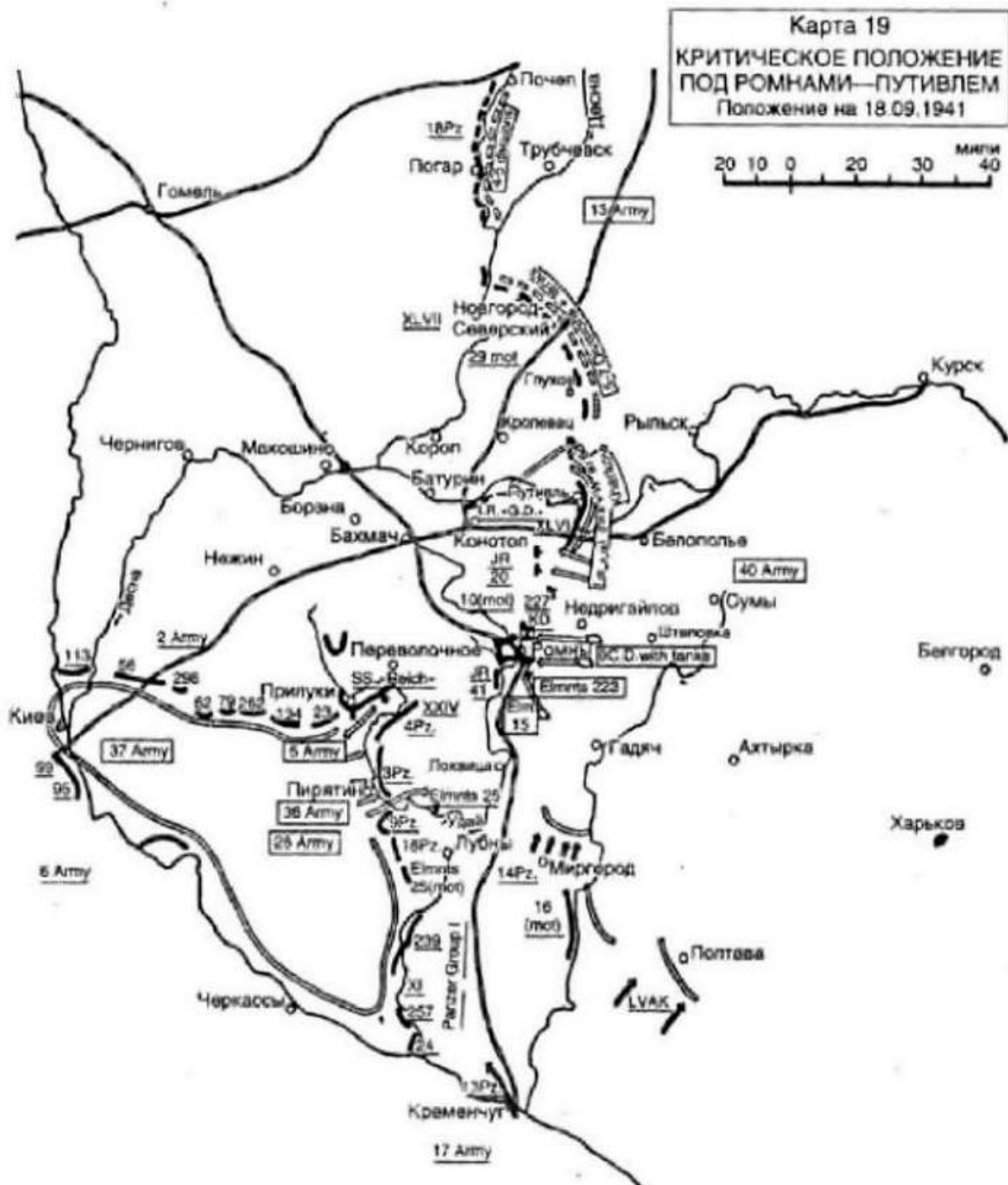
ударом. Около города Ромны я встретил генерала Моделя, доложившего мне отдельные подробности обстановки. Город находился в его руках, однако отдельные группы противника ещё блуждали в городских садах и проезд был возможен только в бронированной машине.

В 17 час. должны были приступить к очистке города от остатков противника. В северной части города я натолкнулся на группу старших офицеров, получавших приказ от полковника Клеемана. Группа понесла тяжёлые потери при налёте авиации противника, против которой нельзя было организовать необходимое прикрытие, так как русская авиация действовала с аэродромов, расположенных в зоне хорошей погоды, а наши аэродромы находились в зоне неблагоприятной погоды, и в этот дождливый день наши самолёты не имели возможности подняться в воздух. Мы также были обстреляны пулёмётным огнём с трёх русских самолётов, сбросивших свои бомбы в другом месте.

Из города Ромны я по радио передал своему штабу распоряжение на следующий день, приказав прибывшему 46-му танковому корпусу и подчинённым ему 17-й танковой дивизии и пехотному полку «Великая Германия» наступать в направлении Путивль, Шиловка (17 км южнее Путивля). Для Моделя я запросил сильное прикрытие истребителями.

В этот день был захвачен Бахмач. Полк «Великая Германия» достиг Путивля. Штаб группы армий приказал нам подготовиться к наступлению на рубеж р. Удай, в районе города Прилуки.

Группа армий «Юг» готовилась к форсированию Днепра у Кременчуга, откуда она должна повернуть на север для соединения с нами у города Ромны.

Всю ночь лил проливной дождь, поэтому обратный путь 11 сентября был чрезвычайно трудным. Сначала из строя вышли мотоциклы. Затем застрял мой отличный вездеход. Застрявшие машины были вытащены моим командирским танком и трактором, предоставленным нам артиллерийским подразделением. Двигаясь по

грязной дороге со скоростью 10 км/час, я достиг пункта Гиревка, где находился штаб полка, которым командовал подполковник Аудерш. Телефонная связь была нарушена, и мне никак не удавалось получить необходимые сведения об обстановке. Наконец, из мотоциклетного подразделения 3-й танковой дивизии донесли, что Конотоп находится в наших руках. В 6 км севернее Гиревки я натолкнулся на разведывательный батальон 10-й мотодивизии. В 14 час. я встретил в Конотопе генерала фон Лепера, ознакомил его с положением в районе Ромны и в 15 час. 30 мин. прибыл в 24-й танковый корпус. Там мне донесли о том, что дивизия СС «Рейх» заняла Борзну. Корпусу была поставлена задача продвигаться в направлении на Ромны. Перед 46-м танковым корпусом стояла задача продвигаться через Путивль на юг.

В 18 час. 30 мин. я возвратился на свой командный пункт. 10 сентября за 10 час. я проехал 165 км, а 11 сентября за 10,5 час. — 130 км. Плохое состояние дорог не давало возможности передвигаться с большей скоростью. Эти длительные поездки дали мне полное представление о тех трудностях, с которыми нам придётся в дальнейшем встречаться. Только тот, кто сам проезжал по этим топким и грязным дорогам до передовых позиций, мог представить себе то напряжение, которое испытывали войска и материальная часть, мог действительно правильно оценить обстановку на фронте и сделать необходимые выводы. В результате того, что высшее военное командование не собирало никаких материалов относительно полученного опыта и в первое время совершенно не верило нашим докладам, нам пришлось испытать много трудностей и нести невиданные жертвы, которых в большинстве случаев можно было бы избежать.

Штаб группы армий сообщил нам вечером, что ввиду плохого состояния дорог 1-я танковая группа генерал-полковника Клейста не достигла в этот день поставленной перед ней цели. Кто знал состояние дорог, о котором изложено выше, тот нисколько не удивился такому приказанию. Нам было приказано продолжать наступление в южном направлении.

17-я танковая дивизия 10 сентября вышла на рубеж Воронеж (15 км южнее Шостка), Глухов и 11 сентября заняла город Глухов.

12 сентября 1-я танковая группа начала продвигаться через Семеновку на Лубны; 3-я танковая дивизия вела наступление на Лохвицу, захватив севернее этого пункта мост через р. Суда. 2-я армия из-за плохого состояния дорог медленно продвигалась к Нежину.

В группе армий «Север» существовала уверенность в том, что в ближайшее время будет прорван фронт обороны Ленинграда.

13 сентября группа армий «Центр» отклонила наше предложение о замене пехотными частями 18-й танковой дивизии, всё ещё обеспечивавшей на юго-востоке наш отставший и слишком растянутый левый фланг, мотивируя свой отказ тем, что дивизия всё равно не успеет подойти вовремя, чтобы обеспечить достижение решающего успеха. Были также оставлены без внимания наши указания на неясную обстановку на нашем правом фланге, на возможную угрозу на этом участке и вытекающую отсюда необходимость в создании хотя бы небольшого резерва.

1-я танковая группа заняла Лубны. 14 сентября командный пункт моей танковой группы переместился в Конотоп. Погода продолжала стоять плохая. Авиационная разведка совершенно не действовала. Наземные разведывательные подразделения застряли в грязи. Соединения 46-го и 47-го танковых корпусов, выделенные для обеспечения наших флангов, оставались почти неподвижными. Необеспеченность нашего растянутого левого фланга увеличивалась с каждым днём. С целью во что бы то ни стало обеспечить установление связи с танковой группой Клейста я решил, невзирая на все трудности, поехать в 24-й танковый корпус. Дорога шла через Кролевец, Батурин, Конотоп, Ромны на Лохвицу.

Генерал фон Гейер, которого я встретил в Миченки (6 км юго-восточнее Батурина), доложил мне, что противник накапливается в районе Лохвица и поэтому необходимо закрыть брешь между нами и Клейстом. В соответствии с этим он приказал своим дивизиям продвинуться до рубежа р. Сула. У Сенча, в 11 км южнее Лохвица, были отмечены крупные сосредоточения русских. Я продолжил свою поездку и въехал в город Ромны, по улицам которого мирно гуляли празднично одетые толпы местных жителей. После Почепа и Конотопа Ромны был наиболее благоустроенным русским городом, в котором мне до сих пор приходилось бывать. С наступлением темноты я уже был в Лохвице у Моделя. К этому времени ему удалось подтянуть сюда

только один полк из своей дивизии; остальные части дивизии ввиду плохого состояния дорог находились ещё далеко. Модель доложил мне, что крупные сосредоточения русских состоят преимущественно из тыловых частей. Только отдельные подразделения имели достаточное боевое снаряжение. Имеющиеся у русских танки, видимо, были собраны в тыловых мастерских и имели задачу прикрывать отступление. В огромном котле в районе Киева, очевидно, оставались части пяти русских армий — 21, 5, 37, 26 и 38-й.

Атаки противника на нашем юго-восточном фланге южнее Путивля и у Ямполья были отбиты.

Ночь я провёл вместе с Бюсингом и Кальденом в здании школы в Лохвице; по радио я дал указание Либенштейну ускорить переброску 10-й мотодивизии в Ромны с тем, чтобы освободить находившиеся там части 5-й танковой дивизии, которые должны быть переброшены в Лохвицу.

Школа находилась в прочном здании и была хорошо оборудована, как и все школы в Советской России, находившиеся почти повсюду в хорошем состоянии. Для школ, больниц, детских домов и спортивных площадок в России было сделано много. Эти учреждения содержались в чистоте и полном порядке.

Рано утром 15 сентября я посетил передовой отряд 3-й танковой дивизии, которым командовал майор Франк; этот отряд накануне отбросил русских в районе Лохвица на запад и в течение ночи захватил пехоту противника, следовавшую на 15 автомашинах. С наблюдательного пункта майора Франка, расположенного у Лубны, местность очень хорошо просматривалась и можно было наблюдать за движением транспортных колонн русских с запада на восток. Однако это движение вскоре нами было приостановлено. Во 2-м батальоне 3-го мотострелкового полка я встретил Моделя, который доложил мне свой план дальнейших действий. В заключение я посетил ряд подразделений 3-й танковой дивизии и беседовал с командиром 6-го танкового полка подполковником Мюнцелем. В этот день Мюнцель имел в своём распоряжении только один танк Т-IV, три танка Т-III и шесть танков Т-II; таким образом, полк имел всего десять танков. Эта цифра даёт наиболее наглядное представление о том, насколько войска нуждались в отдыхе и приведении в порядок. Эти цифры свидетельствуют также о

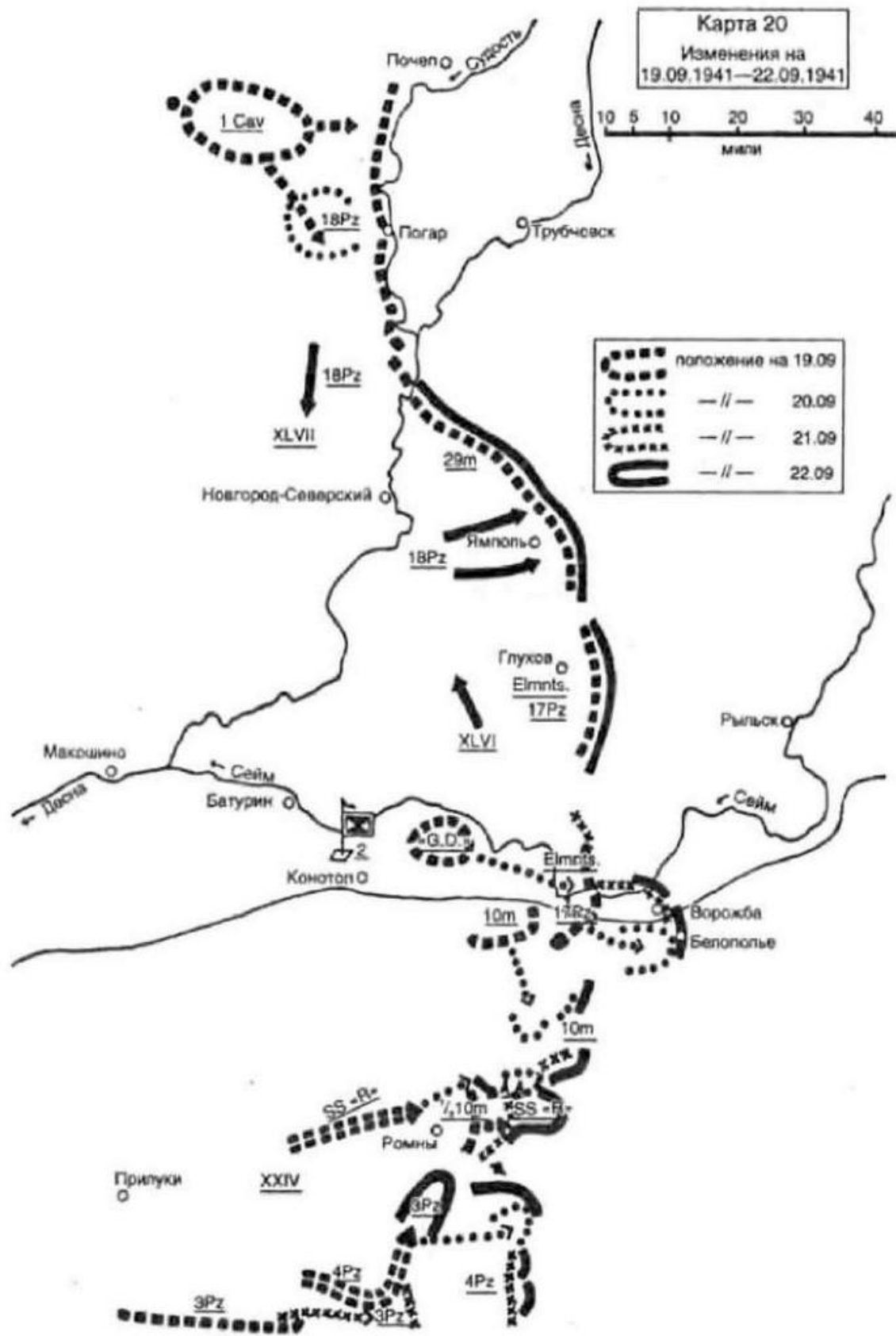
том, что наши храбрые солдаты делали всё, что было в их силах, для того, чтобы выполнить поставленную перед ними задачу.

По радио я дал указание Либенштейну распорядиться, чтобы 24-й танковый корпус выдвинул дивизию СС «Рейх» в южном направлении до рубежа р. Удай между населёнными пунктами Кустовцы и Переволочное, а 4-ю танковую дивизию — на рубеж Сребное, Берёзовка; 10-ю мотодивизию выдвинуть в направлении на Глинск юго-западнее Ромны. Затем я на самолёте «Шторх» вылетел обратно в штаб своей танковой группы. 17-я танковая дивизия выступила в этот день на Путивль. Вечером я встретился в Конотопе с Либенштейном, который к тому времени успел слетать в штаб группы армий для получения указаний относительно подготовки к выполнению новой задачи — наступления на Москву. Новая операция имела целью «уничтожить последние боеспособные силы группы Тимошенко».

Три четверти всей германской армии были предназначены для выполнения этой задачи. Повторная просьба Либенштейна освободить нашу 18-ю танковую дивизию была отклонена фельдмаршалом фон Боком, мотивировавшим это тем, что на его вопрос, что является более важным — боевые действия на юге или подготовка к новому наступлению, генерал-полковник Гальдер ответил: «Последнее является более важным».

16 сентября мы перевели наш передовой командный пункт в Ромны. Окружение русских войск успешно продолжалось. Мы соединились с танковой группой Клейста. Дивизия СС «Рейх» заняла Прилуки. 2-я армия была отозвана с нашего фронта для выполнения новой задачи.

В городе Ромны до Полтавской битвы в декабре 1708 г. в течение нескольких дней находился штаб шведского короля Карла XII.

17 сентября я посетил 4-ю танковую дивизию, расположенную в Сребное. Так как между этой дивизией и расположенной правее дивизией СС «Рейх» не было ещё установлено прочной связи, я решил поехать в дивизию «Рейх». Дорога шла через ничейную территорию. В лесу, по обеим сторонам дороги, видны были ещё свежие следы русских лагерей. У Переволочного я заметил стволы двух орудий, направленных прямо на нас; пришлось пережить несколько очень неприятных минут до того, как нам удалось установить, что расчёты этих орудий сбежали, а запряжки оставлены около ближайшего стога сена. В центре населённого пункта Переволочное я наблюдал, как мотоциклетное подразделение дивизии СС вело бой за переправу через р. Удай. Отсюда я направился в Кустовцы, тоже расположенное на этой реке, где бой вели другие подразделения дивизии СС. Полковник Битрих доложил мне о ходе боевых действий. Затем я возвратился обратно и, проехав около 100 км по ничейной территории, вернулся через Иваница, Ярошевка в Ромны. Дорога была исключительно плохой, и лишь к утру я прибыл на свой командный пункт.

17 сентября мы договорились с танковой группой Клейста о смене 3-й танковой дивизии 25-й мотодивизией с тем, чтобы эта танковая дивизия смогла, наконец, привести в порядок свою материальную часть.

В этот день русские пытались наступать на наш восточный фланг, 10-й мотодивизии и полку «Великая Германия» пришлось выдержать ожесточённые бои в районе Конотопа. Противник усилил свою активность в районе нашего плацдарма на р. Десна. Железнодорожные линии русских, идущие с востока на Киев, во многих местах разрушались нашей бомбардировочной авиацией; однако русские показали своё умение быстро их восстанавливать, и нам следовало поэтому считаться с возможностью появления свежих сил противника на нашем чрезмерно растянутом фланге.

После занятия Детского села (Пушкин), которое раньше называлось Царским селом, наступление группы армий «Север» на Ленинград приостановилось. Основная масса действовавших на этом фронте танковых дивизий была передана в распоряжение группы армий «Центр» и перебрасывалась в южном направлении (штаб 4-й танковой группы, штабы 41, 56 и 57-го корпусов, 3-я мотодивизия, 6-я и 20-я, а затем 1-я танковые дивизии).

18 сентября сложилась критическая обстановка в районе Ромны. Рано утром на восточном фланге был слышен шум боя, который в течение последующего времени всё более усиливался. Свежие силы противника — 9-я кавалерийская дивизия и ещё одна дивизия совместно с танками — наступали с востока на Ромны тремя колоннами, подойдя к городу на расстояние 800 м. С высокой башни тюрьмы, расположенной на окраине города, я имел возможность хорошо наблюдать, как противник наступал, 24-му танковому корпусу было поручено отразить наступление противника. Для выполнения этой задачи корпус имел в своём распоряжении два батальона 10-й мотодивизии и несколько зенитных батарей. Из-за превосходства авиации противника наша воздушная разведка находилась в тяжёлом состоянии. Подполковник фон Барсевиш, лично вылетевший на разведку, с трудом ускользнул от русских истребителей. Затем последовал налёт авиации противника на Ромны. В конце концов нам всё же удалось удержать в своих руках город Ромны и передовой командный пункт. Однако русские продолжали подбрасывать свои силы по дороге Харьков — Сумы и выгружать их у Сумы и Журавка. Для отражения этих сил противника 24-й танковый корпус перебросил сюда из района котла некоторые части дивизии СС «Рейх» и 4-й танковой дивизии, проследовавших сюда через Конотоп и Путивль.

Угрожаемое положение города Ромны вынудило меня 19 сентября перевести свой командный пункт обратно в Конотоп. Генерал фон Гейер облегчил нам принятие этого решения своей радиограммой, в которой он писал: «Перевод командного пункта из Ромны не будет истолкован войсками как проявление трусости со стороны командования танковой группы». Кроме того, в Конотопе мы находились в более благоприятном положении для предстоящего наступления в направлении на Орёл, Брянск.

24-й танковый корпус хотел несколько отсрочить наступление на вновь появившегося противника с тем, чтобы иметь возможность обрушиться на него своими сконцентрированными силами. К сожалению, я не мог пойти на то, чтобы удовлетворить это вполне понятное пожелание, так как в таком случае дивизия СС «Рейх» смогла бы участвовать в этой операции только в течение нескольких дней; она должна была быть в составе 46-го танкового корпуса вместе с полком «Великая Германия» передана в 4-ю танковую группу в районе

Рославля. Кроме того, выгрузка новых сил противника в Середина Буда и переброска войск противника через Сумы на север заставляли действовать поспешно.

В этот день был взят Киев. 48-й танковый корпус 1-й танковой группы занял Городище и Белоусовку. 20 сентября мы добились незначительного успеха на нашем восточном фланге, 3-я танковая дивизия, против которой находился штаб 5-й армии русских, продолжала вести бои в районе котла; южнее действовала 25-я мотодивизия, на участке которой отдельным частям противника удалось прорваться через кольца окружения.

С 13 сентября нами было захвачено 30 000 пленных. 20 сентября я посетил 46-й танковый корпус. Генерал Фитингоф доложил мне о трудностях, имевших место в течение последних дней при ведении боевых действий южнее Глухова. Особенно отважно воевали на стороне русских курсанты Харьковского военного училища под командованием своих преподавателей. Необходимость преодоления минных полей и плохая погода затягивали ход боевых действий. У Путивля, Шиловки и Белополья ещё шли ожесточённые бои. Я посетил полк «Великая Германия», отважно действовавший восточнее Шиловки под командованием своего нового командира полковника Хернлейна. В этот день был занят город Белополье.

21 сентября усилилось давление противника на Глухов. Севернее этого города было отмечено сосредоточение русских войск. Мы начали наступление на Недригайлов.

С того времени, как были начаты бои за Киев, 1-я танковая группа захватила 43 000 пленных, 6-я армия — 63 000.

22 сентября я снова отправился на фронт и через Путивль поехал в направлении Рыльска для того, чтобы проверить организацию охранения на этом угрожаемом участке фронта.

В Вязенке я встретился в штабе 17-й танковой дивизии с генералом фон Арнимом, который выздоровел после своего ранения под Столбцами и сменил несколько дней тому назад генерала барона фон Тома. Противник наступал на Глухов и Чолопково с востока и северо-востока, частично окружив наши войска, оборонявшиеся в этих пунктах. Перед фронтом 17-й танковой дивизии были отмечены две

новые русские дивизии. При возвращении на командный пункт 46-го танкового корпуса мы попали под сильный огневой налёт артиллерии противника, который, к счастью, обошёлся без каких-либо потерь. Затем я сердечно простился с генералом Фитингофом, который вместе со своим корпусом отправился в распоряжение 4-й танковой армии, 17-ю танковую дивизию я подчинил непосредственно штабу танковой группы, а полк «Великая Германия» передал в подчинение 17-й танковой дивизии, которой поставил задачу уничтожить противника в районе Глухова. Дивизия эту задачу выполнила.

линии Брянск-Льгов свидетельствовали о подходе новых резервов противника.

24 сентября я вылетел в Смоленск в штаб группы армий «Центр» на заключительное совещание по вопросу о проведении нового наступления. На совещании присутствовали также главнокомандующий сухопутными войсками и начальник генерального штаба. Было решено, что группа армий начнёт наступление 2 октября, а 2-я танковая группа, которая будет действовать на правом фланге, перейдёт в наступление раньше — 30 сентября. Эта разница во времени начала наступления была установлена по моей просьбе, ибо 2-я танковая группа не имела в районе своего предстоящего наступления ни одной дороги с твёрдым покрытием. Мне хотелось воспользоваться оставшимся коротким периодом хорошей погоды для того, чтобы до наступления дождливого времени по крайней мере достигнуть хорошей дороги у Орла и закрепить за собой дорогу Орёл-Брянск, обеспечив тем самым себе надёжный путь для снабжения. Кроме того, я полагал, что только в том случае, если я начну наступление на два дня раньше остальных армий, входящих в состав группы армий «Центр», мне будет обеспечена сильная авиационная поддержка.

Последующие дни мы использовали для завершения боевых действий в районе киевского котла, сосредоточения наших корпусов с целью перехода в новое наступление, а также для предоставления личному составу отдыха и приведения в порядок материальной части после напряжённых маршей и боёв в течение последних месяцев. Своим храбрым войскам мы могли предоставить для отдыха только три дня, причём и этим коротким отдыхом могли воспользоваться не все соединения танковой группы.

В течение нескольких дней противник предпринимал ожесточённые атаки, очевидно, свежими силами, восточнее Глухова и против нашего плацдарма у Новгород-Северского. Атаки русских, предпринятые 25 сентября на Белополье, Глухов и Ямполь, были отбиты. Наши войска захватили большое число пленных.

В этот день штаб группы армий «Север» сообщил в главное командование сухопутных войск, что с оставшимися в его распоряжении силами он не в состоянии продолжать наступление на Ленинград.

К 26 сентября закончились нашей победой бои в районе киевского котла. Командующий 5-й армией попал к нам в плен. Я беседовал с ним и задал ему несколько вопросов:

1. Когда они заметили у себя в тылу приближение моих танков?

Ответ: Приблизительно 8 сентября.

2. Почему они после этого не оставили Киев?

Ответ: Мы получили приказ фронта оставить Киев и отойти на восток и уже были готовы к отходу, но затем последовал другой приказ, отменивший предыдущий и требовавший оборонять Киев до конца.

Выполнение этого контрприказа и привело к уничтожению всей киевской группы русских войск.

В то время мы были чрезвычайно удивлены такими действиями русского командования. Противник больше не повторял таких ошибок. Мы же, к сожалению, вынуждены были сами пережить печальный опыт такого же вмешательства в ход боевых действий.

Бои за Киев, несомненно, означали собой крупный тактический успех. Однако вопрос о том, имел ли этот тактический успех также и крупное стратегическое значение, остаётся под сомнением. Теперь всё зависело от того, удастся ли немцам добиться решающих результатов ещё до наступления зимы, пожалуй, даже до наступления периода осенней распутицы. Правда, планируемое наступление с целью зажать Ленинград в более тесное кольцо было уже приостановлено. Главное командование сухопутных войск ожидало, что на юге противник уже не в состоянии будет организовать сильную и стойкую оборону против войск группы армий «Юг»; оно хотело, чтобы группа армий «Юг» ещё до наступления зимы овладела Донбассом и вышла на рубеж р. Дон.

Однако главный удар должна была нанести усиленная группа армий «Центр» в направлении на Москву. Осталось ли для этого необходимое время?

Для проведения наступления на район Орёл, Брянск, явившийся необходимым трамплином для наступления на Москву, состав 2-й танковой группы был изменён следующим образом.

46-й танковый корпус вместе с дивизией СС «Рейх» и полком «Великая Германия» был передан в подчинение 4-й танковой группы, действовавшей на рославльском направлении. 1-я кавалерийская дивизия снова перешла в подчинение 2-й танковой группы. Кроме того, в подчинение 2-й танковой группы передавались: 48-й танковый корпус под командованием генерала танковых войск Кемпфа в составе 9-й танковой дивизии, 16-й и 25-й мотодивизий; 34-й корпус под командованием генерала Метца в составе 45-й и 134-й пехотных дивизий; 35-й корпус под командованием генерала Кемпфе в составе 293, 262, 296 и 95-й пехотных дивизий.

Я решил нанести главный удар через Глухов на Орёл силами 24-го танкового корпуса. Правее 24-го танкового корпуса должен был наступать через Путивль 48-й танковый корпус; левее 24-го танкового корпуса наступал из района Шостка 47-й танковый корпус.

Обеспечение правого фланга было возложено на 34-й корпус, левого фланга — на 35-й корпус и 1-ю кавалерийскую дивизию, которые должны были двигаться уступами за танковыми корпусами.

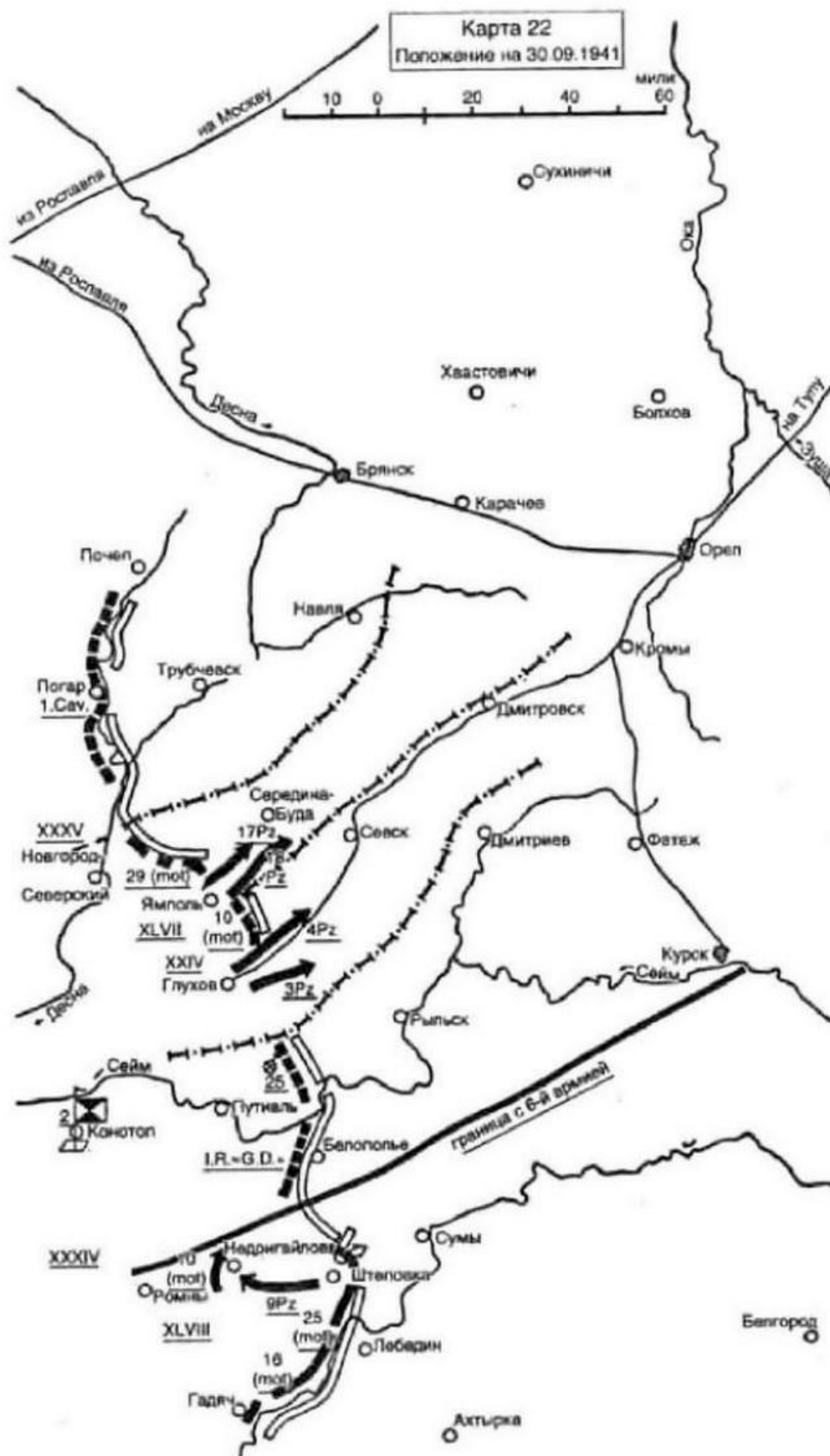
48-му танковому корпусу была поставлена задача — пройти с боями через Недригайлов и Сумы и, уничтожив действовавшего там противника, сосредоточиться в Путивле для подготовки к наступлению. Этим я хотел с самого начала обеспечить свой правый фланг. Однако, выдвинув эту смелую идею, я недооценил силу сопротивления русских войск, действовавших за Киевом, 48-й танковый корпус не смог, как об этом будет сказано дальше, отбросить противника; он был вынужден выйти из боя и направиться к району своего сосредоточения, двигаясь за линией фронта, занимаемой полком «Великая Германия». 25-я мотодивизия с большим трудом вышла из боя, потеряв некоторое количество своих автомашин. Было бы лучше, если бы я послушался совета Либенштейна и с самого начала продвинул 48-й танковый корпус за линию фронта. Конечно, для этого требовалось, чтобы пехота 34-го корпуса прибыла несколько раньше. Однако считаться с этим пришлось лишь через 5 дней.

Для доукомплектования наших танковых дивизий нам было в конце концов обещано 100 новых танков. К сожалению, 50 из них были по ошибке отправлены в Оршу и прибыли к нам слишком поздно. Горючее также не было доставлено в требуемом количестве.

Наиболее крупные силы для осуществления всей предстоящей операции были сосредоточены в районе Рославля. К началу наступления за линией фронта сосредоточились: 1-я танковая дивизия, дивизия СС «Рейх», 3-я мотодивизия и пехотный полк «Великая Германия». Кроме того, здесь же располагались 2-я и 5-я танковые дивизии, которые до сих пор находились в резерве. Сомнительно, чтобы такое массированное сосредоточение танковых сил для фронтального наступления было правильным.

На мой взгляд, было бы более целесообразным оставить 46-й танковый корпус во 2-й танковой группе. Также было бы выгоднее использовать хорошо отдохнувшие бронетанковые дивизии для нанесения флангового удара, а не для проведения фронтального наступления.

27 сентября я посетил 48-й танковый корпус с тем, чтобы ознакомиться с его состоянием. После непродолжительной беседы в штабе корпуса, находившегося в городе Ромны, я отправился в населённый пункт Красная (10 км юго-восточнее Недригайлова), где находилась 9-я танковая дивизия под командованием генерала Хубики, а оттуда возвратился в Недригайлов.

28 и 29 сентября стало ясно, что попытка 48-го танкового корпуса продвинуться прямо на Путивль потерпела неудачу. Поэтому наше наступление в этом районе было прекращено. Некоторый успех был, правда, достигнут в районе Штеповка лишь тем, что противник был введён в заблуждение и остался в неведении относительно действительного направления нашего удара. 48-й танковый корпус был переброшен на север под прикрытием полка «Великая Германия», который в то время всё ещё оставался на своих прежних позициях.

На 30 сентября положение частей 2-й танковой группы было следующим.

48-й танковый корпус выступил из района Гадяч, Штеповка и направился через Недригайлов на Путивль, имея впереди 9-ю танковую дивизию; за ней следовали 25-я и 16-я мотодивизии, которые только что были сменены пехотными соединениями 34-го корпуса.

24-й танковый корпус выступил из Глухова на Севск, Орёл, имея впереди 3-ю и 4-ю танковые дивизии, за которыми следовала 10-я мотодивизия.

47-й танковый корпус (18-я и 17-я танковые дивизии) выступил из Ямполья, продвигаясь своим правым флангом в направлении на Севск.

29-я мотодивизия должна была следовать уступом влево в направлении на Середина Буда.

Оба корпуса, на которые была возложена задача обеспечения флангов, выступили, двигаясь частью сил через Костобобр, частью через Ромны. 1-я кавалерийская дивизия располагалась на западном берегу р. Судость в районе севернее и южнее Погар.

Наше наступление было неожиданным для противника. Особенно быстро продвигался 24-й танковый корпус, достигший пункта Хинель. 47-й танковый корпус занял населённый пункт Журавка и продвигался далее на северо-восток.

Утром 30 сентября я отправился в Глухов, где мы организовали наш новый командный пункт. Отсюда я дал указание генералу Кемпффу выделить необходимые силы для обеспечения восточного фланга 24-го танкового корпуса в районе Путивля. Кемпфф со своей стороны доложил мне, что в районе Штеповки русские неожиданно напали на два батальона 119-го пехотного полка и захватили их автотранспорт. Русские атаковали своими тяжёлыми танками. Эта была очень

неприятная потеря. Для того, чтобы восстановить положение, пришлось ещё раз повернуть обратно некоторые подразделения 9-й танковой дивизии. Генерал фон Гейер сообщил, что пикирующие бомбардировщики из-за плохой погоды не могут подняться в воздух. Он предполагал, что перед ним находятся арьергарды противника, в то время как генерал Лемельзен доносил о том, что наступление явилось полной неожиданностью,

Командованию группы армий было сообщено, что снятие с фронта полка «Великая Германия» оттягивается, так как на корпус Кемпффа наступают крупные силы противника, а смена передовых частей его корпуса пехотой 34-го корпуса откладывается и начнётся только ночью 1 октября. До подхода основной массы пехоты пройдёт ещё четверть суток.

Население Глухова обратилось к нам с просьбой разрешить им снова пользоваться своей церковью. Мы охотно дали им разрешение на это.

1 октября 24-й танковый корпус занял Севск. Нашим войскам удалось прорвать фронт противника. По мере получения горячего войска продолжали энергично продвигаться вперёд. Я выехал из Глухова и направился через Эсмань в Севск, в 4-ю танковую дивизию. Вдоль дороги стояли различные подбитые автомашины русских, что свидетельствовало о полной неожиданности нашего наступления для противника. Близ дороги, на холме, где стояла ветряная мельница, я увидел генералов фон Гейера и фон Лангермана. Многие подразделения 4-й танковой дивизии уже достигли Севска. На местности оставались следы ожесточённых боёв. По дороге мы видели убитых русских, встречали много раненых; на коротком пути от дороги до мельницы я и сопровождавшие меня офицеры забрали в плен 14 человек русских, прятавшихся в траве, в том числе одного офицера, всё ещё поддерживавшего телефонную связь с Севском. В 4 км севернее Севска, который уже находился в наших руках, я встретил полковника Эбербаха, храброго командира танковой бригады 4-й танковой дивизии. На мой вопрос о том, в состоянии ли он продолжать наступление до Дмитровска (Дмитровск-Орловский), он ответил утвердительно. Поэтому я приказал ему продолжать преследование противника, хотя до этого генералы ошибочно информировали меня, что из-за недостатка горячего они вынуждены приостановить наступление. Во время моей

беседы с Эбербахом русская авиация бомбила дорогу, по которой двигались наши войска, а также город Севск. Затем я отправился к передовым подразделениям наших танковых частей и объявил благодарность личному составу подразделения, которым командовал майор Юнгенфельдт. На обратном пути я сообщил командиру корпуса о своём приказе продолжать наступление. Передовые части 24-го танкового корпуса продвинулись за этот день на 130 км!

Передовой отряд нашего соседа справа — 6-й армии вступил в этот день в Гадяч, другие части армии продвинулись в направлении на Миргород, имея целью закрыть промежуток, образовавшийся между нами и 17-й армией.

2 октября наступление продолжалось со всей силой, фронт был полностью прорван, и 13-я армия русских была отброшена на северо-восток. Я посетил 10-ю мотодивизию и входивший в состав этой дивизии 41-й пехотный полк, которым командовал полковник Траут. В течение этих дней мы имели очень незначительные потери. Однако общие потери с самого начала наступления выражались значительными цифрами. Войска получили небольшое пополнение, однако у новых солдат было только желание воевать; они не имели того боевого опыта и той закалки, которыми обладали наши старые солдаты.

4-я танковая дивизия заняла Кромы, достигнув тем самым шоссе, идущей на Орёл.

Утром 2 октября перешла в наступление вся группа армий «Центр»; хорошая погода способствовала успеху наступления. Наш сосед слева — 2-я армия, несмотря на упорное сопротивление противника, прорвала его оборонительные позиции на рубеже, проходившем по линии рек Судость, Десна.

3 октября 4-я танковая дивизия захватила Орёл. Это дало нам возможность получить хорошую шоссе, и овладеть важным железнодорожным узлом и узлом шоссе, который должен был стать базой для наших дальнейших действий.

Захват города произошёл для противника настолько неожиданно, что, когда наши танки вступили в Орёл, в городе ещё ходили трамваи. Эвакуация промышленных предприятий, которая обычно тщательно подготавливалась русскими, не могла быть осуществлена. Начиная от

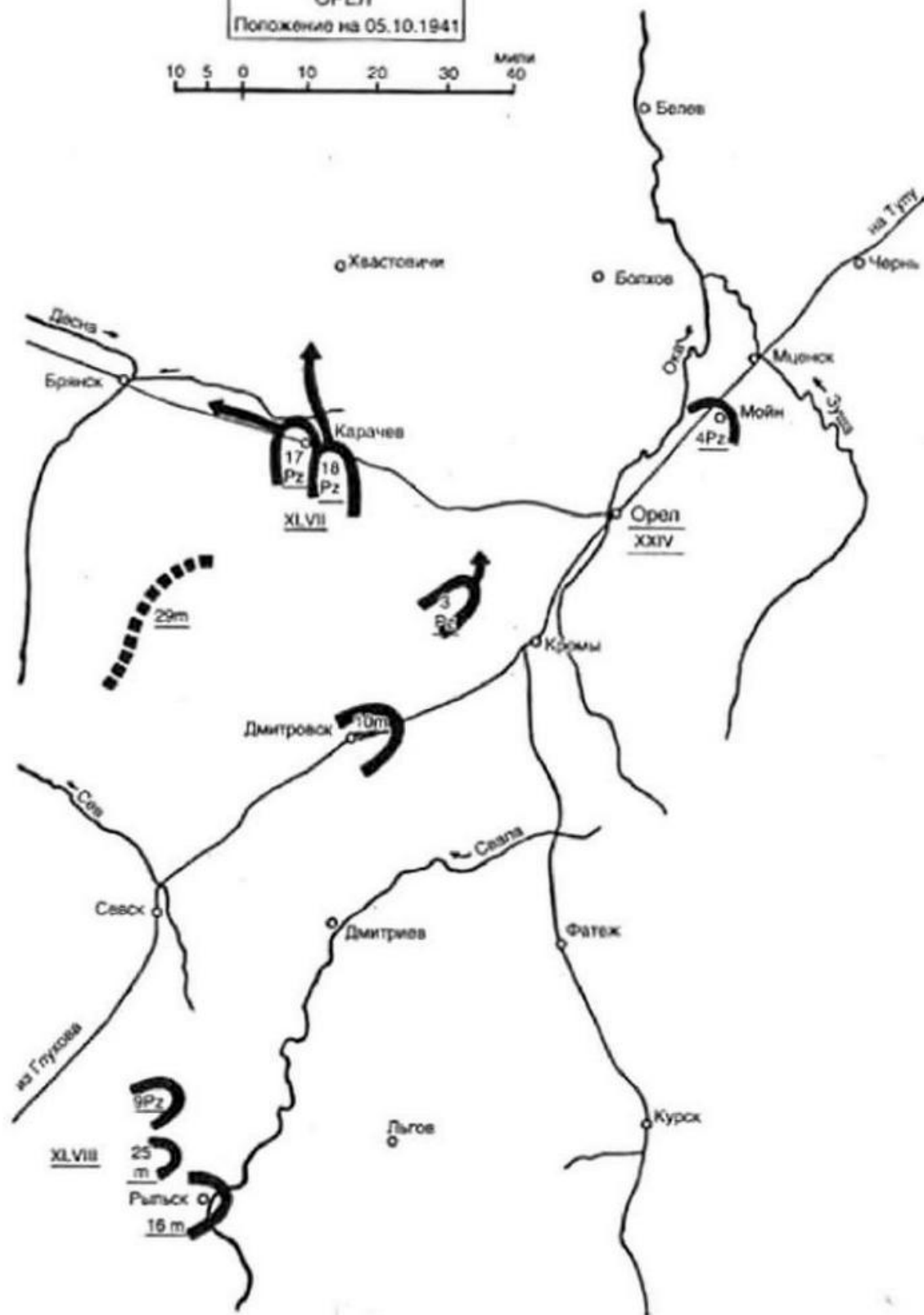
фабрик и заводов и до самой железнодорожной станций, на улицах повсюду лежали станки и ящики с заводским оборудованием и сырьём.

47-му танковому корпусу была поставлена задача наступать в направлении на Брянск.

Действовавшая правее нас 6-я армия наступала своим правым флангом на Харьков, а левым флангом — через Сумы на Белгород. Это имело важное значение для обеспечения нашего правого фланга, 4-я танковая группа прорвала фронт противника и продвинулась в направлении на Мосальск, Спас-Деменск с целью окружения противника, расположенного западнее Вязьмы. 3-я танковая группа захватила плацдарм в районе верхнего течения Днепра у города Холм.

Карта 23
ОРЕЛ
Положения на 05.10.1941

10 5 0 10 20 30 40
Мили

4 октября передовые части 24-го танкового корпуса овладели Мойном, расположенным по дороге на Тулу. 3-я и 18-я танковые дивизии наступали на Карачев. 17-я танковая дивизия захватила плацдарм на р. Нерусса, обеспечив себе возможность дальнейшего продвижения на север.

Наш сосед слева перешёл р. Болва и достиг железнодорожной линии Сухиничи — Ельня. 3-я танковая группа заняла город Белый. В тыловых районах группы армий «Центр» впервые были отмечены действия партизан.

Так как я хотел на следующий день посетить 47-й танковый корпус, я отправил заранее свои автомашины в Дмитровск (Дмитровск-Орловский), где они должны были дожидаться меня на посадочной площадке, куда я должен был прилететь на «Шторхе». Это дало мне возможность избежать продолжительной поездки по испортившейся дороге. К 10 час. 30 мин. 5 октября я уже был у генерала Лемельзена.

18-я танковая дивизия пересекла дорогу Орёл-Брянск и наступала в направлении на север; 17-й танковой дивизии была поставлена задача произвести налёт на Брянск и овладеть им. Затем я вылетел на «Шторхе» в штаб 24-го танкового корпуса, находившийся в Дмитровске (Дмитровск-Орловский).

Генерал фон Гейер пожаловался на плохое положение с горючим, от регулярного обеспечения которым в значительной степени зависел успех дальнейшего продвижения. Трофейного горючего у нас, к сожалению, было очень мало. Но поскольку аэродром в Орле находился в наших руках, я обратился с убедительной просьбой к командующему 2-м воздушным флотом обеспечить доставку по воздуху необходимого нам горючего в количестве 500 000 литров. В этот день я получил довольно внушительное представление об активности русской авиации. Сразу же после моего приземления на аэродроме в Севске произошёл налёт русской авиации на этот аэродром, где находилось до 20 немецких истребителей. Затем авиация противника бомбила штаб корпуса, в результате чего в комнате, где мы находились, вылетели оконные стёкла. Затем я направился к дороге, по которой продвигалась 3-я танковая дивизия. Здесь мы также подверглись неоднократной бомбёжке со стороны русских бомбардировщиков, которые летали группами в 3–6 самолётов на большой высоте и причиняли поэтому незначительный урон. На 6 октября воздушный флот обещал нам

усилить прикрытие истребителями, и поэтому можно было рассчитывать на улучшение положения.

С этого дня наша 2-я танковая группа стала называться 2-й танковой армией.

25-я мотодивизия была подчинена непосредственно армии и переведена в Севск. 48-й танковый корпус занял Рыльск, 24-й корпус расширил свой плацдарм на р. Зуша севернее Орла, а 47-й корпус занял Карачев.

Наш сосед справа предполагал к 6 октября достичь линии нашего боевого охранения на р. Псёл. Слева от нас наступали на Сухиничи 43-й и 13-й армейские корпуса. Немецкие войска овладели городом Юхнов.

6 октября наш командный пункт был перемещён в Севск. Южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжёлый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить.

Большую радость доставило нам сообщение о занятии 17-й танковой дивизией Брянска и захвате имевшегося там моста через Десну, что обеспечивало нам возможность установления связи со 2-й армией, действовавшей западнее р. Десны. Состояние нашего снабжения в значительной степени зависело от восстановления шоссе и железной дороги Орёл-Брянск. Окружение войск противника в районе между реками Десной и Судостью осуществлялось с большим успехом. Севернее Борщёва нашими войсками был захвачен плацдарм на р. Навля.

Не меньшую радость доставили нам сообщения о том, что на нашем открытом фланге, где корпус Кемпфа медленно подтягивался по топкой дороге к Дмитриеву (Дмитриев-Льговский), а 34-й корпус генерала Метца подходил к Рыльску, было спокойно.

1-й танковой армии, входившей в состав группы армий «Юг», была поставлена задача наступать в направлении Азовского моря. Наш сосед справа намеревался наступать в направлении на Штеповку. Отдельные подразделения 25-й мотодивизии, которые всё ещё действовали в этом районе, были таким образом освобождены и отправлены в Путивль в

корпус Кемпффа. Наш сосед слева занял Жиздру и получил задачу продвигаться на Брянск, чтобы действовать во взаимодействии с 2-й танковой армией.

В ночь с 6 на 7 октября выпал первый снег. Он быстро растаял, но дороги превратились в сплошное месиво и наши танки двигались по ним с черепашьей скоростью, причём очень быстро изнашивалась материальная часть. Мы повторно обратились с просьбой о доставке зимнего обмундирования, но нам ответили, что оно будет получено своевременно и нечего об этом излишне напоминать. После этого я неоднократно напоминал о необходимости прислать зимнее обмундирование, но в этом году оно так и не было мне доставлено.

Личный состав 48-го танкового корпуса в пешем строю продвигался по топкой дороге на Дмитриев (Дмитриев-Льговский). Контратаки русских на Брянск были отбиты, 29-я мотодивизия достигла устья р. Ревна.

Наш сосед справа приближался к Штеповке, сосед слева направил 53-й армейский корпус на Брянск с запада. Это должно было, по нашим предположениям, облегчить положение 47-го танкового корпуса и освободить необходимую для организации нашего снабжения дорогу Рославль-Брянск-Орёл. 2-я армия заняла Сухиничи и Мещовск. У Вязьмы 4-я и 9-я армии окружили до 45 соединений противника, 10-я танковая дивизия заняла Вязьму.

По мнению главного командования сухопутных войск, создавшаяся выгодная обстановка благоприятствовала дальнейшему развёртыванию операций в направлении на Москву. Германское командование хотело помешать русским ещё раз создать западнее Москвы глубоко эшелонированную линию обороны. Главное командование сухопутных войск носилось с идеей, чтобы 2-я танковая армия продвинулась через Тулу до рубежа Оки между Коломной и Серпуховом. Во всяком случае, это была очень далёкая цель! В соответствии с той же идеей 3-я танковая группа должна была обойти Москву с севера. Этот план главнокомандующего сухопутными войсками встретил полную поддержку со стороны командования группы армий «Центр».

8 октября я вылетел на «Шторхе» из Севска в Орёл, где меня ожидали заранее отправленные туда мои автомашины. Я летел над «дорогой», которая до Кромы представляла собой сугубо мрачную картину.

От Кромы до Орла дорога имела твёрдое покрытие, но на этом участке она была вся изрыта воронками. Генерал фон Гейер доложил мне, что отмечено усиление противника, действующего против 4-й танковой дивизии, и установлено прибытие ещё одной пехотной дивизии и танковой бригады. 3-я танковая дивизия продвигалась на север, имея своей задачей занять Волхов, 4-й танковой дивизии на 9 октября была поставлена задача занять Мценск.

Особенно неутешительными были полученные нами донесения о действиях русских танков, а главное, об их новой тактике. Наши противотанковые средства того времени могли успешно действовать против танков Т-34 только при особо благоприятных условиях. Например, наш танк Т-IV со своей короткоствольной 75-мм пушкой имел возможность уничтожить танк Т-34 только с тыльной стороны, поражая его мотор через жалюзи. Для этого требовалось большое искусство. Русская пехота наступала с фронта, а танки наносили массированные удары по нашим флангам. Они кое-чему уже научились. Тяжесть боёв постепенно оказывала своё влияние на наших офицеров и солдат. Генерал фон Гейер снова обратился ко мне с просьбой ускорить доставку зимнего обмундирования. Не хватало прежде всего сапог, нательного белья и носков. Серьёзность этого сообщения заставляла задумываться. Поэтому я решил немедленно отправиться в 4-ю танковую дивизию и лично ознакомиться с положением дел. На поле боя командир дивизии показал мне результаты боёв 6 и 7 октября, в которых его боевая группа выполняла ответственные задачи. Подбитые с обеих сторон танки ещё оставались на своих местах. Потери русских были значительно меньше наших потерь.

Возвратившись в Орёл, я встретил там полковника Эбербаха, который также доложил мне о ходе последних боёв; затем я снова встретился с генералом фон Гейером и командиром 4-й танковой дивизии бароном фон Лангерманом. Впервые со времени начала этой напряжённой кампании у Эбербаха был усталый вид, причём чувствовалось, что это не физическая усталость, а душевное потрясение. Приводил в смущение тот факт, что последние бои подействовали на наших лучших офицеров.

Но зато в главном командовании сухопутных войск и в штабе группы армий царило приподнятое настроение!

Именно в этом проявилась пропасть между взглядами высшего командования и нашими, хотя в тот период 2-я танковая армия ничего не знала о том, что высшее командование так сильно опьянено нашими победами.

Вечером было получено донесение из 35-го корпуса о том, что противник оказывает сильное давление на наши войска, расположенные севернее Суземки (западнее Севска). Отсюда можно было заключить, что окружённые южнее Брянска русские войска пытаются прорваться на восток. Я связался с 1-й кавалерийской дивизией, которая всё ещё находилась на западном берегу р. Судость, и потребовал сообщить мне, не замечены ли какие-либо изменения в поведении противника. Хотя ничего подозрительного и не было отмечено, я всё же приказал дивизии перейти в наступление и переправиться на восточный берег реки. Дивизия должна была при этом установить, находится ли ещё там противник или он уже отошёл. Вскоре 1-я кавалерийская дивизия захватила здесь плацдарм.

Вечером из штаба группы армий сообщили по телефону, что 35-й корпус передаётся в подчинение 2-й армии и с нас снимается ответственность за обеспечение левого фланга. Я возразил, пытаюсь доказать, что руководство всеми силами, осуществлявшими блокирование «трубчевского котла», может успешно проводиться только единым штабом. Кроме того, с нас снималась ответственность также за обеспечение правого фланга, так как 34-й корпус передавался в подчинение 6-й армии, которая должна была силами этого корпуса занять Курск. Это предложение исходило, очевидно, от главного командования сухопутных войск или верховного командования вооружённых сил и в настоящее время не могло быть осуществлено, ибо в этом случае обеспечение нашего правого фланга ставилось под угрозу.

Хотя в этот день и был занят Дмитриев (Дмитриев-Льговский), но плохое состояние дорог не дало возможности подтянуть сюда тыловые части 48-го танкового корпуса и способствовало затягиванию критического положения.

9 октября русские продолжали свои попытки прорваться в районе населённого пункта Суземка. Русские стремительно атаковали правый фланг 293-й пехотной дивизии, отеснив дивизию к Суземке и Шилинке. Ввиду того, что 25-я мотодивизия, выделенная в резерв

танковой армии, ещё не прибыла, пришлось использовать 41-й пехотный полк 10-й мотодивизии, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся между 29-й мотодивизией и 293-й пехотной дивизией, 48-й танковый корпус, который в соответствии с указанием командования группы армий «Центр» должен был наступать на Курск и Ливны, получил теперь приказ подтянуть к Севску все свои наличные силы.

К 12 час. дня в Севск прибыл командир 25-й мотодивизии генерал Глеснер и принял командование всеми подразделениями, действовавшими между 29-й мотодивизией и 293-й пехотной дивизией. В то время как на этом участке развернулись ожесточённые бои, основные силы 1-й кавалерийской дивизии, не встречая серьёзного сопротивления, переправились через р. Судость и двинулись на Трубчевск. Дивизия была введена противником в заблуждение и пыталась теперь наверстать упущенное. В течение последующих дней противник продолжал оказывать давление преимущественно на направлениях Трубчевск, Севск; Трубчевск, Орёл и Трубчевск, Карачев, но лишь небольшим группам русских удалось прорваться через дорогу Середина Буда — Севск, в том числе, к сожалению, и штабу 13-й русской армии.

При сильной вьюге штаб танковой армии перебрался в Дмитровск (Дмитровск-Орловский). Состояние дорог всё более ухудшалось. Множество автомашин застревало на так называемой «автостраде».

Несмотря на всё это, наши войска овладели Волховом. 18-я танковая дивизия во взаимодействии со 2-й армией (43-й армейский корпус) окружила русские войска, действовавшие севернее Брянска.

Одновременно со всеми этими событиями южный фланг Восточного фронта готовился к наступлению на Таганрог и Ростов. Передовые части нашей соседней 6-й армии приближались к Ахтырка и Сумы.

Левее нас наши войска перешли на московском направлении р. Угра и заняли Гжатск.

10 октября от командования группы армий были получены новые указания: овладеть Курском; очистить котёл в районе Трубчевска; завершить окружение котла, образовавшегося северо-восточнее Брянска; нанести удар по Туле. Всё это предлагалось выполнить

немедленно. Либенштейн поступил совершенно правильно, запросив командование группы армий о степени срочности всех этих требований, которые явно исходили от высшего командования. Однако никакого ответа мы не получили.

Последующие недели прошли в условиях сильной распутицы. Колёсные автомашины могли передвигаться только с помощью гусеничных машин. Это приводило к большой перегрузке гусеничных машин, не предусмотренной при их конструировании, вследствие чего машины быстро изнашивались. Ввиду отсутствия тросов и других средств, необходимых для сцепления машин, самолётам приходилось сбрасывать для застрявших по дороге машин связки верёвок. Обеспечение снабжением сотен застрявших машин и их личного состава должно было отныне в течение многих недель производиться самолётами. Подготовка к зиме находилась в плачевном состоянии. Затребованный нами ещё 8 недель тому назад антифриз доставлялся в незначительных количествах, так же как и зимнее обмундирование для личного состава. Последнее обстоятельство явилось в течение последующих тяжёлых месяцев причиной больших затруднений и лишений, которые легко могли бы быть устранены.

Противник продолжал свои попытки пробиться на участке 29-й мотодивизии и 293-й пехотной дивизии, 4-й танковой дивизии удалось прорваться в Мценск. 6-я армия, действовавшая правее нас, заняла Сумы;

13-й армейский корпус, действовавший левее, переправился через р. Угра западнее Калуги. Ухудшение погоды давало себя чувствовать и на этом участке фронта.

11 октября русские войска предприняли попытку вырваться из «трубчевского котла», наступая вдоль обоих берегов р. Навля. Противник устремился в брешь, образовавшуюся между 29-й и 25-й мотодивизиями и занимаемую лишь 5-м пулемётным батальоном. Одновременно в районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска северо-восточнее Орла развернулись ожесточённые бои местного значения, в которые втянулась 4-я танковая дивизия, однако из-за распутицы она не могла получить достаточной поддержки. В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно

и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех. Об этой новой, для нас обстановке я написал в своём докладе командованию группы армий, в котором я подробно обрисовал преимущество танка Т-34 по сравнению с нашим танком Т-IV, указав на необходимость изменения конструкции наших танков в будущем.

Свой доклад я закончил предложением направить немедленно на наш фронт комиссию, в состав которой должны войти представители от управления вооружения, от министерства вооружения, конструкторы танков и представители танкостроительных фирм. Вместе с этой комиссией нам надлежало на месте осмотреть подбитые на поле боя танки и обсудить вопрос о конструкции новых танков. Я также потребовал ускорить производство более крупных противотанковых пушек, способных пробивать броню танка Т-34. Комиссия прибыла во 2-ю танковую армию 20 ноября.

11 октября нам сообщили, что полк «Великая Германия» будет в соответствии с приказом Гитлера направлен на усиление 18-й танковой дивизии, действовавшей северо-восточнее Брянска на участке дороги Карачев, Хвастовичи. Далее мне было сообщено, что рассматривается вопрос о перегруппировке сил, в соответствии с которой 2-я армия будет действовать правее нас и в её подчинение будут переданы 34-й и 35-й корпуса, в то время как некоторые соединения 2-й армии будут переданы в наше подчинение. Отсюда можно было сделать вывод, что продвижение на северо-восток будет продолжаться.

Бои с целью сужения кольца окружения вокруг котла продолжались.

На южном фланге Восточного фронта бои в районе Азовского моря закончились победой немецких войск. Верховное командование считало, что в этих боях были уничтожены 6, 12 и 18-я русские армии, и полагало, что были созданы необходимые предпосылки для продолжения наступления в направлении нижнего течения Дона. Дивизия СС «Адольф Гитлер» находилась в 20 км северо-западнее Таганрога. Значительно медленнее осуществлялось наступление 17-й армии южнее Харькова и 6-й армии в районе Сумы. На этих участках свежие силы русских, поддержанные танками, вынудили немецкие войска перейти в некоторых пунктах к обороне. Это обстоятельство оказывало отрицательное влияние на положение моего правого фланга.

Так как 11-я армия была повернута на юг с целью захвата Крыма, то наступление группы армий «Юг» приняло веерообразную форму.

Севернее группы армий «Центр» продвижение немецких войск замедлилось из-за снежных выюг. 3-я танковая группа достигла верховья Волги у населённого пункта Погорелое.

Снегопад продолжался также и 12 октября. Мы всё ещё оставались сидеть в небольшом населённом пункте Дмитровске (Дмитровск-Орловский), улицы которого представляли собой сплошное месиво грязи, и ожидали новых указаний главного командования сухопутных войск относительно предстоящей перегруппировки. Наши войска замкнули кольцо окружения вокруг большого котла южнее Брянска и вокруг небольшого котла севернее этого города, но продвигаться вперёд войска не могли из-за плохого состояния дорог, 48-й танковый корпус, который в самом начале наступления так быстро продвинулся через Сумы и вышел на хорошее шоссе, также продвигался теперь с большим трудом в направлении на Фатеж. У Мценска продолжались бои со свежими силами противника. Пехотным дивизиям 35-го корпуса было указано на необходимость очистить от противника леса в районе «трубчевского котла».

Не только мы, но и вся группа армий «Юг», за исключением 1-й танковой армии, застряла в грязи, 6-й армии удалось занять Богодухов северо-западнее Харькова. Севернее нас 13-й армейский корпус овладел Калугой, 3-я танковая группа заняла Старицу и наступала на Калинин.

Главное командование сухопутных войск дало указание об окружении Москвы, однако до нас эти указания не дошли.

13 октября русские продолжали свои попытки прорваться между Навлей и Борщеве. Для усиления 47-го танкового корпуса пришлось направить некоторые части 3-й танковой дивизии и 10-й мотодивизии 24-го танкового корпуса. Несмотря на эту помощь и ввиду потери подвижности наших частей, группе русских численностью до 5000 человек удалось прорваться и достичь района Дмитровска (Дмитровск-Орловский), где она вновь была задержана.

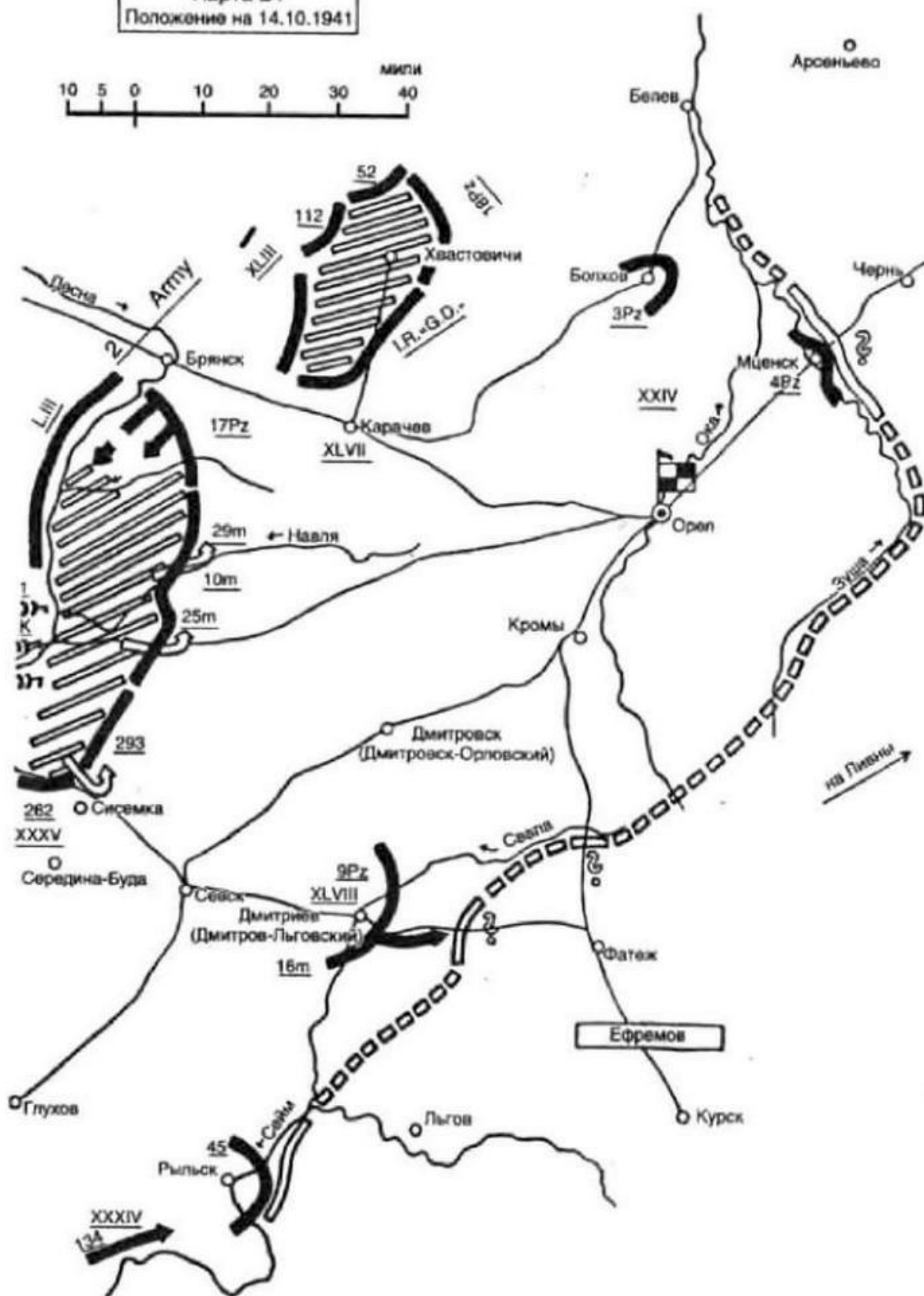
Войска 3-й танковой группы ворвались в Калинин, 9-я армия достигла западной окраины Ржева.

14 октября мы перевели свой штаб в Орёл и удобно разместились в здании городского совета. В течение ближайших дней обе стороны

проявили незначительную активность. 24-му танковому корпусу, получившему задачу перейти р. Зуша, с большим трудом удалось подтянуть по топким дорогам свои 3-ю и 4-ю танковые дивизии в районе северо-западнее Мценска.

47-й танковый корпус, закончив бои в районе котла, сосредоточился и приводил себя в порядок вдоль дороги Орёл-Карачев-Брянск. Полк «Великая Германия» был передан в подчинение 24-го танкового корпуса и подтянут к Мценску. 48-й танковый корпус совместно с частями 18-й танковой дивизии, вышедшими из города Кромы на хорошую шоссейную дорогу, занял Фатеж и готовился к наступлению на Курск с северо-запада; в это время 34-й корпус должен был наступать на Курск с запада, имея задачей уничтожить действовавшую в этом районе сильную группировку русских войск под командованием генерала Ефремова и тем самым ликвидировать постоянную угрозу нашему правому флангу.

Карта 24
Положение на 14.10.1941

Несмотря на упорную оборону русских, войскам 6-й армии удалось овладеть Ахтыркой. На остальных участках фронта войска группы армий «Юг» застряли из-за распутицы.

Состояние погоды отрицательно сказывалось также и на темпах продвижения группы армий «Центр», 57-й армейский корпус занял город Боровск, в 80 км от Москвы.

15 октября войска 6-й армии заняли Краснополье, юго-восточнее города Сумы.

16 октября я посетил 4-ю танковую дивизию с целью проверки хода подготовки к наступлению из района Мценск.

В этот день румыны заняли Одессу, 46-й танковый корпус приближался к Можайску.

17 октября капитулировала группировка противника, находившаяся в окружении севернее Брянска. Совместно со 2-й армией нами было захвачено свыше 50 000 пленных и до 400 орудий; были уничтожены основные силы 50-й русской армии. Противник предпринимал контратаки в районе Фатежа.

18 октября началось наступление 11-й армии на Крым. После занятия Таганрога 1-я танковая армия повернула на Сталино, 6-я армия заняла Грайворон.

19-я танковая дивизия, действовавшая севернее нашей 2-й танковой армии, заняла Малоярославец. Немецкие войска овладели Можайском.

19 октября 1-я танковая армия начала подготовку к наступлению на Ростов. Её войска прорвались к городу Сталино. 17-я и 6-я армии добились успехов в своём наступлении на Харьков и Белгород. Преследованию противника препятствовала плохая погода. Такая же погода была и в районе действий группы армий «Центр», 43-й армейский корпус занял Лихвин. В течение 24 часов этот корпус действовал, будучи в подчинении 2-й танковой армии.

20 октября капитулировала группировка противника, окружённая в районе Трубчевска. Распутица задержала действия всей группы армий.

1-я танковая армия заняла город Сталино, 6-я армия приближалась к Харькову; к 21 октября она подошла к западной окраине города.

Наступление из района Мценск, предпринятое 22 октября 24-м танковым корпусом, потерпело неудачу из-за недостаточного взаимодействия между танками и артиллерией. 23 октября наступление было возобновлено действовавшей северо-западнее Мценска 3-й танковой дивизией, которой были переданы на это время все наличные танки; на этот раз наступление закончилось успехом. 24 октября при преследовании разбитого противника был занят населённый пункт Чернь. Я лично наблюдал за боями 22 и 23 октября и получил полное представление о том, в каких трудных условиях приходилось действовать нашим войскам. Причинами этих затруднений явились топкая местность и обширные минные поля у русских.

23 октября 18-я танковая дивизия заняла Фатеж.

24 октября 6-я армия овладела Харьковом и Белгородом, полностью очистив их от противника. Левее нас 43-й армейский корпус занял Белев на р. Ока.

25 октября я присутствовал при подходе полка «Великая Германия» к Черни и наблюдал за боем, который группа Эбербаха вела в северной части этого населённого пункта.

К 25 октября закончились бои в районе Брянска. В этот день началось ранее объявленное распределение сил на правом фланге группы армий «Центр», 34-й и 35-й корпуса, а также 48-й танковый корпус без 25-й мотодивизии перешли в подчинение 2-й армии, 1-я, кавалерийская дивизия была отправлена на родину в Восточную Пруссию для переформирования в 24-ю танковую дивизию. Вместо этого 2-я танковая армия получила 43-й армейский корпус под командованием генерала Хейнрици, в состав которого входили 31-я и 131-я пехотные дивизии, и 53-й армейский корпус генерала Вайзенбергера, в состав которого входили 112-я и 167-я пехотные дивизии. Через некоторое время в подчинении армии была передана 296-я пехотная дивизия, 25-я мотодивизия оставалась в подчинении 2-й армии.

2-й танковой армии была теперь поставлена задача нанести удар на Тулу. 2-я армия в новом составе была направлена на восток и таким образом была снова разъединена с нами.

Успешно завершив бои в районах Брянска и Вязьмы, группа армий «Центр» добилась тем самым ещё одного крупного тактического успеха. Вопрос о том, в состоянии ли она продолжать наступление,

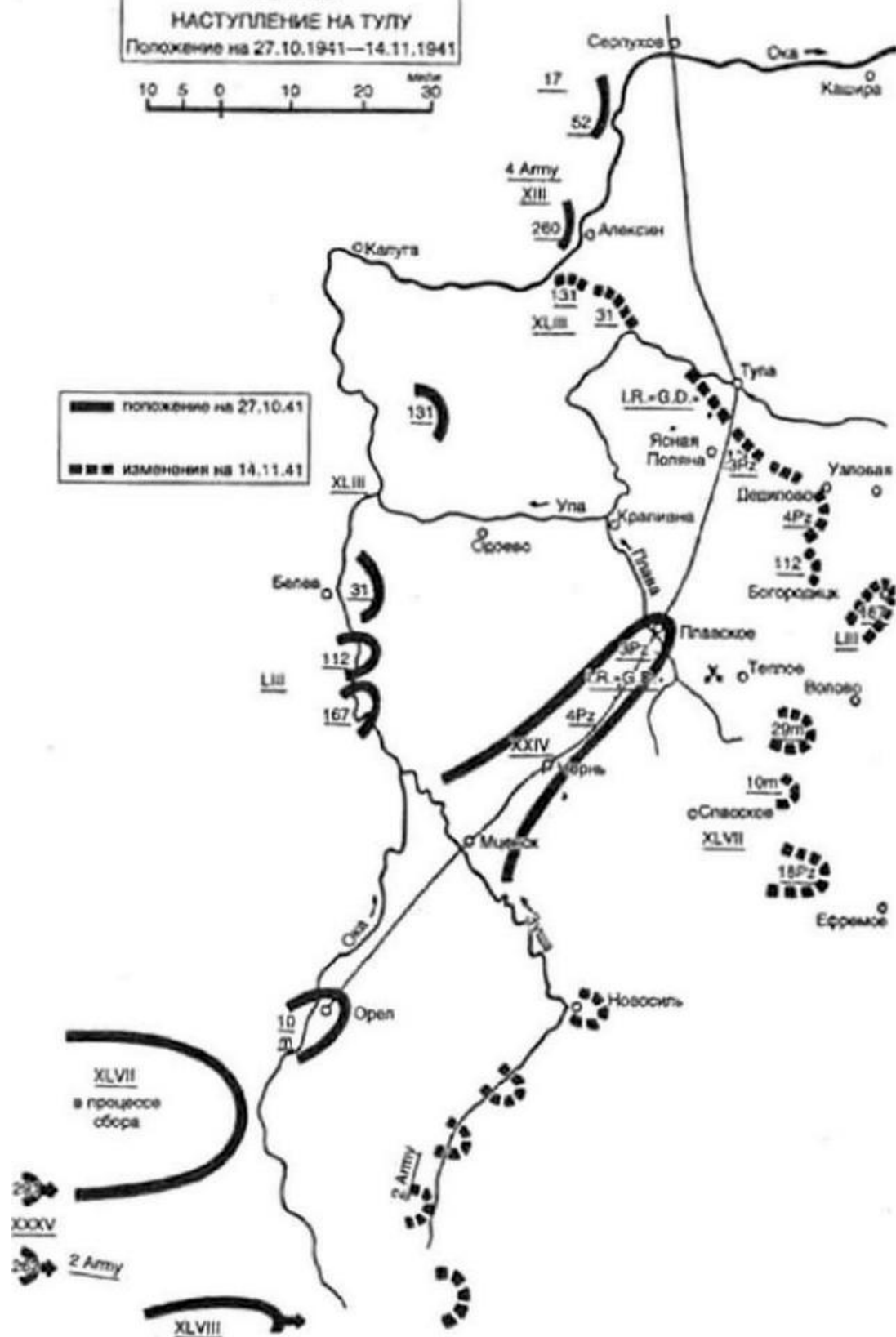
чтобы превратить этот тактический успех в оперативный, являлся наиболее важным со времени начала войны вопросом, стоявшим перед высшим командованием германской армии.

Наступление на Тулу и Москву

2-я танковая армия продолжала наступление на Тулу. Единственная дорога, по которой могли двигаться наши войска, — шоссе Орёл-Тула — оказалась малопригодной для движения тяжёлых автомашин и танков и через несколько дней была окончательно разбита. Кроме того, русские, являющиеся мастерами в области разрушения, взорвали при отходе все мосты, а на более узких местах заминировали обширные участки местности вдоль дороги. Чтобы хоть как-нибудь обеспечить подвоз войскам, приходилось сооружать настилы длиной в несколько километров из брёвен. Боеспособность наступающих частей зависела не столько от численности личного состава, сколько от возможности обеспечения их горючим. Поэтому все имевшиеся в наличии танки 24-го танкового корпуса были объединены под командованием полковника Эбербаха и вместе с полком «Великая Германия» образовали авангард, который был направлен на Тулу.

Карта 25
НАСТУПЛЕНИЕ НА ТУЛУ
Положение на 27.10.1941—14.11.1941

10 5 0 10 20 30
Масштаб

26 октября 53-й армейский корпус достиг Оки, 43-й армейский корпус расширил предмостное укрепление на р. Ока у Белова, занимаемый 31-й пехотной дивизией. Наш правый сосед направил свой 48-й танковый корпус на Курск. Левее нас, в полосе 4-й армии, русские предприняли контратаки, вынудившие немецкие войска перейти к обороне.

27 и 28 октября я сопровождал наступление группы Эбербаха. 27 октября у верховного командования вооружённых сил возникла мысль о том, чтобы в случае получения сведений о подходе свежих русских сил повернуть нашу армию с востока на Воронеж. Однако в этом направлении не было никаких шоссе. Во всяком случае, в качестве предпосылки для проведения такой операции мы должны были сначала овладеть Тулой. Я попросил Либенштейна внушить эту мысль командованию. Ночь с 27 на 28 октября я провёл в Черни, в покинутом здании детской больницы, кишевшей клопами. Наши передовые части достигли района Плавск, 53-й и 43-й армейские корпуса расширили свои предмостные укрепления на р. Ока. 4-я армия отражала ожесточённые атаки русских.

28 октября мне было сообщено через Либенштейна, что верховное командование вооружённых сил отказывается от своего намерения повернуть нас на Воронеж. Наступление на Тулу продолжалось. Ввиду недостатка горючего Эбербах посадил на танки один батальон полка «Великая Германия». Мы достигли Писарева, в 30 км южнее Тулы. Разведка 43-го армейского корпуса достигла Одоево. Ночь я снова провёл в Черни с тем, чтобы утром на «Шторхе» вылететь обратно в свой штаб.

28 октября нам было передано пожелание Гитлера «захватить нашими подвижными батальонами» мосты через Оку восточнее Серпухова. Мы могли выбрасывать вперёд наши подразделения только до такой степени, до какой было возможно обеспечивать их снабжение. По окончательно разрушенной дороге Орёл-Тула наши автомашины могли передвигаться с максимальной скоростью 20 км/час, да и то не всегда. «Подвижных батальонов» уже не было. Гитлер жил в мире иллюзий.

В этот день 1-я танковая армия переправилась через р. Миус, а 17-я армия — через р. Донец.

29 октября наши головные танковые подразделения достигли пункта, отстоящего в 4 км от Тулы. Попытка захватить город с хода натолкнулась на сильную противотанковую и противовоздушную оборону и окончилась провалом, причём мы понесли значительные потери в танках и офицерском составе.

Меня посетил командир 43-го армейского корпуса генерал Хейнрици, всегда отличавшийся своими трезвыми суждениями, и доложил, что его войска плохо снабжаются, а с 20 октября они даже перестали получать хлеб.

К 30 октября 53-й армейский корпус вышел на шоссе Орёл-Тула. После окончания боёв в районе «брянского котла» 19 октября командир корпуса генерал Вайзенбергер подтянул 167-ю пехотную дивизию через Волхов, Горбачёв, а 112-ю пехотную дивизию — через Белев, Арсеньево, Царёво. Из-за распутицы корпус не смог взять с собой все автомашины и, в частности, тяжёлую артиллерию. Моторизованные подразделения корпуса вынуждены были совершить обходное движение через Орёл, Мценск. Сведения о подходе русских с востока, поступавшие с 27 октября, заставили меня с целью обеспечения правого фланга перебросить 53-й армейский корпус на участок Епифань, Сталиногорск.

Состояние шоссе Орёл-Тула к этому времени стало настолько плохим, что 3-я танковая дивизия, подошедшая к Туле вслед за группой Эбербаха, вынуждена была снабжаться по воздуху.

Ввиду невозможности взять Тулу с фронта генерал барон фон Гейер предложил обойти город с востока. Я согласился с этим предложением и приказал ему наступать в направлении на Дедилово и захватить переправу на р. Шат. Генерал Гейер считал совершенно невозможным использование моторизованных войск до наступления морозов и был, безусловно, прав. Продвигаться вперёд можно было только очень медленно и ценой больших потерь в материальной части. В связи с такой обстановкой большое значение приобретало восстановление железнодорожного участка Мценск-Тула. Несмотря на все старания, восстановительные работы шли очень медленно. Недостаток локомотивов вынудил меня искать выход из положения, и я обратился с просьбой о присылке автодрезин; однако мы не получили ни одной дрезины.

1 ноября 24-й танковый корпус достиг района западнее Дедилово.

Когда авангард 53-го армейского корпуса приблизился 2 ноября к населённому пункту Тёплое, он неожиданно натолкнулся на противника. Эта была крупная русская группировка, состоявшая из двух кавалерийских дивизий, пяти стрелковых дивизий и одной танковой бригады, продвигавшаяся вдоль шоссе Ефремов-Тула и, очевидно, имевшая задачу атаковать в тыл и фланг соединения 24-го танкового корпуса в районе Тулы. Появление частей 53-го армейского корпуса оказалось для русских, по-видимому, такой же неожиданностью, как и их появление для немцев. С 3 по 13 ноября в районе Тёплое развернулись бои, в результате которых 53-му армейскому корпусу, поддержанному танковой бригадой Эбербаха, удалось отбросить противника обратно к Ефремову, захватив при этом более 3000 пленных и значительное количество орудий. Морозы, наступившие в ночь с 3 на 4 ноября, хотя и облегчили передвижение, однако случаи обморожения наносили войскам большой урон. Для обеспечения растянутого фланга в районе Мценск, Чернь и восточнее были использованы пехотные и другие не танковые подразделения 17-й танковой дивизии, которые к этому времени подошли сюда из района Карачева. Ремонт шоссе Орёл, Тула непрерывно занимались сапёрные и строительные батальоны, а также подразделения рабочих батальонов государственной трудовой повинности.

В эти дни 48-й танковый корпус занял Курск.

5 ноября меня ненадолго посетил фельдмаршал фон Бок. Командование группы армий 4 ноября пришло к выводу, что русские планомерно очищают район к западу от Дона между Воронежем и Сталиногорском, и доложило это мнение главному командованию сухопутных войск. Однако обстановка в полосе действий 2-й танковой армии опровергала это мнение. Напротив, в районе Тёплое противник наступал!

6 ноября я вылетел на фронт. Мои впечатления от этой поездки видны из следующего письма:

«Наши войска испытывают мучения, и наше дело находится в бедственном состоянии, ибо противник выигрывает время, а мы со своими планами находимся перед неизбежностью ведения боевых действий в зимних условиях. Поэтому настроение у меня очень грустное. Наилучшие

пожелания терпят крах из-за стихии. Единственная в своём роде возможность нанести противнику мощный удар улетучивается всё быстрее и быстрее, и я не уверен, что она может когда-либо возвратиться. Одному только богу известно, как сложится обстановка в дальнейшем. Необходимо надеяться и не терять мужества, однако это тяжёлое испытание...

Будем надеяться на то, что в ближайшее время я смогу писать в более радостном тоне. О себе я не беспокоюсь. Однако в настоящее время трудно быть в хорошем настроении».

7 ноября морозы впервые нанесли нам тяжёлые потери. Поступили сведения о том, что 1-я танковая армия, наступавшая на Ростов, 5 ноября вышла к Дону.

8 ноября 53-й армейский корпус добился успехов в районе населённого пункта Тёплое, 24-й танковый корпус отражал атаки противника из Тулы.

9 ноября стали явными намерения противника начать контратаки восточнее и западнее Тулы. Поэтому 24-й танковый корпус, передав танковую бригаду Эбербаха 53-му армейскому корпусу, перешёл к обороне, 17-я танковая дивизия без своих танков была подчинена 24-му танковому корпусу и подтянута к населённому пункту Плавск. Ввиду того, что восточнее Черни отмечались новые части противника, обеспечение фланга на участке Мценск, Чернь было передано другим частям 47-го танкового корпуса. Насколько напряжённой была в эти дни обстановка в районе Тулы, можно судить хотя бы по тому факту, что четыре слабых батальона 4-й танковой дивизии занимали фронт шириной в 35 км с тем, чтобы обеспечивать связь между 53-м армейским корпусом и 3-й танковой дивизией, действовавшей под Тулой.

12 ноября температура упала до 13 градусов мороза, 13 ноября — до 22 градусов. В этот день в Орше под руководством начальника генерального штаба сухопутных сил было проведено совещание командующих армиями группы армий «Центр» и объявлен «приказ на осеннее наступление 1941 г.» Этот приказ ставил перед 2-й танковой армией задачу овладеть городом Горьким (бывшим Нижним

Новгородом), находившимся в 600 км от Орла. Либенштейн немедленно заявил, что 2-я танковая армия при настоящей обстановке способна лишь дойти до Венева. Теперь же не май месяц и мы не во Франции! Я полностью разделял мнение своего начальника штаба и немедленно доложил в письменной форме командующему группой армий о том, что танковая армия не в состоянии выполнить этот приказ. При составлении доклада я воспользовался свежими впечатлениями от поездки на фронт 13 и 14 ноября, во время которой я посетил 53-й армейский и 24-й танковый корпус.

13 ноября я вылетел на «Шторхе» из Орла, но севернее Черни попал в метель и был вынужден сделать посадку на временном аэродроме в Черни. Оттуда при 22-градусном морозе я отправился на машине в Плавск к генералу Вайзенбергеру. Это был последний день боёв в районе Тёплое, и Вайзенбергер доложил мне обстановку. Перед ним стояла задача наступать в направлении на Волово, Сталиногорск. Для обеспечения правого фланга против отходящих к Ефремову русских войск танковая бригада Эбербаха оставлялась в его подчинении до тех пор, пока не подойдёт 18-я танковая дивизия. Боевой состав пехоты сократился в среднем до 50 человек в каждой роте. Всё ощущаемее становился недостаток в зимнем обмундировании.

Действиям 24-го танкового корпуса в значительной степени мешала гололедица, ибо при отсутствии специальных шипов для гусениц танки не могли преодолевать обледенелые склоны. Генерал барон фон Гейер считал, что корпус не в состоянии перейти в наступление раньше 19 ноября. Для этого ему была необходима танковая бригада Эбербаха и запас горючего на четверо суток; он же имел запасы горючего только на один день!

По моему мнению, он должен был назначить наступление на 17 ноября, чтобы во взаимодействии с 53-м армейским корпусом помешать противнику образовать новый фронт на линии Волово, Дедилово. Кроме того, 43-й армейский корпус был атакован западнее Тулы и нуждался в поддержке, 47-й танковый корпус в составе 18-й танковой, 10-й пехотной и 29-й моторизованной дивизий должен был обеспечивать наш правый фланг.

Ночь я провёл в Плавске.

14 ноября утром я посетил 167-ю пехотную дивизию и беседовал со многими офицерами и солдатами. Снабжение войск было плохим. Не хватало белых маскировочных халатов, сапожной мази, белья и прежде всего суконных брюк. Значительная часть солдат была одета в брюки из хлопчатобумажной ткани, и это — при 22-градусном морозе! Острая необходимость ощущалась также в сапогах и чулках. Днём я побывал в 112-й пехотной дивизии, где увидел ту же картину. наших солдат, одетых в русские шинели и меховые шапки, можно было узнать только по эмблемам.

Все запасы обмундирования, имевшиеся в танковой армии, были немедленно отправлены на фронт. Однако по сравнению с потребностями это было лишь каплей в море.

В героической бригаде Эбербаха осталось не более 50 танков. В трёх танковых дивизиях насчитывалось около 600 танков. Гололедица сильно препятствовала действиям танков, тем более, что шипы ещё не были получены. Из-за морозов потели стёкла оптических приборов, а специальная мазь, противодействующая этому, до сих пор не была получена. Перед пуском танковых моторов их приходилось разогревать. Горючее частично замерзло, масло густело. Здесь также недоставало зимнего обмундирования и глизантина. 43-й армейский корпус сообщил о кровопролитных боях. Ночь я снова провёл в Плавске.

15 ноября русские продолжали атаки на позиции 43-го армейского корпуса;

16 ноября ко мне явился генерал Хейнрици: потери от морозов, недостаток обмундирования, вшивость!

17 ноября мы получили сведения о выгрузке сибиряков на станции Узловая, а также о выгрузке других частей на участке Рязань-Коломна. 112-я пехотная дивизия натолкнулась на свежие сибирские части. Ввиду того, что одновременно дивизия была атакована русскими танками из направления Дедилово, её ослабленные части не были в состоянии выдержать этот натиск. Оценивая их действия, необходимо учесть, что каждый полк уже потерял к этому времени не менее 400 человек обмороженными, автоматическое оружие из-за холода не действовало, а наши 37-мм противотанковые пушки оказались бессильными против русских танков Т-34. Дело дошло до паники, охватившей участок фронта до Богородицка. Эта паника, возникшая

впервые со времени начала русской кампании, явилась серьёзным предостережением, указывающим на то, что наша пехота истощила свою боеспособность и на крупные усилия уже более неспособна. Положение на фронте 112-й пехотной дивизии было исправлено собственными усилиями 53-го армейского корпуса, который повернул 167-ю пехотную дивизию на Узловую.

Наш сильно растянутый фланг обеспечивался тем временем подошедшими частями 47-го танкового корпуса.

«Мы приближаемся к нашей конечной цели очень медленно в условиях ледяного холода и в исключительно плохих условиях для размещения наших несчастных солдат. С каждым днём увеличиваются трудности снабжения, осуществляемого по железным дорогам. Именно трудности снабжения являются главной причиной всех наших бедствий, ибо без горючего наши автомашины не могут передвигаться. Если бы не эти трудности, мы были бы значительно ближе к своей цели. И тем не менее, наши храбрые войска одерживают одну победу за другой, преодолевая с удивительным терпением все трудности. Мы должны быть благодарны за то, что наши люди являются такими хорошими солдатами...» (из письма от 17 ноября 1941 г.).

Поскольку боевые операции продолжались и в зимний период, нам пришлось позаботиться о том, чтобы снабдить продуктами питания население Германии, армию, а также гражданское население России. В результате богатого урожая осенью 1941 г. на полях осталось много хлеба. Не было недостатка и в убойном скоте. От 2-й танковой армии нельзя было требовать отправки большого количества продуктов питания в Германию, если учесть бедственное состояние железнодорожного транспорта. После того как были обеспечены потребности войск, всему русскому населению, проживающему в городах, и в первую очередь населению Орла, было выдано на руки продовольствие на период до 31 марта 1942 г. Для того, чтобы население не испытывало беспокойства в этом отношении, мы расклеили по всему Орлу объявления о принятых мерах по обеспечению населения продовольствием. Русское правительство

имело в плодородных чернозёмных областях колоссальные элеваторы, где хранились большие запасы зерна.

Чтобы обеспечить потребности нашей армии, а также дать населению работу и хлеб, мы пустили в ход несколько фабрик и заводов, оборудование которых русские не успели эвакуировать из Орла. В числе пущенных нами предприятий были завод жестяных изделий, кожевенный и войлочный цеха обувной фабрики.

О настроениях, господствовавших среди русского населения, можно было, между прочим, судить по высказываниям одного старого царского генерала, с которым мне пришлось в те дни беседовать в Орле. Он сказал: «Если бы вы пришли 20 лет тому назад, мы бы встретили вас с большим воодушевлением. Теперь же слишком поздно. Мы как раз теперь снова стали оживать, а вы пришли и отбросили нас на 20 лет назад, так что мы снова должны начать всё сначала. Теперь мы боремся за Россию, и в этом мы все едины».

18 ноября 2-я танковая армия перешла в наступление в соответствии с приказом, полученным 13 ноября в Орше. В наступлении участвовали:

47-й танковый корпус:

18-я танковая дивизия наступала на фабричный город Ефремов; 20 ноября после упорных уличных боёв дивизия захватила этот город и удержала его, несмотря на ожесточённые контратаки противника;

10-я мотодивизия наступала на Епифань, Михайлов; 29-я мотодивизия наступала на Спасское, Гремячее, имея задачу обеспечить восточный фланг армии от возможного нападения свежих сил противника из района Рязань, Коломна;

25-я мотодивизия к тому времени была ещё занята в одной из операций верховного командования вооружённых сил по уничтожению окружённого противника и после выполнения своей задачи должна была составить корпусный резерв;

53-й армейский корпус:

167-я пехотная дивизия наступала через Сталиногорск на Венев;

112-я пехотная дивизия наступала на Сталиногорск, где должна была создать предмостное укрепление на р. Дон; позднее, учитывая потери этой дивизии, её предполагалось сменить 56-й пехотной,

дивизией, которая входила в резерв группы армий и должна была подойти из района Карачева;

24-й танковый корпус получил задачу силами 17, 3 и 4-й танковых дивизий, полка «Великая Германия» и наступающей с юга 296-й пехотной дивизии охватить с двух сторон город Тулу и овладеть им; впереди 24-го танкового и 53-го армейского корпусов наступала на Каширу боевая группа 17-й танковой дивизии, имея задачу захватить имеющийся там мост через Оку и воспрепятствовать подходу подкреплений противника из района Москвы;

43-й армейский корпус силами 31-й и 131-й пехотных дивизий наступал через Лихвин и Калугу в район, расположенный между реками Упа и Ока, имея задачей очистить его от противника и обеспечить на участке Тула, Алексин связь между 2-й танковой армией и 4-й армией.

2-я армия, наш сосед на правом фланге, получила задачу наступать в направлении к востоку от Орла. Рассчитывать на поддержку с её стороны не приходилось. Было известно, что западнее дороги Елец, Ефремов русские производят окопные работы, и командование 2-й армии сделало вывод, что предположения об отходе русских за Дон не оправдались.

4-я армия, действовавшая левее 2-й танковой армии, имела задачу форсировать Оку севернее Алексина и наступать на Серпухов; армия имела в своём составе до 36 дивизий.

2-я танковая армия насчитывала только 12,5 сильно потрёпанных дивизий. Пехотные части всё ещё не получили зимнего обмундирования и почти не могли передвигаться. За сутки они проходили 5, самое большее 10 км. Возможности армии справиться с поставленными перед нею задачами были более чем сомнительны.

18 ноября при сильной поддержке авиации 47-му танковому корпусу удалось захватить Епифань, а 24-му танковому корпусу — Дедилово. 19 ноября 24-й танковый корпус достиг Болохово. 21 ноября 53-й армейский корпус занял Узловую; 24 ноября 24-й танковый корпус занял Венев и подбил при этом 50 русских танков, 43-й армейский корпус медленно продвигался к р. Упа. Пока проходило это продвижение. 21 ноября в районе действий передовых частей 47-го танкового корпуса появились опасные свежие силы противника — 50-я

армия русских, в состав которой входили 108-я танковая бригада, 299-я стрелковая дивизия, 31-я кавалерийская дивизия и другие части. Положение снова стало серьёзным.

1-я танковая армия группы армий «Юг» после продолжительного и трудного перехода по топким и обледенелым дорогам достигла 19 ноября северной окраины Ростова и завязала там тяжёлые бои. 21 ноября армия полностью овладела Ростовом. Мосты через Дон были разрушены русскими. Предвидя в скором времени возможность контратак противника, 1-я танковая армия перешла к обороне. 20 ноября 48-й танковый корпус 2-й армии занял город Тим, а уже 23 ноября он был контратакован в этом районе противником.

«Страшный холод, жалкие условия расквартирования, недостаток в обмундировании, тяжёлые потери в личном составе и материальной части, а также совершенно неудовлетворительное состояние снабжения горючим — всё это превращает руководство боевыми операциями в сплошное мучение, и на меня всё более и более давит та огромная ответственность, которую, несмотря на все красивые слова, никто не может с меня снять.

Три дня я провёл на передовой линии с тем, чтобы получить наиболее точную картину положения на фронте, и теперь я намерен, если боевая обстановка это мне позволит, отправиться в воскресенье в штаб группы армий, чтобы получить информацию о перспективах на ближайшее будущее, о чём пока нам ничего неизвестно. О чём думает командование, я не знаю, так же как не знаю, как нам удастся к весне привести себя в порядок»(из письма от 21 ноября 1941 г.).

23 ноября во второй половине дня я решил лично отправиться к командующему группой армий «Центр» И попросить, чтобы он изменил поставленную мне задачу, которая стала невыполнимой. Я доложил фельдмаршалу фон Боку о том, что 2-я танковая армия находится в весьма тяжёлом положении и что её войска, особенно пехотные части, чрезвычайно утомлены; я указал на отсутствие зимнего обмундирования, на плохую работу службы тыла, незначительное количество танков и орудий, а также на угрозу сильно вытянутому

восточному флангу со стороны свежих сил противника, прибывающих с Дальнего Востока в район Рязань, Коломна. Фельдмаршал фон Бок ответил мне, что тексты моих предыдущих докладов он уже отправил главному командованию сухопутных войск и оно хорошо осведомлено об истинном положении на фронте.

Затем фон Бок приказал связать его по телефону с главнокомандующим сухопутными войсками и предложил мне надеть наушники и прослушать его разговор с главнокомандующим. Изложив содержание моего доклада об обстановке, фон Бок попросил главнокомандующего изменить поставленную мне задачу, отменить приказ о наступлении и отдать приказ о переходе к обороне на удобных в условиях зимы позициях.

Главномкомандующий сухопутными войсками, по всей вероятности, не был свободен в принятии решения. В своих ответах он старался обойти наиболее трудные вопросы. Отклонив мои предложения, он приказал продолжать наступление. После наших настоятельных требований указать нам, по крайней мере, какую-либо достижимую и не слишком далёкую цель, достигнув которой мы могли бы затем создать оборонительную линию, главнокомандующий назвал нам, наконец, линию Михайлов, Зарайск и добавил, что важнейшей нашей задачей является полное разрушение железнодорожной линии Рязань-Коломна.

Я остался недоволен результатами своей поездки в штаб группы армий. В тот же день я направил для доклада начальнику генерального штаба находившегося при моём штабе офицера связи главного командования сухопутных войск подполковника фон Кальдена. Он должен был также попытаться добиться распоряжения о приостановлении наступления, однако возвратился обратно, не добившись никаких результатов. Отрицательное отношение главнокомандующего сухопутными войсками и начальника генерального штаба к моим предложениям позволяло сделать вывод, что они сами, а не только один Гитлер, являются сторонниками продолжения наступления. Во всяком случае, высшему военному командованию отныне было известно чрезвычайно тяжёлое положение моей армии, и я полагал, что Гитлеру также было об этом подробно доложено.

24 ноября 10-я мотодивизия заняла Михайлов, 29-я мотодивизия продвинулась на 40 км к северу от города Епифань. 25 ноября боевая группа 17-й танковой дивизии подошла к Кашире. Наш сосед справа занял Ливны.

26 ноября 53-й армейский корпус подошёл к Дону, форсировал его силами 167-й пехотной дивизии у Иван-озера и атаковал сибиряков северо-восточнее этого населённого пункта под Донской. Доблестная дивизия захватила 42 орудия, некоторое количество автомашин и до 4000 пленных. С востока на сибиряков наступала 29-я мотодивизия 47-го танкового корпуса, в результате чего противника удалось окружить.

Я находился в этот день в 53-м армейском корпусе и решил отправиться 27 ноября в штаб 47-го танкового корпуса и 29-ю мотодивизию. Утром я прибыл в Епифань, где генерал Лемельзен доложил мне, что ночью 29-я мотодивизия очутилась в критическом положении. Главные силы 239-й сибирской стрелковой дивизии, оставив свою артиллерию и автотранспорт, вырвались из окружения и ушли на восток. Растянутая линия окружения из частей 29-й мотодивизии не смогла сдержать прорвавшихся русских и понесла большие потери. Я направился в штаб дивизии и в 71-й пехотный полк, который пострадал больше всех. Сначала я считал, что причиной несчастья является плохое состояние разведки и охранения. Однако после того, как я на месте заслушал сообщения командира батальона и командиров рот, мне стало ясно, что войска верно выполняли свой долг и что причиной прорыва является превосходство сил противника. О достоверности полученных мной сообщений свидетельствовали многочисленные трупы немецких солдат, которые лежали на поле боя в полной военной форме и с оружием в руках. Я постарался ободрить личный состав полка и заставить его забыть свою неудачу. Сибиряки ускользнули от нас, правда, без своего тяжёлого оружия и автотранспорта, а у нас не было сил их задержать. Это было самым печальным событием того дня. Преследование ускользнувшего противника, немедленно предпринятое мотоциклетными подразделениями 29-й мотодивизии, не дало никаких результатов.

Затем я направился в разведывательный батальон и 33-й мотострелковый полк 4-й танковой дивизии, а к ночи поехал в штаб 24-го танкового корпуса. Лишь тот, кто в эту зиму нашего несчастья лично видел бесконечные просторы русских снежных равнин, где ледяной

ветер мгновенно заметал всякие следы, лишь тот, кто часами ехал по «ничейной» территории, встречая лишь незначительные охраняющие подразделения, солдаты которых не имели необходимого обмундирования и питания, в то время как свежие сибирские части противника были одеты в отличное зимнее обмундирование и получали хорошее питание, лишь тот мог правильно оценить последовавшие вскоре серьёзные события.

Полковник Балк, в то время референт главного командования сухопутных войск по вопросам бронетанковых войск, сопровождал меня во время этой поездки. Я просил его передать главнокомандующему сухопутными войсками свои впечатления о поездке.

Наиболее неотложной нашей задачей было овладение Тулой. Немыслимо было проводить дальнейшие операции на север или, на восток, т. е. в направлении наших ближайших целей, не овладев предварительно этим важным узлом путей сообщения и аэродромом. Моё посещение командиров корпусов имело целью подготовить наступление на Тулу, трудности которого я отчётливо себе представлял. Мы хотели захватить город двойным охватом: силами 24-го танкового корпуса с севера и востока и силами 43-го армейского корпуса с запада. 53-й армейский корпус должен был во время проведения этой операции обеспечивать наш северный фланг против сил противника, действовавших с московского направления, а 47-й танковый корпус — растянувшийся восточный фланг против перебрасываемых сюда сибиряков, 10-я мотодивизия этого корпуса, достигнув 27 ноября, в соответствии с приказом, города Михайлов, отправила группы подрывников для взрыва железной дороги на участке Рязань-Коломна, но, к сожалению, эти группы не смогли выполнить своей задачи: оборона русских была слишком сильна. Из-за больших холодов во время продвижения на Ефремов вышла из строя почти вся артиллерия 18-й танковой дивизии. 29 ноября превосходящие силы противника впервые оказали сильное давление на 10-ю мотодивизию. Поэтому наши войска вынуждены были оставить Скопин.

Наступательная сила 24-го танкового корпуса, который вёл непрерывные бои в течение нескольких месяцев, также значительно снизилась. Корпусная артиллерия насчитывала всего лишь 11 орудий.

В южной части Восточного фронта 27 ноября превосходящие силы русских начали наступление на Ростов; обстановка там стала чрезвычайно напряжённой. Правее нас было отмечено усиление противника, действовавшего против 2-й армии. На левом фланге моей армии 43-й армейский корпус достиг шоссе Тула-г. Алексин. Здесь корпус натолкнулся на крупные силы противника, немедленно предпринявшего контратаки.

2-я танковая дивизия 4-й армии вышла к Красной Поляне, в 22 км северо-западнее Москвы.

28 ноября русские снова прорвались к Ростову. 1-я танковая армия вынуждена была готовиться к оставлению города.

Наши успехи в полосе действий 43-го армейского корпуса оставались незначительными. В этот день командование группы армий отказалось от наступления на далеко отстоящие от нас цели, которые были указаны главным командованием сухопутных войск, приказав в первую очередь «пробиться к Туле».

30 ноября главное командование сухопутных войск выразило сомнение в том, достаточно ли сосредоточено нами сил для проведения наступления на Тулу. Усиление группировки, наступающей на Тулу, было возможно лишь за счёт сокращения сил 47-го танкового корпуса, предназначенных для обеспечения нашего фланга. Учитывая нараставшую угрозу с востока, я считал это рискованным. Однако в тот же день на самом южном участке немецкого Восточного фронта произошло событие, которое наиболее ярко осветило наше общее положение. В этот день группа армий «Юг» оставила Ростов. На следующий день командующий этой группой фельдмаршал фон Рундштедт был смещён со своей должности и заменён фельдмаршалом фон Рейхенау. Это было первым тревожным сигналом! Тем не менее ни Гитлер, ни верховное командование вооружённых сил, ни главное командование сухопутных войск не обратили на него никакого внимания.

Общие наши потери на Восточном фронте, начиная с 22 июня 1941 г., достигали уже 743 000 человек, что составило 23 % к общей численности наших вооружённых сил, которые насчитывали около 3,5 млн. человек.

В тот же день 30 ноября было отмечено усиление противника, действовавшего против моего северного фланга у Каширы. Было очевидно, что противник перебрасывает с центрального участка фронта, западнее Москвы, часть своих сил на угрожаемые фланги.

Я получил сообщение о смерти своего боевого соратника, начиная с лета этого года, полковника Мёльдера и был чрезвычайно опечален тем, что мы потеряли одного из наших лучших солдат.

Усиление партизанской войны на Балканах требовало от немецкого командования отправки туда всё большего количества войск.

Новый командующий группой армий фельдмаршал фон Рейхенау признал неизбежным сдачу Ростова и отвод 1-й танковой армии за линию р. Миус. Таким образом, отстранение Рундштедта с поста

командующего через 24 часа оказалось совершенно ненужным мероприятием.

Между тем в моей армии продолжалась подготовка к наступлению, которое мы предполагали начать 2 декабря во взаимодействии с 4-й армией. Однако 1 декабря нам сообщили, что 4-я армия перейдёт в наступление только 4 декабря. Я охотно отложил бы начало наступления и для моей армии с тем, чтобы действовать одновременно с 4-й армией, а также дожидаться подхода 296-й пехотной дивизии. Однако 24-й танковый корпус, на исходные позиции которого противник оказывал сильное давление, не мог больше ждать, и я решил начать наступление 2 декабря силами этого корпуса.

Свой передовой командный пункт мы организовали в Ясной Поляне, бывшем поместье графа Толстого. Я посетил командный пункт 2 декабря. Ясная Поляна находилась позади командного пункта полка «Великая Германия», в 7 км южнее Тулы.

2 декабря 3-й и 4-й танковым дивизиям, а также полку «Великая Германия» удалось прорвать передний край обороны противника, для которого наше наступление явилось полной неожиданностью. Наступление продолжалось и 3 декабря в условиях сильного снегопада и ветра. Дороги заледенели, передвижение было затруднено, 4-я танковая дивизия подорвала железнодорожную линию Тула-Москва и, наконец, достигла шоссе Тула-Серпухов. Этим, однако, наступательная сила дивизии была исчерпана, а все запасы горючего израсходованы. Противник отошёл на север. Положение оставалось напряжённым.

4 декабря разведка обнаружила крупные силы противника к северу и югу от клина наших войск, вышедших на шоссе Тула-Серпухов, 3-я танковая дивизия вела тяжёлые бои в лесу, восточное Тулы. Наши успехи в течение этого дня были незначительными.

Однако решающее значение для всей обстановки под Тулой имели следующие вопросы: во-первых, обладает ли ещё 43-й армейский корпус достаточной наступательной мощностью для того, чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг Тулы и соединиться севернее города с 4-й танковой дивизией, и, во-вторых, в состоянии ли 4-я армия оказать на противника такое давление, которое помешало бы ему подтянуть свои силы к Туле.

3 декабря я отправился в Грязново, в 43-й армейский корпус для того, чтобы лично ознакомиться с боеспособностью его соединений. 4

декабря рано утром я посетил командный пункт 31-й пехотной дивизии, а затем посетил 17-й пехотный полк и его 3-й егерский батальон — мой старый госларский егерский батальон, в котором я начал свою военную службу и в 1920–1922 гг. командовал 11-й ротой. обстоятельная беседа, проведённая мной с командирами рот, имела целью выяснить, обладают ли войска достаточной наступательной силой для выполнения предстоящей задачи. Офицеры откровенно изложили мне все свои заботы, однако на вопрос о наступательной способности всё же ответили утвердительно, сказав: «Ещё один раз мы как-нибудь выбьем противника из его позиций». Вопрос о том, обладают ли и остальные подразделения 43-го армейского корпуса такой же боеспособностью, как мои старые госларские егери, остался пока нерешённым. Впечатление, полученное от этой поездки, заставило меня ещё раз решиться на продолжение наступления.

Обратная поездка тянулась бесконечно долго, и была опасной из-за поднявшейся вьюги и обледенелых склонов. В конце концов мой командирский танк попал в овраг, из которого он в темноте никак не мог выбраться. К счастью, по другую сторону оврага я встретил машину связи штаба группы, которая и доставила меня в ту же ночь в Ясную Поляну.

4 декабря 43-й армейский корпус занял исходные позиции для наступления, а 296-я пехотная дивизия, которой командовал генерал Штеммерман, продолжала свой тяжёлый марш по направлению к Туле.

О переходе дивизии в наступление в этот же день не могло быть и речи. Температура упала до минус 35 градусов. Авиаразведка донесла о передвижении крупных сил противника из Каширы на юг. Сильное прикрытие этого передвижения истребителями не давало возможности нашей авиаразведке вести наблюдение с более близких расстояний.

5 декабря 43-й армейский корпус пытался перейти в наступление, но не смог воспользоваться первоначальным успехом 31-й пехотной дивизии, 296-я пехотная дивизия достигла р. Упа лишь после наступления темноты, будучи в чрезвычайно изнурённом состоянии. Один из её полков я сам видел. В районе действий 29-й мотодивизии русские войска, поддержанные танками, атаковали северо-восточнее Венева. Опасность, угрожавшая флангам и тылу 24-го танкового

корпуса, соединения которого находились севернее Тулы и из-за 50-градусного мороза были лишены возможности передвигаться, ставила под сомнение целесообразность дальнейшего продолжения наступления. Наступление было бы возможно только в том случае, если бы 4-я армия наступала одновременно с нами и притом успешно. К сожалению, об этом не могло быть и речи. Дело обстояло как раз наоборот. Помощь 4-й армии ограничилась действиями ударной группы в составе двух рот, которые после выполнения своей задачи снова возвратились на исходные позиции. Этот эпизод не оказал никакого влияния на противника, действовавшего против 43-го армейского корпуса, 4-я армия перешла к обороне!

Перед лицом угрозы моим флангам и тылу и учитывая наступление неимоверно холодной погоды, в результате которой войска потеряли подвижность, я в ночь с 5 на 6 декабря впервые со времени начала этой войны решил прекратить это изолированное наступление и отвести далеко выдвинутые вперёд части на линию: верхнее течение р. Дон, р. Шат, р. Упа, где и занять оборону. За всё время войны я не принимал ни одного решения с таким трудом, как это. Такого же мнения придерживались мой начальник штаба Либенштейн и старший из командиров корпусов генерал фон Гейер, однако это мало способствовало улучшению моего настроения.

В ту же ночь я по телефону доложил о своём решении фельдмаршалу фон Боку. Его первым вопросом было: «Где, собственно, находится ваш командный пункт?» Он был уверен, что я нахожусь в Орле, далеко от района происходящих событий. Однако танковые генералы не делали таких ошибок. Я находился достаточно близко от района происходящих событий и от своих войск, чтобы иметь возможность правильно оценить обстановку и возможности моих солдат.

Положение было серьёзным не только в полосе действий моей 2-й танковой армии. В ту же ночь с 5 на 6 декабря вынуждены были прекратить своё наступление также 4-я танковая армия Гепнера и 3-я танковая армия Рейнгартта, вышедшая с севера к пункту, находившемуся в 35 км от Кремля, так как у них не было сил, необходимых для достижения великой цели, уже видневшейся перед ними. В районе Калинина, где действовала наша 9-я армия, русские даже перешли в наступление.

Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьёзное поражение, которое из-за упрямства верховного командования повело в ближайшие недели к роковым последствиям. Главное командование сухопутных войск, находясь в далёкой от фронта Восточной Пруссии, не имело никакого представления о действительном положении своих войск в условиях зимы, хотя и получало об этом многочисленные доклады. Это незнание обстановки всё время вело к новым невыполнимым требованиям.

Своевременный отвод войск и занятие обороны на выгодном и заранее подготовленном рубеже явились бы наилучшим и наиболее действенным средством для того, чтобы восстановить положение и закрепиться до наступления весны. В полосе действий 2-й танковой армии таким рубежом могла бы стать занимаемая ею в октябре частично оборудованная линия обороны по рекам Зуша и Ока. Однако именно с этим Гитлер не соглашался. Упрямство ли Гитлера или внешнеполитические соображения оказали влияние на принятие решений в эти дни — мне неизвестно. Тем не менее я могу это предположить, так как 8 декабря Япония вступила в войну, а 11 декабря последовало объявление Германией войны Соединённым Штатам Америки.

Военных специалистов в эти дни удивлял тот факт, что, несмотря на объявление Гитлером войны США, Япония не объявила войны Советскому Союзу. В связи с этим русские имели возможность высвободить свои войска, находившиеся на Дальнем Востоке, и использовать их против Германии. Эти войска были с невиданной до сих пор скоростью (эшелон за эшелоном) направлены на наш фронт. Не разряжение обстановки, а новое исключительно тяжёлое её напряжение явилось результатом этой странной политики. Расплачиваться за неё должны были наши солдаты. Война стала отныне действительно «тотальной». Экономический и военный потенциал большей части стран земного шара объединился против Германии и её слабых союзников.

Вернёмся всё же вновь к положению у Тулы. 24-му танковому корпусу удалось планомерно оторваться от противника, но 53-й армейский корпус испытывал сильное давление его войск со стороны

Каширы, 47-й танковый корпус в ночь на 8 декабря вынужден был в результате удара русских сдать Михайлов, 10-я мотодивизия понесла при этом тяжёлые потери. Правее нас 2-я армия потеряла в эти дни Елец. Противник наступал на Ливны и усилился у Ефремова.

О моих взглядах и настроениях в тот период можно судить по письму от 8 декабря, в котором я писал: *«Мы стоим перед печальным фактом того, что наше верховное командование слишком туго натянуло тетиву лука, не хотело верить поступающим сообщениям об ослаблении боеспособности наших войск, выдвигало всё время новые и новые требования, не обеспечило нас всем необходимым для тяжёлой зимы и было застигнуто врасплох русскими морозами, доходившими до минус 35 градусов. Наши силы были недостаточны для того, чтобы успешно осуществить наступление на Москву, и, таким образом, мне с болью в сердце пришлось в ночь на 6 декабря принять решение о прекращении бесперспективных боевых действий и об отходе на заранее избранный, сравнительно небольшой по ширине рубеж, который я надеялся удержать оставшимися у меня силами. Русские продолжают сильно нажимать, и можно ожидать ещё множества всяких неприятных инцидентов. Наши потери, особенно большими и обмороженными, очень велики, и даже при условии, что часть из них после небольшого отдыха снова возвратится в строй, всё же в настоящий момент ничего нельзя сделать. Из-за морозов потери в автотранспорте и артиллерии превысили все расчёты. Кое-как мы выходим из положения, используя крестьянские сани, однако они, естественно, приносят нам небольшую пользу. К счастью, нам удалось сохранить те наши танки, которые ещё были на ходу. Однако долго ли они смогут находиться в строю при таком холоде, знает один лишь бог.*

Ростов был началом наших бед; это был первый — предостерегающий сигнал. Несмотря на это, наступление здесь продолжалось. Моя поездка в штаб группы армий 23 ноября не дала никаких результатов и не внесла необходимой ясности; там продолжали работать спустя рукава. Затем потерпел поражение мой северный сосед; мой южный сосед был и до того не очень боеспособен, и в конце концов у меня не было другого выбора, как прекратить наступление, так как одному, да ещё при 35-градусном морозе, мне было не под силу опрокинуть весь Восточный фронт.

Я также просил Балка доложить мою оценку обстановки главнокомандующему сухопутными войсками, но не знаю, удалось ли ему выполнить мою просьбу.

Вчера меня посетил Рихтгофен. Мы с ним долго беседовали с глазу на глаз и установили, что имеем одинаковый взгляд на сложившуюся обстановку. Наконец, я имел беседу с генералом Шмидтом, который командовал армией, действовавшей справа от нас. Он также во всём согласился со мной. Во всяком случае, я не одинок в своих взглядах, хотя, увы, это не имеет никакого значения, так как никто ими не интересовался...

Мне самому никак не верилось, что в течение двух месяцев можно будет так сильно ухудшить обстановку, которая была почти блестящей... Если бы своевременно было принято решение о прекращении наступления и о переходе на зимний период к обороне на выгодном и заранее оборудованном рубеже, то ничего опасного не случилось бы. Теперь же на долгие месяцы наступила полная неопределённость... Я меньше всего думаю о себе; гораздо больше меня интересует судьба всей Германии, за которую я очень опасюсь».

9 декабря противник, развивая успех в районе Ливны, где действовала 2-я немецкая армия, окружил части 95-й пехотной дивизии. В полосе действий моей армии 47-й танковый корпус отходил на юго-запад;

24-й танковый корпус отбивал атаки русских, предпринимавшиеся ими из Тулы.

10 декабря я в письменной форме доложил о нашей обстановке шеф-адъютанту Гитлера Шмундту и начальнику управления личного состава главного командования сухопутных войск Кейтелю-младшему с тем, чтобы они там не питали в дальнейшем никаких иллюзий. В тот же день я писал своей жене: «Надо надеяться, что эти мои письма вовремя дойдут до адресата, ибо при установлении полной ясности и при твёрдом желании положение ещё может быть исправлено. У нас недооценили силы противника, размеры его территории и суровость климата, и за это приходится теперь расплачиваться... Хорошо ещё, что я 5 декабря самостоятельно принял решение о прекращении наступления, ибо в противном случае катастрофа была бы неминуемой».

10 декабря была отмечена выгрузка русских войск в районе Касторной и Ельца. В полосе действий 2-й армии противник расширил прорыв и перерезал дорогу Ливны-Чернова. 10-я мотодивизия моей армии вела оборонительные бои в Епифани. 53-й армейский и 24-й танковый корпуса достигли рубежа рек Дон, Шат, Упа.

Между 296-й и 31-й пехотными дивизиями образовалась опасная брешь.

11 декабря корпуса нашего соседа справа продолжали отходить на запад. Над Ефремовом нависла угроза, и 12 декабря он был сдан.

Для того, чтобы закрыть брешь, образовавшуюся на фронте 43-го армейского корпуса, 4-й армии было приказано направить туда 137-ю пехотную дивизию. Однако требовалось некоторое время для того, чтобы дивизия могла подойти к этому участку ввиду значительного расстояния и плохой погоды. Поэтому в течение 12 декабря мы вынуждены были направить все свои наличные подвижные силы на помощь попавшему в беду соседу справа.

13 декабря 2-я армия продолжала отход. При этих обстоятельствах 2-я танковая армия не была в состоянии удержаться на рубеже Сталиногорск, р. Шат, р. Упа, тем более, что 112-я пехотная дивизия не имела достаточно сил для того, чтобы оказать дальнейшее сопротивление и задержать наступление свежих сил противника. Войска вынуждены были отходить за линию р. Плава. Действовавшие левее нас 4-я армия и прежде всего 4-я и 3-я танковые группы также не могли удержать свои позиции.

14 декабря я прибыл в Рославль, где встретился с главнокомандующим сухопутными войсками фельдмаршалом фон Браухичем. Фельдмаршал фон Клюге также присутствовал при этом. Для того, чтобы попасть в Рославль, мне пришлось в течение 22 час ехать на автомашине при снежной вьюге. Я подробно обрисовал главнокомандующему сухопутными войсками положение своих войск и просил его разрешить моей армии отойти на рубеж р. Зуша и Ока, где во время октябрьских боёв находилась наша передовая линия, которая вследствие этого была до некоторой степени оборудована. Главнокомандующий дал мне на это своё согласие. Был поднят также вопрос и о том, каким образом можно будет закрыть 40-километровый

разрыв, образовавшийся между 24-м танковым и 43-м армейским корпусами. Для этой цели 4-я армия должна была передать в подчинение 2-й танковой армии 137-ю пехотную дивизию. Однако фельдмаршал фон Клюге пока направил только четыре батальона этой дивизии под командованием командира дивизии. Я считал это совершенно недостаточным и просил, чтобы оставшаяся половина дивизии была бы также немедленно направлена в моё распоряжение. Во время боёв этой дивизии за устранение разрыва погиб отважный генерал Бергман. Образовавшаяся опасная брешь между корпусами так и не была ликвидирована.

В результате совещания в Рославле последовал следующий приказ: «2-я армия переходит в подчинение командующего 2-й танковой армии. Обе армии должны удержать рубеж перед Курском, Орлом, Плавск, Алексин, а в крайнем случае по р. Ока». Я был убеждён, что главнокомандующий доложит Гитлеру об этом своём распоряжении, однако дальнейшие события поколебали эту уверенность.

В этот день глубокий прорыв, предпринятый русскими 13 декабря через Ливны в направлении на Орёл, оказал своё действие — была окружена и частично уничтожена 45-я пехотная дивизия. Гололедица затрудняла все виды передвижения. Потери от обморожения были больше, чем от огня противника. Пришлось отвести 47-й танковый корпус, так как его сосед справа — 293-я пехотная дивизия 2-й армий — отступил от Ефремова.

16 декабря по моей настоятельной просьбе на аэродром в Орле прибыл находившийся поблизости Шмундт, с которым я имел получасовую беседу. Я обрисовал ему серьёзность обстановки и просил доложить об этом фюреру. Я надеялся, что в течение ночи Гитлер вызовет меня к телефону, чтобы дать ответ на мои предложения, которые я передал со Шмундтом. Во время беседы я узнал о предстоящем изменении в главном командовании сухопутных войск — о смене фельдмаршала фон Браухича. В ту же ночь я писал: «Ночь я провёл без сна, ломая голову над тем, что я ещё мог бы предпринять для того, чтобы помочь моим солдатам, которые оставались совершенно беспомощными в условиях этой безумной зимы. Трудно даже себе представить их ужасное положение. Работники верховного командования, которые ни разу не были на фронте, не в состоянии представить себе истинного положения войск. Они всё время передают

по телеграфу одни лишь невыполнимые приказы и отказываются удовлетворить все наши просьбы и выполнить наши предложения».

В ту же ночь Гитлер вызвал меня по телефону, потребовал стойко держаться и, запретив нам отходить, пообещал перебросить по воздуху пополнение, если не ошибаюсь, в 500 человек! Телефонные вызовы Гитлера повторялись затем неоднократно, но слышимость была очень плохая. Что касается отхода, то он уже начал осуществляться в соответствии с беседой в Рославле с фельдмаршалом фон Браухичем, и было совершенно невозможно его остановить.

17 декабря я побывал у командиров 24-го и 47-го танковых корпусов, а также у командира 53-го армейского корпуса с тем, чтобы ещё раз ознакомиться с положением войск и переговорить с командирами корпусов относительно обстановки. Все три генерала считали, что наши наличные силы недостаточны для того, чтобы организовать стойкую оборону восточнее Оки.

Отсюда следовало, что нам необходимо сохранить боеспособность войск до подхода свежих сил, когда можно будет создать прочную оборону. Генералы доложили, что войска начинают сомневаться в способностях верховного командования, которое отдало свой последний приказ о наступлении, оценив при этом возможности противника совершенно неправильно. «Если бы мы обладали своей прежней манёвренностью и боеспособностью, выполнение этого приказа ничего бы не стоило. Гололедица затрудняла все наши передвижения. Русские хорошо снаряжены и хорошо подготовлены к зиме, а у нас ничего нет».

2-я армия опасалась, что противник предпримет в этот день прорыв в направлении на Новосиль.

Учитывая всю сложившуюся обстановку, и с согласия командования группы армий решил вылететь в главную ставку фюрера и лично доложить ему обстановку, так как все мои доклады, как письменные, так и по телефону, не привели к каким-либо результатам. Беседа была назначена на 20 декабря. К этому времени фельдмаршал фон Бок подал рапорт о болезни и его сменил на посту командующего группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге.

18 декабря 2-й армии было приказано оборонять рубеж Тим, Ливны, Верховье и через несколько дней, примкнув к правому флангу 2-й танковой армии, отойти на рубеж Б. Река Зуша, р. Зуша. 2-й танковой армии было приказано отойти на рубеж Могилки, Верх. Плавы, Сороченка, Чукина, Козмино.

43-й армейский корпус был передан в подчинение 4-й армии.

19 декабря 47-й танковый корпус и 53-й армейский корпус заняли оборону по р. Плава. Я решил отвести 47-й танковый корпус на линию Озерки (район северо-западнее Подосиновки), а 24-й танковый корпус сосредоточить в качестве резерва армии в районе Орла с тем, чтобы дать ему небольшой отдых, а затем использовать в качестве оперативного подвижного резерва.

4-я армия была атакована противником на своём левом фланге и местами отброшена назад.

Моё первое отстранение от службы

«Монах, монах, как труден твой путь!» Эти слова, в применении к нашей обстановке, мне всё чаще и чаще приходилось слышать от своих сослуживцев, когда я сообщил им о своём решении отправиться к Гитлеру. Мне и самому было ясно, как нелегко будет добиться, чтобы Гитлер принял мою точку зрения. Однако в то время я всё ещё верил, что наше верховное командование в состоянии здраво оценить обстановку, если об этом будет доложено фронтовым генералом. Эта уверенность сохранялась у меня на всём пути, когда я на самолёте летел от фронтовой линии, проходившей севернее Орла, до далёкой Восточной Пруссии, где находилась благоустроенная и хорошо отапливаемая верховная ставка фюрера.

20 декабря в 15 час. 30 мин. я высадился на аэродроме Растенбург (Растемборк), после чего имел пятичасовую беседу с Гитлером, прерванную лишь дважды, каждый раз на полчаса; один раз — на ужин, а второй — для просмотра еженедельной кинохроники, которую Гитлер всегда сам просматривал.

В 18 часов я был принят Гитлером в присутствии Кейтеля, Шмундта и нескольких других офицеров. Ни начальник генерального штаба, ни какой-либо другой представитель главного командования сухопутных войск не присутствовали во время моего доклада главнокомандующему сухопутными войсками, каковым Гитлер назначил себя после смещения с этого поста фельдмаршала Браухича. Как и 23 августа 1941 г., я предстал в единственном числе перед верхушкой верховного командования вооружённых сил. Когда Гитлер поздоровался со мной, я впервые заметил его отчуждённый и враждебный взгляд, который он устремил на меня, свидетельствующий о том, что он уже имеет предубеждение против меня. Тусклое освещение небольшой комнаты усиливало неприятное впечатление.

Доклад начался с моего изложения оперативной обстановки в районе 2-й танковой армии и 2-й полевой армии. Затем я доложил своё намерение отвести войска обеих армий от рубежа к рубежу до линии рек Зуша, Ока, о чём я ещё 14 декабря докладывал в Рославле фельдмаршалу фон Браухичу и на что было получено его согласие. Я был убеждён, что об этом было в своё время доложено Гитлеру. Как велико было моё удивление, когда Гитлер, вспыхнув, воскликнул: «Нет, это я запрещаю!» Я доложил ему, что отход уже начат и что впереди указанной линии вдоль рек Зуша и Ока отсутствуют какие-либо рубежи, которые были бы пригодны для организации длительной обороны. Если он считает необходимым сохранить войска и перейти на зиму к обороне, то другого выбора у нас быть не может.

Гитлер: *«В таком случае вам придётся зарыться в землю и защищать каждый квадратный метр территории!»*

Я: *«Зарыться в землю мы уже не можем, так как земля промёрзла на глубину в 1–1,5 м, и мы со своим жалким шанцевым инструментом ничего не сможем сделать».*

Гитлер: *«Тогда вам придётся своими тяжёлыми полевыми гаубицами создать воронки и оборудовать их как оборонительные позиции. Мы уже так поступали во Фландрии во время первой мировой войны».*

Я: *«В период первой мировой войны каждая наша дивизия, действовавшая во Фландрии, занимала фронт шириной в 4–6 км и располагала двумя-тремя дивизионами тяжёлых полевых гаубиц и*

довольно большим комплектом боеприпасов. Мои же дивизии вынуждены каждая оборонять фронт шириной в 20–40 км, а на каждую дивизию у меня осталось не более четырёх тяжёлых гаубиц с боекомплектом в 50 выстрелов на каждое орудие. Если я использую свои гаубицы для того, чтобы сделать воронки, то с помощью каждого орудия я смогу только создать 50 мелких воронок, величиной в таз для умывания, вокруг которых образуются чёрные пятна, но это ни в коем случае не составит оборонительной позиции! Во Фландрии никогда не было такого холода, с каким мы столкнулись здесь. Кроме того, боеприпасы мне необходимы для того, чтобы отразить атаки русских. Мы не в состоянии вбить в землю шесты, необходимые для прокладки телефонных линий, и для этого вынуждены использовать взрывчатые вещества. Где же нам взять необходимое количество подрывных средств для создания оборонительной полосы такого большого масштаба?»

Однако Гитлер продолжал настаивать на выполнении своего приказа — прекратить отход и остановиться там, где мы находились в тот момент.

Я: «В таком случае мы вынуждены будем перейти к обороне на невыгодных для нас позициях, как это было на Западном фронте в период первой мировой войны. Нам, как и тогда, придётся вести сражения за счёт использования техники и иметь исключительно большие потери, не имея возможности добиться успехов. Придерживаясь такой тактики, мы уже в течение этой зимы вынуждены будем пожертвовать лучшей частью нашего офицерского и унтер-офицерского корпуса, а также личным составом, пригодным для его пополнения, причём все эти жертвы будут напрасными и сверх того невозполнимыми».

Гитлер: «Вы полагаете, что гренадеры Фридриха Великого умирали с большой охотой? Они тоже хотели жить, тем не менее король был вправе требовать от каждого немецкого солдата его жизни. Я также считаю себя вправе требовать от каждого немецкого солдата, чтобы он жертвовал своей жизнью».

Я: «Каждый немецкий солдат знает, что во время войны он обязан жертвовать своей жизнью для своей родины, и наши солдаты на практике доказали, что они к этому готовы. Однако такие жертвы нужно требовать от солдат лишь тогда, когда это

оправдывается необходимостью. Полученные мною указания неизбежно приведут к таким потерям, которые никак не могут быть оправданы требованиями обстановки. Лишь на предлагаемом мной рубеже рек Зуша, Ока войска найдут оборудованные ещё осенью позиции, где можно найти защиту от зимнего холода. Я прошу обратить внимание на тот факт, что большую часть наших потерь мы несём не от противника, а в результате исключительного холода и что потери от обморожения вдвое превышают потери от огня противника. Тот, кто сам побывал в госпиталях, где находятся обмороженные, отлично знает, что это означает».

Гитлер: «Мне известно, что вы болеете за дело и часто бываете в войсках. Я признаю это достоинство за вами. Однако вы стоите слишком близко к происходящим событиям. Вы очень сильно переживаете страдания своих солдат. Вы слишком жалеете их. Вы должны быть от них подальше. Поверьте мне, что издали лучше видно».

Я: «Я, безусловно, считаю своей обязанностью уменьшить страдания своих солдат, насколько это в моих силах. Однако это трудно сделать в условиях, когда личный состав до сих пор ещё не обеспечен зимним обмундированием и большая часть пехотинцев носит хлопчатобумажные брюки. Сапог, белья, рукавиц и подшлемников или совершенно нет, или же они имеются в ничтожном количестве».

Гитлер вспыхнул: «Это неправда. Генерал-квартирмейстер сообщил мне, что зимнее обмундирование отправлено».

Я: «Конечно, обмундирование отправлено, но оно до нас ещё не дошло. Я проследил его путь. Обмундирование находится в настоящее время на железнодорожной станции в Варшаве и уже в продолжение нескольких недель никуда не отправляется из-за отсутствия паровозов и наличия пробок на железных дорогах. Наши требования в сентябре и октябре были категорически отклонены, а теперь уже слишком поздно что-либо сделать».

Вызвали генерал-квартирмейстера, который вынужден был подтвердить верность моих утверждений. Результатом этой беседы явилась кампания зимней помощи по сбору тёплых вещей, начатая

Геббельсом к рождеству 1941 г. Однако в течение зимы 1941/42 г. солдаты ничего из этих вещей не получили.

Затем мы перешли к обсуждению вопросов, касающихся боевого состава войск армии и состояния продовольственного снабжения. Ввиду больших потерь в автотранспорте, которые мы понесли в период распутицы, а также из-за больших морозов ни в войсках, ни в специальных транспортных подразделениях не доставало необходимого автотранспорта для подвоза предметов снабжения. Не получая никакого пополнения взамен выбывшего из строя автотранспорта, войска вынуждены были использовать местные транспортные средства, а именно — крестьянские телеги и сани, имевшие незначительную вместимость. Для того, чтобы заменить недостающие грузовые машины, требовалось очень большое количество местных транспортных средств и многочисленный обслуживающий персонал. Гитлер требовал резкого сокращения частей снабжения и тыловых войсковых частей, которые, по его мнению, слишком разбухли, с тем чтобы освободить личный состав для фронта. В той мере, насколько это не вредило делу снабжения, такое сокращение, конечно, уже было сделано. Более значительных результатов можно было добиться путём улучшения других транспортных средств, особенно железнодорожного транспорта. Однако было трудно убедить Гитлера в этой несложной истине.

Далее мы перешли к вопросу об условиях расквартирования войск. Несколько недель тому назад в Берлине была открыта выставка, отражавшая мероприятия главного командования сухопутных войск по обеспечению войск в условиях зимы. Фельдмаршал фон Браухич не поленился лично показать Гитлеру эту выставку. Выставка была изумительно красива, и её даже показывали в кинохронике. Но, к сожалению, войска не имели ни одной из этих красивых вещей. Из-за непрекращающейся манёвренной войны невозможно было что-нибудь построить, а страна давала нам очень мало. Поэтому условия размещения наших войск были исключительно плохими. Об этом Гитлер также не имел ясного представления. Когда мы беседовали на эту тему, присутствовал министр вооружения доктор Тодт, человек умный и здравомыслящий. Под впечатлением моего рассказа об обстановке на фронте Тодт подарил мне две окопные печи, которые он намеревался показать Гитлеру, а затем в качестве моделей отправить в

войска, которые должны были производить такие печи, используя для этого местные средства. Его подарок явился, пожалуй, единственным положительным результатом этой длительной беседы.

Во время ужина я сидел рядом с Гитлером и, воспользовавшись этим обстоятельством, рассказал ему некоторые подробности относительно фронтовой жизни. Однако это не произвело на него того впечатления, на которое я рассчитывал. Очевидно, Гитлер, как и его приближённые, считал, что я сильно преувеличиваю.

После ужина беседа была возобновлена, и я внёс предложение о том, чтобы на работу в верховное командование вооружённых сил и главное командование сухопутных войск были поставлены офицеры генерального штаба, имеющие фронтовой опыт. Я сказал: *«Судя по отношению работников главного командования сухопутных войск, у меня сложилось впечатление, что наши донесения и доклады оцениваются неправильно, а вследствие этого и вас часто неверно информируют. Поэтому я считаю необходимым на должности офицеров генерального штаба назначать в верховное командование вооружённых сил и главное командование сухопутных войск офицеров, имеющих достаточный фронтовой опыт. Необходимо произвести „смену караулов“. В обоих штабах, на самых высших должностях, находятся офицеры, которые с самого начала войны, т. е. в продолжение двух лет, ни разу не видели фронта. Эта война настолько отличается от первой мировой войны, что фронтовой опыт того периода сейчас не имеет никакого значения».*

Мои слова попали в самый центр осинового гнезда. Гитлер с негодованием возразил: *«Я не могу сейчас расстаться со своим окружением».*

Я: *«Вам нет необходимости расставаться со своими личными адъютантами; не об этом идёт речь. Важным является замена руководящих офицеров, занимающих должности в генеральном штабе, офицерами, обладающими фронтовым опытом, особенно опытом боевых действий в зимних условиях».*

Эта моя просьба была также категорически отклонена. Беседа закончилась неудачно. Когда я выходил из помещения, где делал доклад, Гитлер сказал Кейтелю: *«Этого человека я не переубедил!»* Тем самым в отношениях между нами образовалась трещина, которая в дальнейшем уже никак не могла быть ликвидирована.

На следующее утро, прежде чем отправиться в обратный путь, я ещё раз позвонил по телефону начальнику штаба оперативного руководства вооружённых сил генералу Йодлю и вторично заявил, что нынешние методы действий неизбежно приведут к исключительно большим человеческим жертвам, которые ничем не оправдываются. Необходимы резервы, причём незамедлительно, для того, чтобы, оторвавшись от противника, закрепиться на тыловой оборонительной полосе. Этот мой призыв не возымел никакого действия.

21 декабря, после телефонного разговора с Йодлем, я вылетел обратно в Орёл. По приказу Гитлера граница левого фланга моей армии была установлена у места впадения р. Жиздра в Оку. Это изменение в значительной степени увеличило ответственность танковой армии, что было для меня весьма нежелательно. Остаток дня ушёл на разработку и отдачу приказов, которые должны были учесть намерения Гитлера.

Для того, чтобы обеспечить выполнение этих приказов, я 22 декабря отправился в дивизии, входящие в состав 47-го танкового корпуса. После непродолжительной беседы в штабе корпуса я поехал в Чернь, где находилась 10-я мотодивизия, и сообщил командиру дивизии генералу фон Леперу цель нового приказа и причины, заставившие Гитлера его отдать. Во второй половине дня с той же целью я побывал в 18-й и 17-й танковых дивизиях. К полуночи я по гололедице возвратился обратно в Орёл. Во всяком случае, я лично подробно ознакомил командиров соединений, находившихся на самом левом фланге, с изменениями, вызванными приказом Гитлера, и считал, что с чистой совестью могу ожидать событий ближайших дней.

23 декабря ушло на беседы с командирами остальных корпусов. В 43-м армейском корпусе мне сообщили, что 167-я пехотная дивизия также сильно пострадала, 296-я пехотная дивизия отступала по направлению к Белову. Способность этого корпуса к сопротивлению оценивалась очень низко. Между его левым флангом и 43-м армейским корпусом образовалась громадная брешь, которая не могла быть закрыта наличными силами, почти не имевшими возможности передвигаться вне дорог по непроходимой местности. Учитывая всё это, я принял решение отвести по шоссе Тула-Орёл 3-ю и 4-ю танковые дивизии к Орлу, дать им трёхдневный отдых для приведения себя в порядок, а затем под командованием штаба 24-го танкового корпуса направить обе дивизии через Карачев, Брянск на север с задачей

атаковать фланг противника, форсировавшего Оку. Однако прорыв противника в районе действий 2-й армии вынудил меня повернуть часть этих сил к месту нового кризиса, что замедлило сосредоточение обеих дивизий в районе Лихвина. Все остальные части 24-го танкового корпуса, кроме танковых, были сосредоточены в Орле и использованы в качестве гарнизона города.

День 24 декабря я использовал для посещения ряда госпиталей, где происходили рождественские празднества. Мне удалось доставить радость brave солдатам. Но это была печальная обязанность. Вечер я провёл за работой, пока не явились Либенштейн, Бюсинг и Кальден, с которыми я и провёл несколько часов в дружеской обстановке.

24 декабря 2-я армия оставила Ливны. Севернее Лихвина противник переправился через Оку. По приказу главного командования сухопутных войск 4-я танковая дивизия была направлена на Белев с задачей задержать противника. Намечаемая мной контратака сосредоточенными силами 24-го танкового корпуса грозила превратиться в частные, разрозненные действия.

В ночь на 25 декабря 10-я мотодивизия вынуждена была оставить Чернь в связи с охватывающим манёвром, предпринятым русскими. Успех русских был неожиданно увеличен тем, что части 53-го армейского корпуса, действовавшие левее 10-й мотодивизии, не смогли удержаться больше на своих позициях, и противнику удалось прорвать здесь наш фронт. Части 10-й мотодивизии были окружены в Черни. Я немедленно доложил командованию группы армий об этом неблагоприятном событии. Фельдмаршал фон Клюге бросил мне ряд резких упрёков, сказав, что я должен был бы отдать приказ об оставлении Черни не в эту ночь, а, по крайней мере, на 24 часа раньше. Результатом задержки приказа и явилось окружение части 10-й мотодивизии. Я же, как об этом сообщалось выше, лично передал войскам приказ Гитлера удержать этот населённый пункт. Поэтому я с возмущением отклонил предъявленный мне несправедливый упрёк.

25 декабря окружённым частям 10-й мотодивизии удалось вырваться из кольца окружения и достигнуть наших позиций, приведя с собой несколько сот пленных. Был отдан приказ об отходе на рубеж рек Зуша, Ока.

Вечером у меня снова произошло резкое столкновение с фельдмаршалом фон Клюге, который упрекнул меня в том, что я представил ему неверное официальное донесение: он повесил трубку, сказав: «Я доложу о вас фюреру». Это было уже слишком. Я сообщил начальнику штаба группы армий, что после такого обращения я больше не считаю возможным командовать армией и прошу освободить меня от занимаемой должности. Это своё решение я немедленно передал также по телеграфу. Фельдмаршал фон Клюге упредил меня в этом отношении и ещё раньше обратился к главному командованию сухопутных войск с ходатайством о моей смене. 26 декабря утром я получил распоряжение Гитлера о переводе меня в резерв главного командования сухопутных войск. Моим преемником был командующий 2-й армией генерал Рудольф Шмидт.

26 декабря я простился со своим штабом и отдал небольшой приказ войскам.

27 декабря я оставил фронт и переночевал в Рославле; ночь на 29 я провёл в Минске, ночь на 30 — в Варшаве, ночь на 31 — в Познани, а 31 прибыл в Берлин.

По вопросу о моём прощальном приказе своим солдатам снова возник спор между фельдмаршалом фон Клюге и моим штабом. Командование группы армий хотело воспрепятствовать отдаче такого приказа, так как фельдмаршал фон Клюге опасался, что приказ будет содержать в себе критику командования.

Приказ, разумеется, был безукоризненный; Либенштейн позаботился о том, чтобы мои войска, по крайней мере, получили мой прощальный привет.

Привожу текст этого приказа:

*Командующий 2-й танковой армией
Штаб армии.
26.12.1941 г.*

Приказ по армии

*Солдаты 2-й танковой армии!
Фюрер и верховный главнокомандующий вооружёнными
силами освободил меня с сегодняшнего дня от командования.*

Прощаясь с вами, я продолжаю помнить о шести месяцах нашей совместной борьбы за величие нашей страны и победу нашего оружия и с глубоким уважением помню обо всех тех, кто отдал свою кровь и свою жизнь за Германию. Вас, мои дорогие боевые друзья, я от глубины души благодарю за всё ваше доверие, преданность и чувство настоящего товарищества, которое вы неоднократно проявляли в течение этого продолжительного периода. Мы были с вами тесно связаны как в дни горя, так и в дни радости, и для меня было самой большой радостью заботиться о вас и за вас заступаться.

Счастливо оставаться!

Я уверен в том, что вы, так же как и до сих пор, будете храбро сражаться и победите, несмотря на трудности зимы и превосходство противника. Я мысленно буду с вами на вашем трудном пути.

Вы идёте по этому пути за Германию!

Хайль Гитлер!

Гудериан.

Глава VII

ВНЕ РЕАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Я был чрезвычайно удручён несправедливым отношением ко мне. Поэтому, приехав в Берлин, я в первых числах января 1942 г. потребовал военного расследования моего дела с тем, чтобы опровергнуть обвинения фельдмаршала фон Клюге и дать объяснения своим действиям. Однако Гитлер отказал мне в этом. Свой отказ он ничем не обосновал. По-видимому, никто не хотел внести ясность в этот вопрос. Всем было хорошо известно, что со мной обошлись несправедливо. Сразу же после моего отъезда из Орла туда прибыл полковник Шмундт, который по поручению Гитлера должен был выяснить обстоятельства всего дела. Шмундт узнал от Либенштейна и ряда фронтовых генералов истинное положение вещей и сообщил по этому поводу своему заместителю в главной ставке следующее: «С этим человеком обошлись несправедливо. Вся армия заступается за него и поддерживает его. Нам следует принять меры к тому, чтобы восстановить его положение». Честные намерения идеалиста Шмундта не вызывают никакого сомнения. Однако ему не удалось осуществить это хорошее намерение. Причины этого следовало искать в действиях других влиятельных лиц.

Я остался в Берлине без дела, в то время как мои солдаты продолжали свой тяжёлый путь. Я знал, что за каждым моим шагом и за каждым высказыванием будут следить. Поэтому я держал себя в течение первых месяцев очень осторожно и почти не выходил из дому. Я принимал только очень немногих посетителей. Одним из первых ко мне явился командир полка лейб-штандарт СС Зепп Дитрих, который предварительно позвонил мне из рейхсканцелярии. Свой визит ко мне он объяснил тем, что хотел дать понять «лицам, находящимся наверху», что со мной обошлись несправедливо и что он лично не причастен к этому. Дитрих не скрывал своего мнения и от Гитлера.

Изменения в руководстве армии не прекратились с отстранением фельдмаршала фон Рундштедта и меня от занимаемых нами должностей. Были также отстранены многие другие генералы, пользовавшиеся до того времени доверием, в том числе генералы Гейер, Ферстер и Гепнер. Фельдмаршал фон Лееб и генерал Кюблер подали в отставку по собственному желанию. Генерал-полковник Штраус объявил себя больным.

Эта «чистка» не обошлась без резких протестов. Особенно серьёзные последствия имел случай с генерал-полковником Гепнером, которого Гитлер лишил при отставке права на ношение мундира и орденов, а также права на пенсию и на служебную квартиру. Гепнер отказался признать этот противозаконный приказ, а у юристов из главного командования сухопутных войск и верховного командования вооружённых сил хватило мужества доложить Гитлеру, что он не имеет права выносить подобные решения. Такие меры по отношению к Гепнеру могут быть применены лишь в том случае, если против него будет возбуждено дисциплинарное дело, но оно, по мнению юристов, несомненно, должно закончиться в пользу Гепнера.

Разговаривая по телефону со своим непосредственным начальником фельдмаршалом фон Клюге, Гепнер с негодованием отозвался о «дилетантском военном руководстве». Фон Клюге сообщил об этом разговоре Гитлеру, который пришёл в ярость. В результате этих событий рейхстаг утвердил 26 апреля 1942 г. закон, окончательно ликвидировавший последние ограничения Гитлера в области законодательной и исполнительной власти, а также правосудия. Этот закон явился завершением злополучного закона от 23 марта 1933 г. о предоставлении Гитлеру чрезвычайных полномочий и узаконивал любого вида произвол со стороны диктатора Германии. Тем самым Германия перестала быть современной страной, где существуют общепринятые права и законы. К составлению этих двух законов военные специалисты не привлекались; им лишь пришлось испытать на себе их губительные последствия.

Переживания последних месяцев усилили начавшуюся у меня болезнь сердца. По совету врача я решил отправиться с женой в конце марта 1942 г. на четыре недели на курорт. После всех моих переживаний в России мирный и прелестный весенний ландшафт, а также принятые мною на курорте ванны весьма благотворно

подействовали на состояние моего сердца и на общее душевное состояние. Однако по возвращении в Берлин мне пришлось много пережить из-за болезни моей любимой жены, которая получила заражение крови и в течение нескольких месяцев не вставала с постели. Помимо всего этого, из-за многочисленных посетителей и их назойливых расспросов дальнейшее моё пребывание в Берлине стало настолько безрадостным, что мы решили продать своё небольшое наследство и вместо него купить небольшой домик на Боденском озере или в Зальцкамергуте с тем, чтобы удалиться от атмосферы, господствовавшей в столице. В конце сентября я обратился к командующему армией резерва генералу Фромму с просьбой о предоставлении мне отпуска. Фромм попросил меня зайти к нему. За несколько дней до этого я получил из Африки телеграмму от Роммеля, в которой он сообщал, что заболел и вынужден возвратиться в Германию и что он предложил Гитлеру назначить вместо него меня. Однако Гитлер отклонил это предложение. Фромм задал мне только один вопрос, не предполагаю ли я снова возвратиться на службу в армию. Я ответил отрицательно.

На следующий день после моего возвращения из Зальцкамергута Фромм снова мне позвонил и попросил зайти к нему. Он передал мне, что днём раньше он беседовал со Шмундтом, который сообщил ему, что о моём возвращении на службу в армию не может быть и речи. Фюрер, однако, слышал, что я хочу приобрести дом на юге Германии. Он знает, что я происхожу из области Варта или из Западной Пруссии, и хочет поэтому, чтобы я поселился там, а не на юге Германии. Он намерен всем тем, кто получил дубовые листья к рыцарскому железному кресту, предоставить государственную дотацию и прежде всего имение. Мне следует подыскать себе что-нибудь подходящее на своей родине.

После такого сообщения мне, во всяком случае, можно было убрать свой военный мундир подальше и полностью перейти на положение гражданского человека. Однако дело до этого не дошло.

Осенью 1942 г. у меня обострилась болезнь сердца. В конце ноября последовал сердечный приступ, в результате которого я в течение нескольких дней оставался без сознания и ничего не ел. Я поправлялся очень медленно и то лишь благодаря стараниям опытного профессора фон Домаруса, одного из лучших берлинских специалистов. К рождеству я уже в состоянии был подняться на несколько часов с

постели, а в январе начал понемногу ходить и даже намеревался в конце февраля отправиться в область Варта, чтобы выбрать себе имение и стать помещиком. Однако и на сей раз дело не дошло до этого.

В 1942 г. немецкие войска на Восточном фронте ещё раз предприняли наступление, продолжавшееся с 28 июня по конец августа, в результате которого южный фланг немецкой армии (Клейста) достиг Кавказского хребта, а действовавшая севернее 6-я армия (Паулюса) дошла до Сталинграда. Операции снова проводились рассредоточенно. Поставленные при этом цели не соответствовали возможностям наших войск, ослабленных во время зимней кампании 1941/42 г. Как и в августе 1941 г., Гитлер преследовал экономические и политические цели, которых он хотел достигнуть ещё до того, как будет сломлена военная мощь противника. Овладение нефтяными месторождениями, расположенными в районе Каспийского моря, нарушение судоходства по Волге и парализация сталинградской промышленности — вот те цели, которые послужили основанием для принятия этих, не понятных с военной точки зрения, решений в выборе операционных направлений.

Я имел возможность следить за всеми этими событиями только по материалам печати и радиопередачам, а также по случайным сообщениям своих друзей. Однако и этого было достаточно, чтобы понять, что обстановка в значительной степени ухудшилась и что после катастрофы под Сталинградом в конце января 1943 г. положение стало в достаточной степени угрожающим, даже без выступления западных держав. Пробная высадка англичан в Дьеппе 19 августа 1942 г. явилась предупреждением для нас, указывающим на то, что второй фронт будет также открыт.

В ноябре 1942 г. войска союзников высадились в Северной Африке. Положение действовавших там наших войск стало в связи с этим угрожающим.

25 сентября Гитлер снял генерал-полковника Гальдера с поста начальника генерального штаба сухопутных сил, заменив его генералом Цейтцлером. В связи с этой сменой было решено изъять из ведения начальника генерального штаба подбор кадров для генерального штаба и передать его в ведение управления личного состава, подчинявшегося непосредственно Гитлеру. Это решение лишило начальника

генерального штаба одного из последних прав, остававшегося ещё у него в области осуществления общего руководства генеральным штабом. Цейтцлер тщетно протестовал против этого решения. Смещением Гальдера Гитлер завершил, наконец, раскол, который он не провёл осенью 1939 г., хотя уже в тот период у него появилось глубокое и непреодолимое недоверие к руководящим лицам армии. В продолжение трёх лет, вопреки своим внутренним убеждениям, работали вместе люди противоположных стремлений и питающие друг к другу чувство глубокого недоверия. Изменится ли положение в будущем? Будет ли Гитлер доверять Цейтцлеру больше, чем Браухичу и Гальдеру? Будет ли он отныне прислушиваться к советам военных специалистов? Судьба немецкого народа зависела от ответов на эти вопросы.

Во всяком случае, новый начальник генерального штаба приступил к работе с большим рвением. Он часто защищал перед Гитлером свою точку зрения и боролся за то, чтобы переубедить Гитлера. Он пять раз подавал в отставку и пять раз получал отказ Гитлера. В конце концов недоверие к нему Гитлера настолько возросло, что он получил согласие на свой уход. Добиться успеха в борьбе с Гитлером ему не удалось.

Обстановка на Восточном фронте в период, когда Цейтцлер был начальником генерального штаба, показана на картах 27 и 28.

Глава VIII

РАЗВИТИЕ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК С ЯНВАРЯ 1942 Г. ПО ФЕВРАЛЬ 1943 Г

Гитлер, назначив себя в декабре 1941 г. главнокомандующим сухопутными силами, стал усиленно заниматься вопросами технического оснащения армии. Особый интерес он проявлял к бронетанковым войскам. Приводимые ниже данные, частично взятые мною из записок Заура, сотрудника министерства вооружения и боеприпасов, возглавлявшегося Альбертом Шпеером, свидетельствуют о стремлении Гитлера продвинуть вперед военную технику и проливают в то же время свет на его неуравновешенный характер. С этой точки зрения они заслуживают особого внимания.

Как уже упоминалось, в ноябре 1941 г. видные конструкторы, промышленники и офицеры управления вооружения приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русским танком Т-34, превосходящим наши боевые машины; непосредственно на месте они хотели уяснить себе и наметить, исходя из полученного опыта ведения боевых действий, меры, которые помогли бы нам снова добиться технического превосходства над русскими. Предложения офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же танки, как Т-34, для выправления в наикратчайший срок чрезвычайно неблагоприятного положения германских бронетанковых сил не встретили у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно алюминиевого дизельного мотора. Кроме того, наша легированная сталь, качество которой снижалось отсутствием необходимого сырья, также уступала легированной стали русских.

Было решено восполнить этот недостаток следующим образом: выпустить ранее разработанную конструкцию танка «тигр» весом почти в 60 т и, кроме того, сконструировать более лёгкий тип танка весом в 35–45 т, который впоследствии окрестили «пантерой». 23 января 1942 г. проект этого танка был представлен Гитлеру. При его обсуждении Гитлер приказал довести производственную мощность танковой промышленности Германии до такого уровня, чтобы производить ежемесячно 600 танков. В мае 1940 г. наша производственная мощность составляла 125 танков всех типов в месяц. Увеличение производственной мощности важнейшего боевого средства — танков почти за два года войны было очень незначительным; это свидетельствует о том, что ни Гитлер, ни генеральный штаб не понимали полностью значения танков в боевых действиях. Крупные успехи бронетанковых сил в 1939–1941 гг. также несколько не изменили это положение.

При докладе Гитлеру 23 января 1942 г. проекта нового танка он высказал мнение, которое явилось новым препятствием в разрешении вопросов развития техники и оперативно-тактического использования танков. Гитлер полагал, что новая кумулятивная граната, которую должны были начать использовать в артиллерии, обладая очень высокой пробивной способностью брони, в будущем значительно уменьшит значение танков. Он думал, что на это техническое новшество надо ответить увеличением самоходной артиллерии, для которой он хотел использовать ходовую часть танков. Поэтому 23 января 1942 г. при представлении ему проекта танка «пантера» он и потребовал начать работу в этом направлении.

8 февраля 1942 г. во время авиационной катастрофы погиб рейхсминистр вооружения и боеприпасов доктор Тодт. Его заменил Шпеер.

В марте фирма Круппа и профессор Порше получили заказы на производство танков весом в 100 т. Разработка этой конструкции должна была проходить таким ускоренным темпом, чтобы её можно было испытать весной 1943 г. Чтобы форсировать развитие бронетанковых войск, требовалось много конструкторов, и их нашли, остановив производство мирной продукции на автомобильных заводах. 19 марта 1942 г. Шпеер доложил фюреру, что к октябрю 1942 г. будет выпущено 60 танков «Тигр» фирмы Порше и 25 танков «тигр» фирмы

Хеншеля и что до марта 1943 г. мы будем располагать ещё 135 танками «тигр», т. е. всего будем иметь 220 таких танков, причём лишь в том случае, если все они выдержат испытания.

В апреле Гитлер потребовал сконструировать танковые снаряды для 75- и 88-мм пушек танков «тигр» и «пантера». Фирмы Хеншеля и Порше выпустили первые пробные танки «тигр».

В апреле же Гитлер, очевидно, носился с мыслью высадки десанта на остров Мальту, так как он сделал заказ на 12 танков Т-IV с лобовой бронёй толщиной в 80 мм для штурма островных укреплений. Позднее уже ничего не было слышно об этом весьма важном намерении.

В мае 1942 г. Гитлер одобрил конструкцию танка «пантера», предложенную фирмой МАН, и сделал заказ на специальные железнодорожные платформы для транспортировки сверхтяжёлых танков. Производство артиллерийских самоходных установок должно было достичь 100 штук в месяц, танков Т-III — 190 штук.

В июне 1942 г. Гитлера обуревала новая забота — достаточно ли будет толщина брони танка. Он приказал увеличить толщину лобовой брони у танка Т-IV и у штурмовых самоходных орудий до 80 мм и одновременно высказал свою неуверенность в том, что 80-мм лобовая броня новой «пантеры» будет для нас надёжной защитой весной 1943 г. Поэтому он приказал проверить возможность утолщения брони танка до 100 мм и потребовал довести до такой толщины хотя бы все вертикальные стенки машины. Для танка «тигр» он приказал исследовать возможность применения лобовой брони толщиной 120 мм.

В докладе от 23 июня 1942 г. указывалось, что на май 1943 г. запланировано следующее производство боевых машин:

Бронеавтомобилей на основе старого танка Т-II — 131 шт.

Танков «пантера» — 250 шт.

Танков «тигр» — 265 шт.

Гитлер был очень доволен этим планом. Он желал ускорить выпуск танковых дизельных моторов с воздушным охлаждением; это желание, высказанное ещё в 1932 г. генералом Лутцем, осуществлялось фирмой Круппа только в отношении лёгких танков Т-I. Далее Гитлер перешёл к важнейшим вопросам танкостроения и согласился с предложенными ему принципами, что в танкостроении имеет важное значение в первую очередь тяжёлое вооружение, во вторую очередь — большая скорость и

в третью очередь — мощная броневая защита. Однако в нём жили две души, ибо он думал, что лишь толстая броня является совершенно необходимым элементом. Его фантазия превратилась в гигантоманию. Инженеры Гроте и Гакер получили заказ на конструирование танка-гиганта весом в 1000 т. Для конструкции танка «тигр» фирмы Порше толщина брони днища указывалась в 100 мм, а в качестве его вооружения предусматривались или 150-мм пушка L-37, или 100-мм пушка L-76. Профессор Порше обещал выпустить первые машины своей марки к 12 мая 1943 г.

8 июля 1942 г. из танков «тигр» должна была быть срочно сформирована первая танковая рота для участия в боях под Ленинградом. 23 июля, т. е. через 15 дней, Гитлер изменил своё решение, потребовав привести в боевую готовность танки «тигр» не позднее сентября для использования их во Франции. Вероятно, уже в то время он опасался высадки западными державами крупных десантов.

Чтобы улучшить старый танк Т-III, Гитлер приказал заменить его старую пушку новой 75-мм пушкой L-24. Он горел желанием увеличить огневую мощь танка. В этом же докладе большую роль снова играл вопрос об усиленном выпуске самоходных орудий на базе танков, хотя это должно было неизбежно повести к сокращению выпуска танков.

В августе 1942 г. Гитлер потребовал доложить ему соображения, в какие сроки можно установить на танке «тигр» длинноствольную 88-мм пушку, которая пробивала бы броню толщиной в 200 мм. Поступающие в ремонт танки Т-IV он приказал вооружить длинноствольными пушками, стремясь тем самым повысить их мощность.

В сентябре 1942 г. был составлен новый план выпуска танков и самоходных орудий, согласно которому к весне 1944 г. должен быть достигнут следующий уровень ежемесячного производства:

Лёгких разведывательных танков «леопард» — 150 шт.

Танков «пантера» — 600 шт.

Танков «тигр» — 50 шт.

Всего танков — 800 шт.

Штурмовых самоходных орудий — 300 шт.

Лёгких самоходных орудий — 150 шт.
Тяжёлых самоходных орудий — 130 шт.
Сверхтяжёлых самоходных орудий — 20 шт.

Всего самоходных орудий — 600 шт.

Чтобы не очень сокращать выпуск танков, был издан приказ, по которому самоходные орудия должны производиться не из улучшенных сортов стали. Но, несмотря на такое решение, было ясно, что центр тяжести в промышленности начали переносить, что было очень рискованно, с производства танков на производство самоходных орудий, т. е. с наступления на оборону, точнее, на оборону недостаточными средствами, так как уже в то время с фронта стали поступать жалобы, что самоходные орудия, смонтированные на шасси Т-II и 38-тонного чешского танка, не соответствуют требованиям войны.

Во время беседы о танке «тигр» фирмы Порше Гитлер заявил, что, по его мнению, этот танк с его электроприводом и мотором с воздушным охлаждением особенно пригоден для использования его в Африке, однако радиус его действий нужно увеличить с 50 до 150 км. Что касается последнего требования, то он, несомненно, был прав; правда, такое требование надо было выдвинуть уже при обсуждении первого проекта конструкции этого танка.

В сентябре обсуждение этих вопросов велось уже под впечатлением тяжёлых боёв в районе Сталинграда и в самом городе. Начались размышления об улучшении конструкции штурмовых самоходных орудий с учётом использования длинноствольной 75-мм пушки L-70 и утолщения лобовой брони до 100 мм. Следовало установить тяжёлые пехотные орудия на танках Т-IV или на штурмовых самоходных орудиях. Необходимо было внести изменения в конструкцию уже находившегося в производстве танка «тигр» фирмы Порше, чтобы создать на его основе штурмовое самоходное орудие с длинноствольной 80-мм пушкой, имеющей лобовую броню толщиной в 200 мм. Думали даже об установке на этом танке 210-мм мортиры. Разумеется, тогдашние типы наших танков не были приспособлены для ведения уличных боёв; но тем не менее эти непрерывные приказы, требующие конструктивных изменений в процессе производства

боевых машин, а тем самым и создания бесчисленного множества различных типов с большим числом запасных частей, были крупной ошибкой. Всё это приводило к тому, что ремонт танков в полевых условиях становился неразрешимой проблемой.

В сентябре 1942 г. танк «тигр» был впервые применён в бою. Опыт прошлой мировой войны показал, что для введения в бой новых боевых средств нужно запастись терпением и ожидать до тех пор, пока не будет налажено массовое производство этого боевого средства и пока не будет обеспечено его массированное применение на поле боя. Ведь это же было в первую мировую войну, когда французы и англичане преждевременно небольшими порциями ввели в бой свои танки, напрасно уповая на их большой успех. Военно-критическая литература порицала их за эту ошибку. Я сам часто об этом говорил и писал. Об этом знал и Гитлер. Однако ему не терпелось, он горел желанием испытать свою крупную боевую машину. Он возложил на первые танки «тигр» совершенно второстепенную задачу, а именно: начать небольшую атаку на труднопроходимой местности — в заболоченных лесах под Ленинградом, по которым тяжёлые танки могли двигаться в колонну по одному по просекам, натываясь, конечно, на стволы противотанковых пушек противника, расставленных на этих проходах. Тяжёлые, непоправимые потери и раскрекчивание этого боевого средства (в будущем его нельзя уже было использовать внезапно) — таковы последствия такого применения новых танков. Ещё больше разочаровывало то, что атака провалилась из-за неблагоприятной местности.

В октябре выпуск танков ещё больше сократился за счёт увеличения выпуска штурмовых самоходных орудий. Было приказано выпускать штурмовые самоходные орудия на базе танка T-IV с длинноствольной 75-мм пушкой L-70 и на базе танка «пантера» с длинноствольной 88-мм пушкой L-71. Кроме того, 40–60 тяжёлых пехотных орудий установили на шасси танка T-IV. Гитлер думал поставить на базу танка T-IV мортиры с укороченными стволами, которые стреляли бы фугасными гранатами. Все эти конструкции были интересными, но в итоге получалось, что все они существовали за счёт выпуска нашего единственного в то время боевого танка T-IV, производство которого в октябре впервые достигло такой весьма скромной цифры, как 100 единиц. Но и это ещё не всё. Министерство

вооружения и боеприпасов внесло предложение наряду с запланированным лёгким разведывательным танком «леопард» выпускать также в качестве разведывательной машины и танк «пантера». К счастью, до этого дело не дошло.

В противоположность этой ошибочной тенденции в танкостроении Гитлер высказал правильное мнение о том, что длинноствольная 88-мм пушка с настильной траекторией важнее для «тигра», чем какая-нибудь другая крупного калибра с меньшей начальной скоростью снаряда. Танковая пушка в первую очередь должна служить для боя с танками противника; перед этой главной задачей всё остальное должно считаться второстепенным.

В ноябре Гитлер потребовал увеличить выпуск танков «тигр» с 13 до 25 штук в месяц, и это требование было выполнено в том же месяце. Выпуск же штурмовых самоходных орудий достиг впервые 100 штук в месяц.

В начале декабря 1942 г. начались новые споры по вопросу применения танков. Гитлеру указывали, что рассредоточенное применение танков «тигр» имеет крупные недостатки. Гитлер выразил мнение, что на востоке рассредоточенное использование танков вполне закономерно, а к массированному их применению нужно-де прибегать лишь в Африке. К сожалению, до меня не дошли обоснования этого непонятного намерения.

Производство танков Т-III было полностью прекращено; вместо них начали выпускать штурмовые самоходные орудия. Выпуск этих орудий должен был достигнуть до июня 1943 г. 220 штук в месяц, причём на 24 из них должны были устанавливаться лёгкие полевые гаубицы. Вооружение их этим орудием с небольшой начальной скоростью снаряда и с очень крутой траекторией отвечало, правда, требованиям боя пехоты, но значительно ослабляло мощь нашей противотанковой обороны.

Во время беседы с инженерами фирмы Порше и доктором Мюллером фирмы Крупп Гитлер высказал пожелание, чтобы опытная боевая машина «мышонок» («Mauschen») — 100-тонный танк — была выпущена к лету 1943 г. От фирмы Круппа он потребовал начать серийное производство танков этого типа, выпуская по пять машин в месяц. Непрерывно поступали сведения о трудностях приобретения запасных частей вследствие продолжающегося увеличения числа типов

боевых машин, которые постоянно претерпевали разные конструктивные изменения.

В январе 1943 г. дискуссии по вопросам броневой защиты, вооружения и выпуска танка-мамонта продолжались. На старом танке Т-IV толщину лобовой брони в наклонной плоскости было приказано довести до 100 мм, толщину лобовой брони танка «пантера» также до 100 мм. Лёгкий разведывательный танк «леопард» был вычеркнут из производственного плана, так и не поступив в производство, так как он «не соответствовал по своей броневой защите и вооружению той обстановке, которая сложится в 1944 г.» На танках «тигр» было решено установить длинноствольную 88-мм пушку, лобовую броню толщиной 150 мм, боковую броню 80 мм. Танк «мышонок» фирмы Порше решили принять на вооружение, повысив месячный выпуск до 10 штук. Хотя это гигантское дитя фантазии Гитлера и его свиты не существовало даже в виде деревянной модели, тем не менее всё же решили к концу 1943 г. начать его серийное производство. Предлагалось вооружить этот танк 128-мм пушкой и изучить, кроме того, возможность установления на нём 150-мм пушки.

Для ведения боя в городах Гитлер приказал создать три таранных танка типа «тигр» на базе ходовой части танка, выпускаемого фирмой Порше. Но выпущены эти танки не были. Можно представить себе ведение боя методом рыцарских времён этими новейшими продуктами фантазии стратегов-бюрократов! Чтобы эти гиганты городского боя могли снабжаться в достаточном количестве очищенным спиртом, был издан приказ о выпуске специальных прицепов для горючего и дополнительных бачков. Затем Гитлер потребовал сконструировать специальные аппараты для дымопуска, устанавливаемые на танках. Он высказал также мнение, что вертолёт наиболее пригоден для использования его в артиллерии и бронетанковых войсках.

Обращение Гитлера «Ко всем работникам танкостроения» от 22 января 1943 г., а также новые полномочия на расширение программы производства танков, предоставленные министру Шпееру, свидетельствовали обо всё растущей тревоге в связи с понижающейся боевой мощностью германских бронетанковых войск перед лицом постоянно увеличивающегося серийного производства старого, но прекрасного русского танка Т-34.

Несмотря на всё это, в начале февраля Гитлер приказал начать производство так называемых «шмелей»(мощные полевые гаубицы) и «шершней»(88-мм пушки) в виде самоходных орудий на шасси танка Т-IV. Все заводы, производящие танки Т-II, он перевёл на выпуск самоходных орудий, вооружённых лёгкой полевой гаубицей, а заводы, выпускающие старый 38-тонный чешский танк, — на производство самоходных орудий, оснащённых противотанковой пушкой «Рак-40». Он приказал ускоренными темпами выпустить 90 танков «тигр» фирмы Порше под названием «Фердинанд». Для танков Т-IV, «пантера» и штурмовых самоходных орудий с целью защиты их от бронебойных средств русской пехоты были введены так называемые съёмные «экраны»(прикрепляемые на внешние стенки танка броневые листы, защищающие вертикальные плоскости корпуса танка и его ходовую часть).

Наконец, в обсуждение всё ухудшающегося положения на танковом фронте вмешался генеральный штаб, который потребовал отказаться от производства всех типов танков, за исключением танка «тигр» и танка «пантера», ещё не готового к серийному производству. Гитлера склонили согласиться с этим предложением; министерство вооружения и боеприпасов также приветствовало вызванное этим упрощение производства. Эта группа новаторов не обдумала лишь одного, что с прекращением производства танков Т-IV германские сухопутные войска должны ограничиваться 25 танками «тигр», выпускаемыми ежемесячно. Следствием этого могло бы быть полное уничтожение германских сухопутных войск за очень короткий срок. Русские выиграли бы войну без помощи своих западных союзников и захватили бы всю Европу. Никакая сила на земле не смогла бы сдержать их. Европейские проблемы были бы весьма упрощённо разрешены. Мы бы тогда узнали, что значит истинная демократия.

Опасность, надвигавшаяся на нас, была настолько чудовищна, что стали искать человека среди генералов бронетанковых войск и отдельных благоразумных личностей из военного окружения Гитлера, который был бы в состоянии немедленно устранить угрозу наступления хаоса. Мои довоенные труды положили Гитлеру на стол и упросили его прочесть их. Затем ему предложили вызвать меня. Наконец, преодолев чувство недоверия, которое Гитлер питал ко мне, он согласился выслушать меня. И вот, к моему величайшему удивлению, 17 февраля

1943 г. я был вызван управлением личного состава сухопутных войск и направлен на беседу к Гитлеру в главную ставку в Винницу.

Глава IX

ГЕНЕРАЛ-ИНСПЕКТОР БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК

Назначение и первые действия

Когда 17 февраля 1943 г. меня вызвали к телефону для разговора с управлением личного состава сухопутных войск, я не имел никакого представления о том, что меня ожидает. За несколько недель до этого разговора я после своего выздоровления как-то посетил начальника управления личного состава генерала Бодевина Кейтеля, чтобы ознакомиться с общей обстановкой и различными изменениями в штатах. По его словам, нечего было и думать о какой-нибудь должности. И вот теперь генерал Линнарц, помощник Кейтеля, сообщает мне, что я должен немедленно направиться в Винницу к фюреру. Хотя он и не мог ничего сообщить о цели этого вызова, я понимал, что только большая нужда заставила Гитлера сделать этот шаг. Катастрофа под Сталинградом, неслыханная капитуляция целой армии на огромном фронте, тяжёлые потери, вызванные этим национальным несчастьем, а также тяжёлое поражение наших союзников, которые не могли своими небольшими силами удержать фланги, примыкавшие к 6-й армии, — всё это привело к тяжёлому кризису. Боевой дух армии и народа сильно понизился.

К военной катастрофе присоединились также внешнеполитические и внутривнутриполитические промахи.

Западные державы, высадив десант в Африке, добились крупных успехов. Всё возрастающее значение этого театра военных действий стало очевидным после совещания Рузвельта и Черчилля, которое проходило с 14 по 24 января 1943 г. в Касабланке.

Важнейшим итогом этой конференции явилось решение о требовании безоговорочной капитуляции держав оси. Это наглое требование было встречено германским народом и особенно армией сильным возмущением. Отныне каждому солдату стало совершенно ясно, что наши противники преисполнены страстью уничтожить германский народ, что их борьба направляется не только против Гитлера и так называемого нацизма, как они тогда утверждали с пропагандистской целью, но и против деловых, а потому и неприятных промышленных конкурентов.

Долгое время потом хвастались своими деяниями эти рачители уничтожения из Касабланки. 5 января 1945 г. Уинстон Черчилль говорил в палате общин:

«Только после обстоятельного, всесторонне продуманного, разумного и зрелого взвешивания всех фактов, от которых зависят наша жизнь и наша свобода, президент США решил с полного моего согласия, как уполномоченного военного кабинета, настроить конференцию в Касабланке на полную и безоговорочную капитуляцию всех наших врагов. То, что мы непреклонно настаиваем на безоговорочной капитуляции, не означает, что мы будем использовать наше победоносное оружие для несправедливого и жестокого обращения с народами».

Ещё раньше, 14 декабря 1944 г., Уинстон Черчилль обещал отдать Польше Восточную Пруссию, за исключением Кёнигсберга (Калининград), который должен был отойти русским; он обещал полякам Данциг (Гданьск) и 200 миль побережья Балтийского моря; он гарантировал им свободу «расширения своих границ на западе за счёт германской территории». Он заявил буквально следующее: «С востока на запад или на север будут переселены миллионы людей; немцев выгоним или, как это предлагается, проведём тотальное изгнание немцев из областей, которые должна получить Польша на западе и на севере. Нежелательно иметь смешанное население».

Разве такое отношение к населению Восточной Германии не было жестоким? Разве оно не было несправедливым? Очевидно, палата общин не разделяла единодушно мнения Черчилля, ибо 18 января 1945 г. ему снова пришлось защищать свою точку зрения:

«Какова должна быть наша позиция в обращении с коварным врагом, с которым мы имеем дело? Должна быть безоговорочная капитуляция или мы должны заключить с врагом перемирие, дав тем самым ему возможность развязать через несколько лет новую войну? Принцип безоговорочной капитуляции был провозглашён президентом Соединённых Штатов и мною в Касабланке, и я взял на себя обязательство везде придерживаться этого принципа. Я уверен, что мы поступили правильно, как бы много ни оставалось тогда неясных вопросов, сейчас уже разрешённых в нашу пользу. Должны ли мы, следовательно, теперь изменить то заявление, которое мы сделали, когда были слабыми, изменить сегодня, когда мы так окрепли? Для меня ясно, что у нас нет никаких оснований отходить от принципа безусловной капитуляции. Нет никаких оснований вступить с Германией или Японией в какие-либо переговоры, ограничивающие безусловную капитуляцию...»

Уинстон Черчилль сегодня уже не так твёрдо уверен, что тогда он поступал правильно. Как он, так и Бевин явно отошли от прошлого требования. Им хотелось бы изменить, например, решения Ялтинской конференции, проходившей в феврале 1945 г., где было провозглашено: «Мы не ставим себе целью уничтожение германского народа, но только после искоренения нацизма и милитаризма будет существовать надежда на порядочную жизнь немцев и на место их в содружестве наций». Существует ли теперь надежда? Разумеется, существует. В нейтральных странах уже в феврале 1943 г., т. е. в тот период, который я описываю, яснее западных держав представляли себе будущее развитие европейских проблем. 21 февраля 1943 г. глава испанского государства Франко направил английскому послу сэру Самуэлю Гоуэру ноту, в которой говорилось:

«Если не изменится в корне ход войны, то русские армии проникнут вглубь территории Германии. Разве такие события в случае, если они произойдут, не являются угрозой для Европы, особенно Англии? Коммунистическая Германия передала бы России свои военные секреты и военную промышленность. Немецкие техники и специалисты дали бы

России возможность превратиться в гигантскую империю, простирающуюся от Атлантического до Тихого океана.

Я спрашиваю себя: есть ли в Центральной Европе, на этом пёстром ковре необъединенных рас и наций, обнищавших и обескровленных войной, такая сила, которая смогла бы противопоставить себя стремлениям Сталина? Такой силы нет. Мы можем быть уверены, что все эти страны рано или поздно попадут под господство коммунизма. Поэтому мы считаем обстановку чрезвычайно серьёзной и просим английский народ тщательно взвесить положение. Если Россия получит разрешение на оккупацию Германии, никто уже не будет тогда способен остановить дальнейшее продвижение Советов.

Если Германия перестанет существовать, мы должны её создать вновь. Верить, что её место может быть занято федерацией латышей, поляков, чехов и румын, смешно. Такой союз государств быстро подпадёт под русское господство».

Сэр Самуэль Гоуэр 25 февраля 1943 г., как мы предполагаем, ответил по поручению и с разрешения своего правительства: «Теорию, что Россия после войны создаст угрозу Европе, я не могу признать. Также я отклоняю мысль, что Россия после окончания боевых действий может начать против Западной Европы политическую кампанию. Вы констатируете, что коммунизм представляет наибольшую опасность для нашего континента и что победа русских способствовала бы триумфу коммунизма во всей Европе. Мы придерживаемся совершенно другого мнения. Разве может после войны какая-нибудь нация, полностью опираясь на свои собственные силы, подчинить Европу? Россия будет занята своим восстановлением, причём в большей степени она зависит от помощи Соединённых Штатов и Великобритании. Россия не занимает ведущего положения в борьбе за победу. Военные усилия совершенно одинаковы, и победу союзники одержат совместно. После окончания войны крупные американские и английские армии оккупируют континент. Они будут состоять из первоклассных солдат, они не будут потрепаны и истощены, как русские части.

Я отважусь предсказать, что англичане будут самой мощной военной силой на континенте. Влияние Англии на Европу будет таким же сильным, каким оно было в дни поражения Наполеона. Наше

влияние, подкрепляемое военной мощью, будет чувствовать вся Европа, и мы будем принимать участие в её восстановлении».

Вот что сказал сэр Самуэль, представитель Великобритании в нейтральной Испании Франко. Это звучало очень самоуверенно. Гитлер в своей инстинктивной неприязни к дипломатическим переговорам точно определил, что он не сможет договориться с западными державами. Его судьба, так же как и судьба германского народа, находилась на острие меча.

Во внутриполитической жизни отставка Редера и Шахта вызвала новое обострение. Казалось, государственный строй дал первую трещину.

Под впечатлением этих событий 18 февраля 1943 г. я поехал на поезде в сопровождении обер-лейтенанта Бэке в Растенбург (Растенборк, Восточная Пруссия), чтобы оттуда на самолёте вылететь в ставку. В поезде я встретил генерала Кемпффа, моего старого коллегу по бронетанковым войскам. От него я узнал некоторые подробности хода операций за прошедший год. В Растенбурге (Растенборк) меня встретил адъютант Кейтеля майор Вейс, который тоже не мог точно сообщить, зачем меня вызывает фюрер. С Кемпффом и с моим старым коллегой по инспекции автомобильных войск и по службе во 2-й танковой дивизии в довоенное время Шарлем де Больеном я вылетел в Винницу. 19 февраля во второй половине дня мы прибыли в Винницу и разместились в военной гостинице «Егерхое».

Утром 20 февраля прибыл шеф-адъютант Гитлера генерал Шмундт. Началась обстоятельная беседа о намерениях Гитлера и о возможностях их осуществления. Шмундт признался мне, что бронетанковые силы Германии вследствие всё возрастающего превосходства русских бронетанковых сил находятся в таком тяжёлом положении, что больше уже никак нельзя отказываться от их обновления. Мнения генерального штаба и министерства вооружения и боеприпасов по этому вопросу сильно расходятся, бронетанковые войска вышли у главного командования из доверия, а напряжённая обстановка настойчиво требовала поставить во главе этого рода войск энергичное и компетентное командование. Поэтому Гитлер решил поручить мне контроль над бронетанковыми войсками и желал бы узнать на этот счёт моё мнение. Я ответил Шмундту, что, принимая во внимание тяжёлое положение моего народа и моего рода войск, я готов

последовать призыву Гитлера. Но я мог развернуть успешную деятельность только при определённых предпосылках; они нужны были мне тем более, что я только что перенёс тяжёлую болезнь и не хотел тратить свои силы в служебных конфликтах, в которые раньше меня неоднократно втягивали. Следовательно, я должен был требовать, чтобы я подчинялся не начальнику генерального штаба сухопутных войск и не командующему армией резерва, а непосредственно Гитлеру. Далее я должен оказывать влияние на разработку различных образцов материальной части танков, которой занимаются управление вооружения и министр вооружения и боеприпасов, так как без такого влияния восстановить боевую мощь этого рода войск немыслимо. Наконец, я должен иметь такое же влияние на организацию и обучение бронетанковых войск, военно-воздушных сил и войск СС, как и на организацию и обучение сухопутных войск в целом. Разумеется также, что все бронетанковые дивизии резерва сухопутных войск, все соответствующие школы должны подчиняться мне.

Я попросил Шмундта сообщить фюреру эту программу и в случае, если она будет одобрена, назначить меня на приём к Гитлеру. В противном случае лучше отказаться от использования меня на этой должности и отослать обратно в Берлин. Моя беседа со Шмундтом длилась два часа.

Вскоре после прибытия Шмундта в ставку фюрера последовал телефонный вызов; меня назначали на доклад к Гитлеру в 15 час. 15 мин. Я был принят точно в указанное время. Сначала Гитлер беседовал со мной в присутствии Шмундта, но вскоре мы остались с фюрером в его рабочем кабинете с глазу на глаз. После мрачного 20 декабря 1941 г. я не видел Гитлера. Он очень постарел за прошедшие 14 месяцев. Его манера держать себя не была уже такой уверенной, какой была раньше; речь казалась медлительной, левая рука дрожала. На его письменном столе лежали мои книги. Свою беседу он начал словами: *«В 1941 г. наши пути разошлись. В то время между нами имели место недоразумения, о чём я очень сожалею. Вы мне нужны»*. Я ответил, что готов работать, если он сможет создать мне условия для плодотворной деятельности. Гитлер сообщил мне, что он намеревается назначить меня генерал-инспектором бронетанковых войск. Шмундт, продолжал он, сообщил уже о моём мнении по этому вопросу. Он, фюрер, одобряет его и просит меня разработать на этой основе инструкцию и

представить её. Он заметил, что ещё раз прочёл все мои довоенные труды о бронетанковых войсках и убедился, что я уже в то время правильно предвидел ход развития. Гитлер сказал, что я должен отныне претворять свои идеи на практике.

Затем Гитлер начал говорить о современном военном положении. Он ясно отдавал себе отчёт в той неудаче, которая постигла нас в военном, политическом и моральном отношении в связи с поражением под Сталинградом и последующим отступлением немецких войск на Восточном фронте. Гитлер выразил (конечно, это была только его точка зрения) решимость устоять перед ударами противника, а затем восстановить положение. Эта первая встреча с Гитлером закончилась после 45-минутной деловой беседы примерно в 16 час.

От Гитлера я направился к начальнику генерального штаба генералу Цейтцлеру, чтобы получить информацию об обстановке на фронтах. Вечер я провёл в обществе генерала Кёстринга, бывшего военного атташе в Москве, фон Прина, коменданта Винницы, и Бушенхагена, командира 15-й пехотной дивизии. Со всеми этими генералами я был хорошо знаком. После моего долгого отсутствия их сообщения были полезны для меня. То, что сообщил Прин об управлении германскими властями оккупированной территорией, было весьма нерадостно. Методы управления немцев, особенно методы германского рейхскомиссара Коха, превратили украинцев из друзей немцев в их врагов. К сожалению, военные инстанции не могли бороться с теми махинациями, которые проводились по линии партийной и административной без участия военных и, как правило, без их ведома и против их воли. До нас доходили лишь слухи о различных злоупотреблениях.

День 21 февраля я использовал для беседы с Йодлем, Цейтцлером, Шмундтом и адъютантом Гитлера полковником Энгелем, с которыми я поделился основными принципами моей новой инструкции.

22 февраля я вылетел в Растенбург (Растенборк), чтобы там вместе с фельдмаршалом Кейтелем, который тогда не находился в ставке фюрера в Виннице, подготовить инструкцию. Туда же 23 февраля прибыл и командующий армией резерва генерал-полковник Фромм. Инструкция была составлена через несколько дней; 28 февраля она была одобрена и подписана Гитлером. Так как она имела для моей

деятельности в последующие годы принципиальное значение, я привожу её текст.

«ДОЛЖНОСТНАЯ ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ГЕНЕРАЛ-ИНСПЕКТОРА БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК»

1. Генерал-инспектор бронетанковых войск ответственен передо мною за дальнейшее развитие бронетанковых войск, этого имеющего для ведения войны решающее значение рода войск.

Генерал-инспектор подчиняется непосредственно мне. Он имеет права командующего армией и является старшим начальником бронетанковых войск (*прим.: в рамках данной инструкции под «бронетанковыми войсками» подразумеваются собственно бронетанковые подразделения, стрелковые подразделения бронетанковых дивизий (Panzergranadiere), мотопехота, разведывательные танковые подразделения, противотанковые подразделения и подразделения тяжёлой истребительной самоходной артиллерии*).

2. На генерал-инспектора возлагается разрешение вопросов организации и обучения бронетанковых войск и крупных подвижных соединений сухопутных войск во взаимном согласии с начальником генерального штаба сухопутных войск. Кроме того, он имеет право от моего имени давать указания военно-воздушным силам и войскам СС по вопросам организации и обучения бронетанковых частей.

Решения по принципиальным вопросам я оставляю за собой.

Свои требования в области дальнейшего технического развития своего рода войск и планирования производства он увязывает с рейхсминистром вооружения и боеприпасов и докладывает мне.

3. В качестве старшего начальника рода войск генерал-инспектор является также командующим запасными частями своего рода войск. Его задачей является бесперебойное обеспечение фронта боеспособным личным составом и

исправными бронетанковыми средствами в виде отдельных боевых машин и текущих пополнений для действующих соединений или вновь сформированных соединений.

Его задача — производить по моим указаниям распределение танков и других броневых средств между действующей армией и армией резерва.

4. Генерал-инспектор бронетанковых войск обеспечивает планомерное и своевременное формирование и пополнение бронетанковых войск и подвижных соединений согласно отданным приказам. Вместе с генеральным штабом сухопутных войск он заботится о целесообразном использовании экипажей, потерявших в бою свои машины.

5. Генерал-инспектор бронетанковых войск должен обобщать и использовать опыт в области боевого применения вооружения, боевой подготовки и организации бронетанковых войск.

Для этого он имеет право посещать и инспектировать все бронетанковые части вооружённых сил и войск СС.

Бронетанковые войска действующей армии сообщают об опыте боевых действий непосредственно генерал-инспектору бронетанковых войск. Генерал-инспектор бронетанковых войск в свою очередь докладывает полученные сведения и свои личные соображения всем надлежащим инстанциям, включая рейхсминистра вооружения и боеприпасов.

Генерал-инспектор руководит разработкой всех уставов и наставлений для бронетанковых войск. При этом уставы, излагающие вопросы управления соединениями и взаимодействия с другими родами войск, должны быть предварительно утверждены начальником генерального штаба.

6. Генерал-инспектору бронетанковых войск, как старшему начальнику рода войск, подчинены:

а) запасные и учебные войсковые части подвижных войск (за исключением запасных кавалерийских и самокатных частей), находящиеся в подчинении особых командных инстанций;

б) военные училища и школы подвижных частей (за исключением кавалерийских училищ и школ по подготовке самокатчиков) действующей армии и армии резерва вместе с принадлежащими к ним учебными частями.

7. Генерал-инспектор бронетанковых войск полномочен в пределах сферы своей компетенции давать директивные указания всем служебным инстанциям сухопутных войск. Все инстанции должны представлять генерал-инспектору бронетанковых войск необходимые ему сведения.

Главная ставка фюрера, 28 февраля 1943 г.

Фюрер

Подпись: Адольф Гитлер

Инструкция содержала ряд полномочий, которых не имели мои коллеги по другим родам войск — так называемые «генерал-инспекторы родов войск» в главном командовании сухопутных войск, подчинявшиеся начальнику генерального штаба сухопутных войск. Они могли посещать войска только с разрешения начальника генерального штаба; они не пользовались никакими правами по отношению к армии резерва и училищам; они не имели права издавать уставы и наставления. Естественно, что действия этих достойных сожаления солдат были ограничены. Только этим объясняется тот факт, что все мои предшественники на посту генерал-инспектора бронетанковых войск не смогли разрешить ни одного важного вопроса. Опытные офицеры-фронтовики не стремились занять эти должности, а если всё же их вынуждали к этому, то они всеми средствами пытались попасть снова на фронт, где они могли проявить себя. Однако моё назначение на должность генерал-инспектора изменило положение бронетанковых войск. Неудивительно, что генеральный штаб, особенно его начальник, и главное командование сухопутных войск мало были восхищены новой директивой и восприняли её как нарушение своих священных прав. Впоследствии мне не раз приходилось преодолевать чинимые ими трудности и препятствия. Даже после окончания войны они не оставляли меня в покое, причём не останавливались перед извращением фактов. Однако эта реорганизация не причинила ущерба интересам великого дела, и бронетанковые войска оставались до самого

конца боевым и вполне современным родом войск, способным выполнять свои задачи.

Но в директиву, пока она следовала из Растенбурга (Растенборка) в Винницу на письменный стол Адольфа Гитлера, вкралась одна крупная ошибка: в сноске к пункту 1, разъясняющей термин «бронетанковые войска», я назвал части самоходных орудий, которые раньше всегда причислялись к артиллерии. Это имело своё основание, так как выпуск самоходных орудий составлял значительную часть выпуска танков; напротив, эффективность самоходных орудий как противотанкового средства была незначительной, ибо они были вооружены пушками, имеющими незначительную пробивную силу. Конечно, боевые возможности «противотанковых» подразделений, специально созданных для противотанковой обороны, были ещё меньше. Эти подразделения должны были довольствоваться в борьбе с танками противника орудиями с недостаточной пробивной силой, которые буксировались полугусеничными тягачами. Практически эти пушки никакой пользы не приносили. В этой области я и хотел добиться коренных изменений. Протащенное без моего ведома в сноску слово «тяжёлый» ограничивало самоходные орудия, подлежащие передаче генерал-инспектору, частями тяжёлых самоходных орудий, которые находились ещё в стадии формирования. Их должны были вооружить самоходными орудиями, созданными на базе танков «тигр» и «пантера». Уже на первом докладе я заметил, что со мной сыграли злую шутку, т. е. не со мной лично, а с противотанковой обороной сухопутных войск, а тем самым и с самими сухопутными войсками.

Пока инструкция шла по бюрократическим каналам, я направился в Берлин, чтобы сформировать себе штаб и сделать его работоспособным. Я обосновался в моём старом служебном помещении на Бендлерштрассе, в котором я работал ещё до войны, будучи командующим бронетанковыми войсками. Начальником штаба я выбрал себе опытного офицера-фронтовика и убеждённого танкиста полковника Томале, который с величайшим усердием, не покидавшим его до самой катастрофы, приступил к выполнению своих новых обязанностей. При назначении на эту самую ответственную должность в моём штабе я учитывал личные и деловые качества офицера. Ко мне прибыли два офицера генерального штаба, специалисты в области организации и применения бронетанковых войск, один — непригодный

для использования на фронте из-за тяжёлого ранения подполковник Фрейер, другой — молодой майор Кауффман. Последний позже был заменён майором бароном фон Вёльвартом. Адъютантом был утверждён тяжело раненый подполковник принц Макс цу Вальдек. Из числа опытных фронтовых офицеров были назначены сотрудники, ответственные за разработку вопросов по каждому виду бронетанковых войск. Как правило, это были тяжело раненые, нуждавшиеся в некотором отдыхе, пожилые офицеры. Время от времени их меняли, после того как они полностью оправлялись от своих ран и высказывали желание сменить пыльный воздух канцелярии на свежий ветер фронта. Благодаря такой системе замены офицеров генерал-инспекция всё время поддерживала тесный, живой контакт с фронтом.

Для запасных бронетанковых частей была создана должность инспектора бронетанковых войск тыла, которую некоторое время занимал генерал Эбербах. Его штаб также располагался в Берлине; начальник штаба полковник Больбринкер одновременно занимал должность начальника шестой инспекции в управлении общих дел командующего армией резерва. Это совмещение обязанностей я ввёл по договорённости с генералом Фроммом с целью координировать мои действия с действиями армии резерва во имя наших общих интересов. Оно оправдало себя вплоть до самого конца войны. Училища бронетанковых войск были подчинены начальнику управления училищ, которым долгое время был тяжело раненый генерал фон Хауеншильд. Наконец, я прикомандировал к моему штабу некоторое количество офицеров для поручений из числа выздоравливающих, признанных ограниченно годными для несения службы в тылу, но негодными для фронта. Эти офицеры должны были заниматься собиранием и изучением опыта боевых действий, а также расследованием чрезвычайных происшествий на фронте.

Отдел военных уставов и наставлений был поручен полковнику Тейссу, известному мне ещё по 1938 г., когда он был командиром австрийского танкового батальона. Он занимал этот пост до конца войны и, кроме того, собрал громадный военно-исторический материал.

В Берлине я посетил военные учреждения, с которыми в будущем я должен был работать. Между прочим, я нанёс визит фельдмаршалу Мильху в министерстве авиации, которого я хорошо знал и ценил, встречаясь с ним ещё до войны. Мильх дал мне подробную и весьма

поучительную характеристику тогдашним руководящим лицам. Из большого круга национал-социалистских сановников он только некоторых считал видными деятелями, имеющими влияние на Гитлера, и рекомендовал мне их посетить. Это были Геббельс, Гиммлер и Шпеер; последнего мне и без того пришлось бы посетить как министра вооружения и боеприпасов.

Следуя предложению Мильха, 6 марта я нанёс первый визит доктору Геббельсу и представился ему как вновь назначенный генерал-инспектор бронетанковых войск. Я был очень радушно принят и немедленно втянут в продолжительную беседу о политическом и военном положении. Доктор Геббельс был, вне всякого сомнения, одним из умнейших людей из личного окружения Гитлера. От него, может быть, и следовало ожидать содействия, которое могло бы улучшить наше положение. Поэтому я особенно стремился внушить ему правильное понимание нужд фронта и изменений, которые следовало внести в руководство военными действиями. В этой первой беседе со мной он держал себя очень просто, и я обратил его внимание на плохую организацию наших верховных военных органов и ещё более плохой подбор людей на руководящие посты. Я попросил его подумать над тем, что существование различных инстанций — верховного командования вооружённых сил, штаба оперативного руководства вооружёнными силами, главного командования сухопутных войск, главного командования военно-воздушных сил, главного командования военно-морских сил, командования войск СС, министерства вооружения и боеприпасов — создаёт путаницу в руководстве вооружёнными силами. Гитлер всё увеличивает количество инстанций, подчинённых непосредственно ему, но он не сможет длительное время осуществлять руководство таким множеством учреждений. Гитлер не является профессиональным офицером генерального штаба, поэтому ему следует опираться в своей работе на начальника главного штаба вооружённых сил, который хорошо разбирается в оперативных вопросах и может их разрешить лучше, чем фельдмаршал Кейтель.

Я попросил доктора Геббельса взять на себя задачу сообщить обо всём этом в соответствующей форме Гитлеру, так как я считал, что этот важный вопрос имеет больше перспектив на успешное разрешение, если его поставит гражданское лицо из ближайшего окружения

Гитлера, а не генерал, к которому, как я знал из собственного опыта, Гитлер не питает особого доверия. Доктор Геббельс сказал, что ковать придётся чересчур горячее железо, но он попытается при удобном случае завести об этом речь и побудить Гитлера создать более эффективную организацию верховного командования вооружённых сил.

Затем через несколько дней я направился к Шпееру, который оказал мне дружеский приём. С этим проницательным и простым человеком я сотрудничал впоследствии самым теснейшим образом. Шпеер в своих размышлениях и решениях руководствовался простым здравым смыслом, он был чужд болезненного личного тщеславия и ведомственного патриотизма. Конечно, в то время Шпеер ещё находился под обаянием Гитлера, но он обладал столь независимым суждением, что замечал все ошибки и недостатки существующей системы и пытался их устранить. Чтобы получить представление о состоянии производства танков, я посетил заводы фирм «Алкет» в Шпандау и «Даймлер-Бенц» в Берлин-Мариенфельде.

Наконец, я разработал проект новых штатов военного времени для танковых дивизий и моторизованных частей, входивших в состав этих дивизий, на 1943 г. и, насколько можно было предвидеть, на 1944 г. Я хотел добиться экономии личного состава и материальной части при одновременном повышении боевой способности частей путём обеспечения их более совершенным вооружением и применения более целеустремлённой тактики. На этом я построил свой первый доклад, с которым я хотел явиться к Гитлеру 9 марта. Для этой цели я вылетел вместе с полковником Томале в Винницу. Прибыв на место назначения в 16 часов, я увидел целое собрание офицеров и генералов, желавших присутствовать при моём дебюте. Я был неприятно удивлён, увидев такое множество людей, ибо я надеялся, что смогу доложить свои соображения в самом узком кругу. Но я совершил ошибку, сообщив тезисы моего доклада адъютантуре Гитлера. И вот прибыли все заинтересованные лица: весь состав главного штаба вооружённых сил, начальник генерального штаба сухопутных войск с некоторыми начальниками отделов, генерал-инспекторы пехоты и артиллерии и, наконец, шеф-адъютант Гитлера Шмундт. Все находили в моих планах какие-нибудь недостатки, особенно им не нравилось моё желание подчинить самоходные орудия генерал-инспектору бронетанковых

войск и вооружить ими противотанковые дивизионы пехотных дивизий, сняв с вооружения этих дивизионов пушки на полугусеничной тяге. Вследствие этого непредвиденного упорного сопротивления доклад длился 4 часа; я был так утомлён, что, покинув помещение, потерял сознание и упал на землю. К счастью, обморок моментально прошёл и не был никем замечен.

Конспект этого доклада, т. е. отдельные тезисы, которые я составил для лучшего изложения и захватил с собой, благодаря случайному стечению обстоятельств уцелел. Ниже я помещаю этот конспект, ибо его содержание характерно для многих моих бесед с Гитлером, имевших место впоследствии.

КОНСПЕКТ ДОКЛАДА

1. Задача на 1943 г. состоит в том, чтобы создать некоторое количество полностью боеспособных танковых дивизий для проведения наступления с ограниченными целями.

В 1944 г. мы должны быть в состоянии вести наступление крупного масштаба. Полностью боеспособной танковая дивизия считается в том случае, когда число её танков находится в соответствующей пропорции к остальным боевым средствам и машинам. Немецкая танковая дивизия состоит из четырёх батальонов и насчитывает 400 танков. Если число танков станет значительно меньше 400, то обслуживающий аппарат (количество людей и колёсных машин) не будет соответствовать подлинной ударной силе дивизии. К сожалению, в настоящее время у нас нет уже ни одной, полностью боеспособной танковой дивизии. Однако успех боевых действий, как этого года, так и последующих лет зависит от того, удастся ли нам снова создать такие соединения. Если нам удастся разрешить эту задачу, то мы во взаимодействии с военно-воздушными силами и подводным морским флотом одержим победу. Если не удастся, то наземная война станет затяжной и дорогостоящей.

Речь идёт о том, чтобы немедленно создать полностью боеспособные танковые дивизии, при этом лучше иметь немного полноценных дивизий вместо большого количества

плохо оснащённых соединений. Последние требуют для оснащения несоразмерно много автомашин, расходуют много горючего и живой силы без должного эффекта, затрудняют управление и снабжение и создают на дорогах заторы.

2. Для достижения поставленной организационной цели я предлагаю принять на 1943 г. следующее штатное расписание (Тут должна быть диаграмма 1, но она, к сожалению, не сохранилась).

Относительно вооружения танков необходимо сказать следующее.

В настоящее время на вооружение поступает только танк Т-IV. Учитывая текущие потребности в пополнении материальной части Восточного и Африканского фронтов, а также потребность в учебной материальной части, нужно ежемесячно формировать или полностью вооружать один танковый батальон. Далее, в 1943 г. можно рассчитывать на формирование небольшого количества танковых батальонов, вооружённых танками «пантера» и «тигр», которые, однако (это касается танков «пантера»), не следовало бы использовать на фронтах до июля-августа.

Для того, чтобы повысить боеспособность подлежащих укомплектованию танковых дивизий, следует использовать лёгкие самоходные орудия, имеющиеся в относительно большом количестве.

Я считаю неотложным делом обеспечить формирование одного дивизиона лёгких самоходных орудий в месяц с включением этих дивизионов в состав танковых дивизий до тех пор, пока не будет налажено производство танков в таком количестве, которое полностью удовлетворило бы потребности танковых дивизий в танках.

Далее, в течение 1944–1945 гг. следует усиленно продолжать производство танков Т-IV, не сокращая при этом выпуск танков «пантера» и «тигр».

3. На 1944 г. я предлагаю штатное расписание военного времени, указанное на схеме 2 (к сожалению, не сохранившейся). Эта схема содержит, в отличие от схемы 1,

требование, относящееся только к танкам: доведение танкового полка до бригады четырехбатальонного состава.

4. Количество танков, предусмотренное предложенной мною организацией, может быть достигнуто путём увеличения выпуска танков Т-IV, «пантера» и «тигр», а до тех пор, пока мы не будем располагать достаточным количеством этих танков, использовать лёгкие самоходные орудия на базе танка Т-IV с 75-мм пушкой L-48.

Соответствующее количество танков будет достигнуто лишь в том случае, если будут созданы основы для продолжительной службы отдельного танка. Для этого необходимо:

- а) довести до конца новые конструкции («пантера»);
- б) улучшить обучение экипажей (участие в сборке танков, индивидуальное обучение и обучение в составе подразделений);
- в) снабдить учебные подразделения необходимой учебной материальной частью (приложение не сохранилось); письмо генерала Хубе об опыте обучения во фронтовых условиях не сохранилось;
- г) проводить обучение систематически и предоставлять для этого необходимое время (не перемещать вновь сформированные части с их мест расположения, а сохранять их поблизости от заводов).

5. Успех в бою может быть достигнут только большой концентрацией всех танковых сил и средств в решающем районе на танкодоступной местности и сохранением момента внезапности в отношении количества и тактико-технических данных материальной части.

Для этого необходимо:

- а) отказаться от снабжения второстепенных театров военных действий танками новой конструкции, ограничиваясь использованием на этих фронтах танковых частей, имеющих на вооружении трофейную материальную часть;
- б) свести все танковые подразделения и части (включая танки «тигр», «пантера», Т-IV и временно также часть лёгких

самоходных орудий) в танковые дивизии и танковые корпуса, находящиеся под компетентным командованием;

в) принимать во внимание условия местности при использовании танков в наступлении;

г) держать в резерве новую материальную часть (т. е. в настоящее время танки «тигр» и «пантера», а также тяжёлые самоходные орудия) до тех пор, пока мы не будем иметь этой техники в количестве, обеспечивающем успех решающего внезапного удара; преждевременное рассекречивание новой техники может привести к тому, что уже в следующем году мы встретим эффективную оборону противника, против которой за такой короткий срок нам нечего будет противопоставить;

д) отказаться от новых формирований; основу старых танковых и моторизованных дивизий составляют хорошо обученные солдаты и неплохая техника, что обеспечивает необходимую помощь при обучении новых пополнений; этого нельзя сказать о новых формированиях.

Продолжительное использование танковых дивизий исключительно в обороне является в настоящее время расточительностью. Это мешает пополнению дивизий и снижает их готовность к наступлению.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости снять с фронта большое количество танковых дивизий и направить их в тыл на пополнение.

6. Противотанковая оборона всё больше и больше становится главной задачей самоходных орудий, так как другие противотанковые средства недостаточно эффективны в борьбе с новыми танками противника и несут слишком большие потери.

Все дивизии, находящиеся на основных фронтах, нуждаются поэтому в определённом оснащении их этим видом оружия, в то время как на второстепенных фронтах следует удовлетворяться созданием резерва самоходных орудий при главном командовании, а дивизии вооружить в первую очередь противотанковыми орудиями на самоходных лафетах. В целях экономии личного состава и материальной

части следует постепенно осуществлять слияние дивизионов самоходных орудий с противотанковыми дивизионами.

Новые тяжёлые самоходные орудия следует использовать только на главных фронтах и для выполнения особых задач. Именно они являются в первую очередь противотанковым средством.

Эффективность 75-мм самоходного орудия L-70 ещё неизвестна.

7. Танковые разведывательные батальоны превратились в пасынков танковых дивизий. Если их значение в Африке бесспорно, то на Восточном фронте в настоящее время оно уменьшилось. Однако это не должно вводить нас в заблуждение. Если мы в 1944 г. снова предпримем наступление большого масштаба, на что будем надеяться, то нам необходимо иметь эффективную наземную разведку.

Для этого необходимо:

а) достаточное количество лёгких одотонных бронетранспортёров (находятся в производстве и уже выпускаются);

б) бронеавтомобиль с большой скоростью передвижения (60–70 км/час), надёжной бронёй и хорошим вооружением.

В настоящее время такие машины больше не выпускаются. Я прошу полномочий на изучение этого вопроса вместе с министром Шпеером, чтобы затем сделать конкретное предложение.

8. Для оснащения моторизованных частей танковых дивизий необходимо продолжать выпуск 3-тонных бронетранспортёров и наладить их серийное производство, отказавшись от всяких конструктивных изменений.

Этими машинами также должны быть обеспечены инженерные части и части связи бронетанковых войск.

9. Артиллерия танковых и моторизованных дивизий уже 10 лет получает в достаточном количестве надёжные самоходные орудия. Танки новой конструкции не могут быть использованы артиллерийскими наблюдателями.

10. Прошу дать принципиальное решение следующих вопросов:

а) утвердить проект организации штаба генерал-инспектора бронетанковых войск с местом пребывания в главной ставке фюрера и штаба инспектора бронетанковых войск армии резерва с постоянным местом пребывания в Берлине;

б) утвердить штатное расписание организации войск военного времени;

в) подчинить всю самоходную артиллерию генерал-инспектору бронетанковых войск;

г) отказаться от новых формирований танковых и моторизованных дивизий в сухопутных войсках и в войсках СС, ввести в существующих дивизиях, а также в дивизии «Герман Геринг» новое штатное расписание военного времени;

д) продолжать выпуск танков Т-IV в 1944–1945 гг.;

е) сконструировать бронеавтомобиль хотя бы на основе имеющихся конструкций;

ж) ещё раз проверить необходимость конструирования лёгкого самоходного орудия с 75-мм пушкой L-70. В противном случае (если придётся отказаться от этой конструкции) заменить его лёгким самоходным орудием с 75-мм пушкой L-48 и бронетранспортёром для пехоты.

Каждый пункт доклада вызвал горячие споры. Все пункты, по крайней мере теоретически, были одобрены, за исключением одного — подчинения самоходных орудий генерал-инспектору бронетанковых войск. При обсуждении этого вопроса в зале поднялась буря негодования. Все присутствующие, кроме Шпеера, были против меня, особенно возмущались, конечно, артиллеристы. Шеф-адъютант фюрера даже заявил, что самоходная артиллерия является единственным оружием, в котором артиллеристы могут заслужить рыцарский крест. Наконец, Гитлер сказал, сочувственно посмотрев на меня: «Вы видите, все против вас. В таком случае я тоже не могу согласиться». Это решение имело большие последствия, ибо самоходная артиллерия осталась сама по себе; противотанковые дивизионы сохранили на вооружении несовершенные орудия на тракторной тяге, пехотные дивизии были лишены эффективной противотанковой обороны.

Прошло 9 месяцев, пока Гитлера убедили в этой ошибке, но уже не удалось до конца войны обеспечить все дивизии этим столь необходимым противотанковым средством. К сожалению, во вред общему делу даже одобренные предложения постоянно то отводились, то опять принимались, то объединялись в одно предложение, что препятствовало их осуществлению на практике; это касается в первую очередь моих настойчивых, неоднократных просьб о своевременном отводе с фронта на пополнение танковых дивизий, чтобы создать подвижный резерв в распоряжении верховного командования. Но именно верховному командованию и недоставало понимания решающего значения подвижных боеспособных оперативных резервов. Это непонимание господствовало до самого последнего дня войны, оно в значительной степени виновно в нашем поражении. Виновен в катастрофе и Гитлер со своими военными советниками, которые не только не поддержали меня по вопросу о создании таких резервов, а, наоборот, даже препятствовали мне.

10 марта я прилетел в Берлин и приступил к работе. 12 марта я инспектировал танковое училище в Вюнсдорфе, 17 марта осмотрел в Касселе заводы Хеншеля («Хеншельверке»), выпускавшие наши «тигры», некоторые важные детали для «пантеры» и противотанковые пушки образца 1943 г. (88-мм). 18 марта я посетил расположенный в Эйзенахе 300-й танковый батальон, где проводились испытания танков, управляемых на расстоянии, а также танковое училище для унтер-офицеров бронетанковых войск в Эйзенахе. 19 марта я был в Рюгенвальде, где Гитлеру демонстрировались орудие «Густав», установленное на железнодорожной платформе, танк T-IV с броневым экраном и самоходное орудие «Фердинанд».

Самоходное орудие «Фердинанд» было сконструировано на базе танка «тигр» профессора Порше с электродвигателем к 88-мм пушкой L-70, установленной в неподвижной башне. Кроме длинноствольной пушки, у танка не было другого оружия, т. е. для ближнего боя он был непригоден. В этом, несмотря на его сильную броню и хорошую пушку, была его слабость. Так как был уже сделан один выпуск этих танков (90 штук), я должен был найти им применение, хотя я и не мог разделять с тактической точки зрения восхищения Гитлера этим «сооружением» его любимца Порше. Из 90 самоходных орудий «Фердинанд» был

сформирован танковый полк в составе двух батальонов по 45 орудий в каждом.

Экраны представляли собой броневые щиты, которые устанавливались на некотором расстоянии от основной брони корпуса танков Т-III, Т-IV и самоходных орудий для защиты от русских противотанковых ружей и сведения на нет их эффективности. Сравнительно тонкие вертикальные броневые стенки корпусов названных типов танков не выдерживали огня русских противотанковых ружей. Это новшество оправдало себя.

«Густав» представлял собой мощное 800-мм орудие на железнодорожной установке, которая могла продвигаться только по двухпутной линии. Это орудие не имело отношения к моим войскам, и после демонстрации, заряжания и стрельбы я хотел было уйти, как вдруг меня окликнул Гитлер: «Послушайте! Доктор Мюллер (представитель фирмы Круппа) сказал мне, что из „Густава“ можно стрелять также по танкам. Что вы думаете об этом?» В первый момент я растерялся и уже видел «Густава» в серийном производстве, но быстро собрался с мыслями и ответил: «Стрелять — да, но не попадать!» Доктор Мюллер начал страстно протестовать. Но как можно использовать орудие для уничтожения танков, если на один выстрел из него требуется 45 минут? Вопрос о минимальной дальности выстрела заставил даже доктора Мюллера отказаться от своего утверждения.

22 марта я обсуждал с командиром парашютной дивизии «Герман Геринг» вопросы наиболее целесообразной реорганизации этого соединения, которое в то время было единственной боевой дивизией, насчитывавшей 34 000 человек. Большинство солдат и офицеров этой дивизии чувствовало себя в Голландии неплохо. При нашем положении с резервами в 1943 г. это было просто нетерпимо.

Наконец, в конце марта было решено провести реорганизацию моторизованных частей танковых дивизий на основе опыта последнего года войны.

Визиты доктора Гёрделера

В эти дни интенсивной работы мой старый знакомый генерал фон Рабенау привёл ко мне доктора Гёрделера, сильно желавшего о чём-то со мной побеседовать. Господин доктор Гёрделер начал рассказывать мне, что Гитлер неспособен выполнять обязанности рейхсканцлера и верховного главнокомандующего вооружёнными силами, а поэтому нужно ограничить фюрера в его полномочиях. Он подробно изложил мне свой проект программы правительства и свои реформы, свидетельствовавшие о большом идеализме. Они предусматривали социальное выравнивание, которое было, конечно, желательно, хотя доктринёрские методы доктора Гёрделера и затруднили бы разрешение этого вопроса. На случай удачи планов доктор Гёрделер не мог, однако, гарантировать поддержку за границы. Очевидно, он когда-то уже пытался установить контакт с заграницей, но его попытка была встречена очень холодно. Требование наших противников о «безусловной капитуляции» оставалось бы в силе также и в случае успеха доктора Гёрделера.

Я спросил у доктора Гёрделера, как он себе представляет ограничение полномочий Гитлера. Он ответил, что номинально его следует оставить главой рейха, но интернировать в Оберзальцбург или в какое-нибудь другое надёжное место. На мой вопрос о способе устранения руководящих национал-социалистов, без чего нельзя было рассчитывать на успешное выполнение его плана, он ответил, что это дело вермахта. Но доктору Гёрделеру пока ещё не удалось склонить на свою сторону ни одного из находившихся на фронте войсковых командиров. Поэтому он попросил меня при посещении действующей армии выдвигать его требования, а затем сообщить ему, кто из генералов согласен следовать за ним. На мой вопрос, кто же возглавляет это мероприятие, он назвал генерал-полковника Бека. Я был сильно удивлён, когда узнал, что такой человек, как Бек, нерешительный характер которого мне был хорошо известен, оказался втянутым в такое мероприятие. Бек был самой неподходящей личностью для совершения государственного переворота, ибо он никогда не смог бы прийти к определённом решению и не имел никакого авторитета в армии; больше того, он был неизвестен армии. Бек являлся философом, но не революционером.

Недостатки и слабости национал-социалистской системы и ошибки Гитлера выступали в то время совершенно ясно. Видел все эти

недостатки и я; поэтому нужно было стремиться ликвидировать их. Однако в том опасном положении, в котором находился рейх вследствие катастрофы под Сталинградом, и в условиях, когда Советский Союз также требовал безоговорочной капитуляции, нужно было выбрать путь, который не привёл бы рейх и народ к катастрофе. В этом была основная трудность, и это возлагало большую ответственность на тех, кто в душе ещё надеялся на возможность спасения рейха. Поэтому я пришёл к заключению отказаться от намерений доктора Гёрделера, как практически неосуществимых и наносящих вред общим интересам. Как и вся армия, я чувствовал себя связанным присягой. Поэтому я попросил доктора Гёрделера отказаться от своего намерения.

Тем не менее доктор Гёрделер попросил меня, несмотря на мои сомнения, собрать ему необходимые сведения. Я согласился выполнить это дерзкое требование с намерением доказать доктору Гёрделеру, что не только я, но и другие генералы думают также; я надеялся заставить этого несомненно идеалистически настроенного человека свернуть с его опасного пути. В апреле я ещё раз увидел доктора Гёрделера и смог его заверить, что не встретил ни одного генерала, который был бы склонен согласиться с его планами. Опрошенные мною лица, ссылаясь на присягу и на серьёзное положение на фронте, отказались от всякого участия в замыслах доктора Гёрделера. Я снова попросил его отказаться от своих намерений.

Доктор Гёрделер, который, впрочем, в беседах отказывался совершенно ясно от мысли совершить покушение, в заключение попросил меня молчать о нашем разговоре, и я сдержал это обещание. В 1947 г. я узнал из книги прокурора Фабиана фон Шлабрендорффа «Офицеры против Гитлера», что или доктор Гёрделер или генерал фон Рабенау не сдержали своего обещания молчать. Сообщения упомянутой книги обо мне не соответствовали действительности. С апреля 1943 г. я не разговаривал больше с доктором Гёрделером и ничего не слышал о его намерениях.

Однако вернёмся к моей служебной деятельности.

29 марта я вылетел в Запорожье в группу армий «Юг», чтобы посетить фельдмаршала фон Манштейна. Здесь как раз был достигнут крупный успех: благодаря правильному оперативному использованию танковых соединений снова был захвачен Харьков. Темой моей беседы с Манштейном был приобретённый при этих действиях опыт, особенно опыт использования батальонов, на вооружении которых находились танки «тигр», в танковой дивизии «Великая Германия» и танковой дивизии СС «Адольф Гитлер». В штабе я встретил своего старого друга Гота, командующего 4-й танковой армией, который также поделился со мной своим боевым опытом. Мне снова стало ясно, как прискорбен тот факт, что Гитлер был не в состоянии терпеть близко около себя такую способную военную личность, как Манштейн. Оба были слишком разными натурами: с одной стороны — своевольный Гитлер со своим военным дилетантством и неукротимой фантазией, с другой — Манштейн со своими выдающимися военными способностями и с закалкой, полученной в германском генеральном штабе, трезвыми и хладнокровными суждениями — наш самый лучший оперативный ум. Позднее, когда я был назначен начальником генерального штаба сухопутных войск, я неоднократно предлагал Гитлеру назначить Манштейна вместо Кейтеля начальником главного штаба вооружённых сил, но каждый раз напрасно. Конечно, Кейтель был удобен для Гитлера: он пытался по глазам Гитлера читать его мысли и выполнять их, прежде чем последний выскажет их. Манштейн был неудобен: у него было своё мнение, которое он открыто высказывал. В конце концов, Гитлер заявил на мои предложения: «Манштейн, возможно, и является самым лучшим умом, рождённым генеральным штабом, но он может оперировать только свежими, хорошими дивизиями, а не развалинами, которыми мы сегодня только и располагаем. Так как я не могу дать ему сегодня ни одного свежего, способного к действиям соединения, назначение его не имеет смысла». Он просто не хотел этого назначения и маскировался такими уклончивыми объяснениями.

Затем я полетел в Полтаву в армейскую группу Кемпффа, а оттуда 30 марта в дивизию «Великая Германия», в танковую дивизию СС «Адольф Гитлер» и 31 марта в корпус генерала фон Кнобельсдорффа. Везде я пытался получить в первую очередь ясное представление о боевом опыте «тигров», чтобы знать об их тактических и технических

возможностях и сделать выводы для будущей организации танковых соединений, вооружённых «тиграми». Своё первое посещение фронта в качестве генерал-инспектора я закончил 1 апреля прощальным визитом в Запорожье к Манштейну.

Итоги этой первой поездки по фронтам нашли своё отражение в моей беседе со Шпеером об увеличении выпуска танков «тигр» и «пантера» и в докладе Гитлеру 11 апреля в Берхтесгадене (Оберзальцбург), который мне пришлось увидеть тогда впервые. Вилла фюрера «Бергхоф» примечательна тем, что в той её части, в которой нам удалось побывать, мы не видели соединённых меж собой комнат. Величаво выглядел лишь большой приёмный зал, из окна которого открывался чудесный вид на горы. В зале было несколько дорогих ковров и картин, среди последних красовался великолепный Фейербах; перед камином имелось специальное возвышение, на котором Гитлер проводил ночные часы после так называемой вечерней трапезы в узком кругу своей свиты — военных и партийных адъютантов и секретарш. Я никогда не принадлежал к этому кругу.

В тот же день я посетил Гиммлера, с которым обсудил вопросы, связанные с координацией организации танковых соединений войск СС и танковых соединений сухопутных войск. В моих стремлениях я достиг лишь частичного успеха. Гиммлер особенно не хотел соглашаться с моим желанием отказаться от новых формирований. Правда, Гитлер признал во время моего доклада 9 марта, что новые формирования имеют слабые стороны, однако в вопросе войск СС Гитлер вместе с Гиммлером за спиной солдат втихомолку вынашивал идею создания независимо от сухопутных войск, к командованию которых фюрер никогда не питал полного доверия, приватной армии — своего рода гвардии преторианцев. От неё он ожидал величайшей преданности и готовности к любым действиям также в случае, если сухопутные войска, скованные в своих действиях старыми прусско-германскими традициями, откажутся следовать за Гитлером.

Такая двойственная политика Гитлера и Гиммлера поставила после войны войска СС в крайне неприятное положение, так как им начали ставить в упрёк промахи остальных частей СС и особенно полицейских отрядов службы безопасности. Уже во время войны непрерывное предпочтение войскам СС при выделении им резерва и определении его силы, при вооружении и оснащении вызывало справедливое

негодование в менее счастливых соединениях сухопутных войск. И если чувство товарищества на фронте стояло выше такой несправедливости, то это только благодаря самоотверженности германского солдата, который оставался одним и тем же независимо от того, какого цвета носил он мундир.

День 12 апреля я использовал для того, чтобы нанести визит начальнику генерального штаба военно-воздушных сил генерал-полковнику Ешонеку. Я встретил усталого человека в совершенно подавленном настроении. У нас не состоялось даже официальной беседы о вещах, которые имели прямое отношение к обоим родам войск — как к бронетанковым, так и к военно-воздушным силам. Тем более, нам не удалось достигнуть никакого сближения. Вскоре после нашей встречи (в августе 1943 г.) Ешонек не вынес обвинений Гитлера и Геринга в бездействии военно-воздушных сил и покончил жизнь самоубийством. Он последовал примеру своего товарища Удета, который сделал такой же отчаянный шаг в ноябре 1941 г., так как не мог найти другого выхода из своего положения, понимая, что необходимо для ведения войны, и видя неспособность и бездействие Геринга. Мой визит к главнокомандующему военно-воздушными силами так и не состоялся из-за напряжённой внеслужебной деятельности этого господина.

Вернувшись в Берлин, 13 апреля я имел продолжительную беседу со Шмундтом. Учитывая безнадёжную обстановку, создавшуюся в Африке, я стремился побудить его помочь мне вывезти оттуда на самолётах танковые экипажи, ставшие излишними в настоящих условиях, а главное, имевшие хорошую подготовку в результате долголетнего обучения командиров и их помощников по технической части. Вероятно, я неубедительно говорил с Шмундтом или он сам нечётко доложил Гитлеру о моём желании, ибо когда я на последовавшем вскоре докладе фюреру сам изложил ему свою просьбу, то потерпел неудачу. Интересы сохранения престижа, как это часто бывает, победили разум. Самолёты, летавшие в большом количестве порожними в Италию, могли бы захватить этих ценных людей и обеспечить нам формирование и пополнение частей как в тылу, так и на фронте. Об этом я доложил ещё раз в Оберзальцберге 29 апреля; в этот же день вместе с Буле, Кейтелем и Шпеером были разрешены вопросы организации и вооружения.

В Африку продолжали отправлять и там «сжигать» всё новые и новые части, туда были посланы и танковые подразделения, вооружённые новейшими «тиграми». Не обращалось внимание ни на какие возражения; то же самое делалось и позднее при обороне Сицилии. Когда я хотел вернуть танки «тигр» на материк, вмешался

Геринг: «Не могут „тигры“ взять шест и перепрыгнуть через Мессинский пролив. Вы должны с этим согласиться, генерал-полковник Гудериан!» Я ответил: «Если вы действительно господствуете в воздухе над Мессинским проливом, то „тигры“ могут вернуться таким же образом, каким они попали на Сицилию». На это воздушный специалист ответил молчанием. «Тигры» остались в Сицилии.

30 апреля из Берхтесгадена я вылетел в Париж, чтобы нанести первый визит главнокомандующему войсками на западе фельдмаршалу фон Рундштедту, осмотреть находящиеся на западе танковые соединения и проверить оборонительные возможности Атлантического вала в противотанковом отношении. В 81-м армейском корпусе у моего старого сослуживца по Франции генерала Кунтцена, находившегося в Руане, я получил информацию об обороне побережья, затем посетил 100-й танковый полк в Ивето, вооружённый французскими трофейными танками. Здесь меня застала телеграмма Гитлера, который вызывал меня на совещание в Мюнхен.

В Мюнхен я прибыл 2 мая. Первое совещание состоялось 3 мая, второе — 4 мая в присутствии моего начальника штаба Томале, вызванного из Берлина с новыми материалами. На этих совещаниях, на которых присутствовали верховное командование вооружённых сил, представители главного штаба вооружённых сил, начальник генерального штаба сухопутных войск со своими ответственными работниками, командующие группами армий «Юг» — фон Манштейн и «Центр» — фон Клюге, командующий 9-й армией Модель, министр Шпеер и другие, стоял очень серьёзный вопрос — должны ли группы армий «Юг» и «Центр» Восточного фронта в недалёком будущем (летом 1943 г.) начать наступление.

Этот вопрос обсуждался по предложению начальника генерального штаба генерала Цейтцлера, который хотел при помощи двойного флангового охвата уничтожить ряд русских дивизий под Курском, позиции которых образовали выдвинутую на запад дугу. Этим ударом он хотел ослабить наступательный порыв русской армии в такой мере, чтобы создать германскому верховному командованию благоприятные предпосылки для дальнейшего ведения войны на востоке. Этот вопрос горячо обсуждался ещё в апреле, однако тогда, сразу после катастрофы

под Сталинградом и после последовавшего поражения на южном участке Восточного фронта, едва ли кто мог думать о крупных наступательных действиях. Но вот теперь начальник генерального штаба хотел применением новых танков «тигр» и «пантера», которые должны были, по его мнению, принести решающий успех, снова захватить инициативу в свои руки.

Совещание открыл Гитлер. В своей 45-минутной речи он обстоятельно обрисовал положение на Восточном фронте и поставил на обсуждение присутствующих предложения начальника генерального штаба и возражения генерала Моделя. Модель, располагая подробными разведывательными данными, особенно аэрофотоснимками, доказал, что как раз на этих участках фронта, на которых обе группы армий хотят предпринять наступление, русские подготовили глубоко эшелонированную, тщательно организованную оборону. К тому времени русские уже отвели главные силы своих мотомеханизированных войск с выступающих вперёд позиций и в свою очередь на вероятных направлениях нашего прорыва, который мы намечали провести согласно нашей схеме наступления, необычайно усилили свою артиллерию и противотанковые средства.

Модель сделал отсюда правильный вывод, что противник рассчитывает на наше наступление, поэтому, чтобы добиться успеха, нужно следовать другой тактике, а ещё лучше, если вообще отказаться от наступления. По выражениям, в которых Гитлер преподнёс мнение Моделя, можно было безошибочно определить, что оно сильно повлияло на него и что он не решается назначить наступление по плану Цейтцлера. Гитлер попросил фельдмаршала фон Манштейна первым высказаться по предложению Цейтцлера. Манштейну не повезло, как часто бывало и во время его разговоров с глазу на глаз с Гитлером. Он сказал, что наступление имело бы успех, если бы его смогли начать в апреле; теперь же он сомневается в успехе. Для проведения наступления ему нужно дать ещё две боеспособные пехотные дивизии. Гитлер ответил, что он не располагает такими двумя дивизиями и что Манштейн должен обойтись силами, которые у него есть; затем он ещё раз повторил свой вопрос, но ясного ответа на него не получил. Затем Гитлер обратился к фельдмаршалу фон Клюге, который прямо высказался за предложение Цейтцлера.

Я попросил слова и заявил, что наступление бесцельно; наши только что подтянутые на Восточный фронт свежие силы при наступлении по плану начальника генерального штаба будут снова разбиты, ибо мы наверняка понесём тяжёлые потери в танках. Мы не в состоянии ещё раз пополнить Восточный фронт свежими силами в течение 1943 г.; больше того, мы должны теперь думать также и о снабжении Западного фронта новейшими танками, чтобы уверенно встретить подвижными резервами ожидаемую в 1944 г. высадку десанта западных держав. Кроме того, я указал, что у танка «пантера», на который начальник генерального штаба сухопутных войск возлагал большие надежды, обнаружено много недостатков, свойственных каждой новой конструкции, и что трудно надеяться на их устранение до начала наступления. Шпеер поддержал мои доводы в части, касающейся вооружения. Но только мы двое были единственными участниками этого совещания, которые на предложение Цейтцлера ясно ответили «нет». Гитлер, который ещё не был полностью убеждён сторонниками наступления, так и не пришёл в этот день к окончательному решению.

Кроме совещания, носившего военный характер, я в этот день имел в Мюнхене ещё и личную беседу: впервые после событий декабря 1941 г. я снова встретил фельдмаршала фон Клюге. Его недружелюбное приветствие снова разбредило мои старые раны. Я ответил очень холодно. После совещания господин фон Клюге пригласил меня в соседнюю комнату и спросил о причинах моей неприветливости. Мне пришлось ответить, что лежало у меня на душе против него. При этом я подчеркнул, что после того, как выяснились все обстоятельства событий, он должен дать разъяснение своего поведения в декабре 1941 г. Мы расстались, ничего не выяснив.

Спустя некоторое время меня посетил в Берлине Шмундт и дал мне прочитать письмо фельдмаршала фон Клюге к Гитлеру. Фон Клюге вызывал меня в этом письме на дуэль. Фон Клюге знал совершенно точно, что поединки запрещены и что Гитлер не потерпит, чтобы его генералы занимались этим во время войны. Тем не менее он выбрал Гитлера посредником.

Шмундт заявил мне от имени Гитлера, что фюрер не желает этой дуэли; он хочет, чтобы эта ссора была улажена подходящими средствами. Я удовлетворил желание Гитлера, написав фельдмаршалу

фон Клюге письмо, в котором выразил сожаление, что своим поведением в Мюнхене я обидел его, заметив, что всё это явилось реакцией на ту тяжёлую обиду, которую он нанёс мне в 1941 г., и что поэтому я не мог поступить иначе.

В области танкостроения в апреле было принято решение продолжать выпуск танка T-IV согласно моим заказам до тех пор, пока не будет полностью обеспечено серийное производство танка «пантера». Месячный выпуск танков должен был достигнуть 1955 штук. Было отдано распоряжение об усилении активной противовоздушной обороны в важнейших центрах танковой промышленности — Касселе, Фридрихсгафене и Швейнфурте. В своём докладе от 4 мая в Мюнхене я предложил создать запасные центры по производству танков, но против этого предложения выступил, первый заместитель Шпеера Заур, который утверждал, что авиация противника концентрирует свои усилия только по авиационным заводам, и не хотел верить, что после разрушения авиационных заводов на очередь встанут по здравому смыслу танковые заводы.

10 мая Гитлер был в Берлине, и меня вызвали на совещание в имперскую канцелярию по вопросам производства танка «пантера», так как промышленность не смогла выпустить их в первоначально установленные сроки. Чтобы ликвидировать это отставание, была установлена повышенная цифра выпуска — вместо 250 танков к 31 мая должно было быть выпущено 324 танка. После окончания совещания я взял Гитлера под руку и попросил разрешения сказать ему откровенно несколько слов. Он согласился, и я начал убедительно просить его отказаться от наступления на Восточном фронте, так как ему должно быть видно, с какими трудностями мы должны бороться уже сейчас. В настоящее время не стоит предпринимать крупные операции, от этого сильно пострадает оборона на западе. Я закончил вопросом: *«Почему вы хотите начать наступление на востоке именно в этом году?»* Здесь в разговор вмешался Кейтель: *«Мы должны начать наступление из политических соображений»*. Я возразил: *«Вы думаете, что люди знают, где находится Курск? Миру совершенно безразлично, находится ли Курск в наших руках или нет. Я повторяю свой вопрос: „Почему вообще вы хотите начать наступление на востоке именно в этом*

году? “» Гитлер ответил на это буквально следующее: *«Вы совершенно правы. При мысли об этом наступлении у меня начинает болеть живот»*. Я ответил: *«У вас правильная реакция на обстановку. Откажитесь от этой затеи»*. Гитлер заверил, что в решении этого вопроса он никоим образом не чувствует себя связанным. На этом разговор был закончен. Кроме фельдмаршала Кейтеля, которого в настоящее время уже нет в живых, свидетелями этого разговора были мой начальник штаба Томале и господин Заур из министерства вооружения и боеприпасов.

Через день я выехал на поезде в Лётцен (Лучаны), где временно расположился мой штаб. Там я осмотрел местные казармы. 13 мая я имел беседу со Шпеером, а во второй половине дня был на докладе у Гитлера. 1 мая Гитлеру показали деревянную модель «мышонка» — танка профессора Порше и фирмы Круппа, на котором намеревались установить 150-мм пушку. Общий вес танка должен был достигнуть 175 т. Нужно было рассчитывать на то, что он в действительности после конструктивных изменений по указаниям Гитлера будет весить 200 т. Модель не имела ни одного пулемёта для ведения ближнего боя. Уже по этой причине я должен был отклонить её. Конструкция имела тот же самый недостаток, который делал «Фердинанда» Порше непригодным для ведения ближнего боя. А ведь танку в конце концов неизбежно приходится вести ближний бой, ибо он действует во взаимодействии с пехотой. Начались бурные споры, так как все присутствующие, кроме меня, находили «мышонка» великолепным. Он обещал быть именно «гигантским». Кроме «мышонка», была показана весьма удачная деревянная модель самоходного орудия фирмы «Вомаг», созданного на базе танка T-IV. Его высота составляла лишь 170 см, т. е. находилась на грани практически возможной высоты. Затем было показано самоходное орудие, вооружённое тяжёлой пехотной пушкой, и модель танка с 37-мм спаренной зенитной установкой.

После окончания демонстрации моделей я вылетел в Берлин. 24 и 25 мая я провёл инспектирование 654-го танкового батальона, размещённого в Бруке на Лейте. Батальон был вооружён уже упоминавшимися танками «тигр» фирмы Порше. Затем я посетил завод «Нибелунгенверк» в Линце, выпускавший танки «пантера» и противотанковые пушки. 26 мая из Линца я вылетел в Париж, чтобы

проинспектировать училище командиров танковых батальонов. 27 мая я посетил в Амьене 216-й танковый батальон, 28 мая — курсы командиров рот в Версале и командиров 14-й и 16-й танковых дивизий в Нанте. Наконец, 29 мая я посетил крепость Сен-Назер и ознакомился с оборонительными сооружениями Атлантического вала. Впечатление, которое я получил при их осмотре, было ещё хуже, чем я ожидал, критически относясь к громкой пропаганде вала. Затем 30 мая я вылетел в Берлин, 31 мая — в Иннсбрук для беседы со Шпеером, а 1 июня — в Графенвёр для инспектирования 51-го и 52-го танковых батальонов. В тот же день я вернулся в Берлин.

Между тем верховное командование вооружённых сил пришло к странному решению послать 1-ю танковую дивизию на Пелопоннес на случай высадки английского десанта в Греции. Эта дивизия была только что пополнена, и в её состав вошёл первый танковый батальон, вооружённый только что выпущенными танками «пантера». Она была нашим самым сильным резервом. И вот теперь мы должны были поставить её на карту. Мой полный негодования протест утонул в смехотворных аргументах Кейтеля, который утверждал, что горно-стрелковую дивизию, которую я рекомендовал как наиболее подходящую для действий в Греции, будет невозможным снабдить большим количеством фуража, так как это потребует крупных транспортных средств. Я был не в состоянии отменить это решение, но начал на свой страх и риск препятствовать отправке танков «пантера» в Грецию. Вскоре один офицер-танкист, который был послан в Грецию для ведения воздушной разведки, сообщил мне, что греческие узкие горные дороги и мосты не подходят для танков «пантера» с их широкой колеёй. Благодаря этому аргументу мне удалось задним числом получить от Гитлера разрешение на свои действия. Вскоре мы почувствовали, как необходима была нам 1-я танковая дивизия в России.

15 июня я снова занимался нашими подопечными детьми «пантерами», у которых оказались не в порядке боковые зубчатые передачи и выявились недостатки в оптике. На следующий день я высказал Гитлеру свои сомнения относительно целесообразности использования танков «пантера» на Восточном фронте, так как они не были ещё полностью готовы к их использованию в боях.

В Мюнхене в гостинице «Времена года» я встретился с фельдмаршалом Роммелем и имел с ним беседу об опыте использования танков на африканском театре военных действий. Вечером я вылетел в Берлин, осмотрел 18 июня в Ютербоге артиллерийское вооружение и в этот же день полетел в Берхтесгаден на доклад к Гитлеру. Короткая остановка в Графенвеере ещё раз дала мне возможность ознакомиться в 51-м и 52-м танковых батальонах с отрицательными сторонами танка «пантера» и затем доложить о них Гитлеру. Кроме технических недостатков ещё несовершенных «пантер», были недостатки и у экипажей машин, в частности у водителей, ещё слабо изучивших новую технику и не имевших достаточного фронтового опыта. К сожалению, все эти соображения не удержали ни Гитлера, ни начальника генерального штаба сухопутных войск от злосчастного наступления под названием «Цитадель», которое было начато на востоке.

Африканский театр военных действий 12 мая окончательно прекратил своё существование капитуляцией Туниса. 10 июля союзники высадились в Сицилии. 25 июля был смещён и арестован Муссолини. Маршалу Бадольо поручили формирование правительства. Отпадение Италии стало вопросом ближайшего будущего.

В то время как события на юге всё более и более приближали войну к границам Германии, Гитлер начал недопустимое по замыслу и проведению наступление на востоке. На юге из района Белгорода наступали десять танковых дивизий, одна мотодивизия и семь пехотных дивизий, на севере из района западнее Орла наступали семь танковых дивизий, две мотодивизии и девять пехотных дивизий. Всё, что сухопутные войска смогли сконцентрировать для увеличения своей наступательной силы, было использовано при этом наступлении, о котором сам Гитлер правильно сказал в Мюнхене, что оно не имеет права провалиться, так как даже отход обратно на исходные позиции представлял бы собой уже поражение. Каким образом Гитлер решился на наступление, до сих пор неясно. По всей вероятности, решающим явился нажим начальника генерального штаба сухопутных войск.

Наступление началось 5 июля манёвром, давно известным русским по многочисленным предыдущим операциям, а потому заранее ими разгаданным. Гитлер отказался от обоих своих контрпредложений (от

наступления на острие русского клина через Севск и от наступления из района Харьков в юго-восточном направлении с прорывом фронта русских и расширением флангов прорыва) в пользу плана Цейтцлера, который хотел уничтожить выдвинутые вперёд в виде дуги позиции русских двойным охватом в общем направлении на город Тим и захватить тем самым инициативу на Восточном фронте снова в свои руки.

С 10 по 15 июля я посетил оба наступающих фронта, сначала южный, потом северный, и уяснил себе на месте в беседах с командирами-танкистами ход событий, недостатки наших тактических приёмов в наступательном бою и отрицательные стороны нашей техники. Мои опасения о недостаточной подготовленности танков «пантера» к боевым действиям на фронте подтвердились. 90 танков «тигр» фирмы Порше, использовавшихся в армии Моделя, также показали, что они не соответствуют требованиям ближнего боя; эти танки, как оказалось, не были снабжены в достаточной мере даже боеприпасами. Положение обострялось ещё и тем, что они не имели пулемётов и поэтому, когда врвались на оборонительные позиции противника, буквально должны были стрелять из пушек по воробьям. Им не удалось ни уничтожить, ни подавить пехотные огневые точки и пулёмётные гнёзда противника, чтобы дать возможность продвигаться своей пехоте. К русским артиллерийским позициям они вышли одни, без пехоты. Несмотря на исключительную храбрость и неслыханные жертвы, пехота дивизии Вейдлинга не смогла использовать успех танков. Продвинувшись около 10 км, войска Моделя были остановлены. Правда, на юге успех был больше, но он был недостаточен для блокирования русской дуги или для понижения сопротивления. 15 июля началось русское контрнаступление на Орёл, оборона которого была ослаблена в целях высвобождения сил для наступления. 4 августа город пришлось оставить. В этот же день пал Белгород.

До этого дня части, находившиеся в районе р. Зуша, р. Ока севернее Орла, упорно отражали все атаки противника. Это был тот самый район, который я избрал ещё в декабре 1941 г. для сосредоточения своей 2-й танковой армии. Из-за этого района и возник у меня конфликт с Гитлером, который затем и был использован фельдмаршалом фон Клюге для снятия меня с должности.

В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на западе на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос. Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику.

Споры второй половины 1943 года

После 15 июля я направился во Францию для инспектирования танковых соединений. В конце июля я посетил соединения, имевшие на вооружении танки «тигр», в учебном войсковом лагере Сен у Падерборна. Из лагеря я был вызван телеграммой Гитлера в Восточную Пруссию. Во время моего первого доклада я заболел. Дизентерия, которой я заразился в России и на которую я вначале даже и не обращал внимания, заставила меня слечь в постель. Немного оправившись, я вылетел в Берлин, чтобы окончательно вылечиться. В первых числах августа мне была сделана операция, приковавшая меня к постели до конца месяца. Незадолго до операции меня посетил генерал фон Тресков, бывший начальник оперативного отдела у фельдмаршала фон Клюге. Он сказал мне, что прибыл по поручению фельдмаршала, который мол может помириться со мной, если первый шаг к примирению сделаю я. Он хотел выступить вместе со мной против Гитлера с целью добиться ограничения полномочий последнего как верховного главнокомандующего вооружёнными силами. Согласиться с этим предложением я не мог, так как очень хорошо знал неустойчивый характер фельдмаршала фон Клюге. Поэтому я вынужден был отклонить просьбу генерала Трескова.

Моё здоровье поправлялось медленно. Усиленная бомбардировка Берлина авиацией противника в августе 1943 г. нарушала необходимый

для выздоровления покой. Вместе с женой мы решили принять предложение Шпеера, который нашёл для меня на одном курорте имперского правительства в Верхней Австрии виллу в прекрасной гористой местности. Едва мы прибыли туда 3 сентября, как 4 сентября уже получили известие, что наша берлинская квартира почти полностью разрушена прямым попаданием бомбы. Остатки нашего имущества поместили в подвале одной из казарм в Вюнсдорфе. Это был тяжёлый удар. Мы уже стали подумывать о переселении на постоянное местожительство в Верхнюю Австрию, когда получили телеграмму о предоставлении нам рейхом дотации, установленной положением, принятым осенью 1942 г. Это Шмундт, узнавший о разрушении нашего дома, постарался о таком возмещении. Не оставалось ничего другого, как удовлетвориться этим хорошим предложением. В октябре 1943 г. моя жена переехала в Дейпенгоф (округ Хоэнзальца), где и проживала до появления там русских, т. е. до 20 января 1945 г.

Между тем в моё отсутствие сделали попытку вместо производства танков T-IV начать производство самоходных орудий. Организация Тодта, соорудившая Атлантический вал и другие укрепления, внесла предложение установить башни танков «пантера» на долговременных огневых точках. При нашем незначительном производстве танков это был, несомненно, тяжёлый удар для командования бронетанковыми войсками. Подобное предложение свидетельствовало об абсолютном непонимании роли танков.

Сразу же после возвращения с курорта я снова принялся за разрешение вопроса о производстве танка с зенитной установкой. Гитлер одобрил конструкцию 37-мм спаренной установки. Но зато выпущенная 20мм счетверённая установка на шасси танка T-IV была им отклонена, и выпуск этого важного оборонительного средства пришлось снова отложить.

20 октября 1943 г. Гитлеру были показаны в учебном войсковом лагере Арис (Ожиш) деревянная модель танка «тигр II» — чрезвычайно удачная новая модель танка «тигр», окрещённая позднее нашими противниками «королевским тигром», самоходное орудие фирмы «Вомаг», модель самоходного орудия «тигр» с 128-мм пушкой, 380-мм мортира на шасси танка «тигр», танк T-III с приспособлениями для

передвижения по железнодорожному пути, а также лёгкие и тяжёлые бронедрезины различных типов.

22 октября авиация противника совершила крупный налёт на заводы фирмы «Хеншель» в Касселе, в результате которого заводы на некоторое время были выведены из строя. Оказалось, что я был прав, когда весной предсказывал налёты авиации противника на танковые заводы. Я тотчас же направился в Кассель на завод, чтобы выразить своё сочувствие рабочим, дома которых были сильно разрушены; было также много убитых и раненых. В разбитом большом монтажном цехе мне представилась возможность выступить перед рабочими. В моих словах не было обычных громких фраз того времени, которые в такой серьёзный момент были бы вдвойне неприятны. Я был встречен рабочими радушно и тепло; в этой встрече проявилось наше взаимопонимание. Об этом свидетельствовали всегда радовавшие меня дружественные приветы, которые я часто получал от работников завода.

26 ноября последовал второй воздушный налёт на берлинские заводы «Алкет», «Рейнметалл-Борзиг», «Вомаг» и «Дёйче Ваффен унд Мунисионсфабрикен».

7 декабря производство 38-тонного чешского танка было заменено производством лёгкого самоходного орудия, состоящего из конструктивных элементов старого 38-тонного танка с наклонными броневыми плитами, безоткатной пушкой и пулемётом с изогнутым стволом. Эта конструкция могла быть названа весьма удачной. Впоследствии этим самоходным орудием стали вооружать противотанковые дивизионы пехотных дивизий; тем самым мои требования, высказанные 9 марта, были, наконец, удовлетворены.

Беспомощность пехоты перед лицом всё увеличивающегося количества русских танков приводила к крупным потерям. Однажды вечером Гитлер во время доклада о сложившейся обстановке вышел из себя и произнёс длинный монолог о том, как бессмысленно снабжать пехотные дивизии ограниченным количеством противотанковых средств. Случайно и я присутствовал на этом докладе. Когда Гитлер изливал свою душу, я стоял как раз перед ним. Должно быть, выражение моего лица показалось ему до некоторой степени саркастическим, так как он неожиданно замолчал, посмотрел на меня и сказал: «Вы были правы! Об этом вы мне говорили 9 месяцев тому

назад. К сожалению, я не послушал вас». Наконец, я мог осуществить своё намерение, но, к сожалению, слишком поздно. Только одну треть противотанковых рот удалось вооружить новым оружием до начала наступления русских зимой 1945 г.

Так развивались наши бронетанковые войска до конца 1943 г. Обстановка на фронте во второй половине 1943 г. продолжала складываться не в нашу пользу.

После провала нашего неудачного наступления на Курск Восточный фронт проходил от Таганрога на Азовском море, западнее Ворошиловграда вдоль реки Донец, по этой реке до излучины южнее Харькова, в охват Белгорода, Сумы, Рыльска, Севска, Дмитровска (Дмитровск-Орловский), Троицы, Мценска (восточнее Орла), Жиздры, Спас-Деменска, Дорогобужа, Велижа, западнее Великих Лук и далее по озеру Ильмень, вдоль р. Волхов, северо-восточнее Чудово, по линии южнее Шлиссельбурга (Петрокрепость), южнее Ленинграда, южнее Ораниенбаума до побережья Финского залива.

На этом фронте русские продолжали наносить удары в первую очередь по группам армий «А», «Юг» и «Центр». Наступление русских в направлении Сталино с 16 по 24 июля провалилось. Но удар пятидесяти двух стрелковых соединений и десяти танковых корпусов привёл к глубокому вклинению русских в направлении Харьков, Полтава. Прорыв удалось ликвидировать, однако Харьков 20 августа был потерян. При наступлении, начавшемся 24 августа с линии Таганрог, Ворошиловград, русским всё же удалось осуществить прорыв. Наш фронт до 8 сентября должен был отодвинуться на линию Мариуполь, западнее Сталино, западнее Славянска. До середины сентября пришлось оставить рубеж, проходивший по р. Донец; к концу этого месяца русские стояли перед Мелитополем, на подступах к Запорожью и у устья Припяти.

11 июля начались атаки русских севернее Курска против группы армий «Центр», которые 5 августа привели к захвату Орла. С 26 августа по 4 сентября противнику удалось глубоко вклиниться в направлении Конотоп, Нежин. В последующие дни этот клин был расширен. В конце сентября русские достигли Днепра в районе впадения в него Припяти; отсюда фронт шёл через Гомель, восточнее Днепра на север до Велижа.

Во второй половине октября русские форсировали Днепр между Днепропетровском и Кременчугом, в конце месяца наш фронт был прорван южнее Запорожья и войска отброшены к середине ноября за Днепр. Осталось два предмостных укрепления — одно у Никополя и другое, небольшое, у Херсона. Между 3 и 13 ноября русские овладели Киевом и продвинулись до Житомира.

Гитлер решил начать контрнаступление. Следуя своей скверной привычке, он решил проводить его весьма слабыми силами. С согласия начальника генерального штаба сухопутных войск я использовал свой доклад Гитлеру 9 ноября 1943 г. о бронетанковых войсках для внесения предложения относительно наступления. Я предложил Гитлеру отказаться от нанесения отдельных, распылённых по месту и времени контрударов, а сосредоточить все наличные танковые дивизии, расположенные в районе южнее Киева, для планируемого контрнаступления через Бердичев на Киев. Я предложил также подтянуть сюда танковую дивизию из района предмостного укрепления у Никополя, которое оборонялось Шёрнером, и танковые дивизии группы армий Клейста, оборонявшиеся по р. Днепр у Херсона. При беседе с Гитлером я придерживался своего старого принципа: «Бить, так бить!» Он знал об этом принципе, но никогда им не руководствовался. Моё предложение было принято во внимание, но возражения фронтовых командиров вынудили Гитлера отказаться от него. Начатое слабыми силами контрнаступление у Бердичева после тяжёлых зимних (декабрьских) боёв застопорилось. Захватить Киев и выйти на линию Днепра не удалось. 24 декабря 1943 г. русские снова начали наступать и отбросили наши войска от Бердичева к Виннице.

Ввод в бой 25-й танковой дивизии чрезвычайно характерен для наступательной тактики Гитлера. Однако, чтобы осветить этот эпизод, я должен несколько вернуться назад.

После катастрофы под Сталинградом я сформировал несколько танковых дивизий из остатков разгромленных дивизий солдатами-танкистами, которым ввиду ранения, болезни и других причин удалось избежать пленения. То же самое я сделал со спасшимися остатками войск после потери Африки. 21-я танковая дивизия была создана во Франции из оккупационных частей, вооружённых трофейной материальной частью. 25-я танковая дивизия была образована аналогичным образом в Норвегии. Её командиром был генерал фон

Шелл. Шелл работал вместе со мной в министерстве рейхсвера, когда я с 1927 г. по 1930 г. занимался вопросами автомобильных войск. Затем он уехал в продолжительную командировку в Соединённые Штаты Америки, чтобы изучить вопросы моторизации в стране Генри Форда. Оттуда он прибыл со многими планами в голове. Перед войной он был начальником автобронетанкового отдела инспекции бронетанковых войск в управлении общих дел сухопутных войск и, стало быть, главным советником по моторизации сухопутных войск. Гитлер проявлял большой интерес к этой проблеме, поэтому оба они работали в тесном контакте. Шелл был умным, решительным и весьма красноречивым человеком. Он сумел убедить Гитлера в целесообразности упрощения типов машин и необходимости налаживания серийного производства. В результате он был назначен младшим статс-секретарём в имперском министерстве транспорта, что является редким случаем в Германии. Там он занимался вопросами развития автотранспортных средств. В своей деятельности он вскоре натолкнулся на сопротивление промышленников и на связанные с ними партийные инстанции, которые не хотели отказываться от своих старых методов производства. Эти круги подорвали доверие Гитлера к Шеллу, и Гитлер освободил его от занимаемой должности. Шелл был переведён в Норвегию, в спокойную страну, где он не мог пожинать боевые лавры. Но подвижный, не знающий усталости человек вскоре создал из скудных оккупационных подразделений боеспособную часть. Я поддержал его стремление к развёртыванию этой части в танковую дивизию и добился перевода его соединения во Францию.

Однако после крушения плана «Цитадель» Восточный фронт забрал все силы из Франции и настолько ослабил находившиеся там оккупационные части, что потребовалось пополнение. Естественно, трофейную материальную часть этого нового соединения нужно было заменить отечественной современной техникой. Нужно было научить людей владеть техникой и действовать в составе соединения. Дивизию нужно было ознакомить с опытом ведения боевых действий на Восточном фронте и только тогда поставить ей посильную задачу в соответствии с уровнем её подготовки.

А что получилось? В начале октября 1943 г. по приказу Гитлера эта дивизия должна была передать на Восточный фронт для сформированной 14-й танковой дивизии свыше 600 только что

полученных машин; верховное командование вооружённых сил и главное командование сухопутных войск считали, что 25-я танковая дивизия ещё долго пробудет во Франции, а поэтому может обойтись без них, довольствуясь низкопробной французской техникой. Это сильно ухудшило вооружение дивизии, которая теперь могла быть использована лишь на Западном театре. Разведывательный батальон танковой дивизии оснащался в это время бронетранспортёрами. Сапёры и 1-й батальон 146-го мотополка также получили новые бронетранспортёры. 9-й танковый полк не был ещё полностью оснащён. 91-й артиллерийский полк должен был получить вместо польских трофейных орудий немецкие лёгкие полевые гаубицы и 100-мм пушки. У зенитного дивизиона не хватало одной батареи, у противотанкового дивизиона — роты самоходных орудий. Не хватало средств радиосвязи.

Все эти недостатки были известны. Их нужно было устранить в спокойной обстановке во Франции. Несмотря на всё это, в середине октября поступил приказ о переводе дивизии на восток. Я немедленно заявил протест и попросил у Гитлера отложить до вторичной инспекции этого соединения. Мне хотелось получить ясное представление о боевых возможностях дивизии, чтобы не бросить её совершенно неподготовленной в тяжёлые бои на Восточном фронте. Я немедленно направился во Францию. После инспектирования дивизии и обстоятельных бесед с Шеллом и другими командирами я сообщил, что дивизии необходимо по меньшей мере четыре недели для получения на вооружение новой техники и общего ознакомления с ней. Это сообщение я передал по телефону. Но уже был послан приказ о переброске дивизии на восток. Гитлер, верховное командование вооружённых сил и главное командование сухопутных войск не приняли во внимание ни донесения командиров частей, ни сообщения ответственного лица — генерал-инспектора. Переброска дивизии на Восточный фронт была назначена на 29 октября.

Дивизия была небоеспособной. Мало того, порядок переброски на восток не соответствовал ни желанию командования дивизии, ни обстановке на фронте. Кроме того, по дороге этот порядок неоднократно подвергали изменениям. Противотанковый дивизион был поорудийно распределён по всему эшелону. Для повышения боеспособности дивизии я распорядился придать ей вновь

сформированный 509-й танковый батальон танков «тигр», хотя вооружение этого батальона ещё не было полностью закончено. В это же время был издан приказ о назначении нового командира батальона; при отправке из Франции старый командир уже убыл, а новый ещё не прибыл.

Дивизия была в спешном порядке переброшена в район действий группы армий «Юг». Штаб группы указал для колёсного транспорта дивизии район выгрузки Бердичев, Казатин, для частей на гусеничном ходу — район Кировоград, Ново-Украинка, причём командование дивизии не знало, куда причислить артиллерийские тягачи и бронетранспортёры. Один район выгрузки находился от другого на расстоянии примерно трёх дней марша.

Начальник штаба дивизии с прибывшим ранее личным составом направился через Бердичев в Ново-Украинку, командир дивизии поехал на доклад в штаб группы армий в Винницу. В Бердичеве специально назначенный офицер руководил разгрузкой и сосредоточением частей и подразделений на колёсном транспорте, 6 ноября должен был начаться марш в районы сосредоточения. С выгруженными частями не было установлено телефонной связи. Приказы развозились специальными офицерами на машинах.

5 ноября противнику удалось глубоко вклиниться под Киевом. 6 ноября группа армий отдала примерно следующий приказ: «25-я танковая дивизия переходит в подчинение 4-й танковой армии. 6 ноября она должна начать выдвижение частей на колёсном транспорте в район Белой Церкви. Район сосредоточения — Белая Церковь, Фастов. Дивизия охраняется своими силами. Части на гусеничном ходу подвести из района Кировограда».

Группа армий знала о состоянии этой дивизии.

В 16 часов командир дивизии собрал успевших прибыть к нему командиров для отдачи им приказа. На всех командиров полков и батальонов имелась всего лишь одна карта 1:300 000.

К этому времени командир танковой дивизии имел в своём распоряжении следующие части:

146-й мотополк — штаб полка, два батальона неполного состава (в каждом батальоне по две роты);

147-й мотополк — то же самое;

9-й танковый полк — штаб полка, штаб 2-го батальона, подразделения различных рот; всего 30 танков Т-IV и 15 танков «тигр»;

91-й артиллерийский полк — штаб полка, штаб 1-го дивизиона, 1-я и 2-я батареи; кроме того, личный состав 3-го дивизиона без орудий;

противотанковый дивизион — штаб и одна смешанная батарея;

батальон связи — почти в полном составе, однако без командира, который находился с передовыми подразделениями;

сапёрный батальон — в полном составе, без лёгкой сапёрной колонны и мостовой колонны;

зенитный дивизион — штаб и 1-я батарея.

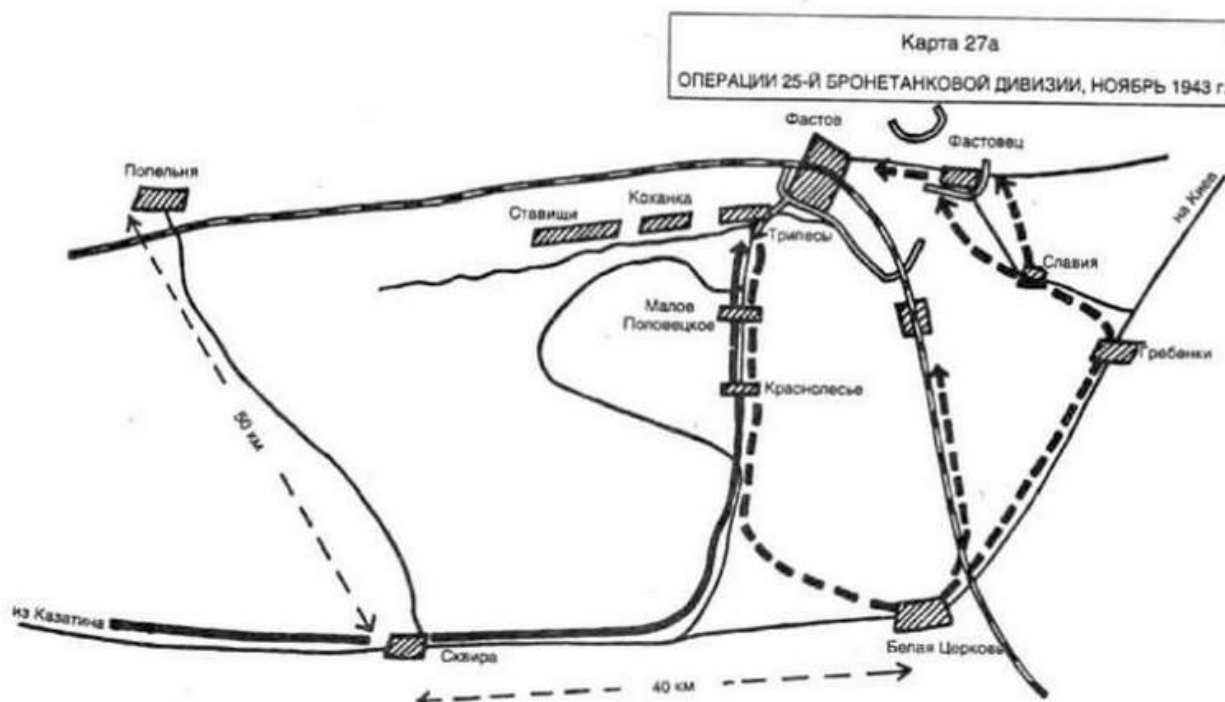
При командире дивизии находились лишь адъютант, два офицера для поручений с несколькими автомашинами и несколько связных на мотоциклах.

Ввиду не терпящей промедления обстановки командир дивизии решил продвигаться через Казатин, Сквиря несколькими походными колоннами, состав которых определялся готовностью частей к маршу и их удалением от исходного пункта дивизии, и выйти в район западнее Белой Церкви. В этом районе он хотел дожидаться подхода всех своих частей и подразделений. Он полагал, что 6 ноября он не сможет выступить раньше 22 часов, так как передача приказа частям с помощью автомашин занимала много времени. Радиостанции ещё не прибыли; кроме того, пользование радио в целях маскировки было воспрещено.

Когда командиры разъехались по своим частям, поступил приказ из штаба 4-й танковой армии, с которой поддерживалась телефонная связь: «25-й танковой дивизии немедленно достичь Фастова и всеми средствами удерживать его. Командир 25-й танковой дивизии назначается начальником гарнизона города Фастов. В его подчинение войдут два запасных тирольских батальона и один батальон, сформированный из отпускников, а также прибывающий вечером полк СС танковой гренадерской дивизии „Рейх“. Далее указывался маршрут следования — Казатин, Сквиря, Попельня, Фастов, но от него пришлось отказаться, так как партизаны взорвали мосты; для движения выбрали полевою дорогу восточнее Сквиря.

Командир дивизии решил находиться в голове первой походной колонны. Марш начался точно в установленное время и проходил вначале спокойно. Во второй половине ночи встретились отходившие

колонны авиационных частей, которые нарушили темп марша дивизии. Это потребовало энергичного вмешательства командира дивизии. Стоявшая до сих пор сухая погода изменилась к худшему, несколько дней подряд непрерывно шли дожди, сильно размывшие дороги. Только гусеничные машины могли продвигаться по таким дорогам, колёсным машинам приходилось делать большие объезды. Связь между походными колоннами была нарушена.

7 ноября около 12 часов дня прибывшие из Фастова солдаты принесли известие, что противник уже ворвался в город. Командир дивизии с одним офицером для поручений быстро выдвинулся вперёд, чтобы подготовить наступление на Фастов. Попав по дороге под ружейно-пулемётный огонь, они оба сели на бронетранспортёры. Вдруг бронетранспортёры натолкнулись на русские танки Т-34. 9-я рота 146-го мотополка, следовавшая за командиром дивизии с четырьмя тяжёлыми пехотными орудиями, попала под обстрел. Началась паника. Командир дивизии бросился навстречу 2-му батальону 146-го мотополка дивизии, находившемуся позади в колонне. Он увидел, что этот батальон начал отступать; однако командиру дивизии удалось остановить его, привести в порядок и вывести в Трипесь. Он остался в батальоне, чтобы предотвратить панику, и приказал окопаться. Наступил вечер. Ночью русские танки напали на обоз батальона и частично вывели его из строя. Командир дивизии принял решение

пробиться ночью через действовавшие вокруг танки противника в направлении Фастова и соединиться с выдвинувшимися вперёд частями своей дивизии. Одна пехотная рота находилась в голове этой небольшой боевой группы, другая в хвосте; машины и тяжёлое оружие находились в середине. Генерал фон Шелл двигался в голове колонны. С тяжёлыми боями около 4 часов утра 8 ноября ему удалось выйти из кольца русских танков и к 14 час. достигнуть Белой Церкви, где находился командный пункт 47-го танкового корпуса, в состав которого передавалась дивизия. Между тем другие части дивизии под командованием полковника барона фон Вехмара уже продвигались через Гребёнки, Славя на Фастов. Утром 9 ноября генерал фон Шелл направился в эти части. Расположенная восточнее Фастова деревня Фастовец была в руках противника, и её пришлось атаковать. Части под личным командованием командира дивизии к середине дня взяли эту деревню и начали наступление на Фастов. Противник понёс тяжёлые потери. 10 ноября наступавшие достигли пригорода Фастова, но натолкнулись на его восточной и южной окраинах на сильное сопротивление противника; пришлось удовлетвориться очищением от противника Славя. Но дальнейшее продвижение русских было всё же остановлено.

Танковая дивизия, недостаточно обученная, слабо укомплектованная и к тому же разбросанная по разным районам, попала в чрезвычайно трудное положение, в котором ей, несмотря на личное участие генерала фон Шелла, трудно было добиться успеха. Правда, она нанесла противнику большие потери, но и сама понесла значительный урон. Из-за недостатка боевого опыта части вначале нередко поддавались паническому настроению, пока солдаты и офицеры не привыкли к трудной обстановке войны в условиях восточной зимы. В связи с недостатком сил командование (группы армий, армии и танкового корпуса) вынуждено было сразу бросить дивизию в бой, не считаясь с вышеуказанными факторами; однако ему можно сделать упрёк в том, что оно не умело экономно обращаться с вновь сформированными частями.

В боях с 24 по 30 декабря 1943 г. эта несчастная дивизия снова попала в трудное положение: на фронте шириной 40 км она была атакована превосходящими силами противника и смята. Дивизия понесла такие тяжёлые потери, что её нужно было почти заново

формировать. Гитлер и главное командование сухопутных войск решили расформировать её. Но я начал возражать, так как личный состав не был виноват в судьбе дивизии. Генерал фон Шелл тяжело заболел и вынужден был покинуть фронт. Он очень сильно переживал неоправданное поражение своей дивизии, которую создавал с большой любовью и умением в течение многих месяцев.

Недоверие Гитлера привело к тому, что этого генерала не назначили на новую командную должность. Его работоспособность, а также большой организаторский и педагогический талант остались без внимания.

Чтобы хоть что-нибудь сделать для Западного фронта, я отдал распоряжение о сведении всех учебных частей военных школ в одну „танковую учебную дивизию“. Эта дивизия, проходившая подготовку во Франции, получила новую материальную часть; в неё были направлены специально отобранные офицеры; командиром её был назначен бывший мой начальник оперативного отдела генерал Байерлейн. В декабре Гитлер официально дал разрешение на формирование этой дивизии. Неожиданная помощь, на которую я не рассчитывал.

Между тем на фронте непрерывно шли упорные бои. На участке фронта группы армий „Центр“ русским удалось осуществить прорыв в районе Речица между Припятью и Березиной. Завязались ожесточённые бои за Невель и Витебск. Были потеряны Гомель и Пропойск (Славгород). Только к востоку от Могилёва и Орши у нас осталось предмостное укрепление на восточном берегу Днепра.

Законно вставал вопрос, имеет ли ещё смысл удержание предмостных укреплений на Днепре при таком положении, когда, пожалуй, навсегда исключалось возобновление наступления в восточном направлении. Под Никополем Гитлер хотел продолжать добычу марганца. Причиной такого упорства являлась его военно-экономическая точка зрения, в целом неверная и, как мы считали, вредная в оперативном отношении. Лучше было отойти за широкие водные рубежи, выделить резервы, в первую очередь танковые дивизии, и этими силами вести манёвренные боевые действия. Но когда Гитлер слышал слово „оперировать“, он приходил в ярость, полагая, что генералы под этим словом понимают непрерывное отступление, и

поэтому с фанатическим упрямством настаивал на удержании местности даже там, где это наносило большой вред.

Тяжёлые кровопролитные зимние бои совершенно выбили главное командование сухопутных войск из колеи. Не могло быть и речи о подготовке сил для Запада, где весной 1944 г. союзные державы наверняка должны были высадить десант. Поэтому я считал, что выполнял свой долг, когда постоянно напоминал о своевременном снятии с фронта танковых дивизий для их пополнения в тылу. Хотя верховное командование вооружённых сил и должно было бы уделять этому важному театру военных действий самое большое внимание, оно не оказало мне никакой поддержки. Так оттягивалось высвобождение сил для Западного фронта, пока я, наконец, ещё раз не доложил об этом Гитлеру в присутствии Цейтцлера.

Речь шла о снятии одной танковой дивизии. Цейтцлер доложил, что уже отдан приказе её выводе. Я вынужден был возразить ему и сказать, что приказы главного командования сухопутных войск содержат обычно лазейки для корыстолюбивых фронтовых генералов. Со стороны начальника генерального штаба моё замечание встретило гневный протест. Однако, например, последний его приказ о снятии дивизии содержал примерно следующие слова: „Снять с фронта как можно быстрее танковую дивизию „Х“, если только позволит обстановка. Боевые группы оставить до особого распоряжения перед фронтом противника. О начале снятия дивизии доложить“. Слова „до особого распоряжения“ в приказах главного командования сухопутных войск всегда печатались в сокращённом виде — д.о.р. Из этого можно сделать вывод, что они употреблялись в них часто или почти всегда. Следствием такого приказа являлось то, что командующий группой армий или армией, который должен был по приказу снять с фронта дивизию, заявлял, что боевая обстановка не позволяет сделать этого. А до тех пор, пока она, наконец, позволяла, часто проходили недели.

В боевые группы, которые оставались на фронте, входили, конечно, самые боеспособные части дивизии и в первую очередь танки и мотопехота, которые главным образом и нуждались в пополнении. Следовательно, практически сначала прибывали в тыл не требующие пополнения транспортные колонны, затем штаб дивизии и артиллерия, по своему составу ещё способные к боевым действиям. При такой

постановке я не мог приступать к выполнению своей основной задачи, так как основные боевые части были ещё на фронте. Цейтцлер очень сильно рассердился на меня, но мы были не вправе пренебрегать интересами Западного фронта.

До начала вторжения на континент 6 июня 1944 г. кое-как удалось собрать, пополнить и обучить десять танковых и десять мотодивизий. Но об этом потом. Обучение этих соединений, к которым добавились ещё три танковые дивизии из резерва, переброшенные из империи во Францию, я поручил своему старому испытанному сослуживцу генералу барону фон Гейеру, которому Гитлер ни за что не хотел доверить командование соединениями на фронте из-за многочисленных разногласий с ним. Командная должность Гейера называлась „генерал танковых частей Запада“. В территориальном и оперативном отношении он подчинялся главнокомандующему войсками на западе фельдмаршалу фон Рундштедту, а по службе в бронетанковых войсках — мне. В совместной работе мы полностью доверяли друг другу, и, как мне кажется, наша работа принесла пользу армии.

Говоря о столь богатом событиями 1943 г., следует упомянуть ещё несколько встреч. Я уже говорил о том, что при своём первом визите к Геббельсу я начал с ним разговор об ошибках верховного главнокомандования и просил его склонить Гитлера к проведению реорганизации, в частности, к учреждению полномочной должности начальника главного штаба вооружённых сил. Это должно было уменьшить личное влияние Гитлера на проведение операций. Правда, Геббельс назвал этот вопрос очень щекотливым, но всё же в своё время обещал оказать мне содействие. Когда министр в конце июня 1943 г. приехал в Восточную Пруссию, я снова посетил его и напомнил ему о нашей первой беседе. Геббельс сразу же признал всё растущее ухудшение военного положения и произнёс в раздумье: „Всякий раз, когда я себе представляю, что русские придут в Берлин, что нужно будет отравить жену и детей, чтобы они не попали в руки жестоких врагов, то ваш вопрос всегда действует на мою душу как какой-то кошмар“. Геббельс ясно понимал те последствия, к которым может привести дальнейшее ведение войны нашими старыми методами, но он не сделал никаких выводов из этого. Он никогда не пытался говорить с Гитлером о моих предложениях и повлиять на него.

Поэтому я попробовал прощупать мнение Гиммлера по этому вопросу, но, натолкнувшись на его непреодолимое упорство, отказался от обсуждения с ним вопроса об ограничении полномочий Гитлера.

В ноябре я отправился к Йодлю и изложил ему проект организации верховного командования, согласно которому начальник главного штаба вооружённых сил должен осуществлять фактическое руководство операциями, Гитлер же должен быть ограничен своим собственным полем деятельности — политикой и общими вопросами ведения войны. Когда я обстоятельно обосновал своё предложение, Йодль лаконично ответил: „Знаете вы лучшего верховного главнокомандующего, чем Адольф Гитлер?“ Его лицо застыло в неподвижной мине, а вся поза выражала холодный отказ. Я быстро схватил свой проект и покинул его кабинет.

В январе 1944 г. Гитлер пригласил меня на завтрак. „Мне прислали утку. Вы знаете, что я вегетарианец. Давайте позавтракаем вместе“. Мы завтракали вдвоём в небольшой, скупо освещённой лишь одним окном комнате за маленьким круглым столом. Только овчарка Блонди сидела в комнате. Гитлер кормил её кусочками чёрствого хлеба. Вошёл обслуживавший нас слуга Линге и молча, бесшумно вышел. Представлялся редкий случай поднять и обсудить щекотливые вопросы. После нескольких вступительных фраз я перевёл разговор на военное положение. Я начал говорить о намерении союзных держав высадить весной десант на материке, заметив, что имеющиеся в нашем распоряжении резервы недостаточны. Чтобы высвободить больше сил, нужно придать Восточному фронту более устойчивый оборонительный характер. Меня удивляет то, что никто не думает над усилением фронта надёжными укреплениями, никто не заботится о создании тыловых оборонительных рубежей. Ведь восстановление старых немецких и русских укреплений создаёт, по моему мнению лучшие условия для обороны, чем объявление открытых мест „укреплёнными районами“, причём это делается, как правило, в последний момент, когда уже ничего нельзя сделать, чтобы оправдать это название. Своими словами я сразу же попал в осиное гнездо. „Поверьте мне! Я являюсь самым крупным инженером-строителем укреплений всех времён. Я создал Западный вал; я построил Атлантический вал. Я израсходовал столько-то и столько-то тонн бетона. Я знаю, что означает сооружение

укреплений. Для востока у нас нет ни рабочей силы, ни материалов, ни транспортных средств. Уже сейчас железнодорожный транспорт не справляется со снабжением фронта. Я не могу посылать на фронт ещё и эшелоны со строительным материалом“. Он хорошо держал в голове многие цифры и козырял, как всегда, точными данными, которые никто в данный момент не был бы в состоянии сразу опровергнуть. Но, несмотря на всё это, я начал упорно возражать. Я знал, что железнодорожная сеть работает плохо лишь к востоку от Бреста, и поэтому пытался объяснить Гитлеру, что предложенные мною работы по укреплению местности не потребуют никакого транспорта для подвоза материалов к фронту; нужно будет подвезти их только к рубежу рек Зап. Буг, Неман, с чем железные дороги могут справиться. Мы можем найти в своей стране и рабочую силу, и стройматериалы. Продолжать войну: на два фронта с надеждой на успех можно только в том случае, если хотя бы на одном фронте установится затишье, пусть даже и временное, но всё же позволяющее кое-что сделать для укрепления другого фронта. После того как вы хорошо укрепили запад, нет никаких препятствий для того, чтобы сделать то же самое и для востока.

Прижатый к стене, Гитлер ухватился за свой уже давно известный аргумент, что генералы Восточного фронта будут думать только об отступлении, если он в тылу за их фронтом построит надёжные оборонительные укрепления и сооружения. Ничто не могло заставить его изменить это предвзятое мнение.

Затем зашёл разговор о генералах и о верховном командовании. Ясно было, что моя попытка добиться косвенным путём концентрации военного командования в одном органе и ограничить непосредственное влияние Гитлера провалилась. Поэтому я теперь счёл своим долгом предложить самому Гитлеру назначить какого-нибудь генерала, которому он доверяет, начальником главного штаба вооружённых сил, чтобы наладить успешное руководство ведением операций и устранить нагромождение штабов (штаб оперативного руководства вооружёнными силами, главные командования сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил, командование войск СС). Но эта попытка также полностью провалилась. Гитлер не хотел расставаться с фельдмаршалом Кейтелем. Он сразу же почувствовал, что его хотят ограничить во власти.

Так я ничего и не добился. Был ли вообще хотя бы один генерал, которому доверял Гитлер? После этой беседы мне стало ясно, что на этот вопрос можно ответить только отрицательно. Итак, всё оставалось по-старому. За каждый квадратный метр шли упорные бои. Безвыходное положение ни разу не было улучшено своевременным отходом. Но ещё не раз Гитлер, глядя на меня потухающим взглядом, спрашивал: „Не знаю, почему вот уже два года нам во всём не везёт?“, однако не обращал внимания на мой неизменный ответ: „Измените способ действий“.

Решающий год

1944 год начался на Восточном фронте упорными атаками русских в середине января. Вначале русские были отброшены от Кировограда. 24 и 26 января они начали брать в клещи наши выступавшие дугой позиции западнее Черкаassy, 30 января последовал удар по нашему выступу восточнее Кировограда. Оба наступления имели успех. Превосходство русских было значительным. В наступлении участвовали:

перед фронтом группы армий „Южная Украина“ — 34 стрелковых и 11 танковых соединений;

перед фронтом группы армий „Северная Украина“ — 67 стрелковых и 52 танковых соединения.

Во второй половине февраля на фронте царило относительное спокойствие, но 3, 4 и 5 марта русские снова начали наступать и отбросили наш фронт за р. Зап. Буг.

Группе армий „Центр“ в основном удалось удержать свой фронт до конца марта.

В апреле на юге был потерян почти весь Крым (кроме Севастополя). Были форсированы Южн. Буг, а также реки Прут и Серет в верхнем течении. Черновицы перешли в руки противника. Затем, после неудавшегося крупного наступления русских в этом районе и после потери Севастополя, наступило затишье до августа.

В январе противник начал наступление и против группы армий „Север“. Вначале ему удалось достичь лишь небольших успехов севернее озера Ильмень и юго-западнее Ленинграда. Однако 21 января он ввёл в бой крупные силы и отбросил наш фронт за р. Луга, а в феврале — за р. Нарва. В конце марта немцы были оттеснены за р. Великая и за озёра Чудское и Псковское. Здесь нам удалось закрепиться.

До 22 июня на Восточном фронте держалось затишье. За время зимней кампании было израсходовано очень много сил. Резервов не было. Всех, без кого можно было здесь обойтись, нужно было перебросить на Атлантический вал, который, собственно, и не был валом, а всего лишь бутафорским укреплением для запугивания противника.

В это время на мою долю выпало ещё одно неприятное поручение Гитлера. Как и всегда, теперь ему нужны были козлы отпущения, на которых можно было бы взвалить вину за отступление и неудачи, которые мы понесли в течение прошедшей зимы. В числе других он привлёк к ответу генерал-полковника Янеке за потерю Крыма. Он дал понять, что высказывания крупных партийных работников по этому вопросу утвердили его в возникшем подозрении. Я получил задание расследовать дело Янеке, причём мне было указано, что кто-то должен стать жертвой за потерю Крыма. При настроениях Гитлера в то время только продолжительное ведение расследования могло принести пользу. Я взялся за дело весьма основательно, допросив всех, кто имел какое-либо отношение к этому делу, и с особой тщательностью — партийных работников. Янеке стал жаловаться на медленные темпы расследования. Но я убеждён, что оправдание, которое в конце концов было ему вынесено, принесло ему больше пользы, чем принесло бы быстрое расследование и доклад о его результатах в неподходящее время.

Как уже упоминалось, ещё в 1943 г. я усиленно занимался вопросом обороны Западного фронта. К началу нового года этот вопрос приобрёл ещё большее значение. В феврале я выехал во Францию для проведения инспекции и беседы с фельдмаршалом фон Рундштедтом и генералом бароном фон Гейером. Все мы придерживались одного

мнения, что при превосходстве противника во флоте и авиации оборона будет очень тяжёлой. Особенно отрицательно скажется превосходство противника в воздухе на передвижениях войск. Видимо, их придётся совершать быстро и только ночью. По нашему мнению, в первую очередь придётся создать достаточные резервы танковых и моторизованных дивизий и расположить их на таком удалении от так называемого Атлантического вала, чтобы можно было перебросить их, как только определится фронт вторжения; предварительно надо будет подготовить сеть дорог и переправочные средства для наведения мостов.

При инспектировании войск сразу же выяснилось, насколько велико было превосходство противника в воздухе. Авиасоединения противника то и дело совершали полёты над нашими войсками, находившимися на учениях, и никто не был уверен, что противник откажется от неожиданного бомбового благословения нашего учебно-тренировочного марша. Прибыв в главную ставку фюрера, я осведомился о тех приказах и распоряжениях, которые были отданы главным штабом вооружённых сил Западному фронту, и об имеющихся в наличии резервах. При этом выяснилось, что танковые дивизии, составляющие основу армии, располагались в прибрежных районах. В случае высадки противника в другом районе, противоположном нашим предположениям, едва ли удалось бы перебросить их с достаточной быстротой в новые районы боевых действий. В своём докладе Гитлеру я упомянул об этой ошибке и предложил другое распределение моторизованных войск. Гитлер возразил: „Избранное распределение основывается на предложениях фельдмаршала Роммеля. Я не хотел бы отдавать приказы через голову ведающего этими вопросами фельдмаршала, к тому же в его отсутствие. Поезжайте снова во Францию и поговорите ещё раз об этом с Роммелем“.

В апреле я снова направился во Францию. Авиация противника ещё более активизировала свои действия и начала совершать оперативные бомбардировки. Так, наш учебный лагерь в Кам де Майи вскоре после моего инспектирования был полностью разрушен. Только благодаря предусмотрительности генерала барона фон Гейера мы не понесли существенных потерь, так как войска и материальная часть (к большому, между прочим, неудовольствию солдат) были размещены в деревнях и лесах в стороне от лагеря.

После вторичной беседы с фельдмаршалом фон Рундштедтом и с офицерами его штаба об организации резервов я поехал, как это мне советовал Гитлер, вместе с Гейером к фельдмаршалу Роммелю в Ла-Рош-Гион. Я был знаком с Роммелем ещё до войны. Он был командиром госларского егерского батальона, из которого вышел я, и я всегда поддерживал с ним самые лучшие дружественные отношения. Затем мы встречались во время польской кампании, когда в сентябре 1939 г. Гитлер посетил мой корпус после сражения в „коридоре“. Роммель был тогда комендантом главной ставки фюрера. Позднее он перешёл в бронетанковые войска и успешно командовал 7-й танковой дивизией, во Франции в 1940 г., а затем корпусом и танковой армией в Африке. Эти бои принесли ему военную славу. Роммель обладал не только открытым, прямым характером, был не только храбрым солдатом, он был, кроме всего прочего, военачальником большого дарования. Это был энергичный человек с утончёнными чувствами, он всегда находил выход из самого тяжёлого положения, очень любил своих солдат и справедливо пользовался большим авторитетом. В прошедшие годы мы часто встречались для бесед с целью обмена боевым опытом и всегда находили общий язык. В сентябре 1942 г. Роммель, вернувшись по болезни в Германию, попросил Гитлера назначить меня в Африку его заместителем, хотя и знал о моей ссоре с фюрером. В то время это предложение было резко отклонено. Это было моим счастьем, так как вскоре пришло известие о поражении в Эль-Аламейн, которого я, по всей вероятности, не сумел бы предотвратить, как это не удалось Штумме и тем, кто его сменил! Да и сам Роммель не сумел бы этого сделать.

Печальный опыт, который Роммель получил в Африке, настолько убедил его в значительном превосходстве западных держав в воздухе, что он исключал возможность всяких передвижений крупных соединений. Он также не верил в возможность ночных перебросок танковых и моторизованных дивизий. В этом мнении его убеждал его собственный опыт, полученный в Италии в 1943 г. Доклад генерала барона фон Гейера об организации подвижных резервов за атлантическим фронтом, в котором он отстаивал манёврнное использование этих сил и создавал соответствующую этой задаче группировку, противоречил точке зрения Роммеля. Я знал об отрицательном исходе их совещания. Поэтому меня не удивил весьма

горячий и решительный протест Роммеля, когда я начал говорить об отводе танковых сил от побережья. Роммель наотрез отклонил это предложение, указав, что мне, солдату Восточного фронта, неведом опыт Африки и Италии, что в этом состоит его преимущество, поэтому он не намерен вводить себя в заблуждение относительно своих убеждений. Спор с Роммелем по вопросу организации моторизованных резервов не обещал в связи с таким положением никаких результатов. Видя такой явный протест, я отказался от дальнейших попыток убедить Роммеля и решил ещё раз изложить своё мнение по этому вопросу Рундштедту и Гитлеру. Мне было ясно, что Западный фронт не получит ни танковых, ни моторизованных дивизий сверх тех, какие имеются здесь в настоящее время. Только две дивизии СС (9-я и 10-я), отданные весной „напрокат“ востоку, должны были при вторжении на материк снова вернуться на запад. Поэтому я не мог обещать Роммелю ничего, кроме этих двух дивизий. Общее руководство войсками на западе могло быть облегчено лишь высвобождением для них резервов верховного командования и предоставлением командующему этими войсками неограниченных прав над группой армий Роммеля. Ни того, ни другого не произошло.

Роммель, приняв во Франции командование над группой армий „Б“, сделал очень много в своём районе для усиления оборонительной мощи Атлантического вала. В соответствии с полученным указанием рассматривать побережье как главную полосу обороны он обеспечил предполье обороны побережья различными препятствиями, расположив их в воде. В тыловых районах, где он считал вероятной высадку воздушных десантов, он установил проволочные заграждения, так называемые „спаржи Роммеля“. Многие участки местности были заминированы. Все части, находившиеся под его командованием, всё свободное от занятий время должны были посвящать окопным работам. В группе армий „Б“ жизнь кипела. Признавая необходимость всех этих усилий, в то же время нужно пожалеть, что Роммель не смог понять всего значения подвижных резервов. Проведение подвижными силами крупной наземной операции, которая в условиях абсолютного превосходства противника в воздухе и на море дала бы нам в руки единственный козырь, он считал невозможным; поэтому он и не стремился к её осуществлению. К этому нужно добавить, что Роммель, во всяком случае в момент моего визита, придерживался предвзятого

мнения о вероятном районе высадки десанта. Он неоднократно заверял меня в том, что англичане и американцы, по всей вероятности, будут высаживаться севернее устья р. Соммы. Не признавая никаких иных возможностей, он обосновывал своё мнение тем, что противник, предпринимая такую трудную морскую операцию крупными силами, только по причинам снабжения должен будет выбрать для высадки десанта этот район, который находится на минимальном расстоянии от его погрузочных портов. Уверенность его в правильности своей точки зрения подкреплялась возможностью более свободной поддержки десанта авиацией в районе севернее р. Соммы. В этом вопросе он отклонял тогда любое возражение.

По всем этим вопросам взгляды Роммеля сходились с взглядами Гитлера, хотя и по разным причинам. Гитлер был и оставался солдатом окопной войны периода 1914–1918 гг., он никогда не понимал манёвренного ведения войны. Роммель же считал, что в условиях превосходства противника в воздухе вести манёвренную войну нельзя. Поэтому неудивительно, что Гитлер, считавший более свежий боевой опыт Роммеля неоспоримым, отклонил все предложения по организации моторизованных соединений, которые делали ему главнокомандующий войсками на западе и я.

6 июня 1944 г., в день вторжения противника на материк, во Франции находились:

— сорок восемь пехотных дивизий, из них тридцать восемь дивизий на линии фронта и десять дивизий во фронтовом тылу, причём пять из последних дивизий находились между реками Шельдой и Соммой, две дивизии — между реками Соммой и Сеной и три дивизии — в Бретани; десять танковых и моторизованных дивизий, из которых 1-я танковая дивизия СС „Адольф Гитлер“ — в Беверло (Бельгия), 2-я танковая дивизия — в районе Амьен, Абвиль, 116-я танковая дивизия — восточнее Руана (севернее р. Сены), 12-я танковая дивизия СС „Гитлер-Югенд“ — у Лизьё (южнее р. Сены), 21-я танковая дивизия — у Кан, танковая учебная дивизия — в районе Ле-Ман, Орлеан, Шартр, 17-я мотодивизия СС — в районе Сомюр, Ниор, Пуатье, 11-я танковая дивизия — в районе Бордо, 2-я танковая дивизия СС „Рейх“ — в районе Монтобан, Тулуза, 9-я танковая дивизия — в районе Авиньон, Ним, Арль.

Вся надежда на успех обороны связывалась с этими десятью танковыми и моторизованными дивизиями. С трудом удалось до некоторой степени пополнить и обучить эти дивизии.

Из этих дивизий Роммель имел в своём подчинении четыре дивизии — 2, 116 и 21-ю танковые дивизии и 12-ю танковую дивизию СС. В резерв верховного командования вооружённых сил были выделены 1-я танковая дивизия СС, танковая учебная дивизия и 11-я мотодивизия СС. 9-я и 11-я танковые дивизии и 2-я танковая дивизия СС находились в Южной Франции на случай высадки десанта на побережье Средиземного моря.

Такое рассредоточение сил с самого начала исключало возможность ведения успешной обороны. Да и ход событий, кроме того, был столь нерадостным, что хуже ничего нельзя было и придумать. В день вторжения противника на материк Роммель находился на пути в Германию. Он ехал на доклад к Гитлеру. Гитлер, как обычно, лёг спать очень поздно, и 6 июня, когда прибыли первые донесения, его не решились беспокоить. Йодль, который руководил операциями в отсутствие Гитлера, не мог принять решения о немедленном использовании резерва верховного командования вооружённых сил, даже и трёх танковых дивизий, так как он не знал, является ли высадка в Нормандии главной операцией или же она произведена с целью ввести нас в заблуждение. Так как у верховного командования вооружённых сил не было ясности в вопросе возможности высадки противника на побережье Средиземного моря, оно также не подтянуло танковых дивизий из Южной Франции. 21-я танковая дивизия, стоявшая в районе вторжения противника, была к началу своего контрудара связана с согласия Роммеля и вопреки распоряжениям генерала барона фон Гейера с выполнением других задач и упустила тем самым подходящий момент для наступления на десантные части англичан. 116-ю танковую дивизию Роммель подтянул ещё ближе к побережью, в район Дьеппа, и держал её там до середины июля. Незнание некоторыми крупными начальниками тактики применения танков привело к тому, что отдавались приказы на совершение маршей днём под воздействием авиации противника; в первую очередь это относится к учебной танковой дивизии. Фронтальные контрудары в районе действия корабельной артиллерии противника преждевременно истрепали единственно боеспособные

силы, которые германский рейх мог противопоставить вторжению. Бронетанковые части понесли чудовищные потери; из-за катастрофического положения на востоке их уже никак нельзя было восполнить, потому что после 22 июня угроза полного крушения Восточного фронта повелительно требовала снабжения резервами этого фронта, которым когда-то пренебрегали в пользу запада.

Недопущение вторжения было бы значительно облегчено, если бы Гитлер и верховное командование вооружённых сил последовали предложению генерала барона фон Гейера и генерал-инспектора бронетанковых войск; они требовали разделения всех танковых и моторизованных дивизий Западного фронта на две группы, расположения их в боевой готовности севернее и южнее Парижа и тщательной подготовки ночных маршей к фактическому фронту вторжения.

Но в конце концов даже и с занятых позиций можно было бы добиться большего при целеустремлённом руководстве. Ещё 16 июня, спустя две недели после начала вторжения, 116-я танковая дивизия находилась на побережье между Абвиль и Дьепп, 11-я танковая дивизия — у Бордо, 9-я танковая дивизия — под Авиньен; танковая дивизия СС „Рейх“ вела бои с партизанами в Южной Франции. В это время остальные дивизии вместе с прибывшими с Восточного фронта 9-й и 10-й танковыми дивизиями СС истощили свои силы в тяжёлых фронтальных атаках противника, которого поддерживала корабельная артиллерия. Кроме этих танковых дивизий, в этот день ещё семь пехотных дивизий, расположенных севернее Сены, находились в бездействии близ побережья в ожидании десанта противника, который так никогда и не был высажен в этом районе.

Касаясь частных деталей, можно сообщить следующее. 7 июня генерал барон фон Гейер принял на себя командование соединениями в районе Кан, которые входили вначале в 7-ю армию, а затем в группу армий „Б“, 12-я танковая дивизия СС и танковая учебная дивизия были введены в бой левее уже ведшей бой 21-й танковой дивизии. 10 июня генерал барон фон Гейер хотел нанести контрудар, но успешная атака бомбардировщиков противника вывела из строя штаб танковой группы „Запад“. Руководство боем перешло к штабу 1-го танкового корпуса СС. С опозданием на несколько дней в разное время и на разных участках вступили в бой дивизия СС „Адольф Гитлер“ и 2-я танковая дивизия. 28

июня заново сформированный штаб танковой группы „Запад“ снова взял в свои руки командование над 1-м и 2-м танковыми корпусами СС, 86-м и 47-м танковыми корпусами. Предложения генерала барона фон Гейера начать наступление всеми силами были отклонены Роммелем, который потерял веру в успех наступления. Были ли другие, политические причины, оправдывавшие запоздалое и не централизованное введение в бой резервов, остаётся недоказанным.

28 июня умер командующий 7-й армией генерал-полковник Дольман. На его место был назначен генерал-полковник Хауссер.

29 июня в Оберзальцберге у Гитлера состоялось совещание генералов Западного фронта. На совещании присутствовали также фельдмаршалы фон Рундштедт, Шперле и Роммель. Здесь я видел Роммеля в последний раз. У меня снова сложилось такое же впечатление, как и в конце апреля в его штабе в Ла-Рош-Гион, что Роммель, находясь под влиянием сознания превосходства противника в воздухе, исключает возможность ведения манёвренной обороны. На этом совещании в первую очередь шла речь об усилении наших соединений истребительной авиации. Геринг обещал дать 800 истребителей, если Шперле сможет предоставить необходимое количество лётчиков. Но этого Шперле не смог сделать, у него было, насколько я помню, всего 500 экипажей. Это сообщение вызвало гнев Гитлера. Печальным итогом дня явилось вскоре последовавшее снятие с должностей Рундштедта, Гейера и Шперле. Место Рундштедта занял фельдмаршал фон Клюге, который уже несколько недель находился в главной ставке фюрера, изучая общую обстановку с тем, чтобы быть под рукой в случае необходимости. Господин фон Клюге был тогда у Гитлера „желательной персоной“.

Новое командование войсками на западе, вступившее в свои права 6 июля, не в состоянии было что-нибудь изменить в ходе событий. Фельдмаршал фон Клюге прибыл во Францию с настроением, создавшимся под влиянием оптимизма, царившего в главной ставке фюрера. Прежде всего он имел столкновение с Роммелем, но вскоре вынужден был согласиться с его весьма трезвой оценкой положения.

Господин фон Клюге был прилежным солдатом, хорошим тактиком небольшого масштаба, но он ничего не понимал в вопросах применения танковых соединений в условиях манёвренной войны. Его влияние на управление танковыми соединениями там, где мне с ним

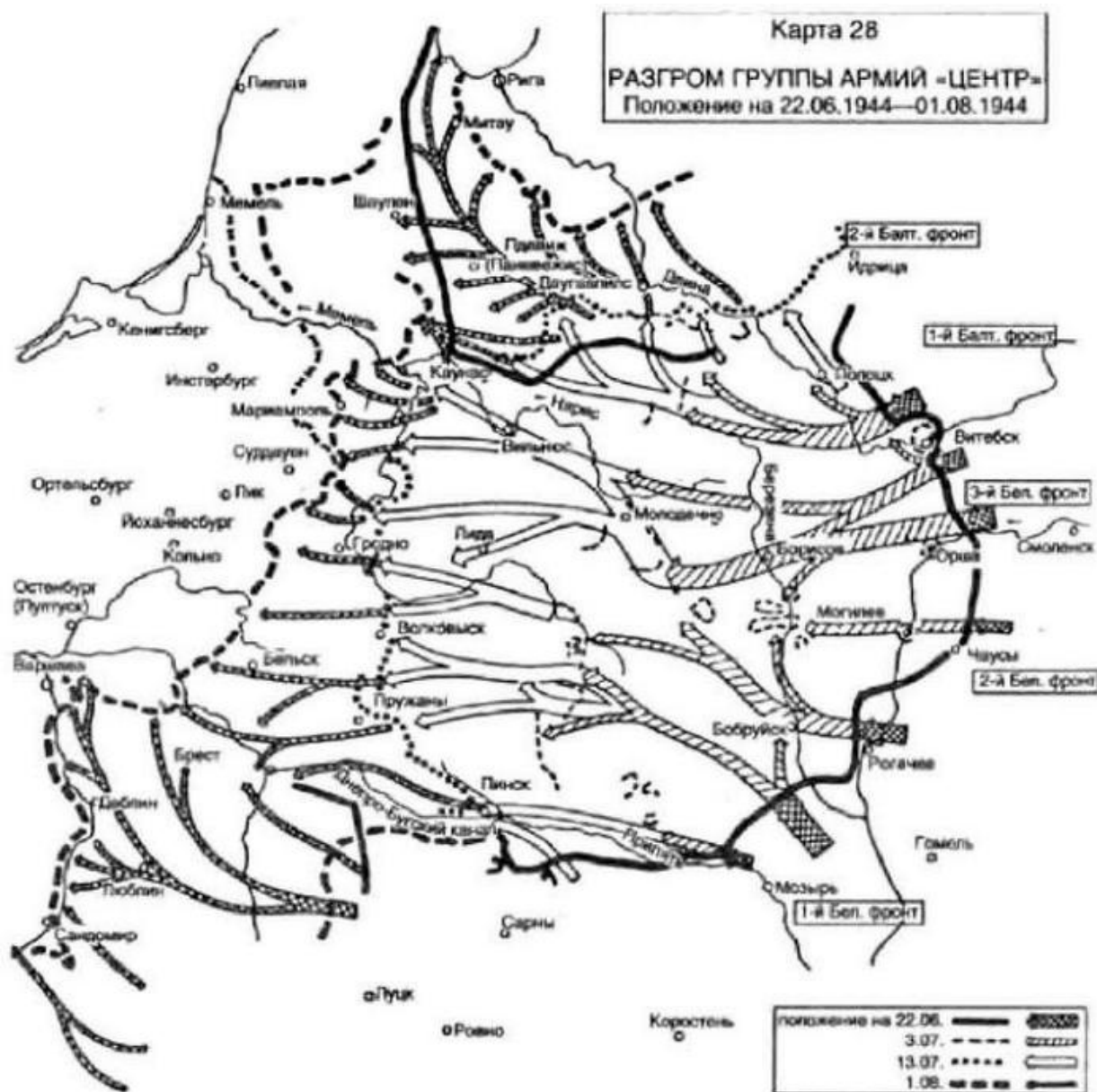
приходилось сталкиваться, было отрицательным. Он был мастер по дроблению соединений. Поэтому неудивительно, что командование войсками на западе продолжало ставить заплаты вместо того, чтобы пресекать зло в корне и вести манёвренную войну оставшимися, способными передвигаться танковыми соединениями. Эти уцелевшие подвижные силы были истрёпаны и обескровлены во фронтальных контратаках, которые предпринимались против противника, поддерживаемого мощной корабельной артиллерией.

11 июля пал Кан. 17 июля английские бомбардировщики атаковали машину Роммеля, объезжавшего фронт; шофёр был тяжело ранен, а фельдмаршал выброшен из машины и с проломленным черепом и рядом других повреждений доставлен в госпиталь.

В его лице Западный театр военных действий потерял самую сильную личность.

В этот день линия фронта проходила от устья р. Орн через южные окраины городов Кан, Комон, Сен-Ло, Лессей к побережью.

В то время как на фронте в Нормандии развёртывавшиеся передовые части западных союзников готовились осуществить прорыв нашего фронта с захваченного предмостного укрепления, что создавало для нас крайне напряжённое положение, на Восточном фронте развивались события, непосредственно приближавшие чудовищную катастрофу.

22 июня 1944 г. по всему фронту группы армий «Центр», которой командовал фельдмаршал Буш, русские перешли в наступление, введя в бой сто сорок шесть стрелковых дивизий и сорок три танковых соединения. Они добились полного успеха. К 3 июля русские войска вышли к Припятским болотам, достигнув линии Барановичи, Молодечно, Козяны. С этих рубежей наступление неудержимым потоком хлынуло дальше, перекинулось на участок группы армий «Север», и уже к середине июля линия фронта проходила через Пинск, Пружаны, Волковыск, Гродно, Ковно (Каунас), Двинск (Даугавпилс), Псков. На главных направлениях (Варшава и Рига) наступление,

казалось, будет продолжаться безостановочно. После 13 июля наступление стало распространяться на участок фронта группы армий «А» и войска противника достигли линии Перемышль, р. Сан, Пулавы (на р. Висла). В результате этого удара группа армий «Центр» была уничтожена. Мы понесли громадные потери — около двадцати пяти дивизий.

В результате этих потрясающих событий Гитлер в середине июля переместил свою ставку из Оберзальцберга в Восточную Пруссию. Все наличные силы были брошены на разваливавшийся фронт. Фельдмаршал Модель, командующий группой армий «А», был назначен вместо фельдмаршала Буша командующим группой армий «Центр», вернее говоря, — командующим «пустым пространством». Так как одному человеку нельзя было долго нести тяжесть двойных обязанностей, то командующим группой армий «А» был назначен генерал-полковник Гарпе.

Моделя я хорошо знал с 1941 г., когда он командовал 3-й танковой дивизией. Описывая русскую кампанию 1941 г., я достаточно полно охарактеризовал его как храброго, неутомимого солдата, хорошо знавшего обстановку на фронте, умевшего применять свои способности в бою, а потому пользовавшегося доверием своих солдат. Вскоре он стал нехорош для ленивых и неспособных подчинённых, потому что он решительно добивался своего. Модель был самым подходящим генералом для выполнения непомерно тяжёлой задачи по восстановлению центральной части Восточного фронта.

Гарпе был старым офицером-танкистом родом из Вестфалии — спокойный, уверенный, храбрый и решительный. Будучи человеком с трезвым умом и холодным рассудком, он тоже был подходящим офицером для выполнения тех задач, которые стояли перед ним. Только благодаря присутствию духа и выдающимся военным способностям этих генералов был восстановлен Восточный фронт. Впрочем, для этого понадобилось определённое время, тем более, что произошло непредвиденное событие, которое грозило сделать все усилия, направленные к обороне родины, бесплодными.

Глава X

20 ИЮЛЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

В результате победы русских и отсутствия у нас каких бы то ни было резервов над Восточной Пруссией, провинцией, непосредственно примыкающей к рухнувшему фронту, нависла серьёзная опасность. Поэтому я, как начальник учебных частей бронетанковых сил, отдал 17 июля 1944 г. распоряжение о переводе всех боеспособных соединений из Вюнсдорфа и Крампнитца (близ Берлина) в Восточную Пруссию, в укрепленный район Лётцен (Лучаны).

18 июля во второй половине дня ко мне прибыл один знакомый генерал военно-воздушных сил и сказал, что он хотел бы со мной побеседовать. Он сообщил мне, что новый командующий войсками на западе фельдмаршал фон Клюге намеревается без ведома Гитлера заключить перемирие с западными державами, для чего хочет в скором времени вступить в переговоры с противником. Это известие совершенно ошеломило меня. В моём воображении сразу стали вырисовываться события, которые должны были повлиять на ослабленный Восточный фронт и пагубно отразиться на всей судьбе Германии. Этот шаг Клюге сразу привёл бы к крушению нашей обороны как на западе, так и на востоке и к безостановочному продвижению русских. До этого момента я не мог себе и представить, что сражающийся с противником германский генерал может против воли главы государства прийти к такому решению. Я не мог поверить этому сообщению, поэтому спросил у своего собеседника, из каких источников он узнал об этом. Генерал отказался ответить на этот вопрос. Он не сказал мне также и причин, побудивших его сделать такое потрясающее сообщение именно мне, и для чего он это делал. На мой вопрос, будет ли задуманный шаг сделан в ближайшем будущем, он ответил отрицательно. Следовательно, я имел время, необходимое для спокойного обдумывания этого странного сообщения. Так как в ставке из-за непрерывных докладов и визитов у меня не было условий

для спокойного размышления, я решил 19 июля поехать с целью инспекции в Алленштайн (Ольштын), Тори (Торунь) и Хоэнзальца (Иновроцлав) и во время поездки принять определённое решение. Доложи я всё слышанное Гитлеру, не зная источника сообщения, я бы совершенно несправедливо навёл на фельдмаршала фон Клюге тяжёлое необоснованное подозрение. Это привело бы к плохим последствиям для господина фон Клюге, а также и для Западного фронта. С другой стороны, если бы я скрыл это сообщение, а потом оно оказалось бы правильным, это также имело бы для меня тяжёлые последствия. Следовательно, было очень трудно найти правильный выход из положения.

19 июля в первой половине дня я инспектировал в Алленштайне (Ольштын) противотанковые части. Меня неожиданно вызвали к телефону. Начальник моего штаба генерал Томале просил меня приостановить на три дня приказ о переводе из Берлина в Восточную Пруссию бронетанковых учебных частей. Ему мол звонил генерал Ольбрихт, начальник управления общих дел сухопутных войск в Берлине, и просил это сделать, так как завтра, т. е. 20 июля 1944 г., в пригородах Берлина состоятся манёвры резервных и учебных частей под кодовым названием «Валькирия»; эти манёвры могут сорваться, если в них не примут участия бронетанковые учебные части. Парольное слово «Валькирия» служило для маскировки манёвров по отражению нападения воздушных десантов противника и по локализации волнений внутри страны; мне, по крайней мере, было известно только такое значение этого слова. Когда Томале успокоил меня последними сообщениями с восточно-прусской границы и заверил, что можно повременить с отправкой 2–3 дня, я дал, хотя и с большой неохотой, согласие на участие учебных частей в этих манёврах.

Во второй половине этого дня я инспектировал резервные части в Торн (Торунь). 20 июля утром я поехал в Хоэнзальца (Иновроцлав), чтобы осмотреть находившиеся там противотанковые части. Вечер я провёл дома в Дейпенгофе. Я вышел прогуляться в поле, но около 19 час. за мной приехал мотоциклист и сказал, что меня вызывают к телефону. Дома я узнал, что меня вызывает для разговора по телефону главная ставка фюрера. Тут же мне сказали, что радио передало сообщение о покушении на Гитлера. Только около полуночи я связался

по телефону с генералом Томале; он коротко рассказал мне о покушении, назвал имена заговорщиков и сообщил приказ Гитлера о том, что я завтра должен явиться к фюреру и получить назначение в генеральный штаб вместо Цейтцлера. Специальный самолёт должен взять меня 21 июля в 8 час. в Хоэнзальца (Иновроцлав) и доставить в Восточную Пруссию.

Все прочие сообщения печати о моей деятельности 20 июля 1944 г. являются просто выдумкой. Я не предполагал, что готовится покушение, ни с кем об этом не говорил, единственный телефонный разговор, который я вёл 20 июля, происходил в полночь с генералом Томале.

Событие, которое привело к назначению меня в генеральный штаб, как это указывается в находящемся у меня, равносильном присяге, заявлении генерала Томале, произошло следующим образом.

20 июля 1944 г. около 18 час. подполковник генерального штаба Вейценегер из штаба оперативного руководства вооружёнными силами генерал-полковника Йодля позвонил по телефону генералу Томале и спросил обо мне. Томале указал место моего нахождения. После этого он получил приказ немедленно прибыть в главную ставку фюрера и доложить о своём прибытии Гитлеру. Томале прибыл туда около 19 час. Гитлер принял его в присутствии своего адъютанта полковника фон Белова; он сразу же спросил, где я нахожусь и здоров ли я. Томале ответил. Тогда Гитлер сказал, что он решил назначить генерала Буле начальником генерального штаба, однако ввиду того, что последний был ранен во время покушения и неизвестно, сколько времени он будет находиться на излечении, Гитлер решил вместо Буле поручить генерал-полковнику Гудериану ведение дел начальника генерального штаба. Томале поручили позаботиться о том, чтобы завтра утром я смог прибыть к Гитлеру.

Так происходило дело. Стало быть, вначале Гитлер не намеревался назначать меня преемником Цейтцлера, с которым он не ладил с определённого времени. Его выбор пал на меня лишь тогда, когда предусмотренный кандидат для этой мало почётной должности в связи с покушением на Гитлера выбыл из строя. Все выводы, сделанные в послевоенное время противниками Гитлера из факта моего назначения на должность начальника генерального штаба, несостоятельны. Они относятся или к области небылиц, или представляют собой

злонамеренные клеветнические измышления. Собственно говоря, распространители слухов могли бы и сами понять, что в июле 1944 г. совсем незаманчивой была разработка операций на Восточном фронте; а ведь именно этим должен был заниматься человек, занимающий такую высокую должность!

Конечно, меня часто спрашивали, почему я вообще согласился занять такую тяжёлую должность. Ответ прост: потому что мне приказали. Описание дальнейших событий покажет, что Восточный фронт находился на краю пропасти и что речь шла о спасении миллионов немцев — как солдат, так и гражданского населения. Я бы стал в своих собственных глазах подлецом и трусом, если бы отказался от попытки спасти войска Восточного фронта и родину — Восточную Германию. И то, что мне в конце концов всё же не удалось этого сделать, останется до последних дней моей жизни моим несчастьем и горем. Едва ли кто-либо другой может почувствовать всю горечь судьбы нашей Восточной Германии и её невинных, честных, преданных и храбрых людей с большей болью, чем я: ведь я сам пруссак!

21 июля 1944 г. я прилетел из Хоэнзальца (Иновроцлав) в Лётцен (Лучаны). По прибытии я имел короткую беседу с Томале, который рассказал мне о ходе вчерашнего совещания у Гитлера и о покушении на него. Затем я встретился с фельдмаршалом Кейтелем, генерал-полковником Йодлем и генералом Бургдорфом, преемником тяжело раненого шеф-адъютанта Гитлера Шмундта и начальником управления личного состава сухопутных войск. С ними мне надо было согласовать некоторые вопросы в связи с назначением меня на должность начальника генерального штаба сухопутных войск. В первую очередь обсуждался вопрос о почти полной замене офицерского состава генерального штаба сухопутных войск. Нужно было заменить прежних офицеров, так как некоторые из них были ранены во время покушения на Гитлера, например, начальник оперативного отдела генерал Хойзингер и его первый помощник полковник Брандт, другие подозревались в сообщничестве с заговорщиками и были поэтому арестованы, третьих я считал по их прошлой деятельности неподходящими, остальных же следовало заменить по той причине, что они никогда не видели фронта. Ещё до начала совещания я получил

приказ в 16 час. явиться в служебное здание главного командования сухопутных войск для принятия дел.

После окончания беседы с офицерами верховного командования вооружённых сил я направился примерно в середине дня на доклад к Гитлеру. Он производил впечатление очень изнурённого человека; одно ухо немного кровоточило; правая рука неподвижно висела на перевязи. Принимая меня, он держался спокойно. Гитлер поручил мне ведение дел начальника генерального штаба сухопутных войск и заявил, что у него с определённых пор не было тесного контакта с моим предшественником Цейтцлером. Цейтцлер, продолжал Гитлер, пять раз отказывался от своей должности; таких просьб не должно быть во время войны; он, Гитлер, не может больше предоставлять таких прав видным генералам, как не предоставляет их солдатам на фронте. Генералы не должны просить у него увольнения или отставки, если с ними ничего особенного не произошло. Он запретил мне подавать прошение об отставке независимо от предлога.

Далее разговор перешёл на мои личные пожелания. Была удовлетворена моя просьба об укомплектовании генерального штаба сухопутных войск подобранными мною офицерами. Разговор коснулся также высших командных должностей на фронте. Я заметил, что новый командующий войсками на западе не имеет достаточного опыта в управлении бронетанковыми соединениями и что поэтому я вынужден сделать предложение об использовании его на другой должности. Вдруг Гитлеру пришло в голову: «Между прочим, он является соучастником заговора!» Все трое — Кейтель, Йодль и Бургдорф — заметили, что фельдмаршал фон Клюге был «лучшим конём в конюшне» и что поэтому, несмотря на то, что он был осведомлён о подготовке заговора, от него нельзя отказываться. Таким образом, моя попытка незаметно удалить господина фон Клюге с Западного фронта провалилась. Так как Гитлер был, очевидно, лучше меня осведомлён о позиции фельдмаршала фон Клюге, я отказался в дальнейшем предпринимать какие-либо шаги в этом направлении.

При обсуждении служебных дел Гитлер сделал несколько замечаний, касающихся моей личности. Он сообщил, что моей жизни может угрожать опасность и что поэтому он отдал распоряжение тайной полевой полицией об охране меня. Полиция основательно

проверила также мою квартиру и автомашины, но ничего подозрительного не нашла. Впервые в своей солдатской жизни я решил поручить солдатам, отобранным из выздоровевших танкистов, нести непосредственно охранение моей квартиры и служебного помещения в штабе. Они честно несли свою службу вплоть до моей отставки. Время от времени производилась их замена.

Затем Гитлер, зная о моей болезни сердца, посоветовал мне проконсультироваться у его личного врача Мореля и делать у него уколы. Я принял это предложение и, вскоре явился на консультацию, но по совету моего берлинского врача отказался от вливаний, предложенных господином Морелем, так как лечение Гитлера, проводимое Морелем, было безрезультатным.

При покушении у Гитлера были повреждены правая рука, барабанная перепонка и евстахиева труба правого уха. Он очень быстро оправился от этого. Болезнь же его, проявлявшаяся в непрерывном нервном подёргивании левой руки и левой ноги, что легко замечал каждый, кто с ним встречался, не имела никакого отношения к покушению. Психическая травма Гитлера была сильнее, чем полученное ранение. Свойственное его характеру глубоко укоренившееся недоверие к людям вообще, и к генеральному штабу и генералам в частности, превратилось теперь в ненависть. В связи с его болезнью, которая незаметно приводит к переоценке моральных понятий в психике человека, грубость превратилась в жестокость, склонность к блефу — в лживость. Он часто говорил неправду, сам не замечая этого, и заранее предполагал, что люди его обманывают. Он никому не верил. Беседы, которые и раньше с ним было очень трудно вести, стали теперь настоящей мукой. Он часто терял самообладание и не давал себе отчёта в своих выражениях. В узком кругу своих людей он не встречал возражений с тех пор, как вежливый и предупредительный Шмундт был заменён неотёсанным Бургдорфом.

После беседы с Гитлером я бегло осмотрел так называемую «оперативную комнату», т. е. место, где вчера было совершено покушение на Гитлера, о котором очень часто и много писали, и затем направился в служебное здание начальника генерального штаба сухопутных войск к своему рабочему месту. Помещение было пусто. Меня даже никто не встретил. Я обошёл все комнаты и, наконец, натолкнулся на спящего ефрейтора по фамилии Риль. Я послал этого

бравого солдата разыскать кого-нибудь из офицеров. Вскоре он пришёл вместе с майором бароном Фрейтагом фон Лорингхофеном, которого я знал как офицера танковых войск, служившего в 1941 г. моим офицером для поручений в танковой армии. Я назначил Фрейтага моим адъютантом. Затем я попытался связаться со штабами групп армий, чтобы осведомиться об обстановке на фронтах. В кабинете начальника генерального штаба находились три телефонных аппарата, назначение которых мне не совсем было ясно. Я взял телефонную трубку. Ответил какой-то женский голос. Когда я назвал своё имя, девушка вскрикнула и повесила трубку. Прошло некоторое время, пока, наконец, мне удалось успокоить связистку и установить нужную мне связь.

Обстановка на фронте до 20 июля 1944 г. освещена в предыдущей главе. Она была потрясающей. Для того, чтобы исправить её в какой-либо мере, нужно было в первую очередь сделать генеральный штаб сухопутных войск работоспособным. Этот главный орган, руководивший Восточным фронтом, был дезорганизован. Мой предшественник намеревался перевести генеральный штаб сухопутных войск в Майбахлагер у Цоссена под Берлином. Ряд отделов был уже размещён там: генерал-квартирмейстер со своими отделами, начальник военно-транспортной службы вооружённых сил и другие важные отделы. Органы связи в основном уже были переведены. Поэтому из Восточной Пруссии с большими трудностями удавалось поддерживать связь с фронтом и заботиться о снабжении армии всем необходимым, что входило в обязанности главного командования сухопутных войск. Первое, что я должен был решить, — это определить место расположения главного командования сухопутных войск. Таким местом мною была выбрана Восточная Пруссия, где находился Гитлер и верховное командование вооружённых сил. Отделы, переведённые в Цоссен, нужно было немедленно вернуть.

Следующим мероприятием по восстановлению надлежащего порядка было укомплектование отделов штаба. Я пригласил генерала Венка, который был начальником штаба у Шёрнера, на должность начальника оперативного отдела и вскоре расширил его обязанности до функций начальника штаба оперативного руководства сухопутными войсками, подчинив ему, кроме оперативного отдела, ещё организационный отдел и отдел по изучению иностранных армий Востока с тем, чтобы весь оперативный аппарат находился в единых

руках. Во главе оперативного отдела был поставлен полковник фон Бонин, организационного отдела — подполковник Вендланд. Разведывательный отдел «Восток» возглавлял опытный офицер-разведчик полковник Гелен. Генерал-квартирмейстером вместо покончившего жизнь самоубийством генерала Вагнера стал полковник Толпе. Генерал-инспектором артиллерии при главном командовании сухопутных войск был назначен генерал Берлин, бывший мой артиллерийский советник во Франции и России, начальником службы связи вооружённых сил стал генерал Праун — мой старый начальник связи в кампаниях 1940–1941 гг. Пока эти люди ко мне прибыли, пока они втянулись в работу, прошло определённое время. Из прежних видных офицеров генерального штаба сухопутных войск остался на своей должности лишь один начальник военно-транспортной службы вооружённых сил — способный генерал Герке.

В первые недели своей деятельности я приложил все силы к тому, чтобы весь штаб непрерывно работал. Для разрешения других насущных вопросов у меня не было времени. События, которые нам теперь могут показаться очень важными, в то время меня не беспокоили, так как в суматохе не было возможности обсудить дела, не относящиеся к фронту. Чтобы спасти положение на фронте, все мои новые коллеги и я сам работали, не зная сна и отдыха.

Каковы же были фактические последствия 20 июля?

Человек, на жизнь которого покушались, был легко ранен. Его физическое состояние, которое и без того не было блестящим, ухудшилось. Его душевное равновесие было навсегда нарушено. Выступили наружу все злые духи, которые жили в его душе. Его действия ничем не были обузданы.

Для того, чтобы убийство Гитлера серьёзно повлияло на правительственный аппарат Германии, необходимо было вместе с Гитлером устранить столпов национал-социалистского режима. Но никто из них не был вместе с Гитлером во время покушения. Устранение Гиммлера, Геринга, Геббельса, Бормана — назовём самых главных — не предусматривалось. Заговорщики не пытались создать ни малейшей гарантии для осуществления своих политических планов в случае, если покушение удастся. Совершавший покушение граф Штауфенберг знал об этом недостатке плана: за несколько дней до

покушения в Оберзальцберге он воздержался от выполнения своего намерения, заметив, что в зале не было Гиммлера и Геринга, на присутствие которых он рассчитывал. Неизвестно, почему граф Штауфенберг, зная об отсутствии необходимых предпосылок для полного политического успеха его шага, решил действовать 20 июля. Может быть, его побудило к этому известие об имевшемся приказе арестовать доктора Гёрделера.

Если бы покушение на Гитлера удалось, заговорщикам для захвата власти необходимо было бы иметь некоторое количество войск. У них же не было ни одной роты. Они даже не были в состоянии взять власть в Берлине, куда прилетел из Восточной Пруссии граф Штауфенберг, получивший ложное известие об успехе совершенного им покушения. Офицеры и солдаты частей, выделенных для участия в манёврах «Валькирия», не имели никакого представления о планах заговорщиков. Этим и объясняются последующие их действия. Моё распоряжение — воздержаться от отправления из Берлина учебных частей бронетанковых войск, отданное по совершенно другим соображениям, также не могло способствовать их успеху, потому что заговорщики даже не отважились посвятить личный состав частей и их командиров в свои планы.

Внешнеполитические предпосылки успеха заговора также отсутствовали. Связи заговорщиков с видными политическими деятелями наших противников были слабыми. Ни один из видных политических деятелей лагеря противников не предпринял никаких действий, направленных к поддержке заговорщиков. Едва ли будет ошибочным предположение, что перспективы германского государства даже в случае удачи покушения были бы не лучшими, чем сегодня. Наши противники думали не только об устранении Гитлера и нацизма.

Первыми жертвами покушения стали: полковник Брандт из оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск, генерал Кортен — начальник генерального штаба военно-воздушных сил, генерал Шмундт — шеф-адъютант Гитлера и стенографист Бергер. Некоторые работники главного командования сухопутных войск и верховного командования вооружённых сил были ранены. Это были ненужные жертвы.

Следующими жертвами стали содействовавшие или сочувствовавшие заговору вместе со своими семьями. Только

небольшое число из казнённых принимало на самом деле активное участие в организации заговора. Большая часть из них только слышала о нём и заплатила смертью за то, что молчала о распространяемых слухах и о ведущихся за кулисами разговорах. Первыми пали главари, покончив жизнь самоубийством, — генерал-полковник Бек, генерал-квартирмейстер Вагнер, генерал фон Тресков, полковник барон Фрейтаг фон Лорингхофен и другие. Граф Штауфенберг, Ольбрихт, Мертц фон Квирнгейм и фон Гефтен попали в руки военно-полевого суда Фромма и были расстреляны.

Гитлер приказал, чтобы всех обвиняемых судили одним общим судом — «народным трибуналом». Для военнослужащих этот приказ означал, что их должен судить не имперский военный суд, а особый суд, состоящий из гражданских судей, и что на суде будут руководствоваться не военными законами о наказаниях и положениями о приведении в исполнение приговоров суда, а особыми приказами Гитлера, продиктованными ненавистью и жаждой мести. При гитлеровской диктатуре не было никаких правовых норм, которые можно было бы противопоставить этим приказам.

Чтобы предать «народному трибуналу» военных, подозреваемых в сотрудничестве с заговорщиками или в осведомлённости об их деятельности, нужно было их демобилизовать. Это должно было быть сделано после расследования, проведение которого Гитлер возложил на так называемый «суд чести». В состав этого суда вошли: в качестве председателя — фельдмаршал фон Рундштедт, в качестве членов — Кейтель, Шрот, Крибель, Кирхгейм и я. Я просил не обременять меня этим мало привлекательным заданием, ссылаясь на то, что я перегружен обязанностями по своей новой должности, оставаясь одновременно генерал-инспектором бронетанковых войск. Однако мою просьбу оставили без внимания. Я добился только того, что мне назначили постоянного заместителя — генерала Кирхгейма — на тот случай, если мои служебные обязанности не позволят мне принять участие в заседаниях. Первое время я вообще не участвовал на судебном разбирательстве, но Кейтель разыскал меня и предложил от имени Гитлера являться на процесс. Так, я всё же вынужден был присутствовать на двух или трёх ужасных заседаниях.

То, что я там слышал, было очень печально и потрясающе.

Предварительное следствие вели Кальтенбруннер и группенфюрер СС Мюллер из гестапо. Первый был австрийским юристом, второй — баварским чиновником. Оба они не имели понятия о чести офицерского корпуса. О Мюллере можно сказать, что его отношение к офицерам представляло собой смесь ненависти и других низких чувств; это была холодная и тщеславная натура. Кроме этих лиц, в заседаниях принимали участие начальник управления личного состава сухопутных войск генерал Бургдорф и его первый помощник генерал Мейзель; они отвечали за ведение протоколов и были наблюдателями Гитлера. Материалы предварительного следствия содержали собственноручные показания обвиняемых, большей частью признания, сделанные с почти невообразимой откровенностью, с какой обычно высказывались офицеры перед офицерским судом чести, состоявшим из людей одинаковой с ними профессии.

Тот факт, что обвиняемые находились в гестапо и имели дело со следователями, которые мыслили совершенно по-другому, очевидно, не доходил до сознания этих несчастных. Поэтому показания содержали не только то, что касалось непосредственно самих обвиняемых, в них указывались также имена, действия или ошибки других. Каждого, чьё имя упоминалось в этих показаниях, затем арестовывали и допрашивали. Таким образом, гестапо вскоре имело перед собой почти полную картину заговора, знало о его масштабе и о круге его участников. И не только об этом. При откровенном признании обвиняемого часто было просто невозможно объявить его невиновным и непричастным к заговору. Хотя я и редко присутствовал на заседаниях, но я всячески стремился, когда это было возможно, спасти людей. К сожалению, мало кому удалось оказать добрую услугу. В таком же духе действовали и другие члены суда, особенно Кирхгейм, Шрот и Крибель.

Поддерживал нас всегда и фельдмаршал фон Рундштедт.

«Суд чести» после проведения предварительного следствия должен был только решить, кого из обвиняемых, за соучастие или за осведомлённость, будет или не будет судить «народный трибунал». Если принималось решение передать обвиняемого трибуналу, тогда соответствующее военное управление вносило предложение о демобилизации обвиняемого из вермахта. В этом случае компетентность имперского военного суда уже не действовала. Такое

решение могло быть вынесено только на основе имевшихся документов. Допросы обвиняемых не допускались.

При ведении этого неприглядного судебного разбирательства приходилось вступать в тяжёлые конфликты со своей совестью. Нужно было обдумывать каждое слово; не хотелось, смягчая вину одного, ввергать в несчастье других людей, ещё неизвестных или уже арестованных.

Смертные приговоры «народного трибунала» приводились в исполнение через повешение — способ наказания, которого доселе не знало германское правосудие, даже военное. До этого военнослужащие, по делу которых выносились смертные приговоры, расстреливались. Смертная казнь через повешение была завезена к нам из Австрии. Она, к сожалению, практикуется ещё и поныне.

Кто готовит совершение государственного переворота, тот учитывает, что в случае неудачи он будет обвинён в измене и поплатится жизнью. Но кто из казнённых за участие в заговоре 20 июля 1944 г. думал об этом? Вероятно, очень немногие. Во всяком случае, этот аргумент не признавался Гитлером. И вот получилось, что были осуждены офицеры, которые только накануне 20 июля узнали о том, что готовится государственный переворот, и не могли сразу сообщить об этом надлежащим органам, так как не осознали сразу же всей важности услышанного сообщения. Совершенно непричастные лица были втянуты в гибельный круговорот, потому что они пытались помочь товарищам.

Самым потрясающим примером такой непричастности является случай, который произошёл с генералом Гейстерман фон Зильбергом, зятем моего уважаемого бывшего инспектора и командира дивизии генерала Чишвитца. Зильберг 20 июля командовал дивизией на Восточном фронте. Его начальник штаба майор Кун, работавший ранее в организационном отделе генерального штаба сухопутных войск у генерала Штифа, был осведомлён о готовящемся заговоре. Зильберг получил телеграмму, которой ему приказывалось немедленно арестовать Куна и под надёжным конвоем направить в Берлин. Зильберг разрешил Куну выдвинуться вперёд одному на новый командный пункт. Этим он хотел дать ему возможность покончить жизнь самоубийством. Но Кун не воспользовался предоставленным ему случаем застрелиться, как предполагал Зильберг, а перебежал к

противнику. Зильберг был арестован и предан военно-полевому суду. Суд вынес очень мягкое решение. Вскоре об этом узнал Гитлер. Он приказал провести новое следствие с тем, чтобы вынести Зильбергу смертный приговор, так как Кун, служивший в своё время в организационном отделе генерального штаба сухопутных войск, несомненно, был посвящён во многие секретные дела, стало быть, его переход к противнику мог принести значительный ущерб нашему фронту. В феврале 1945 г. Зильберг был расстрелян. Такая же участь постигла и зятя моего несчастного начальника, добросердечного генерала Готше, хотя и по другой причине: зять генерала Готше высказал мнение, что эту войну выиграть нельзя.

Печальна была судьба осуждённых, но ещё печальнее была участь их родственников. Полицейские аресты, обрушившиеся на них, приносили невероятные мучения и душевные пытки. Только некоторым из них можно было помочь и облегчить их страдания.

Итоги покушения ужасны, если рассматривать положение вещей, как оно есть. Сам я противник всякого убийства. Наша христианская религия даёт в этом отношении ясную заповедь. Поэтому я не могу одобрять покушения. Независимо от этой религиозной причины я должен также констатировать, что для удачного исхода, государственного переворота в тот период не было ни внутренних, ни внешнеполитических предпосылок. Приготовления были совершенно недостаточны, подбор лиц на важнейшие государственные посты — непонятен. Организатором заговора был вначале доктор Гёрделер, идеалист, который думал совершить государственный переворот без покушений. Он и его участники по заговору были, несомненно, воодушевлены идеей оказать своему народу самую добрую услугу. Доктор Гёрделер подобрал для правительства большое число видных деятелей и подготовил списки, которые из-за его собственной неосторожности попали в руки гестапо.

Характеристику генерал-полковника Бека, которого намечали сделать главой государства, я уже приводил. Его поведение 20 июля подтвердило правильность моего мнения. Фельдмаршал фон Витцлебен был больным человеком. Правда, он страшно ненавидел Гитлера, но едва ли обладал решительностью, нужной для совершения военного путча в такой напряжённой обстановке. Генерал-полковник Гёпнер был

храбрым солдатом-фронтовиком, но я сомневаюсь в том, что он полностью сознавал всю важность своих действий 20 июля. Генерал Ольбрихт был весьма способным офицером, хорошо знал свои служебные обязанности, но у него не было ни командных прав, ни войск, на которые он мог бы опереться при совершении государственного переворота. Вплоть до 20 июля 1944 г., т. е. несколько лет, шли дискуссии и совещания. Непрерывно расширялся круг людей, осведомлённых о планах заговорщиков. Неудивительно, что гестапо, в конце концов, пронюхало об одном из кружков заговорщиков. Надвигалась угроза волны арестов. Видимо, это побудило импульсивного графа Штауфенберга, не медля более, совершить покушение, смысл которого едва ли уразумели другие заговорщики. Покушение не удалось. Совершивший его сильно ошибся относительно эффективности своей бомбы и вёл себя очень необдуманно. Действия генерал-полковника Фромма, командующего армией резерва, были непонятны. В конце концов, и он сам стал жертвой злосчастного покушения. Генерал Генрих фон Штюльпнагель, командующий войсками во Франции, большой идеалист, которого я хорошо знал и всякий раз, приезжая в Париж, посещал, должен был умереть ужасной смертью. Но самой ужасной была кончина фельдмаршала Роммеля, правду о которой я узнал, уже находясь в плену. Только тогда до моего сознания дошла вся глубина трагедии, которую мы переживали.

Конечно, ещё не раз будет ставиться вопрос, что произошло бы, если бы покушение удалось. Никто этого не может сказать. Одно, кажется, несомненно: в то время большая часть германского народа ещё верила в Адольфа Гитлера и поэтому решила бы, что заговорщики устранили единственного человека, который, может быть, предотвратил бы полную военную катастрофу. Ненависть народа легла бы бременем в первую очередь на офицерский корпус, генералитет и генеральный штаб — и не только во время войны, но также и после неё. Ненависть и презрение народа перешли бы и на солдат, которые в разгар смертельной схватки с врагом, нарушая присягу, убивают главу государства, оставляя без капитана находящийся под угрозой государственный корабль. Нельзя сомневаться в том, что наши противники обращались бы с нами лучше, если бы удалось покушение, чем они обращаются с нами теперь, после нашего поражения. Но вот могут спросить: а что всё-таки произошло бы? Я хотел бы сказать

только одно. Очень много пишут и говорят о сопротивлении гитлеровскому режиму. Но кто из оставшихся в живых, нынешних ораторов и писателей, имевших когда-то доступ к Гитлеру, хоть один раз пытался оказать ему сопротивление? Кто отважился хотя бы раз возразить Гитлеру, высказать ему своё мнение и настоять на нём с глазу на глаз с диктатором? Именно так следовало бы поступать. В течение тех месяцев, когда я приходил к Гитлеру на доклад и вёл с ним многочисленные беседы на военные, технические и политические темы, я видел, что так поступали немногие, из которых, к сожалению, только некоторые находятся ныне в живых. Я совершенно отказываюсь называть борцами сопротивления таких людей, которые только шушукались за кулисами о том, что они придерживались другого мнения, людей, которые пытались только подстрекать на активные действия других. Тот, кто придерживался иного мнения, чем Гитлер, обязан был сказать ему об этом совершенно открыто, если ему представлялся такой случай. Это нужно было делать в первую очередь тогда, когда это было совершенно необходимо, когда это ещё имело смысл, а именно, в предвоенные годы. Кто ясно себе представлял, что политика Гитлера должна привести к войне, что необходимо предотвратить войну, что война станет несчастьем для нашего народа, тот должен был перед войной искать и найти случай сказать об этом Гитлеру и германскому народу со всей ясностью, если не в самой Германии, то из-за границы. Сделали ли это в своё время заговорщики?

Я видел германских солдат в двух тяжёлых войнах. Во второй мировой войне я имел честь быть их командиром. В боях они были преданными до самой смерти, верными своей присяге, несмотря на угрожающую катастрофу. Такими они должны и остаться. Только эта преданность, эта самоотверженность, этот неопикуемый героизм помогут возродить сильный и здоровый народ, сильное и здоровое государство.

Дай бог, чтобы молодому поколению удалось на этой благородной основе мирным путём восстановить новую Германию; которую снова, как когда-то, уважали бы другие народы.

Глава XI

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Вернёмся к происходившим в то время военным событиям. После того, как генеральный штаб главного командования сухопутных войск был сделан работоспособным, выяснилось, что он действует с чрезвычайной медлительностью. Это было связано с тем, что Гитлер сохранил за собой право утверждать все мелкие вопросы и не желал предоставить начальнику генерального штаба самых минимальных полномочий в области отдачи приказов. Поэтому в направленной Гитлеру докладной записке я просил предоставить мне право отдавать указания группам армий Восточного фронта по всем принципиальным вопросам и решать все вопросы, касающиеся генерального штаба в целом. Гитлер отклонил обе мои просьбы. Против моих предложений протестовали Кейтель и Йодль. Отказ был написан собственноручно Кейтелем. На мои возражения Йодль ответил: «Генеральный штаб вообще надо разогнать»! Впрочем, если самые влиятельные представители «корпорации», носящие малиновый кант, сами рубили сук, на котором они сидели, то и всему учреждению ничем уже нельзя было помочь. Последствия этого сразу же проявились в ряде грубых нарушений дисциплины, вынудивших меня перевести виновников в штаб главного командования сухопутных войск — единственный орган, по отношению к которому я обладал ограниченными дисциплинарными правами. Там я заставил этих слишком самоуверенных молодых господ в течение нескольких недель поразмыслить над своим поведением. Воспользовавшись удобным случаем, я доложил Гитлеру о принятых мною мерах. Он удивлённо посмотрел на меня, но не проронил ни одного слова.

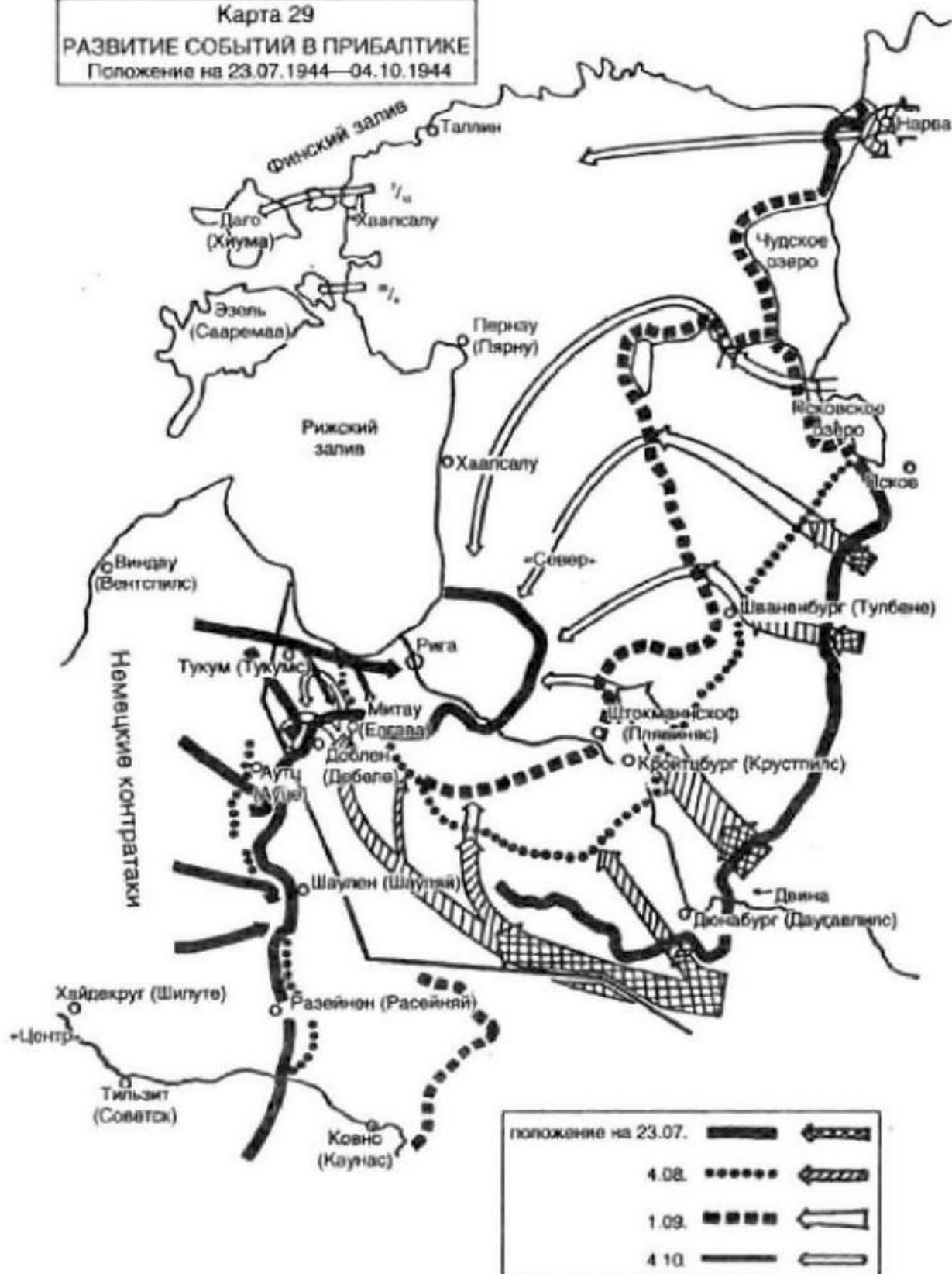
Как-то в один из первых дней моей деятельности на новом посту я сказал Гитлеру, что хочу побеседовать с ним наедине. Он спросил: «Что

вы имеете в виду — служебные или личные дела?» Конечно, речь шла о служебных вопросах, которые с надлежащей ясностью можно было обсудить только с глазу на глаз. Каждый третий при обсуждении таких вопросов был уже лишним. Это Гитлер сам хорошо знал, однако отклонил мою просьбу, заявив, что может обсуждать со мной служебные вопросы только в присутствии фельдмаршала Кейтеля и двух стенографисток. Вследствие такого распоряжения мне редко представлялся случай откровенно высказывать своё мнение верховному главнокомандующему, так как сделать это, не создавая опасности умаления его авторитета, можно было только в личной беседе. И этот весьма неудобный порядок моих встреч с Гитлером был также внушён фельдмаршалом Кейтелем, который боялся, что будет несвоевременно осведомлён о важных вопросах и постепенно отойдёт на задний план. Я должен был руководить штабом в тех же условиях, от которых страдал мой предшественник. Естественно, что это не способствовало смягчению общего тона и существующих разногласий.

Обстановка на Восточном фронте на 21 июля 1944 г. (в тот день, когда я был вынужден принять дела начальника генерального штаба) была весьма неблагоприятной.

Наиболее устойчивой казалась обстановка на фронте группы армий «Южная Украина», в которую входили 6-я и 8-я немецкие армии, румынские части и часть венгерской армии. Фронт этой группы армий проходил от устья р. Днестр вверх по течению до района восточнее Кишинёва, затем севернее Яссы, южнее Фэлтичени, затем, пересекая рр.Прут и Серет, до района истоков р. Серет. Группа армий «Южная Украина» в весенних боях (март — апрель) отразила атаки противника севернее Яссы, а затем смогла выделить несколько дивизий в резерв. Командовал ею генерал Шёрнер, пользовавшийся особым доверием Гитлера.

Карта 29
РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ В ПРИБАЛТИКЕ
Положение на 23.07.1944—04.10.1944

К группе армий «Южная Украина» примыкала группа армий «Северная Украина». До 12 июля 1944 г. она успешно оборонялась на фронте, проходившем у Рэдауц на Верхнем Серете, восточнее Делятин, через Бучач, Тарнополь, Езерна, Берестечко и к району южнее Ковель. 13 июля русские перешли в наступление и прорвали фронт группы армий в трёх местах, захватив 21 июля Львов, излучину р. Сан севернее Перемышля, Томашув, Холм и Люблин. Русские осуществили глубокое вклинение, выйдя почти на линию Пулавы на Висле, Брест-Литовск (Брест) на Западном Буге.

Уже эта картина внушала серьёзные опасения, но положение группы армий «Центр» после 22 июля 1944 г. было просто катастрофическим; худшего ничего и не придумаешь. В период с 22 июня по 3 июля 1944 г. русские начали наступление и прорвали немецкий фронт между реками Припять и Березина, у Рогачёва, Чауссы, севернее Орши и по обе стороны Витебска. Понесся огромный потери (около двадцати пяти дивизий), фронт откатился на линию Давид-городок, Барановичи, Молодечно, Козяны, Западная Двина севернее Полоцка. В последующие дни русские, энергично развивая успешное наступление, овладели Пинском, а также районом Пружаны, Волковыск, Неман, восточнее Гродно, Ковно (Каунас), Двинск (Даугавпилс), восточнее Двинска (Даугавпилс), Идрица. Этим ударом в крайне тяжёлое положение была поставлена не только группа армий «Центр», но и группа армий «Север». До 21 июля русские, казалось, неудержимым потоком хлынули к р. Висла от Сандомира до Варшавы, а также через Седлец, Бельск-Подляски, Белосток, Гродно, Ковно (Каунас) и, что самое неприятное, через Паневежис на Шауляй и Митаву (Елгаву). Севернее Митавы противник вышел на побережье Рижского залива, отрезав группу армий «Север» от других фронтов.

Группа армий «Север», правый фланг которой находился севернее Полоцка, обороняла фронт по линии севернее Полоцка, Идрица, Остров, Псков, Чудское озеро, Нарва и далее до побережья Финского залива.

В результате катастрофы группы армий «Центр» группа армий «Север» должна была до 21 июля 1944 г. оттянуть свой правый фланг на линию Митава (Елгава), Двинск (Даугавпилс), Псков. Но это была, конечно, не последняя остановка.

От своего предшественника я принял не только дезорганизованный штаб, но и совершенно разваливающийся фронт. Резервов главное командование сухопутных войск не имело. Единственные имевшиеся в нашем распоряжении силы находились в Румынии, в тылу группы армий «Южная Украина». Уже одного взгляда на карту железных дорог было достаточно, чтобы понять, что переброска этих резервов займёт много времени. Небольшие силы, которые можно было взять из армии резерва, уже направлялись в группу армий «Центр», которая понесла больше всего потерь.

Договорившись с командующим группой армий «Южная Украина», где начальником штаба был генерал Венк, знавший обстановку в Румынии, я предложил Гитлеру вывести из Румынии все дивизии, которые можно снять с фронта, и использовать их для восстановления связи между группами армий «Центр» и «Север». Незамедлительно началась переброска этих сил. Кроме того, Гитлер распорядился поменять местами командующих группами армий «Южная Украина»(Шёрнер) и «Север»(Фриснер). Группе армий «Южная Украина» были даны инструкции, предоставлявшие командующему группой самостоятельность, необычную для гитлеровской системы руководства. В результате этих энергично принятых мер удалось приостановить продвижение русских в районе Добеле, Тукум (Тукумс), Митава. Теперь я планировал не только соединение обеих групп армий, но и эвакуацию немецких войск из Прибалтики с тем, чтобы значительно сократить линию фронта.

Эвакуация немецких войск из Прибалтики и без того была необходима, так как это была единственная возможность спасти от уничтожения группу армий «Север», оборонявшуюся на чрезвычайно растянутом фронте. Генерал Шёрнер получил приказ прислать свои предложения относительно эвакуации войск из Прибалтики. Он хотел выполнить эту задачу в 3–4 недели. Но обстановка не позволяла этого. Мы должны были действовать быстро, чтобы опередить противника и оттянуть в Восточную Пруссию основные силы группы армий, сохранив их боеспособность. Поэтому я распорядился провести эвакуацию немецких войск из Эстонии и Литвы в течение одной недели, создать предмостное укрепление в районе Риги и немедленно сосредоточить все моторизованные и танковые войска в районе западнее Шауляй. В этом районе я ожидал очередного удара русских.

Здесь нужно было приостановить их наступление, чтобы дать возможность группе армий «Север» в Прибалтике снова установить связь с группой армий «Центр».

В результате контрудара немецких войск в период с 16 по 26 сентября 1944 г. была установлена связь между обеими группами армий. В этом большая заслуга храброго полковника графа Штрахвитца и его сводной танковой дивизии. Теперь нужно было немедленно использовать создавшееся выгодное положение. Но группа армий «Север» не сумела сделать этого. Шёрнер не верил в новое наступление русских западнее Шауляй, он думал, что оно начнётся у Митавы (Елгавы). Поэтому вопреки директиве, подписанной Гитлером, он задержал свои танковые части у Митавы. Мои просьбы о выполнении директивы не были приняты во внимание. Я не могу утверждать, но вполне возможно, что Шёрнер действовал с разрешения Гитлера, с которым он поддерживал прямую связь. В результате растянутый немецкий фронт западнее Шауляй в октябре был снова прорван. Между Мемелем (Клайпеда) и Либавой (Лиепая) русские вышли к Балтийскому морю. Группа армий «Север» после второй неудачной попытки установить связь вдоль побережья была окончательно отрезана от всего Восточного фронта и снабжалась боеприпасами и продовольствием по морю.

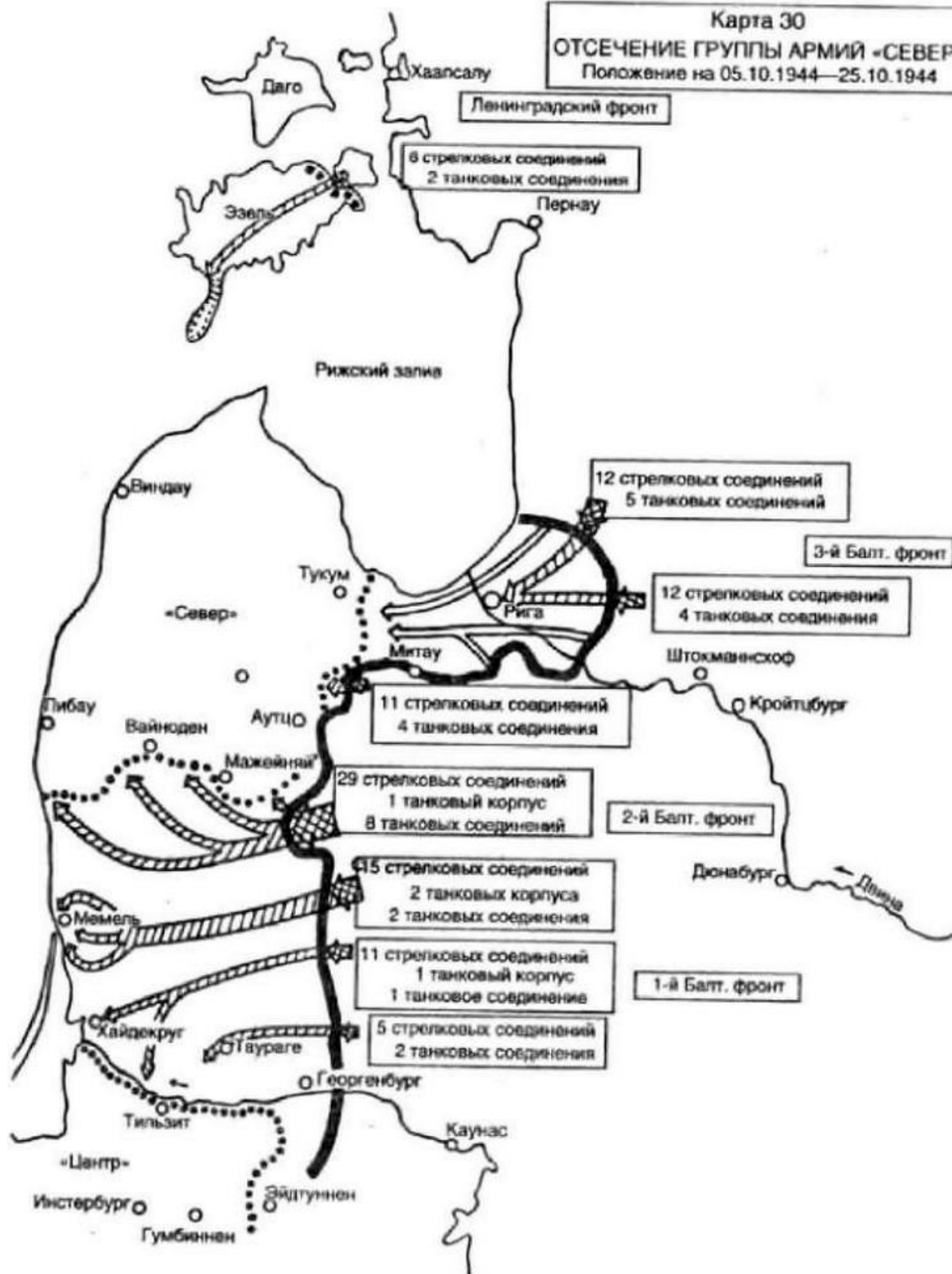
Я отстаивал перед Гитлером необходимость вывода этих ценных войск, совершенно необходимых для обороны Германии. Эта борьба только отравляла атмосферу, но оставалась безуспешной.

В то время как на левом фланге обширного фронта осуществлялись важные перегруппировки и велись упорные бои, в то время как фельдмаршал Модель, проявив личную храбрость, остановил открывающийся фронт группы армий «Центр» восточнее Варшавы, 1 августа 1944 г. в Варшаве вспыхнуло восстание поляков под руководством генерала Бур-Комаровского. Это восстание непосредственно в тылу наших войск явилось чрезвычайно опасной угрозой. Связь с частями 9-й армии генерала фон Формана, действовавшими на фронте, была нарушена. Нельзя было не считаться с возможностью быстрого установления взаимодействия между русскими и восставшими поляками. Я возбудил ходатайство о включении Варшавы в зону боевых действий сухопутных войск.

Однако тщеславие генерал-губернатора Франка и рейхсфюрера СС Гиммлера вынудило их повлиять на Гитлера и заставить его объявить, что Варшава (несмотря на то, что она находилась непосредственно за линией фронта и даже примыкала к нему) не относится к зоне боевых действий, а остаётся в подчинении генерал-губернатора. Подавление восстания было поручено рейхсфюреру СС. Последний в свою очередь возложил эту задачу на группенфюрера СС фон дем Бах-Селевского, которому для этой цели было подчинено несколько эсэсовских и полицейских частей.

Бои, длившиеся неделями, носили ожесточённый характер. Соединения СС, участвовавшие в подавлении восстания, только в оперативном отношении подчинялись войскам СС, но не принадлежали к их составу; они не отличались безупречной дисциплиной. Бригада Каминского состояла из бывших военнопленных, главным образом русских, враждебно относившихся к полякам; бригада Дирлевангера состояла из немецких штрафников, которые должны были искупить свою вину. Когда эти сомнительные элементы вынуждены были не на жизнь, а на смерть вести ожесточённые бои за каждую улицу, за каждый дом города, их моральный дух оказался недостаточно стойким. Сам фон дем Бах однажды, докладывая о наличии вооружения в его частях, сообщил мне о бесчинствах своих подчинённых, пресечь которые он не в состоянии. От его сообщений волосы становились дыбом, поэтому я был вынужден в тот же вечер доложить обо всём Гитлеру и требовать удаления обеих бригад с Восточного фронта. Вначале Гитлер не согласился удовлетворить мои требования. Но даже офицер связи Гиммлера с Гитлером бригаденфюрер СС Фегелейн вынужден был заявить в подтверждение моих слов: «Так точно, мой фюрер, они действительно босяки!» Гитлеру не оставалось ничего другого, как принять моё предложение. Фон дем Бах позаботился о том, чтобы Каминского расстреляли; этим он избавился от нежелательного свидетеля.

Карта 30
ОТСЕЧЕНИЕ ГРУППЫ АРМИЙ «СЕВЕР»
Положение на 05.10.1944—25.10.1944

Только 2 октября 1944 г. восстание было подавлено. Учитывая, что восставшие склонны капитулировать, я посоветовал Гитлеру придерживаться принципов международного права и обращаться с ними как с военнопленными, чтобы быстрее закончить бессмысленную бойню. Гитлер согласился также и с этим предложением. Генерал-полковник Рейнгардт, ставший 15 августа вместо Моделя командующим группой армий «Центр», получил соответствующую директиву; согласно этой директиве войска и действовали.

В борьбе с повстанцами всегда бывает трудно отличать организованных бойцов от гражданского населения. Об этом пишет сам генерал Бур-Комаровский: «В боях наши командиры с трудом отличали солдат от гражданских лиц. Наши люди не носили военной формы, и мы не могли воспрепятствовать гражданскому населению носить на руках бело-красные повязки. Гражданское население, как и солдаты национальной армии, пользовались трофейным (немецким) оружием что мешало бережно относиться к боеприпасам. На одного немецкого солдата повстанцы из гражданского населения тратили несколько снарядов и ручных гранат. В каждом поступившем ко мне донесении содержались жалобы на бесцельное расходование боеприпасов». Так как поляки, кроме того, носили немецкую военную форму, взятую из захваченных у нас складов, то сложность положения немцев, а тем самым и склонность их к беспощадному уничтожению противника всё больше увеличивались. Поэтому неудивительно, что и Гитлер, которому Фегелейн и Гиммлер регулярно докладывали о варшавских событиях, часто раздражался гневом, отдавая строгие приказы, касавшиеся тактики боевых действий и отношения к жителям Варшавы. Этот гнев нашёл своё выражение в инструкции верховного комиссара войск СС и полиции восточной зоны генерал-губернатору Кракова доктору Франку от 11 октября 1944 г.:

«Новая политика в отношении Польши.

Обер-группенфюрер фон дем Бах получил приказ умиротворить Варшаву, т. е. ещё до окончания войны сравнять Варшаву с землёй, поскольку это не мешает выполнению военных планов по сооружению укреплений. До начала разрушений из Варшавы должны быть вывезены все виды сырья, текстиль и мебель. Это является основной задачей гражданской администрации».

Об этом приказе, который был отдан по линии СС, я в то время ничего не знал. Впервые я прочёл его в 1946 г. в нюрнбергской тюрьме. Слухи о намерении полностью разрушить Варшаву, которые ходили в главной ставке, а также вспышка гнева Гитлера в моём присутствии в связи с событиями в Варшаве побудили меня указать в очередном докладе на необходимость сохранения города, объявленного по приказу Гитлера крепостью, в которой должны укрыться немецкие войска. Тем более важно было сохранить здания потому, что Висла в то время стала уже передним краем, который проходил через город.

Во время неоднократных восстаний в 1943–1944 гг. Варшава и без того была сильно разрушена, а в результате боёв с осени 1944 г. и до начала наступления русских в январе 1945 г. были уничтожены ранее уцелевшие здания этого несчастного города.

После капитуляции пленные повстанцы были переданы эсэсовцам. Бур-Комаровский был знакомым Фегелейна, они неоднократно встречались на международных турнирах. Фегелейн о нём позаботился.

25 июля 1944 г. попытка 16-го танкового корпуса русских переправиться через Вислу по железнодорожному мосту у Демблина провалилась. Потери противника составили 30 танков. Мост удалось своевременно взорвать. Другие части бронетанковых войск русских были задержаны севернее Варшавы. У нас, немцев, в то время создалось впечатление, что наша оборона заставила противника приостановить наступление.

2 августа 1-я польская армия «Польских Свободных Демократических Вооружённых Сил» перешла тремя дивизиями в наступление через Вислу на участке Пулавы, Демблин. Несмотря на тяжёлые потери, ей всё же удалось захватить одно предмостное укрепление и удержать его до подхода советских подкреплений.

Под Магнушевом на Висле противнику также удалось создать предмостное укрепление. Войска, форсировавшие Вислу на этом участке, имели задачу продвигаться вдоль берега на Варшаву, однако были остановлены на р. Пилица.

Тем не менее 8 августа у командования 9-й немецкой армии создалось впечатление, что попытка русских захватить Варшаву внезапным ударом с хода разбилась о стойкость немецкой обороны, несмотря на восстание поляков, которое, с точки зрения противника,

началось преждевременно. Штаб армии доложил, что за период с 26 июля по 8 августа 1944 г. захвачено 603 военнопленных, имеется 41 перебежчик, за этот период части армии подбили 337 танков и взяли следующие трофеи: 70 орудий, 80 противотанковых пушек, 27 миномётов и 116 пулемётов. Это были внушительные цифры после месяца непрерывных отступательных боёв.

До сих пор как на востоке, так и на западе никаких оборонительных укреплений не строилось. Гитлер считал, что на западе можно положиться на Атлантический вал, а в отношении востока заявлял, что если построить укрепления, то генералы с меньшей энергией будут обороняться на своих участках и будут склонны к преждевременному отходу на тыловые оборонительные рубежи. Однако теперь, после неудач, лишивших нас почти всех захваченных на востоке территорий, после того как Восточный фронт продвинулся угрожающе близко к границам Германии, нужно было при любых условиях что-то предпринять, чтобы какая-нибудь небольшая неудача не повлияла сразу на общее положение. По моему убеждению, о котором я докладывал Гитлеру ещё в январе, нужно было в первую очередь восстановить наши старые укреплённые районы на востоке. Затем следовало восстановить оборонительные рубежи между этими укреплёнными районами и важнейшие линии электропередачи.

Я разработал вместе с генерал-инспектором инженерных войск при главном командовании сухопутных войск Якобом план строительных работ. Для разработки планов строительства укреплений я приказал восстановить отдел укреплений генерального штаба, распущенный моим предшественником, и назначить начальником этого отдела подполковника Тило. Разработанный нами план под свою личную ответственность я направил в качестве приказа в соответствующие инстанции, а затем представил его Гитлеру, доложив, что ввиду крайней важности и срочности этого вопроса должен просить одобрить план задним числом. Гитлер с большой неохотой согласился это сделать; часто прибегать к подобному методу я не мог.

Во всяком случае, строительство укреплений началось. Земляные работы велись, как правило, добровольцами — женщинами, детьми и стариками, в них участвовала вся рабочая сила, которую ещё могла выделить наша страна. Организация «Гитлеровская молодёжь» оказала

нам большую помощь. Все эти мужественные немцы, несмотря на плохую погоду, трудились с большим усердием и чувством долга в надежде создать хотя бы какое-нибудь прикрытие для своей горячей любимой родины, обеспечить оборонительными рубежами солдат, ведущих тяжёлые боевые действия. Правда, впоследствии их труд не оправдал всех надежд, которые возлагали на него и они, и я. Однако этого нельзя ни ставить в вину людям, строившим укрепления, ни объяснять ошибочностью самого принципа. Укрепления не были обеспечены гарнизонами и вооружением, потому что Западный фронт в силу неизбежной необходимости потребовал и получил всё, что было заготовлено для Восточного фронта, и последнему достались лишь жалкие остатки, которые не могли быть использованы на западе. Здесь уместно выразить сердечную благодарность людям, строившим укрепления, за их самоотверженную и добросовестную помощь. Кроме того, многие построенные ими оборонительные сооружения в течение длительного времени выполняли своё назначение. Мы надеемся, что придёт время, когда оборона Кёнигсберга (Калининграда), Данцига (Гданьска), Глогау (Глогув) и Бреслау (Бреславля) будет изучена со всей беспристрастностью. Никто не может сказать, в каком темпе протекало бы наступление русских и какие ещё территории Германии поразило бы их губительное влияние, если бы не были построены немецкие оборонительные сооружения.

Мне было совершенно ясно, что сооружаемые укрепления могут выдержать осаду только в том случае, если они будут обеспечены гарнизонами, оружием и разными запасами. Поэтому я отдал приказ о формировании крепостных частей из военнообязанных, которые были признаны не полностью годными для боевых действий в полевых условиях, но при правильной организации питания и медицинского обслуживания могли нести службу в укреплённых районах. Вначале было сформировано сто таких крепостных пехотных батальонов и сто батарей. Вслед за ними должны были быть сформированы пулемётные, противотанковые, танковые подразделения и подразделения связи. Но мы ещё не успели как следует обучить эти первые части, как 80 % из них было отправлено на Западный фронт. Мои решительные протесты не были приняты во внимание; я узнал обо всём слишком поздно и уже не мог ничего изменить. На западе эти ещё не обученные подразделения попали в водоворот поражения и гибели, не принеся

пользы. На востоке превосходные оборонительные позиции и укрепления оказались незанятыми и впоследствии не смогли стать настоящими опорными пунктами для отходивших с фронта войск.

То же самое получилось и с вооружением. Первое моё предложение — предоставить в моё распоряжение склады трофейных орудий — было почти издевательски отклонено Кейтелем и Йодлем. Они полагали, что в Германии уже не осталось неиспользованных трофейных пушек. Однако начальник оперативного отдела верховного командования вооружённых сил генерал Буле сообщил, что на складах имеется ещё множество артиллерийских орудий и другого тяжёлого оружия. Всю эту технику уже несколько лет подряд понемногу смазывают, но не используют. Я приказал установить эти орудия на восточных укреплениях и важнейших оборонительных позициях и подготовить для них расчёты. Но Йодль добился передачи Западному фронту всех орудий калибром более 50 мм, а также орудий, из которых было произведено свыше 50 выстрелов. Но на Западный фронт эти орудия прибыли уже слишком поздно, в то время как Восточному фронту они могли бы ещё оказать неоценимую помощь. 50-м и 37-мм противотанковые пушки в 1941 г. уже не были эффективными против русских танков Т-34, и поэтому именно на востоке нужны были пушки крупного калибра.

Что касается запасов, то было отдано распоряжение обеспечить укрепления всем необходимым на три месяца. Были установлены радиостанции, созданы запасы горючего. Я использовал каждую свою поездку для того, чтобы контролировать ход работ на местах. В моих стремлениях меня поддерживали друзья, особенно генерал-полковник Штраус. Они снова предоставили себя в моё распоряжение, невзирая на свои прежние должности, с которых их вытеснили болезнь или безапелляционное решение Гитлера. Энергично помогали также и некоторые гаулейтеры, и если иногда вследствие их чрезмерного усердия возникали трения, то, несмотря на это, надо признать их добрую волю и желание оказать нам помощь.

После того как большая часть крепостных войск была выведена из моего подчинения, я пришёл к мысли о создании ландштурма (ополчения) в находящихся под угрозой восточных провинциях.

Это решение давно уже предлагалось оперативным отделом главного командования сухопутных войск, начальником которого был

генерал Хойзингер, но в своё время было отклонено Гитлером. Мне казалось, что из военнообязанных, пригодных к военной службе, но не призванных в армию вследствие занятости на важных военных предприятиях, в восточных районах можно создать под командованием офицеров части ландштурма, которые подлежали формированию только в случае прорыва русскими фронта. С этим проектом я пошёл к Гитлеру и предложил возложить эту задачу на штурмовые отряды, состоящие из вполне надёжных людей. Я заранее заручился поддержкой начальника штаба штурмовых отрядов (СА) Шепмака, человека разумного и дружелюбно настроенного по отношению к армии. Сначала Гитлер одобрил моё предложение, но на следующий день сообщил мне, что принял другое решение. Он хотел поручить эту задачу не штурмовым отрядам (СА), а национал-социалистской партии, т. е. рейхслейтеру Борману. Ополченцы должны были называться «фольксштурмом» (народным ополчением). Вначале Борман ничего не делал, но после моих неоднократных напоминаний он обязал всех гаулейтеров (а не только гаулейтеров пограничных районов) приступить к формированию «фольксштурма».

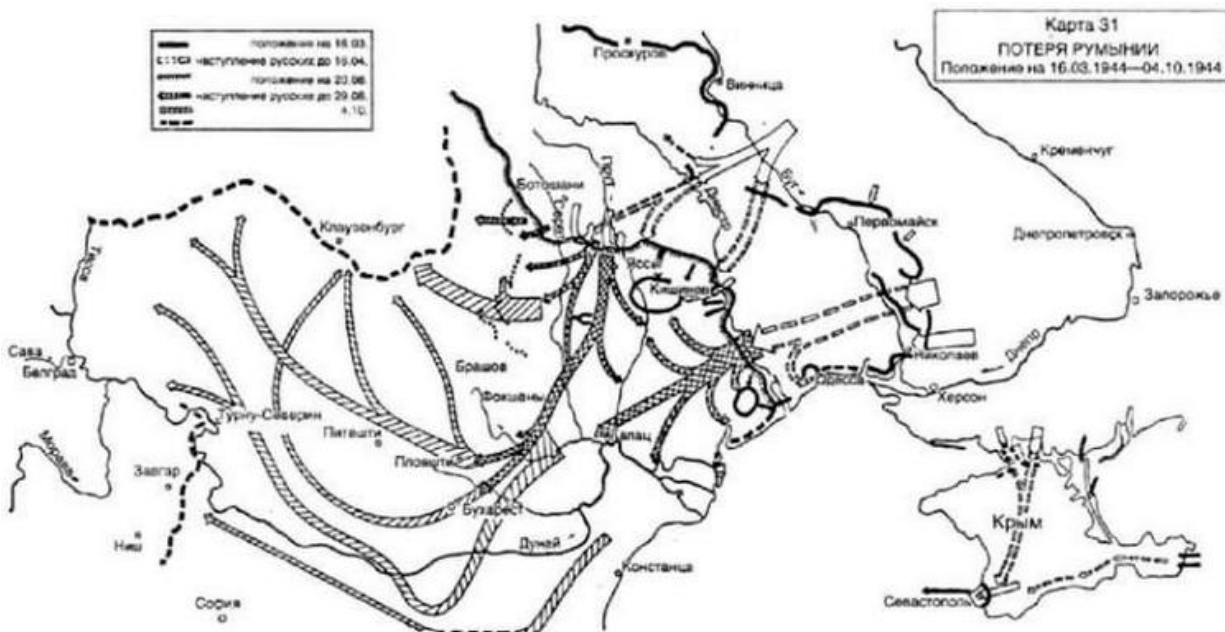
В результате «фольксштурм» был непомерно раздут, не хватало ни обученных командиров, ни оружия, не говоря уже о том, что руководство национал-социалистской партии выдвигало на руководящие посты не опытных командиров, а партийных фанатиков. Мой старый боевой товарищ генерал фон Витерсгейм был рядовым, в то время как его ротой командовал никогда не служивший в армии партийный деятель. В таких условиях brave солдаты, готовые на самопожертвование, больше занимались совершенно бессмысленным разучиванием германского приветствия вместо изучения и овладения оружием. В рядах «фольксштурма» высокий идеализм и полная готовность к самопожертвованию не находили ни вознаграждения, ни благодарности. И я хотел бы сейчас выразить благодарность бойцам «фольксштурма».

Все эти меры, кажущиеся безнадёжными, были необходимы потому, что боевые части последнего призыва, сформированные в Германии армией резерва, должны были использоваться не для обороны востока, а для наступления на западе. В августе и сентябре устойчивость Западного фронта была нарушена, и он из-за отсутствия оборудованных тыловых рубежей и укрепленных районов был отведён

к Западному валу. Но Западный вал не являлся уже полноценным оборонительным рубежом, так как боевая техника с его укреплений была переброшена для усиления Атлантического вала и большей частью потеряна. Отход был начат внезапно, и западные союзники настолько осмелели, что неоднократно создавалась обстановка, позволявшая наносить успешные контрудары при наличии резервов. Каждый раз, когда появлялась такая возможность, Гитлер впадал в неистовство, ему хотелось использовать благоприятную обстановку, но для этого у него не было войск.

Наконец, в сентябре он решил собрать все силы страны для последнего мощного удара. Во главе армии резерва после покушения 20 июля 1944 г. был поставлен рейхсфюрер СС Гиммлер. Он присвоил себе титул «главнокомандующего» и приступил к созданию «политических солдат» (как они представлялись ему и Гитлеру) и в первую очередь «политических офицеров». Вновь сформированные соединения получили название «народной» гренадёрской дивизии, «народного» артиллерийского корпуса и т. д. Их офицерский состав был подобран управлением личного состава сухопутных войск, во главе которого стоял генерал Бургдорф, отнюдь не идеалистически настроенный преемник идеалиста Шмундта. Этих офицеров не имели права переводить в другие обычные войсковые части. На военную службу были призваны руководящие деятели национал-социалистской партии. Но когда некоторые из этих господ сочли необходимым докладывать с Восточного фронта непосредственно Борману, а этот ярый противник армии начал бегать к Гитлеру со своими предложениями, я решил, что дело заходит слишком далеко, и отказался от такого вмешательства. Виновники были наказаны. Конечно, этот скандал вместе с затягиванием выполнения планов формирования «фольксштурма» не способствовал оздоровлению атмосферы в главной ставке фюрера.

С помощью последнего призыва активных бойцов Гитлер хотел подготовить наступление, выбрав для него подходящий момент в ноябре месяце. Он хотел разбить войска западных держав и сбросить их в Атлантический океан. Для выполнения этого гигантского плана должны были быть использованы новые воинские формирования, созданные последними усилиями нашей родины. Но к этому мы ещё вернёмся.

5 августа 1944 г., когда такие события, как покушение на Гитлера и провал на Восточном фронте, ещё были сильны в памяти людей, к Гитлеру в Восточную Пруссию приехал премьер Румынии маршал Антонеску. Я получил задание проинформировать маршала о положении на Восточном фронте. Присутствовали Гитлер, Кейтель, некоторые офицеры, обычно участвовавшие в обсуждении обстановки, а также Риббентроп и его помощники из министерства иностранных дел. Занимавший должность старшего переводчика министерства иностранных дел Шмидт (в ранге посланника) должен был переводить мой доклад на французский язык. Шмидт был не только милым человеком и приятным собеседником, но и самым лучшим переводчиком из тех, с которыми мне приходилось встречаться. Он обладал особым чувством проникновения в ход мыслей, которые он должен был передавать. Вот уже несколько десятилетий он принимал участие во многих ответственных переговорах по самым разнообразным вопросам из всех областей жизни. Одного ему никогда не приходилось делать — переводить доклады о военной обстановке. Уже после нескольких первых фраз выяснилось, что он не владеет военной терминологией. Мне казалось, что будет проще, если я сделаю доклад на французском языке. Я начал говорить по-французски, и мне было приятно, что Антонеску меня хорошо понимает.

В ходе доклада выяснилось, что Антонеску полностью понимает наше тяжёлое положение и необходимость сначала восстановить фронт

групп армий «Центр» и «Север», а затем уже установить связь между ними. Со своей стороны он предложил эвакуировать Молдавию и отойти на линию Галац, Фокшаны и далее Карпаты, если это потребуется в общих интересах. Я немедленно перевёл это великодушное предложение Гитлеру и впоследствии напомнил ему о нём. Гитлер с благодарностью принял предложение Антонеску и, как мы увидим далее, сделал из него свои выводы.

На следующий день Антонеску сказал мне, что хочет побеседовать со мной с глазу на глаз. Беседа состоялась в штаб-квартире Антонеску в «Вольфсшанце» и была для меня весьма поучительной. Румынский маршал оказался не только хорошим солдатом, но и большим знатоком своей страны, её транспорта, экономики и политических вопросов. Всё, о чём он говорил, было обосновано и в то же время выражено в любезной и вежливой форме. Такое сочетание редко можно было встретить в Германии в то время. Вскоре он начал говорить о покушении на Гитлера, не скрывая своего возмущения: «Поверьте мне, я могу доверить свою жизнь любому своему генералу. У нас немыслимо участие офицеров в таком государственном перевороте!» В то время я ничего не мог ответить на его тяжёлые упрёки. Но две недели спустя Антонеску, а вместе с ним и мы оказались совсем в другом положении.

Маршала сопровождал министр иностранных дел Румынии Михай Антонеску. Он производил впечатление ловкого, но отнюдь не симпатичного человека. В его любезности было что-то липкое. С немецкой стороны вместе со мной прибыли посланник фон Киллингер и представитель немецких вооружённых сил в Румынии Ганзен. С обоими я имел обстоятельную беседу относительно их взглядов на положение в Румынии. Они не возлагали больших надежд на Антонеску, а придерживались мнения, что мы, немцы, должны опереться на молодого короля. Это заблуждение привело к очень тяжёлым последствиям, оно в значительной степени способствовало тому, что германские военные инстанции ублаживали себя ложными надеждами на безопасность и не верили скупым известиям о грозящем предательстве.

Вновь назначенный командующий группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Фриснер (сменивший генерала Шёрнера), разделяя мнение Антонеску, вскоре после посещения последним

главной ставки фюрера, в конце июля 1944 г., предложил Гитлеру перенести фронт на линию Галац, Фокшаны, Карпаты. Фюрер в виде исключения согласился с этим предложением, но отдачу окончательного приказа и выполнение своего решения поставил в зависимость от поступления донесений, подтверждающих возможность наступления противника. До этого все фронты должны оставаться на прежних рубежах. Сведения, поступавшие в главную ставку фюрера о положении в Румынии в последующие дни, были весьма противоречивы; большей частью они отражали точку зрения германских официальных представителей и были утешительными для нас. Однако министр иностранных дел фон Риббентроп настолько не доверял донесениям своего посланника, что считал необходимым перебросить в Бухарест одну танковую дивизию и просил об этом Гитлера. Я присутствовал на докладе Риббентропа Гитлеру и поддерживал его мнение. Сам я не мог выделить для этой цели ни одной дивизии с Восточного фронта, слишком уж напряжённой была там общая обстановка. Поэтому я предложил вывести из Сербии 4-ю полицейскую дивизию СС, которая вела там бои с партизанами, и направить её в Румынию. Эта дивизия была моторизованной, следовательно, могла достаточно быстро достичь румынской столицы.

Однако Йодль выступил против моего предложения, хотя Валахия считалась тогда так называемым театром военных действий верховного командования вооружённых сил, следовательно, была в ведении Йодля и не относилась к Восточному фронту. Гитлер не принял никакого решения. И всё осталось по-прежнему.

Кризис надвигался не только в Румынии, но и в Болгарии. Я получил донесение от полковника фон Юнгенфельдта, который обучал болгарских танкистов владению немецкой техникой. В донесении давалась мрачная, но, к сожалению, весьма справедливая оценка положения в стране, а именно, указывались вредные настроения и ненадёжность болгарских войск. Я сообщил Гитлеру эти сведения, но он не поверил им, более того, он выразил уверенность, что болгары никогда не будут добровольно сражаться на стороне русских, так как они ненавидят большевизм. Я предложил не посылать больше в Болгарию германскую технику и вернуть немецкую материальную часть, которая там находится, но моя просьба была отклонена. Попытка сделать это помимо разрешения была сорвана Йодлем.

20 августа 1944 г. началось наступление русских на фронте группы армий «Южная Украина». Оно имело успех на тех участках, которые оборонялись румынскими частями. Но этим дело не ограничилось. Румынские части перешли на сторону противника и повернули оружие против своих вчерашних союзников. Немецкое командование и немецкие войска не ожидали такого предательства. Хотя Гитлер сразу дал разрешение на отход группы армий, на некоторых участках наши войска пытались удерживать фронт и медленно, с боями отступали. Чтобы избежать полного разгрома и уничтожения, необходимо было быстро отступить и удержать мосты на Дунае. Но этого не было сделано. В результате румыны опередили немцев, блокировали переправы и этим отдали немецкие части в руки русских. Мы полностью потеряли 16 немецких дивизий — невозместимые потери в нашем и без того тяжёлом положении.

Эти германские части мужественно сражались до конца; их боевая честь осталась незапятнанной. Они не виновны в своей тяжёлой судьбе. Это несчастье можно было бы смягчить, если бы было принято решение отойти на линию Галац, Фокшаны, Карпаты ещё до начала наступления русских и нарушить тем самым планы русских, укоротив фронт настолько, чтобы его можно было удержать без румын. Но для этого нужно было ясное понимание политического положения и моральных качеств главы румынского государства.

Антонеску сильно в этом заблуждался и должен был поплатиться смертью за свою ошибку. Его заверение относительно надёжности румынских генералов и офицеров было, к сожалению, необоснованным, но оно произвело известное впечатление на германское командование и также ввело его в заблуждение. В течение нескольких недель была потеряна вся Румыния. 1 сентября русские вступили в Бухарест. Болгария, король которой (Борис) умер 28 августа 1943 г. при довольно странных обстоятельствах, выпала из нашей коалиции и 8 сентября перешла на сторону противника. Мы потеряли 88 наших танков Т-IV и 50 штурмовых орудий, которые мы в своё время отправили в Болгарию. Рухнули надежды Гитлера получить, по крайней мере, две болгарские антибольшевистские дивизии. Немецкие солдаты, находившиеся в Болгарии, были разоружены и взяты в плен. Болгары перешли на сторону русских и начали сражаться против нас.

Теперь и Гитлеру стало ясно, что Балканы оборонять уже нет смысла. Была признана необходимость постепенной сдерживающей эвакуации. Однако отход войск осуществлялся слишком медленно и не позволял высвободить силы, необходимые для обороны Германии.

19 сентября 1944 г. Финляндия заключила перемирие с Англией и Россией. Последствием этого шага явился разрыв отношений с Германией. Визит фельдмаршала Кейтеля к фельдмаршалу Маннергейму 20 августа 1944 г. остался безрезультатным; уже 3 сентября финны запросили перемирия.

Неудивительно, что после этих событий союзническая верность Венгрии также поколебалась. Регент адмирал фон Хорти и до этого следовал за Гитлером не в силу своих убеждений, а только подчиняясь политической необходимости. Эти сдержанные, выжидательные настроения проявились ещё во время посещения Хорти Берлина в 1938 г. Во время войны Гитлер неоднократно вынужден был оказывать на Хорти сильное давление, чтобы заставить его действовать в выгодном для Германии направлении. И вот в конце августа 1944 г. Гитлер послал меня в Будапешт, чтобы передать регенту письмо, а также получить представление о его позиции. Я был принят в замке, в Будапеште, вежливо и со всеми надлежащими почестями. Первыми словами регента после того, как мы уселись за стол, были: «Видите, уважаемый коллега, в политике всегда нужно иметь запасный выход». Я понял смысл его слов. Умный, опытный политик, он всегда имел запасный выход или думал, по крайней мере, что имеет его.

Адмирал Хорти продолжительное время в очень вежливой форме говорил о национальной проблеме в Венгрии, в стране, в которой вынуждены сосуществовать вот уже несколько столетий различные национальности. Он подчеркнул тесные связи, с давних пор соединявшие Венгрию с дружественной Польшей, на которые Гитлер, по его мнению, очень мало обращает внимания. Он попросил как можно скорее вывести из Польши венгерскую кавалерийскую дивизию, сражавшуюся в районе Варшавы. Я мог обещать ему это, так как мы сами намеревались отправить венгров, воюющих в Польше, на родину. У меня не могло сложиться положительного впечатления о позиции Хорти, о чём я и вынужден был доложить Гитлеру. Все красивые слова начальника генерального штаба Венгрии Вереша не могли изменить моего мнения.

В конце августа русские подошли к Бухаресту и ворвались в его пригороды. Война стучалась в двери Венгрии. В Будапеште я жил под впечатлением этих событий.

В эти тяжёлые для Восточного фронта дни на Западном фронте также шли кровопролитные оборонительные бои. 17 июля фельдмаршал Роммель стал жертвой нападения английских истребителей-бомбардировщиков, фельдмаршал фон Клюге должен был принять общее руководство операциями. В этот день линия фронта на западе проходила от устья р. Орн, по южным окраинам Кана, через Комон, Сен-Ло, Лессей до побережья. 30 июля американцы прорвали наш фронт у Авранша. Спустя несколько недель, 15 августа, главные силы немецкой армии на Западном фронте (тридцать одна дивизия) вели бои за своё существование. Двум третям этих сил (двадцати дивизиям) грозило окружение у Фалеза. Бронетанковые и моторизованные соединения противника наступали на Орлеан и через Шартр на Париж. Нормандия и Бретань, за исключением нескольких крепостей Атлантического вала с окружёнными в них пятью немецкими дивизиями, были потеряны. Американцы высадились небольшими силами на побережье Средиземного моря между Тулоном и Каннами. 11-я танковая дивизия, которая могла оказать им сопротивление, находилась, к сожалению, на западном берегу Роны, под Нарбонной. Другие немецкие дивизии находились: две с половиной дивизии — в Голландии, семь дивизии — на фронте, проходившем по побережью пролива между Шельдой и Сеной, одна дивизия — на островах пролива Ла-Манш, две дивизии — на побережье, между Луарой и Пиренеями, семь с половиной дивизий — на побережье Средиземного моря и одна дивизия — на альпийском фронте, на границе с Италией.

Для отражения наступления противника на Париж мы могли выделить только две с половиной дивизии. Из свежих сил две дивизии СС были посланы в Бельгию, три пехотные дивизии двигались через Кёльн и Кобленц во Францию.

Вот теперь штаб оперативного руководства вооружёнными силами вспомнил о значении тыловых позиций. На оперативные карты обстановки были нанесены оборонительные рубежи на реках Сена, Сомма и Марна. Но эти рубежи так и остались обозначенными лишь на картах.

Теперь даже и Гитлер решил заменить фельдмаршала фон Клюге фельдмаршалом Моделем, а в дальнейшем ограничить сферу компетенции Моделя главным фронтом вторжения, общее же руководство войсками на западе снова возложить на фельдмаршала фон Рундштедта.

День 15 августа 1944 г. был бурным днём в главной ставке фюрера. На основе донесений с Западного театра военных действий я сделал доклад о положении танковых соединений. Я заявил Гитлеру: «Одна храбрость бронетанковых войск не в состоянии возместить отсутствие двух других составных частей вооружённых сил — авиации и флота». Гитлер пришёл в ярость. Он потребовал, чтобы я вышел за ним в соседнюю комнату. Там мы начали спорить так громко, что в комнату вошёл один из адъютантов Гитлера майор фон Альсберг и сказал: «Господа, вы так громко беседуете, что на улице слышно каждое слово. Разрешите мне закрыть окна?».

Гитлер пришёл в отчаяние, узнав, что фельдмаршал фон Клюге не вернулся из поездки по фронту. Он предполагал, что фельдмаршал установил связь с противником. Поэтому он приказал вызвать его на доклад в главную ставку фюрера. Но фельдмаршал фон Клюге по дороге покончил жизнь самоубийством, отравившись ядом.

25 августа 1944 г. пал Париж.

Гитлер и штаб оперативного руководства вооружёнными силами должны были принять окончательное решение относительно дальнейшего развития операций. Нужно было себе ясно представить, какой участок имеет наибольшее значение для обороны германской крепости.

Гитлер и его военные советники не сомневались в том, что следует продолжать оборону. Всякая мысль о переговорах (общих или сепаратных) с противниками (западными или восточными) была отныне беспредметной вследствие требования безоговорочной капитуляции, которое совместно выставили наши противники. Однако желание строго ограничиться одной обороной могло только продолжить наше сопротивление, но вряд ли могло привести к благоприятному исходу войны.

Перенесение главной тяжести обороны на восток привело бы к укреплению Восточного фронта и остановило бы дальнейшее

продвижение русских. Важные в военном и продовольственном отношении области Верхней Силезии и Польши остались бы за Германией. Но принятие этого решения требовало предоставить Западный фронт самому себе, что в ближайшем времени привело бы к его падению под ударами превосходящих сил западных держав. Гитлер не мог рассчитывать на склонность западных держав заключить сепаратный мир в ущерб интересам России, поэтому он отклонил это решение.

Напротив, перенесение главных усилий на запад создавало, по мнению Гитлера, при своевременном введении в бой имеющихся сил и средств перспективу нанесения мощного удара по западным союзникам, прежде чем они выйдут к р. Рейн или форсируют её.

Это решение требовало соблюдения следующих предварительных условий:

1) укрепление Восточного фронта и удержание его до тех пор, пока на западе не закончится наступление с ограниченной целью и пока не представится возможность перебросить на восток освободившиеся силы;

2) проведение этого наступления по возможности в самое ближайшее время, чтобы до наступления зимы (когда, вероятно, русские возобновят наступление) освободить резервы для Восточного фронта;

3) немедленное сосредоточение сил для наступления, чтобы создать практические условия для выполнения принятого решения;

4) ведение успешной борьбы за выигрыш времени на Западном фронте до начала наступления.

Гитлер и главный штаб вооружённых сил планировали начать наступательные действия уже в середине ноября с тем, чтобы к середине декабря создать возможность для переброски сильных резервов на восток. Прогноз на тёплую осень с поздним наступлением холодов на востоке позволял ожидать, что зимнее наступление русских начнётся после нового года. Учитывая эти предпосылки, командование решило, что мои опасения относительно Восточного фронта не должны приниматься во внимание.

Ясно, что меня, как одного из руководителей Восточного фронта, весьма тревожил подобный план дальнейшего развития операций.

После того как было принято решение относительно Западного фронта, я видел свою задачу в том, чтобы выполнить первое условие плана — укрепить Восточный фронт.

Кроме уже упомянутых работ по созданию тыловых оборонительных рубежей и укреплений, на фронте также всеми средствами начали оборудовать позиции. Все танковые и моторизованные дивизии были сняты с фронта до декабря месяца, разделены на четыре группы как подвижные резервы и пополнены свежими силами. Однако недостаток пехоты на Восточном фронте позволил снять только одну-единственную пехотную дивизию и сосредоточить её в качестве резерва в районе Кракова.

Предмостные укрепления на Висле, захваченные русскими во время летних боёв, надо было ликвидировать или, по крайней мере, сократить, чтобы оттянуть начало наступления противника или затруднить его действия.

Наконец, в целях сокращения линии фронта и создания резервов нужно было эвакуировать морем немецкие войска из Прибалтики, так как попытка вывести эти войска по суше не удалась.

К сожалению, все пункты этого плана действий на Восточном фронте нам не удалось осуществить. Правда, сооружение укреплений проходило успешно, но предназначавшиеся для них гарнизоны и вооружение, вследствие катастрофически быстрого изменения обстановки на западе, пришлось отправить на фронт вторжения. Отсюда значение укреплений было ограничено. Оно ещё более уменьшилось после приказа Гитлера относительно создания так называемой «Главной линии сопротивления» («grosskampfflinie»), которая должна была быть занята непосредственно перед крупным наступлением противника. По приказу Гитлера она создавалась не на удалении 20 км от переднего края обороны (как предлагали я и командование групп армий), а на расстоянии всего 2–4 км.

На Висле удалось ликвидировать одно русское предмостное укрепление и сократить другие. Вследствие того, что ряд дивизий был снят с Восточного фронта, а командующий 4-й танковой армией, неутомимый генерал Балк, был переведён на Западный фронт, на этом решающем участке, к сожалению, не удалось добиться большего успеха. Предмостные укрепления, особенно у Баранува, оставались для нас опасными очагами.

Особенно отрицательно сказывалось невыполнение плана по сокращению линии фронта, так как группа армий «Север» продолжала обороняться в Прибалтике. Гитлер отклонил моё повторное предложение эвакуировать Прибалтику и создать сильные резервы из состава группы армий «Север». При этом он руководствовался политическими мотивами и неуверенностью главнокомандующего военно-морскими силами гросс-адмирала Деница. Гитлер боялся, что эвакуация наших войск окажет неблагоприятное влияние на нейтральную позицию Швеции и нанесёт ущерб «учебному району для подводных лодок» в Данцигской бухте (бухте Гданьской). Кроме того, он думал удержанием Прибалтики сковать на севере Восточного фронта достаточно большое количество русских дивизий, которые в противном случае противник мог бы использовать на более опасных для нас участках Восточного фронта. Непрекращающиеся атаки русских в Прибалтике укрепили это его мнение.

На основании этих и других подобных доводов Гитлер и штаб оперативного руководства вооружёнными силами отклоняли также все предложения о немедленной эвакуации немецких войск с Балкан и из Норвегии, а также о сокращении линии фронта в Италии.

Но не только план действий на Восточном фронте оказался невыполненным. Ещё плачевнее была обстановка на Западном фронте.

Пренебрежение западными укреплениями, включая Западный вал, и концентрация всех инженерных сил и средств, начиная с 1940 г., исключительно на Атлантическом вале «мстили» теперь самым серьёзным образом. С востока были сняты все скудные, в лучшем случае третьестепенные силы, созданные по инициативе командования Восточного фронта ещё осенью 1944 г. Но и этих подкреплений было недостаточно, и немецкий фронт во Франции рухнул, поэтому незанятые укрепления не имели никакого значения. Их быстрое падение вынудило вести манёвренную войну на оперативном просторе почти неподвижными соединениями, так как дорожная сеть была разрушена господствовавшей в воздухе авиацией противника. Когда имелись танковые соединения, в Нормандии вели позиционную войну. Теперь же, когда бронетанковые войска были израсходованы, пришлось вести манёвренную войну, от которой раньше отказывались. Благоприятные возможности, которые представлялись иногда вследствие слишком смелых действий американского командования, не

могли быть использованы. От первоначального плана — наступать на южном фланге американцев — пришлось отказаться. Однако самым худшим было то, что срок начала наступления, т. е. середина ноября, оказался нереальным и пришлось его передвинуть на середину декабря. Это ухудшило перспективы на своевременное высвобождение и переброску резервов на восток да и вообще на удержание ослабленного Восточного фронта.

Развернуть силы для наступления на западе своевременно не удалось. Борьба за выигрыш времени на Западном фронте проходила безуспешно. Но, несмотря на неблагоприятные условия, Гитлер и верховное командование вооружённых сил упорно держались за однажды принятое ими решение наступать на западе. Свои планы они сохранили в секрете. Противника удалось захватить врасплох. Впрочем, сохранение планов наступления в тайне от собственных штабов и войск было доведено до такой крайности, что от этого пострадало снабжение наступающих войск всем необходимым, особенно горючим.

Операции на Восточном фронте

В то время как Западный фронт был отброшен от Атлантического вала на Западный вал, на Восточном фронте непрерывно шли тяжёлые бои. На южном участке этого фронта не удалось приостановить продвижение русских. В результате их наступления, проходившего с небольшими паузами, была захвачена вся территория Румынии, Болгарии и, наконец, большая часть Венгрии. В Венгрии сражалась группа армий «Южная Украина» под командованием генерал-полковника Фриснера, которая 25 сентября сменила своё ставшее неточным название «Южная Украина» на «Юг». В октябре после упорных боёв в районе Дебрецена, где контратаки наших войск временно приостановили противника, район Зибенбюрген (Семихолмье) полностью был захвачен русскими.

В районе действий группы армий «Юго-восток» под командованием фельдмаршала барона фон Вейхса в этом месяце пал Белград. Несмотря на то, что Балканский фронт фактически уже слился

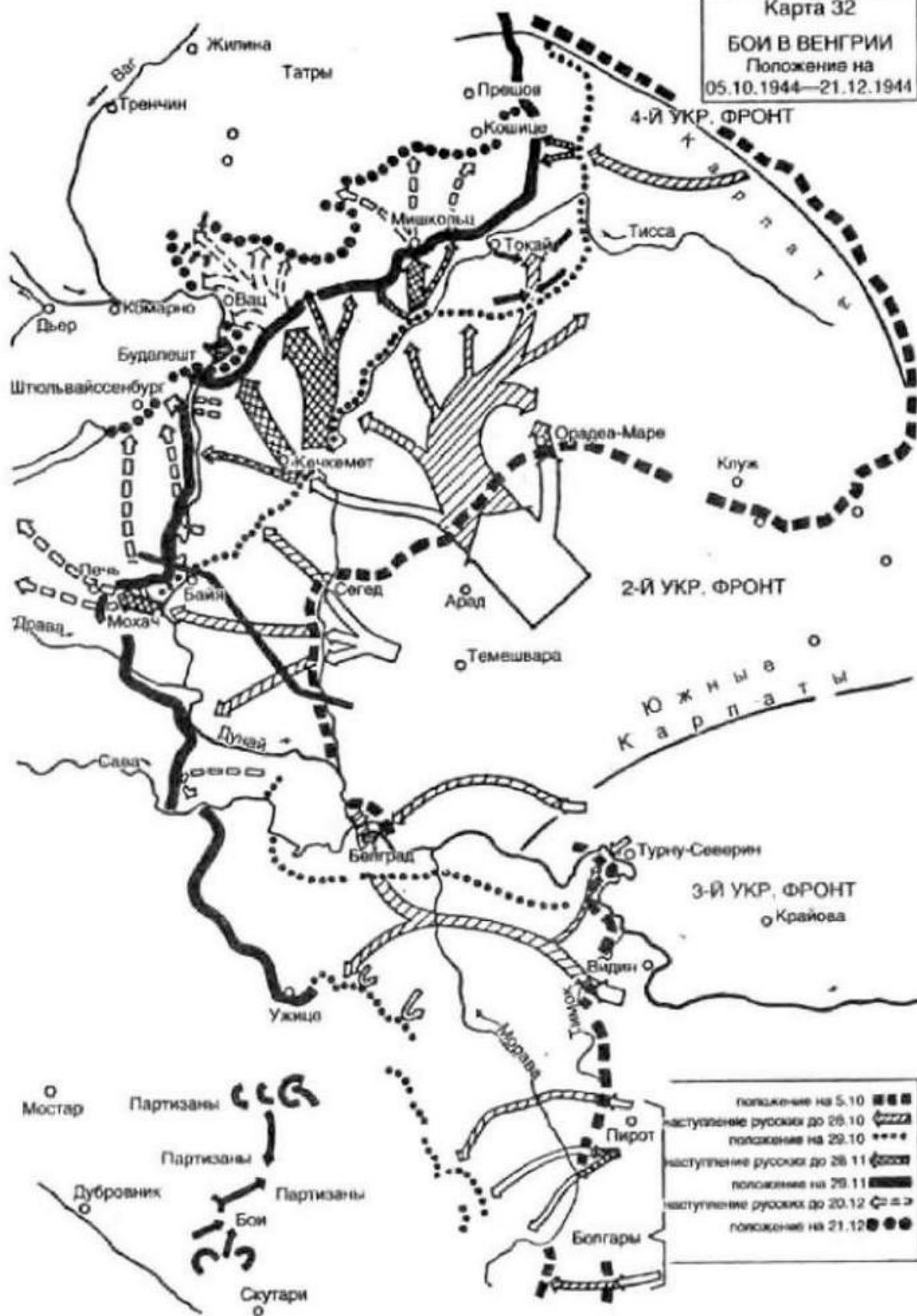
с Восточным фронтом, руководство которым осуществляло главное командование сухопутных войск, эта группа продолжала оставаться в ведении главного командования вооружённых сил. Граница между сферами командования вооружённых сил и главного командования сухопутных войск проходила между устьями рек Драва и Бая. Это было совершенно бессмысленно. Южнее этой границы на северном фланге группы «Юго-восток» русские форсировали Дунай, в то время как командующий группой обращал основное внимание на слабый участок фронта своих войск, расположенный значительно южнее. 29 октября русские подошли вплотную к Будапешту, а 24 ноября они форсировали Дунай у Мохач. В это время, когда германские войска стояли ещё в Салониках и в Дураццо, Моравская долина уже была в руках противника. Из-за партизанской войны на Балканах очищение их всё больше усложнялось. 30 ноября русские прорвали фронт группы «Юго-восток» у города Печь, севернее р. Драва, вышли к оз. Балатон и атаковали дунайский участок, оборонявшийся группой армий «Юг». До 5 декабря им удалось вплотную подойти к Будапешту с юга. В этот же день они форсировали реку севернее Будапешта, продвинулись до города Вац и с трудом были остановлены нами восточнее р. Грон. Далее на северо-восток они захватили Мышкольц и вышли в район южнее Кашау (Кошице). Наши войска на Балканах отошли на линию Подгорица, Ужице и далее на север.

Наступление, начатое 21 декабря, привело в день рождества 1944 г. к окружению Будапешта. Противник вышел на линию оз. Балатон, Штульвансенбург (Секешфехервар), западнее Комарно, а также севернее Дуная до р. Грон. Оттуда линия фронта проходила почти по венгерской государственной границе. С обеих сторон бои велись с большим ожесточением. Мы несли тяжёлые потери.

На участке фронта группы армий «Северная Украина» генерал-полковника Гарпе, которая с сентября месяца стала называться группой армий «А», русские, продолжая наступление, в конце июля достигли Вислы, подойдя вплотную к Варшаве. Южнее её шли ожесточённые бои между реками Сан и Вислока. Группа армий состояла в это время из 1-й танковой армии генерал-полковника Хейнрици, которая находилась в Карпатах, 17-й армии генерала Шульца в районе между Карпатами и Вислой и 4-й танковой армии генерала Балка (позднее ею стал командовать генерал Грезер), которая стояла на Висле. К 1 августа

русские захватили ряд предмостных укреплений за Вислой, причём самым важным из них было укрепление у Баранува, поменьше — у Пулавы, у Магнушева и четвёртое в другом районе. Успехи русских в горах были, естественно, меньшими. Особенно критическим стало положение 5–9 августа на предмостном укреплении у Баранува. Здесь русские могли в любой день осуществить прорыв. Только благодаря неутомимой энергии и умелому руководству генерала Балка удалось в этом районе предотвратить катастрофу. Ожесточёнными контратаками, длившимися неделями, Балку удалось значительно сузить большое предмостное укрепление у Баранува, ликвидировать ещё одно небольшое предмостное укрепление и укрепиться у Пулавы. После этого русские перенесли главный удар своего наступления в горы. У Санок и Ясло им удалось вклиниться в нашу оборону, но решающего прорыва осуществить не удалось. Горный хребет Восточных Бескид удерживался до тех пор, пока события в Венгрии не вынудили повернуть 1-ю танковую армию на линию Кашау (Кошице), Ясло. К новому году линия фронта этой группы армий проходила вдоль словацкой границы до района восточнее Кашау (Кошице), оттуда через Ясло, западнее Дембица, западнее Сташува, южнее Опатува, по Висле севернее устья р. Сан до Варшавы (исключая упомянутые предмостные укрепления).

Карта 32
БОИ В ВЕНГРИИ
Положение на
05.10.1944—21.12.1944

В группу армий «Центр» входила 9-я армия генерала фон Формана, 2-я армия генерал-полковника Вейса, 4-я армия генерала Госбаха и 3-я танковая армия генерал-полковника Рейнгардта, которой с 15 августа стал командовать генерал-полковник Раус. Этой группой армий командовал фельдмаршал Модель, а после перевода его 15 августа на Западный фронт — генерал-полковник Рейнгардт. В августе противник подошёл вплотную к Варшаве, достиг затем линии Остров (Остров-Мазовецкий), Судауен (Сувалки), восточно-прусская граница, западнее Шауляй, западнее Митава (Елгава). В сентябре он продвинулся северо-восточнее Варшавы до р. Нарев, на которой в октябре создал по обе стороны Остенбурга (Пултуск) предмостные укрепления. За период с 5 по 19 октября был совершён уже упоминавшийся прорыв германского фронта западнее Шауляй. Группы армий «Центр» и «Север» были окончательно отрезаны друг от друга.

Группа армий «Центр» повернула 19 октября свой левый фланг на Мемель (Клайпеда), оставив 22 октября удерживаемые на северном берегу реки предмостные укрепления у Тильзита (Советск) и Рагнит (Неман). С 16 по 26 октября русские наступали в Восточной Пруссии на фронте Гумбиннен (Гусев), Гольдап. В тяжёлых боях они были остановлены и местами немного отброшены назад. Происходившие здесь события позволили германскому народу составить представление о том, что грозило ему в случае победы русских.

Группа армий «Север», как уже указывалось, в период с 14 по 26 сентября была отведена на предмостное укрепление в район Риги с целью быстрой дальнейшей её переброски к группе армий «Центр». Этот план провалился из-за противоречащего ему решения командующего группой армий генерал-полковника Шёрнера. Последний задержал свои бронетанковые силы в районе Риги, Митавы (Елгавы) вместо того, чтобы вывести их в район западнее Шауляй, и этим дал возможность противнику осуществить прорыв у города Шауляй, что окончательно отрезало группу армий от главной группировки войск. Группа армий состояла из 16-й и 18-й армий, т. е. в этом районе у нас было вначале двадцать шесть дивизий, а затем после неоднократных эвакуации осталось шестнадцать, которых так сильно не хватало для обороны рейха. После того, как с 7 по 16 октября нами была оставлена Рига, линия фронта группы армий проходила (почти без изменения до конца года) от побережья южнее Либавы (Лиепая) через

Прекуле, южнее Фрауэнбурга (Салдус), восточнее Тукума (Тукумс) и до побережья Рижского залива.

Относительная стабильность сильно растянутого фронта между Карпатами и Балтийским морем позволила укрепить его и выделить танковые и моторизованные дивизии в подвижный резерв. Разумеется, двенадцать слабых дивизий представляли собой весьма незначительный резерв для гигантского фронта в 1200 км и ввиду большого превосходства, которым теперь обладали русские!

Сооружение укреплений на Восточном фронте свелось, между тем, к созданию растянутых, занятых незначительными силами позиций, достаточно сильных для позиционных действий, но неспособных выдержать сильный удар противника. Мы прилагали все усилия, чтобы использовать опыт последних боёв, наталкиваясь при этом на сопротивление со стороны Гитлера.

Одним из важнейших требований фронта было устройство за первой полосой обороны (HKL — «Hauptkampflinie»), создававшейся в обычных боевых условиях ещё и второй полосы обороны («Grosskampflinie»), на которую можно было бы опереться в крупных оборонительных сражениях. Фронтовые командиры требовали, чтобы примерно в 20 км в тылу от переднего края первой полосы обороны возводились для ведения крупных сражений сильные, тщательно замаскированные и занятые войсками позиции. Далее, они желали получить инструкции по обороне, которые давали бы им право непосредственно перед началом артиллерийской подготовки противника, отходить своими основными силами на вторую полосу обороны, оставляя на первой лишь небольшое прикрытие. Такой манёвр сделал бы артиллерийскую подготовку её совершенно напрасной, свёл бы на нет все продолжительные приготовления противника к развёртыванию своих сил, заставил бы его натолкнуться на хорошо подготовленный рубеж обороны и отступить. Нет сомнения, что это требование было вполне обоснованным. Я изучил его и доложил Гитлеру. Он вышел из себя и совершенно отказался мириться с таким положением, когда без боя хотели оставить территорию глубиной в 20 км. Гитлер приказал создавать главную линию сопротивления в 2–4 км от переднего края обороны. При отдаче этого бессмысленного приказа он полностью жил воспоминаниями о первой мировой войне, причём никакие аргументы не могли заставить его отказаться от своего

решения. Эта ошибка очень сильно дала себя знать, когда в январе 1945 г. русским удалось осуществить прорыв, а резервы, опять же в соответствии с категорическим приказом Гитлера и вопреки моему совету, были подтянуты близко к линии фронта. Передний край обороны, главная линия сопротивления и резервы — всё сразу попало под удары русских и было одновременно опрокинуто. Гнев Гитлера обратился теперь на людей, строивших укрепления, а когда я стал возражать ему, — также и на меня. Он приказал принести стенограмму совещания, проведённого осенью 1944 г., на котором обсуждалось положение главной линии сопротивления, так как теперь он начал утверждать, что всегда стоял за расстояние в 20 км. «Какой дурак может приказывать такую ерунду?» Я обратил его внимание на то, что это он сделал сам. Принесли и стали зачитывать стенограмму. Но после нескольких предложений он приказал прекратить чтение. Это было ясное самоизобличение. К сожалению, пользы в нём не было, так как прорыв фронта был свершившимся фактом.

Мы ещё вернёмся к тактике Гитлера при описании крупного наступления русских. Гитлер всё ещё жил верой, что только он является единственным действительно боевым солдатом в главной ставке, и поэтому считал, что большинство его военных советников неправы, а прав только он. К тому же он страдал манией величия, которая подогревалась хвалебными песнопениями его «партейгеноссен», начиная от фон Риббентропа и Геринга. Всё это приводило к тому, что Гитлер считал себя полководцем и поэтому не терпел поучений: «Вам нечего меня поучать! Я командую германскими сухопутными силами на фронтах уже пять лет, я накопил за это время такой практический опыт, какой господам из генерального штаба никогда не получить. Я проштудировал Клаузевица и Мольтке и прочёл планы стратегического развёртывания Шлиффена. Я больше в курсе дела, чем вы!» Это одно из многих его замечаний, которые делались по моему адресу всякий раз, когда я стремился растолковать ему требования современного момента.

Несмотря на то, что у нас было полно своих собственных забот, тут ещё и венгры доставляли нам заботы своей недостаточной боеспособностью и сомнительной союзнической верностью. Я уже упоминал о позиции, занятой регентом Хорти по отношению к Гитлеру. Пусть эта позиция с венгерской точки зрения и была понятной, с нашей

же, германской точки зрения она была ненадёжной. Регент Венгрии уповал на сотрудничество с англо-саксонскими державами. Он хотел установить с ними связь воздушным путём. Пытался ли он это сделать, были ли англо-американцы склонны к этому со своей стороны, — мне неизвестно. Но я знаю, что группа высших венгерских офицеров перешла к противнику. Так поступил 15 октября генерал Миклош, с которым я познакомился в Берлине, как с военным атташе, и начальник венгерского генерального штаба Вереш, который незадолго до этого, находясь у меня в Восточной Пруссии, давал заверения в своей союзнической верности и получил от меня в подарок автомашину. На этой автомашине, на моём собственном «мерседесе», спустя несколько дней он и уехал к русским. На венгров нельзя было больше полагаться. Гитлер свергнул режим Хорти и на место последнего поставил Салаши, венгерского фашиста, бездарного и неэнергичного. Это произошло 16 октября 1944 г. Но это несколько не улучшило положения в Венгрии; исчезали скромные остатки обоюдного доверия и симпатии друг к другу.

В Словакии, которая вначале полностью нас поддерживала, уже давно активно действовали партизаны. Всё опаснее становилось сообщение по железным дорогам. Пассажирские поезда останавливались, пассажиров обыскивали, германских солдат, и особенно офицеров, убивали. Это заставляло принимать строгие контрмеры. Ненависть и убийства царили в Словакии, что имело место также, к сожалению, во всё возрастающих масштабах и в других странах. Крупные державы, ведущие против нас войну, призывали к партизанским действиям, тактика которых противоречила международному праву; это вынуждало нас к обороне, и эта оборона была объявлена затем обвинителями и судьями в Нюрнберге преступной, противоречащей нормам международного права, хотя союзные державы при вступлении на территорию Германии издавали более строгие карательные приказы, чем приказы, изданные в своё время немцами, причём разоружённая и истощённая Германия не давала им ни одного повода к применению этих приказов.

Чтобы нарисовать более полную картину, следует коснуться немного Италии. 4 июня 1944 г. союзные войска вошли в Рим. Группа армий «Юг» под командованием фельдмаршала Кессельринга обороняла Апеннины севернее Рима, ведя упорные бои с

превосходящими силами противника. Этот участок фронта связывал более двадцати дивизий. Верные Муссолини итальянцы не могли из-за их слабой боеспособности считаться надёжной силой, а поэтому использовались только для несения службы в Ривьере. В основном же в тылу германского фронта велась ожесточённая партизанская война со всей итальянской жестокостью. Она вынуждала нас к принятию жёстких контрмер, так как мы не могли оставить на произвол судьбы снабжение этой группы армий и должны были поддерживать связь с ней. Военные трибуналы держав-победительниц, осуждая эти факты после заключения перемирия, руководствовались отнюдь не чувством справедливости, а исключительно собственными интересами.

Арденнское наступление

В начале декабря Гитлер перевёл свою главную ставку из Восточной Пруссии в Цигенберг под Гиссенем, чтобы быть поближе к Западному фронту, на котором должно было начаться последнее решительное наступление немцев,

Все силы германских сухопутных войск, которые удалось сколотить за последние месяцы, должны были наступать из района гор Эйфель к р. Маас, прорвать относительно слабый фронт союзных держав южнее Люттixa и затем, форсировав реку в направлении Брюсселя и Антверпена, завершить этот стратегический прорыв окружением противника севернее участка прорыва. В случае удачи этого наступления Гитлер ожидал значительного ослабления западных держав, что предоставило бы ему время для переброски крупных сил на Восточный фронт с целью отражения ожидаемого зимнего наступления русских. Он рассчитывал таким образом выиграть время, чтобы разрушить надежды его противников на полную победу, заставить их отказаться от требований безоговорочной капитуляции и склонить к заключению согласованного мира.

Неблагоприятная погода и задержки с подготовкой новых формирований вынудили его вторично перенести удар,

запланированный вначале на середину ноября, на этот раз на 16 декабря. Наконец-то, наступление было начато.

Наступательная группировка состояла из двух танковых армий; 5-й танковой армии под командованием генерала фон Мантейфеля и 6-й танковой армии под командованием обергруппенфюрера СС Зеппа Дитриха. Главный удар наносился на правом фланге 6-й танковой армией, укомплектованной хорошо оснащёнными соединениями войск СС. В центре наступала 5-я танковая армия. Обеспечение левого фланга наступающей группировки возлагалось на 7-ю армию генерала Брандербергера, однако для выполнения такой трудной задачи эта армия была недостаточно подвижной.

Командующий войсками на западе фельдмаршал фон Рундштедт и командующий группой армий «Б» фельдмаршал Модель считали более целесообразным поставить наступающим войскам ограниченную задачу, так как, по их мнению, силы были недостаточны для осуществления крупной операции, задуманной Гитлером. Они хотели разгромить силы противника, находящиеся восточнее р. Маас, между Аахеном и Люттихом, и этим ограничиться. Однако Гитлер отклонил их контрпредложения и настоял на своём далеко идущем плане.

Итак, 16 декабря началось наступление, 5-я танковая армия глубоко вклинилась в оборону противника. Передовые танковые соединения сухопутных войск — 116-я и 2-я танковые дивизии — вышли непосредственно к р. Маас. Отдельные подразделения 2-й танковой дивизии даже достигли р. Рейн. 6-я танковая армия не имела такого успеха. Скопления войск на узких обледенелых горных дорогах, задержки с вводом в бой второго эшелона на участке 5-й танковой армии, недостаточно быстрое использование первоначального успеха — всё это привело к тому, что армия потеряла темп наступления — самое необходимое условие для проведения каждой крупной операции. К тому же и 7-я армия натолкнулась на трудности, в результате чего потребовалось повернуть танковые части Мантейфеля на юг, чтобы предупредить угрозу с фланга. После этого не могло быть и речи о крупном прорыве. Уже 22 декабря пришлось признать необходимость ограничения цели операции. В этот день мыслящему в больших масштабах командованию надлежало бы вспомнить об ожидаемом наступлении на Восточном фронте, положение которого зависело от своевременного окончания в основном уже провалившегося

наступления на Западном фронте. Однако не только Гитлер, но также и верховное командование вооружённых сил, и особенно штаб оперативного руководства вооружёнными силами, в эти роковые дни думали только о Западном фронте. Трагедия нашего военного командования стала ещё более очевидной после провала наступления в Арденнах перед концом войны.

24 декабря было ясно для каждого здравомыслящего солдата, что наступление окончательно провалилось. Нужно было немедленно переключить все наши усилия на восток, если это не было уже слишком поздно.

Оборонительные приготовления на востоке

Внимательно следил я из своего штаба, переведённого в Майбахлагер под Цоссеном, за ходом наступления на западе. В интересах своего народа я желал, чтобы оно завершилось полным успехом. Но когда уже 23 декабря стало ясно, что нельзя добиться крупного успеха, я решил поехать в главную ставку фюрера и потребовать прекращения опасного напряжения и незамедлительной переброски всех сил на Восточный фронт.

Всё больше поступало сведений о предстоящем наступлении русских. Мы установили районы развёртывания основных сил. Были определены три главные ударные группы русских:

1) На предмостном укреплении у Баранува находились в боевой готовности для наступления шестьдесят стрелковых соединений, восемь танковых корпусов, кавалерийский корпус и шесть других танковых соединений.

2) Севернее Варшавы были сосредоточены пятьдесят четыре стрелковых соединения, шесть танковых корпусов, кавалерийский корпус и девять других танковых соединений.

3) Группировка на восточно-прусской границе состояла из пятидесяти четырёх стрелковых соединений, двух танковых корпусов и девяти других танковых соединений.

Кроме того, группировка из пятнадцати стрелковых и двух танковых соединений находилась южнее Ясло, группировка из одиннадцати стрелковых соединений, кавалерийского корпуса и танкового корпуса — под Пулавы и группировка из тридцати одного стрелкового соединения, пяти танковых корпусов и трёх других танковых соединений — южнее Варшавы.

Мы рассчитывали, что наступление начнётся 12 января 1945 г. Превосходство русских выражалось соотношением: по пехоте 11:1, по танкам 7:1, по артиллерийским орудиям 20:1. Если оценить противника в целом, то можно было говорить без всякого преувеличения о его 15-кратном превосходстве на суше и по меньшей мере о 20-кратном превосходстве в воздухе. Я не страдаю недооценкой германского солдата. Он был выдающимся воином, его можно было без всяких опасений бросить в наступление против противника, превосходящего в пять раз. При правильном управлении он благодаря своим блестящим качествам сводил на нет такое численное превосходство и побеждал. Но то, что ему предстояло теперь, после пяти лет тяжёлых боёв с превосходящими силами противника, в условиях сокращения рациона, ухудшения вооружения и слабой надежды на победу, было чудовищным бременем. Верховное командование, в первую очередь сам Гитлер, должны были сделать всё, чтобы облегчить ему выполнение этой чудовищной задачи. Меня занимал вопрос — в человеческих ли силах было вообще всё это. Поверьте, что эта мысль угнетала меня с самого начала войны против России и даже раньше. А теперь она властно ставила дилемму: быть или не быть?

И вот миллионы немцев встали перед противником, готовые оборонять германский восток от самого страшного, что только могло произойти — от мощного натиска русских. Разве не стала вдруг ясной наша судьба после небольшого вклинения русских в Восточную Пруссию! Это было ясно точно так же, как и мне, всем солдатам. Они знали — тем более, если они были восточными немцами — точно так же, как и я, что на карту поставлена наша вековая культура. Семьсот лет труда и борьбы немцев и их успехов были поставлены на карту! Перед таким будущим требование безоговорочной капитуляции было жестокостью, преступлением против человечности, а для солдат ещё и позором, которого они не хотели, да и не могли взять на себя, пока ещё

не исчезла последняя перспектива на другую возможность достижения мира.

Другую же возможность заключения мира можно было создать только тогда, когда удастся как-нибудь и где-нибудь приостановить предстоящее наступление русских. Для этого необходимо было немедленно перебросить войска с запада на восток, создать в районе Литцманштадта (Лодзь), Хоэнзальца (Иновроцлав) сильную резервную армию и начать ею манёвренные бои с русскими армиями прорыва. В этом виде боя германское командование и германские войска всё ещё превосходили противника, несмотря на продолжительность войны и на сильное истощение наших сил.

Исходя из этого, я намеревался выдержать бой на востоке, но для этого нужно было прежде всего выиграть бой с Гитлером за высвобождение необходимых для Восточного фронта сил. 24 декабря я поехал в Гиссен, а оттуда на доклад в главную ставку фюрера.

На докладе об обстановке на фронтах присутствовали, кроме Гитлера, как обычно, фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Йодль, генерал Бургдорф и ряд молодых офицеров. В своём докладе я назвал группировки сил противника и указал соотношение сил, о чём уже упоминалось выше. Работа моего отдела по изучению иностранных армий Востока была образцовой, его данные были абсолютно достоверными. Я уже достаточно хорошо знал начальника этого отдела генерала Гелена, поэтому мог судить о нём и его сотрудниках, о методах работы и её результатах. Вскоре данные Гелена подтвердились.

Исторический факт — Гитлер смотрел на вещи по-другому. Он заявил, что данные отдела по изучению иностранных армий Востока генерального штаба сухопутных войск являются блефом. Он утверждал, что каждое стрелковое соединение русских насчитывает самое большее 7000 человек, бронетанковые же соединения не имеют танков. «Да это же самый чудовищный блеф со времён Чингизхана, — воскликнул он, — кто раскопал эту ерунду?». После покушения Гитлер сам часто прибегал к блефу невероятного масштаба. Он приказал сформировать артиллерийские корпуса, которые фактически по своей силе являлись всего лишь бригадами. Были созданы далее танковые бригады двухбатальонного состава, т. е. по силе равные только полку. А противотанковые бригады состояли всего лишь из одного дивизиона. По моему мнению, этим самым он вносил путаницу в организацию

своих собственных сухопутных сил, но отнюдь не вводил в заблуждение противника относительно нашей действительной слабости.

Образ мышления Гитлера становился всё более странным и толкал его к выводам, что противник тоже пытается ввести его, Гитлера, в заблуждение потёмкинскими деревнями и что в действительности русские и не собираются начинать серьёзного наступления. Это же утверждал на ужине и Гиммлер, с которым я сидел рядом, являвшийся командующим армией резерва и одновременно группой армий «Верхний Рейн», созданной для обороны р. Рейн и для перехвата перебежчиков; одновременно Гиммлер являлся министром внутренних дел, начальником полиции и рейхсфюрером СС. В то время Гиммлер чувствовал своё значение. Он полагал, что обладает таким же хорошим военным суждением, каким обладал Гитлер, и, конечно, значительно лучшим, чем все генералы: «Знаете ли, дорогой генерал-полковник, я не верю, что русские будут вообще наступать. Это всего лишь крупный блеф. Данные вашего отдела по изучению иностранных армий Востока неимоверно преувеличены, они заставляют вас слишком много думать. Я твёрдо убеждён, что на востоке ничего не случится». На такую наивность не действовали никакие доводы.

Значительно опаснее для предлагаемого мною перемещения главных усилий на восток было сопротивление Йодля. Йодль не хотел терять на западе инициативу, якобы перехваченную у противника. Он признавал, что наступление в Арденнах застопорилось, но зато думал, что благодаря этому наступлению противник потерял инициативу в оперативном отношении. Он думал наступлением на другом, на неизвестном и неожиданном для противника месте, достичь нового частичного успеха и надеялся таким путём парализовать противника на Западном фронте. С этой целью он начал новое наступление на северной границе Эльзас-Лотарингии. Германские войска должны были продвигаться по обе стороны Битш в южном направлении на Цаберн. Это наступление, начавшееся 1 января 1945 г., вначале тоже имело успех, однако до цели — Цаберн, затем Страсбург — было ещё очень далеко. Йодль, увлечённый своим замыслом, решительно запротестовал, когда я потребовал вывода войск из Арденн и с Верхнего Рейна. Он неоднократно повторял свой аргумент: «Мы не вправе отказываться от только что перехваченной у противника

инициативы». Гитлер охотно поддерживал его, так как «на востоке мы можем ещё жертвовать территорией, на западе же нет». Не помогали и мои доводы, что Рурская область уже парализована налётами бомбардировочной авиации западных держав, что транспорт выведен из строя из-за превосходства противника в воздухе, что это положение будет не улучшаться, а, наоборот, всё больше ухудшаться, что, напротив, промышленность Верхней Силезии может ещё работать на полную мощность, что центр тяжести германской военной промышленности переместился уже на восток страны, что если мы потеряем ещё и Верхнюю Силезию, то проиграем войну через несколько недель.

Я получил во всём отказ и провёл этот чрезвычайно серьёзный и траурный рождественский сочельник в обстановке, совершенно не соответствующей торжественному христианскому празднику. Известие об окружении Будапешта, поступившее в этот вечер, не могло способствовать улучшению настроения. Когда я уходил с этого ужина, мне сказали, что Восточный фронт должен рассчитывать только на свои собственные силы. Когда я снова потребовал эвакуации Курляндии (Прибалтика) и отправки на Восточный фронт войск, прибывших из Норвегии, ранее находившихся в Финляндии, меня снова постигло разочарование. Прибывшие из Норвегии войска предназначались для ведения боевых действий в Вогезах; это были горные части, а поэтому особенно подходили для боёв в горных условиях. Впрочем, район Вогезов между Битшем и Цаберном был мне хорошо знаком. Когда-то я там служил ещё в чине лейтенанта. Как раз в Битше и стоял тот первый гарнизон, в котором я служил сначала в чине фенриха, а потом молодого лейтенанта. Одна горная дивизия не могла совершить там решительного переворота.

25 декабря, в первый день рождества, я выехал на поезде в Цоссен. Я находился в пути, когда Гитлер за моей спиной распорядился о переброске корпуса СС Гилле, в который входили две дивизии СС, из района севернее Варшавы, где он был сосредоточен в тылу фронта в качестве резерва группы армий Рейнгардта, к Будапешту для прорыва кольца окружения вокруг этого города. Рейнгардт и я были в отчаянии. Этот шаг Гитлера приводил к безответственному ослаблению и без того чересчур растянутого фронта. Все протесты оставались без внимания. Освобождение от блокады Будапешта было для Гитлера важнее, чем

оборона Восточной Германии. Он начал приводить внешнеполитические причины, когда я попросил его отменить это злосчастное мероприятие, и выпроводил меня. Из резервов, собранных для отражения наступления русских (четырнадцать с половиной танковых и моторизованных дивизий), две дивизии были посланы на другой фронт. Оставалось всего двенадцать с половиной дивизий на фронте протяжённостью в 1200 км.

Вернувшись в штаб, я ещё раз вместе с Геленом проверил сведения о противнике и обсудил с ним и с Венком выход из положения, который ещё казался возможным. Мы пришли к выводу, что только прекращение всех наступательных действий на западе и незамедлительное перенесение центра тяжести войны на восток могут создать небольшие перспективы приостановления наступления русских. Поэтому я решил ещё раз накануне Нового года попросить Гитлера о принятии этого единственно возможного решения. Вторично мне пришлось ехать в Цигенберг. Я намеревался действовать, подготовившись ещё тщательнее, чем в первый раз. Поэтому по прибытии в Цигенберг я разыскал прежде всего фельдмаршала фон Рундштедта и его начальника штаба генерала Вестфалья, рассказал им обоим об обстановке на Восточном фронте, о своих планах и попросил оказать мне помощь. Как фельдмаршал фон Рундштедт, так и его начальник штаба проявили, как и прежде, полное понимание всей важности «другого» фронта. Они дали мне номера трёх дивизий Западного фронта и одной дивизии, находившейся в Италии, которые можно было бы быстро перебросить на восток, так как они стояли недалеко от железной дороги. Для этого требовалось только согласие фюрера. Со всей осторожностью об этом было сообщено дивизиям. Я уведомил об этом начальника отдела военных перевозок, приказав подготовить эшелоны. Затем я отправился с этими скромными данными на доклад к Гитлеру. У него произошла та же история, что и в памятный рождественский вечер. Йодль заявил, что он не имеет свободных сил, а теми силами, которыми располагает запад, ему нужно удерживать инициативу в своих руках. Но на этот раз я мог опровергнуть его данными командующего войсками на западе. Это произвело на него, видимо, неприятное впечатление. Когда я назвал Гитлеру номера свободных дивизий, он с явным раздражением спросил, от кого я узнал об этом, и замолчал, нахмурившись, когда я назвал ему командующего

войсками его собственного фронта. На этот аргумент вот уже действительно нечего было возразить. Я получил четыре дивизии и ни одной больше. Эти четыре были, конечно, только началом, но пока они оставались единственными, которые верховное командование вооружённых сил и штаб оперативного руководства вооружёнными силами вынуждены были отдать Восточному фронту. Но и эту жалкую помощь Гитлер направил в Венгрию!

Утром 1 января я снова отправился к Гитлеру, чтобы доложить ему, что корпус СС Гилле в составе 6-й армии Балка начнёт в этот день вечером наступление на Будапешт. Гитлер возлагал на это наступление большие надежды. Я был скептически настроен, так как для подготовки наступления было очень мало времени, командование и войска не обладали тем порывом, какой у них был раньше. Несмотря на первоначальный успех, наступление провалилось.

Результаты поездки, в главную ставку фюрера были весьма и весьма незначительными. Начались новые размышления, новые сопоставления и проверка данных о противнике. Я решил поехать в Венгрию и лично переговорить с командующими, убедиться в наших перспективах и найти выход из создавшегося положения. В течение нескольких дней, с 5 по 8 января 1945 г., я посетил генерала Вёлера, преемника Фриснера на должности командующего группой армий «Юг», генерала Балка и генерала СС Гилле и обсудил с ними вопросы продолжения операций в Венгрии. Я получил информацию о причинах неудачи наступления на Будапешт. По всей вероятности, это произошло потому, что первоначальный успех вечернего сражения 1 января не был использован ночью для совершения решительного прорыва. У нас не было больше офицеров и солдат 1940 г., иначе мы, возможно, достигли бы успеха, позволяющего сохранить силы и приостановить на некоторое время наступление противника на дунайском фронте.

Из Венгрии я направился к Гарпе в Краков. Он и его способный начальник штаба генерал фон Ксиландер ясно и последовательно изложили свои мысли относительно обороны против русских. Гарпе предложил отдать противнику находившийся в наших руках берег Вислы непосредственно перед началом наступления русских, которое ожидалось 12 января, чтобы отступить примерно на 20 км и занять менее растянутые тыловые позиции. Это давало возможность снять с фронта несколько дивизий и создать таким образом резерв. Его взгляд

был правилен и хорошо обоснован, но он имел мало перспектив на благосклонность со стороны Гитлера. Об этом я сказал Гарпе. Он же со своим прямым характером изъявил желание, чтобы его предложения, несмотря ни на что, были доложены фюреру, даже если это будет иметь для него неприятные последствия. Мероприятия группы армий по организации обороны были целесообразными и охватывали всё, что позволяли наши средства.

Наконец, я связался по телефону с Рейнгардтом. Он, как и Гарпе, сделал аналогичное предложение и хотел отказаться от оборонительных позиций на р. Нарев, чтобы отойти на не столь растянутые позиции вдоль восточнопрусской границы и создать тем самым возможность для сохранения нескольких дивизий в качестве резерва. И ему, к сожалению, я не мог обещать, что добьюсь согласия Гитлера на его предложение.

И вот теперь, зная все нужды и запросы групп армий, я решил ещё раз в это тяжёлое время съездить к Гитлеру и попытаться сделать Восточный фронт главным фронтом, высвободить силы на Западном фронте и сообщить фюреру желание групп армий перенести фронты на тыловые рубежи, ибо нет вообще никакого другого выхода для своевременного создания резервов.

9 января 1945 г. я снова был в Цигенберге. Твёрдо решив не идти на уступки, я намеревался показать Гитлеру, какую он берёт на себя в противном случае ответственность. Мой доклад состоялся при обычной аудитории. На этот раз присутствовал также мой бывший начальник штаба инспекции бронетанковых войск генерал Томале.

Гелен весьма тщательно подготовил данные о противнике, составил для наглядности несколько карт и схем, отображающих соотношение сил. Когда я показал Гитлеру эти разработки, он разразился гневом, назвал их «совершенно идиотскими» и потребовал, чтобы я немедленно отправил составителя этих схем в сумасшедший дом. Я закипел от ярости и заявил Гитлеру: «Разработки сделаны генералом Геленом, одним из способнейших офицеров генерального штаба. Я бы не показал их вам, если бы не считал их своими собственными разработками. Если вы требуете запереть генерала Гелена в сумасшедший дом, то отправьте и меня вместе с ним!» Требование Гитлера сменить генерала Гелена я решительно отклонил. И вот разразился ураган. Доклад не имел успеха. Предложения Гарпе и

Рейнгардта были отклонены. Последовали ожидаемые ядовитые замечания в адрес генералов, которые-де под термином «оперировать» всегда понимают только отход на следующие запасные позиции. Всё это было в высшей степени нерадостно.

Все усилия создать крупные оперативные резервы на угрожаемых участках сильно растянутого Восточного фронта разбились о бестолковую позицию Гитлера и Йодля. В настроении верховного командования вооружённых сил господствовало необоснованное мнение о том, что наши точные данные о предстоящем крупном наступлении русских могут быть всего лишь крупным блефом. Там вообще охотно верили только в то, чего желали, и закрывали глаза на суровую действительность. Страусова политика и стратегия самоуспокоения и самообмана! Для утешения Гитлер сказал в заключение доклада: «Восточный фронт никогда не имел столь много резервов, как сегодня. Это ваша заслуга. Я благодарю вас за это». Я возразил: «Восточный фронт — как карточный домик. Стоит прорвать фронт в одном единственном месте, рухнет весь фронт, ибо резерв в двенадцать с половиной дивизий для фронта такой громадной протяжённости очень и очень мал!»

Резервы располагались: 17-я танковая дивизия у Пинчова (Пиньчув), 16-я танковая дивизия южнее Кельце, 20-я мотодивизия под Вирцонином и Островцом, 10-я мотодивизия (только боевые части) под Каменной, 19-я танковая дивизия у Радома, 25-я танковая дивизия у Могельница, 7-я танковая дивизия у Цихенау (Цеханув), мотодивизия «Великая Германия» у Хорцеле (Хожеле), 18-я мотодивизия восточнее Иоганнесбурга (Пиш), 23-я пехотная дивизия (не в полной боевой готовности) у Николайкена (Миколайки), 10-я самокатно-егерская бригада у Зенсбурга (Зендзборк), части мотодивизии «Бранденбург» (вновь сформированной) южнее Дренгфурта; танковый корпус «Герман Геринг»: 1-я танковая дивизия «Герман Геринг» западнее Гумбиннена (Гусев), 2-я мотодивизия «Герман Геринг» на фронте в Восточной Пруссии юго-восточнее Гумбиннена (Гусев), 5-я танковая дивизия под Бартенштейном (Бартошице), 24-я танковая дивизия в пути из Венгрии в Растенбург (Растемборк).

Сильно расстроенный оскорбительным указанием Гитлера, что «восток должен рассчитывать только на свои собственные силы и

обходиться тем, что он имеет», я вернулся в свой штаб в Цоссен. Гитлер и Йодль знали совершенно точно, что Восточный фронт, если ожидаемое наступление станет фактом, не сможет обойтись тем, чем он располагает, и тогда даже немедленное решение о переброске резервов на восток в условиях превосходства противника в воздухе, а стало быть, медленного продвижения транспортов будет слишком запоздалым. В какой степени их происхождение (родом они были из провинций, далеко расположенных от Пруссии) способствовало тому, что они занимали такую бестолковую позицию, остаётся неясным, но что это оказывало какое-то влияние на их рассуждения, в этом я убедился во время своих последних докладов. Для нас, жителей Пруссии, речь шла о близкой родине, с таким напряжением созданной в боях и сражениях, о стране с вековой христианской, западной культурой, о земле с могилами наших предков, о Пруссии, которую мы любили. Мы знали, что при удачном наступлении с востока мы должны её потерять. Больше всего мы боялись за её жителей, боялись того, что произошло с населением Голдапа и Неммерсдорфа. Но и этих наших опасений не понимали, не прислушивались к предложениям фронта об эвакуации из угрожаемых областей гражданского населения, так как Гитлер видел в этом лишь выражение пораженчества, которое якобы одолевало генералов. Он боялся, что эти пораженческие настроения распространятся на общественность. В этом его поддерживали гаулейтеры, особенно гаулейтер Восточной Пруссии Кох. Этот последний питал какое-то подозрение к генералам. Районом боевых действий групп армий считалась узкая полоса шириной в 10 км, проходившая за линией фронта. Батареи тяжёлых орудий находились уже на огневых позициях, расположенных на территории так называемых отечественных областей, подведомственных гаулейтерам, на территории, где не оборудуешь ни одной огневой позиции, не срубишь деревья без того, чтобы не вступить в конфликт с гражданскими властями (т. е. с партийными властями).

Наступление русских

12 января 1945 г. ударная группа войск русских начала хорошо подготовленное наступление с предмостного укрепления у Баранува. Уже 11 января были симптомы того, что скоро должно начаться наступление. Пленные дали показания, что в ночь на 11 января было приказано освободить помещения для прибывающих танкистов. В радиোগрамме сообщалось: «Всё в порядке! Подкрепления прибыли!» С 17 декабря 1944 г. количество оружейных стволов на предмостном укреплении у Баранува увеличилось на 719, миномётных стволов — на 268. В показаниях пленных о предмостном укреплении под Пулавами говорилось: «Предстоит наступление. В первом эшелоне — штрафные подразделения. Наступление поддерживают 40 танков. От 30 до 40 танков — в лесу в 2–3 км за передним краем. В ночь на 8 января произведено разминирование». Воздушная разведка донесла о подходе подкреплений на предмостные укрепления на Висле. Другие пленные сообщали, что на каждый километр фронта наступления предусмотрено 300 стволов, включая миномёты, противотанковые орудия и многоствольные установки. С предмостного укрепления у Магнушева доложили, что противник ведёт пристрелку с 60 новых огневых позиций.

Аналогичные сведения поступали с участка фронта на Нареве у Остенбурга (Пултуск), севернее Варшавы, а также из Восточной Пруссии. Здесь противник решил нанести главный удар на участке Эбенроде, озеро Виллуне и восточнее Лазденен (Краснознаменск).

Только в Венгрии, благодаря нашему новогоднему наступлению, и в Прибалтике можно было не ожидать в ближайшие дни крупного наступления противника. Но это была лишь небольшая передышка.

Итак, 12 января был нанесён нам первый удар под Баранувом. В бой были введены четырнадцать стрелковых дивизий, два отдельных танковых корпуса и другие части. Главные силы сосредоточенных в этом районе танков в первый день, видимо, не вводились в бой: их предполагалось использовать только тогда, когда после первоначального успеха наметятся выгодные направления для удара. Русские, хорошо оснащённые материальной частью, могли позволить себе такую тактику.

Прорыв удался, и противник глубоко вклинился в систему нашей обороны.

В этот день соединения русских, предназначенные для наступления, заполняли предмостные укрепления, расположенные далее на север по Висле у Пулавы и Магнушева.

Наблюдатели могли насчитать тысячи машин. И здесь противник уже непосредственно готовился к наступлению. Аналогичные приготовления были замечены в районе севернее Варшавы и в Восточной Пруссии. Там были уже проделаны минные проходы, к линии фронта подтянуты танки.

Группа армий «А» ввела в бой резервы для нанесения контрудара. Они были подтянуты ближе к линии фронта по личному приказу Гитлера, ближе, чем это было предусмотрено приказом генерал-полковника Гарпе. Последствием такого вмешательства явилось то, что резервы ещё до начала контрнаступления были накрыты огнём во время артиллерийской подготовки русских и очень сильно потрепаны. Противнику удалось даже частично окружить эти танковые части. Теперь они отходили на запад, находясь в «блуждающем котле», точнее выражаясь, пробивались с боями назад, проявляя исключительную стойкость при выполнении этой тяжёлой задачи, поддерживая тем самым немеркнущую славу германского солдата. Некоторым пехотным соединениям удалось примкнуть к этому движущемуся котлу, что, однако, не привело к уменьшению темпов продвижения. Но, несмотря на все трудности, эта задача была выполнена благодаря товарищеской взаимопомощи всех попавших в этот котёл.

13 января противник успешно расширял участок прорыва западнее Баранува в направлении Кольце и далее на север. В бой вступили 3-я и 4-я гвардейские танковые армии русских. На этом участке фронта противник сосредоточил тридцать две стрелковые дивизии и восемь танковых корпусов. Это была самая сильная группировка сил и средств за время всей войны на минимально узком участке фронта.

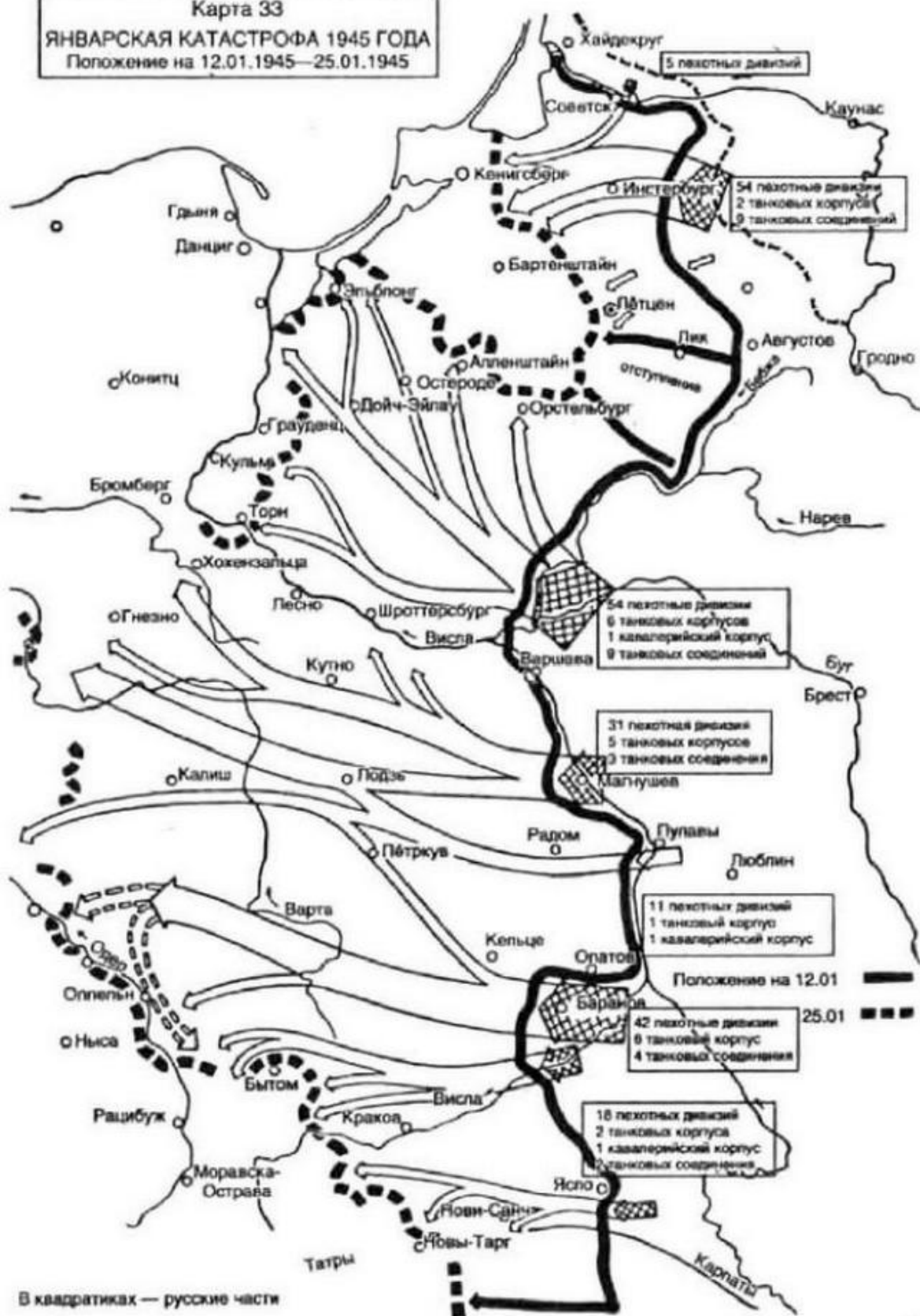
Южнее Вислы, под Ясло, все данные также говорили о том, что и здесь противник скоро перейдёт в наступление. У Пулавы и Магнушева русские закончили все приготовления и уже расчистили минные поля.

В Восточной Пруссии началось ожидаемое крупное наступление на участке Эбенроде, Лазденен. В бой были введены двенадцать-пятнадцать стрелковых дивизий и соответствующее количество

бронетанковых соединений. И здесь противнику удалось вклиниться в нашу оборону.

В этот же день окончательно провалилось наступление Гитлера в Эльзасе.

Карта 33
ЯНВАРСКАЯ КАТАСТРОФА 1945 ГОДА
Положение на 12.01.1945—25.01.1945

14 января план русских стал ясен — пробиться в Верхнесилезский промышленный район. Этот план не был для нас неожиданным. Крупные силы противника продвигались из района Баранува в северо-западном и северном направлениях с целью поддержать соединения, находящиеся на предмостных укреплениях у Пулавы и Магнушева. Правда, германским частям удалось отразить первые удары русских с упомянутых предмостных укреплений, но общая обстановка не позволяла надеяться на возможность удержания этого участка фронта.

Русские готовились к наступлению в районах Роминтеновской пустоши и Голдапа, что говорило о расширении наступления в Восточной Пруссии.

15 января подтвердилось предположение, что противник намеревается нанести главный удар из района Кракова в направлении Ченстохов, Катовице. Крупные силы двигались также на Кельце. Можно было предполагать, что они оттуда будут наступать на Петроков, Томащув, чтобы установить связь с войсками, наступавшими через Пулавы. Последние состояли, по всей вероятности, из двух общевойсковых и одной танковой армий. Удар с предмостного укрепления у Магнушева был, очевидно, направлен на Варшаву.

Южнее Кракова русские начали наступление у Ясло.

На фронте группы армий «Центр» противнику удалось осуществить глубокий прорыв в треугольнике, образованном реками Вислой и Зап. Бугом, а также по обе стороны Остенбурга (Пултуск). Это наступление шло в направлении на Насельск и в западном направлении на Цихенау (Цеханув), Пражниц. Обострялось положение и на предмостных укреплениях русских на Нареве и в Восточной Пруссии.

На фронте группы армий «Юго-восток» была замечена замена 37-й армии русских, стоявшей южнее Дуная, болгарскими войсками. Нужно было считаться с возможностью переброски этих русских сил перед фронтом группы армий и введения их в наступление на другом участке.

Само собой разумеется, что с началом крупного наступления русских я доложил Гитлеру совершенно ясно по телефону и о серьёзном положении на Восточном фронте. Я убедительно просил его прибыть в Берлин и этим хотя бы только внешне перенести центр тяжести наших боевых действий снова на восток. В первые дни он

повторял одно и то же указание, которое дал ещё 9 января: «Восток должен обходиться теми силами, которыми он располагает. Впрочем, теперь вы сами должны признать, что эшелоны с запада так или иначе опоздали бы».

Медленное прохождение донесений и приказов из Цоссена через Цигенберг мешало принятию быстрых, своевременных мер в то время, когда требовалась срочность. 15 января произошло первое вмешательство Гитлера в ход оборонительных боёв на востоке; невзирая на мои возражения, он отдал приказ немедленно перебросить корпус «Великая Германия» из Восточной Пруссии в район Кельце, чтобы предотвратить прорыв в направлении на Познань. Необходимо упомянуть, что эшелоны с боевыми частями этого корпуса уже всё равно не успели бы прибыть вовремя, чтобы остановить наступление русских, но были бы сняты с оборонительных рубежей в Восточной Пруссии в такое время, когда там назревал кризис русского наступления. Их вывод оттуда в настоящее время означал бы, что в Восточной Пруссии начнётся такая же катастрофа, какая произошла на Висле. Эти боеспособные дивизии (речь идёт о мотодивизии «Великая Германия» и о танковой дивизии «Герман Геринг» военно-воздушных сил, находившейся в подчинении танкового корпуса «Великая Германия», которым командовал опытный генерал фон Заукен) находились на железнодорожных станциях, в то время как шли бои, решающие исход войны. Когда я отказался выполнить этот приказ, Гитлер пришёл в ярость. Он не согласился со мной, однако решил, наконец, переехать из гессенского лесного лагеря, — бросив свои батальоны в Вогезах, поближе к решающему фронту, в Берлин. И вот теперь я мог говорить с ним с глазу на глаз о том, о чём давно следовало бы сказать, но невозможно было, ведя переговоры по телефону. Конечно, наша беседа отнюдь не была приятной. Это чувствовал и Гитлер, поэтому он как можно дольше стремился её избежать.

Корпус Заукена должен был выгружаться в районе, находящемся под обстрелом артиллерии русских. После ожесточённых боёв ему удалось соединиться с 24-м танковым корпусом генерала Неринга.

16 января Гитлер появился в Берлине, и в имперской канцелярии, уже частично разрушенной авиацией противника, он разместил свою главную ставку; в этот же день я делал доклад об обстановке.

Наконец, Гитлер принял решение перейти на Западном фронте к обороне и высвободившиеся силы перебросить на восток. Мне сообщили это, казалось, самое радостное, хотя и запоздалое решение, когда я вошёл в приёмную. Я составил план использования резервов, намереваясь перебросить их немедленно к Одеру, а если позволит время, то и через Одер, чтобы ослабить силу наступления противника, вклинившегося в нашу оборону, ударив по его флангам. Но когда я спросил Йодля, какой приказ отдал Гитлер, он ответил мне, что основные силы снятых с Западного фронта войск (6-я танковая армия) отправлены в Венгрию. Я вышел из себя и недвусмысленно выразил Йодлю своё возмущение. Последний только пожал плечами. Я так и не узнал, было ли это решение результатом его влияния на Гитлера. Во время последовавшего затем доклада Гитлеру я выдвинул свои контрпредложения. Гитлер отклонил их, заявив, что решение наступать в Венгрии объясняется стремлением отбросить русских снова за Дунай и снять блокаду с Будапешта. С этого дня ежедневно стало обсуждаться это злосчастное решение. Когда я опроверг выдвинутые Гитлером в обоснование своего решения причины военного характера, он ухватился за мысль, что венгерские нефтяные запасы и нефтеперегонные заводы имеют для нашей промышленности решающее значение, так как противник своими воздушными налётами уничтожил наши химические заводы: «Если у вас не будет горючего, ваши танки не будут двигаться, самолёты не будут летать. С этим-то вы должны согласиться. Но мои генералы ничего не понимают в военной экономике».

Он помешался на этой идее, и никто не мог его переубедить.

Соединения, которые мы получили с Западного фронта, были разделены, таким образом, на две части. Когда я позднее в своих докладах касался этого вопроса, я получал в ответ: «Я уже знаю, что вы хотите сказать: я должен бить, так бить! Но вы должны согласиться...» и т. д., в том же роде. Следует учесть, что переброска войск в Венгрию из-за слабой пропускной способности железных дорог, идущих на юго-восток, требовали значительно больше времени, чем переброска в район Берлина, куда вели двухколейные железные дороги, которые давали возможность маневрировать в случае затруднений, вызываемых непрерывным воздействием противника с воздуха.

Затем мы перешли к другим вопросам. Беседа проходила бурно. Обсуждали положение основной линии обороны и связанные с ней решения, в бессмысленности которых был виноват он сам, что подтверждала стенограмма. Касались вопроса использования резервов, которые, как он считал, слишком далеко находились от линии фронта, а по мнению генералов, после приказа Гитлера — чересчур близко. Затем зашла речь о генерале Гарпе, командные качества которого, на мой взгляд, не вызывали сомнений. Но так как нужно было обязательно найти козла отпущения, Гитлер приказал, несмотря на мои решительные протесты, заменить генерала Гарпе генерал-полковником Шёрнером, недавно вызванным из Прибалтики, где уже нельзя было завоевать лавры. Шёрнер начал с того, что сместил командующего 9-й армией, храброго, умного и честного генерала барона фон Люттвица (Смилу). Во главе 9-й армии был поставлен генерал Буссе. Вскоре у него и с безупречным генералом Заукемом начались такие раздоры, что появилась необходимость немедленной замены последнего. Заукем стал командовать одной из армий. Я позаботился о Гарпе, который через несколько недель снова получил армию на Западном фронте и добился возвращения на должность Балка, ставшего жертвой одной из интриг Гиммлера на западе.

В этот день шли споры и относительно моего требования немедленно, пусть даже с опозданием, покончить с бессмысленными попытками наступления на западе и перебросить все войска, без которых невозможно обойтись на Восточном фронте. Снова — и в который раз! — обсуждался вопрос об эвакуации войск из Прибалтики и опять не пришли ни к какому окончательному решению. Решили вывести оттуда лишь 4-ю танковую дивизию.

Обстановка требовала больше, чем когда-либо, острых и решительных действий. В районе юго-восточнее Сараево югославские партизанские дивизии всё сильнее нажимали на группу армий «Е». В районе между озером Балатон и Дунаем подходили подкрепления противника. Русские усиливали предмостное укрепление на р. Грон. Противник необыкновенно быстро продолжал преследовать отступающие войска группы армий «А». Русские миновали уже линию Сломники, Мехув и, двигаясь на запад, направили часть сил на Краков. Далее к северу они пробивались к линии Ченстохов, Радомско, Петроков, Томашув. Следовало ожидать продолжения наступления на

Литцманштадт (Лодзь), Лович, Сохачев. Сильные резервы русских следовали за частями прорыва; некоторые из них прибыли из Карелии и Финляндии.

Теперь мы видели, как пагубно сказывался на нашем положении выход наших союзников из войны. На участке фронта группы армий «Центр» обстановка стала обостряться. Тридцать-сорок стрелковых дивизий русских вышли на линию Прашнитц (Пшасныш), Цихенау (Цеханув), Пленев (Плоньск); за ними через Белосток, Остров (Остров-Мазовецкий) следовали другие войска. Аналогичная обстановка складывалась на участке роминтеновская пустошь, Лазденен (Краснознаменск) и Гумбиннен (Гусев). Несмотря на поступающие ежедневно роковые вести с фронтов, Гитлер и не собирался перебрасывать войска с Западного фронта в Северную Германию и оставлять Прибалтику.

К 17 января было установлено, что перед фронтом группы армий «А» находятся пятнадцать танковых корпусов русских; это совершенно определённо свидетельствовало о том, что здесь противник наносит главный удар. Кроме того, перед фронтом группы армий «Юг» вели бои восемь танковых корпусов, а перед фронтом группы армий «Центр» — три танковых корпуса. Главные силы русских наступали теперь в западном направлении на рубеж Краков, Ченстохов, Радомско. В районе Кельце русские вели бои с упорно оборонявшимся 24-м танковым корпусом генерала Неринга. Крупными силами противник наступал также на Варшаву; другие его части стремились выйти через Лович, Сохачев к Висле, чтобы отрезать путь через Вислу 46-му танковому корпусу, отступавшему из района Варшавы. Этот корпус, продвигаясь южнее Вислы, должен был предотвратить стремительный прорыв русских через Хоэнзальца (Иновроцлав), Гнезен (Гнезно) на Познань, чтобы не дать противнику возможности отрезать Восточную и Западную Пруссию от рейха. К сожалению, однако, корпус, вопреки неоднократным приказам, отошёл под сильным натиском противника через реку в северном направлении. Лавина наступающих войск, не встречая сопротивления, хлынула по направлению к границе рейха.

На участке фронта группы армий «Центр» увеличились темпы наступления русских в направлении Цихенау (Цеханув), Прашнитц

(Пшасныш). На Нареве пока было спокойно; однако всё говорило о том, что и здесь скоро разразится буря.

К вечеру офицеры оперативного отдела доложили мне о серьёзном положении в районе Варшавы. Они предложили наметить следующий рубеж обороны, исходя из предположения, что Варшава уже находится в руках противника. На мои вопросы полковник фон Бонин, начальник оперативного отдела, ответил, что потеря города, по имеющимся данным, неизбежна, что, может быть, он уже и оставлен нашими войсками. Связь с крепостью города была прервана. Исходя из этого, я согласился с их предложением, разрешив передать моё распоряжение в группу армий, так как нужно было спешить с отдачей приказа. Затем я отправился в Берлин, в имперскую канцелярию, на доклад к Гитлеру. Во время моего доклада фюреру об обстановке и о тех приказах, которые я заготовил для закрепления нашего положения, поступила радиограмма от коменданта крепости Варшавы, в которой указывалось, что город находится ещё в наших руках, но что его придётся оставить в течение последующей ночи. Когда я доложил Гитлеру об этом, он разразился гневом и приказал любой ценой удержать Варшаву. Фюрер распорядился о немедленной отдаче соответствующих приказов, с возмущением отклонив моё возражение, что они придут в Варшаву слишком поздно. Гарнизон Варшавы, который должен был состоять, по моим первоначальным планам, из одной крепостной дивизии, вследствие того, что некоторые части были отправлены на Западный фронт, имел всего лишь четыре крепостных пехотных батальона, обладавших весьма незначительной боеспособностью, и несколько артиллерийских и инженерных подразделений. Если бы комендант выполнил приказ Гитлера, то гарнизон обязательно попал бы в плен к противнику, так как он ни при каких обстоятельствах не смог бы удержать города. Поэтому комендант, хотя и получил приказ фюрера, когда город ещё находился в наших руках, принял решение отступить из Варшавы со своим слабым гарнизоном. Теперь гнев Гитлера не знал никаких границ. Он совершенно утратил интерес к столь опасной для нас общей обстановке и занимался лишь варшавской неудачей, которая в общем ходе событий играла второстепенную роль. В последующие дни, когда я был на докладах у Гитлера, он находился исключительно под впечатлением варшавских событий и требовал наказания работников генерального штаба за их мнимую беспомощность.

18 января немецкие войска снова начали наступление в Венгрии между озером Балатон и лесным горным массивом западнее Будапешта — Баконским лесом с целью прорыва блокады Будапешта. В начале наступления они имели некоторый успех, выйдя к Дунаю. Но в этот же день русские ворвались в истерзанный город, судьба которого была теперь решена. Если бы войска, действовавшие в Венгрии, направили на борьбу с противником в Польше или в Восточной Пруссии, они принесли бы гораздо больше пользы. Но это противоречило планам Гитлера. В Польше русские вели бои в районе Ченстохов, Радомско, Петроков, Литцманштадт (Лодзь) и Кутно. Слабые силы противника двигались к нашему переднему укреплению на Висле. Севернее Вислы противник наступал на Леслау (Влоцлавск), Зольдау (Дзялдово) и продвигался в направлении Ортельсбурга (Щитно), Нейденбурга (Ниборк). На наревском участке фронта увеличилось количество признаков, указывающих на то, что здесь должно, вскоре начаться крупное наступление противника. Гитлер, как всегда, не разрешил отступать войскам этого изолированного участка фронта, хотя севернее противник уже овладел районом западнее Лазденен (Краснознаменск) и продвинулся до р. Инстер.

Обсуждение обстановки этого дня свелось к разбору варшавской проблемы, ставшей основным звеном событий. Во время доклада, который я делал во второй половине дня, — Гитлер приказал, чтобы офицеры генерального штаба, отвечающие за составление донесений и приказов, касающихся этого участка фронта, были готовы к допросу. Я заявил, что за события вчерашнего дня несу ответственность только один я и что поэтому арестовывать и допрашивать нужно меня, а не моих подчинённых. Фюрер ответил: «Нет. Я хочу покарать не вас, а генеральный штаб. Я терпеть не могу, когда группа интеллигентов осмеливается внушать свои взгляды своим начальникам. Это является системой в работе генерального штаба, и я хочу покончить с ней!» По этому вопросу мы имели бурную продолжительную беседу; каждый открыто выражал своё мнение, ибо она велась с глазу на глаз. Беседа прошла безуспешно.

Ночью, на «вечерний доклад», я послал генерала Венка, дав ему поручение обратить внимание Гитлера на ту несправедливость, которую фюрер намеревался совершить, и доложить ему, что я готов к

тому, чтобы меня арестовали, но только чтобы Гитлер не трогал моих подчинённых. Венк выполнил это поручение. Но в ту же ночь были арестованы полковник фон Бонин и подполковники фон дем Кнезебек и фон Кристен. Генерал Мейзель из управления личного состава сухопутных войск выполнял свои обязанности под охраной автоматчиков. Об этом мне ничего не сообщили, и я, к сожалению, не мог вмешаться. На следующее утро меня поставили уже перед свершившимся фактом. Я попросил Гитлера принять меня с конфиденциальным докладом. На приёме я заявил ему в самой резкой форме, насколько это позволяло моё служебное положение, протест против ареста моих совершенно невинных сотрудников штаба.

Я заявил, что этот арест, кроме всего прочего, парализует работу важных отделов главного командования в самый критический момент войны. Совершенно не имеющие опыта в штабной работе молодые офицеры должны были, быстро заменив старых офицеров, разрабатывать наитруднейшие решения и сложнейшие приказы, какие вообще когда-либо отдавались германским войскам. Я потребовал проведения должного расследования моей деятельности, и оно было назначено. Продолжительные допросы, проводившиеся уже известными господами Кальтенбруннером и Мюллером, отнимали в эти роковые для нашей страны дни много времени, энергии и нервов, тогда как на Восточном фронте шли смертельные бои за территорию родины и за жизнь её граждан. Допрос, проводившийся Кальтенбруннером, закончился тем, что спустя несколько недель Кнезебек и Кристен были освобождены из заключения. Бонин остался под арестом. Однако было запрещено использовать их на работе в генеральном штабе, и они уехали на фронт командирами полков. На третий день боевой деятельности на фронте погиб на своём командном пункте храбрый, умный и всеми любимый Кнезебек. До этого он не раз пытался заступиться за своего друга и начальника Бонина. Кристен остался, к счастью, в живых. Бонина же без всяких оснований таскали из одного концентрационного лагеря в другой до тех пор, пока он, наконец, во время общей катастрофы рейха не сменил гитлеровскую тюрьму на американскую. В заключении мы снова встретились.

Итак, в то время, когда гнев и страдания, причинённые мне позором 19 января, терзали мою душу и я бесцельно проводил время на допросах у Кальтенбруннера и Мюллера, сражение на востоке

продолжалось с неутомимым ожесточением. В Венгрии русские быстро сосредоточили моторизованные и бронетанковые силы для контрудара по нашим частям, проводившим наступление с целью прорыва блокады Будапешта. «Такими силами немцам ничего не удастся сделать. Они натолкнутся на крупные силы всех родов войск, на стену пехоты», — так заявляли русские в своих радиопередачах. Следовательно, мы должны были рассчитывать на сильное сопротивление. Севернее Карпат русские продолжали наступать в направлении на Бреслау (Бреславль) и на Верхнесилезский промышленный район. Слабость нашей обороны позволяла здесь развиваться событиям очень быстро. Далее на север противник наступал в направлении Калиша, Познани, Бромберга (Быдгощ). Город Литцманштадт (Лодзь) перешёл в руки русских. Они почти не встречали здесь сопротивления. Только «блуждающие котлы» 24-го танкового корпуса и танкового корпуса «Великая Германия» вели, продвигаясь на запад, ожесточённые бои, подбирая на своём славном пути многочисленные мелкие части и подразделения. Генералы Неринг и фон Зауцен добились в эти дни крупнейших военных достижений, достойных того, чтобы их особо описал новый Ксенофон.

Из района Милау (Млава), Зольдау (Дзялдово) русские начали наступление в направлении на Дейч-Эйлау (Илава). Южнее этого города они нанесли удар по Торну (Торунь) и Грауденцу (Грудзендз). К северо-востоку от этой линии противник продвигался к Нейденбургу (Ниборк) и Вилленбергу (Вельбарк). Южнее Мемеля (Клайпеда) назревал новый кризис. Перед участком фронта группы армий «Север», в Прибалтике, русские совершали какие-то передвижения, цель которых была непонятна. Ясно было одно, что наши силы в Прибалтике не могли быть использованы для отражения удара, что сковывание сил противника там не могло уравновесить наши потери на главных фронтах. Не проходило ни одного доклада, на котором бы я не убеждал Гитлера разрешить, наконец, срочную эвакуацию группы армий «Север», но, к сожалению, всё было безрезультатно.

20 января противник вступил на территорию Германии. Встал вопрос о жизни или смерти нашей страны. Ранним утром я узнал, что русские достигли имперской границы восточнее Хоэнзальца (Иновроцлав). Моя жена за полчаса до разрыва первых снарядов в Дейпенгофе (округ Варта) покинула этот город. Она должна была

оставаться там до этого времени, чтобы не дать повода населению к бегству из города. Она находилась под наблюдением трусливых партийных органов. Всё, что уцелело от моего дома после бомбардировки в Берлине в сентябре 1943 г., было брошено. Мы стали изгнанниками, как и миллионы других немцев, и мы гордимся тем, что разделили их судьбу. Мы сумеем её перенести. При прощании с Дейпенгофом вокруг автомашины собралось много служащих имения: все плакали, и многие желали уехать вместе с женой, которая снискала уважение у населения. Ей тоже тяжело было расставаться! 21 января она прибыла в Цоссен. Так как она не могла найти себе подходящей квартиры, то стала жить у меня, разделяя с этого дня вместе со мной мой тяжкий жребий и являясь моей поддержкой и опорой.

20 января западнее Будапешта бои продолжались на прежних рубежах. Вереш, начальник генерального штаба Венгрии, находился у русских. В Силезии противник перешёл границу и начал быстро продвигаться к Бреслау (Бреславль). В направлении Познани, как уже указывалось, русские тоже перешли границу. Севернее Вислы крупные силы противника наносили удары по нашим войскам на рубеже Торн (Торунь), Грауденц (Грудзендз). За первым эшелоном войск противника на направлении главного удара шли крупные резервы, как это было у нас во время кампании во Франции в 1940 г.; с тех пор мы уже никогда не располагали такими резервами. Южнее Мемеля (Клайпеда) противник подходил к рубежу Велау (Знаменск), Лабиау (Полесск), продвигаясь в общем направлении на Кёнигсберг (Калининград). Группа армий «Центр» подвергалась опасности быть охваченной двойными гигантскими клещами: с одной стороны противник продвигался в направлении Кёнигсберга (Калининграда) с юга, с другой, наступая вдоль р. Неман, он приближался к столице Восточной Пруссии с востока. На Нареве, на участке фронта 4-й армии, русские в ожидании верного успеха отказались от прорывов.

21 января характеризовалось охватывающим манёвром в направлении Верхнесилезского промышленного района, наступлением на рубеж Намеслау, Ноймиттельвальде, боями за Петроков, наступлением в направлении Гнезен (Гнезно), Познань и Бромберг (Быдгощ), Торн (Торунь), наступлением частью сил на Шнейдемюль (Пила), Ризенбург (Прабуты) и Алленштайн (Олыптын). Гитлер вторично отклонил настойчивые просьбы Рейнгардта об отводе 4-й

армии с наревской дуги. Рейнгардт по совершенно понятной причине выходил из себя; в таком же настроении был и командующий 4-й армией генерал Госбах. Последний перед лицом надвигающегося охвата принял 22 января отчаянное решение. Он приказал своей армии повернуть назад и наступать в западном направлении, чтобы пробиться в Западную Пруссию и выйти на Вислу. Там он хотел соединиться с 2-й армией генерал-полковника Вейсса.

О своём решении Госбах прислал донесение в группу армий только 23 января, т. е. уже начав выполнять принятое решение. Главное командование сухопутных войск и Гитлер об этом вообще ничего не знали. Нам это стало известно, когда без боя была сдана крепость Лётцен (Лучаны), самая сильная цитадель Восточной Пруссии. Неудивительно, что чудовищное сообщение о потере сильно оснащённой техникой и людьми крепости, сооружённой с учётом последних инженерных достижений, было подобно разрыву бомбы, и Гитлер вышел из себя. Это произошло 24 января. Так как русские одновременно прорвались севернее Мазурского канала и стали мешать отступательному манёвру Госбаха, поставив под угрозу его северный фланг, движение армии проходило беспорядочно. 26 января Гитлер узнал, что на участке фронта группы армий «Центр» произошла «история» без его разрешения, хуже того, он даже ничего не знал о ней. Гитлер решил, что его обманули. С невероятной яростью он набросился на Рейнгардта и Госбаха: «Они оба заодно с Зейдлицем! Это предательство! Их следует предать суду военного трибунала! Немедленно сместить обоих с должности вместе с их штабами, ибо они-то об этом знали и ни один не прислал донесения!» Я пытался успокоить возбуждённого и совершенно потерявшего самообладание человека: «За генерал-полковника Рейнгардта я ручаюсь. Он сам лично неоднократно сообщал вам о положении его группы армий. Что касается Госбаха, то я тоже считаю немыслимым, чтобы он поддерживал связь с противником. Это исключено». Но в этот вечер каждое слова оправдания или объяснения только подливало масла в огонь. Буря утихла только тогда, когда Гитлер с Бургдорфом назначили новых командующих. Группу армий принял генерал-полковник Рендулич, недавно заменивший в Прибалтике Шёрнера, австриец, умный и начитанный, находчивый в обращении с Гитлером. Гитлер оказывал ему такое большое доверие, что возложил на него

безнадёжную задачу обороны Восточной Пруссии. Преемником Госбаха стал генерал Фридрих Вильгельм Мюллер, опытный фронтовик, но никогда не командовавший таким крупным объединением.

Сам Рейнгардт 25 января был тяжело ранен в голову. 29 января мы снова встретились и обсудили некоторые события. Тогда я не имел ещё ясного представления о тактике Госбаха.

В то время как в Восточной Пруссии происходили грозные события, совершенно расстроившие там шаткую систему обороны и ещё больше усилившие уже и без того ставшее безграничным недоверие Гитлера к генералитету, на других участках Восточного фронта тоже продолжались тяжёлые отступательные бои.

Под Будапештом немецким войскам, правда, удалось снова захватить Штульвейсенбург (Секешфехервар), но мы знали, что у нас не хватит сил для достижения решительного успеха, к сожалению, и русские тоже знали об этом. В Верхней Силезии противник наступал на Тарновец. Он продвигался к рубежу Козель (Кожле), Оппельн (Ополе), Бриг (Бжег) с целью нарушить коммуникации, ведущие к этому промышленному району, и захватить переправы через р. Одер. Крупные силы противника продвигались по направлению к Бреслау (Бреславль) и к Одери на участке между этим городом и Глогау (Глогув). На познаньском направлении противник достиг дальнейших успехов, в Восточной Пруссии продолжалась охватывающая операция с целью изоляции этой провинции. Русские направляли главный удар на Дейч-Эйлау (Илава), Алленштайн (Олыптын) и далее на Кёнигсберг (Калининград). В Прибалтике пока было спокойно.

23 января начались бои под Прайскретшамом (Пысковиче) и Гросштрелитцем (Стшельце). Противник явно намеревался форсировать Одер между городами Оппельн (Ополе) и Олау (Олава). Русские начали атаковать Остров, Кротошин, их танки появились под Равичем. Противник овладел районом Гнезен (Гнезно), Познань, Накель (Накло). Велись бои за Познань. В Восточной Пруссии русские продолжали продвигаться в направлении Бартенштейн (Бартошице). Рейнгардт приказал укрыть в безопасное место саркофаги Гинденбурга и его супруги и взорвать Танненбергский памятник.

В Прибалтике русские начали наступление на Либаву (Лиепая).

В этот же день, 23 января, мне представился новый связной от министерства иностранных дел, посланник доктор Пауль Барандон. Его предшественник, несмотря на мои неоднократные требования, так ни разу и не появлялся у меня с момента моего вступления в должность, т. е. с июля 1944 г. Он, очевидно, считал, что министерство иностранных дел не нуждается в том, чтобы его ориентировали в обстановке на фронтах. Господин доктор Барандон получил от меня неприкрашенную информацию и оценку тяжёлого положения на фронтах. Мы совместно обсудили вопросы, касавшиеся возможностей оказания помощи со стороны министерства иностранных дел, время для которой, по нашему общему мнению, уже наступило. Мы хотели добиться, чтобы дипломатические отношения с теми немногими государствами, с которыми они поддерживались нашим министерством иностранных дел, были использованы для заключения хотя бы одностороннего перемирия. Мы надеялись на то, что западные противники, вероятно, поймут опасность, которая связана с быстрым продвижением русских к границам Германии, с их возможным продвижением через её территорию, и склонятся к заключению перемирия или хотя бы к безмолвному соглашению, которое позволило бы ценой уступки западных районов использовать все остатки наших сил для обороны на Восточном фронте. Разумеется, это была весьма слабая надежда. Но ведь утопающий хватается за соломинку. Мы хотели всё-таки попытаться предотвратить ненужное кровопролитие, спасти Германию, а также всю Западную Европу от того, что их ожидало в случае неудачи нашей попытки.

Итак, мы договорились, что господин доктор Барандон добьётся, чтобы министр иностранных дел фон Риббентроп принял меня для конфиденциальной беседы. Я хотел обрисовать этому первому политическому советнику фюрера наше положение так же откровенно и ясно, как я это сделал в беседе с Барандоном, чтобы потом вместе с ним договориться с Гитлером об использовании всех наших дипломатических средств, которыми ещё располагал искусственно изолированный рейх. То, что эти средства отнюдь не были многочисленными и эффективными, нам было известно, но это, по нашему убеждению, не снимало с нас обязанностей испробовать всё, что могло привести к окончанию войны. Доктор Барандон тотчас же

направился к господину фон Риббентропу и договорился с ним о дне встречи. Беседа была назначена на 25 января.

Катастрофа на фронтах надвигалась с быстротой лавины. В Венгрии были заметны приготовления к контрнаступлению русских в районе нашего прорыва. В Силезии противник продвинулся до Глейвитца (Гливице). Между Козелем (Кожле) и Бригом (Бжег), а также между Дюхернфуртом (Бжег-Дольны) и Глогау (Глогув) он явно готовился к форсированию Одера. По Бреслау (Бреславль) наносились фронтальные удары, но крепость пока держалась, так же как Глогау (Глогув) и Познань. В Восточной Пруссии русские стремились осуществить прорыв к Эльбину (Эльблонг).

25 января приготовления русских к контрнаступлению южнее озера Веленце стали ещё более очевидными. Явно были заметны приготовления противника также и к наступлению на рубеже Лева, Иполызак, Блауенштейн перед фронтом 8-й армии генерала Крейзинга, ведшего бои севернее Дуная. В Верхней Силезии продолжались приготовления к наступлению на промышленный район. Противник развёртывал свои войска на восточном берегу Одера. После окружения Познани русские, не задерживаясь у этой крепости, начали наступать на дугу Одер, Варта, защищённую Зененскими укреплениями; эти укрепления весьма тщательно сооружались ещё в мирное время, но теперь они представляли собой всего лишь скелет укрепленного района, так как были сильно ослаблены в техническом отношении в пользу Атлантического вала. На участке Шнейдемюль (Пила), Бромберг (Быдгощ) русские сосредоточивали крупные силы, чтобы, продвинувшись западнее Вислы в северном направлении, атаковать с тыла наши оборонительные позиции, расположенные вдоль реки.

Для предотвращения этой угрозы я предложил Гитлеру создать новую группу армий в районе между бывшей группой армий «А», которая с 25 января стала называться «Центром», и бывшей группой армий «Центр», которая называлась теперь «Севером». Эта группа армий в этом районе должна была заново организовать оборону и приостановить наступление противника. Чтобы выбрать командующего и штаб для этой группы армий, которая будет действовать на весьма опасном участке фронта, я связался с генерал-полковником Йодлем из

штаба оперативного руководства вооружёнными силами. Я предложил ему выбрать один из штабов групп армий, находившихся на Балканах, а именно — штаб фельдмаршала барона фон Вейхса. Я хорошо знал генерала фон Вейхса и особенно высоко ценил его характер и военные способности. Он был умным, честным и храбрым солдатом, т. е. по своим данным больше других был способен спасти тяжёлое положение, если это ещё было вообще возможно. Йодль обещал поддержать меня во время доклада Гитлеру. Казалось, что мне удастся осуществить свой план. Когда же 24 января я внёс на рассмотрение Гитлера своё предложение, последний ответил: «Фельдмаршал фон Вейхс производит на меня впечатление усталого человека. Я не верю, что он может справиться с этой задачей». Упорно защищая своё предложение, я сказал, что Йодль тоже придерживается моего мнения. Но тут меня постигло большое разочарование, так как Йодль, к сожалению, неудачно упомянул о глубокой религиозности фельдмаршала, а это явилось причиной того, что Гитлер бесцеремонно отклонил моё предложение и вместо Вейхса назначил Гиммлера. Эта явная ошибка фюрера привела меня в ужас. Я использовал всё своё красноречие, чтобы оградить злосчастный Восточный фронт от этой бессмыслицы. Но всё было напрасно. Гитлер утверждал, что Гиммлер очень хорошо справился со своей задачей на Верхнем Рейне. Имея под рукой армию резерва, он быстро сможет её использовать. Поэтому он лучше всех обеспечит новый фронт как солдатами, так и техникой. Попытка хотя бы передать хорошо сработавшийся штаб Вейхса рейхсфюреру СС тоже провалилась. Гитлер приказал, чтобы Гиммлер сам подбирал себе штаб. Начальником штаба он назначил brave бригаденфюрера СС Ламмердинга, который до этого времени командовал танковой дивизией СС. Этот человек не имел никакого представления о тяжести штабной работы в формируемой группе армий. Та скромная поддержка, которую я смог оказать этому новому штабу, прикомандировав к нему офицеров генерального штаба, не могла полностью компенсировать крупных недостатков в работе как командующего, так и его начальника штаба. Гиммлер собрал вокруг себя ряд офицеров СС, большинство из которых не было подготовлено к выполнению своей задачи. Только после весьма горьких и пагубных для общего дела уроков честолюбивый Гиммлер стал более сговорчивым.

25 января я встретился с министром иностранных дел империи в его новом роскошном кабинете на Вильгельмштрассе. Здесь господин фон Риббентроп узнал горькую правду. Он, видимо, не считал обстановку настолько серьёзной и, когда я подробно ему обо всём рассказал, был сильно потрясён и спросил у меня, соответствует ли истине всё то, что я ему сообщил. «Генеральный штаб начинает, кажется, нервничать», — сказал он. Да, действительно, нужно было иметь сверхчеловеческие нервы, чтобы сохранять при таких напряжённых усилиях спокойствие и рассудок! Сделав обстоятельное сообщение об обстановке на фронтах, я спросил у «руководителя Германии по внешнеполитическим вопросам», готов ли он пойти вместе со мной к Гитлеру, чтобы предложить ему действовать в направлении заключения хотя бы одностороннего перемирия. По моему мнению, речь должна идти в первую очередь о западных державах. Господин фон Риббентроп ответил буквально следующее: «Нет, этого я сделать не могу. Я являюсь верным последователем фюрера. Я знаю совершенно точно, что фюрер не захочет вести никаких дипломатических переговоров с противником, и поэтому не могу доложить ему о вашем предложении».

Я спросил его: «Что вы скажете, если русские через три-четыре недели будут стоять под Берлином?» Не скрывая своего ужаса, господин фон Риббентроп воскликнул: «Вы считаете это возможным?» Когда я заверил его, что это не только возможно, но при нашем теперешнем положении совершенно очевидно, он на некоторое время потерял присутствие духа. Я снова поставил перед фон Риббентропом вопрос, пойдёт ли он со мной к Гитлеру или нет, но министр не смог дать положительного ответа. Единственными словами, которые он произнёс при прощании со мной, были: «Всё остаётся между нами, не правда ли?» Я дал обещание.

Вечером я пришёл к Гитлеру докладывать «обстановку». Он был очень возбуждён. Я, видимо, немного опоздал, потому что при входе в зал услышал его громкий возбуждённый голос. Он требовал неукоснительного выполнения своего «основополагающего приказа № 1», согласно которому никто из работающих с ним не имеет права делать какие-либо сообщения посторонним лицам, если это непосредственно не связано со служебной деятельностью данных лиц. Увидев меня, Гитлер повысил голос: «Таким образом, если начальник

генерального штаба посещает министра иностранных дел рейха и информирует его об обстановке на Восточном фронте, доказывая необходимость заключения перемирия с западными державами, он совершает тем самым государственное преступление!» Теперь я узнал, что господин фон Риббентроп не молчал. Тем лучше! Теперь Гитлер, по крайней мере, был в курсе дела. Но он отказался от всякого делового обсуждения моего предложения. Гитлер продолжал бесноваться ещё некоторое время, пока не заметил, что всё это не производит на меня никакого впечатления. Только находясь в заключении, я узнал из достоверного источника, что министр иностранных дел рейха в тот же день послал докладную записку Гитлеру о нашей беседе. Правда, моя фамилия в ней не была названа, но всё было ясно и без этого.

Попытка начать при содействии министерства иностранных дел хотя бы односторонние переговоры о заключении перемирия провалилась. Конечно, мне могут возразить, что вряд ли удалось бы в то время склонить западные державы к ведению таких переговоров, так как они взяли на себя официальные обязательства перед русскими вести по германскому вопросу только совместные переговоры. Но, несмотря на всё это, я всё же считал, что не следует отказываться от попытки побудить Гитлера совершить этот шаг. Хотя господин фон Риббентроп и отклонил моё предложение, я решил не сдаваться и попробовать выполнить свой план, идя другим путём. С этой целью я посетил в первую неделю февраля одного из виднейших деятелей рейха в надежде найти взаимопонимание и поддержку. Но на моё предложение этот человек буквально повторил ответ министра иностранных дел. О третьей попытке, предпринятой мною в этом же направлении в марте, я буду говорить ниже.

К 27 января наступление русских достигло невиданных темпов. Всё быстрее и быстрее приближался день катастрофы. Юго-западнее Будапешта русские перешли в контрнаступление. Остатки немецкого гарнизона в венгерской столице вели ожесточённые бои. Обстановка в Верхнесилезском промышленном районе стала ещё напряжённее. Значительными силами русские начали наступление в направлении Моравских ворот — на Моравска Острава, Тешинь (Цешин). Особенно опасной складывалась обстановка в районе Варта и в Восточной Пруссии. Познань была окружена; противник уже захватил один форт. Русские продвигались в направлении Шенланке (Тшцянка), Шлоппе

(Члопа), Шнейдемюль (Пила), Уш. Они овладели Накелем (Накло) и Бромбергом (Быдгощ). Западнее Вислы продолжались атаки на Швец (Свече). У Меве (Гнев), наступая в западном направлении, противник форсировал Вислу. В Мариенбурге (Мальборк) шли бои за великолепную старинную крепость Орденобург. Гиммлер перевёл свой штаб из Орденобурга в Крессинзее. Оттуда, не спросив разрешения у главного командования сухопутных войск, он отдал приказ об оставлении Торна (Торунь), Кульма (Хелмно) и Мариенвердера (Квидзинь). И на это Гитлер ответил молчанием! Такое самоуправство Гиммлера повело к потере оборонительного рубежа на Висле. Теперь противник в течение нескольких дней мог отрезать от фронта армию, находившуюся восточнее реки.

В Восточной Пруссии шли бои за Фрауенбург (Франборк), Эльбинг (Эльблонг). Севернее Кёнигсберга (Калининград) — непрерывные атаки. Кризис на Земландском полуострове. В Прибалтике оборонительные бои шли успешно, но особой радости они уже не могли вызвать.

В этот день я отдал распоряжение о переброске призывников 1928 г. рождения из восточных военных округов в западные, чтобы избежать использования этих необученных юнцов в бою. К счастью, мне удалось это осуществить. Ещё осенью 1944 г. я как в письменной, так и в устной форме заявлял протесты против использования в боях молодёжи шестнадцатилетнего возраста.

В штабе Гиммлера уже давала себя знать плохо организованная работа; не работала связь. Об этом печальном положении я доложил Гитлеру. Но он не обратил никакого внимания на моё замечание, так как в это время начальник управления личного состава сухопутных войск информировал его о тех мерах, которые принимались по отношению к строптивым элементам королями Фридрихом Вильгельмом I и Фридрихом Великим. Генерал Бургдорф обратился к истории и привёл несколько красочных примеров из судопроизводства, которое осуществлялось 200 лет тому назад. Выслушав, Гитлер сказал с глубоким удовлетворением: «Если обо мне думают, что я слишком жесток, то было бы хорошо, если бы все эти благородные люди прочли это!» Он, во всяком случае, признавал свою жестокость, но пытался оправдать её историческими примерами. Обсуждение нашего тяжёлого положения отошло в связи с этим на задний план. В тот же день

началась переброска 6-й танковой армии на Восточный фронт. Как уже упоминалось, Гитлер, вернувшись в Берлин, приказал перейти на Западном фронте к обороне. Одновременно он разработал собственный план использования на Восточном фронте всех прибывающих с запада войск. Я предложил Гитлеру перебросить все силы в район восточнее Берлина, разделить их на две группировки и сосредоточить в районе Глогау (Глогув), Коттбус и в Померании к востоку от Одера. Это позволило бы контратаковать глубоко вклинившиеся в систему нашей обороны передовые части противника и разбить их, пока они ещё слабы и пока держатся наши восточные оборонительные укрепления, мешающие противнику наладить подвоз боеприпасов и продовольствия на этот участок фронта. Однако Гитлер настаивал на своём плане — использовать главные силы этих частей не для обороны Германии, в частности столицы, а для наступления в Венгрии. Йодль рассчитывал перебросить туда первый корпус в течение двух недель. Однако потребовалось несколько недель, пока развёртывание смогло быть полностью закончено. До начала марта нечего было и думать о наступлении. А что же будет в это время под Берлином?

Противник уже захватил большую часть промышленного района Верхней Силезии. Было ясно, что мы можем продержаться теперь лишь несколько месяцев. На важность этого единственного пока ещё не пострадавшего от бомбардировок промышленного района Шпеер указывал Гитлеру в своей докладной записке ещё в декабре, после разрушения противником заводов Рурской области. Но его оборона была оставлена без внимания в пользу Западного фронта. Теперь и этот источник нашей силы исчез. Шпеер составил новую докладную записку, которая начиналась безжалостным предложением: «Война проиграна». Прежде чем передать её Гитлеру, он дал прочесть её мне. С её содержанием пришлось, к сожалению, согласиться. Гитлер, прочтя первое предложение этой докладной записки, запер её в свой сейф вместе с другими бумагами такого же содержания.

В эти мрачные дни я был свидетелем того, как однажды ночью после моего доклада о положении на фронтах Шпеер лично пытался попасть на беседу к фюреру. Гитлер отказался его принять: «Он снова будет мне говорить, что война уже проиграна и что я должен кончать её». Шпеер не хотел уступать и снова послал адъютанта со своей докладной запиской к Гитлеру. Гитлер приказал молодому офицеру-

эсэсовцу: «Положите эту бумажку в мой сейф». Обернувшись ко мне, он сказал: «Теперь вы понимаете, почему я не хочу никого принимать для беседы с глазу на глаз. Тот, кто хочет говорить со мной с глазу на глаз, всегда намеревается сказать мне что-нибудь неприятное. Этого я не могу переносить».

28 января противнику удалось создать под Любеном предмостное укрепление на Одере. Мы ожидали продолжения его наступления на Заган (Жегань). Далее на север, из района Крейц (Кшиж), Шнейдемюль (Пила), русские стремились продвинуться в западном направлении к Одеру между Франкфуртом и Штеттином (Щецин), по всей вероятности, для того, чтобы создать себе условия для последующего удара по Берлину. Видя нашу слабость, маршал Жуков начал действовать ещё решительнее. Удар по одерским оборонительным рубежам был нанесён 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями, 8-й гвардейской, 5-й ударной и 61-й армиями. Кроме того, у противника оставались ещё достаточные силы для наступления из района Накель (Накло), Бромберг (Быдгощ) в северном направлении, в тыл нашим частям, оборонявшимся на рубеже Вислы. В Восточной Пруссии русские продвигались вдоль побережья залива Фриш-гаф (Вислинский залив) в северо-восточном направлении, чтобы захватить морские коммуникации группы армий «Север» и полностью окружить её. Далее на восток противник постепенно окружал Кёнигсберг (Калининград).

Во время обсуждения обстановки ночью 29 января мы коснулись вопроса, который неоднократно ставился Гитлером, о разжаловании офицеров, которые, по его мнению, не выполнили своего долга. Многие опытные фронтовики были понижены в чине без проведения какого-либо расследования на одну, а то сразу и на несколько ступеней. Я был свидетелем такого случая с одним командиром тяжёлого противотанкового дивизиона. Он был семь раз ранен на фронте, о чём свидетельствовал его золотой значок за ранение, и едва успел поправиться после последнего тяжёлого ранения, как снова поехал на фронт. Его дивизион погрузили в эшелон и повезли вдоль всего Западного фронта. Дивизион двигался часто обходными путями и неоднократно подвергался бомбардировке авиации противника. Вследствие этого эшелон был разорван на части, а дивизион был введён в бой рассредоточенно. Гитлер приказал разжаловать в оберлейтенанты командира дивизиона, которому совсем недавно за

проявленную храбрость присвоили звание подполковника. Присутствовавший при этом мой начальник штаба инспекции Томале решительно протестовал вместе со мной против этого приказа. Один высокопоставленный господин, который в течение всей войны ни разу не был на фронте, сухо заметил: «Золотой знак о ранении совершенно ни о чём не говорит». Наш протест успеха не имел. В тот же день я поставил на обсуждение дело моего бывшего начальника службы тыла во время кампании в России в 1941 г., старого офицера, подполковника резерва Гекеля, которого по доносу из Линца (он был оттуда родом) направили простым солдатом в миномётный батальон, где он должен был служить подносчиком мин.

В нюрнбергских актах я нашёл выдержки из моего доклада, который был в своё время застенографирован; так как этот доклад представляет собой единственный уцелевший документ, я хотел бы привести из него некоторые выдержки: «В упомянутом миномётном батальоне служит один подполковник, который был у меня начальником службы тыла в Польше, Франции и России; он был в своё время награждён и лично получил от меня железный крест I класса. Какой-то земляк донёс на подполковника о подозрительных высказываниях последнего ещё до аншлюсса, чего на самом деле никогда не было. Подполковник был отстранён от должности и послан в Вильдфлектен в миномётный батальон, в котором этот исключительно старательный, совершенно безупречный в работе офицер служил подносчиком мин; он написал мне несколько писем, прямо-таки ужасающих по своему содержанию. В них говорится: „Меня оклеветали. Не было проведено никакого беспристрастного расследования или проверки. Поверили пройдохе, который донёс на меня, теперь я не знаю, как мне быть, что делать“. Мне кажется, он ещё не реабилитирован».

И здесь я не добился удовлетворительного успеха. Я процитировал эти выдержки из стенограммы, чтобы показать, каким тоном приходилось говорить, чтобы хотя бы немного подействовать на безучастные ко всему головы из главной ставки фюрера. Я часто заступался за таких несчастных, которые по каким-либо причинам, иногда совершенно смехотворным, вступали в конфликт с партийными органами и вдруг совершенно неожиданно оказывались в концентрационных лагерях или в штрафных частях. К сожалению,

подобные случаи редко становились известными. Кроме того, сильная перегруженность работой, а также волнения и заботы того времени часто не давали никакой возможности думать об оказании помощи другим.

Ведь сутки и в то время тоже имели только 24 часа. Мне приходилось два раза в сутки ездить к фюреру, что при напряжённой обстановке было почти правилом, — два раза из Цоссена в Берлин, в имперскую канцелярию, и обратно, т. е. четыре раза по 45 мин., а всего три часа. Доклады у Гитлера продолжались два, а большей частью три часа, итого шесть часов. Таким образом, на одни только доклады об обстановке на фронтах я затрачивал по восемь — девять часов, отнюдь не занимаясь при этом какой-либо полезной работой. Занимались одними разговорами, переливали из пустого в порожнее. Кроме того, Гитлер после совершённого на него покушения требовал, чтобы я присутствовал также на докладах штаба оперативного руководства вооружёнными силами и на докладах представителей родов войск вермахта. В условиях нормальной обстановки это желание фюрера было, пожалуй, законным. Мой предшественник в последние дни своей деятельности очень часто, сделав первым доклад, немедленно покидал ставку. Это очень не понравилось Гитлеру, и он приказал мне присутствовать на других докладах.

В то время я был сильно перегружен работой, так что слушать несколько часов подряд заурядные речи, например, представителей почти парализованных военно-воздушных и военно-морских сил, было очень мучительно и морально и физически. Склонность Гитлера к произнесению длинных монологов не уменьшилась даже в связи с ухудшением военного положения нашей страны, скорее наоборот. В бесконечно длинных речах он пытался объяснить себе и другим причины наших военных неудач, при этом всю вину за эти неудачи он сваливал на других людей или объяснял стечением обстоятельств, никогда не считая себя в чём-либо виновным. В те дни, в которые мне приходилось ездить на доклад к фюреру два раза в сутки, я возвращался в Цоссен только утром. Нередко мне только к 6 часам утра удавалось ненадолго прилечь. В 8 час. на доклад приходили офицеры генерального штаба сухопутных войск с утренними сводками групп армий. Доклады продолжались, с перерывами для принятия пищи, до

тех пор, пока мне не сообщали, что готова машина для поездки в имперскую канцелярию.

Очень часто моё пребывание в Берлине затягивалось из-за воздушных тревог, во время которых Гитлер начинал проявлять заботу о моей жизни и запрещал выезд из города. Поэтому очень часто на вечерний доклад к фюреру я посылал своего первого помощника генерала Венка, чтобы иметь возможность спокойно обдумать обстановку или заняться делами, накопившимися в Цоссене. Часто я своей неявкой выражал Гитлеру протест против его выпадов, которые он нередко делал во время бурных вспышек гнева против офицерского корпуса или же против всех сухопутных войск. Конечно, он догадывался, в чём дело, и несколько дней держал себя в руках; но это продолжалось недолго.

30 января русские начали крупное наступление в Венгрии, на участке фронта 2-й танковой армии, южнее озера Балатон. На Одере русские подтянули свои силы в район Олау (Олава), видимо, для расширения там предмостного укрепления. На предмостном укреплении под Любеном было также отмечено прибытие новых подкреплений. Южнее р. Варта противнику удалось осуществить прорыв оперативного значения. Севернее р. Варта русские, наступая в западном направлении, овладели районом Золдин (Мыслибуж), Арнсвальде (Хошно), угрожая Штеттину (Щецин). Атаки противника южнее Браунсберга (Бранево), под Вормдиттом (Ориета), севернее Алленштайна (Олыптын) и южнее Бартенштейна (Бартошице) свидетельствовали о том, что он стремится перехватить наши наступающие в западном направлении части и ударить им в тыл.

Крепость Кёнигсберг (Калининград) оказалась с юга и с запада зажатой противником в клещи.

31 января русские атаковали наш фронт в Венгрии, между Дунаем и озером Балатон. К северу от Дуная противник готовился к наступлению. С предмостного укрепления на Одере у Штейнау (Сцинава) он готовился нанести удар по району Заган (Жегань), Коттбус. Продолжалось наступление русских по обе стороны р. Варта. Были прорваны слабые и почти не занятые нами оборонительные позиции дуги Одер, Варта. В Померании нам удалось временно задержать наступление противника на рубеже Шлоппе (Члопа), Дейч-

Кроне (Валч), Конитц. В Восточной Пруссии он продвигался в Направлении Хейлеберга (Лицбарк). В Прибалтике противник намеревался возобновить своё наступление.

Ужасный месяц январь подтвердил все наши опасения в отношении крупного наступления русских.

Гитлер и его штаб оперативного руководства неумело руководили операциями на западе и с опозданием обратили своё внимание на Восточный фронт. Всё это, так же как и назначение профана на должность командующего группой армий «Висла», на которую возлагалась ответственная задача, явилось причиной исключительно быстрого развития успеха противника. Фактически противник отрезал от рейха как Восточную, так и Западную Пруссию, создав тем самым два изолированных друг от друга очага сопротивления, два острова, которые могли снабжаться только воздушным или морским путём. Их потеря являлась лишь вопросом времени. Авиация и флот вместо того, чтобы выполнять свои боевые задачи, занимались только снабжением окружённых частей боеприпасами и продовольствием, что вызывало ещё большее ослабление наших и без того слабых военно-морских и военно-воздушных сил. Чем больше русские убеждались в нашей слабости, тем решительнее они действовали. Их танки становились дерзкими.

26 января Гитлер приказал сформировать танкоистребительную дивизию. Название этого нового соединения звучало красиво и многообещающе. Но больше ничего и не было. В действительности же это соединение должно было состоять из рот самокатчиков под командованием храбрых лейтенантов; вооружённые фауст-патронами расчёты этих рот должны были уничтожать Т-34 и тяжёлые русские танки. Дивизия вводилась в бой поротно. Жалко было храбрых солдат!

В первые дни февраля наше положение как на Восточном, так и на Западном фронте стало роковым.

На востоке группа армий «Курляндия», вопреки всем моим стремлениям эвакуировать её, продолжала оборонять двадцатью пехотными и двумя танковыми дивизиями северную часть Курляндия. В эту группу армий входили хорошие, боеспособные части. Гитлер разрешил эвакуировать лишь четыре пехотные и одну танковую дивизии.

Группа армий «Север» была зажата противником в клещи в районе Замланд, Кёнигсберг (Калининград) и к югу от него, в районе Эрмланда. Она, так же как и группа армий «Курляндия», снабжалась морским и воздушным путём. Девятнадцать пехотных и пять танковых дивизий, входивших в эту группу, понесли значительные потери. К этой группе присоединились, кроме того, остатки других разбитых дивизий.

Группа армий «Висла» занимала узкий участок фронта, проходивший от Вислы, между Грауденцем (Грудзендз) и Эльбингом (Эльблонг), через Дейч-Кроне (Валч) до Одера в районе Грюнберг (Зелена Гура). Она имела двадцать пять пехотных и восемь танковых дивизий.

Группа армий «Центр» располагалась на участке фронта, проходившем через Силезию до Карпатских гор. Севернее и южнее Бреслау (Бреславль) русским удалось создать на Одере предмостные укрепления. Промышленный район Верхней Силезии был потерян. В группу армий входило около двадцати пехотных и восемь с половиной танковых дивизий.

И, наконец, группа армий «Юг», находившаяся между Карпатами и р. Драва, состояла из девятнадцати пехотных и девяти танковых дивизий. Она имела своей задачей: после подхода резервов с запада перейти в наступление по обеим сторонам озера Балатон с целью овладеть правым берегом Дуная, укрепить южный фланг Восточного фронта и прикрыть нефтеносные районы.

На западе после провала наступления в Арденнах линия фронта была отодвинута и проходила по р. Маас, у Дриель, Валь-Арнхейм, по р. Рейн, у Клеве, снова по р. Маас, у Роермонд, Дюрен, Шнее, через горы Эйфель-Ур-Зауер по р. Мозель, Писпорт, Ремиха, по р. Саар до Сааргемюнда, Бича, Хагенау и далее по Верхнему Рейну.

Предназначенные для наступления в Венгрии дивизии СС располагались на отдыхе в двух районах: Бонн, Арвайлер и Виттлих, Трабен, Трарбах. Некоторые части находились ещё на пути к этим районам. Все передвижения совершались чрезвычайно медленно. Превосходство авиации противника парализовывало не только перевозки, но и волю командования.

Примерно сто три слабые пехотные дивизии и тридцать две с половиной такие же слабые танковые и моторизованные дивизии находились на Восточном фронте; Западный фронт имел около

шестидесяти пяти пехотных и двенадцати танковых дивизий, из которых четыре готовились к отправке на восток.

Ввиду такой обстановки я решил ещё раз попросить Гитлера отказаться от наступления в Венгрии и начать наступление против пока ещё слабых флангов клина русских, вбитого ими в нашу оборону вплоть до Одера между Франкфуртом-на-Одере и Кюстрином (Костшин). Наступление должно было развиваться в южном направлении из района Пиритц (Пыжище), Арнсвальде (Хощно) и в северном направлении с рубежа Глогау (Глогув), Губен (Губин). Этим я надеялся усилить оборону столицы рейха и вообще оборону территории страны и выиграть время, необходимое для ведения переговоров о перемирии с западными державами.

Для успешного проведения этой операции необходимо было быстро вывести войска из Балканских стран, Италии, Норвегии и в первую очередь из Прибалтики. Этот план я предложил Гитлеру после посещения его японским посланником Осима в первых числах февраля. Все мои предложения относительно оставления этих территорий он отклонил. Я начал упорно доказывать, заявив, в конце концов, этому непокладистому человеку: «Не подумайте, что я из-за своего упрямства продолжаю настаивать на оставлении Прибалтики. Я просто не вижу другой возможности для создания резервов, а без них мы не сможем оборонять столицу рейха. Я стараюсь только для Германии!» Гитлер затрясся от злости: «Как вы смеете говорить мне подобные вещи? Вы что думаете, что я веду войну не для Германии? Вся моя жизнь — борьба за интересы Германии». Вся левая половина его тела тряслась как в лихорадке. Видя страшный приступ ярости фюрера, Геринг взял меня за рукав и отвёл в соседнюю комнату, где мы для собственного успокоения выпили по чашке кофе.

Затем я имел беседу с гросс-адмиралом Деницем, которого я почти с мольбой просил поддержать меня в вопросе эвакуации наших войск из этих стран, если я снова внесу это предложение. Для этой цели можно было найти достаточное количество судов, если отказаться от перевозки крупной материальной части. Но как раз этого-то Гитлер и не хотел.

Когда Гитлер снова вызвал меня в кабинет, я вторично поднял свой голос за очищение Прибалтики, вызвав тем самым новый приступ ярости у фюрера. Он стоял передо мной с поднятыми кулаками, а мой

добрый начальник штаба Томале тащил меня назад за фалды мундира, боясь, что между нами начнётся рукопашная схватка.

Эта драматическая сцена не принесла пользы тому, за что я боролся, — создание резерва из войск, находившихся в Прибалтике. От задуманного плана наступления осталась лишь идея удара из района Арнсвальде (Хощно) с целью разгромить русских севернее р. Варга, укрепиться в Померании и сохранить связь с Западной Пруссией... Мне пришлось упорно отстаивать также нецелесообразность проведения даже этой ограниченной по целям операции. По моим расчётам, которые основывались на данных о противнике, добытых генералом Геленом, русские смогут ежедневно перебрасывать к Одру до четырёх дивизий. Значит, чтобы наступление имело вообще какой-нибудь смысл, его нужно провести с молниеносной быстротой, пока русские не подтянули к фронту крупные силы или пока они не разгадали наших намерений. Решающий доклад на эту тему состоялся 13 февраля в имперской канцелярии. На моём докладе, кроме обычных лиц из окружения Гитлера, присутствовали рейхсфюрер СС Гиммлер — командующий группой армий «Висла», обергруппенфюрер Зепп Дитрих — командующий 6-й танковой армией и мой первый заместитель генерал Венк. Я решил прикомандировать к Гиммлеру на время наступления генерала Венка, возложив на него фактическое руководство операцией. Кроме того, я принял решение начать наступление 15 февраля, так как в противном случае оно вообще было невыполнимо. Я понимал, что как Гитлер, так и Гиммлер будут решительно выступать против моих предложений, так как они оба испытывали инстинктивный страх перед этим решением, выполнение которого должно было показать явную неспособность Гиммлера как командующего. Гиммлер в присутствии Гитлера защищал точку зрения, что наступление необходимо отложить, так как незначительная часть боеприпасов и горючего, отпущенных для армии, ещё не поступила на фронт. Вопреки такому мнению я внёс изложенное выше предложение, встреченное Гитлером в штыки. Привожу наш диалог:

Я: «Мы не можем ждать, пока разгрузят последнюю бочку бензина и последний ящик со снарядами. За это время русские станут ещё сильнее».

Гитлер: «Я запрещаю вам делать мне упрёки в том, что я хочу ждать!»

Я: «Я не делаю вам никаких упрёков, но ведь нет никакого смысла ждать, пока разгрузят все предметы довольствия. Ведь мы можем упустить подходящее время для наступления!».

Гитлер: «Я уже вам только что сказал, что не желаю слышать ваших упрёков в том, что я хочу ждать!»

Я: «Я же вам только что доложил, что я не хочу делать вам каких-либо упрёков, я просто не хочу ждать». Гитлер: «Я запрещаю вам упрекать меня за то, что я хочу ждать».

Я: «Генерала Венка следует прикомандировать к штабу рейхсфюрера, иначе нет никакой гарантии на успех в наступлении».

Гитлер: «У рейхсфюрера достаточно сил, чтобы справиться самому».

Я: «У рейхсфюрера нет боевого опыта и хорошего штаба, чтобы самостоятельно провести наступление. Присутствие генерала Венка необходимо». Гитлер: «Я запрещаю вам говорить мне о том, что рейхсфюрер не способен выполнять свои обязанности».

Я: «Я всё же должен настаивать на том, чтобы генерала Венка прикомандировали к штабу группы армий и чтобы он осуществил целесообразное руководство операциями».

В таком духе мы разговаривали около двух часов. Гитлер с покрасневшим от гнева лицом, с поднятыми кулаками стоял передо мной, трясясь от ярости всем телом и совершенно утратив самообладание. После каждой вспышки гнева он начинал бегать взад и вперёд по ковру, останавливаясь передо мной, почти вплотную лицом к лицу, и бросал мне очередной упрёк. При этом он так кричал, что глаза его вылезали из орбит, вены на висках синели и вздувались. Я твёрдо решил не дать вывести себя из равновесия, спокойно слушать его и повторять свои требования. Я настаивал на своём с железной логикой и последовательностью.

Когда Гитлер отворачивался от меня и бежал к камину, я устремлял свой взор на портрет Бисмарка работы Ленбаха, висевший над камином. Строго глядели глаза этого крупнейшего государственного деятеля, железного канцлера, на сцену, которая разыгрывалась внизу, у его ног. В слабо освещённом углу зала мне был виден блеск его кирасирского шлема. Взгляд канцлера спрашивал: «Что вы делаете из моего рейха?» Сзади я чувствовал устремлённый на меня взгляд Гинденбурга, бронзовый бюст которого находился в противоположном

углу зала. И его глаза также спрашивали: «Что вы делаете с Германией? Что будет с моей Пруссией?» Это было ужасно, но укрепляло меня в моём решении. Я оставался холодным и непоколебимым и не оставлял ни одного выпада Гитлера без ответа. Гитлер должен был заметить, что его бешенство не трогает меня, и он заметил это.

Вдруг Гитлер остановился перед Гиммлером: «Итак, Гиммлер, сегодня ночью генерал Венк приезжает в ваш штаб и берёт на себя руководство наступлением». Затем он подошёл к Венку и приказал ему немедленно отправиться в штаб группы армий. Гитлер сел на стул, попросил меня сесть рядом с ним, а затем сказал: «Пожалуйста, продолжайте ваш доклад. Сегодня генеральный штаб выиграл сражение». При этом на его лице появилась любезная улыбка. Это было последнее сражение, которое мне удалось выиграть. Но было уже слишком поздно! Никогда в своей жизни я не переживал подобных сцен. Никогда я не видел Гитлера в таком бешенстве.

После этого мрачного эпизода из чудовищной драмы заката Германии я направился в приёмную и сел там у небольшого столика. Ко мне подошёл Кейтель:

«Как вы можете так возражать фюреру? Вы разве не видели, как он волновался? Что произойдёт, если с ним случится удар?» Я холодно ему заметил: «Государственному деятелю следует научиться воспринимать возражения и смотреть правде в глаза, иначе он не заслуживает такого названия». Несколько человек из окружения Гитлера присоединились к Кейтелю, и мне снова пришлось выдержать тяжёлый бой, пока не утихомирились эти пугливые души. Затем через сопровождавших меня людей я дал по телефону необходимые указания относительно проведения наступления — нельзя было терять времени. Да и как знать, ведь в следующую минуту я мог лишиться этого завоёванного с таким трудом полномочия. Позднее очевидцы этой сцены говорили мне, что они впервые за свою многолетнюю службу в главной ставке фюрера были свидетелями такого неистового бешенства Гитлера; его последняя вспышка гнева превосходила все предыдущие.

15 февраля 3-я танковая армия генерал-полковника Рауса была готова к наступлению. Утром 16 февраля она перешла в наступление, за которым лично наблюдал генерал Венк, точно знавший все мои намерения и планы. 16 и 17 февраля наступление проходило весьма успешно; мы начали надеяться, несмотря на все трудности и сомнения,

на удачу этой операции, рассчитывая получить время, необходимое для принятия дальнейших мероприятий. Но тут произошло несчастье. Венк после своего доклада Гитлеру вечером 17 февраля сел в свою автомашину и, заметив сильное переутомление водителя, решил заменить его. Он сел сам за руль и... уснул, так как также сильно переутомился в этот день. На автострате Берлин, Штеттин (Щецин) он наехал на перила моста, сильно разбился и в тот же вечер в тяжёлом состоянии был доставлен в госпиталь. Выход из строя Венка привёл к тому, что наступление застопорилось и его не удалось вновь наладить. Несколько недель Венк пролежал в госпитале. Вместо него был назначен генерал Кребс, который как раз был освобождён от должности начальника штаба генерала Моделя и направлен на фронт.

Я хорошо знал Кребса со времени его службы в госларской егерской части. Он был умным, хорошо подготовленным в военном отношении офицером, но ему не хватало фронтового опыта, так как в течение всей войны он находился на штабной работе, занимая разные должности в генеральном штабе. За всю продолжительную службу в генеральном штабе он хорошо усвоил искусство делопроизводства и умение приспособливаться к начальству, что делало его недостаточно стойким перед таким человеком, как Гитлер. К тому же Кребс был закадычным другом генерала Бургдорфа, начальника управления личного состава сухопутных войск, с которым он когда-то вместе учился в военной академии. Бургдорф ввёл Кребса в общество своих друзей из главной ставки фюрера, в общество Бормана и Фегелейна, с которыми Кребс также установил тесную дружбу. Эти дружественные связи лишили его накануне финала кошмарной драмы в имперской канцелярии духовной свободы и независимости. Пока мы работали вместе, их влияние не было заметно, ибо главное командование сухопутных войск, как правило, представлял я сам. После моей отставки оно становилось с каждым днём всё чувствительнее.

Кребс уже во время своего первого доклада Гитлеру получил дубовые листья к железному кресту; уже здесь чувствовалась рука Бургдорфа. Несколько дней спустя я направился на доклад к Гитлеру вместе с Кребсом. Мы прибыли очень рано, и других офицеров ещё не было. Гитлер попросил нас зайти к нему в его небольшой рабочий кабинет. Фюрер указал на портрет Фридриха Великого работы Граффа, который висел над его письменным столом, и сказал: «Этот портрет

всегда вселяет в меня новые силы, когда тревожные сводки с фронтов начинают угнетать меня. Посмотрите на властный взор его голубых глаз, на этот огромный лоб. Вот это голова!» Затем мы начали беседу о государственном и полководческом таланте великого короля, которого Гитлер ставил выше всех и на которого он хотел бы походить. Но, к сожалению, его способности не соответствовали его желанию.

В эти дни праздновалось семидесятилетие со дня рождения имперского фюрера службы труда Гирля, прекрасного старого офицера, который с величайшим идеализмом и с глубоким духовным чувством выполнял свои партийные обязанности. Гирль получил от Гитлера «Германский орден». Вечер 24 февраля он провёл у доктора Геббельса. Меня тоже пригласили на этот скромный ужин. Я ответил согласием, так как высоко ценил Гирля. После ужина началась обычная воздушная тревога. Мы направились в бомбоубежище и встретили там фрау Магду Геббельс с её благовоспитанными, милыми детьми; мне представился случай познакомиться с ними.

Находясь в бомбоубежище, я вспомнил о своей беседе с доктором Геббельсом в 1943 г. Здесь вокруг меня сидела небольшая семья, счастье и смерть которой были тесно связаны с судьбой Гитлера. Мысль о том, что их дни уже сочтены, действовала удручающе. То, что когда-то предсказывал доктор Геббельс, наступило в конце апреля. Бедная женщина, невинные дети!

В эти дни в Берлин прибыл также глава венгерского государства Салаши. Гитлер принял его в моём присутствии в мрачном зале имперской канцелярии. Многие ценные вещи были уже вывезены из неё. Беседа проходила вяло. Новый человек производил тяжёлое впечатление; каких-либо действий от него трудно было ожидать. Он казался выскочкой против своей воли. У нас не было больше союзников.

За прошедшие месяцы противник всё больше опустошал территорию Германии своими воздушными налётами. Сильно пострадала наша военная промышленность. Особенно чувствительной была потеря заводов синтетического горючего, от работы которых в основном зависело снабжение нашей армии горючим. 13 января был уничтожен завод в Пелитце (Полице) под Штеттином (Щецин). 14

января противник разбомбил нефтесклады под Магдебургом, Дербеном, Эменом и Брауншвейгом, заводы Лейна и завод горюче-смазочных материалов в Маннхейме, 15 января — бензоловые заводы под Бохумом и Реклингхаузенем. Кроме того, 14 января был уничтожен нефтеперегонный завод Гейде в Дании. По нашим сводкам, союзные державы потеряли во время этих бомбардировок 57 самолётов, мы потеряли 236 самолётов. Теперь, после выхода из строя большинства наших заводов горюче-смазочных материалов, командование располагало лишь нефтяными месторождениями в Цистерсдорфе (Австрия) и в районе озера Балатон (Венгрия). Это обстоятельство до некоторой степени объясняет, почему Гитлер принял решение перебросить основные силы, которые удалось снять с Западного фронта, в Венгрию, чтобы удержать в своих руках последние районы добычи нефти и венгерские нефтеочистительные заводы, одинаково важные для производства продукции, необходимой для бронетанковых войск и военно-воздушных сил.

Обстановка в Венгрии, как политическая, так и военная, была крайне напряжённой. 20 января 1945 г. Венгрия заключила с русскими перемирие и обязалась выставить против Германии на стороне русских восемь пехотных дивизий. До конца января корпуса генералов Неринга и фон Заукена с боями отходили через Калиш. 1 февраля у Кюстрина (Костшин) русские вышли к Одеру; они достигли района западнее Кульма (Хелмно) и Эльбинга (Эльблонг). 2 февраля пал Тори (Торунь). 3 февраля противник обошёл мужественно защищавшийся Шнейдемюль (Пила) и вторгся в Западную Померанию.

5 февраля была потеряна коса Курише-Нерунг (Куршская коса). Начались бои за Франкфурт-на-Одере и Кюстрин (Костшин). В Померании русские продолжали наступление между городами Пиритц (Пыжице) и Дейч-Кроне (Валч).

6 февраля начались бои за город Познань. У Кюстрина (Костшин) противник создал предмостное укрепление за Одером.

8 февраля атаки русских у Пиритца (Пыжице) и Арнсвальде (Хощно) были отбиты, однако бои в этих районах продолжались ещё несколько дней.

10 февраля противник начал наступление в районе западнее Вислы, у городов Шветц (Свече) и Грауденц (Грудзендз). 12 февраля был потерян Эльбинг (Эльблонг).

Воздушные налёты противника на наши нефтеперегонные заводы продолжались; непрерывно подвергались бомбардировке многие наши города. Особенно сильно доставалось Берлину.

13 февраля мы потеряли город Шветц (Свеце) на Висле, значительную часть территории Померании и на правом фланге, в Венгрии, крепость Будапешт. 15 февраля мы потеряли Конитц (Хойнице), Шнейдемюль (Пиля) и Тухель (Тухолья); 16 февраля — Грюнберг (Зелена Гура), Зоммерфельд (Жемш) и Зорау (Журав). Противник окружил Бреслау (Бреславль). 18 февраля такая же участь постигла Грауденц (Грудзендз). 21 февраля пал Диршау (Тчев).

В течение нескольких дней, с 17 по 22 февраля, группе армий «Юг» удалось ликвидировать предмостное укрепление русских на р. Грон. Этот успех был одержан благодаря умелому руководству командующего группой армий генерала Велера, о котором Гитлер сказал после доклада ему плана наступления: «Хотя Велер и не является национал-социалистом, но он настоящий мужчина!»

24 февраля мы потеряли Познань и Арнсвальде (Хощно), 28 февраля — Шлохау (Члухув), Хаммерштейн (Чарне), Бублиц (Боболице), Бальденберг (Бялы-Бур) в Померании, а 1 марта — Нойштеттин (Щецин).

3 марта Финляндия объявила войну рейху.

В этот день наши войска начали наступление под Лаубаном (Лубань) в Силезии, чтобы овладеть железной дорогой — единственной магистралью восточнее Исполиновых гор, связывавшей Берлин с Силезией. До 8 марта наступление развивалось успешно, но оно имело только местное значение.

Уже 4 марта русские подошли к Балтийскому морю у Кезлина (Кошалин) и Кольберга (Колобжег). Почти вся Померания была потеряна.

6 марта западные союзники ворвались в Кёльн. На Восточном фронте русские наступали на Штеттин (Щецин).

7 марта войска западных держав прорвали наш фронт в направлении Кобленца. На востоке пал Грауденц (Грудзендз). Русские безостановочно продвигались по территории Померании.

8 марта нашему западному противнику удалось захватить Ремагенский мост через Рейн, оставшийся неповреждённым. Мы не успели взорвать это важнейшее средство переправы, так как не было

взрывчатых веществ. Мы потеряли очень важную переправу через Рейн. Гитлер негодовал, требуя наказания виновных. По приговору военно-полевого суда было расстреляно пять офицеров.

9 марта русские вышли к восточному берегу Одера по обеим сторонам Штеттина (Щецин). В этом районе было создано предмостное укрепление.

Начатое нами, наконец, наступление в Венгрии вначале имело успех. Однако распутица, вызванная мягкой погодой, мешала продвижению танков, что ставило под сомнение возможность продолжения наступления. Если севернее озера Балатон нам удалось несколько продвинуться, то к югу от него наступление сразу же застопорилось.

12 марта начались уличные бои в Бреслау (Бреславль). Воздушная война бушевала с прежней силой. Двадцать ночей подряд противник бомбил Берлин.

13 марта русские ворвались в Нейштадт (Вейхерово). Они достигли Данцигской бухты (бухта Гданьска) и Путцига (Пуцк). Наше наступление в Венгрии успешно продолжалось. Но в условиях быстро надвигавшейся катастрофы эти скромные успехи не имели никакого значения.

Наконец, исчезли все шансы на крупный успех. Был утрачен сохранявшийся до сих пор высокий боевой дух эсэсовских дивизий. Под прикрытием упорно сражающихся танкистов вопреки приказу отступали целые соединения. На эти дивизии уже нельзя было больше полагаться. Это переполнило меру терпения Гитлера. Он разразился страшным гневом, приказав сорвать нарукавные знаки с названием этих частей у личного состава дивизий, в том числе и у своего лейбштандарта. С этим приказом он хотел направить в Венгрию меня. Я отказался выполнять это распоряжение, предложив возложить эту миссию на находившегося как раз здесь рейхсфюрера СС, непосредственного начальника войск СС и, в первую очередь, ответственного за состояние их дисциплины, чтобы он лично ознакомился там с положением. До последнего времени рейхсфюрер противился всякому вмешательству представителей армии в дела его соединений, а теперь он стал изворачиваться, но так как у меня были другие обязанности, ему пришлось согласиться. Особой любви в войсках СС выполнением этой задачи он не заслужил.

В эти тревожные дни однажды ночью Гитлера посетил рейхсорганизационслейтер доктор Лей с новым предложением: он посоветовал сформировать добровольческий корпус из бывших партийных работников западных германских земель. «Мой фюрер, будем иметь по меньшей мере 40 000 фанатически преданных солдат. Они удержат Верхний Рейн и перевалы Шварцвальда. На них-то вы можете положиться. Разрешите, мой фюрер, чтобы этот отборный добровольческий корпус носил ваше гордое имя — „Добровольческий корпус Адольф Гитлер“. Начальник генерального штаба должен немедленно доставить нам 80 000 винтовок».

Менее убеждённый, чем доктор Лей, в значимости этого нового формирования, я просил его сообщить мне сначала число действительно имеющихся солдат, а тогда я смогу их вооружить. Лей промолчал. Гитлер тоже ничего не сказал. Видимо, он мало доверял своему рейхсорганизационслейтеру.

Бреслау (Бреславль), Глогау (Глогув), Кольберг (Колобжег), Данциг (Гданьск) и Кёнигсберг (Калининград) находились пока в наших руках. На подступах к Штеттину (Щецин) шли ожесточённые бои. Однажды Гитлер приказал командующему 3-й танковой армией генерал-полковнику Раусу явиться к нему на доклад, чтобы доложить обстановку на его участке фронта и сообщить фюреру о боеспособности его 3-й танковой армии. Свой доклад Раус начал с оценки общей обстановки. Гитлер перебил его: «Я знаю общую обстановку. Я хотел бы услышать от вас подробности о боеспособности ваших дивизий». Раус рассказал обо всём с такими подробностями, что было видно, что он лично знает каждый участок фронта своей армии и может оценить боеспособность каждого подразделения. Я присутствовал при докладе, и он показался мне отличным. Когда Раус кончил, Гитлер молча отпустил его. Едва Раус покинул бомбоубежище имперской канцелярии, в котором состоялся доклад, как Гитлер воскликнул, обращаясь к Кейтелю, Йодлю и ко мне: «Никудышный доклад! Он говорил только о мелочах. По его языку он или восточный пруссак, или берлинец. Его нужно немедленно сместить!» Я возразил: «Генерал-полковник Раус является одним из наших лучших генералов-танкистов. Вы, мой фюрер, обрезали его, когда он начал докладывать вам общую обстановку; вы сами приказали ему сообщить во всех

подробностях о боеспособности его дивизий. Что же касается места его рождения, то Раус — австриец, ваш земляк, мой фюрер!»

Гитлер ответил: «Это исключено! Он не может быть австрийцем!» Йодль вмешался в разговор: «Нет, нет, мой фюрер, вполне возможно. Он говорит, как артист Мозер».

Я: «Я прошу вас подумать, прежде чем выносить решение. Генерал-полковник Раус доказал здесь, что он во всех деталях знает фронт своей армии, что он может дать самые точные данные о любой своей дивизии. Вы знаете, что он в течение всей войны сражался на фронте, за что имеет награды, что он, как я уже сказал, является одним из наших лучших генералов-танкистов!» Гитлер остался при своём мнении. Его не поколебали мои слова о том, что «мы не испытываем излишка в хороших генералах!» Раус был снят со своей должности. Возмущённый, я покинул помещение, чтобы разыскать Рауса и подготовить его к той несправедливости, которую намеревался учинить над ним его земляк Гитлер. Я ничем не мог помочь своему товарищу. Раус был заменён генералом фон Мантейфелем, которого можно было теперь использовать на востоке после провала наступления в Арденнах и после переброски многих танковых соединений с Западного фронта на Восточный.

Между тем министерство иностранных дел приняло, хотя и слишком поздно, решение начать при посредничестве какой-нибудь нейтральной державы переговоры с западными державами. Некий доктор Гессе, доверенный Риббентропа, появился в Стокгольме, но успеха не имел. Слух об этом дошёл до меня и до моего советника по внешнеполитическим вопросам доктора Барандона, и мы приняли следующее решение: я должен посетить рейхсфюрера СС Гиммлера и предложить ему воспользоваться его международными связями через Красный Крест или службу розыска, чтобы кончить бессмысленное кровопролитие.

После ранения генерала Венка Гиммлер совершенно растерялся, когда началось наступление из района Арнсвальде (Пила). Дела в его штабе ухудшались с каждым днём. Я никогда не получал ясных сводок с его фронта и поэтому не мог ручаться за то, что там выполняются приказы главного командования сухопутных войск. Поэтому в середине марта я выехал в район Пренцлау, в его штаб, чтобы получить

представление об обстановке. Начальник штаба Гиммлера Ламмердинг встретил меня на пороге штаба следующими словами: «Вы не можете освободить нас от нашего командующего?» Я заявил Ламмердингу, что это, собственно, дело СС. На мой вопрос, где рейхсфюрер, мне ответили, что Гиммлер заболел гриппом и находится в санатории Хоэнлыхен, где его лечит личный врач, профессор Гебхардт. Я направился в санаторий. Гиммлер чувствовал себя сносно; я в такой напряжённой обстановке никогда не бросил бы свои войска из-за лёгкого насморка. Затем я заявил всемогущему эсэсовцу, что он объединяет в своём лице слишком большое количество крупных имперских должностей: рейхсфюрера СС, начальника германской полиции, имперского министра внутренних дел, командующего армией резерва и, наконец, командующего группой армий «Висла». Каждая из этих должностей требует отдельного человека, тем более в такие тяжёлые дни войны, и хотя я ему вполне доверяю, всё же это обилие обязанностей превосходит силы одного человека. Он, Гиммлер, вероятно, уже убедился, что не так-то легко командовать войсками на фронте. Вот почему я предлагаю ему отказаться от должности командующего группой армий и заняться выполнением других своих обязанностей.

Гиммлер на этот раз был не так самоуверен, как раньше. Он начал колебаться: «Об этом я не могу сказать фюреру. Он не даст своего согласия». Это давало мне некоторые шансы: «Тогда разрешите, я скажу ему об этом». Гиммлер вынужден был согласиться. В этот же вечер я предложил Гитлеру освободить сильно перегруженного разными должностями Гиммлера от должности командующего группой армий «Висла» и на его место назначить генерал-полковника Хейнрици, командующего 1-й танковой армией, находившейся в Карпатах. Гитлер неохотно согласился. 20 марта Хейнрици получил новое назначение.

Что же могло заставить Гиммлера, полного невежду в военном деле, лезть на новую должность? То, что он ничего не понимал в военных вопросах, было известно не только ему, но также и нам, и Гитлеру. Что же побудило его стать военным? Очевидно, он страдал чрезмерным тщеславием. Прежде всего он стремился получить рыцарский крест. Кроме того, он, как и Гитлер, недооценивал качества, необходимые для полководца. И вот, впервые получив задачу,

выполнение которой проходило на глазах всего мира, которую нельзя было решить, оставаясь где-нибудь за кулисами и ловя рыбу в мутной воде, этот человек обанкротился. Он безответственно взялся за выполнение непосильной для него задачи, а Гитлер безответственно возложил на него эти обязанности.

В эти дни меня посетил Шпеер, который всё более скептически оценивал ход текущих событий. Он сообщил мне, что Гитлер намеревается взорвать при подходе противника все фабрики, гидро- и электроцентраль, железные дороги и мосты. Совершенно справедливо Шпеер указал на то, что этот бессмысленный шаг приведёт к массовому обнищанию и смерти населения страны, что подобного ещё не знала мировая история. Он просил моей помощи в борьбе с этим намерением фюрера. Я дал согласие и немедленно приступил к разработке проекта приказа, в котором перечислялись рубежи обороны на имперской территории и разрешалось совершать разрушения лишь на подступах к этим немногим линиям сопротивления. В остальной части Германии не должно производиться никаких разрушений. Все сооружения, служащие интересам снабжения и передвижения населения, должны быть сохранены. На следующий день с проектом приказа я направился к Йодлю, который тоже должен был принимать участие в его обсуждении, так как дело касалось всего вермахта. Йодль доложил об этом проекте приказа Гитлеру, но не привлёк, к сожалению, меня к его обсуждению. Поэтому, когда на следующий день мы снова встретились и когда я спросил Йодля о результатах обсуждения, он протянул мне приказ Гитлера, требовавший совершенно обратного тому, к чему стремились мы со Шпеером.

Чтобы получить ясное представление о требовании Шпеера, я цитирую некоторые места из докладной записки, которую он послал Гитлеру 18 марта 1945 г., желая предотвратить разрушение мостов и заводов:

«Необходимо обеспечить, чтобы никто в условиях ведения боевых действий на территории империи не имел бы права разрушать промышленные предприятия, предприятия горной промышленности, электростанции и другие предприятия, линии связи, средства сообщения, внутренние водные пути. Предусмотренные взрывы мостов нанесут путям сообщения значительно больший ущерб, чем ущерб,

нанесённый авиацией противника за последние годы. Их разрушение означает лишение германского народа жизненных основ...

Мы не имеем никакого права сами прибегать на этом этапе войны к разрушениям, которые угрожают жизни народа. Если противники хотят уничтожить народ, борющийся с беспримерной храбростью, то пусть позор истории падает только на них. Мы обязаны предоставить народу все возможности для его возрождения в будущем».

Своё отношение к этой памятной записке Шпеера, с которым я был полностью солидарен, Гитлер выразил словами: «Если проиграна война, то погибнет и народ. Эта судьба неотвратима. Нет необходимости обращать внимание на те слова, в которых нуждается народ, чтобы продолжать примитивную жизнь. Напротив, лучше всё это разрушить самим, так как наш народ оказался слабым и более сильному восточному народу принадлежит будущее. Все те, кто останется в живых после борьбы, — неполноценные люди, ибо полноценные умрут на поле боя!».

Гитлер не раз делал такие чудовищные высказывания. Слышал их и я. Не раз я возражал ему, что германский народ останется и будет жить по неизменным законам природы, даже если будут совершены разрушения, что он своими планами причинит многострадальному народу новые страдания, которые можно избежать.

Несмотря на всё это, 19 марта 1945 г. был отдан приказ о разрушении, а 23 марта последовал приказ Бормана о проведении этих разрушений. Разрушения должны были проводить гаулейтеры, которые в качестве имперских комиссаров отвечали за оборону страны. Вермахт отказался выполнять эти приказы. Борман распорядился эвакуировать население угрожаемых районов вглубь страны, а если нет возможности эвакуировать на транспортных средствах, заставить его идти пешком. Выполнение этого приказа привело бы к страшной катастрофе, так как не было принято никаких мер по снабжению населения.

Поэтому военные инстанции вместе со Шпеером всеми силами стремились сорвать выполнение этого приказа. Буле отказался отпускать взрывчатые вещества, и многие разрушения не были проведены. Шпеер разъезжал по разным управлениям и объяснял последствия, к которым приведёт выполнение этого приказа Гитлера.

Нам не удалось предотвратить всех разрушений, но мы смогли значительно уменьшить их размеры.

Глава XII

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ КРУШЕНИЕ

15 марта штаб главного командования сухопутных войск был подвергнут сильной бомбардировке, которая длилась более 45 минут. На наш небольшой лагерь был сброшен такой груз бомб, которого хватило бы для бомбардировки крупного города. Мы были, бесспорно, военным объектом и не могли поэтому жаловаться и требовать, чтобы противник рассматривал нас как какое-то исключение. Когда в середине дня раздались звуки сирены, я, как обычно, направился в свой рабочий кабинет. Моя супруга как беженка из округа Варта по разрешению Гитлера жила вместе со мной; она сидела рядом с унтер-офицером и смотрела, как тот по карте следил за курсом самолётов противника. И вдруг бомбардировщики повернули от Бранденбурга не на Берлин, как это они обычно делали, а прямо на Цоссен. Жена, не потеряв присутствия духа, быстро сообщила об этом мне. Я приказал всем отделам немедленно перейти в бомбоубежище. Едва я достиг своего подвала, как услышал разрывы первых бомб. Своевременные меры, принятые буквально в последнюю минуту, значительно уменьшили наши потери. Только оперативный отдел не послушался моих предостережений, поэтому генерал Кребс и несколько других работников были тяжело ранены. Кребс был ранен в висок; когда я посетил его через несколько минут после взрыва, он был уже без сознания. Несколько дней ему пришлось пролежать в госпитале.

В такой обстановке я принял Хейнрици, прибывшего в Цоссен уже в качестве командующего группой армий «Висла». Первой задачей, которую он получил, было прорвать кольцо окружения, созданное русскими вокруг небольшой крепости Кюстрин (Костшин). Гитлер хотел выполнить эту задачу, начав наступление с небольшого предмостного укрепления пятью дивизиями, которые мы имели близ Франкфурта-на-Одере. Я считал такое наступление бесперспективным, поэтому предложил уничтожить сначала предмостное укрепление

русских у Кюстрина и установить непосредственную связь с гарнизоном этого города. Так как мнения расходились, начались продолжительные споры с Гитлером. Комендантом крепости, укрепления которой были сооружены ещё во времена Фридриха Великого, был Рейнефарт, когда-то начальник полиции Варшавы, хороший полицейский чиновник, но отнюдь не генерал.

Но прежде чем касаться контрнаступления, следует сообщить об одном случае, который произошёл в имперской канцелярии и касался политических вопросов. Произошёл он 21 марта, когда я, договорившись предварительно с доктором Барандоном, посетил Гиммлера. Я хотел, чтобы рейхсфюрер СС отказался от безразличного отношения к вопросам ведения переговоров о перемирии. Я встретил Гиммлера в саду имперской канцелярии, где он вместе с Гитлером гулял среди развалин. Гитлер, увидев меня, подозвал к себе и спросил, чего я желаю. Я ответил, что хотел бы побеседовать с Гиммлером. Гитлер отошёл в сторону, я мог говорить с рейхсфюрером СС наедине. Я заявил ему без обиняков о том, о чём он сам давно уже знал: «Войну уже нам не выиграть. Необходимо немедленно приостановить бессмысленное кровопролитие и разрушения. Вы, кроме Риббентропа, являетесь единственным человеком, который поддерживает связь с нейтральными странами. После того как министр иностранных дел империи отказался предложить Гитлеру начать переговоры о перемирии, я прошу вас использовать все ваши отношения с фюрером, обратиться к нему вместе со мной и предложить ему начать переговоры о заключении перемирия».

Гиммлер ответил: «Дорогой генерал-полковник, ещё слишком рано!»

На это я отвечал: «Я не понимаю вас. Уже не без пяти минут двенадцать, а пять минут первого. Если мы не начнём действовать теперь, то потом будет бесполезно что-нибудь предпринять. Разве вы не видите, в каком плачевном состоянии мы находимся?» Наша беседа продолжалась в таком же духе несколько минут. Безуспешно я пытался уговорить этого человека: он страшно боялся Гитлера.

Вечером после доклада обстановки Гитлер задержал меня, спросив: «Я вижу, с сердцем у вас опять неважно. Вам нужен отдых. Берите немедленно отпуск на четыре недели». Это было бы самым лучшим разрешением моих личных дел, но я не мог принять это

предложение при существовавшей в моём штабе обстановке. Поэтому я ответил: «В настоящий момент я не могу покинуть своего поста, так как у меня нет заместителя. Венк ещё не выздоровел. Кребс тоже не может работать, так как 15 марта он был тяжело ранен во время воздушного налёта противника. Аресты, проведённые вашим приказом после падения Варшавы, сильно снизили и без того незначительную работоспособность оперативного отдела штаба. Сначала я постараюсь найти подходящего заместителя, а уже потом пойду в отпуск». Во время нашей беседы доложили, что на доклад прибыл Шпеер. Гитлер приказал передать, что сегодня он его принять не сможет. Снова его охватил ставший уже стереотипным приступ гнева: «Всегда, когда кто-нибудь хочет говорить со мной с глаза на глаз, сообщает мне что-нибудь неприятное. Я уже не в силах переносить роковые известия. Его памятные записки начинаются фразой: „Война проиграна!“ — и вот он опять хочет повторить мне то же самое. Я уже давно кладу, не читая, все его памятные записки в сейф». Шпееру было передано явиться через три дня.

В эти тяжёлые мартовские дни имели место ещё несколько бесед, представляющих интерес. Однажды вечером Гитлер разразился гневом, узнав о сообщении западных держав, в котором указывалось очень большое число захваченных ими военнопленных. «Солдаты Восточного фронта сражаются значительно лучше. В том, что солдаты Западного фронта быстро капитулируют, виновата глупая Женевская конвенция, гарантирующая хорошее обращение с военнопленными. Мы должны отказаться от этой глупой конвенции!» Йодль решительно запротестовал против этого дикого и бессмысленного решения. Я поддержал его. Гитлеру пришлось отказаться от своей затеи. Йодлю удалось также убедить Гитлера не назначать одного генерала командующим одной из групп армий, которого совсем недавно наказали за грубое нарушение дисциплины и заставили уйти в отставку. Теперь и Йодль признавал необходимость единого руководства в генеральном штабе, считая свою прежнюю точку зрения по этому вопросу неправильной. Казалось, в последние дни он начал реально воспринимать многие вещи, как бы проснувшись от летаргии, в которую он впал после катастрофы под Сталинградом.

23 марта западные противники вышли к Рейну в его верхнем и среднем течении и форсировали его на широком фронте в районе севернее впадения в него р. Рур. В этот же день в Верхней Силезии русские прорвали наш фронт под городом Оппельн (Ополе).

24 марта американцы форсировали Рейн в верхнем течении и начали наступление на Дармштадт и Франкфурт-на-Майне. На Восточном фронте шли ожесточённые бои за Данциг (Гданьск). Русские перешли в наступление и в районе Кюстрина (Костшина).

26 марта началось новое наступление русских в Венгрии. Наша попытка установить связь с гарнизоном Кюстрина снова провалилась.

27 марта танки американского генерала Паттона ворвались в пригород Франкфурта-на-Майне. Упорные бои шли в районе Ашаффенбурга.

В этот день Гитлер был сильно расстроен провалом нашего контрнаступления под Кюстрином. В основном его упреки шли в адрес командующего 9-й армией генерала Буссе. Последний при подготовке наступления слишком мало израсходовал артиллерийских боеприпасов. В первую мировую войну во Фландрии расходовалось для такой же операции в 10 раз больше артиллерийских боеприпасов. Я указал Гитлеру на то, что Буссе не располагал большим количеством боеприпасов, а потому и не мог израсходовать больше того, что у него было. «Тогда вам следовало бы об этом позаботиться!» — воскликнул Гитлер. Я привёл ему цифры, которые говорили, что находится в моём распоряжении, и сказал, что Буссе получил от меня весь наличный запас боеприпасов. «Тогда виноваты войска!» Я указал Гитлеру на очень большие потери обеих дивизий, принимавших участие в наступлении. Эти потери говорили о том, что части с величайшей храбростью выполняли свой долг. Доклад был окончен в удручающей обстановке. Вернувшись в Цоссен, я ещё раз удостоверился в правильности цифровых данных относительно боеприпасов, использованных при наступлении, проверил цифры потерь наступавших частей и, составив подробную сводку, направил Кребса на вечерний доклад к Гитлеру: у меня не было ни малейшего желания вторично затевать с ним бесполезный спор. Кребс получил от меня задание добиться разрешения Гитлера на мою поездку завтра, 28 марта, в район франкфуртского предмостного укрепления на Одере. Я хотел лично на месте убедиться, выполним ли гитлеровский план

наступления пятью дивизиями с этого небольшого предмостного укрепления с целью прорыва блокады Кюстрина (Костшина) восточнее Одера. До сих пор мне не удавалось, высказывая одни лишь сомнения, отвергнуть план Гитлера.

Поздно ночью Кребс вернулся из Берлина в Цоссен. Он сообщил мне, что Гитлер запретил мою поездку во Франкфурт-на-Одере и приказал явиться к нему 28 марта вместе с генералом Буссе для обсуждения «положения». Гитлер воспринял мою сводку как своего рода поучение и поэтому очень рассердился. Обсуждение обстановки должно было, следовательно, проходить весьма бурно.

28 марта 1945 г. в 14 час. в тесном бомбоубежище имперской канцелярии собрался обычный круг людей; был здесь и генерал Буссе. Появился Гитлер и приказал Буссе начать доклад. После нескольких фраз Гитлер прервал его, упрекнув в том, что он многие факты опускает, как раз те факты, которые, как мне казалось, были вчера мною опровергнуты. После двух-трёх фраз меня охватил гнев. Я прервал Гитлера, указав ему на сообщения, которые я сделал 27 марта в устной и письменной форме.

«Разрешите прервать вас. Вчера я обстоятельно докладывал как в устной, так и в письменной форме, что генерал Буссе не виноват в неуспехе наступления под Кюстрином. 9-я армия использовала все боеприпасы, которыми она располагала. Войска выполнили свой долг. Об этом говорят их слишком большие потери. Поэтому я прошу не делать генералу Буссе никаких упреков». Гитлер ответил: «Я прошу всех господ, кроме фельдмаршала и генерал-полковника, покинуть помещение!» Когда все присутствовавшие вышли в приёмную, Гитлер заявил сухо: «Генерал-полковник Гудериан! Ваше здоровье говорит о том, что вы нуждаетесь в немедленном шестинедельном отдыхе!» Я поднял правую руку: «Я ухожу в отпуск» — и пошёл к двери. Я уже было взялся за дверную ручку, как Гитлер остановил меня: «Пожалуйста, останьтесь же до окончания доклада». Я молча занял своё место. Участников совещания пригласили в помещение, снова начался доклад, как будто ничего и не произошло. Правда, теперь Гитлер не решался делать выпадов против генерала Буссе. В течение доклада, который длился бесконечно долго, два или три раза меня просили высказать своё мнение. Но вот участники покинули бункер. Кейтель, Йодль, Бургдорф и я остались. «Пожалуйста, подумайте о

восстановлении своего здоровья. За шесть недель обстановка станет критической. Тогда вы мне и будете особенно нужны. Куда вы хотите поехать?» — повторил Гитлер. Кейтель посоветовал мне поехать в Бад-Либенштейн. Ведь там так прекрасно! Я ответил, что там уже американцы.

«Вот что? Тогда в Гарц, в Бад-Заксу», — предложил заботливый фельдмаршал. Я поблагодарил его за участие, заметив, что сам выберу себе место отдыха, причём такой курорт, который противнику не удастся занять в течение 48 час. Подняв ещё раз для приветствия правую руку, я покинул в сопровождении Кейтеля бункер фюрера, только теперь уже навсегда. На пути к стоянке машин Кейтель, беседуя со мной, заявил, что я поступил совершенно правильно, не став возражать на этот раз фюреру. Что я мог сказать ему на это? Напрасно было бы возражать.

Вечером я прибыл в Цоссен. Жена встретила меня словами: «Почему же так поздно?!» Я ответил: «Зато в последний раз. Я ушёл в отпуск». Мы бросились друг другу в объятия. Для нас это было спасение.

29 марта я распрощался со своими коллегами, передав все дела Кребсу, собрал все свои вещи (их было очень немного) и 30 марта вместе с женой покинул Цоссен, сев на поезд, отправлявшийся на юг. Я отказался от своего первоначального намерения поселиться в Обергохе, в горах Тюрингского леса, так как американцы быстро продвигались в этом направлении. Мы решили остановиться в санатории Эвенхаузен под Мюнхеном, где я мог заняться лечением своего сердца. 1 апреля меня принял там врач доктор Циммерман, крупный специалист по сердечным заболеваниям. В санатории двое полицейских полевой полиции охраняли меня от надзора со стороны гестапо, о чём мне было сообщено моими друзьями.

1 мая я перевёз свою жену в Дитрамжель, где она была тепло встречена супругой фон Шильхера; сам я направился в Тироль, чтобы там в штабе генерал-инспекции бронетанковых войск дожидаться окончания войны. Вместе с этим штабом 10 мая 1945 г. после подписания безоговорочной капитуляции я сдался в плен американцам.

За событиями, которые происходили после 28 марта, я следил по радио. О них я не намерен говорить.

Глава XIII

ВЕРШИТЕЛИ СУДЕБ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

В своей служебной деятельности я нередко сталкивался с рядом деятелей, оказывавших большое влияние на ход истории германского народа. Поэтому я считаю своим долгом рассказать о тех впечатлениях, которые сложились у меня об этих личностях при непосредственном общении с ними. При этом я отдаю себе полный отчёт в том, что мои впечатления являются субъективными. Это — впечатления солдата, но отнюдь не впечатления политика; они не могут не отличаться во многих отношениях, в том числе и по своей направленности, от впечатлений политических деятелей; отправными моментами моих воспоминаний являются ставшие традиционными для нашей армии понятия воинской чести и солдатской доблести. Ясно, что мои солдатские впечатления нуждаются в дополнении наблюдениями и суждениями других людей, чтобы, сравнивая многочисленные источники, создать более или менее достоверный образ тех людей, от разумных действий или ошибок которых зависел ход событий, оказавшихся для нас роковыми и приведших к катастрофе.

Если до сих пор я стремился к тому, чтобы передать свои личные, непосредственные переживания и впечатления, не прибегая к другим источникам, то в заключительной главе я хотел бы использовать материал, ставший известным мне после нашей катастрофы из бесед и различных произведений.

Гитлер

В центре круга людей, влиявших на нашу судьбу, стоит личность Адольфа Гитлера.

Перед нами — человек из народа, выходец из мелкобуржуазной семьи, получивший небольшое школьное образование и недостаточное домашнее воспитание, человек, который со своим грубым языком и грубыми нравами чувствует себя на месте лишь в узком кругу своих земляков. Вначале он без предубеждения относился к высшим, культурным кругам общества, особенно во время бесед об искусстве, музыке и на другие подобные темы. Только позднее некоторые лица, составлявшие ближайшее окружение Гитлера и сами не отличавшиеся высокой культурой, сознательно вызывали у фюрера чувство глубокой антипатии к этим кругам. Эти люди стремились противопоставить Гитлера интеллигентным людям и людям высокого происхождения и исключить возможность их влияния на фюрера. Этому способствовало то обстоятельство, что в Гитлере жило злопамятство, он хотел мстить за своё низкое положение в детские и юношеские годы. Считая себя крупным революционером, он думал, что защитники различных традиций не только мешают ему, но и стремятся заставить его отказаться от своего пути. Здесь мы находим первый ключ к душе Гитлера. Она, будучи комплексом чувств, и породила его всё увеличивающуюся неприязнь к князьям и дворянам, учёным и юнкерам, чиновникам и офицерам. И если вначале, после взятия власти в свои руки, он иногда и стремился усвоить нормы поведения в хорошем светском обществе и международный этикет, то потом, в годы войны, он окончательно от этого отказался.

Гитлер — в высшей степени умный человек, он обладал исключительной памятью, особенно на исторические даты, разные технические данные, цифры и сведения хозяйственных статистических отчётов. Он читал всё, что ему попадалось на глаза, и восполнял таким образом пробелы своего образования. Он всё больше и больше удивлял своей способностью абсолютно точно воспроизводить то, что он когда-то читал или когда-нибудь слышал во время доклада. «Шесть недель тому назад вы говорили мне совсем другое!» — эти слова будущего канцлера и верховного главнокомандующего наводили страх на его подчинённых. Если подчинённый осмеливался возражать, Гитлер немедленно проверял его данные по стенограммам, которые велись на каждом совещании.

Он обладал даром облекать свои мысли в легко доступные формы и убеждать слушателей в их правильности беспрестанным повторением. Почти все свои речи и выступления, независимо от того, выступал ли он перед многотысячной аудиторией или перед небольшим кругом людей, он начинал словами: «Когда я в 1919 г. решил стать политическим деятелем...», так же как свои политические речи и нравоучения он всегда заканчивал словами: «Я не пойду на уступки и никогда не капитулирую!»

Гитлер обладал необыкновенным ораторским талантом; он умел убеждать не только народные массы, но и образованных людей. В своих речах он исключительно умело подделывался под образ мышления своих слушателей. Перед промышленниками он говорил иначе, чем перед солдатами, перед последовательными национал-социалистами по-другому, чем перед скептиками, перед гаулейтерами иначе, чем перед мелкими чиновниками.

Самым выдающимся его качеством была его огромная сила воли, которая притягивала к нему людей. Эта сила воли проявлялась столь внушительно, что действовала на некоторых людей почти гипнотически. Я сам лично часто переживал такие минуты. В главном штабе вооружённых сил ему почти никто никогда не возражал; его сотрудники находились или в состоянии постоянного гипноза, как Кейтель, или в состоянии разочарования, как Йодль. Даже самоуверенные, храбрые перед лицом врага люди попадали под влияние Гитлера и отказывались от своих возражений, когда последний произносил речь со своей почти не опровергаемой логической последовательностью. Выступая перед небольшим кругом людей, он наблюдал за каждым слушателем, точно определяя результаты воздействия своих слов. Если он видел, что тот или другой слушатель не поддаётся силе внушения, что он не стал ещё его «медиумом», то Гитлер говорил до тех пор, пока не убеждался в укрощении этого строптивого духа. Если ожидаемой реакции не наступало, то этот стойкий характер подвергался нападкам гипнотизёра: «Этого человека я не убедил». От таких личностей Гитлер всегда стремился избавиться. Чем дальше он продвигался по пути успеха, тем нетерпимее он становился.

Из того факта, что Гитлеру удавалось сильно воздействовать на людей, сделали неправильный вывод о якобы особо впечатлительном

характере немцев. У всех народов всегда находились такие выдающиеся личности, перед силой внушения которых не могли устоять люди, хотя действия этих личностей и не всегда соответствовали духу христианского учения. Из новейшей истории можно привести французскую революцию с её крупными деятелями, затем после неё в качестве такого же примера можно взять личность Наполеона; французы шли за своим великим корсиканцем до наступления полной катастрофы, хотя они давно уже должны были знать, что его путь ведёт к поражению. Народ Соединённых Штатов поддавался во время обеих мировых войн, несмотря на своё миролюбие, силе внушения своих президентов, стремившихся участвовать в этих войнах. Итальянцы преданно шли за Муссолини. О России, где народ-гигант вопреки своему первоначальному убеждению стал большевистским благодаря силе идей Ленина, нечего и говорить.

Тот факт, что немцы послушно следовали за Гитлером, имел тоже свои причины; эти причины были созданы в первую очередь ошибочной политикой, которую проводили державы-победительницы после первой мировой войны. Эта политика и создавала предпосылки, питательную среду, на которой смогло взойти семя национал-социализма, приведшее к безработице, тяжёлым налогам, унижительным передачам части территорий страны другим государствам, потере свободы, отсутствию равенства и военной беспомощности. Пренебрежение четырнадцатью пунктами президента Вильсона во время заключения Версальского договора со стороны стран-победительниц в первой мировой войне подорвало у немцев доверие к великим державам. Стало быть, человек, который обещал народу освободить его от цепей Версаля, играл в сравнительно лёгкую игру, тем более, что формально существовавшая Веймарская демократия, несмотря на честные стремления, не могла добиться каких-либо крупных внешнеполитических успехов и не в состоянии была преодолеть внутренние трудности в стране. В таких условиях Гитлер смог, обещая благоприятные внутривнутриполитические и внешнеполитические перспективы, собрать большое количество голосов, создать демократическим путём самую сильную в стране партию и по демократическим законам прийти к власти. Питательная среда была налицо, поэтому нельзя упрекать немцев в том, что они якобы более чувствительны к убеждению, чем другие народы.

Обещания Гитлера по внешнеполитическим вопросам состояли в том, чтобы освободить немцев от гнёта несправедливого Версальского договора, по внутриполитическим вопросам — уничтожить безработицу и политические склоки партий. Эти цели были сокровенными желаниями каждого честного немца. И кто только об этом не мечтал? Выдвигая эти ясные цели, за которые готов был пламенно бороться каждый порядочный немец, он объединил вокруг себя уже в начальный период своей деятельности миллионы людей, начавших сомневаться в способностях своих государственных деятелей и в доброжелательстве бывших противников Германии. Чем больше конференций оканчивалось безрезультатно, чем больше увеличивался гнёт репарационных платежей и чем больше увеличивалось неравенство, тем больше немцев собирала вокруг себя свастика. Попробуйте перенестись мысленно в 1932–1933 гг. и представить себе то отчаянное положение, в котором находилась тогда Германия. Более 6 миллионов безработных, т. е. вместе с семьями около 25 миллионов голодающих людей, рост беспризорности среди детей рабочих, которые скитались без дела по улицам Берлина и других крупных городов, рост преступности — всё это позволило коммунистам собрать 6 миллионов голосов. Вне всякого сомнения, в дальнейшем они собрали бы ещё больше голосов, если бы национал-социалистская партия Гитлера не увлекла за собой и эти миллионы, убедив их в полезности нового идеала и новой веры.

Каждый помнит, как незадолго до этого Франция и Великобритания запретили экономическое сотрудничество Германии и Австрии, которое, правда, весьма незначительно, но всё же облегчило бы положение обеих стран, при этом совершенно не подвергая какой-либо опасности политическую мощь западных держав. Экономика Австрии также находилась в то время на краю пропасти вследствие Сен-Жерменского договора — документа Версальской системы; Австрия не может существовать без экономического союза с крупной промышленной страной. Надо надеяться, что эта проблема будет также решена Европейским экономическим союзом. В то время запрещение австро-германского экономического союза в высшей степени ожесточило в Германии даже весьма умеренных людей так называемой «западной ориентации», так как это было знаком полнейшего безрассудства и произвола, проводимого державами-победительницами

12 лет после окончания войны и 6 лет после принятия Германией в Лигу наций. Оценивая сложившуюся в то время обстановку, умеренные критики заявили, что такая политика стран-победительниц чрезвычайно способствовала успеху Гитлера на выборах в 1931–1932 гг.

Во всяком случае, Гитлеру удалось собрать под своё знамя такую сильную партию, мимо которой уже нельзя было безразлично пройти. Президент, престарелый фельдмаршал фон Гинденбург, назначил Гитлера после продолжительной душевной борьбы рейхсканцлером. Несомненно, что он с большим трудом решился на это, а вместе с ним и многие немцы отрицательно относились к личности Гитлера и к его методам прихода к власти.

Придя к власти, Гитлер устранил оппозицию. Бесцеремонность, с которой он расправился со своими противниками, раскрыла ещё одну важную черту характера будущего диктатора. Он мог открыто проявлять это своё качество, ибо оппозиция была слабой и разрозненной и развалилась почти без борьбы, как только он начал против неё энергично действовать. Благодаря этому Гитлер смог провести законы, опираясь на которые он свёл по существу Веймарскую конституцию к диктатуре одной партии.

Бесцеремонность, проявляемая Гитлером при подавлении внутреннего сопротивления, перешла в жестокость при расправе с Ремом. Правда, ряд убийств лиц, которые не имели никакого отношения к Рему, но были нежелательны по другим причинам, был совершён без ведома Гитлера; впрочем, никаких раскаяний в связи с такими злодеяниями не последовало. Президент фельдмаршал Гинденбург, находясь уже на пороге смерти, не мог больше вмешиваться в дела Гитлера. В то время Гитлер всё же вынужден был извиниться перед офицерским корпусом за убийство генерала фон Шлейхера, обещая не допускать повторения подобных случаев.

Тот факт, что за упомянутыми злодеяниями, совершёнными 30 июня 1934 г., не последовало никакого раскаяния, означал, что над германским государством нависла серьёзная угроза. Кроме того, это в высшей степени укрепляло Гитлера в сознании своего могущества. Урегулирование вопроса преемственности после смерти Гинденбурга путём умело проведённого закона, а также умело обоснованного

плебисцита привело, наконец, к тому, что Гитлер, пусть даже сначала формально, встал во главе рейха.

Перед Гитлером был поставлен вопрос, не хочет ли он укрепить и узаконить свои позиции путём восстановления монархии. Позднее в одном из своих выступлений перед офицерами в Берлине он заявил, что он весьма тщательно обдумывал этот вопрос. Он нашёл якобы во всей истории только один пример, когда умный монарх терпел рядом с собой выдающегося канцлера, признавал его заслуги и считал его своим крупным партнёром в политической игре до самой своей смерти; это были кайзер Вильгельм I и Бисмарк. Но все другие известные ему исторические примеры не дают монархов с таким величием души и с таким умом. Он, Гитлер, беседовав, со своим другом Муссолини по этому вопросу, который рассказал ему о тех трудностях, которые приходится преодолевать в Италии из-за короля; вот почему он, Гитлер, не хочет восстанавливать монархию.

Гитлер избрал диктатуру!

В результате этого он достиг значительных успехов: устранил безработицу, поднял дух рабочих, оздоровил национальное сознание, ликвидировал партийный хаос. Было бы неверно не признавать эти его заслуги.

Укрепив свою власть внутри страны, Гитлер перешёл к выполнению своей внешнеполитической программы. Возвращение Саарской области, восстановление военного суверенитета, военная оккупация Рейнской области, аншлюсс Австрии — все эти действия совершались с одобрения германского народа. Их терпела и даже признавала за граница, проявляя тем самым понимание справедливых претензий германского народа. Это в первую очередь относится к западным народам, осознавшим, руководствуясь настоящим чувством справедливости, трагические ошибки Версальского договора.

Значительно труднее было действовать Гитлеру при освобождении судетских немцев, воспитывавшихся более двадцати лет в духе чешского национализма. Кроме того, чешское государство было связано договорными обязательствами с Французской республикой. Установленные в 1918 г. в нарушение права самоопределения народов границы этого государства отрицались Германией, что вело к расторжению союза с Францией, а возможно даже и к войне. Гитлер оценивал государственных деятелей западных держав, руководствуясь

своими впечатлениями. Сильно развитый политический инстинкт позволил ему определить, что большинство французского народа и все более или менее умеренно настроенные государственные деятели Франции не будут считать урегулирование этой когда-то несправедливо разрешённой проблемы поводом для войны. Так же внимательно следил Гитлер и за настроениями английского народа, с которым он хотел жить в мире. И он не ошибся. Вместе с другом Гитлера Муссолини в Мюнхен прибыли английский премьер-министр Чемберлен и французский премьер-министр Даладье, которые заключили с Гитлером соглашение, легализующее политику Германии в отношении Чехословакии. Гитлер руководствовался при этом теми заключениями, которые были сделаны дальновидным политическим экспертом, английским наблюдателем лордом Рансиманом. Это соглашение сохранило мир, но одновременно усилило у Гитлера чувство собственного достоинства и сознание своего могущества перед западными державами. Может быть, эти государственные деятели Запада были достойными представителями своих стран, но в глазах Гитлера их полная готовность идти на компромисс была обесценена тем, что она проявилась сразу под давлением его личности. Предостережения немцев, о которых знали англичане, не встречали никакой реакции; более того, они укрепляли позиции Гитлера.

К началу 1938 г. все государственные органы всецело находились в руках Гитлера, кроме армии, — единственной организации, со стороны которой он всё ещё боялся встретить серьёзное сопротивление своему режиму. Поэтому незадолго до аншлюсса Австрии армия была насколько ловко, настолько же необдуманно лишена своего командования (кризис Бломберга-Фрича) и втиснута в орбиту успехов. Все тогдашние военные руководители, правда, хорошо понимавшие события, но лишённые власти, молчали. Об истинном положении вещей не знало подавляющее большинство генералов, а тем более войска. Все намерения тех немногих лиц, которые были более или менее посвящены в дела государства, оказать сопротивление Гитлеру держались если не в голове, то уж, во всяком случае, где-нибудь в письменном столе авторов, если намерения были изложены на бумаге. Внешне такие люди создавали видимость лояльности. Слова предостережения громко не произносились, мысли об оказании

сопротивления фюреру не высказывались; таких случаев не было и в вермахте. Оппозиция в армии слабела с каждым годом, ибо теперь каждый новый призывной возраст приходил из организации «гитлерюгенд»; её члены, отбывая трудовую повинность и уже состоя в партии, обязывались служить Гитлеру. Также и офицерский корпус с каждым годом всё больше и больше пополнялся молодыми национал-социалистами.

С ростом собственной самонадеянности, с укреплением власти внутри страны и с увеличением авторитета Германии за границей в результате одержанных успехов Гитлером всё больше и больше обуревало чувство наглого высокомерия: он ни с кем и ни с чем не хотел считаться. Это высокомерие увеличилось до болезненных размеров благодаря посредственности и незначительности лиц, поставленных Гитлером на руководящие посты третьего рейха. Если вначале Гитлер прислушивался к деловым предложениям, по крайней мере, обсуждал их, то впоследствии он всё больше и больше переходил к автократии. Это нашло своё выражение прежде всего в том, что с 1938 г. кабинет министров не созывался на заседания. Министры работали, руководствуясь отдельными распоряжениями Гитлера; совместных обсуждений крупных политических проблем больше не проводилось. С этого времени многие министры или совсем не могли попасть на доклад к Гитлеру, или попадали только в очень редких случаях, даже тогда, когда они этого усиленно добивались. В то время как министры пытались соблюдать порядок служебных инстанций, рядом с государственной бюрократией возникла партийная бюрократия. Гитлеровский принцип: «не государство командует партией, а партия командует государством!» создал совершенно новое положение. Таким образом, государственная власть перешла в руки партии, т. е. в руки гаулейтеров. Последние назначались на высокие государственные посты не потому, что имели способности государственных руководителей, а потому, что успешно справлялись с партийной работой в партийных органах; при этом на другие способности, как правило, не обращали особого внимания.

Так как многие партийные работники усвоили беспринципность Гитлера в достижении своих целей, политические нравы стали совершенно дикими. Государственные органы утратили свою власть.

То же самое происходило и с юстицией. Фатальный закон о предоставлении чрезвычайных полномочий дал диктатору право издавать постановления, имеющие силу закона, без обсуждения их в парламенте. Даже если бы парламент и участвовал в обсуждении этих постановлений, он после 1934 г. не сумел бы повлиять на ход событий, так как этот парламент лишь формально избирался на основе всеобщих и равных выборов при тайном голосовании.

Весной 1939 г. наглое высокомерие Гитлера дошло до того, что он решил присоединить Чехословакию в качестве протектората к рейху. Правда, этот его шаг не привёл к войне, но над предостережениями, исходившими из Лондона, нужно было задуматься. После оккупации Чехословакии к рейху была присоединена Мемельская (Клайпедская) область. Государственная власть в стране казалась такой сильной, что можно было спокойно разрешить все прочие национальные задачи. Но Гитлер был далёк от такого мнения. Спрашивается — почему? Оказалось, он руководствовался странным предчувствием, — а их было много у Гитлера, — предчувствием ранней смерти: «Я знаю, что я долго не проживу. Я не должен терять времени. Мои преемники не будут обладать такой энергией, какой обладаю я. Им трудно будет в силу своей слабости принять серьёзные решения. Такие решения должны быть приняты сегодня. Всё это я должен сделать сам, пока жив!» Так он гнал вперёд невероятным темпом себя, свой государственный и партийный аппарат и весь народ по избранному им пути.

«Если фортуна, богиня счастья, летит мимо на своём золотом шаре, нужно решительно прыгать и хвататься за край её одеяния. Если этого не сделать, она исчезнет навсегда!» И Гитлер прыгал!

Осенью 1939 г. он поставил себе цель ликвидировать Польский коридор. Предложения, которые он сделал Польше, могут, окидывая взглядом прошлое, считаться умеренными. Но поляки, особенно министр иностранных дел Польши Бек, не хотели думать о принятии согласованного решения. Они положились на гарантию своей независимости, которую получили в то время от Англии, начали колебаться при выборе пути и избрали войну. Выбрав такой же путь, Англия, а под её влиянием и Франция объявили войну рейху. Разразилась вторая мировая война. Стремления Гитлера ограничить этот конфликт рамками Польши провалились.

Подписывая договор с Советской Россией, Гитлер действовал вразрез своей собственной антибольшевистской идеологии. В одном из своих высказываний, сделанном в моём присутствии во время завтрака в сентябре 1939 г., Гитлер выразил неуверенность, что народ правильно воспримет этот его шаг. Однако народ и особенно армия были довольны тем, что удалось обеспечить тыл империи с востока после того, как война вследствие нападения Западных держав расширилась в противоположном направлении. Германскому народу и его армии не нужна была война с Советским Союзом. Наш народ и наша армия были бы счастливы, если бы им удалось после окончания западной кампании 1940 г. получить справедливый мир.

После окончания западной кампании Гитлер находился в зените своей славы, но червь уже начал подтачивать государственное здание Германии после эвакуации англичанами своего экспедиционного корпуса из-под Дюнкерка. Совершенно прав был Уинстон Черчилль, когда это событие, несмотря на значительные потери англичан, он рассматривал и праздновал как победу и прежде всего как победу английских военно-воздушных сил над германскими. Над Дюнкерком и немного позже над Англией германские военно-воздушные силы из-за неправильного их применения несли такие тяжёлые потери, что навсегда утратили своё первоначальное и без того незначительное превосходство над английскими военно-воздушными силами.

В том, что наши военно-воздушные силы неправильно применялись, виновны в одинаковой мере как Гитлер, так и Геринг. Ни храбрость лётчиков, ни их мастерство, ни тактико-технические данные наших самолётов не могли возместить тех потерь, какие понесли наши военно-воздушные силы из-за тщеславия своего главнокомандующего и мягкого отношения Гитлера к своему первому сподвижнику. Только позже Гитлер определил истинную ценность, точнее, малоценность Геринга, но характерно, что он не решился «по внутривнутриполитическим причинам» произвести какие-либо изменения в командовании военно-воздушными силами, имеющие решающее значение для исхода войны.

Неоднократно утверждали, что Гитлер питал сильное доверие к своим «старым борцам». Если говорить о рейхсмаршале, то это предположение, к сожалению, верно. Правда, Гитлер нередко порицал его, но никогда не делал из ошибок Геринга ясных выводов.

Западная кампания 1940 г. выявила ещё одну черту характера Гитлера. Гитлер был очень смел в разработке своих планов. Такими планами являлись: план захвата Норвегии и план танкового прорыва под Седаном. В обоих случаях он соглашался с самыми смелыми предложениями. Но когда при практическом осуществлении этих планов он сталкивался с первыми трудностями, он сдавал, в противоположность своей непоколебимой настойчивости при разрешении трудностей политического характера, пасовал перед военными проблемами, инстинктивно чувствуя недостаточность своей подготовки в этой области.

Так произошло в Норвегии, когда стало серьёзным положение под Нарвиком и нужно было просто напрячь нервы, чтобы не уступать противнику. Только благодаря смелым действиям подполковника фон Лосберга и генерала Йодля в Норвегии удалось спасти положение.

Так произошло под Седаном, когда нужно было быстро и энергично использовать первоначальный успех, который был неожиданно одержан нами, во всяком случае, неожиданно для Гитлера и его советников. Но по приказам Гитлера (первый поступил 15 мая, второй 17 мая 1940 г.) я должен был приостановить наступление. То, что я не остановил наступления, не является заслугой Гитлера. Самым же пагубным было прекращение продвижения на р. Аа перед Дюнкерком, что позволило англичанам отойти и укрыться в крепости, а потом и эвакуироваться из неё. Если бы танковые соединения получили право свободно действовать, мы бы могли быстрее англичан достигнуть Дюнкерка и отрезать их тем самым от моря. Это был бы такой удар, который намного улучшил бы перспективы высадки нашего десанта на территории Англии, а последнее, возможно, заставило бы противника, вопреки противоположным стремлениям Черчилля, пойти на переговоры.

Была допущена и ещё одна ошибка. Куцее перемирие с Францией, окончание западной кампании по достижении побережья Средиземного моря, отказ от немедленной высадки войск в Африке и от наступления в направлении Суэцкого канала и Гибралтара сразу же после окончания кампании во Франции — всё это доказывает правильность утверждения: Гитлер был смелым, даже дерзновенным при составлении планов, но он был трусливым при выполнении своих военных замыслов. Куда лучше было бы для Германии, если бы Гитлер

тщательно и осторожно планировал, быстро и целеустремлённо выполнял свои планы, т. е. если бы он действовал по пословице: «Семь раз отмерь, один раз отрежь!».

Касаясь вопросов африканской кампании, следует добавить, что Гитлер возлагал большие надежды на Муссолини, находясь в плену чисто континентальных представлений о ведении военных действий. Он имел слабое представление о море в целом и не имел понятия о вопросах, связанных с господством на море. Я не знаю, читал ли он книгу американского адмирала Мэхена «Влияние морской мощи на историю», во всяком случае, в своих действиях он не придерживался принципов, изложенных в этой книге.

В результате этих недостатков летом 1940 г. он в нерешительности остановился перед неразрешённой проблемой — дать своему народу мир. Он не знал, как можно подступиться к англичанам. Его вермахт находился в боевой готовности. Полностью отмобилизованные вооружённые силы не могли пребывать долгое время в бездействии. Он чувствовал, что назревала необходимость действовать. Но что могло произойти? Старый идеологический противник, против которого он всегда боролся и борьба с которым привлекала на его сторону массу его избирателей, спокойно стоял на нашей восточной границе. Его одолевал соблазн учинить Советам расплату, используя время, предоставляемое Германии временным затишьем на основном, Западном фронте. Он ясно осознавал ту опасность, которая нависла над Европой и всем Западом со стороны коммунизма, который нашёл своё воплощение в Советском Союзе и который стремится к мировому господству. Он знал, что такого мнения придерживается большинство нашего народа, даже очень многие порядочные европейцы во всех странах. Совсем другим вопросом являлась выполнимость этих его идей в военном отношении.

Он всё больше и серьёзнее начинал думать о планах войны с Россией. Но его необыкновенно богатая фантазия приводила к тому, что он недооценивал всем известную мощь Советской державы. Гитлер утверждал, что моторизация наземных и воздушных сил открывает новые перспективы на успех, которые нельзя сравнить с перспективами, имевшимися когда-то у шведского короля Карла XII и Наполеона. Он утверждал, что мы можем рассчитывать на то, что при успешном нанесении первых ударов по противнику его советская

государственная система рухнет. Он надеялся далее, что русский народ воспримет тогда идеи национал-социализма. Но когда началась война, случилось много такого, что помешало этому повороту. Плохое обращение с населением оккупированных областей со стороны высших партийных инстанций, стремление Гитлера распустить русскую империю и присоединить к Германии большую часть территории России — всё это сплотило всех русских под знаменем Сталина. Они сражались против иностранных захватчиков за «матушку Русь».

Одной из причин этого являлось неуважение других рас и народов. Ведь ещё до войны оно проявлялось в Германии в роковой близорукости и безответственной жестокости при обращении с евреями. Теперь эта ошибка принимала худшие формы. Если уж говорить о том, что погубило дело национал-социализма и вообще Германию, то это — расовое сумасбродство.

Гитлер хотел объединить Европу; это намерение фюрера с самого начала было обречено на провал, так как он со своим пренебрежением к разнообразности национальных характеров народов пытался действовать нейтралистскими методами.

Война в России сразу выявила истинные силы и потенциальные возможности Германии. Но Гитлер не сделал из этого соответствующего вывода, он и не думал о приостановлении или, на плохой конец, об ограничении военных действий; он продолжал свою безрассудную авантюру. Гитлер хотел добиться низвержения России беспощадной жестокостью. В непонятном ослеплении он вступил также в войну с Соединёнными Штатами Америки. Разумеется, военный декрет президента Рузвельта создал в стране такое положение, которое говорило, что война не за горами. Однако до объявления войны Германией могло бы пройти довольно много времени, если бы не наглое высокомерие Гитлера.

С этим чудовищным шагом — объявление войны Германией Соединённым Штатам — совпало крупное поражение наших войск на полях сражений под Москвой. Гитлеровская стратегия в результате отсутствия в ней последовательности и частых колебаний при принятии того или иного решения оказалась битой. Теперь бесцеремонная жестокость по отношению к собственным войскам должна была возместить то, чего недоставало в голове у этого решительного человека. Некоторое время это имело успех. Но невозможно было

продолжительное время жить воспоминаниями о гренадерах Фридриха Великого и о жертвах, которые они несли по повелению всемогущего короля и полководца. Невозможно было ставить свою собственную личность в один ряд с германским народом и недооценивать при этом его элементарные жизненные потребности.

Перехожу к личным качествам Гитлера, каковыми я их себе представляю. Каков был его образ жизни? Гитлер был вегетарианец, алкогольных напитков не употреблял, не курил. Сами по себе это были качества, достойные уважения, качества, гармонирующие с его убеждением и соответствующие его аскетическому образу жизни. Но была у него и роковая черта в характере — замкнутость, самоудовлетворение. У него не было ни одного настоящего друга. Даже его старые партийные коллеги были всего лишь его сподвижниками, но отнюдь не друзьями. Насколько мне известно, Гитлер ни с кем не поддерживал дружественных отношений. Никому он не рассказывал о своих сокровенных мыслях, ни с одним человеком не беседовал откровенно. Как не мог он найти себе друзей, так не мог он иметь способностей страстно и серьёзно любить женщину. Он так и остался холостяком. Детей у него никогда не было. Всё, что делает земную жизнь священной — дружба с благородными людьми, чистая любовь к женщине, любовь к своим детям, — всё это было Гитлеру совершенно чуждо. Одинокó шёл он по миру, помешанный на своих гигантских планах. Мне могут возразить, указывая на дружеские отношения Гитлера и Евы Браун; я лично никогда ничего не знал об этих отношениях, никогда не видел Евы Браун, хотя, бывало месяцами, почти каждый день встречался с Гитлером или с его приближёнными. И только уже находясь в плену, я узнал о его чувствах к этой женщине. Но, к сожалению, Ева Браун, очевидно, не оказывала на Гитлера никакого влияния. Именно она смогла бы, может быть, смягчить его чувства.

Таков был диктатор Германии, лишённый мудрости и чувства меры своих кумиров — Фридриха Великого и Бисмарка, одинокó и беспомощно рвавшийся от успеха к успеху, а затем также скатывавшийся от неудачи к неудаче, одержимый всегда гигантскими планами, всегда прибегавший к самым последним средствам для достижения успеха, считавший свою личность олицетворением нации.

Он превращал ночь в день. Было уже далеко за полночь, а в его кабинете один докладчик сменялся другим.

До катастрофы под Сталинградом он иногда устраивал часы отдыха, проводя их в кругу работников верховного командования вооружённых сил. Потом он стал принимать пищу один, редко приглашая одного или двух гостей. Торопливо съедал он свои овощные или мучные блюда, запивая их холодной водой или солодовым пивом. Заслушав последний вечерний доклад, он часами просиживал со своими адъютантами и секретаршами, обсуждая до рассвета свои планы. Затем он ложился спать. Отдыхал очень мало; когда уборщицы в 9 час. убирали его спальню, он был уже на ногах. Принимал невероятно горячую ванну, чтобы прогнать сонливость. Пока всё шло хорошо, не было очевидных последствий такой ненормальной жизни. Когда же последовало одно поражение за другим, когда нервы начали не выдерживать, Гитлер стал всё чаще и чаще принимать лекарства; ему делали впрыскивание для укрепления сна, для придания организму бодрости, для успокоения сердца. Его личный врач Морель давал ему всё, что тот требовал, но пациент нередко не соблюдал предписанной ему дозировки, особенно много он принимал возбуждающих средств, содержащих стрихнин, — всё это подтачивало постепенно его тело и душу.

Когда я увидел Гитлера после катастрофы под Сталинградом (я не встречался с ним 14 месяцев), я заметил, что он сильно изменился. Левая рука тряслась, сам он сгорбился, глаза навыворот смотрели застывшим, потухшим взглядом; щёки были покрыты красными пятнами. Он стал ещё более раздражительным, терял в гневе равновесие, не отдавал себе никакого отчёта в том, что он говорил и какие решения принимал. Окружавшие его люди привыкли к выходкам Гитлера, со стороны же признаки его всё большего заболевания становились всё более очевидными. После покушения, совершённого на него 20 июля 1944 г., у Гитлера подёргивалась не только левая рука, но и вся левая половина туловища. Когда он сидел, то левую руку придерживал правой, правую ногу клал на левую, чтобы сделать менее заметным их нервное подёргивание. Его походка стала вялой, сутулой, движения — очень медленными. Когда он садился, требовал, чтобы ему подставляли стул. По характеру же по-прежнему был вспыльчивым; но эта вспыльчивость имела что-то зловещее, потому что она исходила из

неверия в людей, из стремления скрыть своё физическое, душевное, политическое и военное поражение. Он постоянно стремился к тому, чтобы ввести себя и окружающих в заблуждение относительно истинного положения вещей, пытаясь сохранить хотя бы видимость крепости своего государственного здания.

С упорством фанатика он хватался, как утопающий, за соломинку, чтобы спасти от катастрофы себя и своё дело. Всю свою невероятную силу воли он направлял на мысль, с которой он постоянно носился: «Никогда не уступать, никогда не капитулировать!».

Как часто он об этом говорил! Теперь он также должен был руководствоваться этим принципом в своих действиях.

В этом человеке, которого германский народ сделал своим вождём в надежде, что он создаст новый социальный порядок, поможет стране оправиться от катастрофы в результате первой мировой войны, обеспечит спокойную, мирную жизнь, демон побеждал гения. Все добрые духи покинули его тело, он кончил свою жизнь вместе с полной катастрофой своего дела, и вместе с ним в пропасть был повержен добрый, великодушный, трудолюбивый и верный германский народ.

Находясь в плену, я беседовал с врачами, знавшими Гитлера и его болезни; они называли его болезнь «paralysis agitans» или «Паркинсонова болезнь». Дилетант в области медицины мог, конечно, определить только внешние симптомы этого недуга, но отнюдь не поставить правильный диагноз. Врач, который первый правильно определил, как мне помнится, это было в начале 1945 г., болезнь Гитлера, берлинский профессор де Кринис, вскоре покончил с собой, и его диагноз остался неизвестным. Личные врачи Гитлера молчали. Имперский кабинет министров не имел, вероятно, ясной картины о состоянии здоровья Гитлера; но даже если бы он знал об этом, то вряд ли бы он сделал из этого соответствующие выводы. Можно предполагать, что причиной такого ужасного заболевания является не какая-нибудь ранее имевшая место венерическая болезнь, а сильная простуда, например грипп. Но пусть врачи занимаются этим делом. Германскому народу следует только знать, что человек, стоявший во главе его, человек, которому народ так доверял, как ни один народ не доверял никогда ни одному вождю, был больным человеком. Эта болезнь стала его несчастьем, его судьбой, а также несчастьем и судьбой его народа.

Партия

Если не говорить о заместителе Гитлера Рудольфе Гессе, то Герман Геринг, который должен был стать преемником Гитлера, был самой выдающейся личностью национал-социалистской партии Германии. Геринг — кадровый офицер первой мировой войны, преемник Рихтгофена, лётчик-истребитель, кавалер ордена «Пур-ле-Мерит» («За заслуги»), в послевоенное время — один из основателей штурмовых отрядов.

Грубый человек, с совершенно бесформенным телосложением, он проявил на первых порах своей деятельности большую энергию и заложил основы современных военно-воздушных сил Германии. Без этой энергии, направленной на строительство третьего вида вооружённых сил, вряд ли удалось бы создать действительно современные, способные решать оперативные задачи германские военно-воздушные силы. Представители двух старых видов вооружённых сил недооценивали необходимость развития авиации. Первый начальник генерального штаба военно-воздушных сил генерал Вевер, несмотря на свои блестящие способности, не мог бороться с ними.

Но создав германские военно-воздушные силы, Геринг поддался соблазнам вновь приобретённой власти; он выработал привычки феодального властелина, начал коллекционировать ордена, драгоценные камни, разные антикварные вещи, построил знаменитый дворец «Карингаль» и обратился к кулинарным наслаждениям, причём достиг в этой области заметных успехов. Однажды, углубившись в созерцание старинных картин в одном замке в Восточной Пруссии, он воскликнул: «Великолепно! Я теперь человек эпохи Возрождения. Я люблю роскошь!» Он одевался всегда вычурно. В Карингале и на охоте он подражал в одежде древним германцам, на службу он появлялся в форме, не предусмотренной никакими уставами: в красных юфтевых ботфортах с позолоченными шпорами — обуви, совершенно немыслимой для лётчика. На доклад к Гитлеру он приходил в брюках

навыпуск и в чёрных лакированных башмаках. От него всегда пахло парфюмерией. Лицо его было накрашено, пальцы рук украшены массивными кольцами с крупными драгоценными камнями, которые он любил всем показывать. Эти ненормальные явления с медицинской точки зрения объясняются нарушением деятельности желёз внутренней секреции.

Будучи уполномоченным по проведению четырёхлетнего плана, Геринг оказывал большое влияние на экономику Германии.

В политике он был дальновиднее своих коллег по партии. В самый последний момент он пытался предотвратить войну, используя для этого своего шведского знакомого Биргера Далеруса, но его действия, к сожалению, не имели успеха.

Во время войны действия Геринга были исключительно пагубными. Он переоценивал авиацию и был повинен в остановке наступления перед Дюнкерком и в упущении момента для нападения на Англию. Он не выполнил обещания снабжать воздушным путём окружённую в Сталинграде 6-ю армию; это обещание побудило Гитлера отдать приказ об удержании города. Он виновен во многих поражениях нашей армии.

Геринг, каким я знал его после 1943 г., был очень плохо осведомлён или даже совсем не осведомлён о действиях военно-воздушных сил. Вмешиваясь в действия сухопутных сил, он действовал безрассудно, проявляя чувство неприязни к армии. Его роль как вероятного преемника Гитлера побуждала его вести себя крайне самонадеянно.

Только в августе 1944 г. Гитлер заметил недостатки своего главнокомандующего военно-воздушными силами. В присутствии Йодля и моем он обрушился на Геринга с руганью: «Геринг! Военно-воздушные силы никуда не годятся. Они недостойны того, чтобы их называли самостоятельным видом вооружённых сил. В этом виноваты вы. Вы лентяй!»

Слушая эти слова, тучный рейхсмаршал пустил слезу. Он ничего не мог возразить. Это была такая неприятная сцена, что я предложил Йодлю выйти и оставить их вдвоём. После этого разговора я порекомендовал Гитлеру сделать соответствующие выводы и заменить рейхсмаршала каким-нибудь способным генералом авиации. Я сказал ему, что явная неспособность Геринга грозит успешному окончанию войны. Но Гитлер ответил: «Этого я не смогу сделать по

государственно-политическим соображениям. Партия не поймёт меня». Моё возражение, что именно государственно-политические соображения требуют замены главнокомандующего военно-воздушными силами, если только вообще желательно сохранить государство, не имело успеха. Рейхсмаршал сохранил до конца войны своё место и свои почести; в последние месяцы он демонстративно снял с себя в знак протеста против критики Гитлером военно-воздушных сил все свои ордена и маршальскую «ламетту», храня их подобно Галланду (Прим.: Галланд Адольф — лётчик, один из организаторов люфтваффе, с ноября 1941 года — командующий истребительной авиацией). Правда, по приказу Гитлера ему по-прежнему приходилось присутствовать на обсуждениях обстановки, но он являлся в скромном костюме, без знаков различия и орденов, в солдатском головном уборе.

Геринг редко отваживался говорить Гитлеру правду.

Только своим поведением в тюрьме и своей смертью он исправил некоторые свои ошибки. Он стойко защищал свои действия и покончил жизнь самоубийством, избежав тем самым наказания земных судей.

Самой тёмной личностью из свиты Гитлера был рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Этот невзрачный человек со всеми признаками расовой неполноценности внешне казался заурядным существом. Он всегда стремился быть вежливым и в противоположность Герингу вёл почти спартанский образ жизни.

Но фантазия Гиммлера не знала границ. Он не жил на земной планете. Исповедуемая им расовая теория была ошибочной и привела его к тяжким преступлениям. Его попытка воспитать германский народ в духе национал-социализма погибла в концентрационных лагерях. Ещё в 1943 г., спустя довольно продолжительное время после катастрофы под Сталинградом, он твёрдо верил, что ему удастся заселить Россию вплоть до Урала немцами. Когда однажды в разговоре я заявил ему, что теперь, пожалуй, уже невозможно колонизировать восточные земли и заселить их добровольными переселенцами, он ответил, что принудительные переселенцы и военнообязанные крестьяне могут сделать немецкой всю территорию вплоть до Урала.

Я ничего не могу сказать конкретно о пороках расовой теории Гиммлера. Гитлер и Гиммлер держали эту часть своих планов в

совершенном секрете.

Всем достаточно известны «методы воспитания» Гиммлера при помощи концлагерей. В период его деятельности наша общественность мало знала об этих методах. Нечеловеческие злодеяния, которые совершались в концлагерях, получили гласность только после войны. Тогда узнал о них и я. Систему, обеспечивающую сохранение в тайне методов, применявшихся в концлагерях, можно назвать просто гениальной.

После 20 июля Гиммлер заразился военным честолюбием; оно заставило его занять пост командующего армией резерва и даже командующего группой армий. Но на военном поприще Гиммлер потерпел первую и полную неудачу. Его оценку наших противников можно назвать просто детской. Страх руководил действиями, когда он командовал группой армий «Висла» в 1945 г. Однако почти до самых последних дней он оставался ушами Гитлера. Но и этот паладин также всегда трепетал перед диктатором. Я неоднократно был свидетелем того, как Гиммлер проявлял в присутствии Гитлера отсутствие чувства собственного достоинства и гражданского мужества. Наглядным примером, этого может служить его поведение 13 февраля 1945 г., описанное мною при описании событий ранее.

Гиммлер был создателем охранных отрядов СС. После катастрофы все эсэсовцы поголовно были привлечены к судебной ответственности. Это нельзя признать справедливым.

СС возникли из личной охраны Гитлера. Стремление контролировать не только рядовых фольксгеноссе, но и партийные организации привело к увеличению СС. После учреждения концлагерей Гиммлер поручил СС охрану мест заключения. Затем из СС выделились чисто военные формирования, получившие название «войск СС» в отличие от «общих СС». Обучение командного состава войск СС было поручено бывшему пехотному генералу Гаусеру, моему старому начальнику по службе в Штеттине. Гаусер был очень способным генералом, умным и храбрым солдатом, прямым и честным человеком. Войска СС должны быть бесконечно благодарны этому выдающемуся офицеру, по крайней мере, хотя бы за то, что он спас их от диффамации, которой подвергались войска СС в Нюрнберге после разгрома Германии.

Во время войны Гиммлер всё больше и больше увеличивал войска СС. Начиная с 1942 г., многочисленные эсэсовские части и соединения начали пополняться не только добровольцами, но и призывниками, так же как и обычные дивизии сухопутных сил. Это лишило их особого характера добровольческой партийной гвардии. Правда, Гиммлер использовал всё своё влияние, дабы обеспечить войскам СС предпочтение при пополнении личным составом и вооружением. Это обстоятельство, способное вызывать зависть, отступало на задний план на полях сражений, где соединения СС и сухопутных сил объединял дух боевого товарищества. Я сам видел, как сражались солдаты дивизии СС «Рейх». Будучи генерал-инспектором бронетанковых войск, я часто инспектировал многочисленные дивизии СС и могу сказать, что с моей точки зрения эти соединения всегда отличались дисциплинированностью, сильным духом товарищества и стойкостью в бою. Дивизии СС сражались плечом к плечу с танковыми дивизиями сухопутных сил (это были наши дивизии, и в ходе войны они всё больше и больше сливались с армией).

Вне всяких сомнений, Гиммлер, умножая войска СС, преследовал другие цели. Гиммлер и Гитлер не доверяли армии; пути этих фюреров были темны, они боялись натолкнуться на сопротивление в том случае, если их намерения будут разгаданы. Поэтому они и довели, несмотря ни на какие трудности, войска СС почти до 35 дивизий. Всё больше и больше создавалось иностранных формирований, некоторые из них были вполне надёжными соединениями, на другие нельзя было полагаться. В конце концов Гитлер потерял доверие даже по отношению к тем, кто считался его наиболее верным оплотом. Лишение эсэсовцев нарукавных знаков в марте 1945 г. показывало, как далеко зашло расхождение между Гитлером и войсками СС.

Совершенно иначе следует оценить «общие СС». В них также были идеалисты, верившие вначале, что они вступают в какой-то рыцарский орден, который налагает на них особые обязательства и даст им взамен особые привилегии. Среди них было много морально здоровых людей из различных слоёв населения и принадлежащих к различным профессиям, которых Гиммлер зачислял в СС, как правило, не спрашивая их желания. На этих людей возложили полицейские обязанности сомнительного характера, и в результате картина изменилась. Части «общих СС» также имели оружие. Непрерывно

увеличивалось количество иностранных формирований, но по своим боевым качествам они стояли гораздо ниже соединений войск СС. Вспомните действия бригад Каминского и Дирлевангера при подавлении в 1944 г. восстания в Варшаве.

Со службой безопасности (СД) и её оперативными группами я никогда не сталкивался в своей служебной деятельности, поэтому не могу о них сообщить ничего нового.

Гиммлер покончил жизнь самоубийством, хотя раньше он всегда осуждал этот шаг, презирал самоубийц и запретил своим эсэсовцам кончать жизнь самоубийством. Таким путём он избежал земного суда, свалив свою тяжёлую вину на плечи других, менее виновных.

Одним из самых умных людей из непосредственного окружения Гитлера был доктор Иозеф Геббельс, гаулейтер Берлина и имперский министр просвещения и пропаганды. Он был искусным оратором и смело боролся с коммунизмом, собрав на выборах большое количество голосов берлинцев. Но он был в то же время опасным демагогом; беззастенчиво вёл агитацию против церкви и евреев, против родителей и воспитателей. Он является одним из организаторов пресловутой «кристальной ночи» в ноябре 1938 г.

Хотя Геббельс и видел ошибки и слабости национал-социалистской системы, но у него не хватало мужества сообщить о них Гитлеру и отстаивать до конца свои взгляды. Перед Гитлером он был так же, как Геринг и Гиммлер, небольшим человеком. Он боялся и обожал его. Мало кто в такой степени поддавался присущей Гитлеру силе внушения, как Геббельс. Он пытался угадывать мысли Гитлера и в своей почти гениально организованной пропаганде выполнял все желания диктатора.

Я сильно разочаровался в Геббельсе, когда он в 1943 г. не нашёл в себе мужества взяться за «слишком горячее железо», как он назвал вопрос о реорганизации верховного командования и государственных органов. Этой нерешительностью он готовил себе и своей семье ужасный конец, который он уже в то время предчувствовал.

Второй (после Гиммлера) тёмной личностью гитлеровского окружения был рейхслейтер Мартин Борман — неотёсанный, грубый, мрачный, замкнутый человек с плохими манерами. Он ненавидел армию, считая её заклятым врагом, стоящим на пути национал-социалистской партии к неограниченному господству. Он пытался

вредить армии, где только мог, сеял недоверие к ней, принимал все меры к тому, чтобы удалять порядочных людей из окружения Гитлера, смещать их с видных государственных и военных постов и заменять своими ставленниками.

Борман препятствовал тому, чтобы Гитлер имел ясное представление о внутриполитическом положении в стране. Он даже запретил гаулейтерам обращаться непосредственно к Гитлеру. Поэтому я и столкнулся с таким смехотворным фактом, когда гаулейтеры, прежде всего Форстер из Западной Пруссии и Гейзер из округа Варта, обратились ко мне, солдату, к которому относились с недоверием, с просьбой помочь им попасть на доклад к Гитлеру. По партийной линии они не могли пройти к фюреру, так как их не пропускал Борман.

Чем хуже становилось здоровье Гитлера, чем больше ухудшалась обстановка на фронтах, тем меньшее количество людей получало доступ к диктатору. Всё проходило через руки Бормана — этой тёмной личности, методы которого увенчались успехом!

С Борманом я неоднократно имел бурные столкновения из-за того, что он своей недальновидной, узко партийной политикой срывал проведение важнейших мероприятий и пытался, в ущерб общему делу, вмешиваться в чисто военные вопросы.

Борман был серым кардиналом Третьего рейха.

Рейхслейтеры и гаулейтеры

Национал-социалистской партией Германии руководили рейхслейтеры и гаулейтеры. Все отрасли жизни немецкого народа были охвачены партийными организациями и включены в организационную схему партии, которая начиналась с организаций «гитлеровская молодёжь» и «союз немецких девушек». Выйдя из рядов гитлеровской молодёжи, юноши переходили в «имперскую службу трудовой повинности» рейхсфюрера по рабочей силе Гирля. Эта организация возникла из добровольной «службы трудовой повинности». Благодаря честности её руководителя и его помощников «имперская служба трудовой повинности» сыграла положительную роль, хотя сегодня и

могут поставить в упрёк её строго военную организацию и методы воспитания. Затем немецкие рабочие переходили в ведение рейхслейтера по делам организации доктора Лея. Организация «сила через радость» заботилась об отдыхе рабочих, организации «зимняя помощь» и «национал-социалистское обеспечение» помогали семьям бедняков; частная и церковная благотворительность считались нежелательными и ограничиваясь.

В Германии был рейхсфюрер здравоохранения, рейхсфюрер крестьянства и так далее.

Разработкой вопросов права в национал-социалистском духе занимался рейхслейтер Франк. Но как раз в этой области национал-социализму и недоставало творческих сил.

Во внешней политике наряду с министром иностранных дел орудовал Альфред Розенберг; он руководствовался в своих действиях экзальтированным идеализмом и часто шёл в разрез с официальной политикой, что наносило большой вред государству.

Даже спорт был регламентирован. Рейхсфюрер спорта фон Чаммерунд Остен с достоинством выполнял свои обязанности и поддерживал авторитет третьей империи на олимпийских играх.

Этот ряд завершала женщина — рейхсфюрерин немецких женщин.

Вышеприведённый список не является исчерпывающим; я привёл его только для того, чтобы разъяснить самый принцип организации. Мы видим, что в действии находились весьма противоречивые силы. Все они функционировали наряду с правительством и поэтому неизбежно во многих случаях действовали и против правительства.

Этот организационный хаос станет ещё очевиднее, если мы посмотрим на следующую категорию национал-социалистских сановников — на гаулейтеров.

Национал-социалисты хотели придать германской империи новую форму и с этой целью они решили заменить территориально-административное земельное деление делением на округа. Для содействия проведению этой новой организации и были назначены гаулейтеры. После аншлюсов Австрии, создания Богемско-Моравского протектората, а также после захвата Познани и Западной Пруссии возникли имперские округа, которые находились за пределами границ старых немецких земель. Но эта реорганизация была проведена только

наполовину, как и другие планы, за которые руководители Германии сначала энергично принимались, но потом не доводили до конца.

Гаулейтеры были по существу наместниками Гитлера; в имперских округах они так и именовались рейхсштатгальтерами, т. е. имперскими наместниками. При подборе и назначении гаулейтеров учитывалась только их деятельность в партии, их административные способности, а личные качества не принимались во внимание. Поэтому среди гаулейтеров можно найти наряду с весьма достойными личностями и нежелательные элементы, которые обесчестили немецкое имя и национал-социализм.

Только в некоторых районах Германии управление гаулейтера было объединено с высшей правительственной инстанцией; так было, например, в округе Майнфранкен, где гаулейтер был одновременно правительственным президентом. Как правило, гаулейтеры работали отдельно от правительственных президентов, оберпрезидентов провинций и премьер-министров земель.

Стало быть, государство фюрера, к которому стремились и которое пропагандировалось Гитлером и его партийной программой, фактически не существовало. Более того, как раз в области государственного управления господствовала становившаяся всё более опасной анархия, которая всё больше и больше увеличивалась назначением многочисленных рейхскомиссаров, генеральных уполномоченных, особых уполномоченных и т. д.

Грандиозные планы строительства имперских автострад, здания для проведения партийных съездов, реконструкции Берлина, Мюнхена и других городов остались незавершёнными, точно так же и имперская реформа была только начата. Ничего не вышло ни из школьной реформы бесталанного министра образования Руста, ни из реорганизации евангелической церкви, предпринятой имперским епископом Мюллером. Видны лишь наброски гигантских планов, но незаконченная работа, ибо руководителям Германии недоставало мудрости и чувства меры и всюду царило чванливое высокомерие. Война окончательно нарушила все эти планы.

Картина, изображающая руководящих политических личностей партии, содержит больше тени, чем света. Знание Гитлером людей не оправдало себя при подборе руководящих партийных работников. Это кажется нам тем более странным, что в окружение Гитлера входил ряд тщательно отобранных молодых людей, которые сохранили чистоту, несмотря на все соблазны. Военная и партийная адъютантура была укомплектована хорошо, почти все работники этих органов отличались вежливостью, благовоспитанностью и скромностью.

В последнее время отрицательное влияние на Гитлера оказывали, кроме Бормана, постоянный заместитель Гиммлера бригаденфюрер СС Фегелейн, который, женившись на сестре Евы Браун, стал свояком Гитлера и начал бестактно использовать свою близость к фюреру. Личный врач Гитлера Морель, занимавшийся сомнительными гешефтами, и, к сожалению, генерал Бургдорф, ставший после смерти Шмундта начальником управления личного состава сухопутных войск, также не отличались благородством своих поступков. Эти люди образовали клику интриганов и окружили Гитлера кольцом, которое мешало фюреру узнать всю правду о событиях. Они предавались безудержному пьянству; их поведение, особенно в последний дни перед катастрофой, даёт нам печальный пример!

Правительство

Наряду со своеобразным партийным аппаратом существовало и имперское правительство. Созданный Гинденбургом имперский кабинет состоял в основном из министров-представителей буржуазных партий. В него входило всего лишь несколько национал-социалистов: Гитлер, министр внутренних дел Фрик и министр авиации Геринг. Но впоследствии в кабинет министров были введены другие национал-социалисты: имперский министр просвещения и пропаганды доктор Геббельс, имперский министр воспитания Руст, имперский министр продовольствия Дарре, имперский министр связи Онезорге, министры без портфеля Гесс и Рем.

Продолжали оставаться на своих постах вице-канцлер фон Папен, имперский министр иностранных дел барон фон Нейрат, имперский министр финансов граф Шверин фон Крозигк, имперский военный министр фон Бломберг, имперский министр экономики Гугенберг (после него Шмитт, затем Шахт), имперский министр юстиции Гюртнер, имперский министр транспорта барон Элтц фон Рюбенах, а позднее Дорпмюллер. Все они были хорошими, а некоторые даже выдающимися министрами-специалистами в своих областях; но на Гитлера они оказывали незначительное влияние.

С упрочением нацистской партии государственная власть всё больше и больше концентрировалась в руках Гитлера. Роль министров настолько уменьшилась, что после 1938 г. они перестали собираться на заседания кабинета и только руководили своими учреждениями. На политику они не оказывали ни малейшего влияния. В области внешней политики изменение состояло в замене барона фон Нейрата на посту имперского министра иностранных дел фон Риббентропом. В этот же день Гитлер стал имперским военным министром и верховным главнокомандующим. Папен был устранён уже после 30 июля 1934 г. Немного позже Шахт был заменён Функом. В 1941 г. Гесс улетел в Англию.

Ближе всего я был знаком с имперским министром финансов графом Шверином фон Крозигк, с имперским министром труда Зельдте, с обоими назначенными во время войны министрами Тодтом и Шпеером (министерство вооружения и боеприпасов) и с министром продовольствия Дарре.

Граф Шверин фон Крозигк представлял собой совершенный тип высокопоставленного германского чиновника. Он получил образование в Англии, был воспитанным и сдержанным человеком.

Зельдте, некогда бывший руководитель «Стального шлема», — порядочный, но не пользовавшийся влиянием человек.

Тодт — благоразумный, умеренный человек, старавшийся смягчать противоречия.

Шпеер — чувствительный, душевный человек, деятель последних лет третьей империи, хороший товарищ, обладавший открытым и отзывчивым характером. Когда-то он был свободным художником, архитектором; затем, после преждевременной смерти Тодта, стал министром. Шпеер не любил бюрократов и всегда трезво и вдумчиво

брался за любое дело. В работе мы великолепно понимали друг друга и, само собой разумеется, там, где это было возможно, помогали друг другу. Мало о ком я могу это сказать. Шпеер был всегда человеком дела. Я никогда не видел, чтобы он излишне раздражался. Он умерял некоторых своих чересчур темпераментных сотрудников и примирял ведомства, если не был в состоянии добиться чего-нибудь большего.

Шпеер находил в себе мужество открыто высказывать Гитлеру своё мнение. Он своевременно сказал ему, приводя обоснованные доводы, что войну не выиграть и что её следует прекратить, чем навлёк на себя гнев Гитлера.

Дарре имел столкновения с Гитлером ещё до войны. Однако он вскоре потерял влияние в партии, о чём, вероятно, постарались его конкуренты.

В общем и целом следует сказать, что имперский кабинет министров не был, к сожалению, в состоянии оказывать влияние на события, происходившие в третьей империи.

Глава XIV

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ ГЕРМАНИИ

Германский генеральный штаб был создан Шарнхорстом и Гнейзенау. У его колыбели, как крёстные отец и мать, витали дух Фридриха Великого и воля к освобождению, вдохновлявшая войну против угнетателя Германии Наполеона. После освободительных войн с наполеоновской Францией Европа вступила в период продолжительного мирного развития. Нужно было восстановить ослабленное войной народное хозяйство, поэтому европейские государства были вынуждены сократить военные расходы. В этой мирной Европе прусский генеральный штаб ничем не проявлял себя и жил незаметной жизнью. Но именно в это спокойное время появилось выдающееся произведение военной литературы — книга директора Прусской военной академии Карла фон Клаузевица «О войне».

Эта книга, которую очень немногие читали, но многие критиковали, представляет собой первую попытку создать философию войны, дать объективный, квалифицированный анализ её особенностей. Она имела большое значение в теоретической подготовке офицерских кадров германского генерального штаба. Она побудила к стремлению трезво и профессионально оценивать людей и события, что являлось характерным для всех виднейших офицеров германского генерального штаба. Она укрепила патриотизм и идеализм, одухотворявший этих представителей генерального штаба.

Если Шарнхорста, Гнейзенау и Клаузевица можно назвать духовными отцами прусско-германского генерального штаба, то фельдмаршала графа фон Мольтке следует признать его величайшим и наиболее последовательным сыном. Мольтке и его школу можно охарактеризовать словами Шлиффена: «больше делать, меньше говорить, быть большим, чем ты кажешься другим». Выдающиеся качества Мольтке как государственного деятеля позволили ему выиграть три войны и оказать содействие делу объединения немецкого

государства и немецкого народа. Одновременно он создал авторитет своему оружию — генеральному штабу.

После смерти Мольтке, на рубеже двух веков, на германский генеральный штаб не могли не оказать влияния происходящие события. Рост могущества Германии после победоносных лет эпохи объединения не мог не отразиться на офицерском корпусе и генеральном штабе. Достигнутое Германией положение великой европейской державы привело к появлению чувства самоуверенности, которое нашло себе наиболее яркое выражение в настроениях особого круга немецких офицеров — офицеров генерального штаба. С этим чувством генеральный штаб и вступил в первую мировую войну. В этой войне он выполнил свой долг. Если в первой мировой войне генеральный штаб больше, чем в предыдущие годы, вмешивался в управление боевыми действиями, то в этом виноват не генеральный штаб, а генералы, командовавшие соединениями, которые зачастую сами устранялись от принятия решений либо были слишком стары, не знали военной техники и являлись специалистами только в области строевой подготовки.

И вот начались разговоры о гипертрофии генерального штаба при Людендорфе, но огромная творческая энергия Людендорфа многое дала генеральному штабу немецкой армии. Людендорфа нельзя обвинять в поражении, которое Германия в конечном счёте потерпела в первой мировой войне, в борьбе с превосходящими силами противников. Он занял ответственный пост начальника генерального штаба уже в августе 1916 г., в момент, когда без его вмешательства и вмешательства Гинденбурга война была бы уже проиграна. Эти два великих полководца взяли на себя почти сверхчеловеческую и, во всяком случае, совершенно неблагоприятную задачу. Было бы несправедливо ставить им это в вину. Несмотря на плохой исход войны и на раздоры послевоенного периода, вызванные поражением страны, Гинденбург и Людендорф остались выдающимися представителями старого германского генерального штаба. Правда, тяготы войны часто вынуждали их, особенно Людендорфа, принимать суровые, даже жестокие меры. Впоследствии некоторые ученики Людендорфа объявили эту обусловленную крайней необходимостью сторону деятельности своего учителя обязательным качеством офицера генерального штаба. Они взяли за образец именно эту нехорошую

черту военной практики Людендорфа. Так возник тип сурового своевольного карьериста, который производил неприятное впечатление и, к сожалению, подрывал авторитет генерального штаба в войсках и в народе. Но если мы посмотрим на ряд выдающихся личностей, которых следует признать типичными для прусско-германского генерального штаба, то мы не увидим среди них описанного выше типа.

Шарнхорст, сын крестьянина из Нижней Саксонии, молчаливый, вдумчивый, самоотверженный, храбрый, скромный, неподкупный и некорыстолюбивый человек. Организатор прусской армии во время освободительной войны, создатель генерального штаба; умер от тяжёлого ранения, полученного на поле боя.

Гнейзенау, начальник штаба Блюхера, в 1806 г. руководил обороной Кольберга (Колобжег), энергичный и темпераментный человек, одарённый большими способностями, являлся советником главнокомандующего во многих удачных и неудачных сражениях. Он побудил Блюхера после поражения под Линьи 16 июня 1815 г. выступить на помощь союзным английским войскам; этот марш Блюхера решил исход битвы при Ватерлоо 18 июня 1815 г. между союзными державами и Наполеоном.

Клаузевиц, которому в период войны не приходилось занимать руководящих постов, написал книгу «О войне». Это был тихий замкнутый учёный, которого нередко можно было встретить среди офицеров германского генерального штаба. При жизни он был мало известен и надеялся оказать влияние на грядущее поколение.

Мольтке — самый значительный начальник генерального штаба германских сухопутных войск, всемирно известный мыслитель, стратег и гениальный полководец. По характеру он был сдержанный человек, оказывающий влияние на окружающих в силу своего умственного превосходства. Он создал свою собственную школу. Мольтке был не только великим полководцем, но и благородным человеком, выдающимся писателем, вдумчивым наблюдателем нравов и обычаев других народов.

Шлиффен — благородный, умный человек с холодным, саркастическим умом. Он был вынужден составлять свои планы в период неустойчивой политики и мало влиятельного рейхсканцлера. Ясностью и категоричностью своих военных планов он пытался компенсировать и нерешительность политических деятелей, и отсутствие у них целеустремлённости. Так же, как и Мольтке, он понимал важность техники в современную эпоху. Чёткость и убедительность его мыслей оказали столь сильное влияние на его преемника Мольтке-младшего, что оперативный план Шлиффена с незначительными изменениями был сохранён и после смерти его творца и использован в 1914 г. в условиях изменившейся обстановки. В провале так называемого плана Шлиффена виновен не сам Шлиффен, а его эпигоны. Шлиффену не пришлось проявить себя на полях сражений.

Гинденбург — простой, здравомыслящий, решительный человек, благожелательно и по-рыцарски относящийся к людям. Тем, кому он доверял, он предоставлял полную свободу действий; он хорошо разбирался в текущих событиях, понимал и знал людей. Это ему принадлежат слова: «Если бы сражение под Танненбергом было проиграно, не стоило бы спорить из-за того, кто должен нести ответственность за поражение».

Людендорф — человек сильной воли, с чудовищной работоспособностью и с выдающимся организаторским талантом. Пламенная любовь к отечеству придавала ему титанические силы в борьбе с надвигавшимся поражением германского народа. Он очень многое совершил в самое тяжёлое для Германии время.

Зеект — вдумчивый, хладнокровный человек с ясным умом, до некоторой степени боявшийся общественного мнения. Он был одарённым стратегом и организатором, однако не понимал значения техники так глубоко, как это понимали Мольтке и Шлиффен. После поражения в 1918 г. создал сотысячную армию Веймарской республики. Но Версальский договор запрещал этой армии иметь свой генеральный штаб, и Зеект вынужден был уступить этому требованию. Однако он нашёл путь к тому, чтобы сохранить в период разоружения

страны у штабных офицеров дух старого германского генерального штаба. Его стремление отделить армию от политики в своё время было совершенно правильным, но постепенно привело к тому, что офицерский корпус вообще и офицеры, которые могли быть использованы для службы в генеральном штабе, в частности, перестали интересоваться вопросами внешней и внутренней политики. В этом была слабость его системы.

Бек — высокообразованный, спокойный, благородный человек; после возрождения вооружённых сил Германии стремился восстановить генеральный штаб Мольтке; недооценивал роль техники, авиации, моторизации и радиосвязи в современной войне, не менее отрицательно относился он и к новым методам ведения войны, обусловленным развитием техники, и пытался затормозить их внедрение. Бек не признавал и политическую революцию национал-социалистов. Он был консервативным человеком по своей натуре, вёл выжидательную политику; эти черты характера и погубили его.

Из характеристики этого небольшого числа выдающихся представителей германского генерального штаба можно понять его дух. В течение продолжительного времени своего развития генеральный штаб воспитывал и обучал полноценных в умственном и моральном отношении офицеров, способных руководить германскими вооружёнными силами в тяжёлых условиях, в которых они обычно вынуждены были сражаться.

Необходимыми условиями для получения должности в генеральном штабе были целостность характера, безупречное поведение на службе, и в быту. Далее принимались во внимание военные способности, фронтовой стаж, тактическая и техническая подготовка, организационный талант, физическая и духовная выносливость, прилежание, трезвость ума, решительность.

При подборе офицеров с учётом этих требований в первую очередь принимались во внимание умственные качества, а затем уже свойства характера и душевные качества, ибо последние труднее поддаются точному определению.

Большая часть офицеров генерального штаба, особенно старых офицеров, понимала важность этих традиционных особенностей. Это,

конечно, не означает, что именно эти офицеры занимались вопросами подбора кадров для генерального штаба. Да если бы они и занимались ими, то это ещё не значит, что они обладали достаточным знанием людей и были гарантированы от ошибок при подборе кадров.

Вне всякого сомнения, старая традиция имеет огромное моральное значение для армии. Приведённые выше характеры видных офицеров старого генерального штаба могли бы быть взяты молодым поколением за идеальный образец. Этот образец не должен ограничивать новые качества, обусловленные развитием военного искусства, и тем более не должен исключать их. Однако в действительности старая традиция не всегда рассматривается как идеальный образец; часто в ней усматривают только практический пример, считая, что достаточно слепого подражания, чтобы добиться успеха, даже в том случае, если условия и средства совершенно изменились. Такое неправильное понимание традиции присуще каждому старому учреждению. Прусско-германская армия и её генеральный штаб также неоднократно допускали эту ошибку. Несомненно, между неправильно понимаемой традицией и новыми задачами существовало внутреннее противоречие.

Эти новые задачи были обусловлены самыми различными причинами: изменившимся положением Германии, новым соотношением сил в Европе и во всём мире, растущим влиянием техники, превращением войны в «тотальную», расстановкой политических сил во всём мире.

Конечно, не все офицеры генерального штаба видели эти изменения в обстановке. Это относится в первую очередь к некоторой части старых офицеров, занимавших ответственные посты. Новая обстановка требовала новой организации всех вооружённых сил и особенно создания единого верховного командования. Но именно это требование, обусловленное всем ходом политического, военного и экономического развития, не было реализовано германским генеральным штабом до начала второй мировой войны. Напротив, довоенное руководство генерального штаба препятствовало не только своевременному созданию полноценного и всеобъемлющего верховного командования вооружённых сил, но и образованию самостоятельных, способных выполнять оперативные задачи военно-воздушных сил, тормозило развитие только что созданных

бронетанковых войск в составе сухопутных сил. Довоенный генеральный штаб сухопутных сил недопонимал и недооценивал важности этих двух новых родов войск в современных условиях боевой действительности, так как он боялся умалить значение сухопутных войск и старых видов вооружения.

Традиционная замкнутость офицеров генерального штаба в чисто военных делах препятствовала развитию их политического кругозора. Развитию офицеров препятствовал также принцип Гитлера: только узкий круг специалистов должен быть посвящён в дела каждой отдельной отрасли хозяйства, каждый должен знать ровно столько, сколько необходимо для выполнения своих обязанностей. Право иметь общее представление обо всей обстановке Гитлер оставил за одним собой, что наносило большой вред общему делу.

Молодые офицеры генерального штаба острее старых генштабистов чувствовали противоречия, возникшие между традициями и новыми задачами, и пытались ликвидировать их. Это стремление с неприязнью встречалось старыми офицерами. Новое поколение офицеров считало, что не следует терять времени. В противоположность им поборники старых традиций стояли за постепенное развитие и настойчиво проводили свои принципы в жизнь.

Генеральный штаб, неправильно отстаивая старые традиции, вступил в противоречие с Гитлером, пробудил в нём неверие в способности и объективность офицеров генерального штаба и создал на долгое время конфликт, оказавший роковое влияние на ведение войны.

Образ идеального офицера генерального штаба характеризуется следующими чертами: принципиальностью, высоким интеллектуальным развитием, скромностью, способностью подчинять свои личные интересы общим интересам, твёрдостью убеждений, способностью излагать своё мнение начальнику в тактичной форме.

Офицер генерального штаба должен иметь достаточно самообладания для того, чтобы подчиниться приказу начальника, даже если он с ним не согласен, и выполнять этот приказ. Он должен понимать требования войск, любить войска и неустанно о них заботиться. Он должен знать оперативное искусство, тактику и современную технику, причём последнюю он не обязательно должен

знать в деталях, но иметь представление, достаточное для того, чтобы определить значение техники для ведения войны.

Само собой разумеется, что у офицера генерального штаба должны быть в высшей степени развиты профессиональные качества, присущие каждому солдату и офицеру: мужество, решительность, готовность взять на себя ответственность, находчивость, физическая выносливость, выдержка, а также достаточное прилежание.

Каждый офицер генерального штаба должен непрерывно проходить стажировку в войсках на различных должностях, совершенствоваться в искусстве вождения войск. Для этого он должен использовать также систематические командировки на фронт. В этом очень важном вопросе действительность последних предвоенных лет больше всего отошла от идеала. Это объясняется прежде всего недостатком офицеров генерального штаба, вызванным строгим выполнением тех статей Версальского договора, которые запрещали Германии иметь генеральный штаб. Этот серьёзный недостаток в подготовке офицеров генерального штаба ещё более увеличился в период войны, теперь уже по вине высших штабов, которые, не желая лишаться своих хороших работников, держали их у себя всеми правдами и неправдами. Эти порочные методы культивировались прежде всего верховным командованием вооружённых сил и главным командованием сухопутных войск. В этих учреждениях имелись офицеры, которые в течение почти шестилетней войны ни разу не выезжали на фронт.

Генеральный штаб вырабатывал у своих офицеров единые методы оценки тактической и оперативной обстановки и принятия решения. Французы называют это «*unite de doctrine*» (единство доктрины). Начальник генерального штаба, не имея прав, с помощью которых он мог бы добиться выполнения своей воли, хотел путём выработки единого порядка мышления у всех офицеров генерального штаба распространить своё влияние вплоть до дивизии и сверху донизу обеспечить единство тактических и оперативных воззрений. Для распространения своих взглядов он ввёл так называемый порядок прохождения службы офицерами генерального штаба, который вызвал ряд недоразумений и потому был отменён Гитлером.

Стратегические замыслы генерального штаба не выкристаллизировались в твёрдые принципы, но должны были

приспосабливаться к непрерывно изменявшейся политической обстановке и новым задачам. Географическое положение Германии в центре Европы, в окружении хорошо вооружённых соседей вынуждало изучать вопросы ведения войны на нескольких фронтах. Война на нескольких фронтах всегда связана с борьбой против превосходящих сил противника, отсюда следовало тщательное изучение возможности такой борьбы. Оперативные планы старого генерального штаба ориентировали армию на ведение главным образом боевых действий на континенте Европы. Однако возникновение оперативных военно-воздушных сил заставляло считаться с увеличением возможностей вторжения на материк заморских держав. Но с этой возможностью в действительности мало считались.

Принимая во внимание возможность ведения войны одновременно против нескольких противников, стратегический замысел должен был предусматривать оборону на второстепенных фронтах и наступление против самого сильного противника. Кроме того, этот замысел должен был предусматривать чередование ударов на различных фронтах.

Ограниченные возможности нашей страны вынуждали генеральный штаб постоянно решать проблему окончания войны в минимально короткий срок. Из этой необходимости возникла мысль всесторонне использовать мотор. Вот почему, стоило нам в начале второй мировой войны одержать ряд успехов в результате нанесения стремительных ударов, как наши противники заговорили о «блицкриге» («молниеносной войне»).

В силу своего особого географического положения Германия была вынуждена вести боевые действия на «внутренних рубежах», чередуя оборону с наступлением. «Отныне Европа представляет собой одну семью, поэтому трудно какому-нибудь члену семьи оставаться в стороне от семейных раздоров, особенно если его квартира расположена в середине дома» (Шлиффен. *Gesammelte Schriften* Т.П. С.390; Gneisenau: Verlag E.S., Mittler u.S.). Этими словами граф Шлиффен метко охарактеризовал положение нашей страны, из-за которого (и очень часто против нашей воли) мы вынуждены участвовать в каждом европейском конфликте. Немецкий народ ничуть не воинственнее других народов Европы, но он живёт «в середине дома», поэтому в течение всей своей большой богатой событиями истории ему очень редко удавалось уклониться от участия в конфликтах

между его соседями. При таких условиях перед руководителями нашего государства и нашей армии вставали трудные, часто неразрешимые задачи. Учитывая ограниченность своих материальных возможностей, Германия всегда была заинтересована в том, чтобы как можно быстрее уладить любой конфликт, избежать продолжительной и изнурительной войны и не допустить вмешательства непричастной третьей стороны. Эта задача мастерски была решена государственной политикой Бисмарка и стратегией Мольтке.

После поражения в первой мировой войне командование сухопутных войск состояло исключительно из офицеров кайзеровской армии, ибо других не было.

Эти офицеры были на службе у Веймарской республики, хотя они и не были полностью согласны со всеми порядками, установленными в результате замены монархии республикой. Они вынуждены были отказаться от многих привилегий и излюбленных традиций и сделать это для того, чтобы не дать грозно надвигавшейся уже в то время волне большевизма захлестнуть своё отечество. Но Веймарская республика не сумела превратить этот брак по расчёту в союз по любви. Между новым государством и офицерским корпусом не было установлено внутреннего контакта, хотя к этому и стремился, вкладывая все силы ума и души, такой деятель, как престарелый, заслуженный министр рейхсвера доктор Гесслер. Это имело большое значение для дальнейшего отношения офицерского корпуса к национал-социалистам. Правда, некоторые правительства Веймарской республики дали небольшой немецкой армии всё, что они могли дать в этой обстановке, учитывая внешнеполитические обязательства и тяжёлое финансовое положение Германии. Но они не смогли установить внутреннего контакта с офицерским корпусом и вдохновить армию своим политическим идеалом. Армия осталась внутренне чуждой новому государству. Позиция Зеекта — человека холодного логического мышления — ещё больше усилила и без того присущую офицерскому корпусу склонность к аполитичности. Этому в значительной мере способствовали также действия управления сухопутных войск рейхсвера — будущего генерального штаба.

Как только в стране появились национал-социалисты со своими новыми националистическими лозунгами, молодёжь офицерского корпуса сразу же загорелась огнём патриотизма, который предложила

им национал-социалистская партия Германии. Отсутствие у Германии вооружённых сил в течение многих лет удручающе действовало на офицерский корпус. Не удивительно, что начавшееся вооружение страны было встречено одобрением, так как оно обещало после пятнадцатилетнего застоя снова возродить немецкую армию. Влияние национал-социалистской партии Германии усилилось ещё и потому, что Гитлер в начальный период своей деятельности вёл себя дружелюбно по отношению к армии и не вмешивался в её внутренние дела. Существовавший до того времени пробел в политическом ориентировании армии был изжит, у военнослужащих появился интерес к политическим вопросам, интерес, правда, односторонний и своеобразный и совсем иной, чем его представляли поборники демократии. При таком положении дел командование вооружённых сил после прихода национал-социалистов к власти уже не могло, даже если бы оно и хотело, остаться в стороне от политики национал-социалистской партии. В этом развитии политического сознания вермахта генеральный штаб не играл ведущей роли, скорее можно утверждать обратное. Основным выразителем скептицизма в генеральном штабе был генерал Бек. Он имел приверженцев в центральном аппарате, но не пользовался влиянием ни в армии, ни в вооружённых силах в целом. Хотя Бек и его преемник Гальдер пытались воспрепятствовать проникновению политики в центральные военные учреждения, однако политика в целом делалась без генерального штаба и вопреки его мнению. Германия снова, как и накануне первой мировой войны, оказалась в положении политической изоляции, которое с самого начала должно было затруднить борьбу или даже сделать её бесперспективной. Снова солдаты и возглавлявшие их генералы и офицеры генерального штаба должны были примириться с исходным положением, в создании которого они не принимали никакого участия.

Все обвинения, которые немецкий народ и международный суд задним числом предъявили руководящим деятелям германских вооружённых сил, не учитывали того решающего обстоятельства, что политика делалась и делается сегодня не солдатами, а политическими деятелями, что солдаты вынуждены мириться с тем политическим и военным положением, которое создаётся в стране к началу войны. К сожалению, эти политики предпочитают не подставлять свои головы

под пули; обычно они укрываются в надёжных убежищах и предоставляют солдатам право «продолжать политику другими средствами».

Политика государства определяет мысли солдат в период подготовки войны — в так называемый период идеологической войны. Судебные процессы, проведённые в последние годы международными трибуналами, показали, что до 1938 г. германский генеральный штаб разрабатывал только планы ведения оборонительной войны. Действовать в другом направлении ему не позволяло внешнеполитическое и военное положение Германии. Несмотря на то, что с 1935 г. Германия начала вооружаться, военным специалистам генерального штаба было ясно, что потребуется много времени для приведения немецких вооружённых сил в полную боевую готовность. Это относилось в первую очередь к новым средствам борьбы: авиации и бронетанковым войскам. И только по приказу Гитлера, политического руководителя государства, вопреки советам старых солдат, генеральный штаб был вынужден работать в другом направлении.

До осени 1938 г. в сухопутных войсках действовал принцип совместной ответственности командующего и начальника штаба за принятые решения; такой принцип проводился вплоть до армейских корпусов. Гитлер снял эту ответственность с начальников штабов. Это вызвало коренные изменения в положении начальников штабов вообще и начальника генерального штаба сухопутных войск в частности. Принцип совместной ответственности начальника штаба и командующего перешёл из старой прусской армии в стотысячный рейхсвер, а затем в вооружённые силы третьей империи. Во время первой мировой войны это часто приводило к тому, что некоторые начальники штабов буквально подменяли командиров корпусов. Руководствуясь своим широко рекламируемым идеалом вождя, Гитлер приказал возложить всю ответственность исключительно на командующего. Став верховным главнокомандующим, он полностью возложил ответственность за действия вооружённых сил на себя и снял её с генерального штаба.

Как уже упоминалось, генеральный штаб сухопутных войск не разделял мнений командования вооружённых сил.

Если бы они работали согласованно, то мы имели бы перед второй мировой войной в лице генерального штаба вооружённых сил и

верховного командования эффективные руководящие военные органы, а не какие-то карикатуры.

К верховному командованию вооружённых сил главнокомандующие видов вооружённых сил относились как подлинные республиканцы. Из всего вышесказанного логически вытекает и отношение генерального штаба к верховному командованию вооружённых сил — детищу генерала фон Рейхенау, который сумел заинтересовать своей замечательной идеей Гитлера и Бломберга, но потерпел поражение вследствие непреклонного отрицательного отношения главнокомандующих всех трёх видов вооружённых сил, особенно генерального штаба сухопутных войск. Пока Рейхенау был начальником главного управления вооружённых сил, дела ещё кое-как, но всё-таки двигались вперёд. Стоило занять этот пост Кейтелю, как сразу движущая сила исчезла. Он не мог сломить сопротивления главнокомандующих видов вооружённых сил.

Теперь можно сказать несколько слов о верховном командовании вооружённых сил. Фельдмаршал Кейтель был неплохой человек и добросовестно старался выполнять свои обязанности; но вскоре он подпал под влияние Гитлера и чем дальше тем больше терял способность сопротивляться его гипнозу. Свою нижнесаксонскую преданность он сохранил до самой смерти. Гитлер знал, что он может полностью положиться на этого человека, поэтому он и держал Кейтеля на такой должности, хотя и знал, что он не блестяще разбирается в вопросах стратегии. Фельдмаршал не оказывал влияния на ход операций; он больше занимался административными вопросами, т. е. выполнял функции бывшего военного министерства. Несчастье Кейтеля было в том, что он не находил в себе сил протестовать против приказов Гитлера, противоречащих международному праву и морали. Только этим можно объяснить, что так называемый «приказ о комиссарах» и директива «Ночь и туман» были спущены в войска. За эту слабость он и поплатился в Нюрнберге своей жизнью; его семье не разрешили даже оплакать урну с его прахом.

Генерал-полковник Йодль, начальник штаба оперативного руководства вооружёнными силами, осуществлял с апреля 1940 г., со времени кампании в Норвегии, фактическое руководство операциями вооружённых сил. Так же, как и Кейтель, он был порядочным

человеком, но поддался влиянию Гитлера. Однако не был так сильно зачарован последним, как Кейтель, и поэтому более критично относился к фюреру. После спора с Гитлером в период Сталинградской битвы Йодль весь погрузился в работу, которую он выполнял в основном самостоятельно, не прибегая к помощи технических сотрудников. Он был замкнут и уступил в вопросе о реформе военного и политического руководства, а также в вопросе реорганизации генерального штаба. И только в последние дни войны он в корне изменил свои взгляды. Йодль разделил горькую участь Кейтеля. Оба эти генерала смогли бы многое предотвратить в судьбе нашего народа, если бы они по-другому относились к Гитлеру. Фюрер шёл на уступки, когда видел перед собой единый фронт. Но так как военные руководители никогда не выступали против Гитлера единым фронтом, последнему удавалось «прижимать к стенке» главное командование сухопутных войск и отвергать все возражения с его стороны.

Что касается главного командования сухопутных войск ОКХ, то его роль была заметна только во время польской кампании. Но уже в тот период между Гитлером и главным командованием сухопутных войск наметились разногласия, побудившие фюрера возложить непосредственное руководство кампанией в Норвегии на штаб оперативного руководства вооружёнными силами, а не на главное командование сухопутных войск. Разногласия, возникшие в 1940 г. при обсуждении оперативных планов войны против западных держав, обострили эти противоречия. Во время кампании в России дело дошло до серьёзных недоразумений, а в декабре 1941 г. и до разрыва между Гитлером и главнокомандующим сухопутными войсками фельдмаршалом фон Браухичем. Браухич был высокообразованным офицером генерального штаба. Но, к сожалению, ему трудно было работать с таким партнёром, как Гитлер. На первых порах своей деятельности он сразу попал в зависимое положение от фюрера. Это чувство зависимости влияло на его поведение и сковывало его энергию.

С уходом Браухича главное командование сухопутных войск фактически прекратило своё существование. Принадлежать к командованию, значит, как показывает само название, иметь командную власть. После 19 декабря 1941 г. командная власть полностью перешла

в руки Гитлера. Практически это означало, что генеральный штаб старой прусско-германской закалки прекратил своё существование.

15 лет я с гордостью носил форму генерального штаба. Среди моих учителей и начальников имеется немало образцовых людей, которым я бесконечно благодарен. Среди моих коллег было много хороших и верных друзей, среди подчинённых — много великолепных помощников и советников. Всех их я сердечно благодарю.

Дважды проигрывали мы в мировых войнах, дважды распускали победители наш генеральный штаб. Эти действия стран-победительниц говорят об их произвольном уважении к этому великолепному военному органу.

«Остальное — молчание».

«Быть или не быть, вот в чём вопрос!»

На этом я заканчиваю свои воспоминания. Мне очень трудно было писать о том, что дважды приводило нас к катастрофе, о том, что мне пришлось лично пережить. Я слишком ясно видел недостаточность всякой земной воли, чтобы не признать ошибок наших учреждений и наших недостатков.

В тяжёлые дни один принц прусского королевского дома прислал мне небольшой портрет Фридриха Великого, на котором были написаны слова, сказанные великим королём в момент величайшей опасности своему другу маркизу д'Аржан: «Ничто не изменит внутреннего существа моей души, я пойду своим прямым путём, буду делать всё, что сочту полезным и честным». Я утерял этот портрет, но запомнил слова короля и руководствовался ими в своих действиях. Я не мог предотвратить поражения своего отечества, хотя и прилагал все свои усилия. Никто не может сомневаться в моей доброй воле.

В этой книге я выражаю свою благодарность, как погибшим, так и уцелевшим моим старым солдатам; она должна навечно сохранить их

славу.

К вам, моим старым солдатам, я и обращаюсь с заключительными словами.

Приложения

Приложение 1

ЭТАПЫ МОЕЙ ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ

17 июня 1888 Родился в городе Кульм (Хелмно) на реке Висла

1894 Школа в Кольмаре, Эльзас

1901–1903 Кадетский корпус, Карлсруэ

1903–1907 Военное училище, Гросс-Лихтерфельд, Берлин

28 февраля 1907 10-й Ганноверский егерский батальон, Бич

Апрель — декабрь 1907 Военное училище, Мец

27 января 1908 Младший лейтенант, произведён 22 июня 1906 года

1 октября 1909 Переведён вместе с батальоном в Гослар в Гарце

1 октября 1912–30 сентября 1913 Прикреплён к III телеграфному батальону, Кобленц

1 октября 1913–начало войны Прикреплён к военной академии, Берлин

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

2 августа 1914 — апрель 1915 Командир станции радиосвязи, первоначально при 5-й кавалерийской дивизии на западе, затем — при 4-й армии во Фландрии

Октябрь 1914 Произведён в лейтенанты

Апрель 1915 — январь 1916 Младший офицер связи в 4-й армии

Декабрь 1915 Произведён в капитаны

Январь 1916— август 1916 Младший офицер связи в 5-й армии и различных штабах этой армии

Август 1916— апрель 1917 Офицер связи 4-й армии

Апрель 1917 Переведён на должность в штабе 4-й пехотной дивизии

Май 1917 Временно прикреплен к 52-й резервной дивизии в качестве действительного офицера штаба во время битвы за реку Эна

Июнь 1917 Подобное же прикрепление к штабу гвардейского корпуса

Июль 1917 Подобное же прикрепление к штабу X гвардейского корпуса

Август 1917 Возвращение в 4-ю пехотную дивизию

Сентябрь 1917 Командир II батальона 14-го пехотного полка

Октябрь 1917 На штабной должности в командовании армий «С»

Январь — февраль 1918 Курсы штабных офицеров, Седан

28 февраля 1918 Переведен в Генеральный штаб армии

Май 1918 Переведен в штаб 38-го резервного полка на должность квартирмейстера

Октябрь 1918 Переведен в Генеральный штаб немецкой военной администрации в оккупированной Италии в качестве оперативного офицера

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ ЧАСТИ

Ноябрь 1918 Центральное управление охраны восточных границ при военном министерстве Пруссии, Берлин

Январь 1919 Пограничное управление «Юг», Бреслау

Март 1919 Пограничное управление «Север», Бартенштайн

Май 1919 Штаб «Железной дивизии», Рига (позднее Митау)

Октябрь 1919 10-я бригада рейхсвера, Ганновер

Январь 1920 Командир 3-й роты X егерского батальона, Гослар

Март 1920 Беспорядки в Гильденсхайме и Рурской области

Осень 1920 Оккупация нейтральной зоны под Фридрихсфельдом, недалеко от Везеля

Март — май 1921 Беспорядки в Центральной Германии, Дессау и Биттерфельде

МЕЖ ДВУХ ВОЙН

16 января — 31 марта 1922 Прикреплен к VII (Баварскому) мототранспортному батальону, Мюнхен

1 апреля 1922 Переведён в отделение автомобильных войск министерства обороны

1 октября 1924 Переведён в штаб 2-й дивизии, Штеттин

1 февраля 1927 Произведён в майоры

1 октября 1927 Переведён в транспортное управление армии министерства обороны

1 октября 1928 Одновременно назначен тактическим инструктором в штабе обучения механизированных войск, Берлин

1 февраля 1930 Командир III (Прусского) мототранспортного батальона, Берлин-Ланквитц

1 февраля 1931 Произведён в подполковники

1 октября 1931 Переведён в министерство обороны на должность начальника штаба инспекции автомобильных войск

1 апреля 1933 Произведён в полковники

1 июля 1934 Начальник штаба командования бронетанковых войск

15 октября 1935 Командир 2-й бронетанковой дивизии, Вюрцбург

1 августа 1936 Произведён в генерал-майоры

4 февраля 1938 Командующий XIV армейским корпусом, Берлин, и одновременно произведён в генерал-лейтенанты

10 марта 1938 Аншлюс Австрии

2 октября 1938 Оккупация Судетской области

20 ноября 1938 Начальник мобильных войск и произведён в генералы бронетанковых войск

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Август 1939 Командующий XIX армейским корпусом

Сентябрь 1939 Польская кампания

Май — июнь 1940 Западная кампания

1 июня 1940 Командующий танковой группой Гудериана

19 июля 1940 Произведён в генерал-полковники

16 ноября 1940 Командующий 2-й танковой группой

5 октября 1941 Командующий 2-й танковой армией

26 декабря 1941 Переведён в резерв командования ОКХ

1 марта 1943 Генерал-инспектор бронетанковых войск

21 июля 1944 Также поручена должность начальника Генерального штаба армии

28 марта 1945 Отправлен в отпуск

НАГРАДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

5 сентября 1939 Пряжка к орденской ленте Железного креста второй степени

13 сентября 1939 Пряжка к орденской ленте Железного креста первой степени

27 октября 1939 Рыцарский крест к Железному кресту

17 июля 1941 Дубовые листья к Рыцарскому кресту

Приложение 2

Берлин, 31.08.1939

Верховное командование вооружённых сил

OKW/WFA Nr. 170/39 g. K. Chafs L1

Строго секретно

ДИРЕКТИВА № 1

О ПРОВЕДЕНИИ ВОЙНЫ

1. Истошив все политические средства в попытках исправить невыносимое положение на восточной границе Германии мирным путём, я принял решение встать на силовой путь.

2. Наступление на Польшу следует осуществлять в соответствии с «Белым планом», с поправкой на тот факт, что армия практически закончила перегруппировку.

3. Распределение задач и оперативных целей остаётся неизменным.

4. День наступления — 1 сентября 1939.

5. Время наступления — 04.45.

6. Это же время распространяется и на начало операций по направлениям Гдыня — Данцигская бухта и мост Диршау.

7. На западе задача состоит в том, чтобы возложить ответственность за открытие боевых действий на Англию и Францию. Любые незначительные нарушения наших границ пресекать в настоящее время только локальными контрмерами.

Мы гарантируем нейтралитет Голландии, Бельгии, Люксембургу и Швейцарии и должны строго следить за нарушением этого нейтралитета.

Западную границу Германии не пересекать ни в коем случае без моего дополнительного одобрения.

То же самое касается и всех боевых действий на море, а также действий, которые могут быть восприняты как боевые.

Оборонительные мероприятия военно-воздушных сил ограничить на данный момент отражением атак противника в пределах границ Германии; по возможности не нарушать при этом воздушного пространства нейтральных государств при отражении атак одиночных самолётов или небольших эскадрилий противника. Вторгаться в воздушное пространство нейтральных государств разрешается только в случае обнаружения крупных соединений английской или французской авиации, летящих к границам Германии над территорией нейтральных государств.

Особенно важно срочно информировать Верховное главнокомандование о любом шаге наших западных противников по нарушению нейтралитета какой-либо из стран.

Если Англия и Франция откроют боевые действия против Германии, задача частей вооружённых сил, базирующихся на западе, — минимальными средствами обеспечить нам условия для победоносного продолжения кампании против Польши. В рамках выполнения этой задачи следует нанести как можно больше ущерба войскам и экономике неприятеля. Во всех случаях я оставляю за собой право решать, когда следует начать наступательные операции.

Армии — удерживать Западный вал и принять необходимые меры для предотвращения обхода его с флангов путём вторжения на территорию Бельгии или Дании со стороны стран Запада. Если французские войска вторгнутся в Люксембург, армии — взорвать мосты.

Военно-морскому флоту — начать боевые действия против торгового судоходства, в первую очередь английского. Для повышения эффективности этих боевых действий — объявить определённые зоны зонами повышенной опасности. Главному командованию военно-морского флота (ОКМ) — доложить, какие морские области следует объявить зонами повышенной опасности и на какой срок. Текст таких объявлений подготовить совместно с министерством иностранных дел и подать мне на одобрение через Верховное главнокомандование.

Балтийское море следует обезопасить от вторжения. ОКМ — решить, целесообразно ли для этого перекрыть входы в море минными полями.

Первоочередная задача для военно-воздушных сил — предотвращать любые операции военно-воздушных сил Франции или Англии против армии или территории Германии.

В связи с войной против Англии военно-воздушным силам — приготовиться к разрушению морской системы снабжения англичан, военной промышленности и системы переброски войск во Францию. Использовать все благоприятные возможности для атак на английский флот, в первую очередь — на боевые корабли и авианосцы. Право решения, когда начинать налёты на Лондон, я оставляю за собой.

При подготовке атак на территорию Англии придерживаться следующего принципа: не допускать крупных разрушений малыми силами.

А. Гитлер

Распространить:

ОКХ — первая копия

ОКМ — вторая копия

ОКЛ — третья копия

ОКВ:

Штаб Верховного главнокомандования вооружённых сил — четвёртая копия

Запасные — пятая — восьмая копии

Строго секретно

07.11.1940

Генерал-инспектор бронетанковых войск

№. 3940/44 g. Kdos

Военный адъютант фюрера

1. В западной кампании были задействованы бронетанковые дивизии с 1-й по 10-ю.

2. Танково-пехотных дивизий в их нынешнем виде прежде не существовало. Три «лёгкие» дивизии, участвовавшие в польской кампании, были переформированы в танковые перед началом западной кампании.

3. Организация танковых дивизий была следующей:

а) бронетанковые дивизии с 1-й по 5-ю и 10-я: два танковых полка, каждый из которых состоит из двух батальонов. Техника немецкая;

б) 9-я бронетанковая дивизия: один танковый полк из двух батальонов. Техника немецкая;

в) 6-я, 7-я и 8-я бронетанковые дивизии (бывшие «лёгкие» дивизии): один танковый полк из трёх батальонов. Техника чешская.

Итого: 35 батальонов.

4. По состоянию на 10.05.1940 в составе вышеперечисленных дивизий на противника двигались следующие танки:

523 «Т-I»

955 «Т-II»

349 «Т-III»

278 «Т-IV»

106 чешских танков модели 35

228 чешских танков модели 38

96 малых командных бронеавтомобилей, шасси I

39 больших командных бронеавтомобилей, шасси III

--

2574 танка

Вооружение этих 2574 танков было следующим:

4407 пулемётов 13 или 34 (чешские)

955 20–миллиметровых орудий

349 37–миллиметровых орудий

334 37–миллиметровых орудия (sic)

278 75–миллиметровых орудий

Танков «Т-II», укомплектованных 50–миллиметровыми орудиями, в мае ещё не было, но во время западной кампании 40 таких машин поступило. Поскольку первые штурмовые орудия, выпущенные по начатой в феврале программе их производства, поступили только в апреле, они не участвовали в западной кампании в каком-либо достойном упоминания количестве.

5. Прочее вооружение и личный состав бронетанковых дивизий см. в приложении... (не сохранилось).

Приложение 4

Штаб XIX армейского корпуса

Оперативный отдел

Нёфшато, 11.05.1940

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ НА 12.05.1940

1. В ходе сегодняшней успешной атаки корпус отбросил яростно и умело сражающегося противника на Семуа.

2. Задача дивизий на 12.05.1940 — форсировать Семуа и очистить от противника северный берег Мёза.

10-й бронетанковой дивизии — заменить пехотный полк «Великая Германия» в расположении корпуса в направлении Сен-Медара.

2-й и 10-й бронетанковым дивизиям — очистить путь своего продвижения, чтобы обеспечить следующим позади них во втором эшелоне дивизиям возможность беспрепятственно охранять фланги.

2-й бронетанковой дивизии — повернуть через Мамбр и Аль на Сюньи и к переправам в 3/4 мили юго-западнее Пупеана. В связи с этим дорогу на Мамбр следует очистить. Затем дивизии наступать вдоль дороги через Аль, которая позже выведет через Рошо на перекрёсток в 8 километрах северо-восточнее Буйона (маршрут снабжения корпуса).

10-й бронетанковой дивизии, как уже было приказано вечером 10 мая, наступать всей массой на переправу через Семуа в Куньоне и больше не занимать танковые дороги 3 и 4. Линия дальнейшего

наступления — из Кюньона через Катр-Шеман на Седан. Контакт с маршрутом снабжения корпуса поддерживать через Леглиз.

3. Линии разграничения:

Между 2-й и 1-й бронетанковыми дивизиями: Гранвуар — Шомон — Нойево (1-я) — Корнимон — Рошо (1-я) — перекрёсток в четырёх километрах к югу от Аль (2-я) — Боссваль и Брианкур (2-я) — западный край излучины Мёза — Френуа — река Френуа — дорога Шемери — Арденнский канал до моста в трёх километрах восточнее Ле-Шен (деревни, дороги и каналы входят в зону 1-й дивизии).

Между 1-й и 10-й бронетанковыми дивизиями: Грапфонтен — Оргеон (10-я) — Нуарфонтен — Буйон — Бельво — развилка в трёх километрах к югу от Буйона (10-я) — Илли — центральный мост на Мёзе в Седане (1-я) — южный дорожный мост в Седане — Нуайе-Пон-Мажис (10-я) — Бюльсон (1-я) — Виллер Меконсель (1-я) — Стонн — Ош (1-я).

4. Штаб корпуса — первоначально в Нёфшато, позже двигаться по дороге Бертрикс — Буйон.

5. Дивизиям приготовиться к форсированию Мёза 13.05.1940 в соответствии с ранее полученными указаниями.

6. Люфтваффе продолжать поддержку войск 12.05.1940 следующим образом: до 09.00 по ближнюю сторону Мёза, затем — по дальнюю.

Гудериан

Распространить:

дивизиям,

Генеральным штабам,

оперативным штабам,

разведке,

артиллерийскому командованию.

Приложение 5

Штаб XIX армейского корпуса

*Оперативный отдел
12.05.1940, 17.50*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПРИКАЗ О НАСТУПЛЕНИИ ЧЕРЕЗ МЁЗ

1. Англо-французская моторизованная армия численностью около двадцати дивизий, наступая по левому флангу через Антверпен, подверглась атаке военно-воздушных сил Германии и была разбита. Канал Альберта форсирован во всех точках, Льеж взят.

2. Группе фон Клейста атаковать завтра, 13.05.40, через Мёз в секторе Шарлевиль — Седан. Группа получит особо мощную поддержку со стороны авиации, которая будет специально для этого освобождена от выполнения своих задач в Бельгии. Группе при любых обстоятельствах занять переправы через Мёз.

3. Задачи корпуса будут соответствовать вышеприведённым намерениям. Приказы войскам, участвующим в атаке, последуют в течение вечера.

4. Для подготовки к этой решающей атаке необходимо, чтобы дивизии дошли до Мёза сегодня же. Артиллерию и инженерные войска выдвинуть вперёд, чтобы атака была начата всеми имеющимися у корпуса силами.

5. Я полагаюсь на инициативу господ командующих дивизиями.

Гудериан

Распространить:

1-й бронетанковой дивизии,
2-й бронетанковой дивизии,
10-й бронетанковой дивизии,
оперативному штабу корпуса,
разведке,
в архив.

В 18.35 штаб корпуса отдал приказ:

Для наступления 13.05.1940 батальоны тяжёлой артиллерии 2-й и 10-й бронетанковых дивизий помещаются под командование 101 артиллерийского командования. Использовать их в секторе 1-й бронетанковой дивизии и так далее. [2]

1-я бронетанковая дивизия
Оперативное управление
12.05.1940, 18.45

1. Для наступления через Мёз 13.05.1940 применять приказы, содержащиеся в приложении. Правда, маловероятно, что вся перечисленная в приказе артиллерийская и инженерная поддержка будет достаточной.

2. Командирам — предпринять максимум усилий для того, чтобы обеспечить дивизиям выход на позиции для атаки. Эти позиции должны отличаться от содержащихся в прилагаемых приказах в сторону приближения к Мёзу. Деревни не занимать. Все машины, не являющиеся необходимыми для осуществления атаки, оставить в тылу к северу от Семуа; в случае, если подразделение уже находится южнее Семуа, оставить машины на обочине арденнских дорог.

3. Пехотному полку «Великая Германия» двигаться на стартовую позицию по сети дорог в миле к северо-западу от Бельво и через Буйон.

4. Места концентрации пленных: севернее Мёза — Илли, южнее Мёза — Буйон. Охрану в обеих точках нести отделениям 1-го стрелкового полка.

5. Точка учёта потерь: Буйон.

Перевязочный пункт: Бертрикс.

Полевой госпиталь: Нойенбург.

6. На командующего бронетанковым инженерным батальоном 37 возлагаются обязанности командующего инженерным полком 102.

7. Штабу дивизии расположиться первоначально в лесу севернее Флейнё.

10-я бронетанковая дивизия
Оперативный отдел
12.05.1940, 19.30

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПРИКАЗ ОБ АТАКЕ ЧЕРЕЗ МЁЗ [\[3\]](#)

1. 20 Англо-французская моторизованная армия численностью около дивизий разбита военно-воздушными силами. Альберт-канал

форсирован во всех точках, Льеж взят.

2. Завтра 10-я бронетанковая дивизия будет наступать через Мёз.

3. Для подготовки к этому решающему наступлению необходимо, чтобы стрелковая бригада отбросила всё ещё находящегося на этой стороне Мёза противника в секторе дивизии на другую сторону реки. Для этого в распоряжение стрелковой бригады передаётся 1-й батальон 90-го артиллерийского полка. По достижении целей дивизии будут проинформированы.

Шааль

Приложение 6

Штаб XIX армейского корпуса

Оперативное управление

Бельво

13.05.1940, 08.15

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ № 3 О НАСТУПЛЕНИИ ЧЕРЕЗ МЁЗ

1. В результате ожесточённых боёв 12 мая XIX армейский корпус отбросил неприятеля за Мёз практически по всему фронту корпуса. Ожидается упорное сопротивление противника по линии Мёза.

2. 13 мая основной удар нашего наступления на запад лежит в секторе группы фон Клейста.

Цель группы — захват переправ через Мёз между Монтерме и Седаном. Почти все военно-воздушные силы Германии будут поддерживать эту операцию. В ходе восьмичасовых непрерывных бомбардировок оборона французов на Мёзе будет сломлена. За ними последует форсирование реки группой фон Клейста в 16.00 и установка предмостных укреплений. XLI армейский корпус, справа от данного корпуса, форсирует реку в 16.00 13 мая в районах Монтерме и Нузонвиля и установит предмостное укрепление между южным краем Давиля и Сореля и северным краем Шарлевиля.

XIV армейский корпус будет сконцентрирован позади XIX и будет готов к продвижению через Нёфшато или Флоренвиль, в зависимости от ситуации.

3. XIX армейскому корпусу подготовиться в своём предварительно выделенном секторе в течение утра, чтобы быть в состоянии занять переправы через Мёз между устьем Бара и Базеля в 16.00. Сразу же по окончании форсирования установить предмостное укрепление по линии Бутанкур — Сапонь — Шеери — Нуайе-Пон-Мажис.

Граница с зоной XLI армейского корпуса: Мартеланж-Нануссар — Лонглье — Гранвуар — Ассенца — северо — западнее Бертрикса — Карлсбург — Гросс-Фе — Музев — Сюньи — Люме — Анноне в пятнадцати километрах к юго-западу от Монкорне. Все населённые пункты входят в зону XLI армейского корпуса.

4. Наступление осуществлять следующим образом:

а) Правая атакующая группа: между Арденнским каналом и излучиной Мёза (не включая их). Подразделения: 2-я бронетанковая дивизия.

б) Центральная атакующая группа: между излучиной Мёза (включая её) и Торси (включая его). Подразделения:

1-я бронетанковая дивизия, пехотный полк «Великая Германия» и штурмовой инженерный батальон 43.

в) Левая атакующая группа: между Седаном и Базелем. Подразделения: 10-я бронетанковая дивизия, за исключением пехотного полка «Великая Германия».

Границы:

Между правой и центральной атакующими группами: Могимон — Рошо — перекрёсток в пяти километрах к югу от Аль — Воеваль-э-Брианкур (населённые пункты относятся к зоне правой атакующей группы) — западный берег излучины Мёза — Френуа — дорога Френуа — Шемери — Сингли — Пуа-Террон (населённые пункты относятся к зоне центральной атакующей группы).

Между центральной и левой атакующими группами: Бельво — Нуарфонтен — Буйон (населённые пункты относятся к зоне центральной атакующей группы) — дорожная развилка в трёх километрах к югу от Буйона (левая) — Илли — центральный мост через Мёз в Седане (центральная) — южный мост в Седане — Нуайе-Пон-Мажис (левая) — Бюльсон (центральная) — Стон (центральная).

5. Задачи:

а) 2-й бронетанковой дивизии — выступить со своего плацдарма по обе стороны от Доншери в 16.00, атаковать через Мёз и занять высоту южнее Доншери. Затем дивизии сразу повернуть на запад, пересечь Арденнский канал вплоть до излучины Бара и преследовать оборону противника вдоль Мёза, наступая правым крылом на Бутанкур, а левым — на Сапонь и Фошер.

б) 1-й бронетанковой дивизии с пехотным полком «Великая Германия» под командованием — быть готовой к атаке через Мёз между Глэр и Торси к 16.00. После очистки от неприятеля излучины Мёза пробиваться вперёд к дороге Бельво — Торси. Дивизии приступить к атаке высот Буа-де-ла-Марфе и пробиваться к линии Шемери — Шомон.

в) 10-й бронетанковой дивизии, совместно с 1-й бронетанковой дивизией, к 16.00 занять ключевые точки на восточной окраине Седана и закрепиться на плацдарме в секторе Седан — Базель.

Всей дивизии — атаковать через Мёз в 16.00 и занять высоты от Нуайе-Пон-Мажис до Пон-Мажис.

6. Взаимодействие с военно-воздушными силами. Схема взаимодействия с авиацией, как во времени, так и в пространстве, приведена в прилагаемом расписании и на карте масштабом 1:300 000 с указанием площадей бомбометания.

XIX армейскому корпусу взаимодействовать с непосредственной поддержкой 2, как и ранее.

7. Полку противовоздушной обороны 102 — прикрывать корпус во время подготовки к форсированию, затем — непосредственно во время форсирования (для этой цели орудия придётся вынести вперёд) и в конце концов — прикрывать предмостные укрепления.

8. Разведка:

а) Воздушная разведка: эскадрильями в районах Шарлевиль — Торн — Сен-Реми — Ле-Шесн — Соммот — Пульи — Тетэнь — Франшваль.

б) Наземная разведка: дивизиями в указанных им секторах.

9. Радиосвязь: батальону связи 90 поддерживать телефонную и радиосвязь с 1-й, 2-й и 10-й бронетанковыми дивизиями и радиосвязь с группой фон Клейста и XLI армейским корпусом. Поддерживать контакт между штабом корпуса и штабами дивизий во Вринь-о-Буа (2-я

бронетанковая дивизия), Флэньо (1-я бронетанковая дивизия) и Живонне (10-я бронетанковая дивизия).

10. Штаб корпуса: Бельво, после 12.00 — Ла-Шапель.

Гудериан

1-я танковая дивизия

Оперативный отдел

13.05.1940, 12.00

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ № 5

О НАСТУПЛЕНИИ ЧЕРЕЗ МЁЗ 13.05.1940

1. В результате ожесточённых боёв 12 мая XIX армейский корпус отбросил неприятеля за Мёз практически по всему фронту корпуса. Ожидается упорное сопротивление противника по линии Мёза.

2. 13 мая основной удар нашего наступления на запад лежит в секторе группы фон Клейста.

Цель группы — захват переправ через Мёз между Монтерме и Седаном. Почти все военно-воздушные силы Германии будут поддерживать эту операцию. В ходе восьмичасовых непрерывных бомбардировок оборона французов на Мёзе будет сломлена. За ними последует форсирование реки XIX армейским корпусом в 16.00.

3. XIX армейскому корпусу — произвести необходимую подготовку в предварительно выделенном секторе в течение утра и первой половины дня, чтобы быть в состоянии занять переправы через Мёз на участке между устьем Бара и Базелем в 16.00.

4. Наступление будет проводиться следующим образом:

а) правая атакующая группа: 2-я бронетанковая дивизия между Арденнским каналом и излучиной Мёза (не включая их).

б) центральная атакующая группа: усиленная 1-я бронетанковая дивизия, пехотный полк «Великая Германия» и штурмовой инженерный батальон 43.

Между излучиной Мёза (включая её) и Торси (включая его).

в) Левая атакующая группа: 10-я бронетанковая дивизия между Седаном и Базелем.

5. Границы:

те же, со следующими исключениями:

правая граница с 2-й бронетанковой дивизией: от Шеери до Сингли (10 километров к западу от Шеери — Пуа-Террон (населённые пункты — в зоне 1-й бронетанковой дивизии);

левая граница с 10-й бронетанковой дивизией: та же.

6. Задача:

2-й бронетанковой дивизии выступить со своего плацдарма в 16.00, атаковать через Мёз и занять высоты южнее Доншери. Затем дивизии свернуть сразу же на запад, пересечь Арденнский канал вплоть до излучины Бара включительно и отбросить фронт противника вдоль Мёза, наступая правым крылом на Бутанкур, и левым — на Сапонь и Фошер.

1-й бронетанковой дивизии, с полком «Великая Германия» под командованием, быть готовой к наступлению к 16.00. Очистив от неприятеля излучину Мёза, пробиваться к дороге Бельво — Торси. Затем дивизии приступить к наступлению на высоты Буа-де-ла-Марфе и пробиваться к линии Шеери — Шомон.

Подразделениям задачи остаются те же, час х и час у теперь можно игнорировать. Внезапная атака силами К1 начнётся в 16.00.

10-й бронетанковой дивизии, совместно с 1-й бронетанковой дивизией, занять ключевые точки на восточной окраине Седана и укрепиться к этому времени на плацдарме в секторе Седан — Базель. Дивизии атаковать через Мёз в 16.00 и занять высоты от Нуайе-Пон-Мажис до Пон-Мажис.

7. Артиллерийскому командованию 101 (таблицу подчинения батальонов см. в приложении) подготовиться к форсированию Мёза и поддерживать наступление дивизии в соответствии с огневым планом.

8. Взаимодействие с военно-воздушными силами: схема взаимодействия с авиацией, как во времени, так и в пространстве, приведена в прилагаемом расписании и на карте с указанием площадей бомбометания.

102-й зенитный полк на данное время переводится под командование корпуса для прикрытия форсирования реки.

9. Расписание форсирования остаётся тем же, что и в прилагаемом приказе по дивизии.

10. Разведка и радиосвязь: те же.

Позывные, серия С, изменяются следующим образом:
Пехотный полк «Великая Германия» — Шойзаль
Артиллерийское командование 101 — Нойбау
Артиллерийский полк 49 — Ташеншпицер
I наблюдательный батальон — Цигельштайн
I батальон пехотного полка «Великая Германия» — Эшенхольц
II батальон пехотного полка «Великая Германия» — Анденкен
III батальон пехотного полка «Великая Германия» — Мисмушель
IV батальон пехотного полка «Великая Германия» — Офенрор
Штурмовой инженерный батальон 43 — Монокель.

11. Снабжение:

а) Пункт распределения боеприпасов: 1 миля восточнее Фе-ле-Венёр, сохранять готовность.

б) Пункт распределения горючего: в северной части лесов Нуарфонтен, быть в готовности к 17.00 13.05.1940. Получит примерно половину от общих расчётных затрат.

в) Главный перевязочный пункт: Корбион.

г) Ремонт машин: с полудня 13.05 одна рота механиков должна быть готова к работе в Бертриксе.

Пункт замены запчастей группы фон Клейста переехал в Рединген (Люксембург).

д) Пункт концентрации военнопленных: остаётся Иль, и к югу от Мёза — Френуа. Обязанности по охране возлагаются на стрелковую бригаду.

12. Штаб дивизии: до начала наступления — пункт 360, 2 мили к северу от Сен-Манж. По мере осуществления атаки штаб дивизии будет продвигаться вперёд вдоль указанной линии.

Дополнение к дивизионному приказу № 5 от 13 мая 1940 года

**ОСОБЫЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ПРИКАЗ
НА ФОРСИРОВАНИЕ МЁЗА 13.05.1940**

1. На артиллерийское командование 101 возлагается ответственность за проведение необходимой артиллерийской подготовки к форсированию Мёза.

2. Распределение артиллерии на время артподготовки и осуществления атаки:

а) Со 2-й бронетанковой дивизией: Артиллерийский полк 74, за исключением III (тяжёлого) батальона.

б) С 1-й бронетанковой дивизией: Артиллерийское командование 101. Подразделения противопехотной артиллерии: артиллерийский полк 73 с батальонами I–III.

Подразделения подавления артиллерии противника и осуществления главного удара: артиллерийский полк 49, с II батальоном артиллерийского полка 45, II батальон артиллерийского полка 69, III батальон артиллерийского полка 74, III батальон артиллерийского полка 90 и батальон тяжёлой артиллерии 616.

В распоряжении артиллерийского командования: I наблюдательный батальон, мортирный батальон.

в) С 10-й бронетанковой дивизией: артиллерийский полк 90, за исключением III (тяжёлого) батальона.

3. Артиллерийское наблюдение:

а) Наблюдательные пункты артиллерии, приданной 2-й и 10-й танковым дивизиям, должны выбираться с таким расчётом, чтобы, как минимум, один батальон каждой из этих дивизий мог наблюдать за сектором 1-й танковой дивизии.

б) Наблюдение осуществляется I наблюдательным батальоном.

I наблюдательный батальон должен быть расположен таким образом, чтобы вести наблюдение в секторах G, H, L, M и D.

в) Наблюдение осуществляется военно-воздушными силами:

Самолёты — наводчики артиллерийских дивизий получают свои распределённые задачи от авиации, но подчиняться будут непосредственно артиллерийскому командованию 101 (1-й бронетанковой дивизии).

Два артиллерийских самолёта — наводчика 4/армейской разведки 31 перейдут под командование артиллерийского полка 49 с 10.00.

4. Задачи артиллерии:

См. огневой план артиллерийской поддержки наступления.

ОГНЕВОЙ ПЛАН ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЯ 13 МАЯ 1940

I-я бронетанковая дивизия					
Этап битвы	Временной период	Пехота	Оружие для разрушительного огня	Артиллерия	Авиация
Подготовка к форсированию Мёза	08.00—15.00	Цели в районе К	Доты и укрепления вдоль Мёза в Глэр и Торси	а) поддержка предстоящей операции путем обстрела целей в районах К и L. б) подавляющий огонь вдоль линии Мёза в) огонь по дотам г) противотанковый и противотанковый огонь в районах G, H, L, M и O	См. расписание. Вторая группа огневой поддержки. а) разрушение жилых массивов в районах G, H, L, M, O б) бомбардировка артиллерийских позиций
Подготовка к форсированию Мёза	15.00—15.50	Как выше	Огонь по дотам вдоль Мёза	а) концентрированный огонь в местах переправ б) обстрел целей в районах К и L в) противотанковый и противотанковый огонь	
Непосредственно перед форсированием	15.50—16.00	Концентрированный огонь в местах переправ	Как выше	Концентрированный огонь в местах переправ	См. расписание. Вторая группа огневой поддержки должна разрушить деревни Глэр и Торси. Атаки на цели в районе L 1—7
Начало переправы и штурма	С 16.00	Поддержка пехоты	Огонь по дотам перед и после переправы	Поддержка пехоты в секторе дивизии	См. расписание

Примечание: с 16.00 до 16.30 мортирному батальону пустить дымовую завесу вдоль дороги Глэр—Торси, с 17.30 до 18.30 — вдоль дороги Бельво—Торси.

Управление артиллерией по всему корпусу будет осуществляться артиллерийским командованием 101, пока дивизии не пересекут линию от высот южнее Доншери — Буа-де-ла-Марфе до высот в районе Нуайе-Пон-Мажис.

Цели: как распределено (см. карту распределения целей).

Дополнение к приказу по дивизии № 5

РАСПИСАНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ МЁЗ 13.05.1940

Время	Воздушные войска	Наземные войска
08.00		Подготовка к форсированию Мёза. Артиллерии действовать согласно плану ведения огня
08.00—12.00	Подавляющие бомбардировки секторов В I и С I	Подготовка к форсированию Мёза при поддержке с воздуха. Артиллерии действовать согласно плану ведения огня
12.00—16.00	Концентрированные разрушительные бомбардировки секторов А I, В I и С I	Продолжение и завершение подготовки. Артиллерии действовать согласно плану ведения огня
16.00—17.30	Переключение подавляющих атак на сектора А II, В II, С II и заводы в районе Музона. Бомбардировки силами пикирующих бомбардировщиков в секторах В I и С I	Неожиданное форсирование
17.30 до заката	Атаки по возможным целям в зонах неприятеля в секторах А II, В II и С II	Захват подмостного укрепления
Ночь	Подавляющие атаки на дороги, ведущие на север и восток из Ирсона, Лаона, Ретеля, Вузьера и Стенэ, и атаки любого транспорта, замеченного на этих дорогах	Построение моста. Переброска через реку танков и артиллерии

*10-я бронетанковая дивизия
Оперативный отдел
№ 5
13.05.1940*

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

О НАСТУПЛЕНИИ ЧЕРЕЗ МЁЗ, 13.05.1940

1. В результате ожесточённых боёв 12 мая XIX армейский корпус отбросил неприятеля за Мёз практически по всему фронту корпуса. Ожидается упорное сопротивление противника по линии Мёза.

2. 13 мая основной удар западной кампании лежит в секторе группы фон Клейста.

Цель группы — захват переправ через Мёз между Монтерме и Седаном. Почти все военно-воздушные силы Германии будут поддерживать эту операцию. В ходе восьмичасовых непрерывных бомбардировок оборона французов на Мёзе будет сломлена.

3. XIX армейский корпус произведёт необходимую подготовку в предварительно выделенном ему секторе в течение утра и первой половины дня, чтобы быть в состоянии занять переправу через Мёз на участке между устьем Бара и Базелем к 16.00. После осуществления форсирования будет установлено предмостное укрепление на участке Бутанкур — Сапонь — Шеери — Нуайе-Пон-Мажис.

10-я танковая дивизия атакует в 16.00 13 мая, форсирует Мёз в секторе Седан южный — Базель (включительно) и берет высоты в Нуайе-Пон-Мажис.

Граница с зоной 1-й бронетанковой дивизии проходит по линии: развилка в трёх километрах южнее Буйона — Иль — центральный мост через Мёз в Седане (все пункты — в зоне 1-й бронетанковой дивизии) — южный мост через Мёз в Седане — Нуайе-Пон-Мажис (все пункты — в зоне 10-й бронетанковой дивизии) — Бюльсон — Стонн (все пункты — в зоне 1-й бронетанковой дивизии).

4. Наступление будет осуществляться следующим образом:

справа: атакующая группа 10-й стрелковой бригады.

Командующий: командир 10-й стрелковой бригады.

Подразделения: стрелковый полк 86.

1-я рота инженерного батальона 41 с 90 малыми и 45 большими капоковыми плотами.

2-я рота инженерного 49 батальона (за исключением одного взвода) в качестве инженерно-штурмового отряда.

Противотанковый учебный батальон 90 (за исключением одной роты).

1-я батарея тяжёлого зенитного батальона 36 (за исключением одного орудия).

1-я и 2-группа стрелкового полка 69.

Командующий: командир стрелкового полка 69.

Подразделения: 69-й стрелковый полк.

1-я рота инженерного батальона 49 с 90 малыми и 45 большими капоковыми плотами.

Один взвод 2-й роты инженерного батальона 49 в качестве инженерно-штурмового отряда.

Одна рота противотанкового учебного батальона 90.

Одно орудие тяжёлого зенитного батальона 36.

Граница между зонами правой и левой атакующих групп: восток от Живонны — восток от Балана — запад от Пон-Мажис — восток от Нуайе-Пон-Мажис — восток от фермы Бо-Менил.

5. Задачи:

правой и левой атакующим группам подготовиться к штурму в своих секторах ко второй половине дня 13 мая; сконцентрировать войска поддержки и начать боевые действия в отношении дотов и укрепленных точек на Мёзе, а также целей в своих секторах атаки. Атакующие группы приготовят свои атакующие клинья перед Мёзом таким образом, чтобы быть готовыми к атаке через Мёз к 16.00. Для этой цели следует максимально использовать период авиационной бомбардировки.

Правой атакующей группе за первую цель принять укрепленные пункты западнее Вадланкура, затем повернуть на юг, очистить от неприятеля укрепленные пункты южнее Вадланкура и занять Нуайе-Пон-Мажис и высоты, находящиеся непосредственно к западу от него.

Левой атакующей группе занять Пон-Мажис и укрепленные пункты к востоку от него, с точкой основного удара на правом фланге и во взаимодействии с правой атакующей группой, затем принять за цель дорогу Нуайе-Пон-Мажис.

6. Командующим атакующими группами установить, под руководством офицеров, подготовительные рубежи для штурмовых подразделений, правой атакующей группе — для частей, которые будут переправляться по понтонному мосту.

7. Артиллерийскому полку 90 (за исключением I батареи артиллерийского батальона 105) оказать поддержку атаке в

соответствии с планом ведения огня. В поддержку каждой из атакующих групп выделить по одному батальону.

8. Частям инженерных батальонов 41 и 49, не прикрепленным к атакующей группе, собраться в 16.00 с района к северу от Ла-Шапель и двинуться оттуда на Мёз, как приказано командиром инженерного батальона 41, и построить там переправы, а позднее — мост.

Планируется построить мост в южной части Седана.

9. 1-й батарее батальона противовоздушной обороны 71 прикрывать подготовку к форсированию Мёза с основным приложением сил в секторе правой атакующей группы. Третьей батарее батальона ПВО 55 прикрывать передвижение танковой бригады.

10. Разведка:

а) Воздушная: 3/армейской разведке 14 производить воздушную разведку в районе дорог Доншери — Шемери — Танне — Брюэлль — Во — Пули — Тетэнь — Франшваль.

Индивидуальные задачи выполнять по особым приказам.

б) Наземная: танковому разведывательному батальону 90 держать наготове две разведывательные группы в распоряжении дивизии в районе севернее Ла-Шапель.

11. Радиосвязь:

Танковому батальону 90 связи поддерживать радиосвязь как ранее, как с атакующими группами, так и с командованием операций по строительству мостов. Обеспечить по договорённости с ответственными за переправу офицерами три линии связи с тремя местами переправы. Связистам атакующих частей переправиться через Мёз в первых рядах пехоты.

12. Управление передвижениями:

дорога Мортан — Ла-Шапель передаётся в полное распоряжение III дорожной комендатуры и танковой бригады; дорога Ла-Шапель — Седан (позднее Вадланкур) — в распоряжение IV дорожной комендатуры и разведывательного батальона 90.

13. Резерв дивизии:

4-й танковой бригаде находиться наготове в резерве в лесу Бель-Вире с 17.00, позднее — в районе к востоку от Ла-Шапель. Командиру бригады находиться в штабе дивизии.

14. Главный перевязочный пункт: ферма Ла-Вире (0,5 мили к югу от Ла-Шапель).

15. Штаб дивизии: Пре-Сен-Реми.
Передовой штаб дивизии: высоты юго-западнее Живонны.
Шааль

Приложение 7

Штаб XIX армейского корпуса
Оперативное управление
Лес под Ла-Шапель, 13.05.1940, 22.30

1. С французской стороны в обороне Мёза задействованы только одна крепостная бригада и артиллерия. Они уже потрёпаны.
2. Из наших подразделений к настоящему моменту переправились через Мёз и достигли указанных районов следующие:
3. 2-я бронетанковая дивизия — юго-западнее Доншери.
4. 1-я бронетанковая дивизия — на северной опушке леса Буа-де-ла-Марфе.
5. 10-я бронетанковая дивизия — Вадланкур.
6. Дивизиям продолжать наступление со всей возможной энергией и усилить уже переправившиеся через реку части всеми доступными подразделениями. Дивизиям по обоим флангам за основное направление удара принять внутренние фланги своих зон и усилить таким образом тесное взаимодействие.
7. Дивизиям занять свои цели в соответствии с проведёнными учениями, за исключением 10-й бронетанковой дивизии, которой наступать только до района к востоку от Бюльсона, а затем повернуть на запад.
8. 2-й бронетанковой дивизии наступать через Бутанкур на Пуа-Террон.
9. 1-й бронетанковой дивизии наступать через Вандресс — Ле-Шен и левым флангом — вдоль Эны до Ретеля.
10. 10-й бронетанковой дивизии на данное время прикрывать левый фланг вдоль указанной линии.
11. Штабу корпуса оставаться на данный период в Ла-Шапель.

Приложение 8

*Штаб XIX армейского корпуса
Оперативное управление
Лес под Ла-Шапель, 14.05.1940, 21.00*

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ № 5 НА 15 МАЯ 1940

1. Сегодня корпус разбил две французские дивизии, имевшие танки и другое тяжёлое вооружение. Захвачены тысячи пленных.

2. Наступление будет продолжено 15 мая 1940. Наши войска будут наступать из уже захваченного района в западном направлении и достигнут первичной цели — линии Васиньи — Ретель.

3. Задачи:

а) 2-й бронетанковой дивизии — выдвинуть сильный левый фланг через Бульзикур и Пуа-Террон, продвигаться южнее Пети-Форе до линии Васиньи — Сери.

б) 1-й бронетанковой дивизии — наступать через линию Синьли — Омон и достичь линии Сери — Ретель.

Границы: Шеери — Синьли — Ла-Орнь-Мазерни (в зоне 1-й) — Фиссо (в зоне 2-й) — Дровизи (в зоне 1-й) — Сери (в зоне 2-й).

Время выступления для обеих дивизий будет назначено позднее.

в) 10-й бронетанковой дивизии, с пехотным полком «Великая Германия», приданным временно ей под командование, прикрывать левый фланг корпуса вдоль линии Арденнский канал — Стоннские высоты — излучина Мёза южнее Вильмонтри. Занять эту линию и подготовить её к обороне.

4. Артиллерийскому командованию 101, в составе которого — II батальон 45-го артиллерийского полка, батальон 616 тяжёлой артиллерии, II батальон 69-го артиллерийского полка и II батальон 1-го — оставаться под командованием 1-й бронетанковой дивизии. То же

касается и мортирного батальона, хотя он на настоящее время и остаётся в своём районе расположения.

5. Разведка:

область разведки для XIX армейского корпуса:

Шарлевиль — Розой — Монкорне — река Монкорне — дорога на Нёфшато — железная дорога Нёфшато — Пон — Фаверже — Гранпре — Дюн — Музон.

Граница:

между бронетанковым отрядом и 4/армейской разведкой 31: Ле-Шен — Аттиньи — Бланзи — Нёфшато;

между 4/армейской разведкой 31 и 3/армейской разведкой 31: Ле-Шен — Гранпре.

Задача 4/армейской разведки 31:

установить, перемещает ли противник войска по дорогам, лежащим в зоне разведывательных действий в направлении фронта и флангов 1-й бронетанковой дивизии. Отчитываться перед штабом корпуса и 1-й бронетанковой дивизией.

Дивизиям произвести разведку в своих секторах наступления:

а) прямо по ходу — до линии Монкорне — Нёфшато,

б) по правому флангу — до линии Шарлевиль — Ирсон,

в) по левому флангу — до линии Вузье — Реймс.

10-й бронетанковой дивизии произвести разведку до линии Клермон — Верден.

С учётом ограниченности ресурсов под разведку производить разведку только основных маршрутов наступления.

Гудериан

<i>Приложение 9</i>

Штаб XIX армейского корпуса

Оперативное управление

Суаз, 16.05.1940

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ № 7 НА 17 МАЯ 1940

1. Противостоящий 1-й и 2-й бронетанковым дивизиям противник в очередной раз разбит и отступает по всему фронту.

XIX армейский корпус достиг района западнее Монкорне всеми своими силами. Передовые части движутся по направлению к Уазе между Ориньи и Амежикуром.

XIV армейский корпус, следуя во втором эшелоне, прикрывает левый фланг вдоль Эны.

2. XIX армейскому корпусу продолжать наступление в северо-западном направлении 17 мая, обходя Сен-Кантен и Перонн. Выступать в 9.00.

3. Наступление осуществлять следующим образом (маршруты см. в приложении 1):

а) справа: 2-я бронетанковая дивизия через линию Ориньи — Рибемон вдоль маршрутов 1 и 2;

б) слева: 1-я бронетанковая дивизия через линию Мезьер-на-Уазе — Амежикур вдоль маршрутов 3 и 4.

4. 10-й бронетанковой дивизии снова заступить под наше командование. Следовать позади левого крыла вдоль ранее перечисленных (16 мая) маршрутов 2 и 3 до Нуаркура. Затем отправить свою левофланговую колонну через Дизиле-Гро, Клермон-Пьеррепон, Амежикур. Затем следовать маршрутом 4 в соответствии с приложением 1.

Освободить дорогу для правофланговой колонны.

5. 2-й мотопехотной дивизии перейти под командование XIV армейского корпуса.

6. Разведка: см. приложение 2.

7. Штаб корпуса: первоначально Суаз (3 мили восточнее Монкорне), затем перемещаться вдоль маршрутов 2 и 3.

Подпись: *Гудериан*

Приложение 10

Штаб XIX армейского корпуса

*Оперативный отдел
Суаз, 18.05.1940, 00:45*

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ № 8 НА 18 МАЯ 1940

1. Сегодня противник продолжал наступать на юго-запад. Очевидно, он удерживает места переправ через Сомму. Он предпринимает также одиночные танковые атаки с направления Лаона по направлению к Монкорне через Клермон и Ла-Виль-о-Буа.

2. XLI армейский корпус наступает на Камбре.

Граница с XLI армейским корпусом: Сен-Гобер — Нойвилет — Норой — Гузокур (все в зоне XLI корпуса) — Бапом (в зоне XIX корпуса).

3. XIX армейскому корпусу атаковать из предмостных укреплений на Уазе в 05.30 18.05.1940 в направлении Бапома. Первая цель — установить предмостные укрепления по линии: высоты северо-западнее Белликура — восточнее Виллере-ле-Вержье — Вендель — Флешан — Пуили — Тертри — Монши — Фальви.

4. Задачи дивизий:

а) 2-й бронетанковой дивизии атаковать с предмостных укреплений в Ориньи и Рибемоне, занять места переправ через Сомму по обе стороны от Моркура и безотлагательно занять высоты между Виллере и Ле-Вержье. Сен-Кантенский мост захватить внезапной атакой, весь остальной город занять посредством проникновения с тыла небольших отрядов. Следует принять все предосторожности, чтобы избежать боя в городе.

б) 1-й бронетанковой дивизии: атаковать с предмостных укреплений в Безьере и Амежикуре, занять места переправ через Сомму по обе стороны от Кастра и сразу же пробиваться к высотам по обе стороны от Пуили.

Примечание к а) и б): обеим дивизиям атаковать так же, как атаковали через Мёз. С самого начала обеспечить сильную артиллерийскую поддержку с целью подавить все попытки неприятеля организовать оборону. Использовать все возможности для занятия переправ внезапной атакой. В связи с этим с самого начала атаки перебросить через Уазу усиленные разведывательные подразделения.

в) 10-й бронетанковой дивизии следовать за левым флангом корпуса по обозначенным ниже дорогам. Прикрывать левый фланг

корпуса, в первую очередь — направление Лаона, затем — вдоль Серы, канала Кроза и Соммы. Очистить от неприятеля правый берег канала и Соммы, занять мосты и приготовиться к их разрушению.

Граница между зонами 2-й и 1-й бронетанковых дивизий: Марей (2-я) — Шатильон (1-я) — Фокузи (2-я) — Парпвиль — Рибемон — Сен-Кантен — Файе — Мэсеми (все в зоне 2-й дивизии) — Вендель — Марке — Темплуа — Муаслен — Ранкур — Комбле — Флёр — Варланкур (все в зоне 1-й).

5. Разведка: см. приложение.

Во избежание смешения частей перед предположительно намеревающимися обороняться населёнными пунктами вдоль Соммы наземным разведывательным частям выступать самое позднее за полчаса до выступления основных сил. Основные усилия разведки 1-й и 2-й дивизий прилагать по левому флангу.

6. Полку противовоздушной обороны 102 прикрывать плацдармы и переправы через Уазу с 05.30 и позже передислоцироваться на Сомму.

7. Штаб корпуса — на начало атаки, 05.30 — Вилле-ле-Сек.

Подпись: *Гудериан*

Дороги, выделяемые 10-й бронетанковой дивизии:

а) Эрлон — Ла-Ферт — Шевреси — Амежикур — Серакур — Тертри — Перонн — Клери — Лонжево;

б) Дерси — Креси — Ашери — Вендель — Артам — Санкур — Перонн — далее как а).

Дополнение к приказу по корпусу № 8 на 18.05.1940

Линия бомбардировок:

Аррас — Бапом — река Сомма вплоть до Ама — железная дорога Ла-Фер — Лаон — Ретель (включая все населённые пункты).

Приложение 11

Штаб XIX армейского корпуса

Оперативный отдел

Вилле-ле-Сек 18.05.1940

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ № 9 НА 19 МАЯ 1940

1. Противник отступает с севера в юго-западном направлении. Тяжёлые бои продолжаются в районе нашего правого фланга и правого фланга XLI армейского корпуса. Возле Сен-Кри на Сомме, севернее Перонна и на Бухавенских высотах обнаружены англичане. В районе Ама, Жюсси, Ремины и Кеси противник отступил на другую сторону Соммы вечером 18 мая.

2. Группа фон Клейста продолжает наступать по направлению к Бапому, и её передовые отряды достигли линии Камбре — Перонн.

Передовые отряды XLI армейского корпуса достигли линии Камбре — Мец-ан-Кутюр.

Граница с XLI армейским корпусом: Сен-Гобер — Нови-лье — Левержье — Гузокур (XLI) — Бапом — Берль-о-Буа — Зомбрен (XLI) — Маньикур (XLI).

Главкомандующий сухопутными силами полностью одобряет дальнейшее наступление группы фон Клейста.

3. XIX армейскому корпусу продвигаться вперёд 19 мая 1940 года и в первую очередь достичь линии Финс-Перонн силами 1-й и 2-й бронетанковых дивизий. Там занять предмостное укрепление на Канал-дю-Норд и наступать по направлению к Ле-Месни — Клери.

Форсировать Канал в 14.00.

Также корпусу в ночь с 18 на 19 мая установить предмостное укрепление на Сомме в районах Перонна и Ама, чтобы дать Верховному командованию возможность в своё время повернуть на юго-запад.

4. Задачи дивизий:

а) 2-й бронетанковой дивизии форсировать Канал между Эканкуром и Мананкуром. Занять высоты вокруг Ле-Месни и резко повернуть на юг на участке к западу от дороги на Перонн, способствуя, таким образом, наступлению 1-й бронетанковой дивизии.

б) 1-й бронетанковой дивизии форсировать Канал по обе стороны от Муаслена, прилагая основное усилие на северном крыле. Затем пробиваться к высотам южнее Ранкура и повернуть во фланг и в тыл противнику, удерживающему высоту севернее Перонна.

Примечания к а) и б):

артиллерийскую подготовку обеим дивизиям составить артиллерийскому командованию 101 в соответствии с планом бомбометания. После разгрома противника установить предмостное укрепление: Эканкур — Ле-Месниль — Сельи — Сельи-сель — Ранкур — Клери. Предпринять меры по подготовке этого предмостного укрепления к обороне.

Граница между зонами 2-й и 1-й танковых дивизий: западная окраина Сен-Кантена — Пайе — Мэсеми — Монтиньи — Руазель — Эзекур — Буа-де-Во — южная окраина Буа-Сен-Пьер-Ва (все пункты в зоне 2-й танковой дивизии) — Комбле — Флёр — Варланкур (все пункты в зоне 1-й танковой дивизии).

1-й танковой дивизии, как уже было сказано устно, занять вечером 18-го и удерживать предмостные укрепления западнее Перонна по линии: Биаш — Ла-Мезонет — Бельво — Фарм.

в) 10-я танковая дивизия несёт ответственность за охрану левого фланга силами подразделений, высылаемых на блокирование переправ через реки Сомму и Серу. Предположительно такова будет задача дивизии до вечера 19 мая. Противника, переправившегося в районах Ама, Жюсси, Реминьи и Кесси, отбросить назад на южный берег канала Сен-Катен рано утром 19 мая. Блокировать мосты или разрушить их, в соответствии с уже данными в устной форме указаниями.

В районе Ама установить и удерживать предмостное укрепление от моста к западу от Эппвиля — до Мэль-Вильет-Галан.

Основные силы дивизии будут перемещаться через Уазу в районе Эссиньи-ле-Гран, чтобы сделать возможным форсирование Соммы в северо-западном направлении.

5. Военно-воздушные силы поддержат атаку 1-й бронетанковой дивизии бомбёжкой сооружений и лесистой местности вокруг Бушавена, Муаслена и Ранкура в период с 13.45 до 14.00. Форсировать Канал немедленно по окончании бомбометания.

Линии бомбометания:

а) Аррас — Альбер — Ройе — Бойон — Берри-о-Бак,

б) линия Северного канала.

6. Разведка:

а) Воздушная разведка в районах Ле-Като — Камбре — Аррас — Дульен — Амьен — Мондидье.

Район будет прямыми указаниями поделён между 4/армейской разведкой 31 и бронетанковыми отрядами.

б) Наземная разведка силами 2-й и 1-й танковых дивизий до линии бомбометания в секторе Окур — перекрёстки в шести километрах к северо-востоку от Несль — Ройе — Нойон — Шони.

Противовоздушная оборона: полку ПВО 102 использовать всю мощь для прикрытия наступления двух дивизий на свои плацдармы, форсирования Канала и установки предмостных укреплений. Будут выделены подразделения для прикрытия передвижения 10-й бронетанковой дивизии и её защиты на новом месте расположения.

8. Рапорты: рапортовать о прибытии на плацдарм для атаки и об успешном её проведении.

9. Батальону связи 80 установить радиосвязь между дивизиями и проложить телефонный провод между штабом корпуса и штабами дивизий.

10. Штаб корпуса с 13.00 19 мая 1940 — лес Ольнон.

Подпись: *Гудериан*

Приложение 12

Штаб XIX армейского корпуса Оперативный отдел

Вилье-ле-Сек

18.05.1940, 13.00

1. С учётом положений приказа по корпусу № 8 о защите флангов корпуса силами 10-й бронетанковой дивизии вдоль реки Серы и канала Соммы между Фальви и Мортьер передать в распоряжение 10-й бронетанковой дивизии в 16.00 18 мая следующие соединения:

инженерный полк 511, в составе которого

инженерный батальон 666

инженерный батальон 49

инженерный батальон 37

инженерный батальон 41 (позднее сменит инженерный батальон

37)

противотанковый учебный батальон 10-й бронетанковой дивизии.

Командирам этих батальонов отчитываться перед штабом 10-й бронетанковой дивизии, Ренансартом.

2. 10-й бронетанковой дивизии решить, по согласованию с командиром инженерного полка 511, какие мосты разрушить, а какие — лишь подготовить для разрушения.

Решения принимать по следующему принципу: мосты, не имеющие большого значения и лишь требующие траты сил на охрану, — взорвать; мосты, необходимые для оперативного перемещения (наступления), не взрывать.

Командующему инженерным полком 511 передать в штаб корпуса, через 10-ю бронетанковую дивизию, свой план по блокировке и разрушению, с картами.

3. 10-й бронетанковой дивизии удерживать основные силы на этой стороне канала, западнее Уазы. Лишь небольшие силы перебросить на дальнюю сторону для проведения разведки вплоть до линии Нойон — Куси-ле-Шато — Лаон.

4. Район южнее железнодорожной линии Несль — Ам — Ла-Фер — Лаон — Нёфшато является целью бомбометания. Любым войскам, попадающим в этот район, иметь чёткие опознавательные знаки для авиации.

Подпись: *Гудериан*

Приложение 13

Штаб XIX армейского корпуса

Оперативный отдел

Сен-Марвиль

19.05.1940, 24.00

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ № 10 НА 20 МАЯ 1940

1. Противник на фронте корпуса разбит. Он пытается прорваться из Бельгии на юго-запад.

2. XIX армейский корпус продолжает безостановочный натиск на северо-запад, к устью Соммы и побережью Ла-Манша.

Справа от корпуса наступает XLI армейский корпус. Границы: между 2-й бронетанковой дивизией и 1-й бронетанковой дивизией: Комбле — Лонжеваль — Позьер — Варенн — Пушевиль — Канаплъ — Фликскур — Сомма (все пункты в зоне 1-й бронетанковой дивизии) — Дрель — Уаземон (пункты в зоне 2-й бронетанковой дивизии) — устье Лигар. Левая граница 1-й бронетанковой дивизии: Сомма.

3. В 6.00 дивизиям наступать из мест своего расположения и дойти до Соммы.

2-й бронетанковой дивизии — до линии к северу от Соммы — Фликскур (не включая его). Направление основного удара — Абвиль.

1-й бронетанковой дивизии — Фликскур (включая его) — устье Авра (восточнее Амьена). Направление основного удара — Амьен.

4. 10-й бронетанковой дивизии — двигаться всеми доступными силами на Перонн и сменить 1-ю бронетанковую дивизию. В свою очередь, сама дивизия будет сменена в части охраны левого фланга 29-й мотопехотной дивизией. Когда это произойдёт, 10-я бронетанковая дивизия будет прикрывать сектор Соммы, от устья Авра до Перонна, пока её и там не сменит 29-я мотопехотная.

5. Командование:

а) пехотный полк «Великая Германия» вновь поступает под командование корпуса. Он подчиняется 10-й бронетанковой дивизии. Полк достигнет района Сен-Кантен во второй половине дня и далее будет продвигаться под командованием дивизии.

б) Учебный бронетанковый разведывательный батальон снова помещается под командование XIX армейского корпуса. Планируется, что он будет использоваться на левом фланге.

в) 1-я рота тяжёлого противотанкового батальона 8 достигла Аттиньи в 06.00 по дороге в Комбле.

6. Дивизиям произвести разрушение железнодорожных путей следующим образом:

разрушение железных дорог, лежащих по правую руку от границ зоны корпуса, разрушать 2-й бронетанковой дивизии;

разрушение железных дорог, лежащих по левую руку от границ зоны корпуса, разрушать 1-й бронетанковой дивизии.

7. Разведку дивизиям осуществлять на большое расстояние в своих секторах: 10-й бронетанковой дивизии производить разведку южнее Соммы вплоть до Амьена, а затем — южнее Амьена — Мольен — Орсой — Омаль.

Граница разведывательной зоны: Ле-Трепо — Омаль — Пуа—Конти — Морель— Несль.

8. Штаб корпуса будет следовать за 1-й бронетанковой дивизией вдоль дороги Верман — Руазель — Тинкур — Темп-луа — Муаслен вплоть до Комбле. Впоследствии он переместится в Альбер.

Подпись: *Гудериан*

*Штаб XIX армейского корпуса
Оперативный отдел*

Дополнение к приказу по корпусу № 10 на 20 мая 1940

1. Особые указания по воздушной разведке:

воздушную разведку производить в районе Камбре — Аррас — Авесн — Эсдан — Этаплъ — побережье Ла-Манша — Дьепп — Нёфшато — Гранвиль — Эльи — Несль.

Каждой эскадрилье прислать одного офицера к 06.00 20 мая в штаб дивизии (эскадроны уже проинструктированы по радио).

Все способные к службе «Хенкели-126» 4/армейской разведки 31 переходят с 06.00 20 мая под командование 2/армейской разведки 23. Два «шторьха» пусть придут в штаб корпуса, чтобы поступить в распоряжение штаба к 06.00 20 мая.

2. Особые указания по противовоздушной обороне.

Полку ПВО 102 обеспечить защиту от:

а) атак переправ через Анкр с большой и малой высоты. Для этих целей выделить по одному смешанному батальону на каждый сектор дивизии;

б) танков на переправах через Сомму между Перонном и Амьеном. Для этих целей выделить один смешанный батальон плюс одну батарею лёгкого зенитного батальона 91;

в) атак с малой высоты и танков в Комбле и Амьене силами лёгкого зенитного батальона 91.

Приложение 14

Штаб XIX армейского корпуса

Оперативный отдел

Альбер

20.05.1940, 16.30

1. По достижении Соммы дивизиям перейти в оборону — в следующих секторах:

2-й бронетанковой — между Абвилем и устьем Ньевр;

1-й бронетанковой — между устьем Ньевр и устьем Анкр; 3-й бронетанковой — между устьем Анкр и Перонном (включительно).

2. Дивизиям установить предмостные укрепления в своих секторах в следующих пунктах: Абвиль, Конде-Фоли, Корби, Бре и Перонн. Мосты подготовить к разрушению.

3. Все прочие переправы тоже подготовить к разрушению и перевести технику на северный берег.

Железную дорогу возле Абвиля, южнее Ле-Этуаль, во Фликскуре и под Амьеном — разрушить.

Мосты, кроме защищённых предмостными укреплениями, перечисленных в п.2, — блокировать.

Разрушать мосты только непосредственно в случае атак неприятеля.

4. Ответственность за выполнение указаний из п.3 в зоне корпуса возложить на командира инженерного полка 511 полковника Мюллера, который находится в непосредственном подчинении штаба корпуса и будет выполнять задачу по взаимодействию с дивизиями.

5. Всё оснащение будет поставлено в Перонн и распределено полковником Мюллером.

6. Штаб корпуса на 18.00 20 мая — либо Аллонвиль, в четырёх милях северо-восточнее Альбера, либо Керьо. Квартирмейстерское отделение: Пон-Нойель.

От командования корпуса начальник штаба

Подпись: *Неринг*

<i>Приложение 15</i>

Штаб XIX армейского корпуса

Оперативный отдел

Керьо, 20.05.1940

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ № 11 НА 21 МАЯ 1940

1. В сегодняшних боях мы одержали полную победу. По всему фронту противник отступает, временами переходя в бегство.

К 18.00 корпус достиг линии Сен-Рикьер — Муфлер — Амьен — Перонн.

Расположение 6-й бронетанковой дивизии неизвестно. 8-я бронетанковая дивизия в 16.45 находилась севернее Дульена.

2. Корпусу удерживать достигнутую линию вдоль Соммы (см. приказ от 20.05.1940, 16.30).

Кроме того, дивизиям очистить от неприятеля свои зоны между Соммой и Оти вплоть до Бапома.

Основные силы дивизиям использовать севернее Соммы, так, чтобы быть готовыми разбить противника, прорывающегося с севера.

Дивизиям произвести необходимую перегруппировку к полудню 21 мая и сообщить о своей новой дислокации.

Дальнейшие точки назначения:

а) в связи с этим основные силы 10-й бронетанковой дивизии переместить на участки вокруг Альбера и западнее него;

б) пехотный полк «Великая Германия» уже получил, через 10-ю бронетанковую, свои приказы переместиться этой ночью (с 20 на 21 мая) в район к югу от линии Тьевр — Ам и обеспечить в этом секторе переправу через Оти.

Штаб полка: Бове.

Полк передаётся под командование 1-й бронетанковой дивизии с 09.00 21 мая.

3. Дивизиям и вернувшемуся под наше командование бронетанковому разведывательному учебному батальону очистить от противника и оборонять следующие зоны:

а) бронетанковому разведывательному учебному батальону: северо-западнее дороги Абвиль — Эсдан (не включая её) до побережья. Батальон прибывает в течение 21 мая. Штаб: Отвиле;

б) 2-й бронетанковой дивизии: оттуда до линии устье Ньевр — Дульен (не включая его);

в) 1-й бронетанковой дивизии: оттуда до линии Амьен — Куанье (включая оба пункта);

г) 10-й бронетанковой дивизии: оттуда до линии Перонн — Бапом (включительно).

Линию прикрытия снабдить минимальным личным составом.

4. Воздушную разведку проводить по прямым указаниям из штаба корпуса.

Наземную разведку — от предмостных укреплений до линии Лепрепо — Омаль — Конти — Норейль — Шольне.

Ответственность за противовоздушную оборону — на 102-м полку ПВО.

Батальону связи 8 обеспечить связь между дивизиями.

Штаб корпуса: Керью-Шато.

Подпись: *Гудериан*

Приложение 16

Штаб XIX армейского корпуса

Оперативный отдел

Сен-Керью

21.05.1940, 21.00

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ ПО КОРПУСУ № 12 НА 22 МАЯ 1940

(вступает в силу только после кодовой команды «Абмарш Норд»)

1. Противник, окружённый в Бельгии и Северной Франции, продолжает оказывать ожесточённое сопротивление и пытается прорваться на юг. Его части эвакуируются морским путём.

2. XIX армейскому корпусу повернуть на север из области Абвиль — Амьен — Перонн — Дульен — река Оти 22 мая 1940 и наступать через линию Эсдан — Этапль, направляя правый фланг на Сен-Омер, а левый — вдоль побережья на Булонь.

3. Передовым частям форсировать Оти в 8.00 следующим образом:
справа: 10-я бронетанковая дивизия.

Центр: 1-я бронетанковая дивизия с артиллерийским командованием 101 и пехотным полком «Великая Германия» под командованием.

Слева: 2-я бронетанковая дивизия.

4. Распределение дорог.

5. Охрану мостов в секторе Соммы между Сен-Валери и Корби (не включительно) осуществлять силами 2-й мотопехотной дивизии. Смену занимающихся этим в настоящий момент частей танковых дивизий начать осуществлять 21.05.1940 в 22.00, в соответствии с прямой договорённостью между танковыми дивизиями и 2-й мотопехотной дивизией. Закончить смену к 05.00 22 мая 1940.

а) Временно передать под командование 2-й мотопехотной дивизии следующие части:

1) бронетанковый разведывательный учебный батальон в секторе Сен-Валери — Абвиль (не включительно). Позже батальон будет сменён частями 2-й мотопехотной дивизии и снова поступит под непосредственное командование корпуса;

2) штаб инженерного полка 511 (полковник Мюллер) с инженерными батальонами 41 и 666. Они будут заменены в течение 22 мая 1940 года и снова поступят под непосредственное командование корпуса.

Инженерный батальон 37 (в настоящее время задействованный между Конде-Фоли и Амьеном) будет сменён инженерным батальоном

32. 3-я рота бронетанкового инженерного батальона 37 переходит в дальнейшем под командование 1-й бронетанковой дивизии.

б) 2-й бронетанковой дивизии обеспечить, чтобы все дороги были очищены для передвижения танковых дивизий к 05.00 22 мая 1940.

в) Мосты через Сомму подготовить для разрушения, и разрушать только в случае опасности потерять их в результате атаки неприятеля. Мосты на предмостных укреплениях в Абвиле, Конде-Фоли, Пикийи и Амьене разрушать только в случае крайней необходимости.

г) Наземную разведку осуществлять силами 2-й мотопехотной дивизии вплоть до линии реки Ла-Бресль — Омаль — Конти.

д) 10-ю бронетанковую дивизию в секторе Перонн — Корби постепенно сменять силами 13-й мотопехотной дивизии, начать смену в 17.00 21 мая 1940. После этого дивизии собраться северо-западнее и западнее Альбера.

К 13.00 22 мая 1940 полностью очистить дорогу Альбер — Амьен и рапортовать в штаб XIV армейского корпуса по завершении.

6. Разведка: см. дополнение 2.

7. Противовоздушная оборона: см. дополнение 2.

Штаб корпуса будет перемещаться следующим образом:

дорога Керьо — Амьен-Норд — Сен-Кен — Ошпьер-на-Оти — далее в северо-западном направлении вдоль долины Оти — Арголь, там остановится, затем проследует через Буа-Жан — Монтрей — леса в Ла-Валь-Глориан. О дальнейших перемещениях будет извещено дополнительно.

Подпись: *Гудериан*

Группа фон Клейста

Оперативный отдел

Авринкур

21.05.1940, 22.30

ПРИКАЗ ПО ГРУППЕ № 12 НА 22 МАЯ 1940

1. В Северной Франции и Бельгии отрезано от тридцати до сорока дивизий противника. Следует ожидать с их стороны попыток прорваться в южном направлении.

2. Группе фон Клейста отражать все атаки противника на линию Тинке — Сен-Поль — Эсдан — Этапль.

В случае получения особого распоряжения группе перейти в наступление и окончательно разгромить противника.

3. Границы: между корпусом Гота и группой фон Клейста: прежние до Авеен-ле-Комт — Тинке — Диваль — Ваметц — Сен-Омер (все пункты в зоне группы фон Клейста).

Граница между зонами XLI и XIX корпусов: Эсдан — Девр — Маркиз (все пункты и дороги в зоне XIX корпуса).

4. Задача:

XLI армейскому корпусу наступать в своём секторе. Собрать все силы на правом фланге. В его распоряжение передаётся дивизия СС. Использовать эту дивизию для охраны флангов с востока.

XIX армейскому корпусу наступать в своём секторе.

10-й бронетанковой дивизии немедленно поступить в распоряжение группы в районе западнее Дульена (прислать офицера в штаб группы для получения приказов).

Обоим корпусам обеспечить как можно быстрее артиллерийский обстрел гаваней в Кале и Булони. XIV армейскому корпусу взять на себя все обязанности по охране тылов вдоль Соммы от Перонна до устья реки. Удерживать линию Соммы, расширять установленные предмостные укрепления. Подготовить мосты через Сомму для разрушения, но взрывать только в том случае, если удерживать их станет невозможно перед лицом усиленных атак неприятеля.

V армейскому корпусу обеспечить смену 29-й мотопехотной дивизии вдоль Соммы между Перонном и Сен-Симоном силами 62-й и 87-й пехотных дивизий. Удерживать Сомму. Все силы неприятеля, всё ещё находящиеся на северном берегу, по прибытии пехотных дивизий отбросить за реку.

5. Линии бомбометания:

в секторах атаки осуществлять бомбометание только по целям, обозначенным командованием корпуса, или по отступающим колоннам неприятеля, чётко определённым как таковые. Линия бомбометания — в девяти километрах южнее Соммы.

6. Полк связи, и так далее.

7. Командование: 9-я бронетанковая дивизия поступает под непосредственное командование группы фон Клейста и

передислоцируется в район Дульена.

8. Штаб группы: на 10.00 — Лушо, четыре мили северо-восточнее Дульена.

Подпись: (нечитаема)

Приложение 17

*Группа фон Клейста
Оперативное управление
Лушо
22.05.1940, 22.50*

ПРИКАЗ ПО ГРУППЕ № 13 НА 23 МАЯ 1940

1. 22 мая в секторах XIX и XLI армейских корпусов достигнуты большие успехи. Противник оказывал группе Гота усиленное сопротивление и несколько раз переходил в этом секторе в контратаку.

Следует ожидать дальнейших попыток прорваться со стороны неприятельских сил, окружённых в Северной Франции и в Бельгии.

2. Группе фон Клейста 23 мая занять Булонь и Кале, установить предмостные укрепления в секторе Эр-Сен-Омер — Гравлин и обеспечить таким образом возможность повернуть на восток и полностью разгромить противника.

3. Задачи:

XLI армейскому корпусу — наступать на север, установить как можно быстрее предмостные укрепления в районе Эр и Сен-Омера и перегруппироваться таким образом, чтобы быть готовым к полудню 23 мая наступать из предмостных укреплений на восток.

XIX армейскому корпусу — занять Булонь и Кале, установить предмостные укрепления между Момлином (2,5 мили севернее Сен-Омера) и Гравлином, перегруппироваться таким образом, чтобы быть готовым к вечеру 23 мая наступать из предмостных укреплений на восток.

XIV армейскому корпусу продолжать выполнение задач, перечисленных в приказе по группе № 12.

4. Границы:

точная граница между XLI армейским корпусом и группой Гота пока не установлена. Ожидать дальнейших оповещений по радио.

Граница между XLI и XIX армейскими корпусами от Эс-дина до дороги Булонь — Сен-Омер остаётся неизменной: от дороги Булонь — Сен-Омер — Колембер — Сен-Момлин (2,5 мили севернее Сен-Омера). Все пункты включаются в зону XIX армейского корпуса.

5. Командование:

а) дивизия СС Ферфюнгс помещается под командование группы Гота с 23 мая;

б) 9-я бронетанковая дивизия переводится в резерв 4-й армии.

6. Линия бомбометания до полудня 23 мая: район восточнее линии Бетюн — Кассель — Берг (включая населённые пункты) свободен для бомбометания.

7. Полку связи проложить осевую аксиальную линию через XLI армейский корпус до Сен-Омера.

8. Штаб группы остаётся в Лушо.

Подпись: *Фон Клейст*

Приложение 18

Штаб XIX армейского корпуса

Оперативный отдел

Шато-Сен-Колембер

25.05.1940, 11.00

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ № 13 НА 25 МАЯ 1940

1. Булонь в наших руках, в Кале продолжаются бои. На фронте Канала от Сен-Омера до Гравлина небольшие силы противника продолжают оказывать упорное сопротивление.

Группа фон Клейста удерживает линию Канала — Эр-Гравлин, XLI армейский корпус — предмостное укрепление на Сен-Омере.

2. XIX армейский корпус удерживает линию, достигнутую 25 мая. Корпусу — оборонять сектор Канала Сен-Момлин — Гравлин, включая уже установленные предмостные укрепления, и охранять от неприятельского десанта побережье Ла-Манша.

Овладеть Кале 25 мая.

Частям дивизий и корпусов дать отдых всем не задействованным в операции частям и использовать передышку в наступлении для ремонта и восстановления всех видов, чтобы как можно быстрее вновь обрести полную оперативную эффективность.

3. Задачи:

а) на фронте Канала: 1-й бронетанковой дивизии оборонять линию Канала между Сен-Момлином и устьем Канала и Пти-Вальд.

С этой целью под командование передаются пехотный полк «Великая Германия» и дивизия Лейб-штандарт СС «Адольф Гитлер», уже ведущие бои между Сен-Момлином и Ольк.

б) На фронте побережья: между Пти-Вальд и устьем Оти охранять побережье от высадки неприятельского десанта. Существующие сооружения береговой обороны подготовить для отражения атак с моря.

Для этой цели задействовать:

справа — 10-ю бронетанковую дивизию между Пти-Вальд и Одресселем (включая оба);

слева — 2-ю бронетанковую дивизию между Одресселем (не включая его) и устьем Оти.

Бронетанковый разведывательный учебный батальон для этой цели взять под командование. Поручить ему сектор между устьем Канш и Оти и к утру 26 мая достичь Мерлимона, в пяти километрах южнее Этабль.

4. Границы:

а) с XLI армейским корпусом — Куломби — Журни — Тильк — Сен-Момлин — Вимесель (все в ведении XIX армейского корпуса);

б) между 1-й и 10-й бронетанковыми дивизиями — Девр — Набринен (оба в зоне 1-й) — Гин (в 10-й) — Пти-Вальд (в 1-й);

в) между 10-й и 2-й бронетанковыми дивизиями — Замер — Бентун — Одрессель (все в зоне 10-й);

г) с XIV армейским корпусом — линия реки Оти.

5. 11-й стрелковой бригаде, с 18.00 24 мая поступающей под командование корпуса, достичь лесистой местности севернее Девра 25 мая и далее находиться в распоряжении корпуса.

Задачи на 25 мая:

разоружить противника в районе Парижа — Плаге. Атаковать Кап-Гри-Нех и овладеть этим укрепленным местом.

6. Артиллерии корпуса:

после овладения Кале артиллерийскому командованию 101 и артиллерии корпуса (II батальон, артиллерийский полк 45, батальон тяжелой артиллерии 616) вернуться в непосредственное распоряжение корпуса. Разместиться в районе Лике — Эрбинген — Бэнэн — Окунинен.

7. 1-му полку безопасности поступить в распоряжение 1-й бронетанковой дивизии в 16.00 25 мая.

8. Разведку проводить до бельгийской границы.

9. Подготовить к разрушению все переправы через Канал между Момлином и Гравлином. Производить разрушения только по прямому приказу из штаба корпуса или в случае крайней необходимости.

10. Противовоздушная оборона: в соответствии с особым приказом.

11. Штаб корпуса: Шато-Колембер.

Квартирмейстерское отделение: Ле-Вас.

Подпись: *Гудериан*

Приложение 19

Штаб XIX армейского корпуса

Оперативный отдел

Шато-Колембер

26.05.1940, 12.15

**ПРИКАЗ О СМЕНЕ 1-Й БРОНЕТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ
СИЛАМИ 20-Й МОТОПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ**

1. 20-я мотопехотная дивизия снова поступила в распоряжение корпуса и подтягивается с юга. С сегодняшнего дня эта дивизия начнёт сменять 1-ю бронетанковую (в том числе и пехотный полк «Великая Германия») в секторе Ольк— Гравлин — прибрежный сектор до точки севернее Пти-Вальд.

Дивизии Лейб-штандарт СС «Адольф Гитлер» оставаться в своём расположении и перейти под командование 20-й мотопехотной дивизии.

Группа фон Клейста считает особо важным, чтобы передача командования произошла в течение сегодняшней ночи.

2. 1-й бронетанковой дивизии, по осуществлении смены, собраться в районе по обе стороны дороги Саме — Монтрей (включая обе деревни), таким образом, чтобы быть готовыми к быстрому броску как на юг, так и на север.

Штабу размещения следовать первым! Извещать о расположении штаба дивизии!

Важно, чтобы 1-я бронетанковая дивизия достигла своего нового расположения как можно быстрее, чтобы осталось время на отдых и ремонт техники.

3. Штаб корпуса: Ле-Фресной, 0,5 мили юго-восточнее Альметун.
Квартирмейстерское отделение: Ле-Вас.

От командования корпуса начальник штаба

Подпись: *Неринг*

Приложение 20

Штаб XIX армейского корпуса

Оперативное управление

Шато-ле-Фресной

26.05.1940, 20.00

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ № 14 НА 27 МАЯ 1940

1. Противник удерживает сектор канала Аа.

2. Группе фон Клейста атаковать утром 27 мая, левым крылом XLI армейского корпуса (6-й или 3-й бронетанковой дивизией) из района Сен-Омер через Кассель на Поперин.

3. XIX армейскому корпусу атаковать силами 20-й мотопехотной дивизии через сектор, удерживаемый дивизией Лейб-штандарт СС «Адольф Гитлер», ось наступления — Ваттан — Вормхуд.

4. Задачи:

под командование 20-й мотопехотной дивизии передаются следующие соединения:

Артиллерийское командование 101

Дивизия Лейб-штандарт СС «Адольф Гитлер»

Пехотный полк «Великая Германия», со II батальоном артиллерийского полка 56

Батальон тяжёлой артиллерии 616

Третий батальон тяжёлой артиллерии артиллерийского полка 74

Третий батальон артиллерийского полка 677 (стрелковая бригада 11)

Лёгкий батальон ПВО 91 (только на период атаки).

Дивизии двигаться — как приказано ранее. Командирам прибыть в штаб Лейб-штандарт, Эперлек, в 20.00 26 мая.

Дивизии атаковать с предмостного укрепления Ваттан— Сен-Пьер и овладеть господствующими высотами восточнее Ваттана. Направить сильный правый фланг через Арнк — Ледрингем в Эзеель.

Усиленному пехотному полку «Великая Германия» прикрывать левый фланг атаки, наступая на Дринхам, и занять высоту в районе Крошт — Питгам. Затем повернуть на север.

2-му батальону артиллерийского полка 56 1-й бронетанковой дивизии даны указания по взаимодействию с полком; более точные приказы на этот счёт будут получены через артиллерийское командование 101.

Наступление пехотного полка «Великая Германия» со своего плацдарма поддерживать в дальнейшем артиллерийскому полку 73.

3-му батальону артиллерийского полка 677 принять участие только в подготовительном обстреле. Затем оставаться на восточном берегу в расположении стрелковой бригады 11.

Ожидается прибытие длинноствольной артиллерии из Дюнкерка.

Штаб дивизии: первоначально Эперлек.

Время атаки: час X.

5. Воздушная разведка: комбинированные эскадрильи 4/армейской разведки 31 и 2/армейской разведки 23 в районе Сен-Омер — Поперин — Берн — побережье вплоть до Гравлина. Восточнее франко-бельгийской границы разведку осуществлять силами 3/дальнего радиуса 31.

6. На полк противовоздушной обороны 102 возлагается ответственность за прикрытие района сбора для атаки западнее Ваттана. Ему же — прикрывать войска во время атаки.

7. Полку связи 80 — проложить линию связи в Эперлек.

8. Резерв корпуса. Стрелковой бригаде 11 находиться в готовности к выступлению с места своей дислокации в час X+1. Изучить дороги, ведущие к Каналу. Командиру — явиться в штаб корпуса.

9. По получении данного приказа 20-й мотопехотной дивизии выделить двух офицеров с машинами в штаб корпуса.

10. Штаб корпуса: Шато-ле-Фресной. К началу атаки командир корпуса будет находиться в Эперлеке.

Подпись: *Гудериан*

Дополнение к приказу по корпусу № 14

На 16.00 27 мая в силу вступает следующая командная цепь:

Атаку осуществлять следующим образом:

справа: 20-я мотопехотная дивизия, с дивизией Лейб-штандарт СС «Адольф Гитлер» под командованием; слева: 2-я бронетанковая дивизия с пехотным полком «Великая Германия» под командованием;

11-я стрелковая бригада;

4-я бронетанковая бригада.

Граница: между зонами 20-й мотопехотной дивизии и 2-й бронетанковой дивизии (стрелковой бригадой 11): Меркеен—Зегерскаппе — Респед (все в зоне стрелковой бригады 11).

От командования корпуса начальник штаба

Подпись: *Неринг*

Приложение 21

*Штаб XIX армейского корпуса
Оперативный отдел
Шато-Луше
28.05.1940, 23.15*

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ № 15

1. XIX армейский корпус будет 29 мая сменён XIV армейским корпусом. Время передачи командования — 10.00. 2-я и 1-я бронетанковые дивизии в течение дня будут сменены 9-й бронетанковой дивизией. Смена будет произведена в соответствии с инструкциями, разработанными XIV армейским корпусом.

Нижеперечисленные части остаются на своих местах и переходят под командование XIV армейского корпуса:

стрелковая бригада пехотный полк «Великая Германия»
полк Лейб-штандарт «Адольф Гитлер»
батальон тяжёлой артиллерии 740 тяжёлый батальон 607
(временно) армейские разведывательные отряды XIX армейского корпуса.

3. По завершении смены частей сделать всё необходимое для полного восстановления оперативной боеспособности дивизий.

4. Дислоцировать дивизии в следующих районах:

1-я бронетанковая: Одрюи (включительно) — Ардр (не включая) — Лике — Алькин — Куломб — Водриньем — Люмбр (все включительно);

10-я бронетанковая: Ардр (не включая) — Гинее — Ринсан — северная опушка леса восточнее Бэнетун (все включительно) — Ле-Ва-Колембер — Лике (все не включая);

2-я бронетанковая: Лике — Колембер (оба не включая) — лес восточнее Алькин (включая деревни) — дорога через Жойри на Лике (не включая).

Всем дивизиям занять своё расположение таким образом, чтобы быть наготове и для контратаки в восточном направлении, и для марш-броска в южном.

5. Дивизиям обеспечить размещение своим лёгким батальонам ПВО и подготовить место для размещения тяжёлых батальонов ПВО — по одному в каждый дивизионный сектор. Согласовать с командиром полка ПВО 102.

6. Танковые бригады могут выдвигаться в свои новые зоны утром 29 мая 1940 года, при условии, что командиры дивизий сочтут условия на своих соответствующих фронтах тактически удовлетворительными.

7. Расположение штабов дивизий сообщить в штаб корпуса к 12.00 19 мая 1940 года по телефону, чтобы батальон связи 80 мог произвести необходимые работы.

Возражений против того, чтобы штаб 10-й бронетанковой оставался на прежнем месте, нет.

8. Штаб корпуса на данный момент в Шато-Луше, квартирмейстерское отделение — в Ландрестуне.

От командования корпуса Начальник штаба

Подпись: *Неринг*

Приложение 22

*Фюрер и Верховный главнокомандующий
вооружёнными силами
Верховное главнокомандование вооружённых сил
Штаб оперативного руководства
Отдел обороны страны
№ 33408/40
Сов. секретно
Ставка фюрера
18.12.40 г.*

ДИРЕКТИВА № 21 ОПЕРАЦИЯ «БАРБАРОССА»

Германские вооружённые силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании ещё до того, как будет закончена война против Англии (операция «Барбаросса»).

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил — высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушения восточных областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концентрация усилий ВВС на востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры боевых действий и районы размещения нашей военной промышленности были надёжно прикрыты от налётов авиации противника и наступательные действия против Англии и особенно против её морских коммуникаций отнюдь не ослабевали.

Основные усилия военно-морского флота должны также и во время восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против Англии.

Приказ о стратегическом развёртывании вооружённых сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, поскольку они ещё не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15 мая 1941 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны. Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться, исходя из следующих основных положений.

I. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путём быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии

совершать налёты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний промышленный район, остающийся у русских на Урале, можно будет уничтожить силами авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, не способным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

II. Предполагаемые союзники и их задачи

1. В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии.

Верховное главнокомандование вооружённых сил в соответствующее время согласует и установит, в какой форме вооружённые силы обеих стран при их вступлении в войну будут подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы сковать противника в своём секторе и нести вспомогательную службу в тыловых районах.

3. Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развёртывание немецкой северной группы войск (части 21-й группы), следующей из Норвегии, и действовать с ней совместно. Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко.

4. Следует считать возможным, что к началу операции шведские железные и шоссейные дороги будут предоставлены для использования немецкой северной группе войск.

III. Проведение операций

А) Сухопутные силы. (В соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне.)

Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее её и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с Северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

И только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Важнейшей задачей 21-й группы также и в течение восточной кампании остаётся оборона Норвегии. Имеющиеся сверх этого силы (горный корпус) следует использовать на севере прежде всего для обороны области Петсамо и её рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана. Затем эти силы должны совместно с финскими войсками продвинуться к Мурманской железной дороге, чтобы нарушить снабжение Мурманской области по сухопутным коммуникациям.

Будет ли такая операция осуществлена более крупными силами немецких войск (2–3 дивизии) из района Рованиemi и южнее его, зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги в наше распоряжение для переброски войск.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с продвижением немецкого северного фланга наступлением западнее или по обеим сторонам Ладожского озера сковать как можно большее количество русских войск, а также овладеть полуостровом Ханко.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах,

уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, ещё до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблин в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадет задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач.

На юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн.

На севере — быстро выйти к Москве.

Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла.

Б) Военно-воздушные силы.

Их задача будет заключаться в том, чтобы, насколько это будет возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия русских военно-воздушных сил и поддержать сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях.

Это будет прежде всего необходимо на фронте центральной группы армий и на главном направлении южной группы армий.

Русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции должны перерезаться или выводиться из строя посредством захвата наиболее близко расположенных к району боевых действий важных объектов (железнодорожные мосты) смелыми действиями воздушно-десантных войск.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против вражеской авиации и для непосредственной поддержки сухопутных войск не следует во время операции совершать налёты на объекты военной промышленности. Подобные налёты, и прежде всего против Урала, встанут в порядок дня только по окончании манёвренных операций.

В) Военно-морской флот.

В войне против Советской России ему предстоит задача, обеспечивая оборону своего побережья, воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из Балтийского моря. Учитывая, что после выхода к Ленинграду русский Балтийский флот потеряет

свой последний опорный пункт и окажется в безнадёжном положении, следует избегать до этого момента крупных операций на море.

После нейтрализации русского флота задача будет состоять в том, чтобы обеспечить полную свободу морских сообщений в Балтийском море, в частности снабжение по морю северного фланга сухопутных войск (траление мин).

IV. Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определённо исходить из того, что речь идёт о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию в отношении нас.

Число офицеров, предназначенных для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальные сотрудники, привлечение которых необходимо, должны приступать к работе как можно позже и знакомиться только с теми частными сторонами подготовки, которые необходимы для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности.

Иначе имеется опасность возникновения серьёзнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых ещё не назначены.

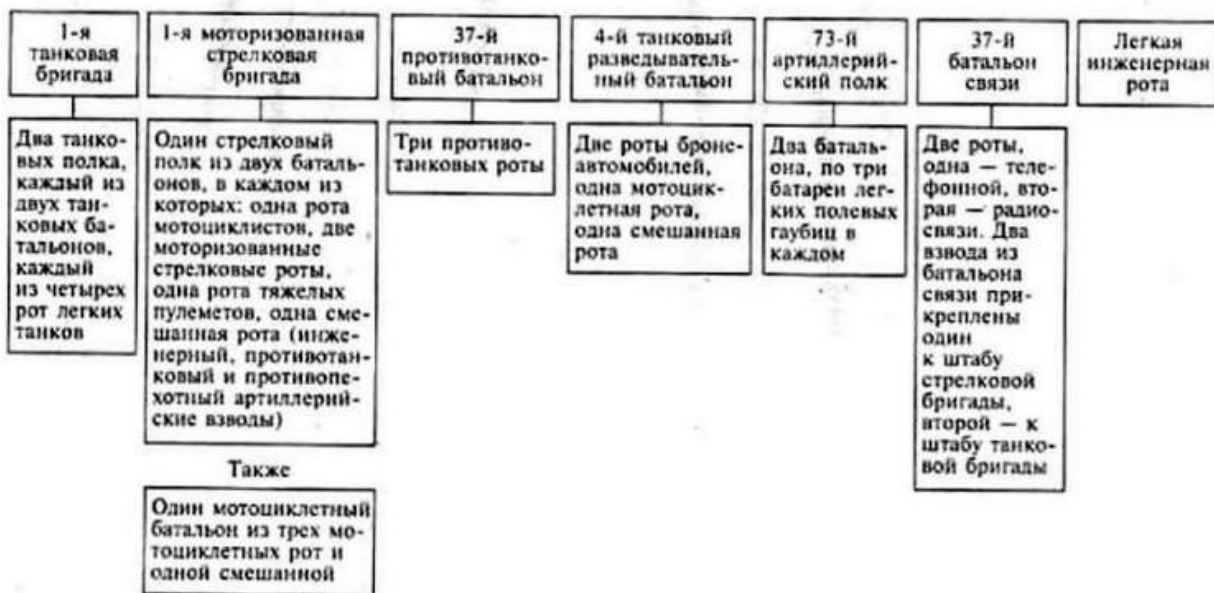
V. Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве.

О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооружённых сил и о ходе их выполнения докладывать мне через Верховное главнокомандование вооружённых сил.

Гитлер

СОСТАВ ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ НА 15.10.1935

1-я бронетанковая дивизия

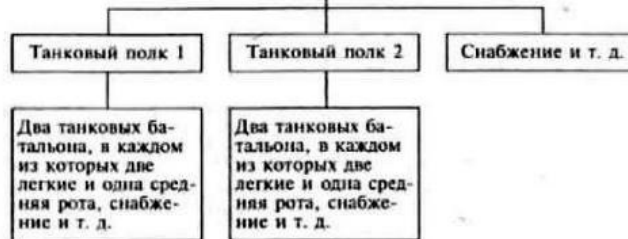
СОСТАВ 1-Й БРОНЕТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ НА 09.05.1940

1-я бронетанковая дивизия

а)

Танковая бригада 1

б)

Стрелковая бригада 1

в)

Противотанковый батальон 37

г)

Танковый разведывательный батальон 4

д)

Артиллерийский полк 73

Приложение 25

ОРГАНИЗАЦИЯ КОМАНДОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА 1944 ГОД

Указаны лишь наиболее значительные офицеры. Ваффен-СС и министерство вооружений и военной промышленности подчинялись непосредственно Гитлеру.

ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ

notes

Примечания

Мюнхенские железнодорожные чиновники были весьма любезны и сообщили мне, что по единодушным показаниям рабочих, служивших там во время марша в Австрию, никаких специальных поездов не покидало Германию в направлении Вены. В любом случае такое передвижение требовало бы единого управления германской и австрийской железных дорог, которого ещё не существовало. За день до проникновения на территорию Австрии отряды пехоты высаживались, концентрируясь рядом с границей, возле Берхтесгадена, Фрайляссинга и Зимбаха, а пустые поезда тут же возвращались в Германию, за следующими подразделениями. На второй день операции специализированные военные поезда могли уже продвигаться до Зальцбурга, и так продолжалось вплоть до третьего дня, только тогда они смогли продолжить путь в Вену.

В связи с приказом по корпусу об атаке через Мёз следует отметить, что выполнение приказа было крайне облегчено тщательной тренировкой дивизий перед началом западной кампании. В ночь с 12 на 13 мая 1940 года дивизии разослали командирам своих подразделений приказы, начинавшиеся словами «Осуществить наступление в соответствии с учебно-тренировочной задачей от...». Только благодаря этой тщательной предварительной разработке оказалось возможным в сжатые сроки подготовить атаку. В учебно-тренировочные планы пришлось внести лишь небольшие изменения.

Эти два предварительных приказа были основаны на приказах из ранее состоявшихся в Кобленце учений. Они служили директивой, пока не были изданы окончательные приказы по наступлению через Мёз.